

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 482. Сентябрь

• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 482. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Шмелева С.А.** Влияние больших данных на принятие решения о мерах поддержки бизнеса в период пандемии Covid-19: кейс Санкт-Петербурга 5
Кришталь М.И., Шчекотуров А.В. ЕС vs ЕАЭС: молодежь российского эксклава о перспективах и барьерах международного сотрудничества 18

ФИЛОЛОГИЯ

- Азарова В.Н., Жилиякова Н.В.** Популяризация литературы о воспитании детей и книг для детского чтения на страницах газеты «Томский справочный листок» (1894 г.) 27
Айзикова И.А. Эпистолярная дидактика В.А. Жуковского (на материале переписки с членами царской семьи) 36
Аль-Аббуди Мунтассир А.Н. Фокализация темы беды в творчестве А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.: рассказы «Горе» (1885), «Чужая беда» (1886), «Беда» (1886) и «Беда» (1887) 50
Бочкарев А.И. Цинизм как базовая ценность современного англоязычного комического дискурса 59
Каминская Ю.В. Письмо на карточках в эстетике и поэтике Л. Рубинштейна: генезис, биография, социокультурный контекст 67
Перевалова Е.В., Перевалов В.В. К вопросу о взаимоотношениях К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в 1870-е гг. 81

ФИЛОСОФИЯ

- Мерзляков С.С., Сухина Т.С.** Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации. Результаты интервью. Часть 1 90
Очеретяный К.А., Савчук В.В. Визуально-экологический поворот в оценке технической среды 98

ИСТОРИЯ

- Зиновьев В.П.** Хроника государственных объединений на территории России в период Революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) 104
Чуанья Цзюй, Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана 113
Кириллов А.К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов 125
Колева Г.Ю. Транспольная магистраль в освоении северо-западной части Западной Сибири (к 75-летию с начала строительства) 135
Рахматулина Е.Ю. Практики государственного управления в изобразительном искусстве 1930-х гг. (на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко) 149
Шульц Э.Э. Кубинская революция в свете ключевых вопросов теории революции 157

CONTENTS

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Shmeleva S.A.** The impact of big data on decision-making on business support measures during the COVID-19 pandemic: The case of St. Petersburg 5
Krishtal M.I., Shchekoturov A.V. EU vs EAEU: Youth of the Russian exclave on prospects and barriers of international cooperation 18

PHILOLOGY

- Azarova V.N., Zhilyakova N.V.** Popularization of literature on parenting and books for children's reading on the pages of the newspaper *Tomskiy spravochnyy listok* (1894) 27
Ayzikova I.A. Epistolary didactics of Vasily Zhukovsky (based on correspondence with members of the royal family) 36
Al-Abboodi Muntassir A.N. Focalization of the theme of trouble in Anton Chekhov's works of the second half of the 1880s: "Woe" (1885), "Other People's Misfortune" (1886), "In Trouble" (1886) and "In Trouble" (1887) 50
Bochkarev A.I. Cynicism as a basic value in modern English humorous discourse 59
Kaminskaya Yu.V. Writing on cards in Lev Rubinstein's aesthetics and poetics: Origin, biography, social and cultural context 67
Perevalova E.V., Perevalov V.V. On the relationship between Konstantin Pobedonostsev and Mikhail Katkov in the 1870s 81

PHILOSOPHY

- Merzliakov S.S., Sukhina T.S.** Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 1 90
Ocheretyany K.A., Savchuk V.V. An imago-ecological turn in the assessment of a technical reality 98

HISTORY

- Zinoviev V.P.** A chronicle of state associations on the territory of Russia during the Revolution and the Civil War (1917–1922) 104
Chuanya Ju, Yun S.M. The policy of the higher education internationalization in China and the development of educational cooperation between China and Uzbekistan 113
Kirillov A.K. The working style of the business tax distribution office and the tax inspector's personality in Tomsk Governorate in the early 20th century: The factor of an official in the epoch of income taxes formation 125
Koleva G.Yu. The Transpolar Railway in the development of the north-western part of Western Siberia (to the 75th anniversary of the beginning of construction) 135
Rahmatulina E.Yu. Public administration practices in the visual arts of the 1930s (on the example of the Taras Shevchenko Kazakh National Art Gallery) 149
Shults E.E. The Cuban Revolution in light of the key questions of revolution theory 157

ПЕДАГОГИКА

Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Трансформация образовательного процесса в иноязычной цифровой среде	163
Быков А.К., Борисова Т.С., Берлянд Ю.Б. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях	172
Глумова Е.П., Панченко Ю.Ю. Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей как средство развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата	182
Жураковская В.М., Фахрутдинова А.В., Оличева О.А. Инновационная технология комбинационного вида как технология педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося	192
Савинова А.Е., Шерайзина Р.М., Шустров А.С. Формирование патристически направленной профессиональной позиции будущих педагогов в современном вузе	206
Харланова Е.М., Сиврикова Н.В., Рослякова С.В., Циулина М.В. Удовлетворенность студентов педагогического вуза подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифрового общества	214
Yarotskaya L.V., Aleynikova D.V. Language pedagogy perspective for lawyers' intercultural communication	225

ПРАВО

Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Справочные правовые системы: как предопределить будущее, упорядочив прошлое	232
Денисова А.В. Проблемы квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)	239
Енгальчев В.Ф., Конева Е.В., Симонова С.В., Тарусина Н.Н. Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике	244
Коновалова Л.Г. Можно ли обеспечить в условиях демократии правление «лучших»?	252
Михеева И.В., Пронина Н.В., Логинова А.С. Винная монополия в России XVII–XIX вв.: фискальный и/или социальный интересы	259

PEDAGOGICS

Abramova I.E., Shishmolina E.P. Transformation of education in a foreign language digital environment	163
Bykov A.K., Borisova T.S., Berlyand Yu.B. Pedagogical conditions for the formation of value orientations in children when implementing upbringing programs in educational institutions	172
Glumova E.P., Panchenko Yu.Yu. Communicative and connective integration of social networking sites as a tool for development of undergraduate students' written conversational skills in a foreign language	182
Zhurakovskaya V.M., Fakhrutdinova A.V., Olicheva O.A. Innovative technology of a combination type as a technology of pedagogical support for the student's individuality development	192
Savinova A.E., Sheraizina R.M., Shustrov A.S. The formation of a professional and patriotic position of future teachers in a modern university	206
Kharlanova E.M., Sivrikova N.V., Roslyakova S.V., Tsiulina M.V. Pedagogical university students' satisfaction with preparation for interaction in educational activities in a digital society	214
Yarotskaya L.V., Aleynikova D.V. Language pedagogy perspective for lawyers' intercultural communication	225

LAW

Boldyrev V.A., Svarchevsky K.G. Legal reference systems: How to determine the future by ordering the past	232
Denisova A.V. Problems of qualifying Nazism rehabilitation (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)	239
Engalychev V.F., Koneva E.V., Simonova S.V., Tarusina N.N. The value of humanitarian expert appraisal in legal psychology and criminalistics	244
Konovalova L.G. Is it possible to ensure the rule of the "best" in a democracy?	252
Mikheeva I.V., Pronina N.V., Loginova A.S. Wine monopoly in Russia in the 17th–19th centuries: Fiscal and/or social interests	259

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/15617793/482/1

Влияние больших данных на принятие решения о мерах поддержки бизнеса в период пандемии Covid-19: кейс Санкт-Петербурга

Светлана Андреевна Шмелева¹

¹ Департамент прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, sashmeleva8@gmail.com

Аннотация. Рассматривается использование больших данных для борьбы с пандемией и ее экономическими последствиями на региональном уровне в контексте внедрения в Санкт-Петербурге QR-кодов для предпринимателей. Определена роль пандемии как «окна возможностей» для проведения политики массового сбора и использования больших данных, которая также позволила акторам среднего звена проявить инициативу и продвинуть собственные решения в региональную повестку.

Ключевые слова: большие данные, цикл принятия решений, концепция множественных потоков, государственное управление, меры поддержки, цифровые сервисы

Для цитирования: Шмелева С.А. Влияние больших данных на принятие решения о мерах поддержки бизнеса в период пандемии Covid-19: кейс Санкт-Петербурга // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 5–17. doi: 10.17223/15617793/482/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/1

The impact of big data on decision-making on business support measures during the COVID-19 pandemic: The case of St. Petersburg

Svetlana A. Shmeleva¹

¹ National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, sashmeleva8@gmail.com

Abstract. This article examines the use of big data in the decision-making process on measures to support small and medium-sized businesses in St. Petersburg during the COVID-19 pandemic. The theoretical novelty of this study lies in the demonstration of the use of big data to combat the pandemic and its consequences at the regional level. The research issue is considered in the context of introducing QR codes for entrepreneurs in St. Petersburg in order to control the requirements of safe activities during the pandemic. St. Petersburg was chosen as the region under study, since Moscow is closely connected with the federal government and does not fully reflect the regional peculiarities of the fight against the pandemic, at least because of the redundancy of resources in the capital. In turn, other regions of Russia are not as technologically advanced as St. Petersburg to demonstrate the use of big data during the COVID-19 pandemic. To determine the role of COVID-19 in accelerating the introduction of big data into the political process, I use the multiple streams framework in conjunction with the model of the political cycle. To study the very process of using big data, I focus on the actors in this process, their interests and values, namely, “data analysts” and “decision makers”. Thus, my model combines a case study from the point of view of a dynamic process with causal relationships and from the point of view of the actors involved in this process. To analyse the case, I used the method of included observation, which implies participation in several meetings on the development of measures to support enterprises, as well as the study of documents – resolutions of the Government of St. Petersburg, internal accounting documents and official websites. As a result, the case under review appears to be a clear illustration of a regional initiative in the fight against the COVID-19 pandemic and how big data has been used to overcome the economic impact of the pandemic at the regional level. The pandemic has not only become a “window of opportunity” for regional authorities to pursue their own policies in the fight against COVID-19, but also made it possible for middle-level actors to take the initiative and promote their own decision on the regional agenda. The case of St. Petersburg demonstrates that the process of digitalization using big data occurs not only from the top down through the implementation of the national strategy and not only from the bottom up through the integration of private digital services. Mid-level structures also influence the digitalization process through the promotion of their products and services, using “windows of opportunity”, such as the COVID-19 pandemic.

Keywords: big data, decision-making cycle, multiple streams framework, public administration, support measures, digital services

For citation: Shmeleva, S.A. (2022) The impact of big data on decision-making on business support measures during the COVID-19 pandemic: The case of St. Petersburg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/1

Введение

Пандемия Covid-19 нанесла серьезный удар по мировой экономике, спровоцировав самую глубокую за последние восемь десятилетий глобальную рецессию. В странах, где запоздало вводились меры по ограничению распространения вирусной инфекции, массовые вспышки заболевания и резкий спад объемов производства, потребительского спроса, уровня инвестиционной активности наблюдались в большей степени, чем в экономиках стран, которые действовали оперативнее, поскольку им приходилось устанавливать более жесткие ограничения и вводить дополнительные меры поддержки населения и бизнеса.

Распространение Covid-19 пришлось на активную фазу цифровой трансформации во многих странах мира и спровоцировало ускоренную реализацию накопленного потенциала использования информационных технологий. Одним из следствий пандемии Covid-19 оказался пересмотр действующей цифровой повестки, равно как и использование больших данных для принятия политических решений. Объем данных, полученных в результате наблюдения за общественным здоровьем и мониторинга вспышек эпидемий, позволил в короткие сроки принимать решения в области здравоохранения и государственного контроля распространения заболевания [1].

В статье ставится исследовательский вопрос: как большие данные использовались для разработки мер поддержки малого и среднего бизнеса в Санкт-Петербурге в период пандемии Covid-19. Новизна исследования заключается в демонстрации использования больших данных для борьбы с пандемией и ее последствиями на региональном уровне с фокусом на интересы акторов в процессе принятия решений. Речь идет о внедрении системы QR-кодов для предпринимателей.

В качестве исследуемого региона был выбран Санкт-Петербург, так как Москва тесно связана с федеральной властью и отражает региональные особенности борьбы с пандемией не в полной мере (хотя бы по причине избыточности ресурсов в столице). В свою очередь, другие регионы России не так технологически развиты для демонстрации использования больших данных в период пандемии Covid-19, как Санкт-Петербург.

Уникальность случая Санкт-Петербурга заключается и в том, что это единственный регион России, где система QR-кодов была установлена для *юридических лиц*. В других регионах, в том числе Москве, система QR-кодов подразумевала присвоение уникального кода *физическим лицам*, а именно всем вакцинированным гражданам [2]. Для преодоления экономических последствий пандемии на федеральном уровне была создана специальная информационная платформа, агрегирующая 42 действующие меры поддержки бизнеса, которыми могли воспользоваться предприятия

любого региона [3]. В Санкт-Петербурге помимо федеральных мер были предложены и собственные. Система QR-кодов в Санкт-Петербурге была направлена не только на контроль соблюдения предприятиями норм безопасности в период пандемии, но и на сбор данных для последующей разработки мер поддержки малого и среднего бизнеса города.

В первой части статьи концептуализируется понятие «большие данные», рассматривается их использование в процессе принятия политических решений и детально описывается подход к анализу политического процесса, объединяющий теорию политического цикла Г. Лассуэлла и теорию множественных потоков Д. Кингдона [4]. Первая часть завершается некоторыми особенностями применения данного подхода к российским реалиям, в том числе на региональном уровне. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению кейса Санкт-Петербурга по сбору и анализу данных через систему QR-кодов для предпринимателей, а также разработке на их основании мер поддержки малого и среднего бизнеса в период пандемии Covid-19.

Роль больших данных в процессе принятия политических решений

В этом разделе статьи дается определение понятию «большие данные», рассматривается их использование в процессе принятия политических решений и описываются подходы к анализу политического процесса.

Первые попытки российского (советского) осмысления значимости «больших данных» существовали еще в 70-х гг. XX в., когда в 1971 г. была поставлена задача применения электронно-вычислительной техники для поиска оптимальных экономических решений. Планировалось за пятилетие ввести в действие более 1 600 автоматизированных систем в разных сферах (сельское хозяйство, связь, торговля, транспорт) для создания «общегосударственной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной системы вычислительных центров и единой автоматической сети связи страны» [5]. Однако впоследствии проект претерпевал изменения и не был реализован по политическим и экономическим факторам ввиду своей дороговизны, а также ввиду бюрократических особенностей и сложностей внедрения технологий в государственную систему управления.

Современные авторы продолжают осмысление новых обстоятельств ввиду появления больших массивов данных и способов их обработки и дальнейшей имплементации их в систему государственного управления. Однако если количество зарубежных работ по теме «больших данных» и государственного управления исчисляется тысячами, а в узкой интересующей нас сфере – сотнями, то количество отечественной научной литературы значительно ниже.

По заданным нами в самом начале параметрам поиска было обнаружено 1 422 исследований, отвечающих требованиям, за последние 5 лет (см. рис. 1). Основной интерес вызывают вопросы о потенциальных угрозах конфиденциальности информации и о защите гражданских прав в цифровой среде [6]. К примеру, невозможно предугадать, каким образом полученная информация о пользователе (например, каким образом поставленный «л» в социальных сетях, данные GPS-навигатора или поисковые запросы в поисковых системах) может в дальнейшем отразиться на частной жизни пользователя. Когда пользователь соглашается с политикой конфиденциальности той или иной компании, с которой он взаимодействует, в силу наличия «подробных» договоров, отнимающих большее время на его прочтение, чем на саму операцию пользователя, и информации «под звездочкой», он не успевает в полной мере оценить возможные последствия использования вводимой им информации в своей частной жизни. Зарубежный и отечественный опыт внедрения использования

«больших данных» позволяет рассматривать эволюцию современного государства в условиях развития новых цифровых технологий во взаимосвязи с электронными [7]. Существуют примеры использования «больших данных» для прогнозирования преступности на определенных территориях. В России, например, массив данных, поступающих с видеокамер комплексной системы «Безопасный город» (информационно-аналитическая система, введенная в Москве), позволил раскрыть около 70% от общего количества раскрытых преступлений в 2014 г. Система, состоящая из множества взаимосвязанных друг с другом систем (транспортная, электро- и водоснабжения, телекоммуникационная), позволяет собирать множество данных, чтобы на их основе принимать оперативные требуемые решения [8]. Несмотря на позитивную оценку работы данной системы, нельзя не предположить возможное использование тех же данных в собственных интересах всеми участниками сбора, обработки информации и лицами, принимающими решения.

Рис. 1. Количество статей по теме «большие данные» в государственном управлении в базе данных «Scopus» (1995–2022 гг.)

Таким же важным вопросом является анализ изменения социально-экономических процессов, методологии анализа данных лицами, принимающими решения. В прошлом возникало много затруднений в анализе и применении данных: запаздывала официальная статистика, экспоненциальный рост объема информации и было невозможно в требуемом режиме охватить все с помощью наблюдения. Также присутствовали низкая частота измерения показателей и отсутствие возможности верификации данных. С появлением «больших данных» стало возможным не ориентироваться на официальные данные, собранные службами статистики, не ждать их результатов, а обрабатывать данные в режиме

онлайн и использовать те показатели, которые необходимы самому исследователю [9].

Все принимаемые решения нуждаются в нормативно-правовом регулировании, создании правовой базы во избежание рисков оборота данных в государственном управлении [10]. Основным документом, на котором построено планирование стратегий развития оборотов данных, в России является Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2018 г.) [11]. Программа, кроме вопросов стратегического развития, затрагивает также вопросы регулирования рисков в связи с возросшим числом государственных организаций и коммерческих структур,

которые собирают первичную информацию о юридических и физических лицах. Возрос также электронный документооборот между различными государственными ведомствами, увеличился «рынок данных». Выделяя частные и государственные данные, автор исследования обращает внимание на риски, связанные с нарушением прав частных лиц (как отдельных, физических, так и коммерческих структур), и экономические потери государства от некорректного использования государственных данных, предлагает систему управления возникшими рисками.

Основными рисками государственных данных называются: *необходимое увеличение затрат на анализ данных в силу отсутствия их стандартизации* (предложение авторов по нивелированию рисков – стандартизация представления, обработки и хранения данных в государственном управлении); *замедление формирования потока данных* (создание нормативно-правового регулирования оперативного обновления и использования данных); *киберугрозы для государственных информационных систем, риски потери либо пиратского использования конфиденциальных и секретных данных* (предложения касаются участия в разработке норм международного права по соблюдению кибербезопасности информационной инфраструктуры, разработки учебных программ по информационной безопасности, обучения сотрудников госучреждений и населения, а также организации специальных информационных платформ для обмена актуальными данными о киберугрозах и их источниках всех участников информационных рынков) [10]. Отмечается, что многие недостатки в правовом регулирова-

нии могут являться следствием недостаточной комплексной (одновременно и экономической, и юридической) проработки данного вопроса. Таким образом, отечественные исследования также можно условно разделить по критериям имеющихся проблем и/или потенциальных угроз: технологическим, человеческим и юридическим. Стоит отметить, что фокус современных исследований, проведенных по теме «больших данных» и в государственном управлении смещен в плоскость юриспруденции. Такой феномен можно объяснить тем, что юриспруденция более развита, чем политическая наука, в силу сложившихся традиций.

Большие данные и их использование в процессе принятия политических решений

Наиболее часто термин «большие данные» определяется с использованием семи параметров, что называется теорией 7V. Первые три параметра, характеризующие большие данные, ввел Д. Лейни: разнообразие (variety), скорость (velocity), объем (volume) [12]. Впоследствии были добавлены еще четыре: ценность (value), достоверность (veracity), изменчивость (variability) и визуализация (visualization) [13].

Существует также понимание данных в зависимости от содержащейся в них информации или даже знания. В пирамиде Акоффа выделяются четыре уровня: данные как «сырье», получаемое из окружающей среды; информация – данные, имеющие смысловую нагрузку; знания – проверенная на практике и зафиксированная информация; мудрость – применение знаний (рис. 2) [10].

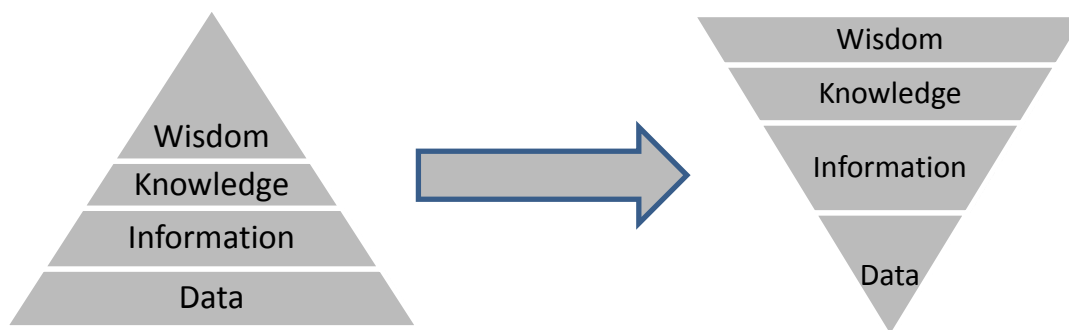

Рис. 2. Пирамида Р. Акоффа (слева) и предложенная перевернутая пирамида Акоффа (справа)

Учитывая особенности больших данных, Д. Двинских и Э. Талапина рекомендуют иное понимание этой концепции, предлагая «перевернуть» пирамиду так, чтобы информационно-аналитические системы (мудрость) стали фильтром для отбора данных [10]. Такое понимание подчеркивает, что большие данные как «сырье» уже невозможно обработать человеку самостоятельно. Для аналитики такого большого количества данных используются технологии и методы на основе уже имеющихся знаний и информации, которые в процессе принятия решений также дополняются принципами управления, где важно применять и человеческое участие, ту самую «мудрость».

Увеличение доступной информации, включающее в себя понятие «больших данных», должно способствовать принятию лучших решений [14]. По сравнению с цифровизацией, управление на основе больших данных предполагает сбор и обработку качественно иных объемов данных, с более сложными характеристиками. Государственное управление, в свою очередь, претерпевает трансформацию с помощью автоматизации рутинных процессов, изменяющих систему предоставления общественных услуг [15]: незаменимы новые технологии и инфраструктурное развитие цифрового мира [16]. Цифровая трансформация в данном случае является неотъем-

лемой частью для возможности перехода к управлению на основании больших данных. Цифровизация в государственном управлении обычно понимается как способ повышения эффективности существующих органов государственного управления, оцифровки существующих документов, облегчения распространения информации и улучшения взаимодей-

ствия с гражданами. При этом задачей всегда является переход на новое качество управления, основанное на выстраивании процессов работы с теми данными, с которыми сталкиваются правительства [17].

В таблице представлено сравнение вышеописанных понятий.

Таблица

Сравнение цифровизации и управления на основе больших данных

Критерии	Цифровизация	Управление на основе больших данных
<i>Объем данных</i>	Ограниченные выборочные данные	Данные, близкие к генеральной совокупности
<i>Тип сбора данных</i>	Аналоговым и цифровым способами. Периодические выборочные обследования	Только цифровым способом. В режиме реального времени
<i>Работа с данными</i>	Перевод аналоговых данных и услуг в цифровые сервисы. Повышение открытости и доступности госуслуг, в том числе по скорости и удобству для пользователя	Предоставление только цифровых услуг. Прирост информации об объекте управления. Использование при принятии более точных решений, с учетом временной и пространственной динамики
<i>Характеристики данных</i>	Структурированные данные, по нужным отраслям, территориям. Статические временные срезы	Неструктурированные комплексные данные

Переход от цифровизации к управлению на основе больших данных требует выполнения нескольких условий. Во-первых, политики должны хотеть использовать большие данные в управлении. У них должно появиться желание сотрудничать с технологическими компаниями и перенимать практики использования больших данных в госуправлении. Во-вторых, правительства должны иметь большую базу накопленных данных. Как правило, большие данные изначально собирают компании из частного сектора (сотовая связь, финансы, соцсети). Соответственно, правительства должны получить к ним доступ. В-третьих, в госсекторе должны работать IT-специалисты необходимого уровня. Это условие предполагает как наличие конкурентных (по сравнению с частным сектором) зарплат, так и кадровой базы для рекрутирования (например, наличие топовых вузов по информатике, конкурентный рынок труда в IT-сфере). В-четвертых, у соответствующих правительственных структур должен быть успешный опыт реализации цифровых проектов. Иными словами, экспертиза, полученная на этапе цифровизации, оказывается востребованной и при переходе к управлению на основе больших данных.

Использование больших данных в госуправлении является как источником новых возможностей для принятия более эффективных решений, так и вызовом для политиков.

Когда речь идет о больших данных в процессе принятия решений, мы понимаем, что возникает необходимость во взаимодействии людей, обладающих, с одной стороны, навыками обработки и анализа данных и, с другой – навыками принятия политических решений. Ван дер Вурт определяет их как «аналитики» и «лица, принимающие решения». Стоит учитывать, что каждый участник процесса преследует собственные интересы и может повлиять на качество конечного решения, например, аналитики на этапе обработки данных принимают решения об их категоризации и источниках сбора данных. В свою очередь, лица, принимающие решения, могут по своему усмотрению отбирать

нужную им информацию для легитимации уже принятого решения и так удовлетворять собственные интересы [18].

В процессе принятия решений важную роль играет экспертное знание, «агентами знаний» могут выступать внутренние исследователи, работающие внутри государственной структуры, личные советники политических лидеров, университетские преподаватели или ученые. В свою очередь, «агенты знаний» могут использовать большие данные в своих исследованиях. Выделяют линейно-автономную модель взаимодействия экспертов и власти, когда научный и политический процессы происходят автономно, что обеспечивает непредвзятость научных фактов, использующихся в дальнейшем для принятия политических решений. Однако такая модель не учитывает существования пограничных структур между наукой и властью, поэтому предлагается иная модель «добродетельных оснований», которая подразумевает, что интеграция науки и политики поможет оптимальному достижению желаемой публичной цели [19].

В эпоху больших данных их использование становится очевидно выгодным и повсеместным, в том числе в государственном управлении на федеральном и региональном уровнях. Благодаря утвержденным стратегиям развития органы государственной власти применяют автоматизацию рутинных процессов и модифицируют систему предоставления общественных услуг. Происходит развитие цифровой инфраструктуры, позволяющей получать и анализировать всевозможного вида данные, что приводит к «удивительно положительным результатам для государственного управления с точки зрения его эффективности, результативности и общего удовлетворения клиента» [20]. Это также подтверждается тезисом о том, что *чем больше качественной и точной информации будет доступно, тем лучше будут решения* [21], что в свою очередь способствует рациональному использованию ресурсов и сокращению расходов.

Таким образом, положительное влияние использования больших данных на процесс принятия решений

не ставится под сомнение, что подтверждается применением этой практики повсеместно. Однако при определении степени влияния больших данных стоит помнить о том, что они проходят через своеобразную «воронку» ценностей и интересов тех, кто принимает как промежуточные, так и конечные решения.

Подходы к анализу процесса политических решений

В академическом сообществе используются несколько подходов для анализа процесса политических

решений. Мы воспользуемся консолидированным подходом, связывающим теорию политического цикла Г. Лассуэлла и теорию множественных потоков Д. Кингдона [4]. Политический цикл в различных интерпретациях имеет от пяти до семи дискретных этапов: от определения повестки дня и разработки политики (policy) через принятие решения к его реализации и оценке. В рамках этапа оценки может потребоваться пересборка или корректировка принятого решения, в результате чего запускается новый цикл. [22]

На рис. 3 наглядно представлен цикл политических решений.

Рис. 3. Цикл политических решений [23]

Модель политического цикла имеет свою критику и признается упрощенной: в реальности процесс принятия решений часто не соответствует строгой последовательности фаз, также данная модель не дает причинно-следственных объяснений переходам между этапами и не рассматривает участников процесса [24]. Для устранения этих ограничений М. Хоуллетт предлагает объединить модель политического цикла с теорией множественных потоков [25].

Теория множественных потоков Д. Кингдона изначально была создана для более глубокого анализа первого этапа политического цикла – определения повестки дня. Д. Кингдон различает три независимых потока: поток проблем (problem stream), поток решений (policy stream) и поток политики (politics stream). Поток проблем включает в себя мнения членов общественного и политического сообщества о разного рода проблемах и необходимости вмешательства государства для их решения. Поток решений содержит рекомендации исследователей, аналитиков и других членов политического сообщества по решению имеющихся проблем. Поток политики – это политический и институциональный контекст, который характеризуется национальными настроениями, результатами выборов, перестановками в правительстве и другими факторами.

При определенных обстоятельствах (focus events) происходит слияние этих трех потоков и открывается «окно возможностей» (policy window), во время которого политические предприниматели (policy entrepreneurs) могут инициировать включение предпочитаемых ими проблем и решений в повестку правительства [4]. Как мы покажем далее, пандемия Covid-19 оказалась именно таким «окном возможностей» для «предпринимателей» в области использования больших данных, в том числе и на региональном уровне.

После определения повестки дня синергия трех потоков дополняется потоком политических процессов (policy process stream), что свидетельствует о переходе на следующую фазу политического процесса – формулирование альтернативных решений. Далее поток политики (politics) отделяется от общего процесса и происходит фаза принятия решения, где главную роль играет поток решений (policy). На этапе реализации, наоборот, поток решений отделяется, и вступает поток политики, дополняемый новым потоком программы (program stream), который наиболее тесно связывает проблему и решение. Наконец, на этапе оценки все потоки снова воссоединяются [4].

Такой подход, объединяющий модели политического цикла и множественных потоков, позволяет учитывать акторов и их модели поведения в политическом процессе и объяснить логику переходов между фазами цикла.

Для обоснования применения данного подхода в контексте российских реалий приведем пример исследования, анализирующего миграционную политику России на федеральном и региональном уровнях. Благодаря концепции множественных потоков Э. Хофманн упорядочивает процессы, связанные с принятием мер в отношении международной миграции, и рассматривает их как сочетание потоков проблем, решений и политики. Например, с 2010 по 2014 г., в связи с малым количеством национальных мер в отношении миграции, открывается окно возможностей для возобновления ограничительной политики в Краснодаре. В 2014 г. открывается новое окно возможностей уже для национальной миграционной политики, как последствие экономического кризиса в России [24].

Тем не менее несколько исследований свидетельствуют о том, что слияния трех потоков для открытия «окна возможностей» может и не произойти. Например, несмотря на широкое признание проблемы эпидемии ВИЧ/СПИДа в России, из-за отсутствия конвергенции потоков и эффективного «политического предпринимателя» автономия государства в политическом процессе возрастает и интересы гражданского общества не принимаются во внимание [26]. Провал реформ региональной политики в России также демонстрирует сложность достижения совокупности нужных факторов, так как региональные реформы не признаются федеральным правительством как первостепенно важные [27].

Федерализм в России характеризуется слабой степенью децентрализации и сильной властью центра, в связи с чем автономия регионов ограничена и многие решения не могут быть приняты на региональном уровне [28]. Помимо этого, наличие неформальных институтов, таких как коррупция, «кумовство», блокируют попытки изменений и открытие «окон возможностей» для проведения реформ [29].

Применительно к нашему кейсу также интересной представляется идея лояльности региональных губернаторов к федеральным властям. В период пандемии Covid-19 она проявилась во внедрении непопулярных ограничительных мер на региональном уровне, несмотря на репутационные издержки, которые несли действующие губернаторы. Политическая ответственность за меры, связанные с пандемией, ложилась при этом не на федеральные, а на региональные власти [30].

Более подробно к описанию выбранного кейса переходим в следующем разделе. Теорию множественных потоков совместно с моделью политического цикла мы используем главным образом для определения роли пандемии Covid-19 в ускорении внедрения больших данных в процесс политических решений. Для изучения самого процесса использования больших данных мы сделаем акцент на акторах данного про-

цесса и их интересах, а именно на «аналитиках данных» и «лицах, принимающих решения». Таким образом, наша модель рассматривает кейс с точки зрения динамичного процесса с причинно-следственными связями и с точки зрения акторов, принимающих участие в этом процессе.

Влияние больших данных на решение о мерах поддержки предприятий Санкт-Петербурга в период пандемии Covid-19

В данном разделе будет подробно рассмотрен кейс внедрения системы QR-кодов для юридических лиц в Санкт-Петербурге в период пандемии Covid-19 с апреля 2020 по ноябрь 2021 г. Для анализа кейса использовался метод включенного наблюдения, подразумевающий участие в ежемесячных совещаниях по разработке мер поддержки предприятий в период апреля – октября 2020 г., проводимых в рамках рабочих групп Оперативного штаба по профилактике и контролю за распространением коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге, а также изучение документов – постановлений правительства Санкт-Петербурга, внутренних отчетных документов и официальных сайтов в период с апреля 2020 по ноябрь 2021 г.

В состав рабочих групп оперативного штаба входили представители Комитета по здравоохранению, Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле, Главного управления МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Росгвардии, МЧС, Управления на транспорте МВД России в Северо-Западном федеральном округе, представители подведомственных организаций. Совещания проводились в закрытом и открытом формате на регулярной основе, фиксировались ключевые решения в протокольном формате и их дальнейшая реализация в нормативно-правовых актах, а также результаты мониторингов коронавирусной ситуации, в том числе опирающиеся на принятую в начале апреля 2020 г. систему QR-кодов по соблюдению стандартов безопасной деятельности. Основные результаты и мониторинги публиковались на сайте «Петербург против коронавируса».

Следует обратить внимание, что мы не рассматриваем систему QR-кодов о вакцинации для физических лиц, так как она была введена на год позже и территориально не ограничилась лишь Санкт-Петербургом. Интересной представляется именно система QR-кодов для предпринимателей, так как она была предложена только в Санкт-Петербурге: предпосылки внедрения такого подхода в борьбе с пандемией именно в Санкт-Петербурге, участие в этом решении региональных акторов разного уровня.

На примере данного кейса мы рассмотрим, как пандемия Covid-19 стимулировала использование больших данных для принятия решений в кризисной ситуации, а также попробуем ответить на вопрос, как использование больших данных повлияло на процесс принятия решений о мерах поддержки предприятий Санкт-Петербурга в период пандемии.

Контекст и определение повестки дня: влияние пандемии

В связи со стремительным распространением коронавирусной инфекции в России указом Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 были установлены нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы с 30 марта по 3 апреля 2020 г. [31]. Впоследствии еще двумя указами они были продлены до 11 мая 2020 г. В период нерабочих дней работа многих предприятий, за исключением прописанных в указе, приостанавливалась, в связи с чем экономическая обстановка в стране стала ухудшаться. То же происходило и во многих странах мира, где карантинные меры спровоцировали экономический кризис, так как компании столкнулись со сбоями в работе, введенными ограничениями и изменением потребительского спроса [32].

Применяя концепцию множественных потоков, можно сказать, что пандемия Covid-19 и первые карантинные меры, введенные в ответ на распространение инфекции, стали фокусирующим событием (*focusing event*), которое запустило процесс принятия политических решений и выделило среди потока проблем необходимость устранения экономических последствий пандемии.

В потоке политики (*politics stream*) в этот момент происходит передача в регионы некоторых полномочий для введения мер по борьбе с коронавирусом [33]. С одной стороны, такой элемент децентрализации в условиях пандемии был необходим для учета скорости и особенностей распространения коронавируса в регионах. С другой стороны, ответственность за внедрение непопулярных ограничительных мер была возложена на региональных губернаторов [30].

В свою очередь, в Санкт-Петербурге на основе переданных полномочий был запущен проект по введению системы QR-кодов, прямое назначение которого было связано с контролем за соблюдением стандартов безопасной деятельности предприятий города. Запуск системы пришелся на апрель 2020 г. – период нерабочих дней, когда большинство предприятий приостановили свою деятельность. Почему же эта система была запущена только в Санкт-Петербурге?

В соответствии с постановлением правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 для возобновления деятельности компаниям Санкт-Петербурга необходимо было внедрить установленные стандарты безопасности и после соблюдения всех требований уведомить об этом через личный кабинет предпринимателя на сайте Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения (СПб ГБУ) «Центр развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга» (ЦРПП) [34]. ЦРПП – это актор «среднего уровня», подведомственное учреждение Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга (КПИПТ), оказывающее поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства. При заполнении необходимой формы в личном кабинете предприниматели получали «уникальный знак» (QR-код), необходимый для размещения на своем сайте и при входе в заведение.

Стоит отметить, что внедрение системы QR-кодов для предпринимателей стало возможным благодаря тому, что в потоке решений (*policy stream*) на сайте ЦРПП уже существовал личный кабинет, через который происходила коммуникация с предпринимателями. По внутренним данным ЦРПП, до пандемии личным кабинетом предпринимателя пользовалось около 3 200 компаний Санкт-Петербурга. В данном случае личный кабинет послужил инструментом для внедрения системы QR-кодов, так как в него оставалось только добавить нужный функционал.

Таким образом, в результате слияния трех потоков открылось «окно возможностей», которое позволило внедрить систему QR-кодов для сбора данных о предприятиях Санкт-Петербурга. Цель этой системы в первую очередь – обеспечить соблюдение требований безопасной деятельности предприятий Санкт-Петербурга. Кроме того, именно сбор актуальной информации о предприятиях стал главным преимуществом внедрения данной системы. Не исключено, что данная мера была одобрена потому, что воспринималась региональной администрацией и как дополнительный инструмент контроля.

При этом обеспечивающим инструментом агрегированной оценки уровня обследования объектов потребительского рынка выступал индекс соблюдения стандартов безопасной деятельности организаций. Показатель принимал шкалу от «0» до «1» с разбивкой на одну сотую:

< 0,50 – красный уровень: в городе низкий уровень соблюдения стандартов;

0,50–0,75 – желтый уровень: в городе средний уровень соблюдения стандартов;

0,75–1 – зеленый уровень: в городе высокий уровень соблюдения стандартов, где 1 – все организации по итогам обследования имеют QR-код и не имеют нарушений, являющихся основанием для его отзыва. Методика построения индекса стандартов безопасной деятельности построена на необходимости получения QR-кода каждым юридическим лицом, продолжающим вести свою деятельность на территории города и подтверждающим соответствие деятельности требованиям такого стандарта.

Стандарт содержит основные требования, предъявляемые к санитарному режиму организаций (индивидуальных предпринимателей) и личной гигиене работников, к особенностям режимов доступа в организации, к организации питания работников, санитарной обработке помещений, обеспечению работников средствами защиты. В части организации общепита и общественных мест установлены требования: количество посадочных мест, предельно допустимое количество посетителей на квадратный метр. Подобного рода данные, полученные по значительному числу организаций, отражают наиболее полное представление о том, как фактически ведется экономическая деятельность в Санкт-Петербурге.

На 10 июля 2021 г. в Санкт-Петербурге было присвоено более 130 тыс. QR-кодов. Индекс соблюдения стандартов безопасной деятельности в организациях Санкт-Петербурга составил 0,75 [34].

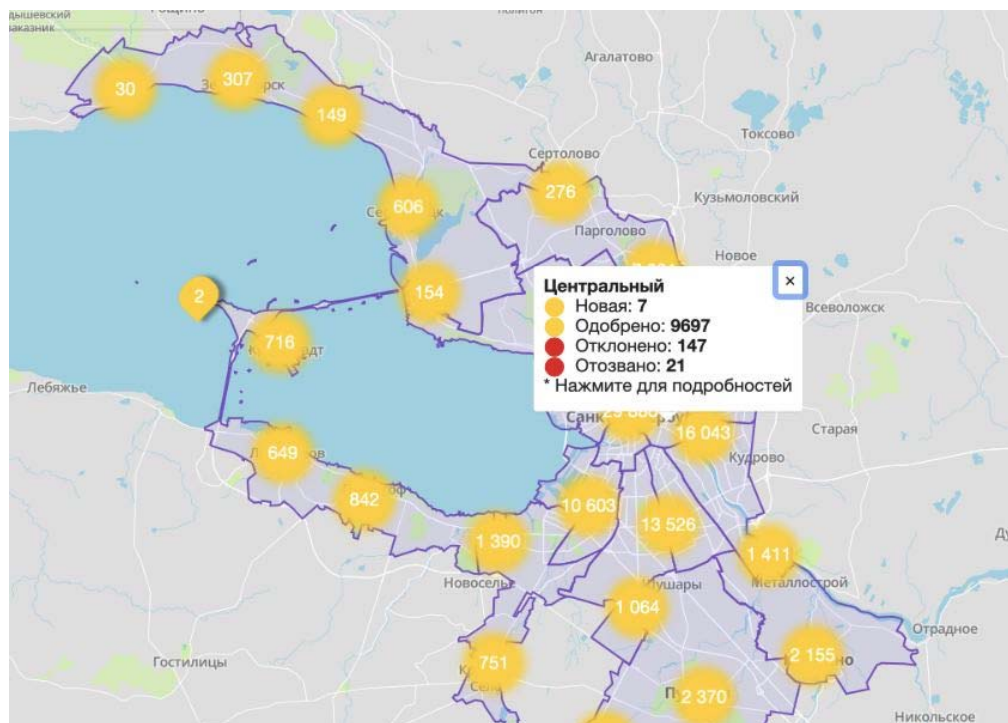

Рис. 4. Карта выданных QR-кодов по районам Санкт-Петербурга, в частности Центрального района [34]

Пандемия Covid-19, делегация ряда полномочий регионам и наличие инструмента в виде личного кабинета предпринимателя позволили обосновать и произвести сбор данных о предприятиях Санкт-Петербурга. В «добровольно-принудительном» порядке эти данные были собраны за довольно короткий срок, и на их основе стало возможным разработать меры поддержки малого и среднего бизнеса города.

Использование больших данных в процессе разработки меры поддержки

При рассмотрении следующего этапа политического процесса важно выделить его ключевых акторов: КППИТ и ЦРПП. КППИТ находится в потоке политики (politics), а по теории Ван дер Вурта является структурой, принимающей политические решения. Здесь был согласован проект по внедрению QR-кодов и выпущено постановление, обязывающее их получение, также здесь согласовываются и вводятся меры поддержки предпринимателей. ЦРПП, в свою очередь, выступает в качестве держателя данных о предприятиях Санкт-Петербурга и рассматривается нами как «аналитик» (по Ван дер Вурту), находящийся в потоке решений (policy). Кроме того, ЦРПП является «агентом знаний», пограничной структурой в модели взаимодействия между властью и экспертами.

По словам главы Центра развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга Л.А. Кузнецова, формирование первичных датасетов за счет регистрации в личном кабинете предпринимателя позволило властям судить о текущем состоянии бизнеса,

сравнивая фактические данные с данными предыдущих лет [35]. Интересным представляется факт, что в данной ситуации ЦРПП как «аналитик» выступил с инициативой поддержки предпринимателей по предоплаченным сервисам и предоставления бизнесу доступа к актуальным цифровым сервисам. Как «агент знаний» и актор среднего уровня ЦРПП мог отчасти повлиять на принятие решения и преследовать собственные интересы для продвижения нужных сервисов. КППИТ данную инициативу поддержал.

Таким образом, правительство Санкт-Петербурга на этапе утверждения цикла политических решений сфокусировало свое внимание на предоставлении предприятиям предоплаченных цифровых сервисов. Данная мера поддержки была обусловлена, с одной стороны, более широким охватом субъектов предпринимательства, а с другой – адресностью (индивидуальностью) поддержки для каждого отдельного бизнеса [36].

Для предоставления меры поддержки в виде предоплаченных цифровых сервисов требовалась дальнейшая работа с данными и дополнение личного кабинета предпринимателя новыми функциями.

На основе собранных ранее датасетов была произведена сегментация бизнеса на четыре направления: сфера услуг, производственный и технологический бизнес, креативные индустрии и социальное предпринимательство. Для каждого направления при участии экспертов отрасли были выделены стратегии развития, а также сформированы «коробки» решений, предоплаченных городом частных цифровых сервисов. Стоит отметить, что описанная выше

практика основывается не только на анализе больших данных, но и на методе экспертных оценок.

Как итог, данная политическая мера была реализована в формате программы «Городского акселератора», запущенной в марте 2021 г. В период пандемии Covid-19 Санкт-Петербург был единственным регионом, в котором в рамках поддержки бизнеса была реализована инициатива массовой акселерации действующих предприятий – участников системы QR-кодов.

Участвуя в акселераторе, предприниматель проходил несколько этапов, включая диагностику и обучение, и в результате получал бесплатный доступ к различным цифровым сервисам согласно своей стратегии развития.

В рамках достижения ключевых показателей эффективности политической меры с шагом в один месяц формировались панели инфографики по ключевым метрикам проекта. По внутренним данным ЦРПП до начала пандемии Covid-19 охват предпринимателей, использующих меры государственной поддержки, составлял менее 10%, на данный момент он составляет почти 35%. Если интерес бизнеса заключался в получении информационной и цифровой поддержки, то интерес актора среднего уровня заключался в государственном патронаже при продвижении своих сервисов.

На этапе «пересборки» на основании полученной информации было принято решение о запуске третьего потока «Городского акселератора» и увеличении числа цифровых сервисов, направленных на управление компанией, рекламу и продвижение, а также сервисов, являющихся частью экосистем, например Сбер, Яндекс, VK Group. По данным аналитического подразделения ЦРПП эти категории сервисов показали наибольшую востребованность среди предпринимателей.

Стоит заметить, что на конец 3-го квартала 2021 г. об эффективности реализованной меры можно судить исключительно по количеству заявок, поданных в рамках второго потока «Городского акселератора», который превосходит первый более чем в 3,5 раза (по данным аналитического подразделения ЦРПП). При этом говорить о глобальной эффективности данной меры, способной отразиться на социально-экономических показателях деятельности субъектов предпринимательства, еще рано.

Тем не менее можно заключить, что, с одной стороны, большие данные повлияли на эффективность меры поддержки: стало возможным предложить более адресную, конкретную меру поддержки для каждого предпринимателя. С другой стороны, добровольно-принудительный сбор данных о компаниях и навязывание сервисов может свидетельствовать о повышении административного контроля, которое обосновывается экономическими рисками в период пандемии.

Помимо больших данных на принятую меру поддержки также повлияло и экспертное сообщество, что говорит о важности человеческого участия в процессе принятия решений. В качестве пограничной структуры между экспертным сообществом и властью выступил

ЦРПП, актор среднего уровня, возможно, стремящийся повысить свою значимость в глазах принципала. Кейс Санкт-Петербурга демонстрирует, что процесс цифровизации происходит не только сверху вниз через реализацию национальной стратегии и не только снизу вверх через интеграцию частных цифровых сервисов. Структуры среднего уровня также влияют на процесс цифровизации через продвижение своих продуктов и сервисов, используя «окна возможностей», такие как пандемия Covid-19. Таким образом, цифровизация – это нелинейный процесс, в котором сочетаются интересы разных акторов.

Заключение

Пример Санкт-Петербурга демонстрирует использование больших данных на протяжении всего цикла принятия решения: от определения повестки дня до реализации и оценки. Более того, сам процесс сбора данных можно считать политической мерой.

Пандемия Covid-19 открыла «окно возможностей» и стала стимулирующим событием для массового сбора и использования больших данных. В условиях кризиса становится очевидной необходимость доступа к самой достоверной информации для принятия правильных и быстрых решений. В иных условиях предприятия отказались бы так массово делиться сведениями. Не только пандемия была важным условием внедрения системы QR-кодов для юридических лиц. Несмотря на расширение полномочий регионов в отношении мер противодействия коронавирусу, Санкт-Петербург был единственным, где для сбора информации о предприятиях имелся готовый инструмент в виде личного кабинета на сайте ЦРПП. В итоге у правительства появился новый инструмент контроля, который преподносится как инструмент поддержки, хотя оценивать эффективность данной меры поддержки пока еще рано.

Интересной в контексте нашего кейса представилась роль ЦРПП, который мы определили как держателя и аналитика данных, а также как участника потока решений (policy stream). Согласно теории Ван дер Вурта, аналитикам отводится отдельное место в цикле принятия политических решений, их роль довольно ограничена их компетенциями. Согласно концепции множественных потоков, на этапе реализации политического цикла поток решений (policy stream) должен на время «отколоться» от общего процесса и вернуться к нему лишь на этапе оценки. В нашем случае ЦРПП присутствовал во всех этапах политического процесса и выступал главным инициатором принятой меры поддержки малого и среднего бизнеса. ЦРПП в данном случае выступил «агентом знания», пограничной структурой среднего уровня, обладающей достаточной экспертизой для формулировки и продвижения собственного решения в государственную повестку. Трудно сказать, что именно послужило причиной такой активности: преследование собственных интересов или же стремление использовать накопленный опыт для предложения наилучшего решения.

На сегодняшний момент данные, собранные о предприятиях Санкт-Петербурга, продолжают актуализироваться вместе с развитием и «пересборкой» меры поддержки. В связи с чем требуется дополнительное изучение данного кейса для определения эффективности использования больших данных. Тем не менее данный кейс представляется наглядной иллюстрацией региональной инициативы в борьбе с пандемией Covid-19 и того, как большие данные были использованы для преодоления экономических последствий

пандемии на региональном уровне. Пандемия стала «окном возможностей» не только для региональных властей, проводивших собственную политику в борьбе с Covid-19. Она дала возможность и акторам «среднего звена» проявить инициативу и продвинуть собственное решение в региональную повестку. Пандемия, как мы все надеемся, рано или поздно закончится, а вот сбор информации о бизнесе помощью QR-кодов останется, скорее всего, надолго.

Список источников

1. Bragazzi N.L. et al. How big data and artificial intelligence can help better manage the COVID-19 pandemic // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17, № 9. P. 3176. doi: 10.3390/ijerph17093176
2. Указ Мэра Москвы от 08.06.2021 № 68-УМ // Справочная система Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=204074#555yLqS2zurXf2Tq> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики // Правительство России. URL: http://government.ru/support_measures (дата обращения: 01.11.2021).
4. Kingdon W. John. Alternatives, and Public Policies. Boston: Little, Brown, 1984.
5. Бондарев В. Почему не заработал советский интернет? // Родина. 2007. № 7. С. 113–116.
6. Савельев, А. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных (Big Data)» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
7. Сидорова А. Электронное правительство: повышение общественного участия в управлении государством // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62 (3). С. 87–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnnoe-pravitelstvo-povyshenie-obschestvennogo-uchastiya-v-upravlenii-gosudarstvom> (дата обращения: 01.10.2021).
8. Булгакова Е.В. «Использование "больших данных" в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы» // Юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 10–14.
9. Полякова А. Сетевой анализ организации социально-экономического процесса // Журнал Санкт Петербургского государственного технического университета. Экономика. 2019. № 12 (3). С. 60–73.
10. Двинских Д.Ю., Талапина Э. Риски развития оборота данных в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. НИУ ВШЭ. 2019. № 3. С. 7–30.
11. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
12. Laney D. 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety // META Group Research Note. 2001. № 6.
13. Rijmenam M. Why The 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data // Datafloq. 2013. URL: <https://datafloq.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (accessed: 01.04.2020).
14. Höchtl J., Parycek P., Schöllhammer R. Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. P. 147–169. doi: 10.1080/10919392.2015.1125187
15. Pencheva I., Esteve M., Mikhaylov S.J. Big Data and AI – A transformational shift for government: So, what next for research? // Public Policy and Administration, SAGE Publications. 2018. Vol. 35, № 1. P. 24–44. doi: 10.1177/0952076718780537
16. Maciejewski M. To do more, better, faster and more cheaply: using big data in public administration // International Review of Administrative Sciences. 2017. Vol. 83. P. 120–135.
17. Řepa V. Digital Transformation of Public Administration // Architecting the Digital Transformation. Intelligent Systems Reference Library. 2020. Vol. 188. P. 99–117.
18. Van der Voort H.G. Rationality and politics of algorithms. Will the promise of big data survive the dynamics of public decisionmaking? // Government Information Quarterly. 2019. № 36 (1). P. 27–38. doi: 10.1016/j.giq.2018.10.011
19. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 231 с.
20. Better regulation "Toolbox" // European Commission. 2015. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/br_toolbox-nov_2021_en_0.pdf (accessed: 24.09.2021).
21. Big data analytics for policy making// Deloitte. 2016. URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2016-07/dg_digit_study_big_data_analytics_for_policy_making.pdf (accessed: 12.09.2021).
22. Jann W., Wegrich K. Theories of the policy cycle // Handbook of public policy analysis. Routledge. 2017. P. 43–62. doi: 10.4324/9781315093192-12
23. Béland D., Howlett M. The role and impact of the multiple-streams approach in comparative policy analysis // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2016. Vol. 18, № 3. P. 221–227. doi: 10.1080/13876988.2016.1174410
24. Hofmann E.T. et al. Policy streams and immigration to Russia: Competing and complementary interests at the federal and local levels // International Migration. 2016. Vol. 54, № 2. P. 34–49. doi: 10.1111/imig.12227
25. Howlett M., McConnell A., Perl A. Moving policy theory forward: connecting multiple stream and advocacy coalition frameworks to policy cycle models of analysis // Australian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 76, № 1. P. 65–79. doi: 10.1111/1467-8500.12191
26. Gómez E.J., Kucheryavenko O. Explaining Russia's struggle to eradicate HIV/AIDS: institutions, agenda setting and the limits to multiple-streams processes // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2021. Vol. 23, № 3. P. 372–388. doi: 10.1080/13876988.2020.1724053
27. Starodubtsev A. Agency Matters: The Failure of Russian Regional Policy Reforms // Demokratizatsiya. 2014. Vol. 22, № 4.
28. Busygina I. Russian Federalism. Russia. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 57–64. doi: 10.1057/978-1-137-56671-3_5
29. Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России / Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2019. С. 254–254.
30. Busygina I., Filippov M. COVID and Federal Relations in Russia // Russian Politics. 2021. Vol. 6, № 3. P. 279–300. doi: 10.30965/24518921-00603001
31. Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/73793643/> (дата обращения: 31.10.2021).
32. Как минимизировать влияние COVID-19 на работу вашей организации? // Ernst & Young. URL: https://www.ey.com/ru_ru/strategy-transactions/companies-can-reshape-results-and-plan-for-covid-19-recovery (дата обращения: 21.10.2021).

33. Путин расширил полномочия губернаторов для борьбы с коронавирусом // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/02/826921-putin-rasshiril-polnomochiya> (дата обращения: 01.11.2021).
34. Информация о выполнении стандарта безопасной деятельности организации // Центр развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга. URL: <https://www.crpp.ru/info/koronavirus> (дата обращения: 26.10.2021).
35. Сотни заявок: кто и когда в Петербурге получит QR-код о вакцине // ББК. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/government/207082> (дата обращения: 19.09.2021).
36. В Санкт-Петербурге обсудили цифровые сервисы для бизнеса // Центр развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга. 2021. URL: https://www.crpp.ru/novosti_crpp/v_sanktpeterburge_obsudili_tsifrovyye_servisyi_dlya_biznesa.html (дата обращения: 01.11.2021).
37. Рекомендации для бизнеса в условиях сохранения рисков распространения COVID-19 // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/rekomendatsii-dlya-biznesa-covid-19.php (дата обращения: 23.08.2022).
38. Как продолжить / восстановить работу организации (ИП) на территории Санкт-Петербурга // Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/10/27/20Памятка_по_QR.pdf (дата обращения: 23.08.2022).
39. Примерная форма стандарта безопасной деятельности организации (индивидуального предпринимательства), в том числе санитарно-гигиенической безопасности в целях противодействия распространения в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Центр развития и поддержки предпринимательства. URL: https://crpp.ru/userfiles/stand_010822.pdf (дата обращения: 23.08.2022).
40. Петербург против коронавируса. Официальная информация // Администрация Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/covid-19/informatsiya-dlya-predprinimatelej-o-qr-kodah/> (дата обращения: 23.08.2022).
41. Постановление Правительства Санкт-Петербурга «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» от 13 марта 2020 г. № 121.
42. Распоряжение Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга от 09.07.2020 № 2440-р «О реализации постановления Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121».
43. Коронавирус // Центр развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга. URL: <https://www.crpp.ru/info/koronavirus> (дата обращения: 23.08.2022).
44. Как организации получить QR-код, если у нее несколько подразделений? // Администрация Санкт-Петербурга. Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial_and_trade/news/199763/ (дата обращения: 23.08.2022).

References

1. Bragazzi, N.L. et al. (2020) How big data and artificial intelligence can help better manage the COVID-19 pandemic. *International journal of environmental research and public health*. 17 (9). p. 3176. doi: 10.3390/ijerph17093176
2. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Mayor of Moscow of 08 June 2021 No. 68-UM*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=204074#s5sLqS2zurXf2Tq> (Accessed: 23.09.2021). (In Russian).
3. RF Government. (2021) *Measures of the Government of the Russian Federation to combat coronavirus infection and support the economy*. [Online] Available from: http://government.ru/support_measures (Accessed: 01.11.2021).
4. Kingdon, W. (1984) *John. Alternatives, and Public Policies*. Boston: Little, Brown.
5. Bondarev, V. (2007) Pochemu ne zarabotal sovetskiy internet? [Why did the Soviet Internet not work?]. *Rodina*. 7. pp. 113–116.
6. Savel'ev, A. (2015) Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nykh dannykh v epokhu "Bol'shikh dannykh (Big Data)" [Problems of application of legislation on personal data in the era of Big Data]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 43–66.
7. Sidorova, A. (2017) Digital Government: Increasing Public Participation in Governing the State. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. 62 (3). pp. 87–103. (In Russian).
8. Bulgakova, E.V. (2015) Ispol'zovanie "bol'shikh dannykh" v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: usloviya, vozmozhnosti, perspektivy [The use of big data in the system of public administration: conditions, opportunities, prospects]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 3 (31). pp. 10–14.
9. Polyakova, A. (2019) Network Analysis of Organization of Socio-Economic Processes. *Zhurnal Sankt Peterburzhskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomika*. 12 (3). pp. 60–73. (In Russian).
10. Dvinskikh, D.Yu. & Talapina, E. (2019) Risks of Data Turnover Development in Public Administration. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. NIU VShE*. 3. pp. 7–30. (In Russian).
11. Russian Federation. (2018) *Passport of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation"*. Approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Minutes No. 16 of December 24, 2018). (In Russian).
12. Laney, D. (2001) 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety. *META Group Research Note*. 6.
13. Rijmenam, M. (2013) *Why The 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data*. [Online] Available from: <https://datafloq.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (Accessed: 01.04.2020).
14. Höchtl, J., Parycek, P. & Schöllhammer, R. (2016) Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 26 (1-2). pp. 147–169. doi: 10.1080/10919392.2015.1125187
15. Pencheva, I., Esteve, M. & Mikhaylov, S.J. (2018) Big Data and AI – A transformational shift for government: So, what next for research? *Public Policy and Administration*, SAGE Publications. 35 (1). pp. 24–44. doi: 10.1177/0952076718780537
16. Maciejewski, M. (2017) To do more, better, faster and more cheaply: using big data in public administration. *International Review of Administrative Sciences*. 83. pp. 120–135.
17. Řepa, V. (2020) Digital Transformation of Public Administration. *Architecting the Digital Transformation. Intelligent Systems Reference Library*. 188. pp. 99–117.
18. Van der Voort, H.G. (2019) Rationality and politics of algorithms. Will the promise of big data survive the dynamics of public decisionmaking? *Government Information Quarterly*. 36 (1). pp. 27–38. doi: 10.1016/j.giq.2018.10.011
19. Sungurov, A.Yu. (2020) *Ekspertnye soobshchestva i vlast'* [Expert communities and power]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
20. European Commission. (2015) *Better regulation "Toolbox"*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/br_toolbox-nov_2021_en_0.pdf (Accessed: 24.09.2021).
21. Deloitte. (2016) *Big data analytics for policy making*. [Online] Available from: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2016-07/dg_digit_study_big_data_analytics_for_policy_making.pdf (Accessed: 12.09.2021).
22. Jann, W. & Wegrich, K. (2017) Theories of the policy cycle. In: Fischer, F., Miller, G.J. & Sidney, M.S. (eds) *Handbook of public policy analysis*. Routledge. pp. 43–62. doi: 10.4324/9781315093192-12
23. Béland, D. & Howlett, M. (2016) The role and impact of the multiple-streams approach in comparative policy analysis. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 18 (3). pp. 221–227. doi: 10.1080/13876988.2016.1174410
24. Hofmann, E.T. et al. (2016) Policy streams and immigration to Russia: Competing and complementary interests at the federal and local levels. *International Migration*. 54 (2). pp. 34–49. doi: 10.1111/imig.12227

25. Howlett, M., McConnell, A. & Perl, A. (2017) Moving policy theory forward: connecting multiple stream and advocacy coalition frameworks to policy cycle models of analysis. *Australian Journal of Public Administration*. 76 (1). pp. 65–79. doi: 10.1111/1467-8500.12191
26. Gómez, E.J. & Kucheryavenko, O. (2021) Explaining Russia's struggle to eradicate HIV/AIDS: institutions, agenda setting and the limits to multiple-streams processes. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 23 (3). pp. 372–388. doi: 10.1080/13876988.2020.1724053
27. Starodubtsev, A. (2014) Agency Matters: The Failure of Russian Regional Policy Reforms. *Demokratizatsiya*. 22 (4).
28. Busygina, I. (2018) *Russian Federalism. Russia*. London: Palgrave Macmillan. pp. 57–64. doi: 10.1057/978-1-137-56671-3_5
29. Gel'man, V.Ya. (2019) "Nedostoynoe pravlenie": politika v sovremennoy Rossii ["Unworthy Government": politics in modern Russia]. European University at St. Petersburg. pp. 254–254.
30. Busygina, I. & Filippov, M. (2021) COVID and Federal Relations in Russia. *Russian Politics*. 6 (3). pp. 279–300. doi: 10.30965/24518921-00603001
31. GARANT. (2020) Decree of the President of the Russian Federation of March 25, 2020, No. 206 "On the announcement of non-working days in the Russian Federation". [Online] Available from: <https://base.garant.ru/73793643/> (Accessed: 31.10.2021). (In Russian).
32. Ernst & Young. (2021) *Kak minimizirovat' vliyaniye COVID-19 na rabotu vashey organizatsii?* [How can you minimize the impact of COVID-19 on your organization?]. [Online] Available from: https://www.ey.com/ru_ru/strategy-transactions/companies-can-reshape-results-and-plan-for-covid-19-recovery (Accessed: 21.10.2021).
33. Vedomosti. (2020) *Putin rasshiril polnomochiya gubernatorov dlya bor'by s koronavirusom* [Putin expanded the powers of governors to fight the coronavirus]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/02/826921-putin-rasshiril-polnomochiya> (Accessed: 01.11.2021).
34. St. Petersburg Center for Entrepreneurship Development and Support. (2021) *Information on the implementation of the standard for the safe operation of the organization*. [Online] Available from: <https://www.crpp.ru/info/koronavirus> (Accessed: 26.10.2021). (In Russian).
35. RBC. (2021) *Hundreds of applications: who and when in St. Petersburg will receive a QR code about the vaccine*. [Online] Available from: <https://www.gov.spb.ru/press/government/207082> (Accessed: 19.09.2021). (In Russian).
36. St. Petersburg Center for Entrepreneurship Development and Support. (2021) *Digital services for business were discussed in St. Petersburg*. [Online] Available from: https://www.crpp.ru/novosti_crpp/v_sanktpeterburge_obsudili_tsifrovyye_servisyi_dlya_biznesa.html (Accessed: 01.11.2021). (In Russian).
37. Rospotrebnadzor. (2021) *Recommendations for business in the context of continued risks of the spread of COVID-19*. [Online] Available from: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/rekomendatsii-dlya-biznesa-covid-19.php (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).
38. St. Petersburg Committee for Industrial Policy, Innovation and Trade. (2020) *How to continue / restore the work of an organization (a self-employed person) in St. Petersburg*. [Online] Available from: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/10/27/20/%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B0_%D0%BF%D0%BE_QR.pdf (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).
39. St. Petersburg Center for Entrepreneurship Development and Support. (2022) *An approximate form of the standard for the safe operation of an organization (a self-employed person), including sanitary and hygienic safety in order to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in St. Petersburg*. [Online] Available from: https://crpp.ru/userfiles/stand_010822.pdf (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).
40. Administration of St. Petersburg. (2021) *Petersburg against the coronavirus. Official information*. [Online] Available from: <https://www.gov.spb.ru/covid-19/informatsiya-dlya-predprinimatelej-o-qr-kodah/> (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).
41. Government of St. Petersburg. (2020) *Decree of the Government of St. Petersburg "On measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in St. Petersburg" of March 13, 2020, No. 121*. (In Russian).
42. St. Petersburg Committee for Industrial Policy, Innovation and Trade. (2020) *Order of the St. Petersburg Committee for Industrial Policy, Innovation and Trade of July 9, 2020, No. 2440-r "On the implementation of the Decree of the Government of St. Petersburg of March 13, 2020, No. 121*. (In Russian).
43. St. Petersburg Center for Entrepreneurship Development and Support. (2020) *Coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.crpp.ru/info/koronavirus>. (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).
44. Administration of St. Petersburg. St. Petersburg Committee for Industrial Policy, Innovation and Trade. (2020) *How can an organization get a QR code if it has several departments?*. [Online] Available from: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial_and_trade/news/199763/ (Accessed: 23.08.2022). (In Russian).

Информация об авторе:

Шмелева С.А. – аспирант Департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sashmeleva8@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Shmeleva, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sashmeleva8@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022;
одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 09.02.2022;
approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/482/2

ЕС vs ЕАЭС: молодежь российского эксклава о перспективах и барьерах международного сотрудничества

Михаил Игоревич Кришталь¹, Александр Вячеславович Щекотуров²

^{1,2}Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия

¹MKrishtal@kantiana.ru

²ASHCHekoturov@kantiana.ru

Аннотация. Рассматриваются представления молодежи Калининградской области о перспективах и барьерах международного сотрудничества с российским эксклавом, оценка взаимодействий с ЕАЭС и ЕС. Установлено, что преобладает положительное отношение к каждому интеграционному проекту. ЕС рассматривается как более предпочтительный партнер региона в сфере культуры, науки, образования и транспорта, ЕАЭС – в военной сфере. Основными барьерами сотрудничества являются: пандемия Covid-19, визовый режим и обоюдосторонние санкции Евросоюза и России.

Ключевые слова: Калининградская область, ЕС, ЕАЭС, международное сотрудничество, молодежь

Для цитирования: Кришталь М.И., Щекотуров А.В. ЕС vs ЕАЭС: молодежь российского эксклава о перспективах и барьерах международного сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 18–26. doi: 10.17223/15617793/482/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/2

EU vs EAEU: Youth of the Russian exclave on prospects and barriers of international cooperation

Mikhail I. Krishtal¹, Aleksandr V. Shchekoturov²

^{1,2}Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

¹MKrishtal@kantiana.ru

²ASHCHekoturov@kantiana.ru

Abstract. The dynamics of relations between the Kaliningrad region and its neighboring countries demonstrates various strategic approaches for positioning the region: a military outpost, a “development corridor” and a region of international cooperation. The latter option is considered the most promising scenario. However, the effectiveness of the implementation of the program largely depends on the degree of acceptance of the new geopolitical role of the region by the population of the region. First of all, those who represent the cultural and professional future – the youth. Therefore, the aim of this article is to determine the ideas of young people in the Kaliningrad region about the prospects and barriers of international cooperation with the Russian exclave, as well as to record their assessment of the socio-economic, cultural and infrastructural network of interactions with the Eurasian Economic Union and the European Union. The main research method is a sociological survey of young people aged 18–35 in Kaliningrad and border municipalities of the Kaliningrad region. The survey was conducted in May 2021. The research sample consisted of 463 respondents. Depending on the attitude to the EAEU and the EU a typology of Kaliningrad youth is proposed: Eurasians and anti-Eurasians, pro-Europeans and Euro-pessimists. A positive attitude to each integration project (EU and EAEU) significantly prevails among the youth of the Kaliningrad region. The European Union is seen as the region’s preferred partner in such areas as culture, science, education, transport and infrastructure, and environmental protection. The Eurasian Economic Union seems to be a more reliable partner for cooperation in the military sphere. The socio-economic and healthcare spheres turn out to be outside of integration agenda. The absolute majority of the respondents supported the development of cooperation with Poland and Lithuania in various fields, especially in the tourism industry. Despite the support for the idea of cross-border cooperation, the majority of the young people demonstrated extremely poor awareness of the main international programs with the Kaliningrad region. They also could not give specific examples of cross-border cooperation. According to the youth, there are such main barriers to cross-border cooperation as the COVID-19 pandemic, the visa regime, the two-sided sanctions of the European Union and Russia, and stereotypes in the perception of Russians by residents of the neighboring countries.

Keywords: Kaliningrad region, EU, EAEU, international cooperation, youth, exclave

For citation: Krishtal, M.I. & Shchekoturov, A.V. (2022) EU vs EAEU: Youth of the Russian exclave on prospects and barriers of international cooperation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/2

Введение

Широкий исследовательский интерес к Калининградской области обусловлен двумя главными факторами. Во-первых, в регионе, являющимся западным фронтиром России [1. С. 103], социокультурные процессы могут принимать новые формы, отличающиеся от мейнстримового общества [2. С. 9]. Во-вторых, эксклавное положение Калининградской области предопределяет высокую зависимость ее развития от внешних факторов, которые несут в себе как положительные, так и негативные эффекты. В частности, близость к странам динамично развивающегося Балтийского региона потенциально благоприятна для формирования социально-экономических связей с ними и привлечения иностранных инвестиций. В то же время пространственная изолированность от основной части России усложняет транспортное сообщение и экономические связи с ней. Таким образом, граница барьерна и контактна одновременно [3. С. 61].

Учитывая данную особенность региона, исследователи выделяют позитивные и негативные сценарии развития российского эксклава. С одной стороны, существует исследовательский подход к Калининградской области как к «двойной периферии», которая одновременно исключена из основных модернизационных процессов как в зоне европейской интеграции, так и России [4]. С другой стороны, Калининградская область рассматривается как возможный «регион сотрудничества» [5. С. 26]. Согласно этому сценарию Калининградская область могла выполнять роль «полюса интеграции» России и Европейского союза, а также «коридора развития», обеспечивающего коммуникации между Россией и ЕС [6].

Эффективность реализации позитивного сценария «региона сотрудничества» зависит от нескольких факторов. Во-первых, развитие взаимовыгодного сотрудничества возможно при условии налаживания конструктивных связей между политическими элитами России и других государств. Во-вторых, важное значение имеют экономические детерминанты: наличие развитой инфраструктуры (морских портов, дорог и т.д.), благоприятного инвестиционного и делового климата. И, в-третьих, необходимо одобрение этих процессов жителями региона.

Первые два фактора являются предметом исследований политологов и экономгеографов. Третий – социальная поддержка участия региона в международных отношениях – находится в центре внимания социологов. Данная работа развивает результаты, полученные в этом направлении.

Оценка перспектив участия региона в программах международного сотрудничества имеет особую значимость в представлениях молодежи, поскольку именно эту социальную общность следует рассматривать как «ресурс интеграции на евразийском пространстве» и «субъект трансляции ценностей интеграционных про-

цессов будущим поколениям» [7. С. 137]. В связи с этим данное исследование ставит целью выявить отношение молодежи Калининградской области к сотрудничеству региона с Европейским союзом (ЕС) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Ключевыми задачами работы является поиск социально-демографических детерминант и факторов, статистически достоверно определяющих выбор респондента.

Методы и выборка

Основной метод исследования – социологический опрос молодежи Калининградской области в возрасте 18–35 лет. Опрос был проведен в мае 2021 г. Выборка исследования составила 463 респондента (средний возраст опрошенных – 27,5 лет; 49,7% – мужчины, 50,3% – женщины), что соответствует 97% доверительной вероятности и погрешности не более 5%. Статистический анализ данных был реализован в программе IBM SPSS Statistics.

Социологический опрос проводился в пяти муниципальных образованиях региона: Калининграде (83,2% респондентов), районах южного приграничья (Багратионовский и Мамоновский городские округа (9%)) и муниципалитетах северного приграничья региона (Неманский и Советский городские округа (7,8%)). Выбор именно этих приграничных муниципальных образований Калининградской области обусловлен вхождением в состав еврорегионов и наличием пограничного перехода, способствующего более тесному взаимодействию с соседними странами.

Отношение к ЕС и ЕАЭС

Согласно полученным данным, среди молодежи Калининградской области в целом заметно преобладание позитивного мнения о Европейском союзе (61,9%). В отношении Евразийского экономического союза респонденты в большинстве своем не имели определенной позиции (53%). Доля заявивших о негативном отношении как к ЕС, так и к ЕАЭС охватывает крайне незначительное количество респондентов: 5,1% и 3,8% соответственно. Вместо негативно настроенных респондентов была обнаружена значительная доля респондентов, затруднившихся ответить о своем отношении к ЕС и ЕАЭС (табл. 1).

Таблица 1

Отношение респондентов к ЕС и ЕАЭС, %

Ответы	ЕС	ЕАЭС
Очень хорошо	11,9	10,2
В основном хорошо	50	33
В основном плохо	4,2	3,2
Очень плохо	0,9	0,6
Затрудняюсь ответить	33	53

Распределение ответов респондентов на вопрос об отношении к интеграционным проектам позволило предложить типологию молодежи Калининградской об-

ласти: евразийцы (положительное отношение к ЕАЭС), антиевразийцы (отрицательное отношение к ЕАЭС), проевропейцы (позитивное отношение к ЕС), европессимисты (негативное отношение к ЕС) и затруднившиеся (не могут выразить свое отношение к ЕС и ЕАЭС).

В исследовании была поставлена задача выявить, среди каких социальных слоев молодежи Калининградской области наиболее распространены те или иные взгляды на ЕС и ЕАЭС. Для реализации данной задачи молодежь региона была разделена по уровню образования и собственного дохода¹. Кроме того, в качестве сегментирующих переменных использовались: гендерная принадлежность респондентов, частота посещения ими стран ЕС и ЕАЭС (за исключением России) до наступления пандемии Covid-19 и

субъективная оценка информированности об интеграционных объединениях (высокая (хорошо осведомлен), низкая (что-то слышал или ничего не известно)).

Статистически достоверно, что позитивное отношение к ЕС наиболее распространено в среде молодежи с высшим образованием ($p = 0,008$) и с более высоким уровнем дохода ($p < 0,001$). Аналогичное отношение к ЕАЭС как правило свойственно для молодежи с более высоким уровнем дохода ($p < 0,001$). Молодежь с низким доходом преимущественно затруднялась выразить свое отношение к двум интеграционным объединениям, а также чаще давала им негативную оценку (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость между социально-экономическим положением молодежи Калининградской области и их отношением к ЕС и ЕАЭС, %

Тип респондента	Образование		Уровень дохода		
	Среднее профессиональное и ниже	Высшее	Низкий	Средний	Высокий
Проевразийцы	38,9	49	36,8	40,1	50
Антиевразийцы	4,1	3,4	7	3,7	1,4
Затруднившиеся (ЕАЭС)	57	47,6	56,1	56,2	48,6
Проевропейцы	53,9	72,4	41,7	60,6	77,3
Европессимисты	6,5	3,2	9,7	6,4	0
Затруднившиеся (ЕС)	39,6	24,3	48,6	33	22,7

Выявлена статистически достоверная зависимость между частотой посещения молодежью стран – членов ЕС и ЕАЭС (за исключением России) и их отношением к двум интеграционным объединениям (табл. 3). Среди респондентов, посещавших страны ЕАЭС не реже, чем несколько раз в году, преобладает позитивное отношение к этому союзу государств (61,8%, $p = 0,009$). Молодежь, которая редко бывала в странах ЕАЭС, в большинстве своем не могла выразить отношения к интеграционному объединению (54,9%). Схожая ситуация зафиксирована в случае с ЕС ($p < 0,001$). Однако даже среди молодых людей, редко посещавших страны ЕС, преобладает положительное отношение к этому союзу (53,3%). Можно сделать вывод о том, что позитивный образ ЕС у молодежи Калининградской области формируется не только под влиянием личного опыта взаимодей-

ствия, но и под воздействием иных факторов (СМИ, рассказов знакомых и т.д.). В то же время отношение к ЕАЭС формируется во многом в ходе личного посещения его стран-участников.

Значительно различаются настроения молодежи Калининградской области относительно ЕС и ЕАЭС в зависимости от уровня ее информированности о двух союзах государств (табл. 4). Статистически подтверждено, что молодые люди с высоким уровнем информированности заметно чаще занимают проевропейскую (79,9%, $p < 0,001$) или проевразийскую позицию (81,1%, $p < 0,001$), чем затрудняются ответить. Проевропейцы преобладают и среди молодежи с низкой информированностью, в то время как среди слабо информированных о ЕАЭС больше респондентов, которые не смогли выразить определенное отношение к данному союзу государств.

Таблица 3

Зависимость между пространственной мобильностью молодежи Калининградской области и их отношением к ЕС и ЕАЭС, %

Тип респондента	Посещение стран ЕАЭС (кроме России) / ЕС	
	Раз в году и реже	Несколько раз в году и чаще
Проевразийцы	41,2	61,8
Антиевразийцы	3,9	2,9
Затруднившиеся (ЕАЭС)	54,9	35,3
Проевропейцы	53,3	76,9
Европессимисты	6,2	3,2
Затруднившиеся (ЕС)	40,5	19,9

Таблица 4

Связь типа респондента с уровнем информированности о ЕС и ЕАЭС, %

Тип респондента	Уровень информированности	
	Низкий	Высокий
Проевразийцы	40,9	81,1
Антиевразийцы	3,9	5,7
Затруднившиеся (ЕАЭС)	55,2	13,2

Проевропейцы	53,6	79,9
Европессимисты	5,5	4,3
Затруднившиеся (ЕС)	40,9	15,8

Какой-либо зависимости между половозрастной принадлежностью респондентов и их восприятием ЕС и ЕАЭС выявить не удалось.

ЕС или ЕАЭС: выбор надежного партнера Калининградской области

Респондентам, которые ранее указали, что хорошо знакомы или слышали о ЕС и ЕАЭС, был задан вопрос о выборе надежного партнера Калининградской области в различных сферах сотрудничества (табл. 5). Распределение ответов позволило выделить три группы позиций: 1) сотрудничество с ЕС в вопросах культуры, науки,

образования, транспорта и инфраструктуры; 2) сотрудничество с ЕАЭС в военной сфере; 3) не имеющие приоритетного направления социально-экономическая сфера и область здравоохранения. Данные группы, с одной стороны, свидетельствуют о доверии интеграционным проектам в различных областях, с другой – о вытеснении темы экономического неравенства из интеграционной повестки и отсутствии консолидированного мнения в отношении проблемы здравоохранения в регионе. Это вовсе не означает их слабую актуальность [8. С. 123], а, наоборот, скорее указывает на потребность решения данной проблемы силами местной власти и федерального правительства.

Таблица 5

Молодежь Калининградской области о выборе партнеров для регионального сотрудничества по отраслям, %

Позиция для сотрудничества	ЕС	ЕАЭС	Никто / затрудняюсь ответить
Культурное сотрудничество	54,7	19,9	25,4
Научное и образовательное развитие	50,9	22,1	27,0
Транспортное и инфраструктурное развитие	41,2	31,1	27,7
Улучшение условий окружающей среды	44,3	20,7	35,0
Военное сотрудничество	13,5	47,2	39,3
Развитие в сфере здравоохранения	39,3	24,0	36,7
Сокращение социально-экономического неравенства	25,5	33,3	41,2

Рассмотрим, какие социально-демографические показатели могут определять выбор интеграционного объединения для развития партнерских отношений с регионом. Первый проверяемый фактор – пол не показал статистических значимых различий по всем позициям, за исключением сферы военного сотрудничества ($p = 0,04$). Мужчины чаще, чем женщины, выбирали ЕАЭС (50,8%) и ЕС (18,2%) в качестве партнеров Калининградской области и реже затруднялись с ответом (31%). Ответы женщин распределились примерно поровну между ЕАЭС (44%) и «Никто/затрудняюсь ответить» (46,8%). Это свидетельствует о большей осведомленности мужчин данной темой, ее дискурсивности, следствием чего стала и большая дифференциация ответов.

Гораздо больше статистически достоверных связей ($p < 0,05$) обнаружено в отношении к интеграционным проектам в зависимости от возраста респондентов (табл. 6). В самой молодой возрастной группе респондентов (18–24 года) значимо больше тех, кто выступает за отношения с ЕС в сферах военного сотрудничества (26,5%) и здравоохранения (53%). Для респондентов в возрасте 25–29 лет в целом характерно индифферентное отношение к вопросам: по всем позициям у них наибольший процент по варианту «Никто и/или затрудняюсь ответить». С возрастом уменьшается доля тех, кто выбирает ЕС как партнера региона, и растет доля выбравших ЕАЭС для сокращения социально-экономического неравенства, а также для транспортно- и инфраструктурного развития области.

Таблица 6

Возраст респондентов в структуре их отношения к ЕС и ЕАЭС как надежным партнерам Калининградской области, %

Сфера сотрудничества	Ответы	Возраст		
		18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Военное сотрудничество	ЕС	26,5	7,6	10
	ЕАЭС	51,5	43	47,5
	Никто / затрудняюсь ответить	22	49,4	42,5
Сокращение социально-экономического неравенства	ЕС	38,2	24,1	19,2
	ЕАЭС	38,2	17,7	40,8
	Никто / затрудняюсь ответить	23,6	58,2	40
Развитие в сфере здравоохранения	ЕС	53	31,6	36,7
	ЕАЭС	23,5	19	27,5
	Никто / затрудняюсь ответить	23,5	49,4	35,8
Транспортное и инфраструктурное развитие	ЕС	52,9	43	33,3
	ЕАЭС	30,9	21,5	37,5
	Никто / затрудняюсь ответить	16,2	35,5	29,2
Улучшение условий окружающей среды	ЕС	49,3	45,6	40,8
	ЕАЭС	26,9	11,4	23,3
	Никто / затрудняюсь ответить	23,8	43	35,9

Статистически достоверно ($p = 0,03$) установлено, что если респонденты посещают страны ЕАЭС несколько раз в год, то они в большей мере выступают за ЕАЭС, чем ЕС, как надежного партнера в военном сотрудничестве (78,9% и 5,2% соответственно). Частота посещения европейских стран влияет на выбор ЕС в таких сферах, как культурное сотрудничество ($p = 0,04$) и здравоохранение ($p = 0,01$). Вне зависимости от визитов в ЕС доля респондентов, выступающих за ЕАЭС как партнера в военном сотрудничестве, выше.

Сравнивая между собой проевропейский и проевразийский тип респондента, мы обнаруживаем статистически достоверные связи ($p < 0,01$) по всем предло-

женным позициям (табл. 7). Проевропейцы, как и проевразийцы, чаще склонны делать выбор в пользу ЕС по таким позициям, как развитие здравоохранения, улучшение условий окружающей среды, культурное сотрудничество, наука и образование. Сокращение социально-экономического неравенства поделило проевропейцев на три равные группы и стало перспективной зоной сотрудничества среди проевразийски настроенных респондентов. Обратная ситуация наблюдается в отношении транспортного и инфраструктурного развития. Сфера военного сотрудничества должна, по мнению представителей от обоих типов, находиться в плоскости отношений с ЕАЭС.

Таблица 7

Отношение проевропейцев и проевразийцев к сотрудничеству Калининградской области с ЕС или ЕАЭС в различных сферах, %

Сфера сотрудничества	Ответы	Тип респондента	
		Проевропейцы	Проевразийцы
Военное сотрудничество	ЕС	14,1	15,6
	ЕАЭС	54,5	60,5
	Никто / затрудняюсь ответить	31,4	23,9
Сокращение социально-экономического неравенства	ЕС	32,5	32,0
	ЕАЭС	33,5	42,9
	Никто / затрудняюсь ответить	34,0	25,1
Развитие в сфере здравоохранения	ЕС	47,1	50,3
	ЕАЭС	26,7	33,3
	Никто / затрудняюсь ответить	26,2	16,3
Транспортное и инфраструктурное развитие	ЕС	51,3	42,9
	ЕАЭС	33,5	42,1
	Никто / затрудняюсь ответить	15,2	15,0
Улучшение условий окружающей среды	ЕС	53,2	52,4
	ЕАЭС	23,7	28,6
	Никто / затрудняюсь ответить	23,1	19,0
Культурное сотрудничество	ЕС	65,4	65,5
	ЕАЭС	22,0	24,5
	Никто / затрудняюсь ответить	12,6	15,0
Наука и образование	ЕС	60,7	59,9
	ЕАЭС	24,1	28,6
	Никто / затрудняюсь ответить	15,2	11,5

Оценивая уровень образования как фактор, определяющий выбор интеграционного проекта в качестве надежного партнера в различных областях (табл. 8), мы фиксируем достоверные различия лишь в сферах военного сотрудничества ($p = 0,02$) и сокращения социально-экономического неравенства ($p = 0,04$). Ре-

спонденты без высшего образования отдают предпочтение ЕАЭС (47,8%). Молодые люди с высшим образованием не смогли выбрать приоритетный проект: примерно равные доли поддержали ЕАЭС и вариант «Никто/затрудняюсь ответить». Здесь большая консолидации во мнении, что это не Европейский союз.

Таблица 8

Уровень образования и дохода респондентов в структуре отношения к ЕС и ЕАЭС как надежным партнерам Калининградской области, %

Сфера сотрудничества	Ответы	Уровень образования		Уровень дохода		
		Среднее профессиональное и ниже	Высшее	Низкий	Средний	Высокий
Военное сотрудничество	ЕС	18,7	8,3	8,2	19,2	14,3
	ЕАЭС	47,8	46,6	43,6	48,7	58,9
	Никто / затрудняюсь ответить	33,6	45,1	48,2	32,1	26,8
Сокращение социально-экономического неравенства	ЕС	24,6	26,3	—	—	—
	ЕАЭС	40,3	26,3	—	—	—
	Никто / затрудняюсь ответить	35,1	47,4	—	—	—
Научное и образовательное развитие	ЕС	—	—	48,2	50	58,9
	ЕАЭС	—	—	14,5	35,9	19,6
	Никто / затрудняюсь ответить	—	—	37,3	14,1	21,4
Транспортное и инфра-	ЕС	—	—	37,2	42,3	55,4

структурное развитие	ЕАЭС	–	–	28,2	35,9	28,6
	Никто / затрудняюсь ответить	–	–	31,1	21,8	16,1

Выделяя уровень доходов современной калининградской молодежи, фиксируем, что статистически достоверно повышение доходов связано с выбором ЕАЭС как военного партнера ($p = 0,03$), ЕС как надежного партнера в научном и образовательном развитии ($p < 0,01$), а также в транспортном и инфраструктурном сегменте ($p = 0,02$).

Барьеры и перспективы приграничной интеграции

Большинство молодежи крайне слабо информировано об основных международных программах, в которых Калининградская область была или остается участником (табл. 9). Отметим, что более всего респонденты осведомлены о программе МПП, несмотря на приостановление ее действия в 2018 г., что подчеркивает ее значимость.

Таблица 9

Осведомленность молодежи об участии Калининградской области в международных программах, шкала от -2 – ничего не известно до 2 – хорошо осведомлен

Международные программы	
Еврорегионы	-1,15
Программа приграничного сотрудничества Европейского инструмента добрососедства	-1,08
Interreg Регион Балтийского моря	-1,11
Малое приграничное передвижение (МПП)	-0,03
Балтийская университетская программа	-0,74

Далее мы просили респондентов назвать конкретные примеры сотрудничества приграничных районов Калининградской области. Лишь 17% опрошенных смогли ответить на данный вопрос. Чаще всего были названы примеры, связанные со строительством и развитием инфраструктуры, с мероприятиями культурно-просветительской направленности, экологическими проектами и восстановлением памятников и кладбищ. Несмотря на низкую осведомленность о

международных программах на территории Калининградской области, подавляющее большинство молодых людей (79,4%) согласны с тем, что в регионе необходимо развивать интенсивное сотрудничество со странами-соседями в разных сферах.

По мнению большинства респондентов, туристическая отрасль является наиболее приоритетной и перспективной для развития сотрудничества региона с Литвой и Польшей (рис. 1).

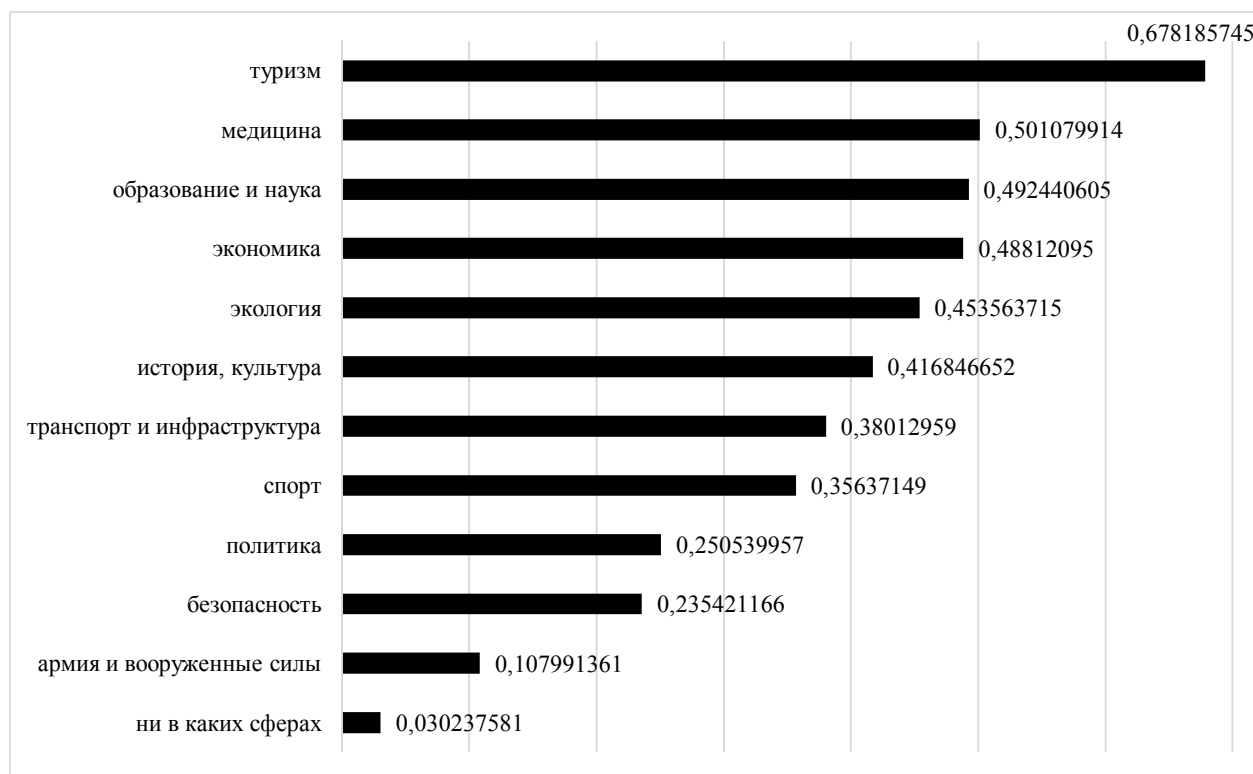

Рис. 1. Наиболее важные сферы сотрудничества Калининградской области с приграничными странами

Анализируя факторы, которые, по мнению опрошенной молодежи, осложняют развитие при-

граничного сотрудничества, можно выделить четыре наиболее часто упоминаемые: коронавирус, ви-

зовый режим, санкции и стереотипы в восприятии России жителями соседних стран (рис. 2).

Рис. 2. Факторы, осложняющие развитие приграничного сотрудничества с Калининградской областью

Анализ полученных результатов. Выводы

В целом среди молодежи Калининградской области преобладает положительное отношение к международному сотрудничеству. Демонстрируя добрососедское настроение, молодежь воспринимает Калининградскую область не в качестве форпоста России, противостоящего другим государствам, а, скорее, как регион, ориентированный на приграничное взаимодействие. В то же время существенная доля молодежи Калининградской области затруднилась ответить о своем отношении к ЕС и ЕАЭС.

Позитивное отношение молодежи эксклава к ЕС имеет заметно большую распространенность, чем к ЕАЭС. Это во многом обусловлено более высокой частотой посещения стран Евросоюза и степенью информированности, которая положительно коррелирует с ростом проевропейских и проевразийских настроений. При этом вне зависимости от уровня информированности о ЕС среди молодежи преобладает позитивное отношение к данному союзу государств. Говоря о ЕАЭС, напротив, позитивные оценки преобладают только среди более информированной молодежи. Это позволяет утверждать о существовании более позитивного образа ЕС в сознании молодежи вне зависимости от степени интереса к нему.

Типичный социальный портрет молодого калининградского проевропейца будет следующим: респондент с высшим образованием, имеющий высокий уровень дохода, а также посещающий страны ЕС несколько раз в году. Типичный молодой проевразиец из Калининградской области – человек со средним и выше уровнем дохода, часто выезжающий в страны ЕАЭС. Среди затруднившихся ответить респондентов,

напротив, преобладает молодежь с низким доходом, не имеющая высшего образования и редко посещающая страны ЕС и ЕАЭС (за исключением России). Таким образом, тематика трансграничного сотрудничества преимущественно находится вне сферы внимания низкостатусной молодежи, не являясь для нее актуальной повесткой. Как следствие, приграничное взаимодействие не рассматривается ею в качестве механизма для изменения своего социально-экономического положения.

Евросоюз рассматривается молодежью Калининградской области как более предпочтительный партнер региона в большинстве возможных сфер сотрудничества (культура, наука, образование, транспорт и инфраструктура, защита окружающей среды). Исключением является сотрудничество в военной сфере – в ней более надежным партнером видится ЕАЭС. Эта особенность обусловлена тем, что страны ЕАЭС являются одновременно союзниками России по военному блоку ОДКБ, а государства ЕС в большинстве случаев параллельно входят в НАТО, с которой у Москвы складываются напряженные отношения. В то же время социально-экономическая сфера и область здравоохранения оказались вне рамок интеграционной повестки. В целом можно констатировать, что факт союзничества России с членами ЕАЭС не является определяющим фактором, влияющим на выбор этого интеграционного объединения в качестве партнера для Калининградской области. Доминирующую роль здесь играют географическая близость стран ЕС и более тесное взаимодействие молодежи региона с ними.

Абсолютное большинство молодых людей Калининградской области придерживаются мнения о

том, что региону необходимо развивать интенсивное сотрудничество с Польшей и Литвой в разных сферах, особенно в туристической отрасли. Несмотря на поддержку идеи трансграничного сотрудничества, большинство молодых людей продемонстрировали крайне слабую информированность об основных международных программах, в которых Калининградская область была или остается участником, а также не смогли привести конкретные примеры приграничного взаимодействия. Причиной этого может выступать их низкая эффективность, слабая вовлеченность молодежи, а также недостаточно интенсивная информационная политика о фактах приграничного сотрудничества.

Основными барьерами приграничного сотрудничества, по мнению молодежи, являются: пандемия Covid-19, визовый режим, обоюдосторонние санкции Евросоюза и России и стереотипы в восприятии последней жителями соседних стран. Эти факторы находятся в политической плоскости взаимоотноше-

ний России и Евросоюза, а в случае с пандемией связаны с нормализацией санитарно-эпидемиологической ситуации.

Исследование показало, что развитие международного сотрудничества и трансграничных отношений с Калининградской областью одобряется большинством молодых людей, проживающих на территории региона. Ключевыми детерминантами при выборе интеграционного проекта и направления сотрудничества стали возраст, доход, образование и географическое расположение региона. Научное развитие темы возможно в уточнении отношения к социальным и экономическим сферам приграничного сотрудничества через поиск более релевантных факторов. Практическая ценность работы состоит в том, что общественное мнение молодежи может быть учтено при разработке государственных программ стратегического развития Калининградской области.

Примечание

¹ Низкий уровень: мы еле сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание / на питание денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднение; средний уровень: денег вполне хватает на питание и одежду, однако купить сейчас телевизор, холодильник было бы сложно / денег хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы сейчас купить новую машину; высокий уровень: наших заработков хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как дача, квартира / мы можем позволить себе все, в том числе приобретение дачи, квартиры.

Список источников

1. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // *Полития*. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
2. Якушенко С.Н., Якушenkova O.C. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // *Журнал фронтирных исследований*. 2016. № 1. С. 9–21.
3. Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. № 27 (4). С. 56–77.
4. Смородинская Н.В. Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // *Вопросы экономики*. 2011. № 11. С. 106–127.
5. Клемешев А.П., Федоров Г.М. От изолированного эксклава – к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004. 253 с.
6. Федоров Г.М. Калининградская дилемма: «Коридор развития» или «Двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // *Балтийский регион*. 2010. № 2 (4). С. 5–15.
7. Рыбакова М.В., Паламарчук А.В. Евразийская интеграция: контент-анализ электронных ресурсов // *Научный результат. Социология и управление*. 2020. Т. 6, № 2. С. 132–144.
8. Кришталь М.И., Щекотуров А.В. Методология и методика анализа социально-политических настроений : учебное пособие. Калининград : Страж Балтики, 2021. 128 с.

References

1. Zadorin, I.V. (2018) "Frontier" Regions: Territorial Identity and Perception of "Specialness". *Politiya*. 2 (89). pp. 102–136. (In Russian).
2. Yakushenkov, S.N. & Yakushenkova, O.S. (2016) "Power of Land": Formation of New Otherness in the Conditions of Frontier. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 1. pp. 9–21. (In Russian).
3. Zotova, M.V., Gritsenko, A.A. & Sebensov, A.B. (2018) Everyday Life in the Russian Borderlands: The Motives and Determinants of Cross-Border Practices. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 27 (4). pp. 56–77. (In Russian).
4. Smorodinskaya, N.V. (2011) Kaliningrad v usloviyakh ob"edineniya Evropy: vyzov i otvet [Kaliningrad in the context of the unification of Europe: challenge and response]. *Voprosy ekonomiki*. 11. pp. 106–127.
5. Klemeshev, A.P. & Fedorov, G.M. (2004) *Ot izolirovannogo eksklava – k "koridoru razvitiya". Al'ternativy rossiyskogo eksklava na Baltike* [From an isolated exclave to a "development corridor"]. Alternatives to a Russian exclave in the Baltic]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
6. Fedorov, G.M. (2010) Kaliningradskaya dilemma: "Koridor razvitiya" ili "Dvoynaya periferiya"? Geopoliticheskiy faktor razvitiya rossiyskogo eksklava na Baltike [Kaliningrad dilemma: "Development Corridor" or "Double Periphery"? Geopolitical factor in the development of the Russian exclave in the Baltic]. *Baltiyskiy region*. 2 (4). pp. 5–15.
7. Rybakova, M.V. & Palamarchuk, A.V. (2020) Eurasian Integration: Content Analysis of Web-Resources. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*. 6 (2). pp. 132–144. (In Russian).
8. Krishtal', M.I. & Shchekoturov, A.V. (2021) *Metodologiya i metodika analiza sotsial'no-politicheskikh nastroyeniye: uchebnoye posobie* [Methodology and methods for the analysis of socio-political sentiments: a textbook]. Kaliningrad: Strazh Baltiki.

Информация об авторах:

Кришталь М.И. – канд. геогр. наук, научный сотрудник социологической лаборатории Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

Щекотуров А.В. – канд. социол. наук, зав. социологической лабораторией Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Krishtal, Cand. Sci. (Geography), research fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

A.V. Shchekoturov, Cand. Sci. (Sociology), head of the Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 27.12.2021;
approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/482/3

Популяризация литературы о воспитании детей и книг для детского чтения на страницах газеты «Томский справочный листок» (1894 г.)

Василиса Николаевна Азарова¹, Наталия Вениаминовна Жилиякова²

^{1, 2}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹litisa@yandex.ru

²retama@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются книжные рецензии, опубликованные на страницах газеты «Томский справочный листок» в первый год ее издания. Анализируется тематика рецензируемых изданий, выявляются особенности рецензий книг, предназначенных для воспитания и образования детей и произведений, рекомендуемых для детского чтения. Делается вывод о том, что одной из задач публикаций книжных рецензий была популяризация литературы для детской аудитории и привлечение внимания к проблемам детского образования.

Ключевые слова: детская литература, образование, «Томский справочный листок», журналистика, П.И. Макушин, популяризация, книга

Для цитирования: Азарова В.Н., Жилиякова Н.В. Популяризация литературы о воспитании детей и книг для детского чтения на страницах газеты «Томский справочный листок» (1894 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 27–35. doi: 10.17223/15617793/482/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/3

Popularization of literature on parenting and books for children's reading on the pages of the newspaper *Tomskiy spravochnyy listok* (1894)

Vasilisa N. Azarova¹, Nataliia V. Zhilyakova²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ litisa@yandex.ru

² retama@yandex.ru

Abstract. The article considers book reviews published in the newspaper *Tomskiy spravochnyy listok* in 1894, the first year of its publication. The publisher of the newspaper was Petr Makushin, a well-known Siberian bookseller, philanthropist, educator and entrepreneur, founder of the largest bookshop in Siberia. *Tomskiy spravochnyy listok* appeared due to the fact that Makushin was not allowed to found a public-political newspaper (*Sibirskaya gazeta*, which he had published before, was closed “for a harmful direction”). Thus, the release of the *Tomskiy spravochnyy listok* was a compromise solution in the dispute between Makushin and the General Administration of Press. The program of *Tomskiy spravochnyy listok* was very short: it was allowed to publish reference information and advertising, government orders, telegrams, local chronicles, reports and bibliographic news. The latter was an important section of the newspaper, in which authors could not only recommend books for reading, but also express their views on them and on the problems raised on the pages. The aim of this article is to discover the peculiarities of the reviews published in the newspaper *Tomskiy spravochnyy listok*, including those dedicated to publications for children's reading and upbringing. In order to reach this aim, the authors determined the place of book reviews in the structure of the newspaper, composed the corpus of analysed publications, revealed their thematic spectrum, determined the methods of popularising children's literature and books on parenting. The main methods of research are comprehensive analysis of periodicals, historical typology and structural-thematic analysis. The section “Bibliography” simultaneously performed several functions in the newspaper: informational, advertising, informative-educational, publicist. Individual reviews were highly publicistic, consistent with the general Russian trend to bypass censorship prohibitions on discussing important public issues through literary criticism. The thematic range of *Tomskiy spravochnyy listok* reviews was quite wide, although most of the books considered were of a scientific-popular character. This trend was also characteristic of children's reading books, which were not regarded as entertainment but as a means of education and self-education. Reviewers of *Tomskiy spravochnyy listok* drew attention to the necessity of raising a moral younger

generation, development of their practical skills, preservation of health and inculcation of useful habits, including work. Further research of materials of *Tomskiy spravochnyy listok*, which in 1895 transformed into the newspaper *Tomskiy listok* and in 1897 into the newspaper *Sibirskaya zhizn'*, will show the development of "children's theme" on the pages of this leading periodical of Siberia.

Keywords: children's literature, education, *Tomskiy spravochnyy listok*, journalism, Petr Makushin, popularization, book

For citation: Azarova, V.N. & Zhilyakova, N.V. (2022) Popularization of literature on parenting and books for children's reading on the pages of the newspaper *Tomskiy spravochnyy listok* (1894). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 27–35. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/3

Введение

История создания и последующих трансформаций газеты «Томский справочный листок» [1], основанной в 1894 г. известным сибирским книготорговцем, меценатом, просветителем и предпринимателем П.И. Макушиным, является важной вехой в развитии российской провинциальной журналистики. Эта история, с одной стороны, иллюстрирует те трудности, которые вынуждены были преодолевать издатели периодики, стремящиеся основать в Сибири частные органы печати: известно, что П.И. Макушину в 1880-х гг. удалось при поддержке губернатора получить разрешение на основание первой частной томской «Сибирской газеты», но она была закрыта из-за ее оппозиционного характера и сотрудничества с политическими ссыльными, так что второй макушинский газетный проект долгое время не поддерживался Главным управлением по делам печати. После целого ряда отказов и переговоров Макушину было разрешено выпускать только справочный листок с чрезвычайно урезанной программой. «Томский справочный листок» выходил в течение 1894–1895 гг., после чего был трансформирован в газету «Томский листок» и получил разрешение на расширение программы издания. С другой стороны, недолгая история существования «Томского справочного листка» показывает, что даже в таком «сокращенном» виде газета служила целям информирования аудитории о местных событиях, отвечала коммерческим интересам издателя, а также выполняла задачу воспитания и просвещения сибирского общества. Эта последняя задача осуществлялась в газете с помощью публикации книжных рецензий в разделе «Библиография».

Целью настоящей статьи является выявление особенностей рецензий, опубликованных в газете «Томский справочный листок», в том числе посвященных изданиям для детского чтения и образования. Для достижения этой цели необходимо выполнение таких задач, как определение места книжных рецензий в структуре газеты, составление «корпуса» анализируемых публикаций, выявление их тематического спектра, определение приемов популяризации детской литературы и книг для образования детей. Основными методами исследования являются комплексный анализ периодического издания, историко-типологический и структурно-тематический анализ.

Необходимо отметить, что история основания «Томского справочного листка» и его последующих «превращений» (сначала в газету «Томский листок», затем в газету «Сибирская жизнь») отражена во многих научных работах [2–7], а также в воспоминаниях его

основателя, П.И. Макушина [8]. Исследователи отмечали существование двух макушинских проектов под названием «Томский справочный листок» (один из них является нереализованным замыслом книгоиздателя и относится к 1870-м гг. (см. [9])), обращали внимание на программу газеты [10], на ее содержательные особенности [11]. Кроме этого, газета упоминается в работах, освещающих деятельность П.И. Макушина [12–14]. Тем не менее ученые не останавливали внимание на популяризации детской литературы и изданий образовательного характера, которая была характерной чертой многих книжных рецензий «Томского справочного листка», что позволяет говорить о новизне принятого исследования.

«Томский справочный листок»: структура и характеристика отделов

Первый номер новой томской частной газеты под названием «Томский справочный листок» вышел 2 июля 1894 г. Его программа включала в себя восемь разделов: 1) месяцеслов и календарные сведения; 2) правительственные распоряжения; 3) телеграммы Северного агентства; 4) местная хроника; 5) отчеты о заседаниях городской думы, ученых, благотворительных и других местных обществ и судебных мест, без обсуждения судебных решений; 6) справочный отдел; 7) библиографические известия; 8) объявления. Газета была ежедневной, ее цена составляла 2 рубля в год (отдельный номер стоил 3 копейки). Номер состоял из четырех полос небольшого формата (немного больше современного А3), иллюстрации в основном газетном тексте отсутствовали. Тираж составлял 1 000 экземпляров.

Целями нового издания были обозначены следующие: «служить, по мере сил, уяснению духовных и материальных нужд 50-тысячного населения г. Томска, знакомить это население с состоянием и ходом общественного городского хозяйства, отмечать и поддерживать печатным словом светлые явления нашей жизни и порицать недостойное, развивать в обществе интерес к городским общественным делам и укреплять в нем принцип самоуправления в пределах, указанных законом». Редакция отмечала, что эти цели «мирят нас с ограниченностью программы», «дают нам и веру в полезность этого Листка и надежду на сочувственный прием вновь народившегося печатного органа со стороны местного населения» [1. № 1].

Изучение содержательной части «Томского справочного листка» показывает, что значительную часть номера составляла реклама, причем довольно много места занимали рекламные объявления о деятельности

предприятий, организаций и обществ, связанных с П.И. Макушиным. Так, в первом номере на первой полосе размещалось подробное объявление о подписке на «Томский справочный листок» (издатель-редактор П.И. Макушин), реклама «Сибирского торгово-промышленного календаря на 1895 год» (издание Ф.П. Романова, в Томске) – в ней указывалось, что «объявления для календаря принимаются в книжных магазинах и типографиях П.И. Макушина в Иркутске и Томске» [1. № 1]. Также здесь было опубликовано рекламная информация о «Сибирском книжном магазине» (крупным шрифтом было указано название его владельцев – Михайлов и Макушин), в которой подчеркивалось, что отделения его работают в Томске с 1873 г., а в Иркутске – с 1893 г., и объявлялась главная цель работы этих магазинов: «перенести из центров умственной жизни России на далекую окраину и распространить здесь возможно большее количество книг» [1. № 1].

Во многих номерах газеты размещалось объявление о «Публичной библиотеке П.И. Макушина в Томске»: здесь указывалось, что она существует с 1871 г., приводились сведения о количестве выписываемых изданий («9 487 названий книг и 30 периодических изданий на 1894 г.» [1. № 116]) и добавлялась актуальная информация – об организации работы библиотеки [1. № 3], о наименованиях выписываемых периодических изданий [1. № 8], о поступлении новых книг, газет, журналов [1. № 116]. Кроме этого, на последней полосе газеты практически в каждом номере публиковались списки книг, которые распространялись в книжных магазинах Михайлова и Макушина. Это позволяет сделать вывод о том, что «Томский справочный листок» для Макушина был важен в том числе как «рекламная площадка», как важный источник распространения в обществе информации о товарах и услугах макушинских фирм, изданий, которые были связаны с его именем.

Если репутация Макушина как издателя была «подмочена» в глазах властей в связи с закрытием «Сибирской газеты», то его авторитет как предпринимателя всегда оставался на высоте. Коммерсанты Томска и Сибири охотно давали рекламу в новую газету: здесь размещались объявления и от крупных томских магазинов, таких как белошвейный магазин Н.Б. Перетц, колониальный магазин и виноторговля А.П. Карнакова, магазин А.Ф. Второва, аптекарский магазин Щепкина и Сковородова и т.д., и частные объявления о продаже товаров, об услугах, заказах на изготовление одежды и многом другом.

Однако коммерческая прибыль была не единственной заботой Макушина. «Томский справочный листок» одновременно выполнял роль важного информационного источника для местной аудитории: в нем публиковались многочисленные объявления о деятельности томской городской управы, сообщения от томского губернатора и томского епископа, в разделе «Справочные объявления» размещались сводки Санкт-Петербургской биржи, расписание поездов Сибирской железной дороги и пароходов, «такса извозчиков», цены на сибирских рынках и т.д. Рубрика «Местная хроника» знакомила читателей с основными городскими событиями, периодически также

публиковались отчеты о судебных заседаниях (рубрика «Судебная хроника»).

Одновременно газета уделяла огромное внимание вопросам образования и просвещения, это было характерной чертой всех изданий Макушина. В «Томском справочном листке» публиковались подробные требования к поступающим в местные учебные заведения [1. № 3], отчеты о состоянии томских народных училищ [1. № 43], сообщалось число учащихся в начальных школах Томска [1. № 48], приводились сведения о суммах, составляющих стипендии студентов Императорского Томского университета [1. № 111]. Постоянно отслеживалась деятельность Общества попечения о начальном образовании, Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, Томского попечительства о нуждающихся воспитанниках семинарии.

Сочетание коммерческих интересов и просветительских задач в деятельности Макушина наиболее ярко отразилось в рубрике «Библиография», которая появлялась практически в каждом номере «Томского справочного листка». Издатель так определял ее назначение: «Под этой рубрикой предполагается помещать краткие отзывы, по возможности, о всех вновь выходящих, касающихся Сибири или выдающихся по своему достоинству книгах» (из объявления о подписке [1. № 1]). Однако заявленный акцент на «сибирике» не был реализован: тематический спектр рецензий оказался гораздо шире.

Тематический спектр книжных рецензий «Томского справочного листка»

В первом номере газеты в рубрике «Библиография» рецензент, размышляя о целях и задачах этого раздела, ссылаясь на авторитет знаменитых русских литературных критиков: «“Книга – говорит Белинский, есть жизнь нашего времени, она вводит в душу разного рода впечатления”. “Из впечатлений слагается идеал, а идеал служит посредником и проводником между мыслью и деятельностью, камертоном деятельности” (Кавелин)» [1. № 1]. При этом рецензент делал акцент на том, что важнее всего правильно выбрать книгу именно для детского чтения: «...крайне необходимо, чтобы родители и воспитатели были вполне убеждены, что чтение книги будет никак не вредно для детей». Он был вполне согласен с высказыванием Шопенгауэра о том, что «дурные книги – это интеллектуальный яд, он портит ум». Поэтому рецензент считал совершенно правильной ситуацию, описанную им в тексте: «Что же читать? Как сделать выбор той или другой книги? – вот вопросы, которые часто затрудняется разрешить иной взрослый, желающий приобрести книгу не только для себя, но и для детей» [1. № 1]. Ответом на эти вопросы и должна была служить рубрика «Библиография», в которой предполагалось «давать беспристрастную оценку появляющихся в печати новых книг».

Обратим внимание на то, что главной целью рубрики была не просто оценка качества книг, а рекомендация их для чтения определенной аудиторией, и в первую очередь – для детского чтения. Кроме этого,

рецензент «Томского справочного листка» ориентировался на демократического читателя, так как многие рецензируемые книги относились к «народным изданиям».

Под вопросом на данный момент находится имя рецензента «Томского справочного листка». Из всего массива текстов три были подписаны буквой «Б» [1. № 1, 3, 81], два были перепечатаны из журнала «Русская мысль», это указывалось в конце рецензии [1. № 16, 19], остальные были опубликованы без подписи. Невозможно определить, был ли в 1894 г. рецензентом один человек или несколько. Маловероятно, чтобы «Библиографию» вел сам П.И. Макушин: при его занятости вряд ли у него было время на составление рецензий. Поскольку выяснение этого вопроса находится за рамками поставленных в исследовании задач, мы обозначаем составителя рубрики как рецензента без уточнения, кто именно выполнял эту роль в «Томском справочном листке».

Количество рекомендуемых для чтения книг в «Томском справочном листке» было подсчитано самим изданием: в объявлении о подписке на 1895 г. сообщалось, что «в течение четырех месяцев (со 2 июля по 31 октября) даны отзывы о 67 сочинениях» [1. № 100]. Всего за 1894 г. (со 2 июля по 31 января) в газете было опубликовано более 90 отзывов о книгах.

Тематику рецензируемых книг можно условно определить следующим образом.

Большую часть литературы, на которую рекомендовал обратить внимание рецензент «Томского справочного листка», можно отнести к научно-популярной тематике. В течение 1894 г. газета писала о книгах по философии [1. № 2], о французской революции [1. № 5], об экономике [1. № 10, 11], об огородничестве [1. № 14], о промыслах [1. № 15], о жизни растений [1. № 24], об истории римской религии [1. № 29], о героическом в истории [1. № 31–32], о борьбе с пьянством [1. № 37], об окружающей природе [1. № 45], об этике пищи – вегетарианстве [1. № 54, 58], о выборе книг для чтения [1. № 66], об анатомии и физиологии [1. № 78], об астрономии [1. № 82], о шаманстве [1. № 85, 86], об истории музыки в России [1. № 105], «о том, как люди на свете живут» [1. № 134], о рождестве христовом у различных народов [1. № 138] и др. В рецензиях подчеркивалась важность именно общедоступного изложения материала. Так, описывая содержание работы Е. Предтеченского «Звездный мир» (Санкт-Петербург, 1894), газета писала: «Настоящая книжка представляет собою общедоступное изложение главнейших сведений по звездной астрономии, науки, к сожалению, доступной очень немногим. А потому всякая попытка популяризировать знания в этой области, бесспорно, заслуживают полного внимания со стороны читателя» [1. № 82].

Также интерес вызывали книги по популярной психологии: газета рекомендовала к чтению издания, рассказывающие о пессимизме [1. № 23], о причинах расстройства сна [1. № 35, 36], о том, как сделать свою жизнь более счастливой [1. № 44]. В них отмечались «легкая и доступная форма» [1. № 82], «ясность изложения» [1. № 36], делающие книги доступными «пониманию каждого читающего» [1. № 36].

К этому же научно-популярному блоку можно отнести книги, которые были посвящены биографиям знаменитых ученых, писателей, общественных деятелей, таких как Чарльз Дарвин [1. № 12], Иван Грозный, Богдан Хмельницкий (серия «Жизнь замечательных людей») [1. № 17], химик Ш. Шмидт (лекция томского профессора С.И. Залесского) [1. № 98], Т. Шевченко [1. № 109], Н.И. Пирогов [1. № 131]. Биографии таких людей, был уверен рецензент, «не только читаются с огромным интересом», но и отличаются «благотворным влиянием на читающую публику и в особенности молодежь» [1. № 131].

К отдельному направлению относились издания по медицинской тематике. Поскольку близкое участие в «Томском справочном листке» принимал брат П.И. Макушина, врач А.И. Макушин (с 1897 г. был утвержден соредактором газеты «Томский листок»), тема медицины привлекала особое внимание издания. В поле зрения постоянно находились работы о гигиене семьи [1. № 42], о домашней гимнастике [1. № 46], о рождении детей [1. № 49] и о женском здоровье [1. № 50]. Одна из самых объемных рецензий «Томского справочного листка», публиковавшаяся в четырех номерах газеты, была посвящена книге А.А. Пресса «Защита жизни и здоровья рабочих на фабриках и заводах» (Санкт-Петербург) [1. № 83, 88–90].

Достаточно часто рецензент «Томского справочного листка» обращал внимание читателей на издания различных сибирских просветительских, образовательных, медицинских обществ. Это соответствовало в первую очередь стремлению издателя писать «о всех вновь выходящих, касающихся Сибири... книг». Газета публиковала сведения об изданиях: «Труды и протоколы общества врачей Енисейской губернии» [1. № 27, 33], «Протоколы и труды Омского медицинского общества» [1. № 55], «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» [1. № 60, 61], «Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле за 1893 г.» [1. № 100] и т.д. В последнем номере газеты за 1894 г. в рубрике «Библиография» появилась информация о выходе «Алтайского сборника», изданного Обществом любителей исследования Алтая. Кратко ознакомив читателей с содержанием выпуска, рецензент подчеркивал значимость подобного рода работ, поскольку считал, что долг «каждого интеллигентного человека, попавшего в Сибирь», заключается «не в одном только исполнении своих личных обязанностей, а и в известном служении интересам того или другого захолустного угла обширной Сибири, этой забытой и неисследованной еще части нашего обширного отечества» [1. № 141]. Это свидетельствует о том, что газета умело использовала форму библиографических рецензий для высказывания дорогих ей убеждений, в данном случае – областного общественного направления.

Часть рекламируемых изданий представляли собой практические пособия: инструкции по организации веревочного производства [1. № 106], молочного хозяйства [1. № 8], кузнечного дела [1. № 76], разработки золотых россыпей [1. № 81], корзиночного производства [1. № 113]. Это было важно для Макушина – помочь

простым людям организовать собственное дело, тем самым повысив возможность улучшить свое благосостояние.

Появлялись в библиографическом разделе и рецензии на художественные произведения, но в значительно меньшем количестве, чем на научно-популярные книги. В течение 1894 г. в «Томском справочном листке» было помещено 9 рецензий на художественные произведения, предназначенные для чтения взрослыми людьми («Стихотворения» А.М. Федорова [1. № 18], «В тущах Англии» В. Бутса [1. № 34], «Деньги» Э. Альгрена [1. № 38], «Дневник принцессы Анны», публикация в «Историческом вестнике» [1. № 51], «Золотые россыпи» Е.М. Михеева и «Суэта мирская» Н.А. Салова [1. № 53], «Свет Азии» Э. Арнольда [1. № 110] и некоторые другие), а также 6 рецензий на художественные книги, рекомендованные для детского чтения.

Рассмотрим эти рецензии в общем блоке материалов, относящихся к теме популяризации произведений для чтения детьми либо для детей.

Литература для детского чтения и образования: содержательные особенности

Произведения, которые рецензент «Томского справочного листка» рекомендовал для детского чтения и образования, можно было найти практически во всех вышеуказанных блоках. К примеру, говоря о содержании книги «Домашняя гимнастика для здоровых и больных» (перевод с немецкого, под редакцией и с предисловием профессора К.П. Ковальковского), автор рубрики перечислял категории читателей, которым она могла бы пригодиться: книга «является очень полезным руководством для томичей (юношей и *под-ростков*, женщин и девиц, мужчин, ученых мужей, ремесленников и т.п.)» (выделено нами. – *Авт.*) [1. № 46]. Книга Е. Водовозова «Как люди на белом свете живут» рекомендовалась к «наибольшему распространению... в народной массе и *среди учащихся*» (выделено нами. – *Авт.*) – знакомых более с жизнью американских индейцев по книгам Купера, Майн Рида, чем с жизнью европейских народов» [1. № 134], и т.д.

Однако среди рецензий были и такие, в которых делался акцент на книгах для детского чтения. Прежде всего это художественная литература. «Томский справочный листок» писал о детских рассказах К.В. Лукашевич «Птичница Агафья» и Н.Ф. Плахово «Волшебница весна» [1. № 3], о книгах: В. Самойловича «Девять рассказов для детского чтения» [1. № 5], А.Ф. Погосского «Рассказы» [1. № 30], И.А. Крылова «Басни» и «И.А. Крылов, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк С.М. Бриллианта» [1. № 102] и некоторых других произведениях.

Необходимо подчеркнуть, что рецензии «Томского справочного листка» не создавались по «единому шаблону», их форма и содержание практически всегда варьировались автором, исходя из задач, которые он ставил перед собой. Например, в рецензии на рассказы К. Лукашевич и Н. Плахово описание содержания

предварялось объяснением рецензента, почему он рекомендует именно эти произведения для детского чтения. Прежде всего, отмечал автор, это «детские рассказы, удостоенные премии Санкт-Петербургского Фребелевского общества» (поясним, что это общество объединяло деятелей дошкольного воспитания и стало целью распространение системы немецкого педагога Ф. Фребеля). Затем рецензент описывал особенности детской возрастной группы, которой было бы полезно знакомство с произведениями: «...оба рассказа можно рекомендовать для детей младшего (дошкольного) возраста от 5 до 8 лет. В эти годы дети обыкновенно выучиваются только что читать и самый механизм чтения еще представляет для них некоторую трудность. Поэтому главною целью автора при составлении рассказа должно быть то, чтобы ребенок в чтении его находил прежде всего удовольствие, интерес; необходимо, чтобы рассказ велся в художественной форме, понятной и доступной детскому возрасту» [1. № 3]. По мнению рецензента, обе книжки «вполне удовлетворяли этим условиям». После этого довольно подробно пересказывался сюжет рассказа «Птичница Агафья» и буквально в нескольких строках передавалось содержание «Волшебной весны». Рецензент также обращал внимание на качество издания: оно было напечатано на хорошей бумаге и иллюстрировано, указывались даже фамилии художников – Н.Н. Каразина и К.В. Изенберга, известных Санкт-Петербургских иллюстраторов.

Рецензия на «Девять рассказов для детского чтения» В. Самойловича включала в себя только перечень рассказов сборника, краткую рекомендацию по возрастным аудиторным группам («часть рассказов... пригодны только для детей старшего возраста; остальные... доступны и небольшим детям лет 10–12») и небольшое заключение: «Общее впечатление от книги хорошее: от нее веет свежестью и оригинальностью содержания. Написаны все рассказы очень хорошим языком и читаются легко» [1. № 6].

Описывая же книгу, составленную из рассказов А.Ф. Погосского, автор не только пересказывал содержание всех пяти произведений, но и давал им следующую оценку: «Детских книг много, всех не перечитать; но знакомство с рассказами Погосского, в изложении специально для юношества, должно быть *обязательно для русских детей*» (курсив рецензента. – *Авт.*) подобно тому, как русский образованный человек не может обойтись без знакомства с лучшими писателями одной страны» [1. № 30]. А рассказ «Неспособный человек», по мнению рецензента, являлся «художественным олицетворением беззаветной *любви к ближнему*» (курсив рецензента. – *Авт.*) – той любви, которая составляет силу русского народа и о необходимости которой неустанно напоминает нам граф Лев Толстой и другие великие русские писатели» [1. № 30]. Эта отсылка к имени одного из самых авторитетных российских литераторов показывала, насколько высоко оценил рецензент рекомендуемую книгу.

Рецензия на издания басен И.А. Крылова носила «юбилейный» характер: как писал автор, «всякий, кому дороги успехи отечественного просвещения, с

благоговением помянет имя Ивана Андреевича Крылова, со дня смерти которого сегодня истекает полвека». Действительно, номер «Томского справочного листка» вышел 9 ноября 1894 г., Крылов же умер 9 ноября 1844 г. То есть, по сути, в форме библиографической заметки в газете был помещен публицистический материал, написанный в связи с информационным поводом и посвященный не столько оценке рецензируемых книг, сколько краткому рассказу о том, как русское общество хранит память о «своем знаменитом «дедушке», и о его «высоком значении величайшего русского баснописца». Рецензент подчеркивал: «В истории русской литературы Крылов с полным правом занимает одно из самых почетных мест, наряду с именами Пушкина и Гоголя. А басни его являются у нас, конечно, самыми распространенными из художественных литературных произведений. Еще при жизни писателя сборников его басен вышло 77 000 экземпляров; известное издание басен с биографией Плетнева в 1891 г. выходило уже 25-м изданием. Кроме того, составители русских хрестоматий (а некоторые из них издаются в десятках тысяч экземпляров), для какого бы возраста они не назначались, необходимо отводят басням Крылова видное место в своих книгах» [1. № 102]. Рецензент перечислял журналы, в которых публиковались крыловские басни, кратко описывал состав рекомендуемых читателям «Томского справочного листка» изданий.

Заметим, что далеко не все произведения, которые в настоящее время считаются предназначенными для детского чтения, в конце XIX в. рекомендовались детям. К примеру, о книге «Праведный старец» (перевод нескольких глав романа Виктора Гюго «Отверженные») рецензент писал, что она лучше всего подойдет для народного чтения: «...крестьянин, рабочий с большим интересом прочтет эту повесть и вынесет из нее, конечно, гораздо больше, чем из всевозможных сказаний о дивном чародее, о прекрасной Миликтрисе Кирбитьевне, о шуте Балакиреве и т.п.» [1. № 74].

Кроме художественной литературы, непосредственно к «детскому блоку» относится ряд изданий, предназначенных для воспитания и образования подрастающего поколения: «Труд в его психическом и воспитательном значении» К.Д. Ушинского [1. № 40], «Русские детские подвижные игры» Е.А. Покровского и «Детские игры преимущественно русские, в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной» Е.А. Покровского [1. № 21], «Собрание сочинений» Бьернстерне Бьернсона [1. № 26], «Линград и Гертруда» Г. Песталоцци [1. № 47], «Педагогические сочинения» В.Я. Стоюнина [1. № 63–65], «Искусство выразительного чтения. Опыт систематического изложения теоретических основ и приемов преподавания» Д. Коровякова [1. № 68] и «Этюды выразительного чтения художественных литературных произведений» Д. Коровякова [1. № 69], «Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Северной Америки» П.Г. Мижуева [1. № 70, 71] и др.

Рецензии на эту литературу включали в себя, кроме описания содержания книги, развернутые рассуждения по теме издания (например, о концепции детской игры

[1. № 21]), биографические рассказы об авторе (о швейцарце Г. Песталоцци, «отце современной педагогики» [1. № 47], о русском педагоге В.Я. Стоюнине [1. № 63]), указания на дискуссию, которая возникла вокруг изложенного материала (о совместном обучении мужчин и женщин в высших школах Америки [1. № 71]).

Описывая состав очередных томов (9, 10 и 211-го) собрания сочинений Бьернстерне Бьернсона, «горячего проповедника женской равноправности в вопросе о половой нравственности», рецензент затрагивал тему воспитания детей: «В переходном возрасте многие дети становятся скрытными, изменяясь к худшему. Задача разумного воспитателя – заслужить доверие ребенка и подойти к нему вовремя, а задача школы – научить тому, как устроено наше тело» [1. № 26]. «Педагогическая программа» рекомендуемого автора давала возможность рецензенту высказать свои собственные соображения о таком сложном вопросе, как половое воспитание детей, и подчеркнуть в нем роль «семейного и школьного воспитания» [1. № 26].

В рецензии на книгу Г. Песталоцци рецензент, прежде чем перейти к характеристике произведения, остановился на биографии педагога и оценке его вклада в народное просвещение, а также подчеркнул особые качества личности Песталоцци: «Бедный до того, что он не мог быть уверенным в куске хлеба на завтра, занимая самое ничтожное общественное положение, непрактичный до того, что многие современники серьезно считали его безумным, мечтатель и фантазер, бесхарактерный – Песталоцци сумел не только всю жизнь прослужить любимому делу, не только никогда не отступал ни на шаг от своих убеждений и правил, но и заставил весь мир признать справедливым и разумным то, что первоначально казалось всем окружающим его проявлением безумия» [1. № 47]. Описывая концепцию педагога, чья главная цель была «воспитать молодое подрастающее поколение в привычках к труду и скромной жизни и вместе с тем развить его умственные силы надлежащим образом», рецензент «Томского справочного листка» подчеркивал: «Хотя эта книга была написана более ста лет тому назад, приведенные в ней взгляды и идеи еще и в настоящее время не могут почитаться устарелыми, а наоборот проведение их при воспитании детей может принести несомненную пользу» [1. № 47].

Еще более развернутым оказался рассказ о биографии известного русского педагога-методиста и публициста В.Я. Стоюнина, в материалы которого были включены даже стихотворные тексты начинающего педагога, почерпнутые, как писал рецензент, «из биографического очерка о Стоюнине В. Сиповского» [1. № 63]. Текст рецензии публиковался в трех номерах «Томского справочного листка»: здесь были описаны вехи жизненного пути Стоюнина и этапы разработки им собственной педагогической концепции, перечислены литературно-педагогические труды рецензируемого автора, дана краткая характеристика педагогических взглядов. И только два абзаца в самом конце рецензии передавали содержание рекомендуемого сочинения. Очевидно, что для автора рецензии было важным в первую очередь познакомить читателей с

личностью и трудами Стоюнина, и рубрика «Библиография» дала ему эту легальную возможность – ведь публикация статей в «Томском справочном листке» не была разрешена.

Отметим также рецензии на издания о детской медицине: «Детский доктор. Руководство для матерей и воспитателей» Ж. Варио [1. № 13], «Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении» В.Н. Жук [1. № 28], «Об уходе за малыми детьми» Е.А. Покровского [1. № 76]. Выделение этих изданий в «детский блок» может быть аргументировано, в частности, тем, что книга «Мать и дитя» была рекомендована ученым комитетом Министерства народного просвещения для фундаментальных библиотек средних мужских и женских учебных заведений» [1. № 28].

Эти книги, пользуясь современной терминологией, можно отнести к познавательным и к изданиям по основам нравственности и морали. По-видимому, все они – и книги для взрослого читателя, и книги для детей – продавались в книжном магазине Михайлова и Макушина. Об этом можно судить, изучая каталоги книжного магазина, которые регулярно публиковались в «Томском справочном листке». Так, книга о Чарльзе Дарвине, рецензируемая в № 12, упоминалась в книжном каталоге в номерах 70 и 83; роман Михеева «Золотые россыпи» из № 53 – в каталогах № 35, 62, 93; книги о корзиночном производстве [1. № 113] и веревочном производстве [1. № 106] упоминались в каталоге № 56 и т.д.

Необходимо упомянуть также об одном издании, которое не рецензировалось в «Томском справочном листке», но информация о нем была опубликована на второй полосе газеты: это «Сказки в стихах: Кот в сапогах, Спящая Красавица или Царевна-Шиповник, Принц-Кисточка, Мальчик с пальчик», сочинение Александры Карловны Древинг. В объявлении указывалось, что цена книги – 25 копеек, а приобрести ее можно «у автора в г. Барнауле» [1. № 14]. Публикация подобной рекламы показывала, что детские произведения создавались не только в центре, но и в регионах сибирскими авторами, которые находили возможность опубликовать свои произведения.

Еще одним компонентом «детского блока» в «Томском справочном листке» была реклама периодических изданий для детей и юношества: она встречалась в объявлениях о подписке на газеты и журналы, которая принималась в «Сибирском книжном магазине» Михайлова и Макушина. Из этих объявлений можно было узнать, что томичи имели возможность выписать следующие детские издания:

- «Вокруг света», иллюстрированный журнал;
- «Детский отдых», иллюстрированный журнал;
- «Детское чтение», иллюстрированный журнал, с приложением «Педагогического листка»;
- «Задуманное слово», журнал для старшего возраста и для младшего возраста;
- «Игрушечка», иллюстрированный журнал, с отделами «Для малюток», «На помощь матерям»;
- «Малютка»;
- «Родник», иллюстрированный журнал, с воспитанием и обучением.

Кроме этого, предлагались и журналы для воспитания детей и молодежи:

- «Вестник воспитания», иллюстрированный журнал;
- «Педагогический сборник», журнал с чертежами и рисунками;
- «Русский начальный учитель»;
- «Русская школа»;
- «Читальня народной школы» [1. № 104].

Для тех, кто не мог позволить себе выписать эти издания, была возможность читать их в публичной библиотеке П.И. Макушина (в каталоге библиотеки перечислялись «Вестник воспитания», «Детское чтение», «Игрушечка», «Малютка», «Родник» [1. № 8]).

В процентном отношении «детская тема» в рубрике «Библиография» и в рекламно-справочных материалах «Томского справочного листка» занимала около 20%. Этот показатель может быть увеличен, если принять во внимание, что многие рекомендуемые книги могли использоваться для чтения детям во время досуга, в воспитательных и образовательных целях.

Выводы

Рубрика «Библиография» была значимой частью газеты «Томский справочный листок», так как выполняла одновременно несколько функций, важных для редактора-издателя П.И. Макушина: информационную, рекламную, познавательно-просветительскую, публицистическую. Это стало возможным благодаря тому, что рецензент газеты, рекомендуя к прочтению ту или иную книгу, не придерживался определенных шаблонов. Практически каждая его рецензия выстраивалась исходя из задач, которые он ставил перед собой: это мог быть подробный пересказ содержания, или акцент на биографии писателя, или описание явления, которому было посвящено издание, или размышление о важности предмета, анализируемого писателем, и т.д. Отдельные рецензии носили ярко выраженный публицистический характер, и это соответствует общероссийской тенденции с помощью литературной критики обходить цензурные запреты на обсуждение важных общественных проблем: впервые эта роль литературно-критических отделов была выявлена еще в 1840-х гг., она оказалась востребованной и в сибирской журналистике конца XIX в.

Тематический спектр рецензий «Томского справочного листка» был довольно широким, хотя большая часть рассматриваемых книг носила научно-популярный характер. Художественная литература относительно редко попадала в поле зрения рецензентов; при этом обращает на себя внимание, что книги знаменитых российских писателей конца XIX в. – Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и других – не были представлены в газетной рубрике, хотя они продавались в «Сибирском книжном магазине», рекламировались в его каталогах. Единственным исключением был И.А. Крылов, но повод к разговору о его книгах относился к юбилейным датам – 50-летие со дня смерти российского баснописца. Рецензент «Томского

справочного листка» обращал внимание на русских писателей и поэтов «второго ряда» – Н.А. Салова, Е.М. Михеева, А.М. Федорова; часть имен зарубежных авторов также мало о чем говорит современному читателю: это В. Бутс, Э. Альтрен, Э. Арнольд и др. Вероятно, это было связано с представлением рецензента о необходимости сообщать своему читателю о книжных новинках, появляющихся на рынке, с желанием держать сибиряков в курсе того, что было «модно» в столичных кругах. В этом отношении рецензент ориентировался также на отзывы ведущих «толстых» русских журналов конца XIX в., о чем свидетельствует перепечатка рецензий из «Русской мысли».

Что же касается произведений педагогического характера, то здесь ситуация была иная: рецензент хорошо разбирался в том, чьи педагогические теории были наиболее передовыми, имел свои предпочтения в этой сфере. Потому на страницах газеты пропагандировались сочинения известных русских и зарубежных деятелей в сфере детского образования и воспитания К.Д. Ушинского, Е.А. Покровского, В.Я. Стоюнина, Г. Песталоцци.

«Детский блок», т.е. рецензии на произведения, предназначенные для детского чтения, включает в себя самый разнородный материал, но и здесь прослеживается тенденция пропагандировать чтение не как развлечение, а как средство для образования и самообразования. Рецензент «Томского справочного листка» обращал внимание и на необходимость воспитания нравственного подрастающего поколения, и на развитие его практических навыков, и на сохранение здоровья и воспитание полезных привычек, в том числе к труду. Не предполагалось, что читателями газеты могли быть дети – она ориентировалась скорее на поколение «родителей», даже интересы студенчества как читательской аудитории стали учитываться гораздо позже, уже в начале XX в. Поэтому именно поколение «родителей» рассматривалось как «проводник» в мир чтения для детей, на него возлагалась проблема выбора книг для детского чтения. С этой точки зрения «Томский справочный листок» действительно сделал большой вклад в популяризацию литературы для детского чтения, образования и воспитания, поскольку информация о книгах этого направления появлялась и в библиографическом отделе, и в справочном (каталоги

«Сибирского книжного магазина»), и в разделе частных объявлений. Также читателям «Томского справочного листка» была доступна информация о детских изданиях, которые они могли выписать в «Сибирском книжном магазине» и читать в публичной библиотеке П.И. Макушина.

В рецензиях «Томского справочного листка» можно выявить разные приемы воздействия на читательскую аудиторию. Говоря о произведениях научно-популярных, рецензент делал акцент на «общедоступности», ясности изложения материала, на возможности его понимания народной аудиторией. Книги по медицине рекомендовались, прежде всего, потому, что они могли принести пользу читателю и его семье, облегчить жизнь простого обывателя, представителя народа. Что же касается произведений, предназначенных для образования и воспитания детей, то здесь в первую очередь рецензент подчеркивал важность книги для обеспечения гармоничного развития личности ребенка, таких его качеств, как скромность, привычка к труду, любознательность, любовь к ближнему, правильные представления о нравственности, любовь к чтению, доброта. Этой же цели служили и рекомендуемые художественные произведения; кроме того, рецензент отмечал здесь хороший язык, легкость чтения.

Таким образом, рубрика «Библиография» в первый год издания газеты «Томский справочный листок» стала не дополнительным «информационно-рекламным» разделом, отвечающим за «продвижение» книг из магазина П.И. Макушина, а важной частью издания с возможностью освещать общественные вопросы в обход цензуры. Одним из таких вопросов было воспитание подрастающего поколения, которое оказалось в центре внимания рецензента. Подбор книг для их отражения в библиографической рубрике отвечал целям популяризации литературы для детского чтения, для воспитания и образования детей. Этот акцент был обусловлен просветительскими установками редактора-издателя П.И. Макушина, которые разделял рецензент «Томского справочного листка». Дальнейшее исследование материалов «Томского справочного листка», в 1895 г. преобразованного в газету «Томский листок», а в 1897 г. – в газету «Сибирская жизнь», позволит увидеть развитие «детской темы» на страницах этого ведущего издания Сибири.

Список источников

1. Томский справочный листок. 1894. № 1–141.
2. Войтик П. Газета Макушина (из истории создания в Сибири первых массовых газет 1881–1897) // Сибирские огни. 1961. № 2. С. 138–140.
3. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, Л.Г. Гынгазова, В.А. Есипова, Н.В. Жиликова, Т.П. Карташова, Н.Е. Никонова, Д.А. Огнев, Д.А. Олицкая, Ю.С. Серягина, И.В. Тубалова; под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск, 2019. С. 126–178.
4. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 312 с.
5. Евдокимова Е.В. История сибирской журналистики (конец XVIII – начало XXI в.). Новосибирск : НГПУ, 2013. 136 с.
6. Шевцов В.В., Жиликова Н.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : в 2 т. Томск : Изд-во ТГУ, 2015.
7. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX в.): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
8. Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100.
9. Жиликова Н.В. К истории замысла газет П.И. Макушина «Томский листок» и «Томский справочный листок» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 129–139.
10. Задорожная О.А. Просветительская деятельность торгового дома «В.В. Михайлов и П.И. Макушин» // Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 63–67.
11. Чернова И.С. Выходцы из духовенства в сообществе сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 179–193.

12. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский двор, 2001. 287 с.
13. Воробьева Т.Л. Книжная культура и проблема читателя в Томске на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 3 (12). С. 77–86.
14. Косых Е.Н. О роли местного купечества в зарождении и развитии частной периодики г. Томска в 1881 – феврале 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 20–23.

References

1. *Tomskiy spravochnyy listok*. (1894) 1–141.
2. Voytik, P. (1961) Gazeta Makushina (iz istorii sozdaniya v Sibiri pervykh massovykh gazet 1881–1897) [Makushin's newspaper (from the history of the creation of the first mass newspapers in Siberia, 1881–1897)]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 138–140.
3. Ayzikova, I.A. (ed.) (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–178.
4. Gol'dfarb, S.I. (2002) *Gazetnoe delo v Sibiri: pervaya polovina XIX – nachalo XX v.* [Newspaper business in Siberia: the first half of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
5. Evdokimova, E.V. (2013) *Istoriya sibirskoy zhurnalistiki (konets XVIII – nachalo XXI v.)* [History of Siberian journalism (late 18th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Shevtsov, V.V., Zhilyakova, N.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya: v 2 t.* [Periodical press of Tomsk Province (1857–1916): the formation of journalism and of regional self-consciousness: in 2 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX v.): stanovlenie i razvitie* [Tomsk Journalism (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Makushin, P.I. (1928) *Gazetno-izdatel'skaya deyatel'nost' vo vremena tsarizma (Glava iz vospominaniy)* [Newspaper and publishing activities in the times of tsarism (Chapter from memoirs)]. *Severnaya Aziya*. 2. pp. 91–100.
9. Zhilyakova, N.V. (2013) History of Conception of Makushin's Newspapers "Tomsk Leaflet" and "Tomsk Reference Leaflet". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (22). pp. 129–139. (In Russian).
10. Zadorozhnyaya, O.A. (2004) *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' torgovogo doma "V.V. Mikhaylov i P.I. Makushin"* [Educational activities of the V.V. Mikhailov and P.I. Makushin trading house]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 8. pp. 63–67.
11. Chernova, I.S. (2020) Vychodtsy iz dukhovenstva v soobshchestve sibirskikh zhurnalistov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Natives of the clergy in the community of Siberian journalists in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskiy kur'er*. 2 (10). pp. 179–193.
12. Staleva, T.V. (2001) *Sibirskiy prosvetitel' Petr Makushin* [Siberian educator Pyotr Makushin]. 3rd ed. Moscow: Russkiy dvor.
13. Vorob'eva, T.L. (2016) Book Culture and the Problem of the Reader in Tomsk at the Turn of the 20th Century. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 3 (12). pp. 77–86. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/12/6
14. Kosykh, E.N. (2021) The role of local merchants in the origin and development of private periodicals of Tomsk in 1881 - February 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 71. pp. 20–23. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/71/3

Информация об авторах:

Азарова В.Н. – аспирант филологического факультета, ассистент кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: litisa@yandex.ru

Жиликова Н.В. – д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.N. Azarova, postgraduate student, teaching assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litisa@yandex.ru

N.V. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), Docent, head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 28.02.2022;
approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 882
doi: 10.17223/15617793/482/4

Эпистолярная дидактика В.А. Жуковского (на материале переписки с членами царской семьи)

Ирина Александровна Айзикова¹

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, wand2004@mail.ru

Аннотация. Письма В.А. Жуковского к царским детям и их родителям, императору Николаю I и императрице Александре Федоровне, рассматриваются как текст, одной из доминант которого является дидактика. Наставник и учитель членов царской семьи, Жуковский в своих письмах представляет и реализует целостную концепцию дидактики как воспитывающего обучения, используя разные стратегии ее описания в зависимости от адресата. В дидактических целях Жуковским используются и особенности эпистолярных практик.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, эпистолярный, дидактика, император Николай I, императрица Александра Федоровна, члены царской семьи

Источник финансирования: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

Для цитирования: Айзикова И.А. Эпистолярная дидактика В.А. Жуковского (на материале переписки с членами царской семьи) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 36–49. doi: 10.17223/15617793/482/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/4

Epistolary didactics of Vasily Zhukovsky (based on correspondence with members of the royal family)

Irina A. Ayzikova¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru

Abstract. Today it is obvious that the texts created by Zhukovsky, including personal letters, are mostly “saturated” with ideas of educative instruction, expressed directly or in subtext. These ideas are organically part of the romantic concepts of life-creation and self-building, and lead the poet to specific socio-cultural practices, in particular, pedagogical ones. The article deals with Zhukovsky’s letters to the royal children (Grand Dukes Alexander Nikolayevich, Konstantin Nikolayevich, Grand Duchess Maria Nikolaevna) and their parents, Nicholas I and Empress Alexandra Feodorovna, of the 1820s – early 1850s, as well as response letters from these addressees. The aim of the article is to study this part of Zhukovsky’s epistolary works from the perspective of its didactic dominant, which researchers have not yet explored. The article models a holistic concept of Zhukovsky’s didactics as educative instruction, analyses different strategies for its presentation in letters to royal persons, depending on the addressee, and also considers Zhukovsky’s use of epistolary practices for didactic purposes. The author refers to the methodology of research in the field of “court pedagogy”, epistolary practices of the first third of the 19th century, life-building and life-creation, and works about Zhukovsky as a writer-educator. The historical and cultural method of research is also used, which makes it possible to see the place of Zhukovsky’s epistolary didactics in the pedagogical tradition. The analysis carried out led to the following conclusions. Most of Zhukovsky’s letters of a didactic nature are addressed to his pupil and student, Grand Duke Alexander Nikolayevich. They highlight two of the most common meanings of statements. The first and dominant determines the educational pathos of the text; the second, actually didactic, is the main one in later messages addressed to the Grand Duke about the education of his children. In the letters, as a rule, Zhukovsky focuses on the representation of events from the life of the state through the prism of history as a moral process filled with behavioural models that give the reader the vector of their perception, experience and comprehension. Zhukovsky’s letters to Maria Nikolaevna, which develop her figurative thinking, ability to see the world based on the romantic principle of universalism, perceive and create texts based on romantic philosophy, are distinguished by a special style, defined by Zhukovsky as “chatter”, which obviously intersects with Pushkin’s storytelling strategies. Zhukovsky’s epistolary didactics in relation to Grand Duke Konstantin Nikolayevich is characterised primarily by the range of discussed issues of a philosophical, moral, ethical and aesthetic nature, focused on the idea of life-creation. Zhukovsky adopted his own features of epistolary didactics in relation to the parents of his students. In general, the most significant achievements of Zhukovsky’s romantic philosophy, aesthetics and poetics are

involved in his epistolary didactics. Created according to the general laws of romantic epistolary literature, the letters of the writer-educator completed his multifaceted creative system as a holistic one.

Keywords: Vasily Zhukovsky, epistolary works, didactics, Emperor Nicholas I, Empress Alexandra Feodorovna, members of royal family

Financial support: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

For citation: Ayzikova, I.A. (2022) Epistolary didactics of Vasily Zhukovsky (based on correspondence with members of the royal family). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 36–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/4

Педагогические идеи и проекты первого русского поэта-романтика В.А. Жуковского были в центре внимания еще дореволюционных исследователей и продолжают привлекать повышенный интерес в гуманитаристике¹ не только сами по себе, но и в связи с педагогической традицией, в которую писатель вошел и в развитие которой внес свой вклад². Важнейшим аспектом изучения наследия Жуковского-педагога является взаимодействие в его творчестве литературы, философии и педагогики, что необходимо для осмысления природы русского романтизма, его основополагающей идеи синтеза разных видов искусства, искусства и науки, искусства и социокультурных практик. Сегодня очевидно, что созданные Жуковским тексты, включая личные письма, в большинстве своем насыщены идеями воспитывающего обучения, выраженными прямо или в подтексте. Эти идеи органично входят в романтическую концепцию жизнетворчества поэта, выводя его к жизнетворческим практикам, в которых, в частности, соединялись литература и дидактика.

В данной статье мы обратимся к письмам Жуковского³, которые он писал, начиная с 1820-х гг. и до конца жизни, царским детям (великим князьям Александру Николаевичу, Константину Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне) и их родителям, императору Николаю I и императрице Александре Федоровне⁴. Эта часть эпистолярия Жуковского будет рассмотрена нами с точки зрения ее дидактической доминанты⁵.

Переходя к эпистолярной дидактике Жуковского, подчеркнем, что большая ее часть обращена к его воспитаннику и ученику великому князю Александру Николаевичу (более 150 писем) и относится к 1826–1852 гг., что дает возможность проследить процесс формирования дидактической концепции Жуковского и способов ее выражения с учетом особенностей адресата и эпистолярной эстетики.

В этих письмах господствует атмосфера доверительного общения⁶ и отчетливо выделяются два наиболее общих смысла высказываний. Первый и доминирующий определяет воспитательный пафос текста. В письмах Жуковского наследнику престола речь идет не столько об обучении как таковом (этот – второй модус выйдет на первый план в более поздних посланиях, обращенных к великому князю уже по поводу обучения его детей), сколько о том, каким человеком должен стать великий князь. Авторская установка писем, как правило, ориентирована на репрезентацию каких-то событий из жизни государства и их участников сквозь призму истории как нравственного процесса, наполненного поведенческими моделями, вовлекающими

воспитанника «в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений» [38. С. 102]⁷ воспитателя и задающими читателю вектор их восприятия, переживания и осмысления.

Так, в одном из самых ранних писем своему ученику, от 19/31 августа 1826 г., Жуковский поздравляет его «с благополучным совершением коронации государя императора». Не объясняя своему читателю суть коронации, на которой сам не присутствовал, поэт представляет картину, которую должен был видеть наследник престола, вновь погружая его в событие и моделируя его восприятие коронации активным использованием мотива радости: «Я не мог быть вместе с вами, не мог вместе с вами радоваться. Теперь вы видели Москву; вы видели, как добрый народ вас встретил. Это вас должно было порадовать». Вслед за этим Жуковский, для сравнения, рассказывает великому князю о том, чего он не мог помнить, но что хорошо помнит его наставник, связывая эти две «картинки» все тем же мотивом радости: «Этот народ уже любил вас как ребенка. <...> Я помню, как все обрадовались, когда узнали, что вы родились» [40. С. 360].

Далее Жуковский переводит свои воспоминания о рождении великого князя в регистр поучения: «Теперь еще вы ничем не заслужили любви его (народа. – И.А.); он знает только, что вы сын его государя и что вы даете надежду быть добрым и умным. Вам надобно исполнить эту надежду, и тогда вы будете достойны любви русского народа. Заслужить же ее можете только тогда, когда будете стараться быть добрым, и многому, многому выучиться, чтоб жить на свете с пользою для других. <...> Дай Бог, чтоб все радовались вашей жизнью, как вашим рождением», – пишет Жуковский восьмилетнему Александру Николаевичу. В этом фрагменте вновь используется мотив радости и делается еще один важный акцент: сообщая великому князю, что Москва, где проходила коронация его отца – это город, в котором он, великий князь, родился, что это – его родина, Жуковский далее просвещает и наставляет ученика: «А вы помните одно: в Москве родился Петр Великий. Со временем вы узнаете, какой был это человек⁸. В благодарность за его дела его называли великим. Ведите себя хорошо, учитесь прилежно, со временем и вы заслужите благодарность» [40. С. 360]. В конце письма великому князю дается несколько поручений (поцеловать ручки сестриц (Марии и Ольги. – И.А.), попросить «Марью Николаевну, чтобы меня не забывала», обнять «Карла Карловича» (Мердера. – И.А.) и поклониться «почтенным учителям Шамбо и Жиллю»)⁹, просьба «помнить и любить» наставника и своего рода домашнее задание: «Прошу вас в письме своем описать мне

Москву и ваше в ней пребывание» [40. С. 360]¹⁰. Оптика Жуковского, автора письма, очевидна: на первом плане воспитательное воздействие на адресата, с элементами обучения – истории, в данном случае, и восприятию увиденного, умению его «правильно», т.е. с точки зрения Жуковского, в аспекте нравственного измерения, интерпретировать¹¹. Подобным образом построено письмо Жуковского к великому князю Александру Николаевичу, датируемое концом февраля (около 24.02) 1828 г., в котором наставник дает подробный нравственно-психологический анализ важнейшего, с его точки зрения, события: великий князь был наказан государем за то, что в ответ на вопрос, как он учится, он ответил: «Не очень хорошо» и тут же сослался на то, что и его соклассник А. Паткуль тоже «не очень хорошо учится». Событие описано наставником своему ученику, участнику этой сцены, с его, наставника, точки зрения. Письмо, собственно, и представляет собой выписки из дневниковой записи Жуковского от 24 февраля 1828 г. Для великого князя описание назначалось как источник формирования жизнетворческой оптики, которую исповедовал всю жизнь его учитель¹².

Ряд более поздних писем (начала 1830-х гг.) написаны Жуковским великому князю в форме описания своих путешествий – например, от 25 июля / 6 августа 1832 из Эмса, от 26 августа / 7 сентября 1832 г. из Франкфурта на Майне, от 5 / 17 ноября 1832 г. из Веве, датируемое промежутком между 19 (31) июля и 4 (16) августа 1833 г., из Шлангенбада и др. Это – подробные зарисовки из жизни Жуковского, его знакомых, картины ежедневной жизни того или иного города, пейзажи. Вряд ли все детали, которые встречаются в подобных письмах, передавались для того, чтобы на долгое время остаться в памяти ученика – в его памяти должен был остаться способ восприятия окружающего мира как живой целостности, состоящей из взаимодействующих, меняющихся элементов¹³. Не ожидая скорого успеха в своих уроках восприятия мира, Жуковский вновь и вновь отправляет своему ученику живописные, наполненные глубокой философией описания. Таково, например, письмо от 1 / 12 января 1833 г., где в духе своей «горной» философии Жуковский описывает великому князю свое «пешеходство по Симплонской дороге» и, говоря о «схождении в истории этих безжизненных великанов (имеются в виду горы. – И.А.) с историей живого человеческого рода!» [41. С. 389], разъясняет воспитаннику свою философию истории природы, общества, человека.

1 сентября 1839 г. Жуковский получил официальный отпуск, закончив обучение великого князя Александра Николаевича. 29 августа 1839 г. он писал ему: «Мое государственное дело с Вами кончилось; но дело личное, дело нашей взаимной любви... кончится только с моей жизнью. Верность моя Вам должна теперь состоять в том, чтобы я без оглядки передавал Вам те чувства и мысли, кои будут мне казаться правдою. <...> И в этом-то чистом сношении любви и правды будет отныне моя связь с наследником престола» [41. С. 404].

Заканчивая свое «государственное дело» с великим князем, Жуковский в рассматриваемом письме проводит ему последний «экзамен». Он подарил ему «стихи на праздник Бородинский» («Бородинская годовщина»), написанные сразу после посещения поэтом торжеств на Бородинском поле в честь 25-летия победы России над Наполеоном, и сопроводил этот подарок комментарием, как и ранее направленным на моделирование восприятия события: «...выразить величие того зрелища, которое нас всех поразило, никакие стихи не могут: нельзя втеснить в слова той земли, политой русской кровью, на которой мы и стопятидесяти тысячная армия стояли и которая так красноречиво говорила своим прахом – прахом славных воинов – и в минуту тишины повсеместной, в минуту молебственного пения, и в минуту великого слова: венчая память царю Александру, и в минуту того неслыханного у р а , которое вдруг, со всех сторон, так чудно загремело, как будто бы вся Россия поднялась и в один голос крикнула: с л а в а ! Как же не благодарить государя за то, что он, питая в царской душе своей чувства русского, так горячо заботится о том, чтобы оно и в нас разогревалось» [41. С. 401]. Однако заканчивался этот комментарий рассуждением, сбивающим принятый высокий пафос. Жуковский пишет цесаревичу об «израненных, безруких и безногих», «покрытых лохмотьями бедности, Бородинских инвалидах, которые сидели на подножии памятника (памятник в честь Бородинского сражения на батарее Раевского, у подножия которого был захоронен прах Багратиона. – И.А.) или, положив подле себя свои костыли, отдыхали на гробе Багратиона. Некоторые бедняки притащились издалека: кто пешком, кто на телеге, чтобы увидеть царя на своем празднике Бородинского боя. Признаюсь Вам, мне было жестоко больно, что ни одного из этих главных героев дня я после не встретил за нашим обедом. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся с горем на душе восвояси, и что скажет каждый в стороне своей о сделанном им приеме, они, которые надеялись принести в свои бедные дома воспоминание сладкое, богатый запас для рассказов и детям и внукам?» [41. С. 401–402]. И далее Жуковский предлагает способы исправить эту несправедливость: назначение отставным раненым жалованья, «которое в эпоху Бородинского боя они получали», награждение всех их медалями, отлитыми «из чугуновых ядер, н а й д е н н ы х н а Б о р о д и н с к о м п о л е» <...> Это было бы драгоценнейшим даром от того, кто так славно царствует над новым поколением, для тех, коих Бог привел дожить до времен его и кои участвовали в славе поколения прежнего» [41. С. 402].

В более поздних письмах, 1840-х – начала 1850-х гг., Жуковский, как и обещал, постоянно передавал великому князю «те чувства и мысли, кои» казались ему «правдою»¹⁴. Это были описания важных для Жуковского семейных событий, своих творческих замыслов, просьбы по поводу разных людей (в том числе о помиловании сосланных в Сибирь декабристов – в письме от 3/15 мая 1846 г.), членов своей семьи и самого себя, поздравления в связи с событиями в жизни великого князя, и одновременно это были раздумья Жуковского

о назначении человека, семье, «общем благе», революции, особом пути развития России, о политических событиях, происходивших в России и Европе¹⁵, инкрустированные любимыми мыслями поэта. «Ваша царская жизнь принадлежит современникам и истории; ее будут видеть и судить люди при Вас и после Вас. <...> Ваша в н у т р е н н я я жизнь принадлежит Вам самим и Богу; она перейдет с Вами за гроб; эта внутренняя жизнь наиболее совершенствуется в тайне семейственной жизни и из нее проливается на внешность. Царские добродетели, столь важные по тому обширному кругу, в котором они действуют, суть выражения добродетелей человека; а добродетель человека есть не иное что, как вера в действие», – писал он 23 декабря 1841 г. [41. С. 426]; из письма от 12 / 24 июня 1842 г.: «Приношу Вашему императорскому высочеству мое сердечное поздравление с нашим общим радостным праздником, с торжеством двадцатипятилетия семейной жизни царской... Награди Бог государя за это счастье, которое столь долго сохранил он во всей чистоте для блага своего народа, в пример общий, в утверждение добрых нравов в своем царстве! Получить такое счастье есть милость Божия; сохранить его чистым в продолжение долгих лет есть добродетель» [41. С. 435]. Из поздравительного письма от 1 января 1843 г.: «...из всех царских венцов самый тяжелый достался русскому царю. Как самодержец, он может в с е ; но зато он один и отвечает за все перед Богом, собою и судом потомства, произносимым в истории. Ему более, нежели кому из других владык земных, нужна истина, то есть верное понятие о том, что есть и что быть должно» [41. С. 445]. Примеры можно продолжать (см. письма от 23 августа / 4 сентября 1845 г., 15/27 января 1846 г.).

Отдельно в рамках исследуемой темы могут быть рассмотрены письма Жуковского к великому князю, написанные по поводу воспитания и обучения детей цесаревича – от 30 октября / 12 ноября 1845 г. и 15 / 27 декабря 1847 г. В первом из них даны рекомендации по воспитанию детей первых лет жизни – приводится та же возрастная периодизация, описание отношения родителей к ребенку того или иного возраста, воспитательная цель на разных этапах жизни ребенка, та же идея нравственного развития как основы воспитания и обучения детей, те же принципы выбора учителей, дисциплин, круга детского учебного чтения, методы обучения и воспитания, которые были опробованы Жуковским на воспитании и обучении великого князя и которые он применял в отношении своих детей. Отличия заключаются в том, что Жуковский советует великому князю приступить к подготовке обучения детей за 6 лет до его начала, приглашать на работу с его детьми молодых преподавателей и воспитателей, не обремененных старыми методами и материалами. Аргументами Жуковского были его ошибки из прежней практики. Например, он пишет о том, что не смог внедрить в обучение великого князя созданные им визуальные материалы – таблицы и карты, которым он придавал большое значение: «...учение шло вперед своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и таким образом не могло установиться одного общего

хода, которым бы все части преподавания приведены были в одно стройное целое. <...> Все это произошло оттого, что материалы преподавания не были приготовлены заранее и что преподаватели не могли с ними предварительно ознакомиться и их себе присвоить» [42. С. 502].

Жуковский предлагает великому князю свои услуги в составлении курса истории для его детей – «по своей методе со всеми принадлежащими к оному приложениями, картами и таблицами» и подборе «л у ч ш и х у ч е б н ы х к н и г во всех родах, немецкие, французские и английские. Много напечатано нового и хорошего с тех пор, как (за двадцать лет перед сим) началась составляться ваша библиотека; её бы надобно было дополнить главнейшими во всех родах книгами, без чего вся новейшая литература будет в ней недостаточна» [42. С. 503]. В письме от 15 / 27 декабря 1847 г. он приступает к обсуждению претендента на роль учителя истории, по-прежнему считая эту дисциплину важнейшей, особенно для царских детей. Акцент он делает на необходимости серьезной подготовки учителя к преподаванию дисциплины, в первую очередь, современной истории России и Европы: «Мир современный должен быть главною наукою царя; но такой науки нет в учебных книгах, и для нее нет учителя ни в гимназиях, ни в университетах. Ее может преподавать только тот, для кого сам этот мир современный был учебною книгою» [42. С. 536].

Не менее показателен для характеристики эпистолярной педагогики Жуковского его письма к великой княжне Марии Николаевне – старшей дочери и второму ребенку в семье Николая I¹⁶. Жуковский преподавал ей русский язык. Их отношения были дружескими, что в письмах передавалось особой стилистикой общения. Например, неизменно называя свою ученицу, в соответствии с этикетом, Вашим Высочеством, а позднее Вашим Императорским Высочеством, Жуковский, как правило, заканчивает письма следующими «домашними» фразами: «Целую Ваши ручки и прошу Вас не забывать Жуковского» (от 25 июня 1828 г.), «...я с сердечною благодарностью целую ту милую руку, которая написала мне это прелестное русское письмо и прошу эту милую руку не покидать этой любезной для меня привычки» (7 / 19 мая 1840), к письму от 4 / 16 января 1833 г. он прикладывает к письму «розовую распуколку, сорванную» им «на открытом воздухе», письма Марии Николаевны неизменно называет прелестными. Мария Николаевна в ответных ранних письмах называет его «любезным Василием Андреевичем» (13 июля 1828 г., 6 / 18 мая 1833 г.), а позднее «Ангельчик мой! Хорошенький!», «мой старший друг, друг с колыбели». В письме от 13 июля 1828 г. она посылает учителю «крыло саранчи» с просьбой разобрать, «что на нем написано. У нее четыре таких крыла, и на всех одинаковый узор» [38. С. 165]; подписывает ранние письма своим домашним именем «Ваша Мери», а поздние: Мария, «Ваш старый друг Мария».

Нередко Мария Николаевна, будучи уже взрослой, обращаясь к своему учителю, использует один из образов сформированного ею и Жуковским «репертуара» и

называет его «любезный Вася-кот», «любезный котик», «Васька, мой милый Васька». Рассматриваемые письма Жуковского и Марии Николаевны в целом наполнены подобного рода аллюзиями, намеками, иногда понятными только им. Референты многих таких стилистических фигур учителя и ученицы находятся в области литературы (у Марии Николаевны это, прежде всего, творчество Жуковского) и изобразительного искусства (у Жуковского этот круг столь широк, что заслуживает отдельного изучения). Одним из самых значимых и многозначных для обоих следует признать образ Лалла Рук (см., например, письмо Жуковского Марии Николаевне от 2 / 14 июля 1838 г.).

Привлекая свою ученицу к сотворчеству в описании переживания какого-то события, явления природы, пейзажа, произведения искусства, Жуковский постепенно вместе с нею вырабатывает не только общий образный корпус, но общий «культурный код», позволяющий им писать друг другу легко обо всем – окружающем мире, самих себе, своих близких, о своих внутренних состояниях и т.д. Так, уже в первом дошедшем до нас письме Жуковского, от 25 июня 1828 г., обращенном к почти уже девятилетней великой княжне, к благодарности за ее описание Одессы и городских окрестностей им были приложены своего рода план следующего письма великой княжны: «Если Вы захотите еще раз меня обрадовать письмом, то прошу Вас как можно подробнее описать мне тот дом, в котором Вы живете, виды из Ваших окон и, наконец, как расположено Ваше время: чем в какой час Вы занимаетесь!», и некий образец повествования – свой рассказ об учебных занятиях великой княжны Ольги Николаевны, в который Жуковский, не совсем «в тему», вставляет сообщение о том, что он читал ее младшей сестре «ту сказочку», которую ей когда-то читала Анна Петровна (Зонтаг. – *И.А.*), что сказочка Ольге Николаевне так же, как и ей, понравилась, и далее разговор переходит к А.П. Зонтаг, которую Жуковский не просто просит любить, но и рассказывает о ней как о «самой милой и родной», об их общем детстве и юности. В ответном письме Марии Николаевны от 13 июля 1828 г.¹⁷ читаем: «Вы спрашивали у меня о расположении нашего дома. Мы живем теперь на даче; дом наш в саду, он очень мал; море у нас перед глазами; мы купаемся в нем, но уже три дни как перестали купаться, потому что вода очень холодна. Мы здесь видели очень много саранчи; она лежит большими тучами. Фигурой она похожа на кузнечика, только гораздо больше; величиною будет с Ваш середний палец, а цвета серого. Вы спрашиваете у меня о расположении моего дня...» [38. С. 164], и далее идет подробное описание распорядка всех дней недели (по образцу, данному Жуковским). Из письма видно, что описание «видов из окна» включает в себя рассказ о купании, холодной воде в море, а центральной темой повествования стала саранча, ее количество, переданное с помощью образа «больших туч», описание «фигуры кузнечика» через сравнение с «средним пальцем» учителя.

Позднее такой способ письма ученица и учитель использовали чаще всего и называли его в своей переписке «чепухой» (Мария Николаевна) и «болтовней»

(Жуковский)¹⁸, понятием, которым, как известно, пользовались Пушкин, ряд его современников и последователей. Вспомним тезис самого Пушкина «Роман требует болтовни», глубоко и точно раскрытый Ю.М. Лотманом в разделе «Проблема интонации. “Роман требует болтовни”» монографии «В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь». По мнению ученого, пушкинская «болтовня» является сознательной ориентацией автора «на повествование, которое воспринималось бы читателем как непринужденный, непосредственный, нелитературный рассказ», создававший у читателя художественного произведения «эффект непосредственного присутствия, что резко повышало степень соучастия и доверия читателя по отношению к тексту» [44. С. 68]. Характерным в связи с этим представляются постоянные предложения в письмах и учителя, и ученицы представить себе описываемое в письме, вообразить те чувства, которые испытывал автор, даже если у самого автора эти чувства оказывались «невыразимыми».

Используя терминологию постмодернизма, Л.М. Ельницкая пишет о сути поворота русской литературы первой трети XIX в. к «болтовне» как о «превращении “произведения” в “текст”, с характерной для последнего открытостью, незавершенностью, проблематичностью смысла» [45. С. 126], что в пушкинскую эпоху означало конец века поэзии и начало века прозы, в которой достигается «неразличение важного и случайного, высокого и низкого, большого и малого. Внутри сюжетно организованных глав Автор постоянно прибегает к отступлениям, никак не связанным с предметом разговора. Ироническая словесная игра, или “болтовня”, представляет собой одновременно утверждение и отрицание, границу между которыми провести невозможно. “Болтовня” связана с нарушением жанровых канонов, совмещением в языке поэтизмов и прозаизмов; постоянной сменой ракурсов, освещения, точек зрения, с позиции которых изображается предмет... В результате впечатления всякого читателя множественны и разнородны». «Болтовня», пишет исследователь далее, служит (речь идет о «Евгении Онегине», но применима к прозе пушкинской поры. – *И.А.*) уловлению текуче-непредсказуемой “живой жизни”» [45. С. 127–128].

Таковы письма Жуковского и его ученицы, старавшейся не отставать в искусстве «болтовни» от своего учителя. Приведем еще один весьма красноречивый пример. Восторженно благодаря Жуковского за его выше уже упоминавшееся письмо о Женевском озере, Мария Николаевна пишет: «Благодарю Вас и за то, что Вы так чисто писали: без всякого труда я читала Ваше письмо. Мы часто об Вас думаем и всегда вспоминаем, когда подают суп с потрохами: каждая из нас берет лапку и кушает ее за Ваше здоровье», ставя рядом духовное и материальное, бытовое; между высокими и ироническими интонациями автора письма трудно провести четкую границу: как следует понимать, например, фразу о «чистом» письме Жуковского, которое адресат читал «без всякого труда» – здесь мысль о глубоком их взаимопонимании, но прочитывается и намек на трудно читаемый почерк Жуковского [38. С.

165], а в общем здесь реализуется принцип видения целого, состоящего из множества взаимосвязанных подвижных отдельностей.

Письма Жуковского к Марии Николаевне, развивающие ее образное мышление, умение воспринимать и создавать тексты, построенные на романтической философии, видеть мир исходя из романтического принципа универсализма, с особой силой акцентируют быстротечную и вместе с тем вечную подвижность жизни, таких ее главных характеристик, как время и пространство. Например, в упоминавшемся выше письме от 24 июня 1838 г. автор рассказывает о двухмесячном путешествии с наследником престола как о сне, «в котором бездна разных образов быстро и беспорядочно промчалось перед душою; а из этого сна я выхвачу для Вас несколько эпизодов, которые особенно меня поразили» [43. С. 332]. Письмо от 5 сентября 1839 г. о посещении Бородина в дни торжеств по поводу 25-летия победы над Наполеоном построено на постоянных переходах авторского нарратива из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее (чем и отличается от письма великому князю Александру Николаевичу на эту же тему). Поздравительное письмо Жуковского Марии Николаевне от 17 / 29 мая 1840 г., сообщившей ему 1 мая 1840 г. о рождении первенца и своих чувствах матери, органично соединяет в себе тексты разной природы: начинается с высокой «оценки» письма Марии Николаевны, его глубокого содержания и «простого» слога: «Не могу выразить Вашему высочеству, с каким чувством читал я Ваше письмо, столь полное дружбы к старому Вашему поэту и столь прекрасно написанное по-русски. В этом милом письме Вы так верно и просто выражаете теперешнее счастье души Вашей, что и мне как будто, при чтении описания его, уделился на часть небольшой лоскуток этого счастья, столь совершенно Вами понимаемого» [42. С. 616], затем переходит в рассказ о счастье своей семейной жизни, а далее – в философско-религиозные рассуждения о случае, Провидении, счастье жизни, таинстве смерти.

Особую страницу в эпистолярной дидактике Жуковского занимает его переписка с великим князем Константином Николаевичем, вторым сыном Николая I и императрицы Александры Федоровны. Воспитанием Константина Николаевича занимался Ф.П. Литке, который ввел в практику еженедельное написание великим князем письма к кому-нибудь из воспитателей или наставников, по его желанию. В этой переписке согласился участвовать Жуковский, она началась с конца 1830-х гг. До нас дошло 20 писем Жуковского к великому князю Константину Николаевичу и 22 его ответных письма.

В письме от 17 ноября 1840 г. великий князь сообщал Жуковскому: «У нас теперь заведено, чтоб каждое воскресенье написать письмо или Федору Петровичу или г-^осподину > Гримму. Сегодня Федор Петрович велел мне написать Вам. Цель этой переписки есть, чтоб приучить меня мало-помалу к эпистолярному штилю, и Федор Петрович хочет по истечении года сравнить эти письма и увидеть, какой успех я сделал в

продолжении года» [38. С. 180]. Отвечая на это письмо в тот же день, Жуковский оставляет до личной встречи «критику грамматическую и логическую» и центральной темой своей эпистолярной беседы делает проблему слога: «Знаете ли, что такое слог? Я здесь повторю слова знаменитого Бюффона; он говорит: *слог есть человек*. Это совершенная истина: *человек на бумаге* такой же точно, каков он есть в самой жизни. Если человек имеет ясные мысли, и слог его ясен; если он чувствует сильно, и слог его силен и горяч; если он много знает, и в слог его выражается это знание. Все это есть, однако, одно только основание слога. К сему основанию надобно присоединить и материальное знание языка, и искусство владеть им: то есть уметь выбирать слова и помещать их на принадлежащем им месте. Это искусство можете Вы мало-помалу приобрести от навыка» [46. С. 630]. Объяснение того, что есть слог и как его «приобрести», Жуковский, в духе своей «царской педагогики», помещает в перспективу разностороннего развития великого князя как личности: «Но прежде всего будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда Ваш слог будет выражением прекрасного; и тот, кто будет Вас читать, догадается, что он беседует с великим князем, достойным своего имени и звания» [46. С. 631]. Важнейшим способом развить слог Жуковский считает «образцы», на которых он учился сам и к которым был склонен с первых своих шагов в педагогической деятельности¹⁹: «Я покажу Вам письмо, полученное мною уже по возвращении в Петербург от Вашего дяди короля прусского; прочитав его, Вы поймете, что такое прелесть слога, когда в нем выражается прелесть души живой и возвышенной» [46. С. 631].

В следующем письме, от 10 / 22 декабря 1840 г., продолжая тему слога, Жуковский обращается к теме переписки, письма, специально подчеркивая свое понимание этого: «Мы начинаем с Вами вести *переписку*. Это не значит, что мы будем *писать* друг к другу в положенное время *письма*; нет, это значит, что мы будем свободно, с доверенностью взаимною и с полною искренностью, *меняться* друг с другом мыслями, замечаниями и чувствами. Следовательно я имею право ждать от Вас, что Вы не только будете просто *писать ко мне* письма, но и *отвечать на мои*, то есть к *моим* мыслям прибавлять *Ваши*, требовать *объяснения* на то, что Вам покажется неясным или даже делать *возражения* на то, с чем Вы останетесь не согласны. Это даст нашей переписке и жизнь и прелесть; а к ним сама собою присоединится и польза» [46. С. 631]. Заметно корректируя замысел Ф.П. Литке, Жуковский акцентирует важность переписки для становления личности великого князя, что возможно только при формировании их взаимоотношений в ходе создания эпистолярного текста и его восприятия, делая пользу, ожидаемую Литке, следствием свободного, искреннего обмена «мыслями, замечаниями и чувствами» учителя и ученика в переписке. Последовавший далее анализ фразы великого князя из его письма к Ф.П. Литке («*вместо того, чтобы написать весь мой характер, я написал мои проступки*»), которую Константин Николаевич

приводит Жуковскому, будучи потрясен ответом Литке на нее, не только разъясняет важность правильного словоупотребления («Что Вы описали: *недостатки* ли свои или *проступки*?»), но и выводит наставника к разговору о характере человека, о необходимости цели для его становления, о разнице между знанием своих недостатков и стремлением «восходить», отталкиваясь от них, «на высоту», о том, насколько это важно именно для великого князя, «рожденного на ступени высокой и при жизни» и состоящего «под судом всенародным, а по смерти, сверх Божия суда», предающегося «еще и суду истории». Письмо заканчивается предлагаемой великому князю для примера жизнестроительной моделью Демосфена.

Ответное письмо великого князя показывает, что Жуковскому удалось вовлечь его в свободный обмен «мыслями, замечаниями и чувствами». Заверив своего адресата в том, что он «совершенно понял» то, о чем тот ему писал, Константин Николаевич делает свое «замечание» по поводу идей «любезного Василия Андреевича» и аргументов, им приведенных в подтверждение сказанного, вступая с ним в диалог: «Это все так, что сравнивают жизнь с двумя дорогами, из которых одной начало рай телесный, а конец ад душевный, а другой начало ад телесный, а конец рай душевный, или исправление с дорогой, где эти разные станции. Но где их найти? Хорошо, если эти две дороги мне представятся так, как Гераклесу, тогда я их вижу, и уж конечно пойду по той, по которой пошел и он, но где их найти? Та дорога, которая хорошо начинается, а худо кончается, беспрестанно перед глазами; почти невозможно или весьма трудно по ней не пойти. Другую же нужно сыскать, она сама собой не является, и на ней-то и находятся те станции, о которых Вы в письме говорите. Даже тот пример, который Вы представили, и тот легче, а здесь станции духовные. Но я, несмотря на все эти препятствия, хочу дойти до моей цели». Принимая во внимание предложенную Жуковским программу самосовершенствования с ее установкой на формирование самоанализа и самоконтроля, великий князь задает вопросы о способах ее реализации, апеллируя к своему «образцу» – культурному герою Гераклу. Жуковский в ответ квалифицирует данное письмо великого князя как начало переписки (письмо от 16 декабря 1840 г.): «...очень рад, что между нами начинается переписка; это даст нам средство сделать теснее тот союз, который уже произвели между нами обстоятельства, так сказать, без нашего участия. Теперь же этот союз может сделаться *произвольным*, основанным на согласии мыслей и чувств, словом может быть *дружеским* союзом. <...> Переписка в таком случае большой помощник. Но характером такой переписки должны быть непринужденность, откровенность и в то же время обдуманность. Все это со временем выйдет из нашей переписки: начнем с малого, а кончим большим» [46. С. 635].

С годами круг обсуждаемых с великим князем тем всё более сосредоточивался на серьезных и глубинных вопросах философского, нравственно-этического характера²¹: быстротечность времени (письмо-поздравление с Новым годом Жуковского от 28 декабря 1841

г. / 9 января 1842 г.²²), отношения России и Западной Европы, развитие как закон жизни, цель, смысл и «техника» работы Жуковского над переводом «Одиссеи»²³ (от 28 октября / 9 ноября 1842 г.), история и судьба России (от 21 октября / 2 ноября 1845 г., от конца 1849 г. и от 2 / 14 марта 1850 г., где Жуковский делится с великим князем положениями своего Иерусалимского проекта²⁴), суть творчества и его роль в жизни общества (письмо от 19/31 октября 1848 г., от конца 1849 г.) и др. Таким образом, постоянно и органично «смешивая» в рамках переписки с великим князем Константином Николаевичем разные темы, дискурсы, что было органично для романтической эстетики, в том числе эпистолярной, Жуковский неизменно удерживает жизнестроительный фокус своих писем и писем адресата, тесно связывая его с работой над эпистолярным текстом (от создания своего до понимания чужого). Некоторые эффекты этой тактики, превращающей эпистолярный в эпистолярную дидактику, мы постарались представить.

С остальными царскими детьми у Жуковского не сложилась сколько бы то ни было длительная переписка. Обучаясь вместе с сестрой Марией Николаевной русскому языку у Жуковского, великая княгиня Ольга Николаевна не оценила его как педагога и воспитателя, воспринимая его прежде всего как великого поэта. В своих воспоминаниях она писала о его «прекрасных намерениях, планах, целях, системе», усматривая в них, между тем, «много слов и абстрактных объяснений. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов <...> Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал» [49]. Великую княжну Александру Николаевну и великих князей Николая и Михаила Николаевичей Жуковский знал с рождения, но близко они не общались.

Иной тактики Жуковский придерживался в письмах дидактического характера к родителям царских детей, учителем или воспитателем которых являлся. Его эпистолярная дидактика раз и навсегда сложилась в отношении Николая I, будучи задана социально-иерархическими и этикетными придворными нормами. В письмах императору подробно излагаются основы собственно дидактики Жуковского: принципы и средства обучения, методики преподавания отдельных дисциплин, ключевые умения и навыки, которыми должен овладеть обучающийся, организация образовательного процесса, условия его реализации, специфика царской педагогики, взаимодействие учителя и ученика, учителя и родителей – все это предлагается Жуковским государю на рассмотрение и утверждение как определенная методология и методика. Однако и в этих письмах, написанных в строго официальном тоне, центральной оказывается генеральная для Жуковского идея воспитывающего обучения. В этом плане письма Жуковского императору близки его письма, обращенным к учителям и организаторам образования царских детей.

Не останавливаясь подробно на письмах Жуковского к императору об обучении и воспитании его детей, поскольку они достаточно хорошо изучены, в том числе и в плане дидактики²⁵, чуть подробнее остановимся на письмах поэта-педагога к великой княгине и императрице Александре Федоровне. Как известно, после венчания принцессы Шарлотты (принявшей православие с именем Александра Федоровна) и великого князя Николая Павловича летом в июле 1817 г. Жуковский приступил к занятиям русским языком с великой княгиней, отношения учителя и ученицы сложились как очень доверительные и дружеские. С 1818 г. между ними началась переписка, продолжавшаяся вплоть до смерти поэта. До нас дошло 65 писем Жуковского к Александре Федоровне и 19 ее писем к Жуковскому.

Письма поэта конца 1810-х – начала 1820-х гг., кроме прочего, о чем уже много сказано исследователями²⁶, интересны тем, что именно в них закладывались основы эпистолярной дидактики Жуковского, в первую очередь, использование эпистолярных практик в дидактических целях развития нравственных и гражданских устоев обучающегося, его художественного мышления, понимания и интерпретации текстов, создаваемых на принципах романтического универсализма и свободного нарратива («болтовни»), умения выразить словом свое восприятие окружающего и внутреннего мира. Эпистолярные практики Жуковского, в силу самой природы романтической эстетики и поэтики, положенных в их основу, близкие к исповеди, самоанализу, были незаменимы в дидактике Жуковского-учителя по отношению к великой княгине Александре Федоровне и позднее распространились на переписку с ее детьми, особенно с Марией и Константином.

С 1824 г. поэт начал давать уроки сыну Александры Федоровны, великому князю Александру Николаевичу. Характер писем Жуковского Александре Федоровне по поводу выполнения своих педагогических особенностей поменялся – теперь он писал не ученице, а матери своего ученика и давал ей «отчет» о своей деятельности, который был пронизан, прежде всего, глубокими психологическими наблюдениями и выводами. В этом плане характерно, например, письмо от 15 ноября 1824 г. Описывая ход уроков, их продолжительность, Жуковский делает особый акцент на серьезности и планомерности их занятий, суть которых он определил многозначным словом «беседа»; на своем стремлении «привлечь внимание ребенка и сделать работу его ума приятной, не делая ее слишком легкой», следствием чего называется отсутствие скуки у ученика [40. С. 254]. Главным показателем успешного обучения Жуковский называет то, что великий князь «был счастлив все эти три месяца; счастлив в своей учебе, счастлив в своих отдохновениях²⁷. Весь его день был заполнен играми, развивающими его тело, а часы занятий всегда вели к нравственному выводу, в высшей степени благотворному для его сердца, к внутреннему удовлетворению, неотделимому от его сознания, что он выполнил свое задание» [40. С. 254]. Жуковский пишет и о том, как важно для обучения великого князя помнить о той оценке, которую ему бы дали родители в тот или момент урока. «Мне пришла

мысль, – пишет поэт Александре Федоровне, – поставить ваш портрет и портрет великого князя на нашем рабочем столе». Каждый раз он говорил ученику, что наградой за успехи в учебе ему будет разрешение поцеловать отца и мать: «Они здесь, они нас слышат». И каждый урок заканчивался этим его трогательным вопросом: *Mozno? Pozvòlis?* Что означает: «Я правильно сделал?». И нужно было видеть его радость, когда мое столь желанное разрешение ему давалось! Он кидался, крича, к вашим портретам, чтобы подарить им свой поцелуй в награду, и судьба оставшегося дня была решена. Эта награда давалась, тем не менее, не всегда; три или четыре раза я должен был в ней отказать» [40. С. 255].

Жуковский делится с Александрой Федоровной своими наблюдениями и в отношении характера великого князя, которые его тревожат: «Он слишком быстро приходит в уныние. Тогда всякая его деятельность прекращается, и страх сделать или сказать что-то не так, как он должен это сделать или сказать, лишает его необходимого участия разума; он думает более не о предмете, но о своей воображаемой неспособности и о своем страхе, или же о том, что его товарищи опередят его, или о том, что его не одобряют те, кто его видят и слушают. Эта тревога парализует его, лишает его возможности преуспеть, и неудача заставляет его плакать» [40. С. 255]. Полагая, что к этому недостатку ребенка нужно относиться «отрицательно» и что учителю не следует это скрывать от матери, Жуковский предлагает Александре Федоровне способ исправительного воздействия на великого князя: «Относиться отрицательно значит, по моему разумению: избегать случаев, в которых он не всегда может преуспеть, и пытаться ему предоставить такие, в которых он может насладиться своим успехом. ...нужно лишь внушить ему большее доверие в его собственные силы, доверие, которое он может приобрести лишь посредством положительного опыта» [40. С. 255]. При этом Жуковский, глубоко проникающий в психологию ученика, считает недопустимым, именно в данном случае, применение соревнования с другими детьми: «Соревнование – прекрасный способ с другими детьми; для него этот способ может быть опасным. Его детское честолюбие заключается в страхе быть превзойденным, нежели в желании превзойти других. Это его честолюбие состоит не в побуждающем его рвении, а, скорее, в парализующем его беспокойстве. С возрастом оно пройдет и изменит его характер, в особенности, когда в нем появится уверенность в собственных силах. Тем более нужно теперь запастись терпением и быть осторожным» [40. С. 255–256]. То, что Жуковский-учитель был тонким психологом, демонстрирует приведенный им в рассматриваемом письме пример: «Однажды урок шел не так хорошо, как обычно: он был невнимателен. В самом конце я ему сказал: “Я не запрещаю вам поцеловать маму и папу, но решите сами, можете ли вы это сделать”. Он мне ответил грустно: “Нет, я не могу это сделать” – и заплакал. Я обнял его, я сказал ему, что разделяю его горе, и на том мы остановились, желанное разрешение дано не было, и я даже уверен, что оно не доставило бы ему удовольствия: он начинает чувствовать, что лучше что-то заслужить, чем просто получить это» [40. С. 256].

Особенно подробно Жуковский пишет Александре Федоровне о «подготовительном обучении» великого князя Александра Николаевича, которое, по его мнению, «значительнее всего, ибо именно на нем будет возводиться однажды все здание» [40. С. 256]. Развивая мысль о счастье ребенка в период «подготовительного» обучения, он уточняет, что слово «счастье» не должно говорить лишь об игре и отдыхе: нет, постоянная деятельность души и тела, дабы они развивались гармонично и равномерно, дабы совершенствование одного не мешало совершенствованию другого. Весь труд должен выполняться теми, кто его окружает; он же должен чувствовать себя свободным, должен идти впереди, не замечая, что его ведут. Свобода – это великое слово, свобода означает свободно и с удовольствием делать то, что велит долг. Это основной принцип его нравственного воспитания, и одновременно это же принцип его обучения. Свобода – синоним долга, а счастье – ее результат» [40. С. 256–257]²⁸. Роль учителя (и родителей) в описываемый период Жуковский сводит к тому, чтобы «становиться ребенком в присутствии ребенка; <...> давать ему работать столько, сколько возможно, самостоятельно, быть рядом, чтобы дать толчок, чтобы обозначить цель, чтобы помочь достичь ее» [40. С. 257]. «Что будет итогом этого? – спрашивает Жуковский и сам отвечает на вопрос: «Наш ученик, быть может, не удивит нас своими ответами во время короткого экзамена в течение часа, но разум его будет наполнен (*хорошо снабжен, обеспечен*) всем необходимым на будущее; он будет уметь выражать свои мысли, что приведет к способности вос-

принимать и усваивать другие знания, он сможет оживить (*руководить*) свою работу, потому что почувствует от нее удовольствие, он никогда не будет обескуражен болью, ибо опыт покажет ему, что он может успешно ее превозмочь» [40. С. 258]. Как видим, делая отчет о выполнении своих обязанностей учителя и воспитателя в отношении великого князя, Жуковский выступает таковым и в отношении его матери, задавая ей определенный вектор в восприятии его «методы», передавая ей свои знания и умения путем вовлечения в свое восприятие душевной жизни ее ребенка, приступившего к важнейшему этапу своей жизни – к обучению.

Подведем итоги всего сказанного и прежде всего отметим, что в эпистолярной дидактике Жуковского задействованы наиболее весомые достижения его романтической философии и эстетики. И его принципы воспитывающего обучения, и разные стратегии представления их в письмах разным адресатам или одному и тому же адресату в разные периоды его жизни, органично коррелировали с кругом его чтения, творчеством, эстетикой, объединяемых идеей житетворчества и самостроения. Посвященные обучению и воспитанию, письма Жуковского царским детям и их родителям не только не вступали в противоречие с тематикой, проблематикой, эстетикой и поэтикой его большого эпистолярного наследия, но органично входили в него. Созданные по общим законам романтической эпистолярной литературы, они достраивали творческую систему Жуковского, поэта, прозаика, публициста, философа, психолога до целостной.

Примечания

¹ Первый всплеск внимания к ним связан с юбилеем Жуковского в 1883 г. [1, 2]. К следующему юбилею Жуковского (1902 г.) вышли новые публикации на эту тему [3–6]. Вновь проблемы придворно-педагогической деятельности Жуковского были поставлены в работах конца XX – начала XXI в. С.О. Шмидта [7, 8], П.М. Симиновского, Б.К. Тебиева [9]. В этих и других публикациях [10–28] вводился новый архивный материал и новые подходы к анализу педагогических опытов Жуковского при дворе. Наблюдения, сделанные в данных исследованиях, были использованы в комментариях к педагогическим текстам Жуковского 1820–1830-х гг., опубликованным в его Полном собрании сочинений и писем [29]. Кроме того, тема придворно-педагогической деятельности Жуковского затрагивалась в научной литературе, посвященной придворной жизни Российской империи XIX в. [30–32].

² Например, в работах Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Н.Е. Никоновой, Д.В. Долгушина, В.С. Киселева и Э.М. Жилияковой прослежено влияние Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фенелона, И.Г. Песталоцци, М.Н. Муравьева на Жуковского-педагога [12, 13, 21, 25, 33–35]. Жуковский-педагог, в свою очередь, сам влиял на современников, в частности, на П.А. Плетнева. См. об этом: [14, 25].

³ Общий обзор эпистолярного наследия Жуковского см.: [36].

⁴ См. статьи А.С. Янушкевича «Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли», где предлагаются общий подход к данному корпусу писем как к «поведенческому тексту» и их тематическая классификация: письма «общественно-политического характера, историософского содержания, эстетической проблематики, в жанре “политической педагогики”», письма-ходатайства о помощи “униженным и оскорбленным”, письма личного характера с просьбами о материальном обеспечении себя и своего семейства» [37. С. 45, 48], и В.С. Киселева «Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры» [38]. См. также: Киселев В.С. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий [39]. Интересующая нас проблема эпистолярной дидактики Жуковского в его переписке с членами царской семьи не входит в поле зрения авторов.

⁵ Дидактика Жуковского не ограничивается эпистолярием, охватывая ряд его разножанровых статей, циклов «мыслей и замечаний», переводную художественную прозу; сборники, в создании которых участвовали его ученики, прежде всего, члены царской семьи; методические материалы и др.

⁶ Эта атмосфера создавалась и укреплялась Жуковским от письма к письму, он не уставал повторять, что думает о своем наставнике ежедневно (просил великого князя «помнить его и любить», «мысленно быть с ним» также ежедневно), радуется «мыслью, что Бог велел» ему жить для своего воспитанника, быть ему «товарищем... другом... помощником во всем добром», что это для него «счастье бесценное» (от 19 / 31 августа 1826 г., 1 / 13 января 1827 г. [40. С. 360, 437]). 31.1.1827 г. Александр, отвечая Жуковскому, в самом начале письма уверяет его в том, к чему призывал его наставник: «...каждый день вспоминаю об Вас», и при прощании просит учителя: «помните и любите меня столько, как я Вас люблю» [38. С. 106]. Подобные примеры находим в большинстве писем Жуковского великому князю и в его ответных письмах наставнику.

⁷ Исследователи, в свою очередь, ссылаются на следующие работы: [7, 9, 21, 32].

⁸ К новому 1829 г. Жуковский подарил своему воспитаннику бюст Петра I со стихотворной надписью «Петр Великий»: «В почтенны к должности ему подобных нет: / Его назвал великим свет / За то, что с высоты властительного трона, / Неподсудимый, он был верный раб закона». 28.01.1829 г. великий князь подарил своему наставнику на день рождения собственноручный список этой надписи [38. С. 107], желая не только сделать приятное наставнику, но и показать, что усвоил его урок.

⁹ В письмах 1830-х гг. Жуковский дает великому князю куда более серьезные поручения, обращается к нему с более значительными просьбами как к наследнику престола, который 3 / 15 сентября 1831 г. получил титул Государь Наследник, Цесаревич и Великий Князь. См., например, письма от 13 / 25 июня 1833 г. (просит передать аренду, пожалованную ему императором, Е.А. Протасовой, в случае ее смерти, детям Воейковым, а также позаботиться о своем камердинере, в случае своей смерти), от 14 / 26 июля 1833 г. (просит позаботиться о том, чтобы он мог занять свою прежнюю комнату в Царском Селе), от 22 июля 1836 г. (просит представить императору его письмо об изобретении Б.С. Якоби и о деньгах, необходимых для его реализации) и др.

¹⁰ 23 августа / 4 сентября 1826 г. Александр написал Жуковскому такое ответное письмо: «Милый, любезный мой Василий Андреевич! Мы приехали 18-го июля в Петровский дворец, а папа приехал 19-го июля, 25-го числа был торжественный въезд в Москву. Я сидел с мамой в карете. Дядя Константин (цесаревич Константин Павлович. – И.А.) приехал сюда, все ему были очень рады. Вчера папа и мама короновались; слава богу, мама выдержала эту длинную церемонию» [38. С. 105].

¹¹ В этом плане показателен, напр., фрагмент, опубликованный в № 5 «Мурaveйника» (1831) под заглавием «Александр Невский», принадлежащий великому князю Александру Николаевичу. Фрагмент является «классным сочинением» великого князя. К его написанию Александра Николаевича подтолкнуло письмо Жуковского от 1 января 1828 г., в котором объясняется картина немецкого художника К.Г. Каруса, подаренная поэтом воспитаннику в день официального начала его обучения. В этом письме Жуковский рассказывает предание об отроке Александре Невском. Текст сочинения Александра Николаевича довольно точно передает предание об отроке Александре, «после прозванном Невским», которое Жуковский изложил своему ученику в письме. Акцентируются избранность Александра Невского, божественное предопределение его судьбы, идея воскресшего в нем Христа, который являл свои действия в Александре Невском как в апостолах. Воспринят был великим князем и воспитательно-дидактический смысл письма Жуковского, проводимые им параллели между Александром Невским и названным его именем великим князем. См. об этом подробно: [13].

¹² Приведем некоторые фрагменты из дневниковой записи Жуковского от 24 февраля 1828 г., переданные великому князю в виде письма: «Нынешний день случилось с великим князем первое настоящее несчастье. Он навлек на себя наказание не просто дурным поступком, а дурным качеством <...> Государь не может с ним помириться до тех пор, пока это качество в нем останется. Государь может теперь только поверить ему, если он даст слово, что будет стараться истребить это презрительное качество, но не может начать его любить, как любил прежде до тех пор, пока не узнает на деле, что он старается исполнить данное слово» [40; 41. С. 299]. И далее по пунктам описаны необходимые действия для «возвращения прежней любви государя», укладывающиеся в любимый алгоритм жизнестроительства Жуковского: самопознание – самоанализ – самосовершенствование.

¹³ Неслучайно во всех этих письмах Жуковский пишет великому князю о том, что он переступил границу «между ребячеством и юношеством», и теперь от него ждут «чистоту и высоту мысли» (от 1 / 12 января 1833 г.).

¹⁴ Была и попытка по-прежнему руководить кругом чтения великого князя. В письме от 13 января 1840 г. читаем: «В записке моей о Липмане я не упомянул о том, что было мною предложено Вам на словах, именно о том, чтобы Липману дано было при Вас звание лектора, дабы каждую неделю раз он вам представлял отчет о том, что делается в современном мире литературы, наук и вообще цивилизации. Быть нечуждым этим предметам для Вас необходимо» [41. С. 407]. Это предложение осталось без ответа.

¹⁵ Эти письма 1848–1850 гг. могут быть рассмотрены как публицистическая дидактика и заслуживают отдельного осмысления в этом аспекте.

¹⁶ Сохранилось 10 писем Жуковского к великой княжне Марии Николаевне.

¹⁷ Это первое дошедшее до нас письмо Марии Николаевны. Интересно, что оно написано в духе Жуковского – прежде всего, передает, по-детски, конечно, настроение через описание воображаемых картинок: «мне жаль, что Вы не тут: Вы бы вместе с нами посмотрели на море и на скалы. Я недавно думала об Вас, когда луна освещала пенные волны, которые бились о скалу, а мама сидела на скале, и ее лицо было так прекрасно освещено луною! Вы, конечно, сделали бы на это прекрасные стихи» [38. С. 164]. Нужно отметить, что ученица очень тонко чувствовала стиль письма своего учителя, легко узнавала его поэтический почерк: 6 / 18 мая 1833 г. она писала: «Простите мне, любезный Василий Андреевич, что я Вам еще не писала и не отвечала на милое Ваше письмо, которое мне доставило неизъяснимое удовольствие. <...> я читала прекрасное описание Женевского озера; и кто бы не знал, что Вы описали сей вид, прочитавши, сейчас бы сказал: это написал Жуковский» [38. С. 165].

¹⁸ «...я замечаю в себе какое-то особенное расположение болтать и делать отступления. Хочу говорить с Вашим Высочеством о нашем путешествии, и вместо того теряю время, рассуждая о его потере» (24 июня 1838 г.), и заканчивая это письмо, Жуковский вновь подчеркивает: «Вижу сам, что я безмерно был болтлив; написал множество страниц, а четвертой доли не сказал Вашему Высочеству того, что думал про себя и про вас <...>, я пишу не оглядываясь и говорю все, что входит в ум и ложится под перо» [43. С. 331, 346] – речь идет об известном письме Жуковского, в котором на материалах его путешествия 1838 г. по Германии, Дании и Швеции он раскрывает Марии Николаевне свои глубочайшие философские, исторические, нравственно-этические и эстетические мысли. 22 июня / 4 июля Мария Николаевна писала Жуковскому: «Нет, любезный Вася кот, не думайте, что я на Вас сержусь; ни мало; но, как говорится: *entre amis point de cérémonie*; это я, *qui fait le premier pas*. Этот *premier pas* мне ничего не стоит, потому что *pour se pas* нет никаких мозолей, которые бы мешали ходить. Боже мой! Как глупо; но я обещала Вам так писать, как мне в голову приходит. Так не будет не совсем моя вина, если письмо будет ужасная чепуха» [38. С. 169] – в этом письме Мария Николаевна пишет Жуковскому в его «манере»: свободно, непринужденно, без видимой логики, переходя от темы к теме: о том, как хорошо русскому пребывать «в русской земле», о прелести будничной «однообразной» жизни, о переводе «Ундина», выполненном Жуковским так, что он стал лучше оригинала, о творчестве Пушкина, для характеристики которого ей трудно найти слова, о творческих планах Жуковского и автора письма, о внутреннем самоощущении поэта, от которого только и ждут, что новых сочинений, не понимая, почему поэт вдруг перестает писать и т.д.

¹⁹ См., например, хрестоматию «Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей и переведенные на русский язык Василием Жуковским», над которой поэт работал в ноябре 1805 – апреле 1806 г., а также «Избранные сочинения Жан-Жака Руссо. Перевод с французского. Том первый», которые Жуковский готовил к изданию летом-осенью 1806 г., вырабатывая собственный слог [47].

²⁰ В письме от 29 декабря 1840 г. Жуковский возвращается к ответному письму великого князя, поощряя его за следующее: «Отвечаю на последнее письмо Ваше. Я с удовольствием увидел из него, что написанное мною было прочитано Вами со вниманием: Вы сделали мне несколько замечаний, о которых мне будет весьма приятно поговорить с Вами» и далее подробно разъясняя свое понимание «Геркулесова выбора», сделанного Константином Николаевичем в противовес примеру жизнестроительства Демосфена, приведенного наставником, а также отвечая на вопрос о том, как применить «общее» к себе «в особенности», он пишет: «Начните с малого. Не загадывая слишком вперед, думайте о каждой минуте Вашей жизни» [46. С. 639].

²¹ Например, одно из писем Жуковского, от 5 / 17 сентября 1841 г., которое было ответом на письмо великого князя о его морском путешествии по Голландии (от 8 / 20 июля 1841 г.) и содержало воспоминания о его посещении домика Петра I в Сардаме и рассуждения о роли Петра Великого в истории России, по признанию Константина Николаевича, ему пришлось «разбирать по фразам» с Ф.П. Литке: «Ваше письмо так богато разными идеями и размышлениями, что достойно на него отвечать может только человек как Вы, который столько имеет опытности и столь легко владеет пером. Ваше письмо я получил тогда, когда я был в мыслях Вам написать одно, которое, как я хотел сначала, должно было быть повторением предыдущего. Ваше письмо, которое истинно меня обрадовало, мы прочитали с Федором Петровичем два раза и разбирали каждую фразу отдельно и долго говорили. Тогда я вполне понял ценность этого письма. Благодарю Вас сердечно за замечание, которое Вы мне сделали о моем письме из Голландии» [38. С. 193].

²² В ответ на рассуждения Жуковского о том, что такое 31 декабря: «По-настоящему этот день такой же, как все другие, но он имеет для нас значение глубокое. Мы не дорожим минутами <...>. Не успеешь оглянуться, как уже минуты, быстрые, неуловимые минуты, слились все в один прошедший день. Мы также мало считаем и дни: не успеешь осмотреться, как 365 дней слились в один прошедший год. Но конец года имеет что-то разительное, что-то таинственное. Тут уже невольно мысль обращается на жизнь, на ее важное знаменование, на ее быстроту, на ее конец и на то, что после этого конца должно совершиться» (письмо от 28 декабря 1841 г. (9 января 1842 г.) [46. С. 644–645]), Константин Николаевич пишет наставнику 18 января 1842 г.: «Вы <...> развили мысль, которая весьма часто проходила через мою голову. Я также все думал и не раз о скоротечности времени. Эта мысль такая, которую можно обдумывать сколько хочешь и которую никогда не исполнишь» [38. С. 195]. Еще год назад великий князь писал об этом Жуковскому довольно поверхностно: «Хотя не имеешь что-нибудь прямо на завтрашний день, но знаешь, что через много времени будет что-нибудь. Оттого, кажется, и время гораздо скорее идет. Так мы ожидали Рождество, теперь Крещение, потом маскарад и Пасха, и свадьба Саши, и именины мамá, и мои именины и, наконец, что веселее всего... мы нынешний год отправимся в Амстердам. Потом опять начнутся новые ожидания. Таким образом, время гораздо скорее и веселее проходит» [47. С. 187].

²³ Великий князь начал читать «Одиссею» еще в апреле 1841 г., вероятно, в русском прозаическом переводе И.И. Мартынова (см. его письмо Жуковскому от 13 апреля 1841 г. [47. С. 189]). Взрослея, он все чаще делится с Жуковским впечатлениями о литературе, дает оценки прочитанному, проявляя искренний интерес к сочинениям своего наставника. Благодаря Жуковского в письме от 2 / 14 октября 1848 г. за посвящение ему перевода «Одиссеи» великий князь дает переводу высокую аргументированную оценку, попутно делясь своим восприятием гомеровской поэмы и его автора: «Она точно венец всем Вашим остальным трудам, и этим одним Вы бы уже приобрели бессмертие. Я ее читал с величайшим интересом и на каждом шагу удивлялся и восхищался. Мне кажется, что Вы, употребив самый простой разговорный язык, первые постигли настоящий дух Гомера. Все остальные переводы не могут дать о нем настоящего понятия, потому что написаны языком натянутым, чересчур вычурным, как “Энеида”, “Генриада” и все новейшие эпопеи. Гомер был поэт народный, простой и потому не мог писать другим языком, как каким говорил. Я себе воображаю Гомера, не смейтесь надо мною, как простого русского сказочника, который с котомкою за плечами, с палкою в руках переходит из деревни в деревню и рассказывает народу сказки и басни про бывалых богатырей, про их подвиги и их славные дела. Они толкуют языком не Ломоносова, не Державина, не Гнедича, а своим собственным, который, хотя безыскусен, а как-то ближе сердцу. Признаюсь Вам откровенно, что этого рода поэзия мне дороже всякой другой. Сколько, мне кажется, Вы тоже так поняли Гомера и так его передали, оттого он представляется в совершенно новом, привлекательнейшем виде. Я пил Вашу “Одиссею” с восхищением» [47. С. 201]. Жуковский, в свою очередь, в ответном письме, от 19 / 31 октября 1848 г., высоко оценил точность восприятия его поэмы великим князем, радуясь за него: «...я был приятно удивлен, найдя в этом последнем письме зрелый, живой и правильный русский слог: это снова доказало мне истину того, что говорит Бюффон: le style c’est l’homme. Вы созрели, и с вами незаметно созрел и язык ваш. <...> Письмо ваше... порадовало меня и в поэтическом отношении. Вы говорите мне о моей “Одиссее” не одни общие фразы; вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус <...> я радуюсь... особенно за вас... потому, что вижу из написанного вами, как вам доступна поэзия» [41. С. 368–369].

²⁴ См. об этом подробнее [48].

²⁵ См.: [7, 12, 13, 21] и др.

²⁶ См., например: [50], а также комментарии к письмам Жуковского великой княгине, а позже императрице Александре Федоровне 1820-х гг. в: [40].

²⁷ Тезис «Ребенок должен быть счастлив» – один из основополагающих в дидактике Жуковского, которую он строит исходя из нескольких возрастных ступеней его развития. См. его Проект плана учения и сам План учения великого князя Александра Николаевича. «Нужно относиться к нему, как к ребенку, в детстве, чтобы он мог стать однажды мужчиной, и, чем более будет он чувствовать себя мужчиной, тем менее усомнится он в том, что он государь, когда еще не настанет пора быть государем, и тем более будет он рад представшей пред ним великой судьбе, когда однажды его поздравят с его титулом» – пишет Жуковский и в анализируемом письме к Александре Федоровне. С точки зрения Жуковского, детство – это время для развития в ребенке «чисто человеческих черт» [40. С. 256].

²⁸ Здесь очевидны те уроки, которые в свое время Жуковский взял у Ж.-Ж. Руссо. См.: [33].

Список источников

1. Загарин П. В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 405–410.

2. Миллер О. В.А. Жуковский как человек и как наставник Императора Александра II. М., 1883. 28 с.
3. Кирпичников А. В.А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 1–14.
4. Красногородцев А.В. Педагогические взгляды Жуковского (1852–1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта. СПб., [1908]. 20 с.
5. Степанов Н.П. 1852–1902. В.А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. СПб., 1902. 94 с.
6. Ромашков Д., свящ. Взгляд В.А. Жуковского на задачу и цель воспитания. М., 1905. 30 с.
7. Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника престола // Русское подвижничество. М., 1996. С. 187–222.
8. Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000. 47 с.
9. Симиновский П.М., Тебиев Б.К. Образование для добродетели. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003. 159 с.
10. Айзикова И. А. «Библейские повести» В. А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997. С. 85–94.
11. Айзикова И.А. Неопубликованная проза Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной). Публикация и научный комментарий // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 121–124.
12. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.
13. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 5–13.
14. Айзикова И.А. Наследие П.А. Плетнева в «придворной педагогике» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 208–229.
15. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мердеру) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 5–15.
16. Добровольская Е.Б. «Это педагогическая поэма». В.А. Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура : сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 182–195.
17. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199–228.
18. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека престолонаследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 77–136.
19. Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930 / D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2014. С. 99–116.
20. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их практическое значение // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3. Томск, 2017. С. С. 238–257.
21. Жиликова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 6 (32). С. 129–132.
22. Гузаиров Т. Учебные пособия В.А. Жуковского по истории // Статьи на случай. Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf (дата обращения: 14.08.2022).
23. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского. М., 1999. С. 75–180.
24. Долгушин Д.В. Неизданный конспект В.А. Жуковского по истории // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия филологии. Новосибирск, 2012. С. 232–238.
25. Долгушин Д. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – перв. пол. XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.
26. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и протоиерей Герасим Павский: у истоков школьного преподавания библейской истории в России // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. Вып. 3. Новосибирск, 2016. С. 73–95.
27. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Вып. 3. Новосибирск, 2015. С. 57–72.
28. Долгушин Д.В. Педагогическая поэма В.А. Жуковского // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
29. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2016. Т. XI (первый полутом). 1047 с.
30. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011. С. 254–292.
31. Подделкова П.Е. Культурное пространство воспитания монарха в императорской России : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 193 с.
32. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 75–196.
33. Канунова Ф.З. Жуковский – читатель педагогического романа-трактата Руссо «Эмил, или О воспитании» // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Ч. 3. Томск, 1988. С. 74–137.
34. Айзикова И.А. В.А. Жуковский и Ф. Фенелон // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Ч. 3. Томск, 1988. С. 220–249.
35. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.
36. Янушкевич А.С. Эпистолярный В.А. Жуковский: летопись персонального житетворчества и коллективного литературного быта // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2018. Т. XV. С. 563–580.
37. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 45–76.
38. Киселев В.С. Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры // Письма царственных особ к В.А. Жуковскому. Томск, 2020. С. 3–43.
39. Жуковский. Исследования и материалы : сб. науч. тр. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345
40. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2020. Т. XVI. 1149 с.
41. Жуковский В. Сочинения: С приложением писем, биографии : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. 526 с.
42. Сочинения В.А. Жуковского : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
43. Русский архив. 1885. № 3. С. 331–346.
44. Лотман Ю.М. Проблема интонации. «Роман требует болтовни» // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 67–74.
45. Ельницкая Л.М. «Болтовня» как речевой дискурс у Пушкина и Достоевского // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 126–136.
46. Сочинения В.А. Жуковского. Ч. 1–6 / под ред. К.С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 6. 685 с.
47. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2011. Т. VIII. С. 360–414, 480–531.
48. Айзикова И.А. К проблеме контекста Иерусалимского проекта В.А. Жуковского (по материалам политической публицистики и религиозно-философской прозы 1840–х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 95–112.
49. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 349–350.
50. Лебедева О.Б. Неопубликованные письма Жуковского 1827–1835 гг. (письма великой княгине Елене Павловне, императрице Александре Федоровне и фрейлине Ц.А. Вильдермет // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 495–546.

References

1. Zagarin, P. (1883) *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and his works]. Moscow: [s.n.]. pp. 405–410.
2. Miller, O. (1883) *V.A. Zhukovskiy kak chelovek i kak nastavnik Imperatora Aleksandra II* [V.A. Zhukovsky as a person and as a mentor of Emperor Alexander II]. Moscow: [s.n.].
3. Kirpichnikov, A. (1902) *V.A. Zhukovskiy kak poet-vospitatel'* [V.A. Zhukovsky as a poet-educator]. *Vestnik vospitaniya*. 4. pp. 1–14.
4. Krasnogorodtsev, A.V. (1908) *Pedagogicheskie vzglyady Zhukovskogo (1852–1902): V pamyat' pyatidesyatiletiya so dnya smerti poeta* [Zhukovsky's pedagogical views (1852–1902): In memory of the fiftieth anniversary of the poet's death]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Stepanov, N.P. (1902) *1852–1902. V.A. Zhukovskiy kak nastavnik Tsarya-Osvoboditelya* [1852–1902 V.A. Zhukovsky as a mentor of the Tsar Liberator]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Romashkov, D., priest. (1905) *Vzglyad V.A. Zhukovskogo na zadachu i tsel' vospitaniya* [V.A. Zhukovsky's view on the task and purpose of education]. Moscow: [s.n.].
7. Schmidt, S.O. (1996) *Podvig nastavnichestva. V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika prestola* [The feat of mentoring. V.A. Zhukovsky – Mentor of the Heir to the Throne]. In: *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 187–222.
8. Schmidt, S.O. (2000) *Vasilii Andreevich Zhukovskiy – velikiy russkiy pedagog* [Vasily Andreevich Zhukovsky – a great Russian educator]. Moscow: [s.n.].
9. Siminovskiy, P.M. & Tebiev, B.K. (2003) *Obrazovanie dlya dobrodeteli. Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo* [Education for virtue. Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya.
10. Ayzikova, I.A. (1997) "Bibleyskie povesti" V. A. Zhukovskogo ["Biblical stories" by V. A. Zhukovsky]. In: *Russkaya literatura i religiya* [Russian literature and religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.
11. Ayzikova, I.A. (2003) Zhukovsky's unpublished prose (From notebooks compiled for classes with Grand Duchess Alexandra Feodorovna). Publication and scientific commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 121–124. (In Russian).
12. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/1
13. Ayzikova, I.A. (2021) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/1
14. Ayzikova, I.A. (2021) Pyotr Pletnev's Heritage in "Court" Pedagogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 208–229. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/12/6
15. Ayzikova, I.A. (2019) Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/1
16. Dobrovol'skaya, E.B. (2005) "Eto pedagogicheskaya poema". V.A. Zhukovskiy – vospitatel' svoikh detey ["This is a pedagogical poem". V.A. Zhukovsky – the educator of his children]. In: *V.A. Zhukovskiy i russkaya kul'tura: sb. nauch. st.* [V.A. Zhukovsky and Russian culture: Articles]. St. Petersburg: Pushkin Museum. pp. 182–195.
17. Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (the beginning of the "royal pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Conference Proceedings. Tartu: Tartu University. pp. 199–228. (In Russian).
18. Rebecchini, D. (2013) V.A. Zhukovskiy i biblioteka prestolonaslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837) [V.A. Zhukovsky and the library of the heir to the throne Alexander Nikolayevich (1828–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–136.
19. Rebecchini, D. (2014) Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838). In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930*. Milano: di/segni. pp. 99–116.
20. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The world of symbols: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their practical significance]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
21. Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) "Plan of the Education ... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 129–132. (In Russian).
22. Guzairov, T. (2022) *Uchebnye posobiya V.A. Zhukovskogo po istorii* [V.A. Zhukovsky's textbooks on history]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf (Accessed: 14.08.2022).
23. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) *Bednyy Zhozef: Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo* [Poor Joseph: The Life and Death of Joseph Vielgorsky]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 75–180.
24. Dolgushin, D.V. (2012) Neizdannyy konspekt V.A. Zhukovskogo po istorii [Unpublished notes on history by V.A. Zhukovsky]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologiya*. 12. pp. 232–238.
25. Dolgushin, D. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – perv. pol. XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [Court locus and auto-reflection of Russian literature of the late 18th – first half of the 19th centuries: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
26. Dolgushin, D.V. (2016) [V.A. Zhukovsky and Archpriest Gerasim Pavsky: at the Origins of School Teaching of Biblical History in Russia]. *Dukhovno-nravstvennye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya. Materialy Novosibirskikh Kirillo-Mefodievskikh chteniy* [Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education. Proceedings of the Novosibirsk Cyril and Methodius readings]. Vol. 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 73–95. (In Russian).
27. Dolgushin, D.V. (2015) Ikonicheskaya i slovesnaya reprezentatsiya teksta v "Zhivopisnoy Svyashchennoy istorii" V.A. Zhukovskogo [Iconic and verbal representation of the text in the Picturesque Sacred History by V.A. Zhukovsky]. In: *Dukhovno-nravstvennye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education]. Vol. 3. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 57–72.
28. Dolgushin, D.V. (2018) The "Pedagogical Poem" of V. Zhukovsky (On Unpublished Materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106.
29. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol 9 (1). Moscow: YaSK.
30. Zimin, I.V. (2011) *Detskiy mir imperatorskikh rezidentsiy. Byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Children's world of imperial residences. Life of monarchs and their environment]. Moscow: Tsentrpoligraf. pp. 254–292.
31. Podelkova, P.E. (2015) *Kul'turnoe prostranstvo vospitaniya monarkha v imperatorskoy Rossii* [Cultural space of the upbringing of the monarch in imperial Russia]. Culturology Cand. Diss. St. Petersburg.
32. Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [Education of the Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activities)]. History Cand. Diss. Moscow. pp. 75–196.

33. Kanunova, F.Z. (1988) Zhukovskiy – chitatel' pedagogicheskogo romana-traktata Russo "Emil', ili O vospitanii" [Zhukovsky as a Reader of Rousseau's Pedagogical Treatise "Emil, or On Education"]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk: in 3 parts]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74–137.
34. Ayzikova, I.A. (1988) V.A. Zhukovskiy i F. Fenelon [V.A. Zhukovsky and F. Fenelon]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk: in 3 parts]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–249.
35. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the Coeval of the Pedagogic Epoch in Germany: German Literature About Upbringing and Artistic Pursuits of the Poet in 1840–1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/1/7
36. Yanushkevich, A.S. (2018) Epistolyariy V.A. Zhukovskogo: letopis' personal'nogo zhiznetvorchestva i kollektivnogo literaturnogo byta [Epistolary works of V.A. Zhukovsky: a chronicle of personal life-creation and collective literary life]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 15. Moscow: YaSK. pp. 563–580.
37. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters to V.A. Zhukovsky to royalty as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
38. Kiselev, V.S. (2020) Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury [Letters from royal persons to Vasily Zhukovsky as a phenomenon of Russian culture]. In: *Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu* [Letters from royal persons to Vasily Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–43.
39. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2017) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345
40. Zhukovskiy, V.A. (2020) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 16. Moscow; YaSK.
41. Zhukovskiy, V. (1878) *Sochineniya: Sprilozheniem pisem, biografii: v 6 t.* [Works: With letters, biographies: in 6 volumes]. Vol. 6. St. Petersburg: [s.n.].
42. Efremov, P.A. (ed.) (1885) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: v 6 t.* [Works by V.A. Zhukovsky: in 6 volumes]. Vol. 6. 8th ed. St. Petersburg: [s.n.].
43. *Russkiy arkhiv.* (1885) 3. pp. 331–346.
44. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie. pp. 67–74.
45. El'nitskaya, L.M. (2007) "Boltovnya" kak rechevoy diskurs u Pushkina i Dostoevskogo ["Chatter" as speech discourse in Pushkin and Dostoevsky]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 21. pp. 126–136.
46. Serbinovich, K.S. (ed.) (1869) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo. Ch. 1–6* [Works by V.A. Zhukovsky. Parts 1–6]. Part 6. 6th ed. St. Petersburg: [s.n.].
47. Zhukovskiy, V.A. (2011) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 13. Moscow: YaSK. pp. 360–414, 480–531.
48. Ayzikova, I.A. (2017) To the Problem of the Context of V.A. Zhukovsky's Jerusalem Project (On Materials of Political Essays and Religious and Philosophical Prose of the 1840s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 95–112. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/46/8
49. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (eds) (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Nauka; YaRK. pp. 349–350.
50. Lebedeva, O.B. (2013) Neopublikovannye pis'ma Zhukovskogo 1827–1835 gg. (pis'ma velikoy knyagine Elene Pavlovne, imperatritse Aleksandre Fedorovne i freyline Ts.A. Vil'dermet [Zhukovsky's unpublished letters of 1827–1835 (letters to Grand Duchess Elena Pavlovna, Empress Alexandra Feodorovna and maid of honor Ts.A. Wildermet)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 495–546.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), Professor, head of the Department of General Literary Criticism, Publishing and Editing, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 22.08.2022;
approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1-32
doi: 10.17223/15617793/482/5

Фокализация темы беды в творчестве А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.: рассказы «Горе» (1885), «Чужая беда» (1886), «Беда» (1886) и «Беда» (1887)

Абдулкадим Найма Аль-Аббуди Мунтассир¹

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mntsrkadum@gmail.com

Аннотация. Во второй половине 1880-х гг. А.П. Чехов написал целый ряд рассказов, объединенных темой беды, причем при ее художественном описании ему было принципиально важно зафиксировать разные точки зрения. Проведенный сопоставительный анализ рассказов «Горе» (1885), «Чужая беда» (1886), «Беда» (1886) и «Беда» (1887) осуществлен в нарративном подходе в целях выявления в них особенностей чеховской фокализации, что по отношению к данным произведениям предпринимается впервые.

Ключевые слова: А.П. Чехов, проза писателя второй половины 1880-х гг., нарратология, фокализация, «Горе», «Чужая беда», «Беда» (1886), «Беда» (1887)

Для цитирования: Аль-Аббуди Мунтассир А.Н. Фокализация темы беды в творчестве А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.: рассказы «Горе» (1885), «Чужая беда» (1886), «Беда» (1886) и «Беда» (1887) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 50–58. doi: 10.17223/15617793/482/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/5

Focalization of the theme of trouble in Anton Chekhov's works of the second half of the 1880s: "Woe" (1885), "Other People's Misfortune" (1886), "In Trouble" (1886) and "In Trouble" (1887)

Abdulkadim N. Al-Abboodi Muntassir¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mntsrkadum@gmail.com

Abstract. Chekhov wrote four different stories that share the theme of woe and misfortune. Words denoting the theme are present in the titles of these stories, and the plots are built around it. The first story, "Woe", was written in 1885. The second and third stories, "Other People's Misfortune" and "In Trouble", were written in 1886. The fourth story, "In Trouble", was written in 1887. A comparative analysis of these four stories is done for the first time. The relevance of the study lies in the novelty of the study of "trouble" in Chekhov's works. The phenomenon of trouble is widespread in the writer's works, and it has several peculiarities. This article analyses "Chekhovian misfortune" and aims to determine its unique features. The key research method is comparative analysis, which helps indicate the differences and similarities of Chekhov's misfortunes in the four stories, it helps us to better understand Chekhov's philosophy as a writer and as a psychologist. The course of the study is first studying the four stories, then conducting their analysis, and comparing them based on the results of the analysis. This study explores the creation of these stories and compares them to each other. Despite the differences in the plots of these works, common themes and motifs still can be traced. The phenomenon of disaster for Chekhov is a fundamental plot. Chekhov pays great attention to creating a unique, Chekhovian misfortune in the story "In Trouble" in 1887. This story was written after "In Trouble" in 1886, the "trouble" motif of which did not leave the writer satisfied. Chekhov unravels his thoughts of human misfortunes in distinctive context. One of the main features of Chekhovian misfortune is that the writer swiftly gets straight to the point, lets the reader see the character's misfortune and immerse into it. However, the real Chekhovian misfortune is how people treat the ones facing it. It is evident in "Other People's Misfortune", through which the writer is trying to share his ideas about the fundamental human issues, his outlook on ethics and empathy. These problems are scrutinized in all four of the novels that are being analysed in this work. Combined together they, represent the Chekhovian problem of human relations, which in his writings often leads characters to feeling complete indifference to everything in life. The four different works are united by the moral social problem described in them. The problem consists in the lack of desire for understanding others. Grief or misfortune are not really true misfortunes for Chekhov, especially if they end happily, like in "In Trouble" (1886), but, despite the good ending, the story still has its title. Randomness or inattention to the main or secondary things in life, indifference or aimlessness of the plot gives Chekhov a position of neutrality. Chekhov does not want to evaluate and define trouble (misfortune, woe),

since he alone will not be able to persuade the whole humanity of what real trouble is. So, he tried to be as neutral as possible in relation to his characters, entrusting the reader with the task of evaluating.

Keywords: Anton Chekhov, Anton Chekhov's early works, "Woe", "Other People's Misfortune", "In Trouble" (1886), "In Trouble" (1887), revelation novel

For citation: Al-Abboodi Muntassir, A.N. (2022) Focalization of the theme of trouble in Anton Chekhov's works of the second half of the 1880s: "Woe" (1885), "Other People's Misfortune" (1886), "In Trouble" (1886) and "In Trouble" (1887). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 50–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/5

В течение 1885–1887 гг. А.П. Чехов написал несколько рассказов, объединенных темой беды, причем в некоторых из них понятие «беда» и его синоним «горе» присутствуют в самом названии произведения. Об особой значимости этого понятия для Чехова второй половины 1880-х гг. свидетельствует уникальный факт: одно и то же название «Беда» писатель дал своим двум рассказам, написанным почти одновременно.

Хронологически начинается этот тематический ряд рассказ «Горе», который был написан в 1885 г., рассказы «Чужая беда» и «Беда» написаны в 1886 г. и опубликованы в июле и декабре соответственно, наконец, рассказ «Беда» 1887 г. впервые вышел в свет под названием «Баран», однако, включая его в сборник «Хмурые люди» 1890 г., Чехов также переименовал его в «Беду».

Несмотря на то что Чехов достаточно часто давал ироничные названия своим произведениям, названия данных рассказов в общем выражают их смысл и сюжет. Это позволяет поставить вопрос об особых авторских стратегиях Чехова, связанных с тематикой человеческого горя, беды, что определило нарративную методологическую основу данного исследования.

Современные ученые, разрабатывающие проблематику нарратологии, постоянно обращаются к творчеству Чехова в связи с проблемой «точки зрения», «фокализации». Так, В. Шмид в своем фундаментальном труде «Нарратология» при описании «точки зрения» активно использует произведения Чехова «Студент», «Скрипка Ротшильда», «Душечка» [1. С. 75–99]. Как известно, благодаря именно этому исследованию в российский научный оборот системно вошел сам термин «фокализация», восходящий к Ж. Женетту: «...во избежание визуальных коннотаций, собственных терминам "взгляд", "поле зрения" и "точка зрения", Женетт <...> разработал свою типологию перспективы, пользуясь термином "фокализация"» [1. С. 63]. В.И. Тюпа, в свою очередь выстраивая собственную оригинальную концепцию нарратологии на материале чеховского «Архиерея» [2], специально проанализировал в нем «последовательность кадров фокализации, манифестирующую некоторую точку зрения, или, скорее, конфигурацию точек зрения, представленных в тексте» (курсив автора. – А.А.) [2. С. 52.], в результате чего пришел к крайне значимому выводу о том, что «центральное событие» произведения Чехова – «событие не смерти Петра, а воскресения Павла» [2. С. 54]. Ю.В. Доманский в предисловии к своим «Статьям о Чехове», размышляя о современной «новой возможности рассмотреть особенности художественного мира писателя» [3. С. 4], утверждает, что

ею является подход в аспекте изучения «точек зрения»: «...точки зрения, взаимодействуя между собой, реализуют авторскую концепцию, и система частных точек зрения формирует универсальное художественное пространство» [3. С. 4].

В соответствии с классификацией В. Шмида существует три типа фокализации: нулевая, внутренняя и внешняя [1. С. 63]. Принципиально важным представляется также указание ученого на то, что «без точки зрения нет истории. Истории самой по себе не существует до применения "зрения" или "перспективы" к нарративному материалу» [1. С. 106]; также в произведении могут быть «однополюсные и разнополюсные точки зрения» нарратора и героя [1. С. 78–79]. Все это получило свое дальнейшее развитие в положениях В.И. Тюпы о связанной с «конфигурацией точек зрения» определенной «последовательности кадров фокализации»: «Нарративный кадр фрактально изоморфен эпизоду <...> Отбор предметов видения, их признаков, действий, связей, пространственно-временное и ценностное их соположение в повествовательном кадре фокусирует внимание адресата, задает адресату нарративной дискурсии некоторую точку зрения на данный фрагмент референтного события» [2. С. 50].

Три типа фокализации и представление о нарративе произведения как о последовательности отдельных эпизодов, организованных определенной точкой зрения («кадров», «изоморфных эпизоду» и «задающих некоторую точку зрения на данный фрагмент»), определили основные принципы реализованного в работе нарративного анализа чеховских произведений.

Актуальность данного исследования определяется нарративным подходом к прозе Чехова и специальной научной проблематикой «точки зрения», фокализации.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые проделан сопоставительный анализ чеховских рассказов второй половины 1880-х гг. со сходными названиями «Горе», «Чужая беда», «Беда» (1886) и «Беда» (1887), а также тем, что он осуществлен в аспекте проблемы фокализации, что по отношению к данным произведениям также предпринимается впервые.

В самом названии одного из анализируемых рассказов – «Чужая беда» ярко манифестирована именно позиция фокализации: беда может быть «чужой» и «своей», и это принципиально разные точки зрения на одни и те же описываемые в произведении события. Данный подход так или иначе проявляется во всех исследуемых здесь рассказах, поэтому в аспекте темы беды, примененного в связи с ней типа фокализации и организованной наррации как последовательности

кадров фокализации, их, в некотором смысле, можно назвать «дублетными», что потенциально определяет и позицию возможного читателя [4].

Рассказ «Горе» был впервые опубликован в «Петербургской газете» № 324 25 ноября 1885 г. в разделе «Летучие заметки». Л.Н. Толстой отметил, что рассказ «Горе» – один из лучших рассказов Чехова, он написал ему об этом в письме от 25 мая 1903 г., где сообщил, что ознакомился со всем сборником его рассказов [5. С. 537].

Этот рассказ ярко демонстрирует то, что Чехов – не только писатель, но и врач. Служба в больницах дала Чехову много тем для его рассказов, и он стал писателем, знающим медицину, хорошим психологом, понимающим состояние больных и их близких, в том числе их горе, беду: «Матери любят медицину и верят в нее, когда больны их дети» [6. С. 399]. Он столкнулся с самыми страшными случаями, которые могут приключиться с человеком: «Ваше высородие! Ноги же мои где? Где руки? – Прощайся с руками и ногами. Отморозил» [5. С. 234]. Л.Н. Толстой считал, что самые лучшие произведения Чехова связаны именно с его медицинским опытом.

В начале рассказа описывается, как токарь Григорий Петров везет свою больную жену Матрену в земскую больницу. Здесь Чехов дает описание сурового пейзажа: «Прямо навстречу бьет резкий, холодный ветер. В воздухе, куда ни взглянешь, кружатся целые облака снежинок, так что не разберешь, идет ли снег с неба, или с земли. За снежным туманом не видно ни поля, ни телеграфных столбов, ни леса, а когда на Григория налетает особенно сильный порыв ветра, тогда не бывает видно даже дуги» [5. С. 230]. Как писал Б.О. Корман, физическая точка зрения (положение в пространстве) находится достаточно близко к изображаемому: «Субъект речи может находиться ближе к описываемому или дальше от него, и в зависимости от этого меняется общий вид картины» [7. С. 21]; нарратор не смотрит на пространство издалека, а как будто едет вместе с героями: «В воздухе, куда ни взглянешь, кружатся целые облака снежинок, так что не разберешь, идет ли снег с неба, или с земли» [5. С. 230]. Так изначально нарратив произведения организуется нулевой фокализацией.

О главном герое «Горя» токаре Григории Петрове сразу же сообщается, что он «великолепный мастер и в то же время <...> самый непутевый мужик во всей Галчинской волости» [5. С. 230]. Характеристика героя как таланта далее достаточно слабо представлена в развитии произведения, упоминание его таланта встречается лишь единожды: «Все для вашей милости сделаю! Портсигарчик, ежели желаете, из карельской березы... шары для крокета, кегли могу выточить самые заграничные... всё для вас сделаю!» [5. С. 231]. Это те «лишние» детали, не входящие в сюжет, но определенным образом влияющие на его развитие, о которых писал А.П. Чудаков: «У Чехова нет преимущественного внимания ни к мелочам, ни к вещам, ни к быту. По законам его художественной системы не может быть отдано предпочтение мелкому или крупному, случайному или существенному, материальному или духовно-идеальному. Великое и малое, вне-

временное и сиюминутное, высокое и низкое – все рассматривается не как пригодное для изображения в разной степени, а как равное ему. Все слито в вечном единстве и не может быть разделено» [8. С. 282]. После того, как Чехов описывает сложности дороги, «с которой не справиться казенному почтарю, а не то, что такому лежебоке, как токарь Григорий» [5. С. 230], читатель начинает понимать, что «лишняя деталь», о которой писал А.П. Чудаков, не является таковой, она не особенно важна для сюжета, но для идеи произведения в целом имеет большое значение. Более того, если связать эти два маленьких факта, не влияющих на сюжет, у читателя возникает более полное представление о характере героя, и ему становится понятно, что токарь имеет в виду, когда думает: «Сызнава бы жить... <...> Инструмент бы новый завести, заказы брать... деньги бы старухе отдавать... да!» [5. С. 234]. Читатель понимает, что Петров талантлив, но ленив, «непутевый мужик».

После описания пейзажа следующий эпизод сюжета рассказа – обращение героя к жене: «Ты, Матрена, не плачь... – бормочет он. – Потерпи малость. В больницу, бог даст, приедем и мигом у тебя, это самое... Даст тебе Павел Иванович капелек, или кровь пустить прикажет, или, может, милости его угодно будет спиритом каким тебя растереть, оно и того... оттянет от бока» [5. С. 230]. Несвязные слова токаря, который не понимает истинного состояния жены, свидетельствуют об отсутствии у героя интереса к ней.

Ситуация заставляет его повезти ее к доктору: «Ошалевший токарь выпросил у соседа лошаденку и теперь везет старуху в больницу, в надежде, что Павел Иванович порошками и мазями возвратит старухе ее прежний взгляд» [5. С. 232]. Герой старается не прислушиваться к своему внутреннему голосу, в своем обращении к жене он хочет самого себя убедить в том, что все будет хорошо.

Он нуждается в помощи, за ней он обращается к доктору: «Славный господин, обходительный, дай бог ему здоровья»; «Господин доктор! Павел Иванович! Ваше высокоблагородие!»; «Ваше высокоблагородие! Истинно, как перед богом... вот вам крест, выехал я чуть свет. Где ж тут к сроку поспеть, ежели господь»; «Павел Иванович! Ваше высокоблагородие! Благодарим вас всепокорно! Простите нас, дураков, анафемов, не обессудьте нас, мужиков! Нас бы в три шеи надо, а вы изволите беспокоиться, ножки свои в снег марать!»; «Ваше высокоблагородие! Верно слово... вот как перед богом... плюньте тогда в глаза, ежели обману: как только моя Матрена, это самое, выздоровеет, станет на свою настоящую точку, то всё, что соизволите приказать, всё для вашей милости сделаю! Портсигарчик, ежели желаете, из карельской березы... шары для крокета, кегли могу выточить самые заграничные... всё для вас сделаю! Ни копейки с вас не возьму!» [5. С. 231]. В сущности, так токарь пытается избавиться от чувства вины, но все его слова не помогают избавиться от чувства вины надолго: «И токарь бормочет без конца. Болтает он языком машинально, чтоб хоть немного заглушить свое тяжелое чувство.

Слов на языке много, но мыслей и вопросов в голове еще больше» [5. С. 231–232].

После всех этих попыток у него не осталось выбора, кроме как столкнуться с реальностью своего отношения к жене. Он, наконец, почувствовал себя виноватым. Теперь, когда жена выглядит все хуже и хуже, он старается избавиться от этого чувства, и для него не важно, каким образом это осуществить: «Ты же, Матрена, того... – бормочет он. – Ежели Павел Иванович спросит, бил я тебя или нет, говори: никак нет! А я тебя не буду больше бить. Вот те крест. Да нешто я бил тебя по злобе? Бил так, зря. Я тебя жалею. Другому бы и горя мало, а я вот везу... стараюсь»; «Ну и дура! – бормочет токарь. – Я тебе по совести, как перед богом... а ты, того... Ну и дура! Возьму вот и не повезу к Павлу Ивановичу!» [5. С. 232].

Нулевая фокализация влечет за собой в этом рассказе Чехова изображение смены точки зрения героя на ситуацию болезни жены.

Это развивается в кульминации рассказа, которая прерывает размышления героя: «Старуха померла» [5. С. 232]. Это форма глагола встречается в ранней прозе Чехова не раз; так, в финале рассказа «Смерть чиновника» Иван Дмитрич Червяков «...лег на диван и... помер» [5. С. 166]. Это слово с ироническим оттенком дает ощущение того, что жизнь человека не важна ни статскому генералу Бризжалову, ни токарю Георгию Петрову: «Померла, стало быть! Комиссия!»; «И токарь плачет. Ему не так жалко, как досадно» [5. С. 233]. Ее смерть возмущает его, прежде всего, потому что он себя чувствует виноватым: «Не успел он пожить со старухой, высказать ей, пожалеть ее, как она уже умерла»; «А ведь она по миру ходила! – вспоминает он. – Сам я посылал ее хлеба у людей просить, комиссия! Ей бы, дура, еще лет десяток прожить, а то, небось, думает, что я и взаправду такой» [5. С. 233].

Нарратив рассказа направлен на то, чтобы показать смену точек зрения героя, которая и приводит его к осознанию того явления, которое вынесено в название – «Горе». Им оказывается запоздалое открытие героя.

Однако эти эпизоды рассказа отнюдь не исчерпывают общую проблематику «Горя»: начинается новое горе, которого токарь никак не ожидал. Чехов показывает в финале своего рассказа, есть ли что-то хуже смерти? Уставший токарь засыпает на морозе, и когда он просыпается, его руки и ноги отморожены: «Ваше высокородие! Ноги же мои где? Где руки?» [5. С. 234]; «Горе!.. вашескородие, горе ведь! Простите великодушно!» [5. 234].

Финал рассказа: «Аминь!» [5. С. 234]. Чехов использует такие заключительные фразы и слова в своих рассказах, как «помер» и «аминь», которые создают эффект отстранения. Так в данном рассказе четко от начала до конца прослеживается нулевая фокализация. Нарратор данного произведения всеведущ, он подробно описывает чувства героя рассказа и его мысли. Чехов мастерски применяет нулевой тип фокализации для достижения своей цели. Основная цель

писателя в данном рассказе – привлечь внимание посредством фокусировки к тому, что он считает мнимой, поверхностной проблемой. Всеведущий нарратор и автор отнюдь не обязательно должны придерживаться одной точки зрения. Автор не есть нарратор. Если нарратор равнодушно повествует об ужасных событиях, произошедших с токарем, у читателя не создается иллюзии того, что автор с ним солидарен. Чехов в действительности придерживается своей твердой позиции и через нейтральный нарратив привлекает внимание читателя к реальной беде, по его убеждению. Подчеркнуто нейтральным нарративом он обесценивает те беды, которые являются действительно важными, а описывает то, что, по его мнению, является второстепенным. Основное, истинное горе в данном произведении, которое повлекло за собой все остальное, – это равнодушие токаря к своей жене, к ее жизни, а теперь и к ее смерти, его лень и инертность. Если для токаря «горе началось вчера» [1. С. 232], то действительное горе, по мнению Чехова началось задолго до этого, на ранних этапах становления персонажа как человека.

Второй анализируемый рассказ «Чужая беда» был впервые опубликован 28 июля 1886 г. в «Петербургской газете» № 204 в разделе «Летучие заметки».

Во вступлении описывается момент начала событий и главные герои рассказа: «Было не более шести часов утра, когда новоиспеченный кандидат прав Ковалев сел со своей молодой женою в коляску и покатил по проселочной дороге» [9. С. 231]. Уже следующее предложение свидетельствует о том, что грядущие события будут для героев чем-то совершенно необычным и важным – «сказочным»: «Он и его жена прежде никогда не вставали рано, и теперь великолепие тихого летнего утра представлялось им чем-то сказочным» [9. С. 231]. Пейзаж Чехова импрессионистичен, и он совпадает с настроением героев, в нем писатель передает их «прекрасное и счастливое» настроение: «Земля, одетая в зелень, обрызганная алмазной росой, казалась прекрасной и счастливой. Лучи солнца яркими пятнами ложились на лес, дрожали в сверкавшей реке, а в необыкновенно прозрачном, голубом воздухе стояла такая свежесть, точно весь мир божий только что выкупался, отчего стал моложе и здоровей» [9. С. 231]. Такова завязка рассказа, но она не только не дает понимания его сюжета, но значительно ему противоречит.

В следующем эпизоде произведения прекрасный пейзаж резко сменяется атмосферой тревожности, царящей в поместье, которое герои собираются приобрести: «Мужик с тупым удивлением поглядел на Ковалевых и медленно поплелся, но не в дом, а в кухню, стоявшую в стороне от дома. Тотчас же в кухонных окнах замелькали физиономии, одна другой заспаннее и удивленней»; «Залаяла где-то собака и послышался злобный вопль, похожий на звук, какой издают кошки, когда им наступают на хвост. Беспокойство дворни скоро перешло и на кур, гусей и индеек, мирно шагавших по аллеям. Скоро из кухни выскочил малый с лакейской физиономией; он пощурил глаза на Ковалевых и, надевая на ходу пиджак, побежал в дом» [9. С. 232]. Следует заме-

тять, что Чехов меняет точку зрения на свое изображение не для героев, но, в первую очередь, для читателя: «Вся эта тревога казалась Ковалевым смешной, и они едва удерживались от смеха» [9. С. 232]; «Михайлов еще раз кисло улыбнулся, сконфузился и замигал глазами. В замешательстве он еще больше взъерошил свою прическу, и на бритом лице его появилось такое смешное выражение стыда и ошалелости, что Ковалев и его Верочка переглянулись и не могли удержаться от улыбки» [9. С. 233].

Кульминация рассказа также оставляет смысл сюжета и его основную идею пока нераскрытыми: «Вдруг ясно и отчетливо послышался женский плач»; «Ковалевы оглянулись на дом, но в это самое время хлопнуло одно из окон, и за радужными стеклами только на мгновение мелькнули два больших заплаканных глаза» [9. С. 234]. В момент приближения сюжета к кульминации Чехов использует даже прием ретардации, героев и читателя пытаются отвлечь: «Не желаете ли сад посмотреть и постройки? – быстро заговорил Михайлов» [9. С. 234].

Однако за этим следует объяснение причин плача и всего происходящего в имении – это продажа «родного гнезда»: «Слабая женщина-с! Не может видеть, как родное гнездо продают» [9. С. 234]; «О чем думали дети, глядя на покупателей? Верочка, вероятно, понимала их мысли... Когда она садилась в коляску, чтобы ехать обратно домой, для нее уже потеряли всякую прелесть и свежее утро, и мечты о поэтическом уголке» [9. С. 235]. Так, точка зрения жены Ковалева Верочки на происходящие события кардинально изменяется, она испытывает глубокое сочувствие к этой «чужой беде»: «Зачем же вы продаете? – спросила Верочка. – Не мы продаем, сударыня, а банк» [9. С. 234].

У самого же Ковалева изначальная точка зрения никак не меняется, и он оказывается совершенно равнодушен к «чужой беде»: «Конечно, жаль их, но ведь они сами виноваты. Кто им велел закладывать имение? Зачем они его так запустили? И жалеть их даже не следует» [9. С. 235]. В конце концов ему удалось уговорить сочувствующую Михайловым жену и купить их дом.

Название произведения у Чехова может сложно соотноситься с его основными событиями и смыслами. Так, в рассказе «Горе» – два горя, смерть жены и горе самого токаря, но, в конечном счете, не с этим Чехов связывал название своего рассказа, он – о моральном горе, о горе во взаимоотношениях героев друг с другом и о горе пьянства, которое и порождает всё остальное.

В рассказе «Чужая беда» также есть две основные проблемы, две беды. Первая из них восходит к рассказам «Смерть чиновника» (1883) и «Госка» (1886). Здесь Чехов ставит очень сложный нравственный вопрос о сочувствии человека другому человеку. Он показывает, что гораздо проще воспринимать кого-то, кто находится в тяжелой жизненной ситуации, как вещь. На него можно не обращать внимания, и ему не

нужно сочувствовать. Такова позиция Ковалева, и именно она побеждает в рассказе «Чужая беда».

Тем не менее в рассказе есть еще одна беда, также связанная с этим персонажем, – это отсутствие нравственных человеческих и в особенности истинно мужских принципов. Ковалев восхищается своими будущими планами и отрицает глупые поступки Михайлова: «Когда мы купим это имение, то построим на пруду на сваях беседку, а к ней мостик. Такую беседку я видел у князя Афонтова» [9. С. 233]; «Знаю! Жалуются, что нечем проценты заплатить. И как это, не понимаю, двух тысяч не найти? Если ввести рациональное хозяйство... удобрять землю и заняться скотоводством... если вообще соображаться с климатическими и экономическими условиями, то и одной десятиной прожить можно!» [9. С. 235]. Однако при этом читатель узнает, что имение герои приобретают на приданое Верочки, а «его сельскохозяйственные мечты обратились в смелое, самое беззастенчивое хвастовство», «потом счастливый Степа два раза съездил на торги и на ее приданое купил Михалково» [9. С. 235]. Показательно, как снижается в рассказе наименование и описание героя от «новоиспеченного кандидата прав Ковалева» до «болтливой Степы» [9. С. 235].

Беда рассказа «Чужая беда» – это не только беда чужих людей, продавших свой дом и оставшихся без жилья, а беда отношения героя к этой ситуации и его равнодушия к человеческим чувствам. Поэтому «Чужая беда» – это отнюдь не «чужая», а настоящая беда.

В данном рассказе также прослеживается нулевая фактизация. Читатель точно так же, как и в первом анализируемом рассказе, сталкивается с двумя противоположными позициями – с нравственной позицией сопереживания и сочувствия и позицией отстраненности и равнодушия. Однако этот рассказ существенно отличается от предыдущего тем, что позиция автора передается не только «от обратного» через вездусущее равнодушие, но и через одного из персонажей – Верочку, поэтому авторская позиция выражена здесь не только в подтексте. Однако безразличие нарратора к происходящему остается неизменным. Таким образом, Чехов снова прибегает к нарративному приему обесценивания реальных проблем и заострению внимания на проблеме второстепенной – продаже дома. Истинная же беда данного рассказа заключается в безразличии человека к несчастью другого, которое становится для него только «чужой бедой».

Третий рассказ «Беда» впервые был опубликован 1 декабря 1886 г. в «Петербургской газете» № 330 в отделе «Летучие заметки».

Уже с первых строк читатель знакомится с событиями, которые происходят с героем рассказа Николаем Максимычем и которые сразу же определяются как «беда»: «С Николаем Максимычем Путохиным приключилась беда» [9. С. 436]. Начало рассказа сразу же передает суть случившейся беды: это проблема пьянства, результатом которого и стало то, что «он невзначай напился пьян и в пьяном образе, забыв про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался по злачным местам» [9. С. 436].

Нередко у Чехова встречается одно важное предложение, в котором обнаруживается позиция писателя. Например, в рассказе «Горе» таким ключевым предложением было следующее: «Токарь помнит, что горе началось со вчерашнего вечера. Когда вчера вечером воротился он домой, по обыкновению пьяненьким, и по застарелой привычке начал браниться и махать кулаками» [1. С. 232]. Так, темы горя и беды в обоих рассказах связаны с пьянством. В «Беде» Чехов также описывает детали этой случившейся беды: «Путохин выпил стакан, другой, третий». Здесь он отчасти предстает отрицательным героем: «После шести бутылок приятели отправились к какому-то Павлу Семеновичу; этот последний угостил копченым сигом и мадерой» [9. С. 436].

В следующем эпизоде рассказа описано увольнение героя со службы за его пьянство, и после этого точка зрения героя существенно меняется, он начинает размышлять о своих поступках, переживает чувство позора и не может от него освободиться: «Мерзко! Подло! – бормотал Путохин, возвращаясь домой после объяснения с начальством. – И осрамился и место потерял... Подло, гадко!» [9. С. 437]. В конце концов эти новые переживания приводят его к открытию, о котором писал В.Б. Катаев: «"Рассказ-открытие" состоит из определенного набора структурных элементов и строится по определенным правилам. Его герой, обыкновенный человек, погруженный в будничную жизнь, однажды получает какой-то толчок – это обычно какой-нибудь пустячный случай, "житейская мелочь". Затем происходит главное событие рассказа – открытие. В результате опровергается прежнее – наивное, шаблонное, привычное и беспечное представление о жизни. Жизнь предстает в новом свете, открывается ее "естественный" порядок: запутанный, сложный, враждебный. Развязка также однотипна во всех случаях: герой впервые задумывается» [10. С.117].

Чехов открывает перед героем всю серьезность ситуации, и пьяница сталкивается с этим чрезвычайным открытием: «И как я напился, не понимаю» [10. С. 437]. Открытие развивается дальше и еще больше осложняет его позицию: он начал размышлять о своей встрече с женой, и это становится для него еще одной ожидаемой бедой: «Я готов мириться со всеми этими потерями, с этой головной болью, с нотацией начальства... но одно меня тревожит: как я с женой встречу? Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночевал, все пропил и отставку получил... Что я могу сказать ей?» [9. С. 437]. Чувство страха от ожидаемой беды встречи с женой усиливается настолько, что вновь возвращаются его бывшие привычки: «Путохин выпил рюмку, закусил соленой белужиной и задумался» [9. С. 438].

Развязка рассказа также разворачивается вокруг ситуации «казалось–оказалось», описанной В.Б. Катаевым: «Точнее всего переход чеховского героя к новому видению жизни и новому мироощущению можно обозначить при помощи оппозиции казалось–оказалось» [10. С. 9]. Герой не столкнулся с тем, что ему «казалось»: «Когда он вошел к себе, жена Маша

стояла в передней и вопросительно глядела на него» [9. С. 439]; «оказалось», «что она не начинала... браниться», более того, посоветовала ему, что «не надо падать духом» [7. С. 439]. Кульминация рассказа заключается в том, что жена простила героя. Как сказано в самом конце рассказа, «порок не в том, что мы пьянствуем, а в том, что не поднимаем пьяных». Однако сам Чехов сложно относится к данному финалу, и свое сомнение он выражает в финальной строчке рассказа: «Может быть, он и прав» [9. С. 439].

В целом данный рассказ резко отличается от прочих анализируемых в данной работе рассказов: беда была преодолена, у него счастливый финал, что на самом деле не очень характерно для чеховских произведений на тему горя и беды.

Возможно, поэтому с рассказом были связаны определенные сомнения писателя, которые и повлияли на его дальнейшую судьбу. Показательно, что Чехов больше нигде и никогда не публиковал этот рассказ, он не включил его ни в одно свое прижизненное издание, сохранилась только его первая публикация в «Петербургской газете» № 330 1886 г.

Четвертый рассказ «Беда» 1887 г. был впервые опубликован в «Петербургской газете» № 336 7 декабря в отделе «Летучие заметки». В первой публикации рассказ носил другое название – «Баран». Однако, включив его в сборник «Хмурые люди» 1890 г., Чехов изменил его название, позаимствовав заголовок «Беда» из предыдущего произведения, и данный рассказ более характерен для творчества Чехова.

Тем не менее их можно соотносить по принципу организации начала повествования, он также начинается с описания ключевого события: «...директора городского банка Петра Семеныча, бухгалтера, его помощника и двух членов отправили ночью в тюрьму» [11. С. 400]. Здесь и начинается завязка рассказа, беда, которая будет развиваться в сюжете [12. С. 282–286]. Н.Г. Серповский в своих воспоминаниях отмечал, что Чехов очень интересовался проблемами судебной практики и процедуры [11. С. 696].

Купца Авдеева, главного героя рассказа, беда настигает на следующий день после начала повествования. При этом организация нарратива такова, что сначала ни читателю, ни герою не понятно, о чем точно идет речь: «Так, значит, Богу угодно. От судьбы не уйдешь. Сейчас вот мы икрой закусываем, а завтра, гляди, – тюрьма, сума, а то и смерть. Всякое бывает» [11. С. 400]. Чехов с юмором описывает реакцию персонажа на беду, которая уже подкралась к нему: «...он говорил и жмурил свои пьяные глазки, а приятели выпивали, закусывали икрой и слушали» [11. С. 400]. И в отличие от «Беды» 1886 г., Чехов здесь, сразу же обозначив ключевое событие рассказа, тем не менее не показывает читателю истинную беду, а постепенно ее разворачивает в повествовании. Организация нарратива тут связана с точкой зрения, с восприятием событий главным персонажем купцом Авдеевым.

Так, после первых легкомысленных иллюзий персонажа наступает уже более важный момент оценки им ситуации: «Экось, легко ли дело! – усмехнулся

Авдеев. – Подписывал! Носили ко мне в лавку отчеты, ну и подписывал. Нешто я понимаю? Мне что ни дай, я всё подмахну. Напиши ты сейчас, что я человека зарезал, так я и то подпишу. Не время мне разбирать, да и не вижу без очков» [11. С. 400]. Смешные для читателя и автора оправдания героя являются серьезными для него самого. Беда заключается в самом понимании и отношении героя к миру, в том, что человек готов подписаться под тем, что он «человека зарезал», но не готов принимать и понимать истинные результаты своих поступков. Авдеев подобен токарю из рассказа «Горе» в том, что он готов винить весь мир, но не готов обвинять самого себя за безответственность и преступное равнодушие.

В этом рассказе описание беды формируется и развивается в нарративном подтексте произведения. Иронически описывая позицию героя, Чехов дает читателю представление об этой истинной «подтекстной» беде: «На именинах все гости говорили только о крахе банка. Авдеев горячился больше всех и уверял, что он давно уже предчувствовал этот крах и еще два года тому назад знал, что в банке не совсем чисто. Пока ели пирог, он описал с десятков противозаконных операций, которые ему были известны» [11. С. 400–401]. Непонимание главного героя, его нежелание и неспособность менять однажды сформированную точку зрения – вот истинная беда, и читатель в своем восприятии начинает переходить от беды в начале рассказа, связанной с арестом «директора городского банка Петра Семеныча, бухгалтера, его помощника и двух членов», к новой беде – непониманию и неприятию сложившейся ситуации со стороны героя. Описанию этой истинной беды и подчинена вся нарративная организация рассказа.

Несмотря на всю разницу между двумя рассказами под одним названием «Беда», в них все же имеется общая проблема – равнодушие. Так, с темой беды в творчестве Чехова часто оказывается связанной тема равнодушия. В данном рассказе Чехов гиперболизирует равнодушие Авдеева, оно развивается вместе с сюжетом и описывается автором часто иронически: «Отдохнув после пирога, он пообедал и еще раз отдохнул, потом отправился ко всенощной в свою церковь, где был старостой; после всенощной опять пошел на именины и до самой полночи играл в преферанс. Повидимому, все обстояло благополучно»; «Авдеев поглядывал вокруг себя. Шкафы, комоды, столы – все носило на себе следы недавнего обыска. Минуту Авдеев простоял неподвижно, как в столбняке, ничего не понимая» [11. С. 401]. Герой не понимает своей истинной беды, он совершенно равнодушен, но на эту горькую беду начинает реагировать его организм, его тело: «потом все внутренности его задрожали и отяжелели, левая нога онемела, и он, не вынося дрожи, лег ничком на диван; ему слышно было, как переворачивались его внутренности и как непослушная левая нога стучала по спинке дивана» [11. С. 401]. Он обращается к своему прошлому, но никакого открытия не происходит: «В какие-нибудь две-три минуты он припомнил все свое прошлое, но не нашел ни одной такой вины, которая заслуживала бы внимания судебной власти...» [11.

С. 401]. Он по-прежнему уверен, что ничего серьезного нет: «Всё это одна чепуха... – сказал он, поднимаясь. – Это, должно быть, меня оговорили. Надо будет завтра жалобу подать, чтобы они не смели это самое...» [11. С. 401].

Мотив равнодушия в рассказе «Беда» 1887 г. представлен многоаспектно. С одной стороны, это равнодушие героя к самому себе и к окружающим, а с другой – равнодушие окружающих к нему. Именно с этим был связан счастливый финал «Беды» 1886 г.: главного героя спасает умная, заботливая жена, спасает своим пониманием и терпением. А в «Беде» 1887 г. даже самому образованному человеку в городе, как его называет Чехов, все безразлично: «В десятом часу он побежал в управу к секретарю, который был единственным образованным человеком во всей управе», и тот холодно и равнодушно отвечает герою: «...не нужно быть бараном, – покойно ответил секретарь. – Прежде чем подписывать, надо было глядеть...» [11. С. 402]. Напомним, что рассказ при первой публикации был назван «Баран». Мотивы непонимания и равнодушия определяют специфику этого рассказа в целом, Чехов их многократно повторяет и развивает, это равнодушие всех персонажей: «равнодушие и покойный тон секретаря» [11. С. 402]; «Пришли какие-то молодые люди с равнодушными лицами, запечатали лавку и описали в доме всю мебель»; «прокурор и следователь говорили ему равнодушно и резонно» [11. С. 403].

Нарратив рассказа организован так, что читатель уже понимает истинную суть беды и ожидает драматичный финал, однако герой продолжает не обращать внимания на свое плачевное положение: «Дни мелькали за днями. Без семьи, без работы и без денег, бывший староста, почтенный и уважаемый человек, по целым дням ходил по лавкам своих приятелей, выпивал, закусывал и выслушивал советы. По утрам и вечерам он, чтобы убить время, ходил в церковь» [11. С. 403]. Авдеев на протяжении всего действия полностью отрицает свою вину, в отличие от токаря, «подозревая в этом интригу и по-прежнему не чувствуя за собой никакой вины»; «как это подобает человеку почтенному и невинно пострадавшему, сидел среди товарищей по несчастью» [11. С. 403]. Он до последнего игнорирует ситуацию и в полной мере не осознает, что цепочка происходящих с ним событий ведет к трагическому финалу: «...сидел среди товарищей по несчастью, слушал и ровно ничего не понимал» [11. С. 404]. Страх, который появился после обыска, скрывается за неприятием его виновности: «Все это одна чепуха... – сказал он, поднимаясь. – Это, должно быть, меня оговорили. Надо будет завтра жалобу подать, чтобы они не смели это самое...» [11. С. 401]. При этом читатель видит, что если сам Авдеев ничего не понимает, то вновь реагирует его организм: «Он уж почти забыл об обыске, и его беспокоило только одно обстоятельство, которое он не мог не заметить: у него как-то странно немела левая нога и почему-то совсем не варил желудок» [11. С. 402]; «Старик хлопотал, а нога немела по-прежнему и желудок варил все хуже» [11. С. 403].

Так, у читателя создается ощущение того, что беда в рассказе вечна и никогда не закончится... Даже в финале рассказа она кажется вечной: «Только полгода спустя, когда пришли к нему прощаться жена и сын Василий, когда он в тощей, нищенски одетой старушке едва узнал свою когда-то сытую и солидную Елизавету Трофимовну и когда вместо гимназического платья увидел на сыне куций, потертый пиджачок и сарпинковые панталоны, он понял, что судьба его уже решена и что, какое бы еще ни было новое “решение”, ему уже не вернуть своего прошлого. И он в первый раз за все время суда и тюремного заключения согнал со своего лица сердитое выражение и горько заплакал» [11. С. 405].

Все беды в этом рассказе, и заключение в тюрьму, и постоянные неприятные физические ощущения являются результатом одной основной беды – неспособности героя изменить свою точку зрения; в связи с этим Чеховым в первом варианте названия рассказа и была использована известная метафора «баран». Тем не менее затем он переименовал произведение в «Беду», чтобы подчеркнуть опасность такого человеческого качества, которое ведет к инертности, слабости характера и отсутствию действий.

В двух рассказах «Беда» вновь прослеживается нулевая фокализация, и в них обоих Чехов с помощью нейтральной позиции нарратора внешне обесценивает истинные, по его мнению, проблемы пристрастия к дурным привычкам, неспособности изменить свою точку зрения, равнодушия. Потому в финале обоих рассказов так и остается непонятным, пришел ли главный герой к какому-либо осознанию своей истинной беды и того, какую роль в ее возникновении он сам сыграл.

Итак, четыре рассказа объединены темой беды, которая осмысливается в них как моральная и социальная

проблема, как проблема человеческих взаимоотношений. Человеческое равнодушие может привести к ужасному финалу «Горя» и «Беды» 1887 г., менее шокирующему финалу «Чужой беды» или даже к счастливому концу «Беды» 1886 г. Такое разнообразие развязок демонстрирует, что внешняя беда, описанная в рассказе, не является для Чехова истинной. В рассказах «Горе», «Чужая беда» и «Беда» 1887 г. та реальная беда, которая возмущает писателя, – это, прежде всего, равнодушие человека к человеку, а все остальные беды – лишь ее логический результат. Рассказ «Беда» 1886 г. является тем исключением, которое только подтвердило эту общую тенденцию в чеховской интерпретации беды: он заканчивается счастливым финалом из-за равнодушия жены главного героя.

Такое осмысление темы горя/беды в прозе Чехова второй половины 1880-х гг. обусловило значимость ее фокализации, вопроса «конфигурации точек зрения» на беду персонажей, нарратора, автора, наконец, читателя. В основе нарративной организации данных рассказов – нулевая фокализация. Развитие наррации в произведениях организовано, прежде всего, фиксациями точек зрения персонажей на беду и возможным потенциалом их развития. В свою очередь, автор отказывается давать окончательную оценку и определять, в чем заключается истинная человеческая беда, даже намеренно ее обесценивает за счет нейтральной позиции нарратора. Однако такая организация нарратива позволяет читателю поставить вопрос и осознать истинную позицию Чехова, она эффективно подталкивает читателя к формированию собственных умозаключений и позиций, близких писателю.

Список источников

1. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
2. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь, 2001. 61 с. (Серия «Лекции в Твери»).
3. Доманский Ю.В. Статьи о Чехове. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. 95 с.
4. Тулякова А.А. Читатель на распутье: «дублетные» сюжеты в «круге чтения» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39–44.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982. Т. 4. 552 с.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982. Т. 1. 608 с.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М. : Просвещение, 1972. 110 с.
8. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982. Т. 5. 704 с.
10. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1971. 324 с.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982. Т. 6. 736 с.
12. Аль Аббуди М.А.Н. Сопоставительный анализ рассказов А.П. Чехова с одним названием: «Беда» (1886) и «Беда» (1887) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VII (XXI) Междунар. научн.-практ. конф. молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.) / отв. ред. А.Г. Кожевникова. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2020. Вып. 21. С. 282–286.

References

1. Shmid, B. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Tyupa, V.I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* ("Arkhierey" A.P. Chekhov) [Narratology as an Analyst of Narrative Discourse ("The Bishop" by A.P. Chekhov)]. Tver: Tver State University.
3. Domanskiy, Yu.V. (2001) *Stat'i o Chekhove* [Articles about Chekhov]. Tver: Tver State University.
4. Tulyakova, A.A. (2018) A Reader at the Crossroads: "Binary" Plots in Leo Tolstoy's a Circle of Reading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 39–44. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/430/5
5. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
6. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

7. Korman, B.O. (1972) *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [The study of the text of a literary work]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow: Nauka.
9. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
10. Kataev, V.B. (1971) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: MSU.
11. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
12. Al' Abbudi Muntassir, A.N. (2020) [A comparative analysis of A.P. Chekhov's stories with the same name: "In Trouble" (1886) and "In Trouble" (1887)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical Issues of linguistics and literary criticism]. Conference Proceedings. Vol. 21. Tomsk: Tomsk State University. pp. 282–286. (In Russian).

Информация об авторе:

Аль-Аббуди Мунтассир А.Н. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Russian Federation). E-mail: mntsrkadum@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Al-Abboodi Muntassir, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mntsrkadum@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2021;
одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 26.06.2021;
approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Научная статья
УДК 81'811.111
doi: 10.17223/15617793/482/6

Цинизм как базовая ценность современного англоязычного комического дискурса

Арсентий Игоревич Боцкарев¹

¹ *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, arsentiy_87@mail.ru*

Аннотация. Впервые концепт 'cynicism' рассматривается в качестве лингвокультурной ценности. Предлагается четырехшаговый алгоритм изучения особенностей актуализации концепта 'cynicism'. На материале стендап-комедий и ситкомов рассмотрены основные ценностные характеристики концепта 'cynicism'. Проанализирована реакция зрителей на проявление цинизма. Выявлены основные языковые средства выражения концепта 'cynicism' в рамках комического дискурса. Определены основные антиценности, на осмеяние которых направлен цинизм.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, концептосфера комического, цинизм, ценности, антиценности

Для цитирования: Боцкарев А.И. Цинизм как базовая ценность современного англоязычного комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 59–66. doi: 10.17223/15617793/482/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/6

Cynicism as a basic value in modern English humorous discourse

Arsentiy I. Bochkarev¹

¹ *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, arsentiy_87@mail.ru*

Abstract. The work is aimed at identifying and analyzing the main humorous characteristics of the axiological concept of cynicism. The relevance of the study is predetermined by the fact that cynicism is considered to be an important value of humorous discourse. This work develops an axiological approach for studying humor which consists of defining the reaction of the audience to cynicism (humorous or non-humorous, positive or negative), distinguishing value features of the axiological concept of cynicism (based on literature on cynicism, definitions in dictionaries, and analysis of data.), analyzing the language means used to express the axiological concept of cynicism, determining the conceptual opposition of the axiological concept of cynicism in a particular context, determining the archetype of the corresponding character to assess the level of possible empathy of the audience for a humorous object. The data analyzed in this article comprise recordings and scripts of more than 70 stand-up specials which are more than 4500 minutes long and more than 500 episodes of various sitcoms which are more than 12,500 minutes long. The research showed that in many cases manifestation of cynicism was accompanied by laughter and moderate applauding while in most cases cynicism caused only laughter. Cynicism is aimed at ridiculing such anti-values as insincerity, shame, stupidity, lust. The main cognitive features of the axiological concept of cynicism within the framework of humorous discourse include honesty and rudeness. In its extreme form (dark humor), cynicism can be considered as a significant lack of humanity. The research also found that the axiological concept of cynicism within the framework of humorous discourse is actualized through insulting people, describing taboo processes and violating the norms and principles of social interaction. Insulting is carried out through a humiliating assessment of actions or states of a person, a true designation of a person and a response to socially disapproved behavior. The main taboo topics are masturbation, deuration, flatulence, death, and declaring sexual intention. The main cases of violating norms and principles of social interaction include deviation from standard patterns of behavior and ridiculing clichéd statements. The axiological concept of cynicism is usually expressed through obscene words, insulting words, verbs denoting corresponding processes, new metaphors, similes, irony, etc. Moreover, in modern English sitcoms some of main characters behave cynically.

Keywords: axiological linguistics, humorous conceptual framework, cynicism, values, anti-values

For citation: Bochkarev, A.I. (2022) Cynicism as a basic value in modern English humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 59–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/6

Введение

В своей работе мы рассматриваем комическое в рамках аксиологической лингвистики. Как отмечает В.И. Карасик, предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [1. С. 4]. Объектом аксиологической лингвистики являются ценности и антиценности. Если ценности положительно воспринимаются большинством представителей определенной лингвокультуры, то к антиценностям большинство представителей лингвокультуры относится негативно. Выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей: область истины, область прекрасного, область этики, область удовольствия, область практической пользы [2. С. 29]. Следует отметить, что ценность, позитивно отмеченная в одной области, может быть негативно отмечена с точки зрения другой области. Ценности являются концентратом культуры и выражаются преимущественно в оценках [1. С. 7]. Оценка – это особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта [3]. На сегодняшний день наиболее глубокое исследование ценностей провели Ч. Петерсон и М.Е. Селигман, которые на основании анализа различных направлений философии, религии, политики и образования выделили наиболее важные человеческие ценности, а именно: мудрость, мужество, гуманизм, справедливость, умеренность и трансцендентность [4]. В свою очередь, антиценности получили освещение в работах, изучающих этическую систему ценностей. В рамках данной системы выделяют такие антиценности, как похоть, чревоугодие, гнев, жадность, зависть, лень, гордыня [5. Р. 560].

Согласно общепринятой точке зрения концепт ‘cynicism’ является антиценностью [6, 7]. Данная оценка цинизма обусловлена отрицательным восприятием рассматриваемого явления с этической точки зрения [6]. Так, циничное поведение субъекта вызывает осуждение окружающих и влечет за собой предъявление требований по его пресечению. Но в современном обществе на первый план выходят ценности из области практической пользы, и ценностной доминантой многих современных культур является утилитаризм [8]. В свою очередь, циничное поведение зачастую приносит практическую пользу, так как оно помогает оценивать реальность более объективно и не действовать в ущерб себе. Кроме того, цинизм, выражающий реальное мнение адресанта и раскрывающий неискренность, может рассматриваться не только как утилитарная ценность, но и как ценность из области истины.

Рассматривая лингвистическую теорию комического, необходимо отметить, что к наиболее исследованным явлениям относятся языковые средства выражения комического, в особенности каламбуры [9], и средства выражения иронии [10]. В тоже время большинство современных лингвистических исследований комиче-

ского связаны с достижениями когнитивной лингвистики. В основе современной лингвистической теории юмора лежит семантическая теория юмора, согласно которой комический эффект основывается на оппозиции двух противоположных скриптов [11. Р. 99]. С этой точки зрения В. Раскин анализирует сексуальный, этнический и политический юмор. Кроме того, в рамках этнического юмора изучается комическая составляющая таких явлений, как глупость, жадность, незнание языка и хитрость [11]. Семантическая теория юмора была в дальнейшем дополнена С. Аттардо и В. Раскиным, которые разработали общую теорию вербального юмора, учитывающую различные «источники знаний», а именно: оппозицию скриптов, логический механизм, цель, нарративную стратегию, язык и ситуацию [12]. В рамках когнитивного подхода к языку ценности и антиценности комического дискурса изучались в определенной степени. В основном изучение аксиологической составляющей комического дискурса касалось таких антиценностей, как глупость [13], похоть [11] и пьянство [14].

В комическом дискурсе цинизм как проявление грубости относится к «грубому» комическому. Разделение комического на «грубое» и «тонкое» имеет давнюю природу [15]. Так, Цицерон разграничивает остроумие и смешное, отмечая непристойный и безобразный характер смешного [16]. В свою очередь, Аристотель отмечает, что шутовство принижает достоинство свободного человека, ему больше подходит ирония [17. Р. 147]. Зачастую в основе разделения комического лежит социальный подтекст, т.е. «тонкий» комизм приписывается образованным людям, в то время как «грубый» комизм предназначен для необразованных людей. Традиционно к примерам «грубого» комического относят такие жанры, как клоунада, фарс и т.д. Но, как отмечает В.Я. Пропп, элементы грубого комизма присутствуют и в классической литературе, например, в произведениях Н.В. Гоголя герои оскорбляют друг друга и это создает комический эффект [15. С. 10–13].

Материал и методы исследования

В данном исследовании применяется и разрабатывается аксиологический метод исследования комической составляющей различных ценностных явлений. Мы предлагаем следующий алгоритм анализа ценностей и антиценностей комического дискурса.

Первый шаг – выявить комически значимые ценности и антиценностные концепты на основе реакции аудитории. Эмоции, которые выражают зрители, помогают понять отношение аудитории к тем или иным явлениям. Так, комичность/некомичность определяется при помощи такой реакции, как смех, улыбка и т.д. В то время как отрицательность/положительность определяется при помощи такой реакции, как аплодисменты, возгласы и т.д.

Второй шаг – провести когнитивный анализ концептов, который заключается в выявлении когнитивных признаков анализируемых концептов. В своем исследовании для выявления когнитивных признаков концептов мы анализируем словарные дефиниции соответствующих явлений, комические текстовые фрагменты (в кото-

рых актуализируются соответствующие концепты) и работы, посвященные изучению данных концептов в целом.

Третий шаг – проанализировать языковые средства выражения соответствующего концепта в рамках комического дискурса и/или определить концептуальную оппозицию, в рамках которой концепт актуализируется в представленном контексте.

Четвертый шаг является опциональным и касается анализа художественных произведений, в которых автор имеет возможность развивать своих героев на протяжении всего повествования. Соответственно, данный шаг заключается в определении архетипа соответствующего персонажа для оценки уровня возможной эмпатии к объекту комического со стороны аудитории.

В качестве практического материала мы взяли записи и сценарии стендап-комедий и ситкомов. Следует отметить, что в современной англоязычной культуре стендап-комедии и ситкомы являются одними из самых популярных жанров комического дискурса. В общей сложности нами было проанализировано более 70 выпусков стендап-комедий и 500 эпизодов различных ситкомов. Выбор данных жанров обусловлен тем, что в них присутствует либо реальный смех зрителей, либо закадровый смех. Соответственно, возможно оценить комичность тех или иных фрагментов текста, основываясь на реакции зрителей или задумке автора произведения. В данной работе полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались наиболее бурным смехом зрителей. Следует также отметить, что мы выбрали наиболее популярные стендап-комедии и ситкомы, основываясь на различных рейтингах и/или на количестве просмотров эпизодов ситкомов в момент их премьеры на телевидении. Выбирая примеры для данной статьи, мы старались приводить те примеры, которые либо вызывали наиболее интенсивный смех зрителей, либо встречались в различных вариациях у разных авторов.

Результаты и обсуждение

Как было отмечено выше, традиционно концепт ‘cynicism’ воспринимается в качестве антиценности, что подтверждается определениями данного явления, приведенными в словарях. Так, в англоязычных словарях даются следующие определения цинизма (cynicism): 1. The belief that people only do things to help themselves, rather than for good or sincere reasons; 2. The belief that something good will not happen or that something is not important; 3. The fact of being willing to do something that might hurt other people, if you can gain some advantage (1. Вера в то, что люди делают что-то только для того, чтобы помочь себе, а не из благих или искренних побуждений; 2. Вера в то, что ничего хорошего не произойдет или что что-то не является важным; 3. Факт готовности сделать что-то, что может навредить другим людям, если существует возможность получить какую-либо выгоду) [22]; 1. The belief that people always act selfishly; 2. The belief that it cannot be successful or that the people involved are not honourable (1. Вера в то, что люди всегда

действуют эгоистично; 2. Вера в то, что какое-либо дело не может быть успешным или что вовлеченные люди не честны) [23].

На основе вышеприведенных определений можно выделить следующие основные когнитивные признаки концепта ‘cynicism’: отсутствие веры в людей и эгоизм. Следует отметить, что данные определения классических словарей являются отражением восприятия цинизма с этической точки зрения. Кроме того, в рамках традиционного восприятия цинизма А.А. Бекетова предлагает выделять следующие характеристики концепта ‘cynicism’: агрессивность, аморальность, антиидеализм, невоспитанность, отсутствие моральных принципов [25].

Другое понимание цинизма представлено в современных источниках, ориентированных на более утилитарное восприятие действительности. Так, можно найти следующее восприятие цинизма: Nowadays, cynicism means an attitude in life that is conscious about morally bad or evil acts, but makes a joke out of them or commits them anyway. The cynic doesn't want to convince anybody. He is honest to the extreme. His friends tend to describe him as dark, evil, terribly offensive or hilariously funny (В наши дни цинизм означает такое отношение к жизни, при котором человек осознает аморальность поступков, но превращает их в шутку или совершает их. Циник не хочет никого убеждать. Он честен до крайности. Друзья обычно описывают его как человека мрачного или злого, а его поступки считают ужасно оскорбительными или крайне смешными) [24].

К основным когнитивным признакам концепта ‘cynicism’ согласно вышеприведенному определению относятся: предельная честность, грубость, знание моральных категорий и совершение/осмеяние аморальных поступков.

В современном комическом дискурсе цинизм играет все более значимую роль [18]. Так, проявление грубости, невежливости и агрессии привлекает все большую аудиторию в рамках комического дискурса [19], что способствует продвижению цинизма в качестве базовой ценности данного типа дискурса. Также цинизм зачастую направлен на исправление поведения человека [20. Р. 399]. Во многом благодаря этому цинизм и превращается в ценность современного общества, так как подобное проявление цинизма положительно воспринимается зрителями или читателями [21].

Анализ современных комических текстов показывает, что в рамках комического дискурса цинизм представляет собой прежде всего комбинацию грубости (антиценностная составляющая) и честности (ценностная составляющая), что может приводить к совершению аморальных поступков, при этом можно выделить три основных способа актуализации концепта ‘cynicism’: оскорбление коммуникантов, описание табуированных процессов и нарушение норм/принципов социального взаимодействия.

Следует отметить, что в рамках комического дискурса набор когнитивных признаков и способов актуализации концепта ‘cynicism’ значительно меньше по сравнению с соответствующим набором когнитивных признаков и способов актуализации данного концепта в повседневной жизни.

Оскорбление коммуникантов

Оскорбление становится инструментом комического для реализации концепта 'cynicism' только в тех случаях, когда оно выражает некую истину или обличает различные пороки.

В рамках проявления цинизма использование оскорблений становится комичным в следующих случаях: унижительная оценка действий/состояния собеседника, фактическая номинация объекта и ответная реакция на проявление порицаемых состояний.

Унижительная оценка действий/состояния собеседника

Унижительная оценка действий/состояния собеседника, является одним из самых распространенных способов оскорбления объекта в рамках актуализации концепта 'cynicism'.

Leslie (arriving): Morning. Leonard: Ah, hey Leslie. Leslie: So, Sheldon, I see you're organizing your papers for the Smithsonian Museum of Dumbassery [Лесли (подходит): Доброе утро. Леонард: А, привет, Лесли. Лесли: Итак, Шелдон, я вижу, ты собираешь свои бумаги для Смитсоновского музея глупости] [26].

Реакция аудитории: смех. В представленном примере оскорбляют работу ученого посредством оскорбительной номинации места (Dumbassery), для которого тот подготавливает статью. В приведенном текстовом фрагменте цинизм направлен на высмеивание глупости (paper for... Dumbassery). Также следует отметить, что Лесли в целом является положительным персонажем на протяжении всего сериала.

В тех случаях, когда грубость превалирует над честностью, смех может сопровождаться неодобрительными возгласами зрителей.

"And I say, 'Jamaica,'—I said, but it isn't Jamaica, it's some other... what was it? I can't... Bahamas? Bahamas, or Barbados, or whatever it is," and a voice... came from the darkness. It might even have been the devil. "You're not funny and nobody likes you. You should have remembered that from school" [«А я говорю: "Ямайка", — сказал я, но это не Ямайка, это какая-то другая... где это было? Я не могу... Багамы? Багамы, или Барбадос, или что там еще», и голос... раздался из темноты. Возможно, это был даже дьявол. «Ты не смешной, и никто тебя не любит. Ты должен был бы помнить это со школы»] [27].

В представленном примере часть зрителей выражает неодобрение относительно оскорбления, в то время как другая часть аплодирует, при этом смех превалирует над аплодисментами и неодобрительными возгласами. Оскорбление реализуется как через негативную характеристику деятельности начинающего стендап-комика (not funny), так и через негативную характеристику стендап-комика в целом (nobody likes you). Кроме того, коммуникант указывает на то, что данная характеристика является не ситуативной, а перманентной (from school). В данном текстовом фрагменте цинизм направлен на высмеивание бесталанности (not funny в контексте создания юмора).

Фактическая номинация объекта

Оскорбления в виде обценной лексики могут использоваться для фактической номинации объекта осмеяния.

Penny: Well, she was engaged to my cousin while she was sleeping with my brother, so she's kind of family. Sheldon: You know, I apologise for my earlier outburst, who needs Halo when we can be regaled with the delightfully folksy tale of the whore of Omaha? [Пенни: Ну, она была помолвлена с моим двоюродным братом, пока спала с моим братом, так что она своего рода член семьи. Шелдон: Знаешь, я прошу прощения за свои предыдущие резкие высказывания, но зачем нам Halo, когда мы можем насладиться восхитительными народными сказаниями о шлюхе из Омахи?] [28].

Реакция аудитории: смех. В представленном примере обценная лексика (whore) используется для реальной номинации объекта. Так, употребление рассматриваемого слова оправдано, если девушка занимается сексом с большим количеством парней. Соответственно, цинизм направлен на высмеивание похоти. При этом высказывание в целом относится к проявлению иронии, так как Шелдон на самом деле не хочет продолжать разговор об этой девушке. Следует отметить, что Шелдон является одним из главных героев ситкома и оценивается преимущественно положительно.

Ответная реакция на прямое проявление порицаемых состояний

Употребление оскорблений восхваляется в тех случаях, когда поведение объекта оскорбления актуализирует антиценности, такие как грубость, глупость и т.д.

Оскорбление может быть также ответной реакцией на *грубость*, которая обычно проявляется через необоснованное использование оскорблений или нецензурной лексики.

Penny: How is it supposed to be a dance if I'm the only girl? Howard: Well, that may be a slight exaggeration. You'd be the only doable girl. Penny: You're a pig, Howard [Пенни: И что же это за танцы такие, если я там единственная девушка? Говард: Ну, я немного преувеличил. Ты будешь единственной доступной девушкой. Пенни: Ты свинья, Говард] [29].

В представленном примере первоначальное проявление грубости (doable girl) помимо смеха вызывает негативную реакцию в виде неодобрительных возгласов предполагаемой аудитории. В то время как оскорбление (pig) в ответ на грубость вызывает исключительно смех. Следует отметить, что Пенни проявляет себе преимущественно как положительный персонаж.

Оскорбление может быть ответной реакцией на *глупость* объекта осмеяния.

"Billy Connolly? Comedian." "You think it's the same guy?" "I don't know, you better ask him." "Is that Billy Connolly the comedian?" So I'm desperate to say, "No, it's Billy Connolly the donkey shagger" [«Билли Коннолли? Стендап комик». «Думаешь, это он?» «Не знаю, лучше у него спроси». «Это Билли Коннолли, который стендап комик?» «Я отчаянно сдерживал себя, чтобы не сказать: "Нет, это Билли Коннолли, который осел трахает"»] [27].

Реакция аудитории: смех и небольшое количество аплодисментов. Адресант высмеивает глупость собеседников, которая заключается в уточнении очевидного факта (идентификация личности знаменитости). Оскорбление (*donkey shagger*) направлено на самого стендап-комика, при этом рассматриваемое высказывание относится к случаям проявления иронии.

Описание табуированных процессов

К табуированным действиям относятся: описание процессов человеческой жизнедеятельности (мастурбация, деуринация, флатуленция), при этом для данных процессов действуют схожие механизмы создания комического эффекта: декларирование сексуальных действий; осмеяние смерти или тяжелых заболеваний.

Следует отметить, что в рамках описания табуированных процессов восхваляется прежде всего готовность выступающего говорить об этих процессах открыто или совершать их публично, что собственно и является проявлением цинизма. При этом сами характеристики этих процессов могут подвергаться осмеянию.

Описание процессов человеческой жизнедеятельности

В рамках проявления цинизма описание процессов человеческой жизнедеятельности становится комичным в случаях: восприятия процесса в качестве рутинного, осуществления процесса на человека и осуществления процесса в неподходящей ситуации.

В качестве *рутинного процесса* в рамках актуализации концепта 'cynicism' может восприниматься мастурбация.

I ate too much and masturbated too recently [Я слишком много съел и только что мастурбировал] [30].

Реакция аудитории: смех. В данном примере процесс мастурбации (*masturbated recently*) поставлен в один ряд с процессом принятия пищи (*ate much*). Цинизм направлен на высмеивание стыда, т.е. стендап-комик считает, что разговор о мастурбации так же естественен, как и разговор о принятии пищи.

Комический эффект может создаваться за счет упоминания процесса деуринации на другого человека.

"This is the water", and he put it in my willy, and shoved it in. He started to flood it. And I got an overwhelming desire to piss up in the air. I thought, "Oh, God, please, don't pee over the big Jamaican" [«Это для воды», и он вставил его мне в пистол, и протолкнул его дальше. Он начал лить воду. И у меня появилось непреодолимое желание помочиться фонтаном. Я подумал: «О, Боже, пожалуйста, не мочись на эту большую ямайку»] [27].

Реакция аудитории: смех. Стендап-комик оказывается в ситуации, когда он не может контролировать процесс деуринации и появляется возможность того, что он справит свои потребности (*pee over*) на красивую девушку. Проявление цинизма противопоставляется стыду, который испытывает объект осмеяния.

Довольно часто предметом комического становится *испускание газов в неподходящей ситуации*.

Barney: Point is, I plan on being with you for a long time. You okay with that? Quinn: Sounds great. (Barney

farts) [Барни: Дело в том, что у меня долгосрочные планы насчет тебя. Ты ведь не против? Квин: Звучит здорово (Барни пукает)] [31].

Реакция аудитории: смех. В представленном примере объект комического испускает газы после признания своей девушки в любви. Проявление цинизма противопоставляется неискренности и стыду (сокрытие факта осуществления процесс из-за чувства стыда). В последующем контексте рассматриваемое действие оценивается обоими героями как положительное, так как оно снимает табу с данного процесса, т.е. они могут открыто осуществлять этот процесс в присутствии друг друга. Барни Стинсон является преимущественно положительным героем.

Декларирование сексуальных намерений

Декларирование своих намерений относительно сексуальных действий обычно становится предметом комического в тех случаях, когда данная тема не предполагается предыдущим контекстом.

Barney: Jim, I could tell I was on a roll, so I decided to mix things up a little bit. I think I'm gonna go small boobs tonight. Lily: You're disgusting [Барни: Джим, я мог сказать, что был в ударе, поэтому решил немного усложнить задачу. Думаю, что сегодня вечером я отправлюсь за маленькими буферами. Лили: Ты отвратителен] [32].

Реакция аудитории: смех. В представленном примере для номинации девушки, с которой главный герой хочет заняться сексом, используется метонимия (*small boobs*). Цинизм направлен на осмеяние неискренности и стыда, т.е. герой открыто говорит о своих намерениях в отличие от других героев, которые осуществляют подобные процессы, но не обсуждают их. Рассматриваемый герой является преимущественно положительным персонажем в данном ситкоме.

Смерть

Высмеивание смерти в рамках актуализации концепта 'cynicism' связано со смертью людей, которых можно отнести к категории Другие, т.е. людей, которые не являются близкими для говорящего. Во всех подобных ситуациях актуализации цинизма сопутствует значимое отсутствие проявления такой ценности, как гуманизм.

Циничное отношение к смерти обычно заключается в отсутствии сострадания к мертвым людям, при этом смерть может восприниматься как незначительное событие.

Barney: Such a waste. Lily: I know. He was so young. Barney: A hand-stitched, cashmere, double-breasted Dolce & Gabbana. It must be so frightened [Барни: Какая утрата. Лили: Я знаю. Он был так молод. Барни: Ручная пошивка, кашемир, двубортный, Dolce & Gabbana. Должно быть, он так напуган] [33].

Реакция аудитории: смех. В рассматриваемом примере один из главных героев проявляет жалость к новому костюму (*such a waste, so frightened*), в котором будет похоронен человек, т.е. факт захоронения костюма важнее факта смерти человека. Цинизм направлен на осмеяние неискренности, т.е. герой не выражает сострадание к незнакомому человеку в от-

личие от его друзей, которые изначально также не хотели идти на похороны неизвестного человека, но на самом мероприятии имитируют сострадание. Рассматриваемый герой является преимущественно положительным персонажем в данном ситкоме.

Также довольно часто в комическом дискурсе для обозначения смерти используются новые метафоры/номинации/сравнения, которые раскрывают суть явления:

or if it's a little too harsh for you, a little too harsh to delete an old friend, you can always create a new folder, a special folder for dead people. You keep it on your desktop. It's kind of a digital purgatory [или если это немного больно для вас, немного больно удалить старого друга, вы всегда можете создать новую папку, специальную папку для мертвых людей. Держите ее на рабочем столе. Это своего рода цифровое чистилище] [34].

Реакция аудитории: смех и бурные аплодисменты. Основной целью стендап-комика является десакрализация смерти, для чего он придумывает новую метафору (*digital purgatory*) для обозначения списка умерших знакомых в компьютере. Цинизм сопровождается актуализацией концепта 'intelligence' (составление новой метафоры).

Нарушение норм и принципов социального взаимодействия

В рамках проявления цинизма нарушение норм и принципов социального взаимодействия в комическом дискурсе реализуется через отклонение от стандартных моделей поведения и высмеивание клишированных высказываний.

Отклонение от стандартных моделей поведения

Отклонение от стандартных моделей поведения может касаться различных сфер социального взаимодействия, таких как сфера профессионального общения, сфера межличностного общения и т.д.

Самым распространенным видом подобного отклонения является взаимодействие людей в профессиональной сфере общения. В основном представители определенных профессий ведут себя неподобающим образом с клиентом, посетителем и т.д.

Black: Right, the shop is closed, everybody get out. Customer 1: What? Black: Time to go home, come on! Customer 1: It's only a quarter to three! Black: Yes, but it's my shop. Come on, go home, 'bye-bye. Thank you, out, out. Customer 1: That's hardly fair. Black: It's not fair at all, get out. 'Bye-bye! Customer 2: I expect better service... Black: Well, expect away. Get out [Блэк: Так, магазин закрыт, все вон. Клиент 1: Что? Блэк: Пора домой, давай! Клиент 1: Сейчас только без четверти три! Блэк: Да, но это мой магазин. Все по домам, пока-пока. Спасибо, вон, вон. Клиент 1: Вряд ли так можно. Блэк: Вообще нельзя, вон. 'Пока-пока! Клиент 2: Я ожидаю лучшего обслуживания... Блэк: Ну, ожидай дальше. Вон] [35].

Реакция аудитории: смех. В приведенном примере владелец магазина закрывает его посередине рабочего дня без объяснения причин и бесцеремонно выгоняет посетителей. Стандартная ситуация в рамках отноше-

ний продавец – покупатель предполагает заинтересованность продавца в реализации товара, дружелюбное обращение с покупателем и т.д. Следует отметить, что фразы (*get out, expect away*) вызывают основной смех. Цинизм в приведенном примере противопоставляется неискренности, т.е. продавец ведет себя так, как он считает нужным. Рассматриваемый персонаж является главным героем данного ситкома.

Довольно часто нарушение норм и принципов социального взаимодействия связано с отклонением от стандартных моделей поведения в рамках дружеских отношений.

Barney: Hey. What are you guys talking about? Marshall: Lily. Barney: I got to go [Барни: Привет. О чем вы, ребята, говорите? Маршалл: Лили. Барни: Мне пора] [36].

Реакция аудитории: смех. В представленном примере нарушаются правила поведения, характерные для дружбы. Предполагается, что в случае, когда твоему другу нужна поддержка, ее необходимо оказать. В приведенном примере одного из героев бросила невеста и вместо того, чтобы поддержать своего друга, другой герой просто уходит. Проявление цинизма противопоставляется неискренности, т.е. герой ведет себя так, как он действительно хочет. Следует отметить, что данный персонаж является преимущественно положительным героем на протяжении всего ситкома.

Высмеивание клишированных высказываний

В рамках нарушения норм и принципов социального взаимодействия также высмеиваются клишированные высказывания, характерные для различных ситуаций.

Here's another thing we say to the surviving spouse. "I'm keeping him in my thoughts." Where? Where exactly in your thoughts does he fit? In between my ass hurt in this chair and let's fuck the waitress? [Вот еще что мы говорим оставшейся в живых супруге. «Я держу его в своих мыслях». Где? Где именно в твоих мыслях он разместился? В промежутке между «моей заднице больно на этом стуле» и «давай трахнем эту официантку»?] [34].

Реакция аудитории: смех и небольшое количество аплодисментов. Стендап-комик высмеивает употребление клишированных высказываний фразу (*I'm keeping him in my thoughts*) во время похорон, считая их неискренними. В приведенном примере проявление цинизма сопровождается актуализацией концепта 'intelligence' (нестандартный подход к восприятию стандартизированных явлений).

Заключение

Наше исследование показало, что во многих проанализированных примерах эмоционально маркированное проявление цинизма, помимо смеха, сопровождалось умеренными или слабыми аплодисментами зрителей, при этом в большинстве случаев цинизм вызывал только смех зрителей. В основном бурные аплодисменты вызывало такое проявление цинизма, при котором осмеянию подвергались стыд, неискренность и глупость. Одобрение зрителей вызывает такое проявление цинизма, в рамках которого честность превалирует над грубостью и оправдывает совершенный аморальный поступок. Нега-

тивная реакция на цинизм возникала только тогда, когда грубость превалировала над честностью. При этом данное соотношение может неодинаково оцениваться разными зрителями. Тем не менее в рамках комического дискурса проявление цинизма воспринимается зрителями преимущественно положительно.

К основным лингвокогнитивным признакам ценностного концепта 'cynicism' в рамках комического дискурса относятся честность и грубость. Также нами было выявлено, что концепт 'cynicism' актуализируется посредством следующих действий: оскорбление коммуникантов, описание табуированных процессов и нарушение норм/принципов социального взаимодействия. Оскорбление коммуникантов осуществляется через такие характеристики, как проговаривание унижающей правды, фактическая номинация объекта и ответная реакция на проявление порицаемых. К основным табуированным процессам относятся: мастурбация, деуринация, флатуленция, декларирование сексуальных намерений, смерть. Нарушение норм/принципов социального взаимодействия обычно реализуется через отклонение от стандартных моделей поведения и высмеивание клишированных высказываний.

В языковом плане цинизм часто выражается через обценную (fuck, whore, etc.) и необценную пейоративную (pig, nigger, etc.) лексику, при этом обценная лексика в большей степени характерна для стендап-комедий, в то время как необценная пейоративная лексика характерна для ситкомов. Описание табуированных процессов осуществляется в основном непосредственно через глаголы, выражающие данные процессы (to masturbate, to pee, to fart). В черном юморе и в случаях нарушения норм/принципов социального взаимодействия проявление цинизма зачастую сопровождается актуализацией

концепта 'intelligence' через составление новых номинаций/метафор/сравнений, нестандартный подход к стандартизованным явлениям и т.д. Также необходимо отметить, что цинизм зачастую актуализируется посредством иронии, т.е. честность получает не прямое выражение.

В большинстве случаев концепт 'cynicism' наряду с концептом 'intelligence' используется производителями комических текстов для порицания неприемлемости тех или иных явлений, при этом два вышеупомянутых концепта могут актуализироваться параллельно. В основном проявление цинизма направлено на осмеяние таких явлений, как неискренность и стыд. Также цинизм может быть ответной реакцией на глупость, похоть, грубость и т.д. В своем крайнем проявлении (черный юмор) цинизм может рассматриваться как значимое отсутствие гуманизма.

Многие главные герои современных комедий используют цинизм для продвижения различных ценностей и разоблачения антиценностного поведения других героев. Более того, в ряде современных сериалов основной чертой главных героев, таких как Ш. Купер (The Big Bang Theory), Б. Блэк (Black Books), Б. Стинсон (How I Met Your Mother), является цинизм, при этом совершаемые ими действия в целом положительны. Также необходимо отметить, что цинизм может быть осознанным (Б. Стинсон осознает циничность своего поведения) и неосознанным (Ш. Купер не понимает того, что он проявляет грубость). Соответственно, положительным героям в современных комических произведениях свойственно проявление цинизма.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт 'cynicism' воспринимается преимущественно как ценность в рамках современного англоязычного комического дискурса.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
2. Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологической лингвистики // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 7–26.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Peterson C., Seligman M.E. Character strengths and virtues: A handbook and classification. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 800 p.
5. Davis D. Communication and humor // The Primer of Humor Research. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 543–568.
6. Higgin R. Kynical dogs and cynical masters: Contemporary satire, politics and truth-telling // HUMOR. 2014. Vol. 27 (2). P. 183–201.
7. Owing E. Humor and the suppression of sentiment // HUMOR. 1994. № 7 (1). P. 7–26.
8. Марьянич В.А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: URSS, 2013. 272 с.
9. Hempelmann Ch.F., Miller T. Puns: Taxonomy and Phonology // The Routledge handbook of language and humor. N.Y.: Routledge, 2017. P. 95–108.
10. Colston H.L. Irony and sarcasm // The Routledge handbook of language and humor. N.Y.: Routledge, 2017. P. 234–249.
11. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel, 1985. 284 p.
12. Attardo S., Raskin V. Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model // HUMOR. 1991. Vol. 4. P. 293–347.
13. Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. New York: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
14. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 180 с.
15. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
16. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 472 с.
17. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 221 с.
18. Heintz S., Ruch W. From four to nine styles: An update on individual differences in humor // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 141. P. 7–12.
19. Simpson P., Bousfield D. Humor and Stylistics // The Routledge handbook of language and humor. N.Y.: Routledge, 2017. P. 158–173.
20. Beermann U., Ruch W. How virtuous is humor? Evidence from everyday behavior // HUMOR. 2009. Vol. 22 (4). P. 395–417.
21. Kersten H. America's faith in the laugh resistance – popular beliefs about political humor in the 2016 presidential elections // HUMOR. 2019. Vol. 32 (2). P. 299–316.
22. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 16.05.2022).
23. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 16.05.2022).
24. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 16.05.2022).
25. Бекетова А.А. Языковая репрезентация феномена цинизма в интернет-дискурсе: когнитивно-прагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. 21 с.
26. The Big Bang Theory. The Cooper-Nowitzki Theorem. 2008. URL: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (дата обращения: 16.05.2022).
27. Connolly B. High Horse Tour. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 04.04.2022).

28. The Big Bang Theory. The Dumpling Paradox. 2007. URL: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (дата обращения: 16.05.2022).
29. The Big Bang Theory. The Killer Robot Instability. 2009. URL: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (дата обращения: 16.05.2022).
30. Louis C.K. Chewed Up. 2008. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 16.05.2022).
31. How I Met Your Mother. Trilogy Time. 2012. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (дата обращения: 16.05.2022).
32. How I Met Your Mother. Perfect Week. 2010. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (дата обращения: 16.05.2022).
33. How I Met Your Mother. Monday Night Football. 2007. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (дата обращения: 16.05.2022).
34. Carlin G. It's Bad For Ya. 2008. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 16.05.2022).
35. Blacks Book. Cooking the Books. 2000. URL: https://sublikescript.com/series/Black_Books-262150 (дата обращения: 16.05.2022).
36. How I Met Your Mother. Bachelor Party. 2007. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (дата обращения: 16.05.2022).

References

1. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow: Gnozis.
2. Serebrennikova, E.F. (2011) Aspekty aksiologicheskoy lingvistiki [Aspects of axiological linguistics]. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value-based meanings]. Moscow: TEZAVURUS. pp. 7–26.
3. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
4. Peterson, C. & Seligman, M.E. (2004) *Character strengths and virtues: A handbook and classification*. N.Y.: Oxford University Press.
5. Davis, D. (2008) Communication and humor. In: Raskin, V. (ed.) *The Primer of Humor Research*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 543–568.
6. Higgin, R. (2014) Kynical dogs and cynical masters: Contemporary satire, politics and truth-telling. *HUMOR*. 27 (2). pp. 183–201.
7. Oring, E. (1994) Humor and the suppression of sentiment. *HUMOR*. 7 (1). pp. 7–26.
8. Mar'yanchik, V.A. (2013) *Aksiologichnost' i otsenochnost' media-politicheskogo teksta* [Axiological and evaluative nature of the media-political text]. Moscow: URSS.
9. Hempelmann, Ch.F. & Miller, T. (2017) Puns: Taxonomy and Phonology. In: Attardo, S. (ed.) *The Routledge handbook of language and humor*. N.Y.: Routledge. pp. 95–108.
10. Colston, H.L. (2017) Irony and sarcasm. In: Attardo, S. (ed.) *The Routledge handbook of language and humor*. N.Y.: Routledge. pp. 234–249.
11. Raskin, V. (1985) *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: D. Reidel.
12. Attardo, S. & Raskin, V. (1991) Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model. *HUMOR*. 4. pp. 293–347.
13. Attardo, S. (2001) *Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis*. New York: Mouton de Gruyter.
14. Kulich, M.A. (1999) *Lingvokul'turologiya yumora (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguoculturology of humor (on the material of the English language)]. Samara: Samara State Pedagogical University.
15. Propp, V.Ya. (1976) *Problemy komizma i smekha* [Problems of comism and laughter]. Moscow: Iskustvo.
16. Cicero (1972) *On the orator*. Moscow: Nauka. (In Russian).
17. Aristotle. (2000) *Rhetoric. Poetics*. Moscow: Labirint. (In Russian).
18. Heintz, S. & Ruch, W. (2019) From four to nine styles: An update on individual differences in humor. *Personality and Individual Differences*. 141. pp. 7–12.
19. Simpson, P. & Bousfield, D. (2017) Humor and Stylistics. In: Attardo, S. (ed.) *The Routledge handbook of language and humor*. N.Y.: Routledge. pp. 158–173.
20. Beermann, U. & Ruch, W. (2009) How virtuous is humor? Evidence from everyday behavior. *HUMOR*. 22 (4). pp. 395–417.
21. Kersten, H. (2019) America's faith in the laugh resistance – popular beliefs about political humor in the 2016 presidential elections. *HUMOR*. 32 (2). pp. 299–316.
22. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed: 16.05.2022).
23. *Collins Online Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 16.05.2022).
24. *Urban Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com> (Accessed: 16.05.2022).
25. Beketova, A.A. (2018) *Yazykovaya reprezentatsiya fenomena tsinizma v internet-diskurse: kognitivno-pragmaticheskiy i lingvokul'turnyy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Linguistic Representation of the Phenomenon of Cynicism in the Internet Discourse: Cognitive-Pragmatic and Linguistic-Cultural Aspects (On the Material of Russian and English Languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Maykop.
26. The Big Bang Theory. (2008) *The Cooper-Nowitzki Theorem*. [Online] Available from: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (Accessed: 16.05.2022).
27. Connolly, B. (2016) *High Horse Tour*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 04.04.2022).
28. The Big Bang Theory. (2007) *The Dumpling Paradox*. [Online] Available from: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (Accessed: 16.05.2022).
29. The Big Bang Theory. (2009) *The Killer Robot Instability*. [Online] Available from: <https://bigbangtrans.wordpress.com> (Accessed: 16.05.2022).
30. Louis, C.K. (2008) *Chewed Up*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 16.05.2022).
31. Transcripts.foreverdreaming.org. (2012) *How I Met Your Mother. Trilogy Time*. [Online] Available from: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (Accessed: 16.05.2022).
32. Transcripts.foreverdreaming.org. (2010) *How I Met Your Mother. Perfect Week*. [Online] Available from: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (Accessed: 16.05.2022).
33. Transcripts.foreverdreaming.org. (2007) *How I Met Your Mother. Monday Night Football*. [Online] Available from: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (Accessed: 16.05.2022).
34. Carlin, G. (2008) *It's Bad For Ya*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 16.05.2022).
35. Sublikescript. (2000) *Black Books. Cooking the Books*. [Online] Available from: https://sublikescript.com/series/Black_Books-262150 (Accessed: 16.05.2022).
36. Transcripts.foreverdreaming.org. (2007) *How I Met Your Mother. Bachelor Party*. [Online] Available from: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (Accessed: 16.05.2022).

Информация об авторе:

Бочкарев А.И. – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: arsenty_87@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Bochkarev, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages of Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arsenty_87@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022;
одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 17.05.2022;
approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 82.1
doi: 10.17223/15617793/482/7

Письмо на карточках в эстетике и поэтике Л. Рубинштейна: генезис, биография, социокультурный контекст

Юлия Вадимовна Каминская¹

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, yuliaglazkova96@mail.ru

Аннотация. Исследуются лирические и прозаические тексты Л. Рубинштейна, построенные по принципу каталога. В центре внимания находится авторская житнетворческая стратегия, направленная на противостояние советскому репрессивному дискурсу, но не в полной мере реализовавшаяся в творчестве. Как показано в работе, тексты Рубинштейна обнаруживают тяготение к деиндивидуализирующему сознанию, неосинкретизму, кумуляции и созданию структур, слагаемые которых подлежат уравниванию.

Ключевые слова: Л. Рубинштейн, каталог, картотека, кумуляция, неосинкретизм

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90027.

Для цитирования: Каминская Ю.В. Письмо на карточках в эстетике и поэтике Л. Рубинштейна: генезис, биография, социокультурный контекст // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 67–80. doi: 10.17223/15617793/482/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/7

Writing on cards in Lev Rubinstein's aesthetics and poetics: Origin, biography, social and cultural context

Yuliya V. Kaminskaya¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, yuliaglazkova96@mail.ru

Abstract. The article raises the problem of Lev Rubinstein's historical poetics of writing on cards, the biographical and social reasons for his appeal to the forms of "card-file book" and catalogues. On the example of the works and public self-presentation of Rubinstein, one of the leaders of Moscow conceptualism, the author analyses the correlation of his positioning as a "deconstructor" of the repressive Soviet discourse, on the one hand, and the poetics of his works, on the other. The methodological basis of the research is works by S.N. Broitman, V.N. Toporov and V.Ya. Propp on cumulation as a principle of plot construction; by A. Yurchak and K.A. Bogdanov on the features of Soviet cultural discourse; by V.I. Tyupa on the types of artistic consciousness in the poetry of the twentieth century; by B. Dubin on the sociology of literature, etc. In the course of the study, the author determines the reasons for the writer's use of the form of a catalogue, describes Rubinstein's principles for creating a system alternative to the Soviet cultural project. Rubinstein chooses a card file as a horizontally organized space without hierarchy: at the subjective level of the poetics of the text, according to him, the roles of the writer and the reader are equalized; at the content level, the line between art and non-art is erased. The article analyses in detail the "card" poetry of the conceptualist, including texts from the archives of the Perm Museum of Contemporary Art "PERMM", and also examines two prose books – *A Whole Year. My Calendar* and *Cemetery with Wi-Fi*. The article concludes that the position of absolute freedom declared by Rubinstein within the framework of the catalogue is not fully implemented. As the article shows, Rubinstein's texts incline towards deindividualizing consciousness, neosyncretism, cumulation and creation of structures, whose parts are subject to equalization. The levelling of differences between the roles of the reader and the writer is largely illusory: it is the writer that sets the rules for determining the functions of the participants in the process. The role of the writer, standing outside the cards, consistently eliminating aesthetic differences between the classical and unknown writers, establishing the principles of systematization of elements, is comparable to the role of a leader in Soviet culture, and the poetics of the catalogue is typologically close to Varlam Shalamov's prose.

Keywords: Lev Rubinstein, catalogue, card file, cumulation, neosyncretism

Financial support: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90027.

For citation: Kaminskaya, Yu.V. (2022) Writing on cards in Lev Rubinstein's aesthetics and poetics: Origin, biography, social and cultural context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 67–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/7

По наблюдению С.Н. Бройтмана, начиная с эпохи модернизма литература обнаруживает в себе «склонность к неосинкретизму», характерную для архаических культурных эпох. «Но если в фольклоре, – по мысли исследователя, – субъектный синкретизм был связан с тем, что в нем автор еще не отделился полностью от героя, “я” от “другого”, то в современной литературе неосинкретизм порожден уже кризисом монологически понимаемого автора» [1. С. 49]. В перспективе исторической поэтики в искусстве эпохи синкретизма были выделены три последовательно возникающие архетипические образные структуры: кумуляция, параллелизм и троп [1. С. 39]. Первая из них имела накопительный характер. Самые древние памятники этого вида представляли собой наскальную живопись, когда после каждого поворота или сужения пещеры повторялся исходный рисунок с добавлением нового элемента.

Присоединительная связь как способ организации текста, приоритет ритма, неотделимость словесного начала от изображения, звука и действия¹ в творчестве одного из ведущих представителей московского концептуализма – Льва Рубинштейна – позволяют увидеть близость некоторых аспектов его эстетики и поэтики, как бы это парадоксально ни прозвучало, – первобытному искусству. Но если синкретизм древней культуры был обусловлен самой формой сознания человека, не отделявшего еще повседневную жизнь от своих верований и искусства, а точнее – вообще не создававшего их в качестве автономных уровней картины мира, то для писателя 1970-х гг. установка на *неосинкретизм* поэтики являлась осознанным выбором и была связана с творческим самоопределением, в основу которого полагалось противостояние так называемому большому стилю авторитарно-советского искусства.

Предложенный Рубинштейном подход к структурному уподоблению текста библиотечному каталогу (безотносительно к автобиографическим источникам этого приема) представляет собой отдаленный рефлекс архаической образной структуры, организованной по принципу присоединительно-сочинительного перечисления, каковое С.Н. Бройтман, используя понятийный язык работ В.Я. Проппа о волшебной сказке, назвал *кумулятивным*. Очевидно, что Рубинштейн хорошо осознавал истоки разработанного им приема кумулятивного присоединения друг к другу текстов-карточек и потому отсылал своего читателя к образцам текстов такого же типа. Так, на одной из карточек он приводит название английской народной сказки, построенной по принципу присоединительно-сочинительного перечисления и известной в России по переводу С.Я. Маршака: «Дом, который построил Джек» [3. С. 67].

Рубинштейн, стремясь разрушить выстроившиеся жесткие иерархии советского искусства, обращается к архаике, позволившей на разных уровнях поэтики (субъектно-образном, композиционном) перевести вза-

имоотношения составляющих их элементов из *присущей* советскому проекту вертикальной соподчиненности элементов – в горизонтальную плоскость, подразумевающую постоянное чередование, альтернативизм.

Примечательно, что сам Рубинштейн сравнивал чтение своих текстов с поиском древностей: «Общение с этим объектом (стопкой карточек. – Ю.К.) – ритмическое перелистывание, последовательное снятие слоев (наподобие археологических раскопок), буквальное продвижение в глубь текста – это предметная метафора процесса чтения как игры, зрелища и труда» [4. С. 5–6]. Так концептуалист создал альтернативный способ порождения текстов, основанный на принципах неосинкретизма и кумуляции и, таким образом, по мнению писателя, противостоявший официальной риторике соцреализма. Этот вид создания произведений типологически схож с каталогом, стремящимся, с одной стороны, к максимальному охвату всех существующих произведений, а с другой – не предполагающим иерархизации и дифференциации элементов по эстетическому признаку, но обладающему своей структурной логикой.

Под неосинкретизмом подразумевается осознанное размывание границы между: 1) лирическим героем, образом автора, реальным автором, читателем и т.д.; 2) литературой, живописью и другими видами искусства. В советском культурном пространстве были четко обрисованы грани «искусства» и «неискусства», обозначены признаки «настоящего писателя» и обывателя, потребителя литературной продукции (в зависимости от наличия членства в Союзе писателей СССР). Именно эти взаимоотношения и меняет Рубинштейн в своем творчестве. Лирическое «Я» в текстах концептуалиста настолько неощутимо, что некоторые исследователи видят в этом отсутствие самовыражения как такового (Б.Е. Гройс, М.Н. Эпштейн), другие считают, что в этом бесконечном количестве чужих голосов и угадывается авторское «Я» (Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, А.Л. Зорин).

Неосинкретический подход к творчеству выражается и в не-различии Рубинштейном не только видов искусства, но и искусства и «жизни» в целом.

Кумулятивный принцип построения текстов в синкретическую эпоху подразумевал отсутствие сконструированной художественной действительности и художественного образа [1. С. 33]. Карточки Рубинштейна, с этой точки зрения, передают не образ и не действительность, но язык как таковой. По мнению автора, «язык – едва ли не единственная реальность в не слишком реальной жизни» [5. С. 480], именно эти лингвистические пласты, наслаивающиеся друг на друга, и представлены в произведениях концептуалиста. Отсутствие же причинно-следственных связей между элементами позволяет выстраивать тексты по типу систематического каталога, т.е. для каждого произведения есть своя уникальная логика, по которой языковые факты были собраны в одно целое.

Одной из ключевых тенденций искусства XX в. стало включение в него различных форм повседневности: в жизнетворческой перспективе любой факт, явление, действие воспринимаются как искусство. Дж. Кейдж, особенно ценимый Рубинштейном американский композитор, одним из первых стирает границу между музыкой и не-музыкой, любыми случайными звуками, шумами, следовательно, музыка в русле такого подхода существует вне собственного ей в недавнем «классическом» прошлом специфического оформления, «рамки»: здания филармонии, сцены, оркестровой ямы и т.д. [6. С. 19]. Е. Деготь в статье «Искусство между букв», входящей в концептуалистский альманах «Личное дело №», также пишет об отсутствии дифференциации между живописью и не-живописью у андеграундных художников 1970–80-х гг. Рама картины, маркирующая ее как искусство, отделяющая произведение от окружающего мира, утрачивает свою дифференцирующую функцию. Разграничительной черты между плакатом/стендом/шедевром больше не существует [7. С. 114–120].

В 1970-е гг. Рубинштейн, библиограф по профессии, начинает писать произведения на библиотечных карточках и почти сразу позиционирует такие карточки в качестве художественных текстов, а собрания карточек – как сборники-картотеки. Выбранный Рубинштейном способ создания произведения также предполагает отсутствие принципиального различия между языком художественной литературы и бытовым. Несмотря на то, что визуально карточка – маленькая рамка, отделяющая находящийся в ней текст от всего окружающего, на самом деле набор формуляров, образ картотеки, к которому постоянно апеллирует концептуалист (название одной из его книг – «Большая картотека»), не предполагает наличие иерархии среди набора элементов. Все они равнозначны: в каталоге фамилии писателей-классиков соседствуют с именами неизвестных литераторов. В картотеке не предполагается распределение по эстетическому принципу, а значит, и в произведениях Рубинштейна, как у Кейджа и художников-концептуалистов, нет четкой границы между искусством и не-искусством.

Творчество Л. Рубинштейна уже становилось предметом изучения русских и зарубежных исследователей. Первым, кто обратил внимание на концептуализм и дал название новому направлению в искусстве, был Б. Гройс [8]. О творчестве Рубинштейна также писали М. Эпштейн [9], Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий [10], А. Зорин [11], А. Хансен-Лёве [12] и А. Ниеро [13]. Исследователи рассматривали особенности (не)проявления собственного «Я» в карточной поэзии, отмечали одну из главных особенностей модели каталога – всеохватность.

В фокусе нашего внимания будут находиться типологически близкие первобытному искусству неосинкретизм и кумулятивность текстов Рубинштейна. Под этим, конечно же, не подразумевается уравнивание концептуалистского творчества и наскальной живописи, однако использование элементов архаической поэтики и форм субъектности позволяет увидеть своеобразие систематизирующего письма Рубин-

штейна как в ряду литераторов-предшественников, создававших произведения по принципу коллекций и архивов (К. Вагинов, В. Набоков), так и современников-концептуалистов, предлагающих различные формы дистанцирования от «большого стиля» и «авторитарного письма» (Д. Пригов, В. Сорокин).

Заполняемые писателем и предваряющие собственное написание произведений карточки как один из вариантов рукописного автографа – явление известное. На формулярах делали свои записи Ф. Сологуб, В. Набоков, А. Солженицын, Ф. Кафка, Дж. Джойс и др. Тем не менее карточки могут выполнять разные функции в истории текстов. Для Льва Семеновича Рубинштейна формуляр стал своего рода рамой, неотъемлемой частью текста: «...в какой-то момент (я. – Ю.К.) вдруг понял, – поясняет автор, – что это никакие не черновики, а уже вполне готовый текст, вполне готовая вещь. Так, поэтика стала совпадать с форматом карточки. Мои тексты тогдашнего времени уже и тогда стали складываться из внешне не связанных фрагментов, объединенных только ритмом, то есть скорее по музыкальным, а не литературным законам» [14. С. 23].

Образ карточки стал настолько важным элементом для Рубинштейна, что в начале своего творческого пути он считал, что его тексты предназначены исключительно для визуального восприятия, чтобы каждый фрагмент представлялся именно так, как был написан изначально: «Тогда для меня визуальная составляющая была важнее. <...> Они стали листать. “А ты его прочти”, – говорит мне Сева. Я говорю: “Это нельзя читать, это как бы такая визуальная вещь”» [15. С. 147]. Впоследствии, прочитав своим коллегам «Новый Антракт», Рубинштейн понял, что его тексты возможно читать вслух, но и здесь карточка не только не потеряла значимости своей формы, но и стала выполнять новую функцию обозначения ритмического ряда: «Рука, перелистывающая карточки, обозначает здесь ритм, как бы отбивая его на беззвучном барабане» [11. С. 90]. Свои тексты на публичных выступлениях писатель читает с формуляров, что является неотъемлемым атрибутом перформанса.

Отмеченная А. Зориным функция обозначения ритма с помощью формуляров коррелирует с неразрывностью музыки и пения в первобытном искусстве [16. С. 259]. Оригинал, по мысли Рубинштейна, – это набор карточек, где текст написан его рукой [4. С. 6], а значит, его чтение без перелистывания, создающего ритмическую организацию, невозможно. Сравнение с барабанами, а, как мы знаем, ударные – наиболее древний вид музыкальных инструментов, наталкивает на мысль, что для концептуалиста, как и ранее для первобытного искусства, актуален приоритет ритма над гармонией: «В пении охотничьих племен гораздо более важное место занимает ритм, чем гармония. Ритм повсюду соблюдается строго и правильно, являясь более значительным и более развитым элементом сравнительно с гармонией, колеблющейся в неопределенных интервалах и ограниченной небольшим числом звуков» [16. С. 267].

Для Рубинштейна карточка стала способом противостояния репрессивному дискурсу советской эпохи,

а также дала возможность компактного представления богатого культурного наследия, создания своего рода коллекции значимых литературных феноменов, что позволило, в свою очередь, систематизировать языковые факты современности и преодолеть семиотический хаос советского времени. Под семиотическим хаосом мы подразумеваем ставший явным с конца 1950-х гг. парадокс Лефора. В качестве гаранта правильной реализации некой «объективной истины» в рамках советского проекта выступал Иосиф Сталин, «редактировавший всевозможные высказывания и тексты» [17. С. 51]. Однако после смерти Сталина и развенчания культа его личности «позиция господствующей фигуры советского идеологического дискурса, способной рассматривать и комментировать этот дискурс извне, была уничтожена. То есть исчез не просто конкретный субъект, занимавший внешнюю позицию по отношению к идеологическому дискурсу, но и вообще сама возможность занимать такую позицию...» [17. С. 52].

На данный момент наиболее полное собрание произведений Л. Рубинштейна в количестве 49 текстов опубликовало «Новое издательство» в 2015 г. [3]², где последний текст датирован 2008 г. Поэтические работы 2010–2019 гг. доступны только в авторском прочтении на сайте Arzamas [18]. 10 текстов на карточках хранятся в архиве пермского Музея современного искусства «PERMM»³, где представлены карточки следующих размеров: 9 × 12 см, 13 × 19 и 15 × 21 см [19].

Будучи профессиональным библиографом и работая в библиотеке, Рубинштейн сначала просто использовал формуляры в качестве бумаги для своих черновиков, однако впоследствии он осознал их эстетическую оригинальность: «Я сидел за машинкой, каталогизировал книжки, а параллельно писал собственные тексты. Писал я их на карточках. Но карточками я пользовался как черновиками, а в какой-то момент вдруг понял, что это никакие не черновики, а уже вполне готовый текст, вполне готовая вещь. И в какой-то момент я понял, что картотека и есть, собственно говоря, литература» [14. С. 22–23].

Работу в библиотеке Рубинштейн воспринимал как способ «отвода глаз» от его творческой жизни: «...до этого я же был “подпольщик” и такой как бы шпион. У меня было как бы две жизни. Я считал тогда, что их не надо объединять. <...> Я вообще чувствовал, что вызываю огромное любопытство. Потому что, во-первых, библиотека считалась местом для неудачников, а там сидит такой парень, вроде руки-ноги на месте, вроде много знает, бодренький, остроумненький, но почему-то ни в какие аспирантуры не поступает, почему-то вообще ни к какой карьере не стремится. Что это такое вообще? Но я сознательно и упорно “темнил”» [14. С. 24]. Таким образом Рубинштейн конструировал собственную биографию, создавая характерный советский миф о «библиотекаре-неудачнике», который на самом деле был андеграундным поэтом (ср.: жителетворческую мифологию позднесоветских рок-музыкантов: «неудачников-истопников» и при этом – непризнанных гениев).

Для Л. Рубинштейна самопозиционирование автора крайне важно: «Пока литература современна, а современна она, пока живы и доступны авторы, для меня <...> имеет значение физическое присутствие автора, личное с ним знакомство. <...> Сейчас огромное количество салонов, клубов, где происходят всякие литературные события. Я думаю, что любые чтения, встречи, разговоры, дискуссии сегодня горячее и актуальнее, чем сами книги или публикации. Прочитав текст, я не могу сразу сказать, понравился он мне или нет. После личного знакомства с автором я уже окончательно для себя решаю, является ли он автором или нет (курсив наш. – Ю.К.)» [20. С. 179]. Именно то, как ведет себя художник, что говорит на публике, является важной частью искусства, «потому что текст сегодня – это не текст. Текст – это все-таки некий способ внедрения автора в культурное пространство. Как мы вообще определяем искусство, авторское и неавторское? Неавторское – это, условно говоря, фольклорное. Есть известная сумма правил и критериев, и если автор умело им соответствует, то, значит, он составляет хороший текст. Но эта функция сейчас явно исполнительская. Как в каждой деревне бытует какой-то фольклор, но есть кто-то, кто лучше всех этот фольклор исполняет. Он вроде бы автор. Но все-таки и не автор» [20. С. 179–180]. Для Рубинштейна выход за пределы советского репрессивного дискурса осуществляется прежде всего за счет нарушения «правил поведения», предписанных писателю, амбициозному молодому человеку. Концептуалист осознает отсутствие вариативности в поведении фольклорного сказителя, как и у советского писателя⁴.

Сознательно выбранный род деятельности коррелирует с поэтикой «подпольного» писателя-коллекционера, собирающего клишированные «языковые факты», которые в рамках всего произведения «обрастают» новым прочтением; так, работа на должности, занимающей невысокое место в социальной иерархии, в контексте биографии писателя приобретает новое значение. Профессия библиотекаря стала не только прикрытием, но и реализацией творческого принципа, основанного на деконструктивистском характере собирательства, а также принципа кумуляции: Рубинштейн не стремится вверх по вертикальной карьерной лестнице, а совмещает позиции библиотекаря и поэта, уравнивая их значимость. По признанию же самого автора, мысли об отказе от традиционных литературных форм появились по следующим причинам.

Во-первых, образ законченной написанной книги, помещенной в обложку, как рамку, четко обозначавшую начало и конец, ассоциировался у андеграундных поэтов с агрессивно-подавляющей риторикой. Рубинштейн в одном из интервью поясняет этот момент так: «...примерно около 73-го года, когда появилось отчетливое стремление выйти за пределы книги. Почему-то книга стала восприниматься <...> как репрессивный культурный объект. Предмет, которым бьют по голове, подкрадываются сзади и бьют...» [22. С. 76]. Еще неотчетливое, но очевидное желание выйти за рамки советского дискурса вылилось в поиски новой литературной формы. Карточки тоже имеют свой по-

рядок и перелистываются, подобно страницам в книге, но у картотеки потенциально нет количественного ограничения, она может бесконечно дополняться самим читателем, что нивелирует авторитарный характер чтения, но не снимает ответственности с участников процесса: «Это предметная метафора моего понимания текста как объекта, а чтения как серьезного труда. Каждая карточка – это и объект, и универсальная единица ритма, выравнивающая любой речевой жест <...>. Пачка карточек – это предмет, объем, это НЕ-книга, это детище “внегугтенберговского” существования словесной культуры. Чтение – это труд, игра и зрелище» [7. С. 235].

Во-вторых, в русской неофициальной, неподцензурной культуре 70-х гг. XX в. сформировалось четкое ощущение информационного избытка. Создание текста начинает восприниматься как засорение внешнего пространства, подчинение сложившейся ситуации социального заказа. Отказ от слов, наполнение произведения паузами становится символом свободы в глазах одного из лидеров московского концептуализма, способом сопротивления официальному дискурсу, нонконформистским жестом: «Пауза – несомненный элемент текста, часть произведения, чрезвычайно важная для его структуры. Но в то же время пауза свободна от языка, зона с выключенным языком. Рубинштейн указывает на те места в тексте, в которых он, текст, способен быть нетоталитарным. В большинстве текстов естественные паузы между его элементами служат мостиками от элемента к элементу, их самостоятельная сущность никак не выделена. Система карточек позволяет представить паузу не менее важным, чем слово, элементом текста, но элементом, лишенным следов тотальности, идеологичности (если не считать идеологией попытку отказа от идеологии)» [23. С. 329]. Автор может избавиться от лишних описаний, не отказываясь от творчества в целом, с помощью сокращений, умолчаний: «...культура перенасыщена, маленькая цитата, или название, или аннотация – безусловно заменяет книгу, которая уже не выдерживает собственного груза» [24. С. 231].

В-третьих, сама форма краткого высказывания стала привлекательной для Рубинштейна: «На меня стала влиять сама поэтика библиографических описаний. Увлекла вся эта эстетика. Фамилия автора, запятая, имя, точка, отчество, точка. <...> Все это было крайне важно» [22. С. 77]. Образ книги передается с помощью сокращений, которые не умаляют ее ценности, но позволяют значительно расширить контекст произведения. То есть отказываясь от лишних слов, автор тем не менее с помощью сокращений углубляет содержание, создает более сложный текст.

Безусловно, встреча с карточками должна настроить читателя на определенный тип работы с текстом: «Но недостаточность оборачивается избыточностью читательского присутствия <...>. Потому что именно он, читающий или воспринимающий, оказывается главным и единственным персонажем рубинштейновских текстов <...>. Именно читающий оказывается точкой схождения пересе-

кающихся в картотеке дискурсов» [25. С. 105]. Мы уже упоминали, что Рубинштейн воспринимает чтение как серьезный труд, и именно такое восприятие процесса снимает, по мнению концептуалиста, с писателя позицию диктатора: автор не предполагает конкретной интерпретации своих текстов, но закладывает в них определенный смысл, понять который читатель может, лишь приложив усилия. Познав замысел, читающий становится на место пишущего и может дополнить предложенный ряд карточек своими примерами.

Влияние искусства Запада рассматривать в качестве причины обращения к формулярам можно лишь отчасти, так как желание выйти за пределы официального искусства возникло раньше. Однако впоследствии серийность поп-арта и минималистская музыка оказали свое влияние на литератора⁵: «Помимо Уорхола я крайне ценю композитора Джона Кейджа, у которого есть ряд важных элементов: произносимые в музыкальном пространстве тексты, повторы, своеобразная манипуляция с листочками, бумажками» [22. С. 78]. Так, во многих своих интервью Л. Рубинштейн говорил о Кейдже как о человеке, чей взгляд на искусство сильно на него повлиял. Суть подхода американского композитора к музыке заключается в утверждении, что тишины, по его мнению, не существует: все, что окружает человека, любой шум, случайное созвучие и есть музыка.

Тот же принцип использует Рубинштейн: он прислушивается к языковому потоку, выстраивает его элементы в таком порядке, что в контексте они приобретают новый экзистенциальный смысл: «Мне кажется, что наоборот, я как раз обиходный мусорный язык возвышаю до литературы. <...> Мы говорим на языке высокой поэзии, хотя мы говорим о пустяках. Это некая концепция языка вообще: нет непозетического языка, так же как нет специфически поэтического. Мы же все, современные, так называемые интеллигентные люди, постоянно говорим цитатами» [26. С. 308]. Писатель обратил внимание и на эксперименты Кейджа с карточками: «вообще-то точно не знал, что буду делать, – заметил композитор, – Я сидел дома, работал, заполнял карточки по “Кантос” Эзры Паунда и думал: как хорошо! Пожалуй, буду продолжать это дело и на сцене: шуршать карточками, переворачивать страницы и так далее, безо всякого усиления звука. А потом, когда увидел зал, решил, что мы должны усилить звук» [27. С. 99]. Формуляры трансформировались из способа записи музыки в материал для ее создания. Карточки Рубинштейна, в свою очередь, из черновиков стали собственно текстами.

Итак, предпосылками обращения Рубинштейна к формулярам являлись: 1) работа в библиотеке; 2) отказ от книги как атрибута репрессивного советского дискурса; 3) желание выйти за пределы ситуации информационного избытка; 4) емкость и новая эстетика каталожной формы; 5) влияние западных музыки и живописи.

Остановимся подробнее на том, как соотносятся авторское видение своего творчества с поэтикой его произведений.

Анализ текстов концептуалиста не подтверждает в полной мере заявленного писателем тезиса об абсолютной свободе. Нередко ученые, занимающиеся творчеством Л. Рубинштейна, попадая под влияние автора, рассматривают его работы с опорой на тезисы, выдвинутые им самим. Такой подход продуктивен при описании писательского мировосприятия и его жизнетворческой стратегии. Однако в литературе (в особенности советского периода) нередки случаи, когда провозглашенные эстетические программы не обнаруживают полного совпадения с поэтической практикой, а нередко и вовсе противоречат ей (ср.: программу ЛЕФа и творчество В. Маяковского 1920-х гг., традиции соцреалистического производственного романа в прозе А. Солженицына и др.). Поэтому при анализе поэтики мы будем опираться прежде всего на материал, затем соотнося его с заявлениями Рубинштейна. В.И. Тюпа, объясняя сложную систему литературы XX в. и отталкиваясь от бахтинской концепции диалога, предложил описать ее с помощью сосуществующих в это время трех типов сознания художников: уединенного, авторитарного и конвергентного [28]. Как мы можем наблюдать, в 1970-е гг. предложенные исследователем модели претерпевали трансформации. Происходил постепенный процесс диффузии: в рамках творчества одного писателя одна модель могла накладываться на другую, что во многом было связано с практикой метаписма, когда поэт осознанно подходил к позиционированию себя в литературном процессе и создавал сложные художественные структуры «письма о письме»⁶. Примером этих процессов в позднесоветской словесности является творчество Рубинштейна: стремясь к авангардистской уединенности «Я-сознания», предполагающей свободу для автора, он обращается к приемам авторитарного «МЫ-сознания». Рассмотрим, как проявляются особенности данных типов художественного сознания в жизнетворчестве и поэтической практике Рубинштейна.

Во-первых, отказ от продвижения по карьерной лестнице – это жизнетворческая установка, жест, который, по мнению концептуалистов, важнее написанного, но этот жест – часть самопрезентации, а не эстетики созданного художественного мира. Непонимание окружающими поступков писателя (его нежелание «идти в аспирантуры») и его перформансов – это способ дистанцироваться от толпы: «... оборотной стороной внутренней маргинальности для авангардиста выступает внутренняя свобода, которую авангардный художник стремится утвердить вовне: в знаковом материале текста и посредством этого текста – в чужом сознании. Авангардистское письмо как высказывание эстетического субъекта есть дискурс свободы» [28. С. 23]. Однако такую свободу В.И. Тюпа называет «культурой уединенного сознания, “ультра-яществом”» [28. С. 22], что априори предполагает дискриминацию окружающих. Намеренное стремление скрывать свое творчество, «темнить» – способ заявления о своей свободе и, как следствие, несвободе всех остальных, не способных проникнуть в закрытый мир не-советского искусства, т.е., по сути, выход за

пределы советской культуры осуществляется не за счет создания открытой для любого желающего альтернативы, а за счет намеренного выстраивания границы между теми, кто «в системе», и теми, кто вне ее.

Во-вторых, каталог Рубинштейна – мнимо свободная структура. В интервью с Дарьей Серенко читаем:

«– А как вы храните карточки? Стопками, по порядку?»

– Меня часто спрашивают, что будет, если их перемешать. *Ничего не будет* (здесь и далее курсив наш. – Ю.К.). Но этот вопрос всегда провоцируется, потому что они не сброшюрованы, и я понял, что эта сброшюрованность в сознании – это такой тоталитарный момент. Сброшюрованность – это заданность, а если они не сброшюрованы, то возникает соблазн читать их в произвольном порядке. Сброшюрованность – это тоталитарность. То есть перемешивать нельзя.

– Просто ведь *каталог – это сама по себе очень тоталитарная структура*.

– С другой стороны, он очень горизонтален, очень демократичен. Вот смотрите: возьмите любой каталог в любой библиотеке. *Там рядом с Пушкиным будет Пухтин по алфавиту. Следующим или перед ним будет там Пуцькин, Пулькин. Абсолютно никакой иерархии*, так же как в энциклопедии. Но в энциклопедии хотя бы попадают люди, которых история отбирает для попадания в энциклопедию, а тут может быть *автор брошюры или инструкции для игры на каком-то инструменте – и тут же Лермонтов*, например, запросто. Так что ничего в каталоге тоталитарного нет» [32].

Как мы видим, для Рубинштейна крайне важен порядок. Хотя карточки и не сброшюрованы, но они пронумерованы. Сам концептуалист признается, что при их перемешивании текст распадется, поэтому композиция очень важна: «Создается эффект случайности. Эффект случайности задан, и над ним автор серьезно работает» [32]; «Это и есть основная часть работы. Монтаж. Разумеется, написанное на карточках важно, но самое важное – это их порядок» [22. С. 80]. Автор не задает единственно верной интерпретации текста, но устанавливает жесткий порядок при прочтении карточек и принцип их сбора в единую структуру, т.е. писатель стоит над каталогом так же, как Сталин – над советской литературой, и читатель может теоретически продолжить ряд карточек при условии, что они будут соответствовать тем правилам системы, которые установил автор, что совпадает с условиями становления писателем в СССР. Не зря Рубинштейн говорит о чтении как о труде, подразумевая, что реципиент должен понять логику построения текста, приложить усилия, а не свободно обращаться с произведением по своему усмотрению. Утверждение писательской свободы происходит не просто за счет «уязвления чужого сознания» [28. С. 19], но за счет «подчинения и насильственного преодоления уединенности внутренних “Я”» [28. С. 50]. «Авторитарная художественная практика структурирована иерархически, что препятствует творческой коммуникации» [28. С. 51]. Рубинштейн, в отличие от «канонических» советских авторов, не чув-

ствуется давления «сверхавтора» на себя, но он, как и писатели авторитарного дискурса, четко диктует читателям порядок восприятия карточек, ведет их за собой.

В-третьих, помещение речевых штампов в новый контекст и раскрытие их семантического потенциала есть не-различение искусства и не-искусства, в основе которого лежит принцип неосинкретизма, характерный для фольклора. Но именно фольклорные черты были присущи советскому дискурсу: «Обстоятельства, предопределившие интерес советской культуры к фольклору, в существенной степени могут быть объяснены коллективизирующей эффективностью самой фольклорной традиции, “подсказывающей” обществу дискурсивные приметы культурной, национальной и групповой идентичности» [21. С. 14]. Уравнивание Пушкина, Пухтина и Пулькина, действительно, разрушает литературную иерархию, однако сам процесс нивелирования различий между писателями-классиками и эпигонами подразумевает не только свободу для последних, но и насильственное лишение привилегий для первых.

Схожее насильственное уравнивание встречаем, например, в лагерной прозе В.Т. Шаламова: «В это время раздался слабый крик из соседнего шурфа. Моим соседом был некто Розовский, пожилой агроном, изрядные специальные знания которого, *как и знания врачей, инженеров, экономистов*, не могли здесь найти применения (курсив наш. – Ю.К.)» [33. С. 38]. В лагерях не учитывались заслуги прошлого, это отдельная социальная структура, где постепенно выстраивалась собственная иерархия, но при попадании в систему все становилось равными: получали одинаковый набор одежды, спали на нарах, получали работу. У героев лагерной прозы довольно часто нет имен, исключительно номера, и только некоторые могли временно получить свое имя назад. Так же происходит и в каталоге: имя перестает обозначать конкретную личность с определенным местом в эстетической или какой-либо другой системе, имена трансформируются в набор букв/звуков, занимающий свое место в картотеке в зависимости от внутреннего принципа системы. Такое же нивелирование классиков происходит в книге Рубинштейна «Целый год. Мой календарь»⁷.

Таким образом, Л. Рубинштейн, стараясь выйти за пределы советской культуры, создает тексты, объединенные в каталог, содержательно отличающийся от официально установленной литературной нормы, но структурно являющийся такой же тоталитарной системой, предполагающей неоспоримое главенство автора, стоящего над каталогом, устанавливающего принципы формирования собрания и насильственно уравнивающего единицы разных лингвистических слоев и людей.

Обратимся к художественным текстам писателя. Так, в «Новом Антракте» читаем: «24. – Настоящий текст, предполагающий, что выбор осуществляется не путем выбора элементов, а путем выбора отношений к целому» (81). Каждый элемент приобретает свое значение исключительно в контексте всего произведения, это один из творческих постулатов, о котором нередко говорил сам автор и о котором писали исследователи

его творчества. В свою очередь, целое зависит от подбора элементов. Об этом идет речь в тексте: «2. – Новый Антракт. – Очередное произведение. Результат внеочередного продвижения, являющегося в свою очередь результатом пробуждения инерционных страстей. – *Призыв к преодолению инерционных сомнений в ценности некоторых высказываний* (курсив наш. – Ю.К.)» (77). Таким образом, указанные карточки подчеркивают значимость каждого структурного звена, невозможность пропуска одного из них при переходе к другому. Поэт М. Айзенберг комментировал концептуалистский подход следующим образом: «Конструктивная система оказалась настолько гибкой, что, как может показаться, способна включить в себя все: от действительных или мнимых цитат до обрывков случайного разговора. Это не так. Система впускает в себя далеко не все, а только то, что способствует определенной ритмической, а вернее, мелодической организации. Ритмические колебания образуют нечто подобное внутренней мелодии» [7. С. 14]. В этой невозможности пропуска одного из элементов проявляется архаический принцип кумуляции: любое последующее звено может быть нанизано только на определенную совокупность предыдущих. Так, В.Я. Пропп, говоря о функциях волшебной сказки, писал: «Что же касается сказки, то она имеет свои совершенно особые, специфические законы. Последовательность элементов, как мы увидим ниже, строго одинакова. Свобода в последовательности ограничена весьма тесными пределами, которые могут быть приведены в точности» [35. С. 23].

В произведении «Время идет» одно из прочтений 74–77 карточек может интерпретироваться как разговор читателя и писателя: «74. Что делается? 75. Исследуется механизм спонтанно возникающих и саморазрушающихся коммуникаций. 76. Что там? 77. Там так называемые “живые” зоны языка обнаруживают признаки тления в то время, как вроде бы давно уж отпетые прорастают внезапными клейкими листочками» (499). Еще один ключ к произведению, находящийся внутри текста. В интервью с З. Абдуллаевой Рубинштейн говорил: «Мне всегда было важно исследовать авторитетные пласты современного языка. Там я провожу свои деконструктивистские операции. Когда-то это были газетно-бюрократические пласты <...> то есть меня интересовали не идеологические болевые точки языка, а экзистенциальные. Не авторитарные, а авторитетные» [20. С. 181]. В приведенных карточках раскрывается метод создания текста: работа с теми уровнями языка, которые традиционно не входят в художественный дискурс. Включение «низовых» лингвистических слоев в литературный контекст наполняет их – бытовые фразы, клише – экзистенциальным смыслом: «Лев Семенович вводит в “ангельское” пространство без очищающего и стерилизующего опосредования “низших” жителей» [36. С. 29].

Таким образом, смысл текстов Рубинштейна находится внутри выстраиваемой им системы, обнаруживается между строк, или, если быть точными, между карточек, что и позволяет выйти за рамки текста. Главной задачей писателя, по мнению Рубинштейна,

является грамотная подача материала: «...в шуме и скрежете постараться уловить ритм и порядок. Они всегда там есть. Надо лишь прислушаться и взглянуть. Иногда искусство не требует “руки художника”. Оно требует лишь его взгляда – пристального и заинтересованного» [5. С. 73]. Основное отличие читателя от художника заключается в том, что первый не обладает особым зрением, все его окружающее уже введено в зону автоматического восприятия. Художник же может смонтировать материал так, что читатель получит возможность разглядеть «клейкие листочки» в вещах, не относящихся на первый взгляд к искусству. То есть задача автора, по мнению концептуалиста, в фиксации увиденного и в представлении «схваченного» окружающим, не способным заметить в бытовом особенное: «Лишь когда ты становишься взрослым, ты начинаешь понимать, в чем тут дело. Музей как идея способствует особому взгляду на мир: ты осознаешь, что нет ничего случайного, ненужного, заслуживающего забвения. Любая вещь, любое слово, любой жест суть потенциальные единицы хранения, объекты музеефикации» (курсив наш. – Ю.К.) [5. С. 290]. Здесь проявляется неосинкретический подход Рубинштейна к искусству: неразличение художественной и обыденной реальностей, размывание границ между творчеством и «жизнью». С другой стороны, логичным продолжением нивелирования границ между лингвистическими фактами разных речевых стилей является абсолютный отказ от нормы, чего сам автор не приемлет: «Культурные иерархии существуют вовсе не для того, чтобы слепо им подчиняться. Они существуют для того, чтобы их нарушать. <...> Если же меня спросят, являюсь ли я противником

жесткого табуирования всего этого дела, то я убежденно скажу, что нет, ни в коем случае. <...> Иначе безвозвратно потускнеет вся его прелесть, вся соблазнительность и все то, что маркирует зону свободы. И что мы тогда станем соблюдать? И что нарушать?» [5. С. 64]. Иными словами, даже если всякое выражение/жест можно назвать искусством, то только в определенном контексте / специально созданной ситуации. А такой семантический фон может создать лишь художник, умеющий правильно подбирать слова. Соответственно, не все можно отнести к искусству, по крайней мере не в любом контексте.

Одним из способов создания системы из разрозненных фактов становится повтор⁸. В поэзии Рубинштейна это может быть повтор слов (в текстах нередко карточки начинаются с одинакового выражения) или приема. Так, например, в произведении «С четверга на пятницу» все карточки начинаются с фразы «мне (при)снилось/-ась/-ся» (иногда без местоимения), а в формулярах 21–35 приведенный текст рифмован: «24. Мне приснилось, что в ночи сердце вынуто из ножен. Что мы знаем? Что мы можем? Тот, кто знает, пусть молчит...» (312). Поэтика повтора, с одной стороны, структурирует тексты, объединяет карточки на формальном уровне: повторение конструкций/слов/приемов становится внешним признаком, по которому формуляры сводятся в каталог. С другой – повтор систематизирует ритмическую организацию каждой карточки и всего текста в целом.

В контексте поэзии Рубинштейна дублирование скорее не стирает смысл повторяемых элементов, но усиливает их. Так, в тексте «Это всё» большая часть карточек начинается со слов «Это всё»:

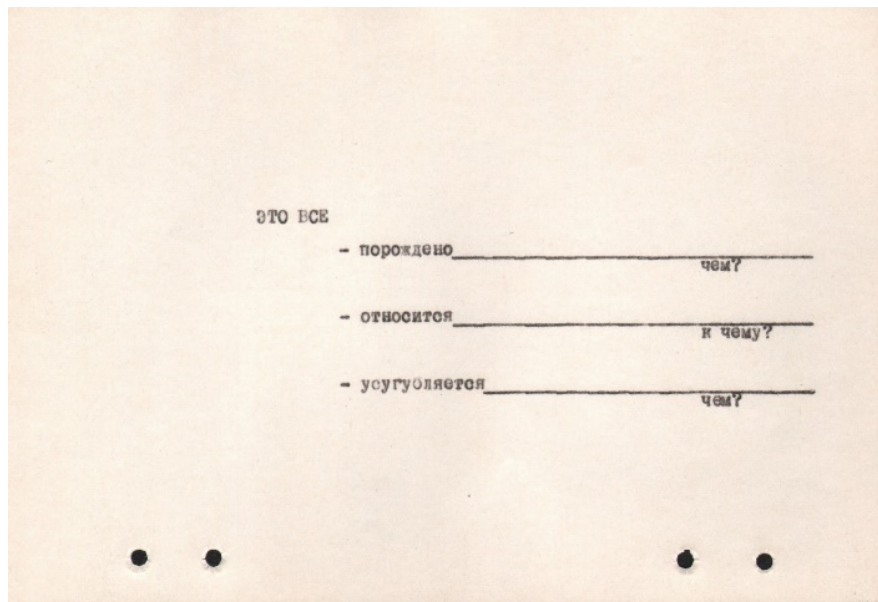

Рис. 1 [19]

Повторяемая фраза заставляет читателя каждый раз задуматься над тем, что же «это всё» значит, а также с каждым разом расширять ее контекст.

У Рубинштейна меняется взгляд и на категорию авторства. Так, в тексте «Четыре сонета» читаем:

«Так неутешителен процесс ловли моментов / И так в высшей степени бесперспективен / Что не лучше ли попробовать по-другому... // Так устрашающе много поем песни / И такой от этого в воздухе гул / Что не лучше ли в том всем разобраться...» (141).

Читатель сталкивается с игрой разных взглядов на писательство. Литератор – ловец моментов, но его дело обозначено в тексте как «бесперспективное»,

однако в последнем терцете читателю предлагается все-таки разобраться в гуле песен/голосов/слов/текстов.

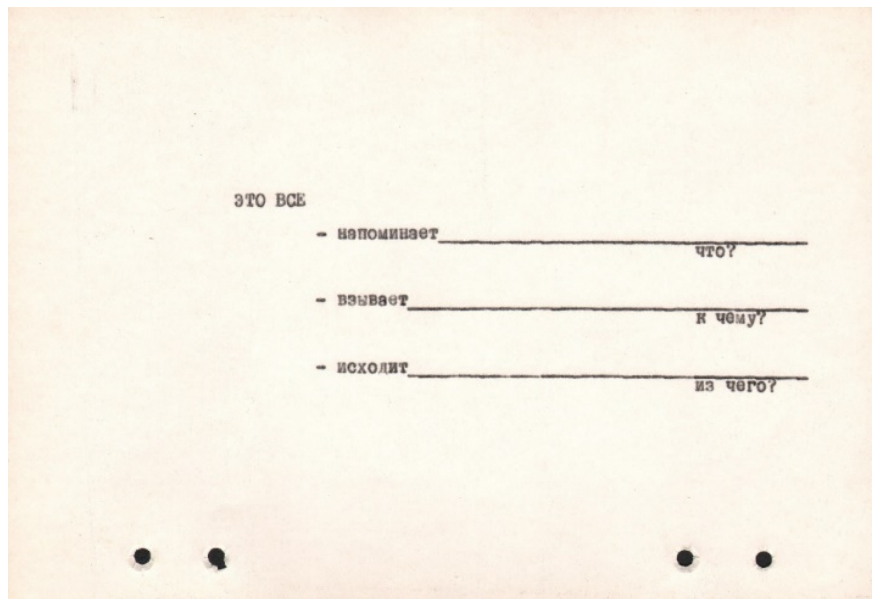

Рис. 2 [19]

Именно в этом и заключается основная задача нового автора – разобраться в шуме времени, систематизировать его с помощью творческой мысли. Читателю же, в свою очередь, необходимо занять определенную позицию: прекратить «ловить моменты» или попытаться «разобраться в шуме» вместе с автором, таким образом, встав на его место.

В эссе «Секреты и секретники» Рубинштейн пишет: «...лишенные контекстуальных подпорок, эти дивные конструкции висят в понятийном воздухе <...>. Пространство искусства, границы которого поистине неопределимы, – это, если угодно, еще и приют для потерявших своих мам и пап словечек, фразочек, обрывочков, вещичек, камешков и бумажек» [5. С. 75]. Автор как бы сравнивается с ребенком, который собирает фантики, бусинки и другие «драгоценности». Новый статус автора – собиратель «языковых фактов», однако, по мнению литератора, эта роль не ограничивается функцией скриптора, отведенной Р. Бартом современному писателю [38. С. 389]. Сам текст, по мнению Барта, создается читателем: «...читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [38. С. 390]. То есть в представленной концепции писатель и читатель лишены творческого начала, что для Рубинштейна неприемлемо. Личность автора проявляется «как бы поверх стертого и безличного языкового материала – как текучая, но всегда неповторимая комбинация различных элементов повторимого или “чужого” – слов, вещей, цитат, жестов, изображений и т.п.» [10. С. 444]. Относительно роли читателя М. Липовецкий написал: «Именно рефлексия по поводу собственной вовлеченности в отношения между языком и реальностью парадоксальным образом восстанавливает значение субъекта, казалось

бы, навсегда обесцененное постмодернистской игрой безличных дискурсов» [39. С. 18]. Таким образом, авторское «Я» проявляется на уровне монтажа, создания структурированного текста из разрозненных лингвистических фактов, а читатель, столкнувшись с материалом, должен, согласно замыслу Рубинштейна, осознать собственное положение относительно языка и, возможно, дополнить предложенную ему коллекцию.

О бартовской же концепции автора Л. Рубинштейн писал следующее: «Во-первых, в сновидческих приложениях вовсе не участвует авторская воля. Во-вторых, нам чужого не надо. Удовольствуемся ролью по возможности добросовестного свидетеля. Бартовская формула “смерть автора” всегда казалась мне чересчур категоричной, хотя и эффектной. А вот “сон автора”, по-моему, в самый раз» [5. С. 365]. Концептуалист немало внимания уделяет своим снам и берет материал для своих произведений из них. Так, например, в тексте «С четверга на пятницу» приведены карточки с описаниями сновидений (реальных или выдуманных – неважно). Свои сны пересказывает и рассказчик в «Кладбище с вай-фаем» [40. С. 57]. Формула «сон автора» для Рубинштейна более продуктивна, чем «смерть автора», так как, с одной стороны, не исключает вовлеченности писателя в творческий процесс: его наблюдательная позиция крайне важна, без выполнения функции режиссера не создается произведение. С другой – состояние спящего не претендует на точность и уникальность интерпретации, а значит, такой автор не может быть диктатором или пророком, т.е. нивелируется авторитарность писателя относительно восприятия текста. В рубинштейновской концепции сна автора проявляется неосинкретический взгляд на творчество: с одной стороны, сам концептуалист не может назвать себя полноценным и един-

ственным автором произведения, так как фразы из его снов произносят приснившиеся люди, не он. С другой – это образы, явившиеся именно ему, а значит, часть его воображения. То есть услышанные/увиденные фразы и его, и не его одновременно. Так же и с произведениями, материал которых взят не из снов, но состоящий всегда из (квази)цитат и фиксаций языкового материала. Ведь сами фразы принадлежат не вымышленным персонажам и не Рубинштейну, но свой смысл они приобретают лишь исходя из контекста всего произведения, «смонтированного» им. При этом именно автор-режиссер стоит вне системы каталога, в которую он собирает увиденное и услышанное, упорядочивает по им же созданному принципу, который читатель/зритель должен расшифровать, чтобы принять полноценное участие в процессе.

Автор действительно не поднимает новых тем, так как все уже однажды было сказано. В его эссе читаем: «Невозможность прямого высказывания, обреченность его на цитату – один из главных мотивов современного искусства. Память жанра, память ритма, память стиля – наиболее интенсивно работающие механизмы современной художественной практики. Не только художественное, но и обиходное речевое поведение – это лишь обмен цитатами. Мы цитируем не только тексты, но и интонации, и стили, и типы сознания» [5. С. 123]. Однако именно процесс создания системы, коллекции «языковых фактов» невозможен без творческой силы: «Мы и сами в каком-то смысле ходячие цитаты. Это не хорошо и не плохо. Это данность, с которой можно считать, или нет. Ее можно пытаться преодолеть, *но с ней можно и работать* (курсив наш. – Ю.К.)» [5. С. 123]. Не каждый может «уловить порядок в шуме и скрежете» окружающего мира, выстроить его в нужной последовательности, чтобы из случайных фраз получилось единое произведение искусства. В одном из своих интервью Рубинштейн также называл автора режиссером: «Этот новый тип авторства можно сравнить с работой режиссера: героями-персонажами моего письма являются разного рода прототексты, но я не создаю из них произведения, а делаю постановку из их интриг» [26. С. 309].

В свою очередь, не каждый читатель способен читать [5. С. 119]. Читатель для Рубинштейна – человек, готовый работать с текстом, узнавать цитаты, прислушиваться к разнице значений в зависимости от порядка слов в предложении, тот, кто готов улавливать тот самый «иррациональный пульсар», создающийся в пространстве между карточек: «А также я понял, что мой адресат и мой читатель – это человек, многое прочитавший и многое угадывающий за названием, за именем автора, за годом издания и так далее. Человек, привыкший работать с каталогом, глядя на библиографическую карточку, он уже представляет, какая именно книга стоит за ее карточным описанием» [14. С. 23]. В этом смысле читатель подобен автору.

Этот взгляд на авторство отражается и в текстах Рубинштейна. Так, в «Autocodex 74» читаем: «12. Жалок полет наяву 13. Неприятны неоправданные суждения 14. Хороши оправданные моменты 15. Нехо-

роши неоправданные 16. Жалок полет наяву 17. Чуден объект созерцания при хорошем освещении 18. Чудовищна претензия одного на универсальность предлагаемой модели 19. Ужасна неподготовленность многих к восприятию разного рода сообщений 20. Невесом вечер и поныне 21. Велик день ознаменованный реальным событием» (50–51). Между карточками, фиксирующими наблюдения лирического героя, появляются те, где обозначен взгляд на творческий процесс: «19. Ужасна неподготовленность многих к восприятию разного рода сообщений» (51). Эта карточка обращена к читателю. Внезапно, «случайно» выплывшая информация, что многие не готовы к «разного рода сообщениям», заставляет задуматься о том, как воспринимается данная работа, вынуждает вернуться к предыдущим формулярам. Произведение напоминает реципиентам об их обязанности внимательного ответственного отношения к тексту.

Здесь же оспаривается авторское притязание на единственно верный вариант интерпретации произведения: «18. Чудовищна претензия одного на универсальность предлагаемой модели» (51). Так, сам Рубинштейн в предисловии к «Регулярному письму» отмечал: «Хотелось бы, чтобы при прочтении книги учитывались эти соображения. А впрочем, – необязательно. Авторская версия – всего лишь одна из версий» [4. С. 5]. Рубинштейн выстраивает свои тексты так, что читателю тяжело составить четко формулируемое представление о произведении, о его содержании. Однако интуитивно улавливаемый смысл один.

Так, в интервью П. Грушко Рубинштейн рассказывал про реакцию на текст «Дружеские обращения 1983 года»: «Мой шведский переводчик Ларс Клеберг, может быть, вы его знаете, перевел этот текст и попросил разрешение прочитать свой перевод на семейном празднике по поводу сколько-то-летия его свадьбы. <...> он написал мне, что это имело большой успех и было всеми гостями воспринято как обращение именно его, именно к его жене. Все гости и она находили в этих сообщениях какие-то созвучия, что-то персональное, из их совместной жизни» [22. С. 79]. Здесь же Рубинштейн сказал, что «дорогой друг», адресат текста – это «любой читающий» человек.

Многие тексты Л. Рубинштейна сделаны по принципу архива воспоминаний/мыслей/наблюдений. Собираение как можно большего количества элементов позволяет восполнить внутреннее «Я» лирического субъекта, утраченное в хаосе языковых симулякров советской эпохи. Так, говоря о языке советской пропаганды 60–70-х гг., Рубинштейн писал: «И я, и миллионы других воспринимали эти и подобные этим тексты как монохромный визуальный объект, не задевающий ни чувств, ни мыслей, как всего лишь совокупность выстроенных ровными порядками букв русского алфавита <...> официальная риторика пребывала в стадии медленного, но верного умирания, хотя и само это умирание казалось тогда практически вечным» [5. С. 552]. В ситуации постепенно терявшего смысл языка, когда активно использовавшиеся в официальной печати слова и клише утрачивали способность воздействия на читателя, коллекционирование

«языковых фактов» стало одним из способов противостояния лингвистическому и культурному беспорядку.

Так, в тексте «Это я» все начинается с указания лирическим субъектом себя на фотографиях: «1. Это я. 2. Это тоже я. 3. И это я» (569). Однако впоследствии начинают перечисляться совершенно, на первый взгляд, не связанные с ним предметы: «62. И слегка подрагивает блестящий клюв большой черной птицы, неподвижно сидящей на голове гипсового бюста античной богини. 63. Это всё я» (576). Таким образом, все, что окружает лирического субъекта, является его личность: чем больше деталей он замечает, тем полнее становится его собственный внутренний мир. Своеобразным автокомментарием к тексту «Это я» является эссе «О том, чего не было»: «Инерция этого жанра столь сильна, что любой фотоальбом – в том числе и тот, что мы с вами держим в руках, – это альбом семейный. Поэтому кого бы мы не увидели на этих снимках, все они – наши родственники... Все лица, включая лица официальные, поселились в нашем доме, в нашем альбоме. Листание домашнего фотоальбома – своего ли, чужого – это занятие неизменно медитативное и умиротворяющее» [5. С. 182]. Установка на неклассический первообраз, порожденный ориентацией на бесконечное, размывает границы субъекта, но у Рубинштейна от этого бесконечного расширения «Я» не теряет самого себя, а лишь обогащается и предстает как отдельный сложный безмерный мир.

В произведении «Я здесь» в карточках 39–63 читателем, как разные люди параллельно выполняют различные действия примерно в 14:30: «50. Примерно в 14:30 принял машину у сменщика и направился в сторону Домодедова... 51 (Итак...) <...> 57. Примерно в 14:30 стояла на остановке трамвая около Рижского вокзала... 58. (И вот...)» (560–561). Перед читателем – собрание наблюдений лирического субъекта, которое должно привести к определенной кульминации, однако именно главный сюжетный фрагмент отсутствует. Карточки составлены по типу коллекции с недостающим элементом: за неимением такового напряжение не разрешается, а все «подводящие» к кульминации карточки становятся самоценными. Подобная мысль прослеживается в тексте «Вопросы литературы», где отсутствует очевидный принцип, по которому собраны приведенные вопросы: «77. И при чем здесь старомодная галантность профессора Вольфсона, когда речь, казалось бы, вовсе не о том? 78. А что еще за клетчатый пыльник, забытый кем-то на садовой скамейке?» (524). Любые факты являются достоянием «высокой литературы», и все они так или иначе связываются в единую структуру. Иногда основанием для сведения элементов в единый текст/систему (что для Рубинштейна суть одно и то же) достаточно, как выразился М. Айзенберг, наличия «внутренней мелодии»: «“Мудрые” афоризмы чередуются с совершенной ерундой, а отзвук один. Поэтому что единый тон» [7. С. 15]. В иных случаях параллельные такты двух разных текстов внезапно сливаются в единый поток: «Жесткий, мужественный ритм,

с каким разгружаемые ящики плюхались на землю, счастливым образом совпадал с ритмом поэтических строк, а сопутствующие речи грузчиков, своей лексикой и фразеологией резко контрастировавшие с тем, что звучало из уст вдохновенного стихотворца, произносившего что-то об “осиных талиях бокалов”, напоминали о том, что есть еще на свете что-то живое» [5. С. 69].

Лирический субъект Рубинштейна осознает неоднозначность позиции архиватора. В «Меланхолическом альбоме» читаем: «61. Произвольно раздвигаешь границы общепринятого – 62. Фатально приблизишься к тому моменту, когда все это решительно потеряет всякий смысл; 63. Не заметил, как ветер утих и погасли последние звезды, – 64. Позабудешь, что все позади и что время ушло безвозвратно <...> 71. И хотя это все уже давно и хорошо известно, 72. Почему-то все равно интересно» (538–539). Лирический субъект, с одной стороны, понимает, что тотальное собирание может привести к потере смысла. С другой – отказ от наблюдения за миром потенциально обрывает с ним связь. Таким образом, он не отказывается от собирательства, осознавая потенциальную опасность выbranной стратегии.

В качестве своеобразной инструкции по работе с «каталогом» выступает проза Л. Рубинштейна. Так, например, книга «Целый год. Мой календарь» сделана следующим образом: на каждой странице обозначена дата и историческое событие, которое произошло в этот день. А далее следуют воспоминания/мысли/сны рассказчика, которые ассоциируются у него с этим случаем: «**Июнь. 14. 1905. На броненосце “Потёмкин” началось первое массовое революционное восстание в вооруженных силах России.** В соседнем дворе жил милиционер. Он был гаишник. Крупный и краснолицый мужчина. <...> Его фамилия была Потемкин. Звали его, кажется, Николай. А может быть, и не Николай. Да и какая теперь разница?» (курсив автора. – Ю.К.) [34. С. 200]. По сути, каждый лист книги есть та же карточка из каталога, только на ней приведен текст (дата и событие) и уже зафиксированные ассоциации реципиента. То есть страница обнажает идеальный процесс чтения, который, по мнению Рубинштейна, должен осуществлять каждый читатель при работе с его формулярами: ознакомившись с содержанием карточки, реципиент проводит параллель с собственным жизненным опытом, выцепляя некоторое подходящее воспоминание.

Как мы видим, и в прозе порядок карточек крайне важен для автора: без одной не будет понятна идея следующей и всего целого. Так, в книге «Целый год...» в записях с 23-го по 30-е января идет речь о смерти, фразы на страницах неполные, иногда обрываются на середине слова, а на странице 31-го января смысл всего предыдущего высказывания становится диаметрально противоположным: «**Январь. 23. 1976. Умер Поль Робсон** Когда я думаю о смерти, а о ней как **Январь. 24. 1965. Умер Уинстон Черчилль.** это ни странно, я думаю теперь гораздо реже, чем **Январь. 25. 1947. Умер Аль Капоне.** в детстве, и чаще всего перед **Январь. 26. 1975. Умерла Любовь Орло-**

ва. сном, я всякий раз задаю себе несколько- **Январь. 27. 1901. Умер Джузеппе Верди.** ко не имеющих прямого отноше- **Январь. 28. 814. Умер Карл Великий.** ния к делу во- **Январь. 29. 1962. Умер Фриц Крейслер.** просов. И пока я **Январь. 30. 1948. Умер Махатма Ганди.** ищу на них ответы, я забы- **Январь. 31. 1797. Родился Франц Шуберт.** ваю о смерти» [34. С. 35–43].

Таким образом, согласно принципу кумуляции, страницы календаря можно прочесть только в одном порядке и только в такой последовательности возможно реконструировать авторский замысел. Значимость хронологии прочтения подсказана и самой композицией произведения – формой отрывного календаря. В отличие от настенного, он задает строгую последовательность получения информации, а также предполагает более серьезное воздействие на реципиента с помощью контрастного несоответствия ожиданиям. В календаре Рубинштейна нет указаний на привычные русскому человеку светские или религиозные праздники. Так, с самого начала читаем: **«Январь. 1. Ежегодно западноафриканская страна Камерун отмечает свой главный праздник – День независимости...»** [34. С. 13]. 31 декабря, 1 января, 7 января, 1 сентября, 7 ноября – все эти значимые даты соотносены с совершенно сторонними событиями, отличными от тех, с которыми у русского человека установлена прочная ассоциативная связь. Очевидно, что Рубинштейн как раз и рассчитывает на ошеломляющий эффект. «Ультраячество» – это свобода для автора, эстетического субъекта, но не для читателя, мировоззрение которого подвергается насильственной трансформации. На примере «Целого года...» прослеживается диффузия двух моделей сознания: «Я-сознания» и «Мы-сознания», или, иными словами, уединенного и авторитарного.

В книге на уровне исторически значимых событий представляются субъективные воспоминания/переживания/мысли. Такая параллель может быть воспринята как постановка проблемы о первостепенности масштабного/всеобъемлющего и личного. Однако у Рубинштейна есть однозначный ответ на этот вопрос: «А по-настоящему реальна лишь наша память, умеющая выдергивать из мутного потока бытия абсолютно бесполезные и абсолютно драгоценные детали. Мы вспомнили о них, а значит, они достойны нашей любви. Жизнь не делится на красивое и безобразное» [34. С. 9]. Сам календарь есть сумма субъективных переживаний рассказчика: из огромного количества исторически значимых событий, произошедших в определенный день, он выбирает для своего календаря именно то, в ответ на которое возникает ассоциация. Инциденты, не вызвавшие отклика, не попадают в авторское собрание.

В последней книге Рубинштейна «Кладбище с вай-файем» встречаются фрагменты, выстроенные по трем моделям:

1) событие внешнего мира (объявление в газете/новость в интернете/новый закон и т.д.) + воспоминание/ассоциация/рассуждения рассказчика («Приобретенная только что сигаретная пачка тут же пригрозила мне “мертворождением”. Страшно ли? Ну вообще-

то, если учитывать, что следующее рождение уже не за горами, страшновато, конечно» [40. С. 139]);

2) событие, произошедшее с рассказчиком (или его мысли, сны) + историческое событие, ассоциативно с ним связанное («Однажды я ехал поездом из Хельсинки в Москву. Моей соседкой по купе была уже здорово пожилая, очень милая и приветливая дама. Как это и полагается в дороге, мы разговорились. <...> Она оказалась шведкой польско-еврейского происхождения. <...> Она что-то рассказывала про родителей, про детство, про братьев и сестер. <...> Рано утром я проснулся и увидел на ее руке <...> длинный ряд татуированных цифр. Про это она мне ничего не рассказывала» [40. С. 145]);

3) личные события/мысли/сны рассказчика, никак эксплицитно не связанные с окружающей действительностью («Это пятое апреля, Мишкин день рождения. Мишки уже несколько лет нет на этом свете, а память, ни на что не обращая внимания, как ни в чем не бывало знает себе делает свое дело» [40. С. 70]).

Несмотря на то, что в этой книге есть уже фрагменты, теоретически не помещающиеся на библиотечной карточке, сама структура «каталога» сохраняется. Все перечисленные события равнозначны для рассказчика, все они присутствуют под одной обложкой, объединенные не хронологической, а ассоциативной связью.

Таким образом, обращение Льва Рубинштейна к принципам неосинкретизма и кумуляции в контексте позднесоветской культуры имело своей целью преодоление границ авторитарно-советского дискурса, или, как говорит сам автор, «большого стиля». Его поэтическая стратегия включала в себя следующие поведенческие жесты и художественные приемы:

1) формирование собственного житетекста на основе горизонтальных связей, подчеркиваемое самим поэтом равнодушие к продвижению по карьерной лестнице;

2) трансформация заведомо иерархических отношений автора и читателя в горизонтальные;

3) расширение границ лирического «Я» до бесконечности;

4) приравнивание к искусству любых фактов действительности, соединение слова с изображением, ритмом, действием;

5) создание текстов по принципу каталога с собственной логикой построения, не подчиняющейся общепринятой эстетической оценке, при этом основным способом присоединения текстов друг к другу становится кумулятивный;

6) объединение текстов не в книгу с закрепленными страницами, обложкой, именем автора на титуле и т.д., а в «свободную» картотеку.

Тексты Л. Рубинштейна, выстроенные по принципу каталога горизонтального типа, позволяют, по мнению самого писателя, противостоять советскому авторитарному дискурсу, однако вместе с тем обнаруживают тяготение к деиндивидуализирующему сознанию, неосинкретизму, кумуляции и созданию структур, слагаемые которых подлежат уравниванию.

Примечания

- ¹ О названных признаках первобытного искусства подробнее см.: [2. С. 53–60].
- ² Здесь и далее страницы приведены в круглых скобках по публикации: Рубинштейн Л.С. Большая картотека. М.: Новое издательство, 2015. 608 с. [3].
- ³ Выражаем искреннюю благодарность Музею современного искусства «PERMM» за предоставленную возможность работать с этими материалами.
- ⁴ О глубокой укорененности фольклорного начала в советской литературе и культуре см. [21].
- ⁵ «Так, например, в 1972 г. я узнал о таком невероятном явлении, как Джон Кейдж, который, надо сказать, на меня впоследствии довольно мощно повлиял» [14. С. 25].
- ⁶ Об этом см.: [29–31].
- ⁷ Значимые для русской литературы даты ассоциируются у героя книги Рубинштейна с тривиальными событиями, что нивелирует их значимость: «Родился Лев Толстой, русский писатель, публицист, граф, классик мировой литературы. Бронзовый бюстик Толстого долго стоял на моем письменном столе. Потом его украли. Кто-то из гостей. Я даже примерно знаю, кто именно» [34. С. 298].
- ⁸ См. об этом статью Б. Дубина [37].

Список источников

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1997. 307 с.
2. Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. С. 52–82.
3. Рубинштейн Л. Большая картотека. М.: Новое издательство, 2015. 608 с.
4. Рубинштейн Л. Регулярное письмо. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 200 с.
5. Рубинштейн Л. Что слышно. М.: АСТ; CORPUS, 2018. 592 с.
6. Кейдж Дж. Тишина : лекции и статьи. Вологда : Библиотека Московского концептуализма Германа Титова, 2012. 384 с.
7. Личное дело №: Литературно-художественный альманах. М.: В/О Союзтеатр, 1991. 272 с.
8. Гройс Б. Московский романтический концептуализм // Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 260–274.
9. Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.
10. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 688 с.
11. Зорин А. Каталог // Литературное обозрение. 1989. № 10. С. 90–92.
12. Хансен-Леве А. Эстетика ничтожного и пошлого в московском концептуализме // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 215–245.
13. Ниеро А. О «картотечной» поэзии Льва Рубинштейна // Slavica targestina. 1999. № 7. С. 123–144.
14. Горалик Л. Частные лица: Биографии поэтов, рассказанные ими самими. М.: Новое издательство, 2017. Ч. 2. 398 с.
15. Альберт Ю. Московский концептуализм. Начало. Нижний Новгород : Приволжский филиал Государственного центра современного искусства, 2014. 271 с.
16. Гроссе Э. Происхождение искусства. М.: Издание М. и С. Шабашниковых, 1899. 297 с.
17. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.
18. «А это я...» Лев Рубинштейн читает свои тексты // Arzamas. 2021. URL: <https://arzamas.academy/mag/1010-rubinshtejn> (дата обращения: 12.01.2022).
19. Фонд Л.С. Рубинштейна // Музей современного искусства «ПЕРММ» (г. Пермь). Карточные собрания КП-78-КП-86, КП-102.
20. Рубинштейн Л. Вопросы литературы / беседу ведет З. Абдуллаева // Дружба народов 1997. № 6. С. 176–184.
21. Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
22. Беседа Павла Грушко со Львом Рубинштейном // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 76–80.
23. Курицын В. Данный момент (О сочинении Л.С. Рубинштейна «Программа совместных переживаний», 1981) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 329–332.
24. Григорьева Н. Лев Семенович // Звезда. 2000. № 7. С. 228–232.
25. Бавильский Д. Карточный домик // Арион : журнал поэзии. 1998. № 3. С. 96–105.
26. Язык – поле борьбы и свободы: Лев Рубинштейн беседует с Хольтом Мейером // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 306–311.
27. Костелянц Р. Разговоры с Кейджем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 227 с.
28. Тюпа В.И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара : ООО Научно-Внедренческая Фирма «Сенсоры, Модули, Системы», 1998. 115 с.
29. Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог : сб. ст. Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: мета-текст и метатекстовые структуры / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 235 с.
30. Сегал Д.М. Литература как вторичная моделирующая система. Литература как охранная грамота // Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 11–49.
31. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры, 2008. 326 с.
32. Серенко Д. Поэт и карточки // Colta. 2017. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/14324-poet-i-kartochki> (дата обращения: 25.06.2022).
33. Шаламов В. Избранное. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.
34. Рубинштейн Л. Целый год. Мой календарь. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
35. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
36. Пригов Д.А. Второй раз о том, как все-таки вернуться в литературу, оставаясь в ней, но выйдя из нее сухим // Русская альтернативная поэтика. М., 1990. С. 20–30.
37. Дубин Б.В. Бесконечность как невозможность: фрагментарность и повторение в письме Эмиля Чорана // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 251–261.
38. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
39. Липовецкий М.Н. Дело в шляпе, или Реальность Рубинштейна // Рубинштейн Л. Погоня за шляпой и другие тексты. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 7–26.
40. Рубинштейн Л. Кладбище с вай-фаем. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 384 с.

References

1. Broymtan, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki. (Sub"ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics. (Subject-image structure)]. Moscow: RSUH.
2. Toporov, V.N. (2010) *Mirovoe drevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree: Universal sign complexes]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. pp. 52–82.
3. Rubinstein, L. (2015) *Bol'shaya kartoteka* [Large card file]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
4. Rubinstein, L. (2012) *Regulyarnoe pis'mo* [Regular writing]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
5. Rubinstein, L. (2018) *Chto slyshno* [What is heard]. Moscow: AST; CORPUS.
6. Cage, J. (2012) *Silence: lectures and writings*. Vologda: Biblioteka Moskovskogo kontseptualizma Germana Titova. (In Russian).
7. Soyuzteatr. (1991) *Lichnoe delo №: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [Personal file No.: Literary and artistic almanac]. Moscow: V/O Soyuzteatr.
8. Groys, B. (1993) *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow: Znak. pp. 260–274.
9. Epshteyn, M. (2019) *Postmodernizm v Rossii* [Postmodernism in Russia]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
10. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Contemporary Russian Literature: the 1950s–1990s]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
11. Zorin, A. (1989) Katalog [Catalog]. *Literaturnoe obozrenie*. 10. pp. 90–92.
12. Hansen-Love, A. (1997) Estetika nichtozhnogo i poshlogo v moskovskom kontseptualizme [Aesthetics of the worthless and vulgar in Moscow Conceptualism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 25. pp. 215–245.
13. Niero, A. (1999) O "kartotechnoy" poezii L'va Rubinshteyna [About Lev Rubinshtein's "card file" poetry]. *Slavica targestina*. 7. pp. 123–144.
14. Goraliuk, L. (2017) *Chastnye litsa: Biografii poetov, rasskazannye imi samimi* [Individuals: Biographies of poets told by themselves]. Part 2. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Al'bert, Yu. (2014) *Moskovskiy kontseptualizm. Nachalo* [Moscow Conceptualism. The beginning]. Nizhny Novgorod: Privolzhskiy filial Gosudarstvennogo tsentra sovremennogo iskusstva.
16. Grosse, E. (1899) *Proiskhozhdenie iskusstva* [The origin of art]. Moscow: Izdanie M. i S. Shabashnikovkh.
17. Yurchak, A. (2019) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Arzamas. (2021) "A eto ya..." Lev Rubinshteyn chitaet svoi tekсты ["And this is me..." Lev Rubinshtein reads his texts]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/mag/1010-rubinshteyn> (Accessed: 12.01.2022).
19. Museum of Contemporary Art "PERMM" (Perm). File collections KP-78-KP-86, KP-102. *Fund of L.S. Rubinstein*. (In Russian).
20. Rubinstein, L. (1997) Voprosy literatury / besedu vedet Z. Abdullaeva [Issues of Literature. The conversation is conducted by Z. Abdullaeva]. *Druzhba narodov* 6. pp. 176–184.
21. Bogdanov, K.A. (2009) *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury* [Vox populi: Folklore genres of Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
22. Grushko, P. (1999) Beseda Pavla Grushko so L'vom Rubinshteynom [Conversation between Pavel Grushko and Lev Rubinstein]. *Literaturnoe obozrenie*. 1. pp. 76–80.
23. Kuritsyn, V. (1995) Dannyy moment (O sochinenii L.S. Rubinshteyna "Programma sovmestnykh perezhivaniy", 1981) [This moment (On L.S. Rubinshtein's "The program of joint experiences", 1981)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 16. pp. 329–332.
24. Grigor'eva, N. (2000) Lev Semenovich. *Zvezda*. 7. pp. 228–232.
25. Bavit'skiy, D. (1998) Kartochnyy domik [House of Cards]. *Arion: zhurnal poezii*. 3. pp. 96–105.
26. Rubinstein, L. (1993) Yazyk – pole bor'by i svobody: Lev Rubinshteyn besedet s Khol'tom Meyerom [Language is a field of struggle and freedom: Lev Rubinstein talks with Holt Meyer]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 306–311.
27. Kostelanetz, R. (2014) *Conversing with Cage*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
28. Tyupa, V.I. (1998) *Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoy poezii XX veka* [Post-Symbolism: Theoretical Essays on Russian Poetry of the 20th Century]. Samara: OOO Nauchno-Vnedrencheskaya Firma "Sensory, Moduli, Sistemy".
29. Rybal'chenko, T.L. (ed.) (2004) *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog: sb. st.* [Russian literature of the 20th century: names, problems, cultural dialogue: Articles]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
30. Segal, D.M. (2006) *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a security certificate]. Moscow: Vodoley Publishers. pp. 11–49.
31. Khatyamova, M.A. (2008) *Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy treti XX veka* [Forms of literary self-reflection in Russian prose in the first third of the 20th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Serenko, D. (2017) *Poet i kartochki* [Poet and cards]. [Online] Available from: <https://www.colta.ru/articles/literature/14324-poet-i-kartochki> (Accessed: 25.06.2022).
33. Shalamov, V. (2002) *Izbrannoe* [Selected works]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
34. Rubinstein, L. (2018) *Tselyy god. Moy kalendar'* [A whole year. My calendar]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
35. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
36. Prigov, D.A. (1990) Vtoroy raz o tom, kak vse-taki vernut'sya v literaturu, ostavayas' v ney, no vyvaya iz nee sukhim! [A second time about how to still return to literature, remaining in it, but getting away with it!]. In: *Russkaya al'ternativnaya poetika* [Russian alternative poetics]. Moscow: MSU. pp. 20–30.
37. Dubin, B.V. (2002) Beskonechnost' kak nevozmozhnost': fragmentarnost' i povtorenie v pis'me Emilya Chorana [Infinity as Impossibility: Fragmentation and Repetition in Emil Cioran's Letter]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 54. pp. 251–261.
38. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
39. Lipovetskiy, M.N. (2004) Delo v shlyape, ili Real'nost' Rubinshteyna [The Case in the Hat, or Rubinshtein's Reality]. In: Rubinstein, L. *Pogonya za shlyapoy i drugie tekсты* [Pursuit of the Hat and other texts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 7–26.
40. Rubinstein, L. (2020) *Kladbishche s vay-faem* [Cemetery with Wi-Fi]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе:

Каминская Ю.В. – аспирант кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Kaminskaya, postgraduate student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022;
одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 06.07.2022;
approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/15617793/482/8

К вопросу о взаимоотношениях К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в 1870-е гг.

Елена Владимировна Перевалова¹, Валерий Викторович Перевалов²

^{1, 2}Московский политехнический университет, Москва, Россия

¹*helenpv@yandex.ru*

²*val-perevalov@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются взаимоотношения обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и авторитетного публициста консервативной направленности М.Н. Каткова, редактора влиятельной газеты «Московские ведомости», в годы, предшествующие восшествию на престол императора Александра III. Рассмотрено взаимодействие Победоносцева с Катковым, доказано, что в указанный период он не оказывал ему и его изданию существенной помощи. Делается вывод, что несмотря на близость взглядов, которые эволюционировали в указанный период к консерватизму, и откровенность в выражении друг другу своего недовольства правительственным курсом, между высокопоставленным чиновником и журналистом назревали внутренние противоречия, которые привели в более поздний период к конфликту между ними.

Ключевые слова: М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Московские ведомости, консерватизм

Для цитирования: Перевалова Е.В., Перевалов В.В. К вопросу о взаимоотношениях К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в 1870-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 81–89. doi: 10.17223/15617793/482/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/8

On the relationship between Konstantin Pobedonostsev and Mikhail Katkov in the 1870s

Elena V. Perevalova¹, Valery V. Perevalov²

^{1, 2} Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

¹ *helenpv@yandex.ru*

² *val-perevalov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the relationship between Konstantin Pobedonostsev, the chief prosecutor of the Holy Synod, and Mikhail Katkov, an authoritative conservative publicist, the editor of the influential newspaper *Moskovskie Vedomosti*, in the 1870s. The relevance of the stated problem is due to the growing interest in the history of Russian conservative journalism and its role in the life of Russia in the second half of the 19th century. The novelty of the study consists in the introduction into scholarly discourse of little-studied material, in particular, the letters of Boleslav Markevich and Pobedonostsev. The analysis of the relations between the high-ranking official and the authoritative journalist in the years preceding the culminating period of their political careers shows the characteristic features of the political life of Russia in the 1870s, to determine the role of personal ties between representatives of the bureaucratic elite and the leaders of domestic journalism. On the basis of poorly studied archival materials, diary entries, letters and memoirs of contemporaries, the authors consider forms of interaction between Pobedonostsev and Katkov. The authors prove that, during this period, Pobedonostsev did not provide Katkov and his newspaper with significant assistance: he did not take part in finding contacts necessary for the journalist in the entourage of Alexander II and in the government, did not try to influence the decisions of the highest censorship bodies, did not provide information support, etc. On the contrary, Pobedonostsev himself needed Katkov's support during these years and could only provide moral assistance to the journalist, expressing in personal correspondence his solidarity and sympathy with his speeches in the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. Katkov opposed his decisive actions, assertiveness, purposefulness, and desire to achieve the result he needed in everything to Pobedonostsev's pedantry, habit of formalism, standard, and desire to avoid significant changes. As a result, despite the closeness of views that evolved to conservatism during this period and frankness in expressing their dissatisfaction with the government course to each other, Pobedonostsev and Katkov had growing internal contradictions and misunderstandings, which eventually led to disunity between them in the 1880s, when they both began to play major roles in the entourage of Emperor Alexander III. The authors conclude that the union of Pobedonostsev and Katkov, which seemed strong and indestructible to

many contemporaries, became fragile and unstable back in the 1870s, and did not contribute to the formation of a unified and clear program of Russian conservatives.

Keywords: Mikhail Katkov, Konstantin Pobedonostsev, *Moskovskie Vedomosti*, conservatism

For citation: Perevalova, E.V. & Perevalov, V.V. (2022) On the relationship between Konstantin Pobedonostsev and Mikhail Katkov in the 1870s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 81–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/8

Постановка проблемы

Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцев и журналиста, редактора газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова не без оснований называют главными идеологами первых лет царствования императора Александра III. В начале 1880-х гг. Победоносцев превратился в самую могущественную фигуру российской внутренней политики, став опорой и ближайшим советником молодого императора, видевшего в нем не только авторитетного государственного деятеля, но и близкого человека, друга и помощника. Первые годы нового царствования стали кульминационным моментом его влияния, хотя, по мнению исследователей, оно очень быстро начало ослабевать. На этот же период приходится и пик значимости в государственной жизни России Каткова, которому в 1880-е гг. приписывали огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора и даже называли «подспудным премьером» [1. С. 445]. В его «Московских ведомостях» видели не только «опору правительства» [2. Л. 35], но едва ли не самую влиятельную силу в государстве, управляющую принятием решений; газету сравнивали с «инспекцией всероссийской службы» [3. С. 36–38], называли неофициальным департаментом, «в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике» [4. С. 14], и даже представляли императорской семьи считали ее «особой, независимой силой», действующей «вне правительства» [5. С. 499–500].

Идейное наследие Победоносцева и Каткова в последние годы все чаще привлекает исследователей, что, в частности, нашло отражение в работах А.Ю. Полунова [6], А.Л. Брутян [7], С.М. Саньковой [8], А.В. Репникова [9], А.Э. Котова [10] и др. Однако взаимовлияние и взаимодействие этих двух выдающихся представителей консервативной идеологии последней трети XIX в. рассматривается, как правило, на материале 1880-х гг., ставших кульминационным периодом в политической карьере каждого из них. Гораздо меньше внимание уделяется периоду семидесятых годов, когда оба деятеля, недовольные либеральным курсом правительства Александра II, находились в оппозиции к власти. Настоящая статья восполняет существующий пробел, что позволяет, на взгляд авторов, выявить характерные особенности политической жизни России 1870–1880-х гг., продемонстрировать роль личных связей представителей бюрократической верхушки с лидерами отечественной журналистики.

В основе статьи – малоизученные архивные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания современников. Актуальность заявленной проблемы

обусловлена усиливающимся интересом к истории отечественной консервативной журналистики и ее роли в жизни России второй половины XIX в. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот мало изученного материала, в частности писем Б.М. Маркевича и К.П. Победоносцева.

«Литературе нашей очень плохо приходится...»: сотрудничество К.П. Победоносцева в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник»

Победоносцев познакомился с Катковым еще в начале 1850-х гг. Выпускник Императорского училища правоведения, обер-секретарь Общего собрания московских департаментов Сената, Победоносцев после защиты в 1859 г. магистерской диссертации был избран профессором юридического факультета Московского университета и, наряду с другими либерально настроенными преподавателями, оказался в числе самых активных сотрудников журнала «Русский вестник», издание которого было предпринято в 1856 г. Катковым совместно с профессором П.М. Леонтьевым. Основанный в первые годы царствования Александра II, журнал объединил вокруг себя значительную часть московской либерально настроенной интеллигенции, с воодушевлением встретившей реформы молодого императора. Присущий изданию умеренный либерально-западнический характер не был чужд Победоносцеву: будущий идеолог консерватизма в годы молодости не только не отрицал либеральные идеи, но и являлся их последовательным проводником. Выдвигаемые в «Русском вестнике» требования публичности судопроизводства, введения суда присяжных, изобличение недостатков современного правопорядка России, критика бюрократической централизации, полицейского произвола, взяточничества и т.п., несомненно, вызывали сочувствие молодого ученого, который в многочисленных статьях – «Заметки для истории крепостного права в России» (1858), «О реформах в гражданском судопроизводстве» (1859), «Приобретение собственности и поземельные книги» (1860), «Вещный кредит и залоговое право» (1860), «Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии» (1860) и др. – указывал на крепостничество как на главный тормоз на пути России к прогрессу, отстаивал принципы нового судопроизводства: гласность, публичность и состязательность судебного процесса, независимость суда от исполнительной власти и т.д. Примечательно, что уже в начале 1860-х гг. Победоносцев с успехом пытался реализовать эти принципы на практике, принимая в качестве помощника государственного секретаря С.И. Зарудного самое деятельное участие в разработке новой судебной системы. В частной переписке в

эти годы он нередко позволял себе критиковать, правда, весьма умеренно, действующую власть. К примеру, в письме к другому постоянному автору «Русского вестника» – К.Д. Кавелину Победоносцев с огорчением и негодованием жаловался на цензуру, которая, по его словам, «у нас стала просто чёрный кабинет... терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер]бурга... Литературе нашей очень плохо приходится» [11. С. 362]. По всей вероятности, под «литературой» он имел в виду в первую очередь «Русский вестник», публикации которого в эти годы неоднократно привлекали пристальное внимание цензоров [12]. Правда, поводов сетовать на цензурные притеснения у самого Победоносцева не было: в документах Московского цензурного комитета нет ни одного упоминания его статей как требующих «особого внимания». Одной из причин лояльности цензоров к его публикациям было, возможно, отсутствие в них публицистической страстности, эмоциональности, свойственной другим авторам журнала, например С.С. Громеке, статья которого «О полиции вне полиции», опубликованная в октябре 1858 г., была написана в столь резком тоне и содержала настолько яркие картины полицейского и административного произвола, что стала предметом громкого разбирательства с участием шефа жандармов, начальника Третьего отделения князя В.А. Долгорукова, начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением А.Е. Тимашева, Председателя департамента государственной экономии генерала К.В. Чевкина [13. Л. 128]. Вместе с тем статьи Победоносцева отличались серьезным, фундаментальным подходом, безукоризненной логичностью и строгой последовательностью, аргументированностью и доказательностью выводов, и потому Катков, который был весьма придирчив и требователен к содержанию, стилю и языку публикуемых в его журнале материалов, высоко ценил участие молодого ученого в своем издании.

Однако уже в 1861 г. по совету графа С.Г. Строганова Победоносцев, как превосходный знаток права, блестящий лектор, был приглашен преподавать законоведение наследнику престола великому князю Николаю Александровичу и другим великим князьям, и его участие в «Русском вестнике» заметно сократилось. Любопытно, что и в жизни Каткова Строганов сыграл весьма значительную роль: в 1845 г. он, как попечитель Московского учебного округа, рекомендовал Каткова, только что защитившего диссертацию и получившего степень магистра русской словесности, на кафедру философии Московского университета, а в 1851 г., когда во всех российских университетах по высочайшему распоряжению преподавание философии было передано священнослужителям, содействовал занятию им места редактора издававшихся при Московском университете «Московских ведомостей». Таким образом, и Победоносцев, и Катков началом своей карьеры во многом были обязаны Строганову, что уже говорит о многом: граф не терпел лести, поддакиваний, уважая в других людях прежде всего чувство собственного достоинства, ум,

порядочность, умение отстаивать свои убеждения. «К Строганову можно было подольститься только тем, чем у других начальником подчиненный мог навлечь на себя гнев <...>. Прийти к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы, знатного господина, значило навсегда погубить себя в его мнении, никогда не получить себе места» [14. С. 244–245]. Несомненно, помогая Каткову и Победоносцеву, Строганов, человек просвещенный, и в материальном отношении независимый, руководствовался не только профессиональными способностями своих протеже, но и их личными качествами: целеустремленностью, твердостью характера, искренней преданностью отечеству, императорской семье и престолу. Возможно, именно эти черты, свойственные как Каткову, так и Победоносцеву, позволили простому знакомству между ними перерасти в многолетнюю дружбу, которая не прервалась и после отъезда последнего в Петербург.

Сближению ученого и журналиста способствовало и нарастание консервативных тенденций в их взглядах, особенно усилившееся в 1860-е гг. Умеренный либерализм Победоносцева конца 1850-х в вопросах судебной реформы уже в начале 1860-х гг. сменился сначала сомнениями в целесообразности нововведений применительно к российским условиям, а затем и их резким неприятием. Во всех других преобразованиях эпохи – крестьянской, земской и других реформах – он начал видеть ошибки, неэффективность и даже опасность для общества. Убежденность журналиста в необходимости и пользе новых судов также постепенно сменилась критикой отдельных решений и ироническими замечаниями, переросшими со временем в ожесточенную полемику с их сторонниками, и из горячего защитника судебной реформы он превратился в одного из самых ее строгих критиков. Особое негодование Каткова вызывали попытки использовать юридические новшества в политической борьбе, когда суды, находясь под давлением общественных настроений, не только оправдывали политических преступников, но и создавали вокруг них своего рода романтический ореол, превращая их из обвиняемых в символ гражданской доблести и мужества [15]. Сближало журналиста с Победоносцевым и резкое неприятие демократизма и парламентаризма, присущих политической жизни Западной Европы, пример которой они оба считали совершенно неприемлемым и недопустимым для России, а также глубокая убежденность в необходимости сохранения неограниченного самодержавия и принятии решительных мер для предотвращения распространения радикальных идей.

«Союзник» или «наблюдатель»: роль Победоносцева в изданиях Каткова в 1870-е гг.

«Московские ведомости», в 1863 г. переданные Каткову в долгосрочную аренду, быстро превратились в «русскую Times», как нередко называли эту газету современники, в авторитетный орган общественного мнения, к которому прислушивались не

только в России, но и в Европе. Казалось бы, Победоносцев, осведомленный, в силу своей близости к царской семье, о многих событиях придворной жизни и о происходящем в ближайшем окружении императора, мог стать для Каткова источником важных и, главное, достоверных сведений. Но нет: в его сохранившихся письмах Каткову 1860–1870-х гг. не найти и сотой доли той разнообразной и подробной информации о политической, придворной, культурной жизни Петербурга, которая содержится в письмах других столичных корреспондентов журналиста: адъютанта великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева, дипломатов И.А. Зиновьева, А.Д. Путяты, К.Г. Катакази, чиновников Ф.М. Толстого, Е.М. Феокистова, Б.М. Маркевича. Редко-редко в письмах Победоносцева заходила речь о каких-либо новостях политики и придворной жизни, чаще всего он писал о своих корреспонденциях, которые время от времени продолжал помещать в «Московских ведомостях». Тематика этих корреспонденций в основном была связана с его научной и общественной работой: это были анонсы его новых книг [16. Л. 96], сообщения о деятельности Красного Креста [17. Л. 96], членом Главного управления которого он состоял, заметки о путешествии цесаревича Николая Александровича по России, в котором он сопровождал наследника престола [18. Л. 135–136], и т.п.

Даже если у Каткова поначалу и были надежды на Победоносцева как на столичного «ныусмейкера» своей газеты, то очень быстро ему пришлось от них отказаться. Ученый не обладал в должной мере ни энергией, ни способностью находить общий язык с «нужными людьми», ни умением приспосабливаться к обстоятельствам, ни общительностью и темпераментом, позволяющими быстро приобретать знакомства и связи в министерствах и департаментах, среди литераторов и журналистов, в светских салонах и аристократических гостиных. Оказавшись в непривычной и чуждой для него придворной атмосфере, Победоносцев остро чувствовал свою отчужденность и обособленность, ему с трудом удавалось находить общий язык с либерально настроенным окружением Александра II, в глазах которого он постепенно приобрел репутацию «упорного консерватора», человека, противодействующего новым направлениям и любым либеральным устремлениям и начинаниям. «Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен, – писал он позже о том периоде своей жизни, когда после скорострительной смерти в 1865 г. великого князя Николая Александровича, вновь вернулся ко двору по приглашению великого князя Александра Александровича – нового наследника российского трона. – Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а Государю тогдашние временщики – гр. Шувалов, Валуйев и пр. – внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на сто-

роне, старались быть со мною любезными» [19]. Как видимо, Победоносцеву было крайне неуютно и одиноко в незнакомой ему, человеку науки, придворной среде, и, внезапно оказавшись одним из самых близких к новому наследнику престола лиц, он не умел, да и не желал извлекать каких-либо преимуществ из своего привилегированного положения. Выросший в патриархальной, религиозной, старозаветной семье профессора Московского университета, он был искренне привязан к Москве, которая для него, как и для Каткова, была хранительницей устойчивых, проверенных временем ценностей и традиций, и он с острой неприязнью воспринимал петербургскую жизнь с ее обезличенной чиновной атмосферой.

Однако в условиях российской реальности, когда границы допускаемой правительством гласности оставались по-прежнему очень неопределенными, действия законов часто подменялось личными связями, а судьба периодических изданий нередко зависела от мнений, настроений и расположения того или иного сановника, журналистам (и Катков здесь не был исключением) волей-неволей приходилось приноравливаться к меняющимся обстоятельствам и искать могущественных покровителей. В 1860–1870-е гг. редактор «Московских ведомостей» был вынужден искать поддержку у таких влиятельных лиц, как граф А.М. Горчаков, П.А. Валуйев, Д.А. Милютин, граф П.А. Шувалов и другие, однако Победоносцев никакого участия в приобретении их расположения почти не принимал и едва ли в эти годы старался помочь журналисту в его попытках найти «связи» и «полезные знакомства» при дворе. Несмотря на то, что его служебная карьера развивалась весьма успешно: в 1865 г. он был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. стал сенатором, в 1872 г. – членом Государственного совета, в апреле 1880 г. – обер-прокурором Святейшего Синода, а 28 октября того же года – членом Комитета министров, что явилось беспрецедентным формальным повышением статуса обер-прокурорской должности, – Победоносцев, в отличие от других представителей политического истеблишмента 1860–1870-х гг., не пользовался расположением и доверием императора Александра II и не имел какого-либо серьезного влияния на ход государственных дел. Правда, со временем он сблизился с консервативными придворными кружками, группировавшимися вокруг императрицы Марии Александровны и ее фрейлин: сестер А.Ф. и Е.Ф. Тютчевых, графини А.Д. Блудовой, но дальше его влияние не распространялось.

Переписка Победоносцева с Катковым в 1870-е гг. подтверждает, что он не оказывал журналисту сколько-нибудь серьезной поддержки, даже когда тот в ней отчаянно нуждался: «Московские ведомости», не желая «попадать в тон» ни лицам в правительстве, ни либеральным устремлениям значительной части интеллигенции, оказались словно бы «между двух огней» и противостояли, с одной стороны, власти и цензуре, а с другой – либеральным настроениям российской интеллигенции. К примеру, в январе 1870 г. «Московские ведомости» получили предостережение

за передовые статьи, которые, как говорилось в решении Совета Главного управления по делам печати, «изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству» [20. С. 87]. По мнению многих современников, причиной вынесения предостережения стала излишняя прямолинейность, «необузданность» [21. Л. 112–113] передовых статей Каткова, присутствующие в них прямые намеки на членов правительства, что привело к «целому букету жалоб» на газету со стороны министров и в конечном итоге явилось причиной недоброжелательства императора, который, как отмечалось многими современниками, «смотрит на нападки против администрации как на нападки на него самого» [22. Л. 15]. В столице ходили слухи, что предостережение явилось следствием коллективного обращения к императору П.А. Шувалова, А.Е. Тимашева, К.А. Палена, А.П. Бобринского, которые жаловались на «Московские ведомости» и «просили о заступничестве» [23. Л. 33].

Факт вынесения предостережения был тем неожиданным, что и тон, и содержание статей, ставших для него поводом, были не резче и не мрачнее других, которые ранее рассматривались цензурой, но лишь «принимались к сведению». «Оно произвело впечатление громового удара, – писал Каткову из Петербурга Б.М. писатель Маркевич, доверенное лицо редактора “Московских ведомостей” в столице. – Тютчев захлебывался от негодования, говоря, что “есть предел, за которым нелепость перестает даже быть практичной”» [21. Л. 112–113]. Реакция Победоносцева, который к этому времени уже был сенатором и имел почти десятилетний «придворный стаж», свидетельствует не только об охватившем его отчаянии, но и об отсутствии у него какой-либо возможности вмешаться и повлиять на ситуацию, не говоря уже о том, чтобы предотвратить неблагоприятный для «Московских ведомостей» исход дела в Совете: по свидетельству Б.М. Маркевича, он «был так поражен, что только мог повторять: “Боже мой, Господи, что же это такое!”» [21. Л. 112–113].

«Против течения»: взаимоотношения Победоносцева и Каткова в последние годы правления Александра II

Подобный характер взаимоотношения Победоносцева и Каткова сохраняли до самых последних дней правления Александра II. Примером могут служить события марта 1880 г., когда дело «Московских ведомостей» вновь рассматривалось на заседании Главного управления по делам печати. Газете, обвиненной в «опасной для общественного спокойствия агитации», вновь грозило предостережение. На этот раз поводом послужила передовая статья Каткова, написанная в связи с освобождением во Франции террориста Л.Н. Гартмана, участника покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. Бежавший за границу Гартман был выслежен

французской полицией и по требованию русского правительства арестован, но в результате кампании, поднятой в европейской прессе русской революционной эмиграцией и французской интеллигенцией, вскоре освобожден. В контексте нового покушения на русского императора – 5 февраля 1880 г. взрыв прозвучал в Зимнем дворце, и царская семья уцелела лишь по счастливой случайности – отказ Франции выдать России политического преступника, даже под благовидным предлогом – вследствие отсутствия юридических документов, подтверждающих его вину, – выглядел вызывающе. Публицист «Московских ведомостей» в присущей ему резкой манере упрекал французские республиканские власти, характеризуя ее действия как «позорные», оскорбительные для России и обусловленные «бессилием пред революционной сволочью» [24]. Передовая вызвала сильное раздражение как в высших официальных кругах России, так и среди представителей российского образованного общества, не без оснований увидевших в обвинениях в адрес французского правительства и французской интеллигенции, в том числе поддержавшего Гартмана Виктора Гюго, оскорбления также и в свой адрес.

Победоносцев, разделявший, без сомнения, возмущение «Московских ведомостей» действиями французских властей, и на этот раз не предпринял никаких попыток повлиять на решение Главного управления по делам печати, и остался в данной ситуации только «сторонним наблюдателем» (в итоге предостережение все же не было вынесено, так как большинство членов управления высказалось против). Впрочем, возможно, он и не знал, что газете грозит предостережение: о заседании, на котором рассматривался вопрос о предостережении «Московским ведомостям», ему стало известно лишь спустя несколько дней. «На днях как-то дошел до меня глухой слух, что в Главном управлении по делам печати было заседание по поводу этой статьи. Слух этот возмутил меня», – писал Победоносцев Каткову 30 марта, спустя несколько дней после случившегося [25. Л. 10]. Избегая, по своему обыкновению, называть имена конкретных лиц, он ограничился выражением своего сочувствия и констатацией невозможности противостоять либеральным настроениям общества и большинству членов Главного управления по делам печати. «Что мудреного? – риторически вопрошал Победоносцев. – Всего можно ожидать: пожалуй, чего доброго, ввиду бешеных на Вас нападков со стороны развращенной здешней прессы, дали бы Вам предостережение за защиту патриотического чувства, правды и здравого смысла» [25. Л. 10–11]. Однако уже на следующий день, понимая, что за первой статьей «Московских ведомостей» о Гартмане могут последовать и другие, не менее страстные и горячие, и тогда изданию уже точно не удастся избежать наказания, Победоносцев в привычной для него сдержанной манере настоятельно советовал Каткову «не смущаться и продолжать делать свое дело, но быть осторожнее» и «избегать вполне справедливых и подающих повод к раздражению резких обличений официальной ин-

теллигенции» [26. Л. 101–102]. Хорошо осведомленный об атмосфере в придворных и правительственных кругах, он давал понять, что даже в высших сферах царит «невообразимая путаница в умах» и «полное метание мысли» (здесь и далее подчеркивание автора письма. – *Авт.*), а потому «чтоб не дразнить гусей, которых легион и которые правят, необходимо покуда ставить мысль, по возможности, объективно» [26. Л. 101–102]. «Я где могу и умею всеми силами Вас отстаиваю и буду отстаивать, – обещал Победоносцев журналисту, но тут же оговаривался. – Но далеко не со всеми стоит и говорить. Не таков еще рынок, чтобы на него можно было вынести истину и открыть лик ее перед всеми» [26. Л. 101–102]. Под «гусями» чиновник, по всей вероятности, подразумевал «ближний круг» императора – М.Т. Лорис-Меликова, А.А. и Н.С. Абазу, великого князя Константина Николаевича и др. Подобного рода намеки, отсутствие конкретных имен, «замалчивания», ровный, спокойный тон весьма характерны для всех писем Победоносцева, адресованных Каткову. Характерно, что это письмо, как и многие другие, адресованные журналисту, осторожный Победоносцев пересылал в Москву «с оказией», т.е. через знакомых или (чаще всего) – с надежными сотрудниками «Московских ведомостей».

Высокопоставленный чиновник мог оказать журналисту в эти годы лишь моральную поддержку, выражая в личной переписке с ним свое восхищение его «прекрасными статьями» в «защиту правды русского чувства и русских интересов!» [27. Л. 95] и сочувствуя направлению его «Московских ведомостей». Его содействие газете выражалась в том, что он время от времени знакомил наследника престола великого князя Александра Александровича с наиболее резонансными статьями «Московских ведомостей», характеризуя их ему как единственную газету, «которая во все это время держится с достоинством на высоте вопроса» [28. Л. 62]. Именно так, в частности, он поступил и с вышеупомянутой статьей о Гартмане, которую «тотчас же переслал Цесаревичу» и которая тому «очень понравилась» [26. Л. 101–102]. Однако вследствие весьма натянутых отношений между императором Александром II и его преемником вряд ли мнения последнего в тот момент могли иметь какое-либо значение.

К посредничеству Победоносцева Катков также был вынужден прибегнуть осенью 1878 г., когда он позволил себе обратиться (единственный раз!) к цесаревичу с личной просьбой. Зная о близости Победоносцева к наследнику престола и доверии, с которым последний относился к своему наставнику, Катков просил Победоносцева походатайствовать о переводе своего старшего сына Петра, служившего во время Русско-турецкой войны на правах вольноопределяющегося в Чугуевском уланском полку, в Кавалергардский гвардейский полк [29. Л. 5]. Впрочем, формальный предлог для обращения к наследнику престола все же был: Петр Катков до отправки на фронт учился в основанном его отцом Лицее памяти цесаревича Николая, покровителем которого являлся великий князь Александр Александрович, и, как воспитанник

этого привилегированного учебного заведения мог рассчитывать на внимание царственного патрона.

Однако и сам Победоносцев, похоже, в эти годы ничуть не меньше нуждался в поддержке Каткова: в его письмах журналисту выражения солидарности нередко соседствовали с жалобами на засилье «интриги», неопределенность положения власти, отсутствие «точного и определительного» в «дряблой и пошлой среде, в коей мы вращаемся» [30. Л. 107] и т.д. «Времена – сами видите – грустные, – с тревогой и тоской писал Победоносцев Каткову зимой 1879 г. – Власть уже становится на Руси игрушкой, которую хотят передавать друг другу в руки жалкие и пошлые честолюбцы посредством интриги, ничем не пренебрегающей. Нет уже твердого центра, из которого всякая власть прямо исходила бы и на котором прямо бы держалась. Стыдно сказать – одним из орудий интриги – служит ныне связь с теми лавочками, которые утвердились в Петербурге под фирмою журналов и которые с нахальством величают себя русской прессой, присваивая себе самодержавие и так называемое общественное мнение» [31. Л. 7–8].

В его письмах преобладают пессимизм, стремление «убеждать» от тягостной и пугающей действительности, нарастающее критическое отношение к окружающему миру. «Тут бесы, имя же им – легион, – писал Победоносцев Каткову буквально за несколько дней до гибели Александра II. – Это помрачение умов, в коем трудно или невозможно уследить одного, известного беса помрачения... У нас болото, в коем не находишь твердой точки для опоры; куда ни поставишь рычаг – проваливается. Возлагай вину на одного, рискуешь возбудить всех и никого нет обличить в особенности... Я борюсь, но я уже становлюсь совсем одиноким. Ко мне приходят, шепчут на ухо: как мы вам благодарны! – но на людях объявляют противные меры» [32. Л. 109–110]. Похоже, Катков был одним из немногих, с кем осторожный Победоносцев мог общаться столь доверительно и кому мог без опаски, в надежде на полное взаимопонимание, излить свои переживания по поводу происходящего в высших придворных и правительственных кругах.

Заключение

Анализ переписки Победоносцева и Каткова 1870-х гг. демонстрирует, насколько тесными в указанный период могли быть взаимоотношения представителей политической элиты с лидерами отечественной печати. Их характер свидетельствует, что журналистика к этому времени превратилась в реальную силу, и высокопоставленным чиновникам нередко приходилось прибегать к помощи и поддержке авторитетных деятелей печати.

Однако до 1 марта 1881 г. и Победоносцев, и Катков находились в оппозиции к официальному курсу правительства Александра II и были весьма откровенны друг с другом в выражении своего недовольства. Но если первый из них, несмотря на занимаемые высокие государственные посты, в 1870-е гг. не обладал реальным влиянием и мог лишь в узком кругу единомышленни-

ков делиться своими тревогами и сомнениями, то второй мастерски владел талантом публициста и умело пользовался словом как оружием, порой без оглядки на придворные закулисные интриги и не подстраиваясь под диктуемые «сверху» мнения. Будучи человеком энергичным, прямолинейным, неуступчивым, журналист решительно и настойчиво отстаивал в «Московских ведомостях» свою позицию, делая это страстно, бескомпромиссно и порой даже излишне прямодушно и самоуверенно, тогда как Победоносцев, по мере приращения «придворного стажа» и приобретения опыта государственного управления, превращался в тонкого и расчетливого политика, взвешивал каждое свое слово и в любой ситуации сохранял предусмотрительность и осторожность. Прагматичный и рассудительный, он советовал эмоциональному и вспыльчивому Каткову сдерживаться и «не допускать себя до раздражения», подчеркивая, что «время очень темное и мысли спутаны до крайности» [33. Л. 109].

Причиной столь разительного контраста в поведении высокопоставленного чиновника и авторитетного журналиста являлось глубоко отличное отношение к идущим в России преобразованиям и к своей роли в них. Уже тогда между ними существовали скрытые противоречия, порожденные разницей в мировосприятии и понимании своих задач в процессе сохранения основ само-

державной монархии, хотя в глазах современников они воспринимались как политические союзники и единомышленники. Педантизм Победоносцева, его привычке к формализму, стандарту, стремлению избежать существенных перемен Катков уже в 1870-е гг. противопоставлял решительные действия, напористость, целеустремленность, желание во всем добиться нужного ему результата. По его представлениям, с либеральными увлечениями российской интеллигенции, революционными теориями, социалистической пропагандой и нигилизмом следовало бороться не путем запретов и ограничений, а энергичным вмешательством и активными, решительными действиями со стороны правительства. Расхождения в тактике вели к нарастанию недопонимания и еще большей разобщенности между журналистом и обер-прокурором Святейшего Синода, что не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения в 1880-е гг., когда они оба стали играть главные роли в окружении Александра III. Как показали события первых лет правления нового императора, союз Победоносцева и Каткова, казавшийся многим современникам прочным и нерушимым, в реальности оказался союзом «мнимым» [34. С. 221], хрупким и неустойчивым. Два основных идеолога отечественного консерватизма так и не смогли объединить усилия и выработать единую и четкую программу деятельности.

Список источников

1. Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
2. Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 120. К. 38.
3. Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
4. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
5. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. Т. 1.
6. Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М. : МАКС-Пресс, 2010. 177 с.
7. Брутян А.Л. М.Н. Катков: Социально-политические взгляды / под ред. Е.Н. Мошелкова. М. : МАКС-Пресс, 2001. 128 с.
8. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. СПб. : Нестор, 2007. 298 с.
9. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб. : Владимир Даль, 2016. 488 с.
10. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М. : Сигнал, 1999. 161 с.
11. Репников А.В. Победоносцев, Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2010. С. 362–368.
12. Перевалова Е.В. «Истина не должна бояться гласности...» (журнал «Русский вестник» и цензура в первые годы реформ Александра II) // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Серия «История и политология». М. : МПГУ, 2016. № 1. С. 21–31.
13. Громека С.С. Письмо М.Н. Каткову. Вышний Волочек. 2 декабря 1858 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 21.
14. Соловьев С.М. Записки // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
15. Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2015. Т. 4, № 1. С. 29–41.
16. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 июля 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
17. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 ноября 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
18. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 июля 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
19. Победоносцев К.П. Письмо к Николаю II. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib/pobed_pril.html (дата обращения: 04.02.2021).
20. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных изданий. Справочное издание. СПб. : Нестор-История, 2011.
21. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 10 января. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 34.
22. Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 6.
23. Воскобойников Н.Н. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 10 января 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 22.
24. Передовая статья // Московские ведомости. 27.03.1880. № 86.
25. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 30 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
26. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 31 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
27. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 26 апреля 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
28. Победоносцев К.П. Письмо Александру III. 1 января 1877 г. // Победоносцев К.П. Письма к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. I.
29. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 февраля 1878 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
30. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 9 января 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
31. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 29 декабря 1879 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
32. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 19 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
33. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 18 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
34. Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.

References

1. Bartenev, P.I. (1912) Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva" [From the notebook of Russkiy arkhiv]. *Russkiy arkhiv*. 3.
2. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 38. Feoktistov, E.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 9 iyulya* [Letter to M.N. Katkov. July 9].
3. Rozanov, V.V. (1997) Suvorin i Katkov [Suvorin and Katkov]. *Novoe vremya*. 7.
4. Lyubimov, N.A. (1888) Mikhail Nikiforovich Katkov. Po lichnym vospominaniyam [Mikhail Nikiforovich Katkov. By personal memories]. *Russkiy vestnik*. 1.
5. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t.* [Diary of the Secretary of State: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
6. Polunov, A.Yu. (2010) *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: vekhi politicheskoy biografii* [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: milestones in political biography]. Moscow: MAKS-Press.
7. Brutyan, A.L. (2001) *M.N. Katkov: Sotsial'no-politicheskie vzglyady* [M.N. Katkov: Socio-political views]. Moscow: MAKS-Press.
8. San'kova, S.M. (2007) *Gosudarstvennyy deyatel' bez gosudarstvennoy dolzhnosti. M.N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma* [A statesman without a public office. M.N. Katkov as an ideologist of state nationalism]. St. Petersburg: Nestor.
9. Kotov, A.E. (2016) "Tsarskiy put'" Mikhaila Katkova. Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh gg. [The "Royal Way" by Mikhail Katkov. The ideology of bureaucratic nationalism in the political journalism of the 1860s–1890s]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Repnikov, A.V. (1999) *Konservativnaya kontsepsiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [The conservative conception of Russian statehood]. Moscow: Signal'.
11. Repnikov, A.V. (2010) Pobedonostsev, Konstantin Petrovich [Pobedonostsev, Konstantin Petrovich]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkiy konservativizm serebryy XVIII – nachala XX veka* [Russian conservatism in the middle of the 18th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN. pp. 362–368.
12. Perevalova, E.V. (2016) "Istina ne dolzhna boyat'sya glasnosti..." (zhurnal "Russkiy vestnik" i tsenzura v pervye gody reform Aleksandra II) ["Truth should not be afraid of publicity ..." (Russkiy vestnik and censorship in the early years of Alexander II's reforms)]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. Seriya "Istoriya i politologiya"*. 1. pp. 21–31.
13. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 21. Gromeka, S.S. (1858) *Pis'mo M.N. Katkovu. Vyshniy Volochek. 2 dekabrya 1858 g.* [Letter to M.N. Katkov. Vyshny Volochek. December 2, 1858].
14. Solov'ev, S.M. (1983) Zapiski [Notes]. In: Solov'ev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moscow: MSU.
15. Perevalova, E.V. (2015) Osveshchenie protsessu Very Zasulich v gazete M.N. Katkova "Moskovskie vedomosti" [Coverage of the trial of Vera Zasulich in M.N. Katkov's newspaper "Moskovskie Vedomosti"]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik. Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (1). pp. 29–41.
16. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 iyulya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. July 21, 1877].
17. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. 20 noyabrya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. November 20, 1877].
18. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu. 20 iyulya 1866 g.* [Letter to M.N. Katkov. July 20, 1866].
19. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo k Nikolayu II* [Letter to Nicholas II]. [Online] Available from: http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed_pril.html (Accessed: 04.02.2021).
20. Benina, M.A. (ed.) (2011) *Periodicheskaya pechat' i tsenzura Rossiyskoy imperii v 1865–1905 gg. Sistema administrativnykh izdaniy. Spravochnoe izdanie* [Periodical press and censorship of the Russian Empire in 1865–1905. System of administrative publications. Reference edition]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 34. Markevich, B.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 10 yanvarya* [Letter to M.N. Katkov. January 10].
22. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 126. Box 6. Kireev, A.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diary].
23. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 22. Voskoboinikov, N.N. (1870) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 10 yanvarya 1870 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. January 10, 1870].
24. *Moskovskie vedomosti*. (1880) Peredovaya stat'ya [Editorial]. 27 March 1880. 86.
25. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 30 marta* [Letter to M.N. Katkov. March 30].
26. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 31 marta* [Letter to M.N. Katkov. March 31].
27. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 26 aprelya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. April 26, 1877].
28. Pobedonostsev, K.P. (1926) *Pis'mo Aleksandru III. 1 yanvarya 1877 g.* [Letter to Alexander III. January 1, 1877]. In: Pobedonostsev K.P. *Pis'ma k Aleksandru III* [Letters to Alexander III]. Vol. 1. Moscow: Novaya Moskva.
29. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (1878) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 fevralya 1878 g.* [Letter to M.N. Katkov. February 21, 1878].
30. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 9 yanvarya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. January 9, 1881].
31. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (1879) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 29 dekabrya 1879 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. December 29, 1879].
32. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 19 fevralya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. February 19, 1881].
33. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. 18 fevralya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. February 18, 1881].
34. Feoktistov, E.M. (1991) *Za kulisami politiki i literatury. (1848–1896). Vospominaniya* [Behind the scenes of politics and literature. (1848–1896) Memories]. Moscow: Novosti.

Информация об авторах:

Передалова Е.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Передалов В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: val-perevalov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), Docent, head of the Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

V.V. Perevalov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: val-perevalov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 11.12.2021;
approved after reviewing 18.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 172
doi: 10.17223/15617793/482/9

Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации. Результаты интервью. Часть 1

Сергей Сергеевич Мерзляков¹, Татьяна Сергеевна Сухина²

^{1, 2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹merzliakovs@gmail.com

²tssmsu@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты интервьюирования российских IT-специалистов, которое является частью исследования социокультурных особенностей российского сообщества IT-специалистов. В первой части рассматривается культурная идентичность опрашиваемых, позитивные и негативные качества российской культуры, по мнению специалистов, отличия российского специалиста от иностранного, по мнению российских специалистов, отношение к политической жизни российского общества.

Ключевые слова: культура, ценности, социокультурная модернизация, программист, IT-специалист, цифровая экономика, трудовая этика

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00835.

Для цитирования: Мерзляков С.С., Сухина Т.С. Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации. Результаты интервью. Часть 1 // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 90–97. doi: 10.17223/15617793/482/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/9

Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 1

Sergei S. Merzliakov¹, Tatiana S. Sukhina²

^{1, 2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹merzliakovs@gmail.com

²tssmsu@mail.ru

Abstract. The article presents the results of interviewing Russian IT specialists, which is part of the study of the socio-cultural characteristics of the Russian community of IT specialists. The first part examines the cultural identity of the interviewees. The authors infer that the identity of Russian specialists is determined by two main value “centers of attraction”: Russian and Western cultures. At the same time, Eastern culture does not have a significant impact on the value characteristics of specialists. Thus, the basis for the cultural identity of the respondents is Russian culture with a strong value bias towards Western culture. The specialists attributed the multiculturalism of Russian society, universality, hard work, as well as enterprise to the positive qualities of Russian culture, and conservatism, patience and inertia to the negative ones. Among the main differences between a Russian IT specialist and a foreign one mentioned in the interviews were: versatility, ability to adapt, proficiency, workaholicism, stubbornness, commitment to results, high learning ability and collegiality as an ability to collective action, readiness for mutual assistance, as well as the fact that Russian specialists start working earlier and therefore gain experience faster than foreign colleagues. Collegiality, in the authors’ opinion, is an exceptional quality in the context of the socio-cultural potential of the studied community because it is the ability for collective values that can be considered as a modernization value and a condition for the implementation of large social projects, and can be a factor in the consolidation of various social groups. The negative differences were: lack of specialized knowledge, the stereotype of the need for vocational education, focus on quick results, problems with the balance between work and personal life. The analysis of the attitude of community members to political life indicated the presence of a request for participation in the social life of society, accompanied by distrust of existing institutions.

Keywords: culture, values, socio-cultural modernization, programmer, IT specialist, digital economy, work ethics

Financial support: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00835.

For citation: Merzliakov, S.S. & Sukhina, T.S. (2022) Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 90–97. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/9

Введение

Кросс-культурные исследования указывают на то, что культура в виде тиражируемых в обществе ценностей, моделей поведения, привычек оказывает значимое влияние на экономическое развитие общества [1–3]. В связи с этим возникает представление о социокультурной модернизации как потенциально эффективном инструменте развития общества. В рамках социокультурной экономики существует представление о модернизационных ценностях, т.е. тех культурных особенностях, которые способствуют социально-экономической эффективности общества [4–6]. Донором позитивных модернизационных ценностей может быть как другое общество, так и отдельная социальная группа данного общества. В связи с этим актуальными являются анализ социокультурного потенциала отдельных социальных групп и исследование социокультурных особенностей членов этих групп. Одной из наиболее перспективных с точки зрения социокультурного потенциала российских социальных групп является российское сообщество IT-специалистов [7]. В работе представлены результаты интервьюирования, которое является частью исследовательского проекта по изучению социокультурных особенностей российских IT-специалистов. Целью данной работы является проверка полученных ранее результатов.

Методология

В сентябре–ноябре 2021 г. было проведено 28 интервью с российскими специалистами: 22 человека из Москвы¹ и 6 человек из других городов (Пермь, Йошкар-Ола, Рязань, Тула); 20 мужчин и 8 женщин; возраст – от 22 до 57 лет. В этом исследовании мы проверяли результаты наших предыдущих работ [7–9], а также касались вопросов, которые не были затронуты в прошлых исследованиях. У нас было несколько фиксированных тем для обсуждения, однако мы допускали существенные отклонения, что позволило выйти за рамки наших начальных предположений и ожиданий, а также обнаружить перспективные направления дальнейших исследований. Помимо рассмотренных в данной работе вопросов, мы спрашивали у респондентов об их отношении к российской корпоративной культуре, а также интересовались, считают ли они, что машина может полностью заменить человека, и может ли у компьютера быть сознание. Ответы на эти вопросы будут рассмотрены нами в последующих работах.

Самопрезентация

Наши собеседники имели разные профессиональные траектории и способы вхождения в IT. Большин-

ство опрошенных получили образование, связанное с их будущей профессией. Однако среди них были и те, кто получил образование далекое от IT (психология, геофизика, текстильный институт, геология и т.д.), у некоторых высшее образование вообще отсутствовало. Также сильно отличались траектории вхождения в IT: одни заканчивали престижные московские вузы по специальности и начинали работать в крупнейших российских и западных компаниях, другие попадали в профессию окольным путем. Причины, по которым респонденты пришли в IT, также сильно различались: для одних это был рациональный выбор, для других – чистая случайность; для одних все началось с хобби и детского увлечения компьютером², для других причиной послужила скука на прежней работе, для некоторых причинами стали доход и стабильность. Однако при всех различиях наших собеседников объединяло то, что они определяли себя, прежде всего, через профессию: на просьбу рассказать о себе лишь несколько человек начали рассказ с фактов, не связанных с профессией и образованием³. Также опрошенных объединяло то, что они были готовы довольно подробно рассказывать о своем профессиональном опыте: местах работы, реализованных проектах, неудачах и их причинах, успехах и т.п. Таким образом, мы увидели сильно выраженную профессиональную идентичность: российское IT открыто на вход, поэтому туда попадают люди с различным образованием и опытом, но, попав в сообщество, они приобретают членство в группе. При этом принадлежность к группе значит довольно много: российское IT-сообщество становится элитарной группой внутри российского общества, членство в которой повышает полезность идентичности. Это подтверждает, например, ответ одного из наших собеседников, работающего на момент опроса менеджером в сфере IT. На вопрос «Кем вы все-таки себя считаете: менеджером от IT или IT-специалистом?» он ответил: «Хотелось бы считать себя IT-специалистом» – принадлежность к группе специалистов оказывается важнее формального статуса. На эту черту обратили внимание и авторы доклада «Культурные факторы модернизации», выделив восприятие профессии как призвания в качестве особенности российских специалистов [10].

Культурная идентичность

В предыдущей работе мы проблематизировали вопрос о взаимосвязи национальной идентичности и групповой идентичности российских IT-специалистов [8]. Предположительно от отношения к национальной культуре зависит способ и эффективность социальной активности членов сообщества. Для того чтобы скорректировать результаты, полученные на предыдущем этапе работы, мы задавали вопрос: «С какой культурой вы себя идентифицируете?»

Среди ответов можно выделить два главных ценностных «центра притяжения»: самоидентификация с западной культурой («западноевропейская», «европейская, скандинавская», «с точки зрения мировоззрения ближе западная культура, протестантизм», «скорее с западной» и т.п.) и самоидентификация с российской культурой («российская», «обычный российский менталитет», «русская», «ближе к российской культуре» и т.п.). Часто мы сталкивались с промежуточным вариантом: собеседники сначала идентифицировали себя с российской культурой, а затем в ходе своего рассуждения указывали на близость к западной культуре («наверное, российская, но смесь с западной», «между западной и российской»). Отмечая близость им западных ценностей, наши собеседники при этом указывали на то, что некоторые ценности современного западного общества вызывают у них настороженность: «суперновая этика мне не близка», «какие-то ценности разделяю, но не все», «в моем круге общения я выступаю как человек прогрессивных взглядов, но с точки зрения современной повестки я скорее консервативна», «на Западе перегибают палку с толерантностью» – «жесткие» ценностные деформации современного западного общества их отпугивали.

Также наши собеседники обращали внимание на то, что культура IT в целом является культурой открытой, универсальной, наднациональной, потому что предполагает взаимодействие с людьми из других стран⁴. Восточная культура оказалась не близка нашим собеседникам, лишь немногие указали на то, что испытывали некоторое влияние восточной культуры⁵. И только один человек ответил, что с точки зрения мировоззрения ему ближе восточная культура, но он же заметил, что в работе ему ближе западный стиль.

Таким образом, выводами этой части исследования будут следующие: самоидентификация российских IT-специалистов включает элементы западной и российской культуры и почти не включает элементы восточной. Если пытаться «жестко» определять культурные предпочтения российского IT-специалиста, то можно предложить следующее: российская культура с сильным ценностным креном в сторону западной культуры.

Полезные и вредные национальные качества

Продолжая исследование идентичности российских специалистов в области IT, мы просили наших собеседников рассказать о полезных и вредных, по их мнению, качествах российской культуры. Был задан вопрос: «Какие культурные особенности россиян вы можете назвать полезными, а какие – вредными?» У подавляющего большинства опрошенных не возникло проблем с выделением позитивных и негативных качеств.

К позитивным качествам опрошенные относили «мультикультурализм большого государства»: «Мы выросли, не обращая внимания на национальность и конфессии, жили как единый народ – это самое большое достижение. Мы реально воспринимаем и восточную и западную культуры – это конкурентное

преимущество». Ответы, фиксирующие это качество: «Россия – мультикультурная страна, мультинациональная. Легко приспосабливаемся к культуре»; «дружелюбие и гостеприимство»; «Россия – большая страна». Таким образом, специалисты фиксировали позитивное качество культурной пластичности, благодаря которому общество готово позитивно воспринимать различные ценностные установки и культурные особенности.

Отрицательным качеством была названа пассивность людей и близкие по смыслу: инертность, терпение, консерватизм (который в этом случае оказывается синонимичным инертности, т.е. указывает скорее на социальную пассивность, а не на консервативные ценности), инертное общество; «желание, чтобы ничего не менялось в какой-то степени – большинство людей боятся перемен»; «надо смотреть вперед». Несколько парадоксально, но это же качество в определенном контексте оказывалось позитивным. Упорство, терпеливость – это позитивное качество, потому что учит не убегать от первых сложностей: «Терпеливость помогает преодолеть себя, вникнуть и потом уже будет хорошо. С другой стороны, это минус, потому что иногда можно очень долго терпеть неприятные ситуации» (Мария, 22 года, Москва). Также собеседники обращали внимание на возможные причины инертности, терпеливости: они указывали на социальные потрясения, которые произошли в российском обществе в прошлом, что и привело, по их мнению, к потребности в стабильности.

Прагматичный взгляд на инертность как позитивное качество предложил один из наших собеседников. По его мнению, Россия является перспективной страной с точки зрения исследований в области прорывных технологий именно потому, что социальная инертность сочетается с сильной авторитарной властью. Подобное сочетание приводит к меньшему количеству формальных ограничений в виде правовых коллизий: принять решение можно волей небольшого числа людей. В этом смысле авторитарная власть может быть полезна для развития технологий: если у власти будет желание получить результат, то результат будет. Однако тот же собеседник обратил внимание на то, что авторитарность может работать только на короткой дистанции, но не на длинной, потому что в последнем случае слишком многое зависит от конкретных людей. Поэтому на длинной дистанции эффективнее коллегиальность.

К вредным качествам были отнесены «знаменитый русский авось», разгильдяйство: «Долго запрягаем, зато быстро едем. Живем революционным путем, а не эволюционным. Перемены надели, но ничего не происходит. Начинаем запрягать, чтобы потом рвануть»; «Оттягиваем до последнего. Инертный народ долго терпит, потом – бабах! И что-то происходит. Это плохо, потому что проблемы нужно решать по мере их поступления, а не по мере их накопления». Несколько парадоксально, но это же качество – разгильдяйство – может быть в некоторой степени полезным: «Легкость во всем – это одновременно хорошо и плохо»; «Легко относимся к проблемам. Мы не считаем, что

проблема – это все, беда! Если можем решить – решаем, если нет – да и черт с ним!».

Среди полезных качеств была названа способность перенимать новшества: «быстро внедряются новые технологии», «никто не чурается нового, никто не чурается получить новый опыт». Полезным опрошенные посчитали и стремление вникнуть в суть вопроса, разобраться, «глубокое копание» и т.п., а также универсальность: «готовы делать не свою работу – обычно решают более широкий спектр задач. Иностранцы специалисты имеют более узкую специализацию», «сильно развито умение комбинировать – искать пути обхода, решения, которые не являются протокольными, штатными». То есть опрошенные указывали на смекалку, находчивость. Но и обращали внимание на то, что навык подобной работы может быть и минусом, потому что в долгосрочной перспективе «эффективны народы, которые больше привыкли работать формально, по инструкции» (см., например: [11]).

Также среди полезных качеств были названы: здравый консерватизм, трудолюбие, предприимчивость, образование, наука, «стойкость к неблагоприятным условиям», умение адаптироваться, самоотверженность, мужественность. Отдельно обратим внимание на то, что несколько наших собеседников выделили такое позитивное качество культуры, как появление индивидуальностей-одинок – людей, которые что-то делают вопреки инертности общества.

Среди вредных качеств были названы такие: «ищем как схитрить и сделать меньше работы»⁶; культ страданий, негативное отношение к деньгам⁷, «низкий уровень приветливости», недоверчивость, «слишком хмурые», недооценка собственной культуры, «оглядки» на чужие технологии («Кто-то придет и

поможет, кто-то знает лучше, как сделать. Следствием становится замещение создания нового на попытку перенять созданное»), а также то, что многие «живут ради быстрых побед».

В целом результат этой части исследования совпадает с нашими предыдущими исследованиями⁸. Мы фиксируем запрос на изменение социальных институтов в форме резкого отрицания консерватизма и не фиксируем «жесткого» отрицания российской культуры в целом.

Отличия российского IT-специалиста от иностранного

Наша задача – исследовать социокультурные особенности российского IT-специалиста. Для выполнения этой задачи нам важно было определить отличия российского специалиста от иностранного: есть эти отличия или их нет; позитивные они или негативные. Мы задавали вопрос нашим собеседникам: «Чем отличается российский IT-специалист от иностранного?». В целом мы подтвердили уже полученные нами результаты [12], но дополнили их и расширили наши представления об отличиях российского IT-специалиста от иностранного.

У большинства наших собеседников не вызывала затруднений задача назвать отличия российских специалистов (таблица). Часть положительных и отрицательных качеств «наследуются» от национальных особенностей. Некоторые собеседники вначале сомневались в наличии ярко выраженных отличий, но по ходу своих рассуждений они отличия обычно находили. Только шестеро либо не смогли ответить, либо указали на то, что отличий нет вовсе или они быстро стираются.

Полезные и вредные отличия российского IT-специалиста от иностранного, по мнению российского IT-специалиста

Позитивные отличия	Негативные отличия
Универсальность, смекалка, умение адаптироваться	Недостаток специальных знаний
Высокая квалификация	Стереотип о необходимости профессионального образования
Трудоголизм, упрямство	Переработки
Лень	Лень
Ориентация на результат	Ориентация на быстрый результат
Просят меньше денег – конкурентное преимущество	Не ценят себя
Высокая обучаемость	Меньшая осведомленность о том, что происходит в мире IT
Коллегиальность, способность к коллективным действиям, взаимопомощь	
Рано начинают работать – быстро набирают опыт	

К положительным отличиям российского специалиста была отнесена универсальность: «...взгляд более обширный. У иностранцев узконаправленная специализация, поэтому шаг вправо, шаг влево – и они уже не могут», а также связанные с универсальностью гибкость ума, обучаемость, смекалка: «Можем находить выходы, о которых никто не мог бы подумать»; «Главное преимущество – высокая обучаемость, обусловленная широким образованием»; «Российский джуниор сильнее, чем европейский джуниор. Быстрее схватывают. Смекалистые». Но это же качество некоторые собеседники относили к отрицательным, объясняя это тем, что широкий взгляд и универсальность образования могут иметь следствием недостаток кон-

кретных знаний: «Он, конечно, быстро схватывает, может быстро двигаться в какую-то сторону, но без должной специализации определить, в верном направлении он движется или нет, затруднительно. В целом специфика образования у нас осталась прежняя: очень широкий взгляд, легкость обучения и недостаток необходимых специальных знаний там, где они нужны».

Предсказуемо среди позитивных отличий был назван трудоголизм: «Могут прийти домой, по дороге придумать алгоритм и продолжать работать, не обращая внимания на то, что это уже нерабочее время.»; «Колоссальная работоспособность»; «Привыкли пахать – фанаты работы», а также близкое качество –

упрямство: «Это люди, которые могут двигаться вперед, вне зависимости от того, знают тему или нет. Никаких барьеров».

Также среди позитивных отличий выделяли хорошее образование, в частности математическое; высокую квалификацию: «В целом у наших специалистов более глубокая фундаментальная подготовка, их отличает старательность, креативность, стремление учиться». Среди положительных отличий выделяли и способность подстраиваться под обстоятельства: «преимущество – умение адаптироваться, обучаться в любом возрасте, незашоренность»; «Закаленные – попав в относительно легкие условия – на голову выше». Также конкурентным преимуществом называлось то, что российские специалисты раньше начинают работать, чем иностранные специалисты, и поэтому быстрее приобретают опыт.

Парадоксально, но один из собеседников к позитивным чертам отнес лень. Правда, в специфическом контексте: «...лень в хорошем смысле слова, т.е. длительное обдумывание решений, за рамками рабочего времени».

По мнению одного из наших респондентов, российский специалист не отличается от западного, но отличается от восточного специалиста, в сравнении с которым у российских специалистов выше квалификация. Для специалиста из восточных стран, отмечает собеседник, в работе процесс важнее результата, в то время как россиянин работает на результат – «задача должна быть решена». Другой опрошенный также выделяет нацеленность на результат в качестве конкурентного преимущества российского специалиста.

Среди позитивных отличий была названа коллегиальность (способность к коллективным действиям, взаимопомощь): «Очень активное сообщество – сфера очень открытая в плане готовности помочь. Большинство просто готовы помочь»⁹ (Марьяна, Москва, 30 лет). По мнению наших собеседников, для русскоязычного IT-сообщества свойственны открытость, альтруизм – члены сообщества легко откликаются на просьбу о помощи в решении задачи¹⁰. На наш взгляд, эта особенность российского IT-сообщества имеет принципиальное значение в контексте социокультурного развития и, в частности, использования исследуемого сообщества в качестве драйвера социокультурной модернизации российского общества: способность к коллективным действиям – это исключительно важная социокультурная характеристика, которая, предположительно, может способствовать накоплению бриджингового социального капитала [14] и стать условием реализации «больших» социальных проектов.

К сугубо прагматичным конкурентным преимуществам был отнесен баланс квалификации и стоимости труда: «нас любят – денег просим меньше, а возможностей отдачи больше», «наши меньше себя ценят, поэтому российское IT быстрее развивается».

К вредным качествам были отнесены русское авось в виде постоянного затягивания дедлайнов и лень, в том числе поведение с ориентацией на стабильность. Также собеседники обратили внимание на то, что иногда результат оказывается важнее качества: «быстрый выбор не всегда эффективен, а на правильный не хватает вре-

мени». Достижению хороших результатов не способствует и «корпоративное утаивание информации». Также к негативным качествам российского IT был отнесен «перекосяк в сторону получения образования». Один из собеседников обратил внимание на то, что IT уравнивает ситуацию для тех, кто получал профессиональное образование и не получал профессиональное образование в области IT. Он же обратил внимание на то, что на Западе к образованию относятся проще, потому что там большее значение имеет практика, а в российском IT больше стереотипов – например, убеждение, что для успешной работы в сфере нужно хорошо знать математику. Отдельно обратим внимание на то, что сам этот собеседник имеет профессиональное образование одного из лучших московских вузов и внушительный опыт работы в крупнейших российских и зарубежных компаниях. На наш взгляд, это принципиальный момент, который фиксирует открытость сообщества как одну из каркасных ценностей: статус, образование и происхождение не имеют значения, главное – то, что ты можешь показать.

К негативным особенностям российского IT были отнесены и переработки, и относительно медленный переход на удаленную работу российских компаний. Также собеседники упоминали некоторую инертность в принятии нового – иностранцы более осведомлены о том, что происходит в мире технологий. Возможным следствием становится то, что «самые развитые методологии приходят из иностранных компаний – получается, что наши только догоняют».

IT-специалист и политика

Одной из главных задач исследования является определение потенциала членов исследуемой группы быть активными субъектами модернизации социальных институтов российского общества. Для этого нам нужно было определить, насколько они заинтересованы в модернизации социальных институтов и готовы ли принять участие в этом процессе. Мы спрашивали наших собеседников о том, следят ли они за политикой; являются ли они активными политическими субъектами; должен ли вообще российский IT-специалист интересоваться политикой; имеет ли смысл политическая активность в современной России.

Большинство наших собеседников ответили, что следят за политикой, но часто в режиме «худо-бедно», «через раз», «так или иначе, но специально – нет», «скорее, поглядываю в эту сторону» и т.п. Большинство же участвуют в выборах, по крайней мере, иногда, но активными политическими субъектами себя не считают. Таким образом, в начале интервью собеседники, как правило, обычно обозначали свою некоторую, часто не сильно выраженную, заинтересованность в политике¹¹. Но в ходе интервью мы видели, что интерес к социальным процессам у них значительно выше, чем могло показаться вначале. Например, опрошенные говорили, что сами следят за политикой «через раз и без особого интереса» или вообще не следят, но когда речь в процессе интервью заходила о том, нужно ли человеку вообще интересоваться политикой, то большинство уверенно отвечали –

нужно. Нам важно было понять, в чем причины этого противоречия.

Неуверенное обозначение личной заинтересованности в политической жизни страны сочеталось с ярко выраженной позицией, что сама по себе политическая активность важна. Наши собеседники обращали внимание на то, что участие в выборах важно, потому что «помогает донести до власти свою позицию». Они замечали: «Когда ваши интересы представлены в правительстве, то в целом жить гораздо лучше». При этом они указывали на то, что даже полупассивное участие в принятии решений является полезным и помогает двигаться в позитивном направлении, «даже если кажется, что эффекта нет, то эффект все равно есть»¹². Многими было высказано мнение, что интересоваться политикой должен каждый человек, потому что «иначе не будет возможности влиять на происходящее в стране», некоторые даже высказали резко негативное отношение к идее неучастия: «Многие ругаются, шумят, а на выборы не ходят»; «Обязанность каждого человека с определенного интеллектуального уровня – сделать свой выбор». Предсказуемо они указывали на близкую им идею важности коллегиальности: «Должен быть коллективизм для выработки решений». Интересна позиция одного из наших собеседников, которая фиксирует естественную важность социальной активности: «Политическая активность важна – это как бороться с наркотиками, преступностью, тараканами. Поэтому нужна оппозиция, демонстрации, митинги, но не революции». На наш взгляд, именно эта позиция лучше всего описывает «средние» настроения сообщества по отношению к политической активности: социальная активность является естественной для человека и в сочетании с приоритетом эволюционного, а не революционного действия, оказывается эффективным инструментом повышения качества жизни. Но это касается важности выражения своей позиции для человека вообще. Ситуация с самими айтишниками оказалась более запутанной.

Несмотря на то что большинство собеседников отметили важность участия в политике для человека, сами же они часто говорили, что не интересуются политикой. Интересны причины, которые они называли: «Все это ни на что не влияет, все за нас решено», «считаю бессмысленным», «Я ничего изменить не смогу. Мой голос ничего не изменит». Но главная причина вовсе не «стандартный» абсентеизм, а разочарование: «Политика – это “дохлый номер”». Слежу за политикой в той мере, в какой она попадает на глаза, но стараюсь абстрагироваться, так как очень многое из происходящего сейчас очень возмущает и раздражает. Я не готова тратить на это свои моральные силы, потому что мне кажется, что сделать ничего не могу, а попусту переживать нет смысла».

Разочарование и недоверие существующим форматам демонстрации своей позиции хорошо описал один из наших собеседников. Сейчас он не интересуется политикой, но в прошлом не просто интересовался, но был активным ее участником: состоял в политической партии, принимал участие в дебатах на ра-

дио, в организации международных съездов. На вопрос о том, почему же он перестал интересоваться политикой, наш собеседник ответил, что «раньше была надежда что-то изменить – сейчас уже нет». И на вопрос о том, имеет ли смысл политическая активность в современной России, он отметил парадокс, который в некоторой степени фиксирует отношение исследуемого сообщества к политической активности в целом: «Смысл в активности есть, но надежды на результат – нет».

На вопрос, должен ли IT-специалист интересоваться политикой, большинство отвечали утвердительно и объясняли свою позицию. Среди причин назывались опасение за будущее свободного интернета, цензура и опасение изоляции российского сегмента Сети: «Программисту нужно следить за политикой, потому что если “закрутят гайки”, то это будет очень плохо – нужна связь с зарубежными ресурсами»; «Айтишники должны интересоваться политикой. Некоторые не хотят, но политика регулирует те инструменты, которыми ты пользуешься. Например, инструмент без которого я ничего не могу делать, – это интернет. Сейчас интернет планомерно ломают, качество ухудшается, доступы ухудшаются. Например, атаки на VPN¹³ – ради цензуры ломают удобство жизни» (Николай, 33 года, Москва). Также некоторые респонденты посчитали, что быть в курсе политических событий – это не просто важно для айтишника, но его обязанность: «Айтишник должен интересоваться, если не обязан. От айтишников сейчас очень многое зависит».

Однако было довольно много и тех, кто посчитал, что айтишнику интересоваться политикой не нужно. Например, один из наших собеседников выразил опасение, что «серьезная деятельность чревата серьезными разговорами с органами». Другой обратил внимание на то, что айтишнику «не полезно» заниматься политикой. Также: «Большинство айтишников задумываются о политике только в контексте пора уже собирать чемоданы или не пора?». При этом некоторые собеседники посчитали, что сфера IT в принципе вне политики: «Из моих знакомых айтишников многие только знают, кто сейчас президент»¹⁴.

Таким образом, мы увидели несколько парадоксальную ситуацию: сами опрошенные демонстрируют относительно слабую личную заинтересованность в политике, но при этом убеждены, что политическая активность важна. В этом нет противоречия, если принять во внимание то, что их запрос на участие в социальной жизни является «спящим», часто не актуализированным и сопровождается некоторым разочарованием. В одной из предыдущих работ мы предположили, что российские IT-специалисты заинтересованы в модернизации социальных институтов меньше, чем другие социальные группы. Мы считаем, что опровергли «жесткий» вариант этого нашего предположения. И подтвердили другое, предложенное в более поздней работе: у российских IT-специалистов есть запрос на модернизацию социальных институтов, который сочетается с недоверием к существующим формальным механизмам реализации этого запроса.

Декларируемый отказ от политики – это скорее маска, которая обычно спадала в ходе интервью. За маской – запрос на участие в социальной жизни общества, но наряду с этим и непонимание того, как реализовывать этот запрос. Сами наши собеседники фиксировали эту проблему следующим образом: «...политическая активность в России имеет смысл, но выбор формы – это другой вопрос»; «Не хочу быть частью того, цели чего я до конца не понимаю»; «Политическая активность имеет смысл, но мне претит поддерживать современную оппозицию»; «Политическая активность, безусловно, имеет смысл. Но нужно искать формулу». Таким образом, вопрос – в формуле.

Выводы

Для культурной идентичности российских IT-специалистов характерен симбиоз российской и западной культур. Если пытаться «жестко» определить культурную идентичность наших собеседников, то можно предложить: российская культура с сильным ценностным креном в сторону западной культуры. К положительным особенностям российской культуры,

по мнению наших собеседников, относятся мультикультурализм в формате культурной пластичности и готовности позитивно воспринимать различные культурные особенности, а также способность быстро перенимать новшества, стремление докопаться до истины и креативность. Главным отрицательным национальным качеством был назван консерватизм. Основными позитивными отличиями российского IT-специалиста от иностранного были названы универсальность, смекалка, умение адаптироваться, высокая квалификация, упрямство, трудоголизм, ориентация на результат, высокая обучаемость и, на наш взгляд, принципиальное качество, связанное со способностью исследуемого сообщества быть фундаментом социокультурной модернизации всего общества, – коллегиальность как склонность к совместному принятию решений и коллективной работе. Согласно полученным результатам, у российских специалистов в сфере IT есть запрос на участие в социальной жизни, в том числе политической, но этот запрос сопровождается разочарованием в существующих механизмах его реализации и недоверием к формальным институтам выражения своей гражданской позиции.

Примечания

¹ Включая родившихся и получивших образование в других городах, а затем переехавших в Москву.

² В том числе с увлечения компьютерными играми.

³ «Родился в СССР», «женат, есть дети» и т.п.

⁴ Однако именно в этом контексте наднациональная культура оказывалась синонимичной западной культуре.

⁵ Например, одна из собеседниц рассказала о своем увлечении современной японской культурой; другой собеседник обратил внимание на составной характер российской культуры, включающей элементы как западной, так и восточной культуры.

⁶ Приведенный пример: «Айтишники могут разработать программу, чтобы на удаленке подольше поспать». Мы не уверены, что это однозначно плохое качество – возможно, это актуализация полезного качества – смекалки.

⁷ «Я не альтруист. Я работаю ради денег. Либо ради цели». Обратим внимание на формулировку – цель становится субституту денег.

⁸ В частности, с опросом, который мы проводили на ресурсах, посвященных IT. Текст с результатами опроса на момент написания этой статьи находится на стадии рассмотрения в журнале.

⁹ В связи с этим появляется возможность под другим углом посмотреть на проблему относительно высокой вероятности эмиграции российского IT-специалиста [8]. Обычно отъезд российских специалистов за рубеж воспринимается исключительно в качестве негативного явления. Безусловно, само по себе это явление оказывает отрицательный эффект на социально-экономический потенциал российского общества. Однако сформированное активное российское сообщество IT-специалистов позволяет обратить внимание на возможные положительные эффекты: можно предположить, что уехавший специалист продолжит оставаться частью сообщества и полученный им опыт работы в иностранных компаниях будет использоваться для решения профессиональных задач других членов исследуемого сообщества – этот процесс может быть значимым с точки зрения как IT-индустрии, так и социокультурного развития российского общества в целом. Если специалист уезжает и перестает быть активным членом сообщества, то это действительно исключительно плохой вариант. Но если он уезжает, но при этом остается активным членом сообщества и делится опытом и новыми знаниями, то здесь возможны позитивные результаты.

¹⁰ То есть они наследуют идеалы техномеритократической культуры [13. С. 55].

¹¹ Но были и те, кто уверенно обозначал свой интерес.

¹² Обратим внимание на то, что автор приведенных слов ссылаясь на научные исследования, что косвенно указывает на выраженный запрос в социальном действии – они не просто выражают свою позицию, но интересуются социальными механизмами.

¹³ Virtual Private Network (виртуальная частная сеть) – технология, позволяющая организовать виртуальную сеть внутри другой сети (прим. авт.)

¹⁴ Отдельно обратим внимание на позицию, согласно которой IT-специалист должен быть вне политики. Мы обратили внимание, что «невмешательство» может быть элементом идентичности российского специалиста. Некоторые специалисты воспринимают дистанцирование от политики в качестве значимого элемента групповой идентичности. Другими словами, российский IT-специалист может не участвовать в социальной жизни не потому что не испытывает потребности или не видит смысла, но потому, что, по его мнению, неучастие – это значимая часть принимаемой им идентичности.

Список источников

1. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcome // Journal of Economic Prospective. 2006. Vol. 20. № 2. P. 23–48.
2. Henrich J. Does Culture Matter in Economic Behavior? Ultimatum Game Bargaining among the Machiguenga of the Peruvian Amazon // American Economic Review. 2000. Vol. 90, № 4. P. 973–979.
3. Landes D. Culture Makes Almost All the Difference // Culture matters: How values shape human progress. New York: Basic Books. 2000. P. 2–13

4. Gorodnichenko Y., Gerard R. Understanding the individualism-collectivism cleavage and its effects: Lessons from cultural psychology. Institutions and comparative economic development. Palgrave Macmillan UK. 2012. P. 213–236.
5. Shane S. Why do some societies invent more than others? // *Journal of Business Venturing*. 1992. Vol. 7. P. 29–46.
6. Taylor M.Z., Wilson S. Does culture still matter?: The effects of individualism on national innovation rates // *Journal of business venturing*. 2012. № 27. P. 234–247.
7. Мерзляков С.С. Российское сообщество IT-специалистов как ресурс позитивных ценностей: проблематизация вопроса // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 9. С. 46–56.
8. Мерзляков С.С. Ценностные ориентации российских IT-специалистов: пилотное исследование // *Информационное общество*. 2021. № 2. С. 2–10.
9. Сухина Т.С. Ценности движения за свободное программное обеспечение // *Философия хозяйства*. 2020. № 6 (132). С. 148–160.
10. Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Доклад «Культурные факторы модернизации» // Фонд «Стратегия 2020». 2011. URL: http://inp.ru/files/129/0_backup.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
11. Аузан А. Социокультурная экономика // *Наука и инновации*. 2017. № 2. С. 4–10.
12. Мерзляков С.С. Социокультурные особенности российских IT-специалистов // *Экономика труда*. 2020. Т. 7, № 11. С. 1037–1054.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
14. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy // *The World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15, № 2. P. 225–249.

References

1. Guiso, L., Sapienza, P. & Zingales, L. (2006) Does Culture Affect Economic Outcome. *Journal of Economic Prospective*. 20 (2). pp. 23–48.
2. Henrich, J. (2000) Does Culture Matter in Economic Behavior? Ultimatum Game Bargaining among the Machiguenga of the Peruvian Amazon. *American Economic Review*. 90 (4). pp. 973–979.
3. Landes, D. (2000) Culture Makes Almost All the Difference. In: Huntington, S.P. & Harrison, L.E. (eds) *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic Books. pp. 2–13.
4. Gorodnichenko, Y. & Gerard, R. (2012) *Understanding the individualism-collectivism cleavage and its effects: Lessons from cultural psychology. Institutions and comparative economic development*. Palgrave Macmillan UK. pp. 213–236.
5. Shane, S. (1992) Why do some societies invent more than others? *Journal of Business Venturing*. 7. pp. 29–46.
6. Taylor, M.Z. & Wilson, S. (2012) Does culture still matter?: The effects of individualism on national innovation rates. *Journal of business venturing*. 27. pp. 234–247.
7. Merzlyakov, S.S. (2020) Russian Community of It Specialists as a Resource of Positive Values: Problematization of the Issue. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 9. pp. 46–56. (In Russian).
8. Merzlyakov, S.S. (2021) Value Orientations of Russian IT Specialists: A Pilot Study. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2. pp. 2–10. (In Russian).
9. Sukhina, T.S. (2020) Tsennosti dvizheniya za svobodnoe programmnnoe obespechenie [Values of the Free Software Movement]. *Filosofiya khozyaystva*. 6 (132). pp. 148–160.
10. Auzan, A.A. et al. (2011) *Doklad "Kul'turnye faktory modernizatsii"* [Report "Cultural Factors of Modernization"]. [Online] Available from: http://inp.ru/files/129/0_backup.pdf (Accessed: 14.09.2021).
11. Auzan, A. (2017) Socio-cultural economy. *Nauka i innovatsii*. 2. pp. 4–10. (In Russian).
12. Merzlyakov, S.S. (2020) Socio-Cultural Peculiarities of the Russian It Technicians. *Ekonomika truda*. 7 (11). pp. 1037–1054. (In Russian).
13. Castells, M. (2004) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Yekaterinburg: U-Faktoriya. (In Russian).
14. Woolcock, M. & Narayan, D. (2000) Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy. *The World Bank Research Observer*. 15 (2). pp. 225–249.

Информация об авторах:

Мерзляков С.С. – канд. филос. наук, научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: merzliakovs@gmail.com

Сухина Т.С. – научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: tssmsu@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Merzliakov, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: merzliakovs@gmail.com

T.S. Sukhina, research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tssmsu@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 111
doi: 10.17223/15617793/482/10

Визуально-экологический поворот в оценке технической среды

Константин Алексеевич Очеретяный¹, Валерий Владимирович Савчук²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹*kocheretyany@gmail.com*

²*savcuk.valeri@gmail.com*

Аннотация. Излагаются основы визуально-экологического подхода в деле создания человекообразной цифровой среды. Отмечается, что человечество производит образы лучше, чем умеет их обживать. Заключается, что теории следует изменить подход к техническим образам: думать не о них, но вместе с ними, о тех техниках тела и мирах, которые они открывают, о тех критериях и требованиях, которые они выставляют.

Ключевые слова: техническая среда, визуальная экология, медиафилософия, тело, гаптика, интерфейс, образ

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Очеретяный К.А., Савчук В.В. Визуально-экологический поворот в оценке технической среды // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 98–103. doi: 10.17223/15617793/482/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/10

An imago-ecological turn in the assessment of a technical reality

Konstantin A. Ocheretyany¹, Valery V. Savchuk²

^{1,2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

¹*kocheretyany@gmail.com*

²*savcuk.valeri@gmail.com*

Abstract. An unprecedented turn is taking place before our eyes: the technical environment, having changed, participates in the substitution of the sphere of the imaginary for the sphere of the technical in the digitalization mode. Images bring us together and hold us, becoming the focus of the essence of the digital and material world. The article outlines the basics of the visual-ecological approach in creating a human-sized digital environment. By giving ourselves to interfaces and their technical requirements, we hope that we have won freedom, time, life. In fact, we can lose everything if the images we create quantitatively express our technological capabilities to a greater extent than qualitatively deepen our own human experience. We find ourselves in a situation similar to the archaic one, when a person, through the rituals and techniques invented by him, tamed his own dreams, his fantasies, and through them himself, pacifying the demons of imagination. Today, technical images are more insatiable than archaic demons because they claim a massive intensification of experience, but at the same time lead to an explosion of the imaginative, to burnout, chronic disinterest, to boredom. We produce images better than we know how to inhabit them. We have industrial technologies for their creation, but there are no body techniques adequate to their living. Theory should change its approach to technical images: think not about them, but together with them, about those techniques of the body and the worlds that they discover, about the criteria and requirements that they set, about where they direct our desires and where they inspire our dreams. It is assumed that, in order to understand the potential of visual ecology, one should take into account a number of methods related to the interpretation of bodily experience: (1) the method of topological reflection. The digital image apparently removes one of the fundamental interactions of the Universe – gravitational. We cannot resist the attraction of the digital image until we recreate it for understanding at the conceptual level, until we recreate the context and connect the growth of digital suggestion with the possibilities of the environment; (2) the method of somatic epistemology. The body is a graveyard of signs, it bears meta processes from which it is already culturally and technically excluded, but they continue to work, they constitute the cultural archive of the body, and new technologies do not specifically respond to practical intentions, but to the actualization of archived experience, which suddenly becomes important in a new environment; (3) the method of empirical construc-

tivism: thinking through the evolutionary conditions of digital objects, the principle of their construction from information data in the world of algorithms and glitches, taking into account the peculiarities of human experience.

Keywords: technical reality, visual ecology, media philosophy, body, haptics, interface, image

Information about financing: The research was made with the financial support from the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00046: The Definition of Criteria for Visual Pollution of the Environment, SPbU.

For citation: Ocheretyany, K.A. & Savchuk, V.V. (2022) An imago-ecological turn in the assessment of a technical reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 98–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/10

Кризис имажинативного изобилия

Вопрос о встроенности тела в среду – вопрос экологии, но техническая среда – это еще и среда, где связи между объектами предписаны техническими и культурными критериями. Насколько медиа расширяют и насколько подавляют нашу чувственность? Не вырывают ли нас требования технологий и особенно цифровой культуры из нашего же собственного тела, вызывая болезненный паралич воли, дисфункцию настроений, невозможность присутствия в полноте настоящего. Все эти вопросы важны именно в современном контексте, когда имажинативный фактор отождествляется с прагматикой повседневности. Мы участвуем не столько в производстве событий и значений, сколько в производстве образов, которые для нас и становятся подлинными событиями и значениями, однако насколько эти образы выражают нас, наш подлинный опыт, насколько они являются инструментом конкретизации, уточнения идей, интенсификации чувства жизни, углубления проживаемого опыта.

Современные города наполнены избыточными образами – они аффективны, ультимативны, императивны [1. С. 144–159]. Городское пространство стремится к плоскости, поскольку, ориентированное на билборды и размещение брэндов, оно превращает свои улицы в коридоры, из которых на нас смотрит рекламой чужое желание. Стигматизированное рекламой сознание городского обывателя распознает эти характеристики как насилие и, не умея с ним бороться, уходит в мобильный гаджет. Здесь образы не столько наличны, сколько подручны, а планшет и смартфон становятся полигоном груминга, поглаживания образа, заигрывания с ним. Мы превращаем большого Другого в своего – маленького, карманного. Однако можно вспомнить, что у людей, как у животных, груминг и кормление – не только средство психологической разрядки, но и форма зависимости. Техническая среда настойчиво стремится к экранной форме репрезентации, к цифровым технологиям создания визуального образа: существе сливается с потоком электронных образов. Но экранная фактичность актуального не приводит к осознанности – в какой-то момент мы сами обнаруживаем себя под стеклом, поскольку взаимодействие посредством цифровых образов оказывается взаимодействием цифровых образов посредством людей. Избыточность и суггестия цифровой информации влечет за собой одиночество, разобщенность ее потребителей. Проблемы одиночества и разобщения, которые заявили о себе, как только люди впервые в

своей истории стали жить отдельно, метко описал Сол Беллоу в начале 60-х гг. XX в.: «...заточенные в своих комнатах одинокие ньюйоркцы повадились звонить в полицию за помощью: “Ради Бога, пришлите наряд! Пришлите кого-нибудь в камеру! Спасите меня. Потрогайте меня. Придите. Пожалуйста, придите кто-нибудь”» [2. С. 205–206]. Сегодня, думая, что, выходя с улицы в интернет мы автоматически попадаем в сферу свободы и творчества, мы совершаем ошибку, мы превращаем улицу в приложение к приложению, не делаем ее подручной, а просто уходим с полигона общего дела, общей ответственности, гражданского самосознания в галлюцинирование цифрой. Если мы не ототрефлексируем сегодня факторы, ведущие к необходимости становления новой дисциплины – медиаэкологии, т.е. установления того, что повышает и что снижает возможности человека в мире цифровых образов, мы не выстроим актуальную стратегию выживания в цифровой реальности, а визуальным мусором захлебнуться не сложнее, чем бытовым.

В 1992 г. археологи обнаружили в Юго-Восточной части Алжира ряд петроглифов, датируемых от VII в. до н. э. до VII в. н. э., в том числе было найдено древнее изображение, получившее название «грибной шаман с пчелиным лицом». Во времена его создания плато Тассилин-Аджер еще не было пустынным, а местные жители находились в стадии одомашнивания скота. Интерес в изображении представляет, однако, не столько пчелиное лицо или грибы, растущие из тела шамана, сколько то, что он окружен и оплетен абстрактными изображениями, которые сменили «первобытный реализм». Шаман заморожен властью абстракций. В 1981 г. британский археолог Эндрю Шеррат ввел концепт революции вторичных продуктов, понимая под ним технологическую и экономическую перестройку, навсегда изменившую жизнь древних сообществ. Вместо того чтобы забивать животных ради мяса («первичное использование ресурса»), «скотоводы стали держать их для получения возобновляемых вторичных продуктов, таких как молоко, сыры, шерсть, а также для транспорта и тяги» [3. С. 138]. Но не являются ли технические образы таким же побочным продуктом, который нам еще только предстоит освоить? Отсюда ряд исследовательских вопросов:

1. Что если мы пойдем дальше и предположим, что революция вторичных продуктов изначально – это умение использовать вторичный продукт сознания как первичный? Человек твердо встал на ноги, когда приручил свои сны, галлюцинации, образы, когда абстракции оплели его, но не запутали, став

своеобразной второй кожей – защитным скафандром для погружения в имажинативные бездны. Но то были сны человека – возвращение вытесненного, но не абсолютно чуждого. Сегодня наши фантазии стимулируются не голоданием или наркотиками, как в архаике, а технологиями.

2. Что если техника настолько умножает силы воображения, что они перестают принадлежать нам? Ведь прогнозируемая четвертая промышленная революция с ее технологиями распределенного реестра, нейросетей, 3D-печатью и большими данными угрожает сделать алгоритмические решения технически верными, но непроницаемыми для человеческого мышления. Действия будут опережать смысл. То же характерно и для образов – технически продуцируемые образы нужно будет приручать так же, как человек приручил когда-то собственные сны?

3. Как приручить сны, рожденные не столько в коллективном опыте, но в технологиях четвертой промышленной революции, в сети и цифры? Что если новый Бог смотрит на нас не из коллективного сна (или мечты) человечества, но из больших данных – следов, оставленных не столько нами, сколько нашими технологиями?

Потенциал визуальной экологии

Визуальная экология анализирует господствующие образы, которые незримо входят в конструкцию взгляда, дисциплинируя его и принуждая вначале предвидеть мир определенным образом, а затем и создавать его, «нематериальное активно, а материальное пассивно» [4. С. 387]. Внимание к активности контекста, природе, сопричастности истории инициировано ответственностью за будущее. Отсутствие экологии медиа равносильно отсутствию контекста, они вызывают тактильную или визуальную депривацию, увеличение визуального мусора, помех восприятия и чувствования, не позволяя человеку входить в общее поле коммуникации, подменяя социальные связи техническими императивами. Отсутствие экологического подхода к медиа – невозможность мирного существования с созданной нами же техникой. Нам еще предстоит освоить те образы, которые мы создаем, иначе они создадут среду избыточной тревожности или тотальной скуки: пока скорее мы своей активностью, динамикой жизни питаем созданные с помощью новых технологий образы, а не они нас. В условиях интенсификации жизни они, напротив, должны стать пластическими средствами, необходимым рекреационным ресурсом. Какие для этого должны быть соблюдены условия? Технические образы модифицируют техники тела и тотально изменяют прагматику жизни. Что бы мы не видели, мы вкладываем в это видение наше тело: пространственная ориентация, доступные варианты движения, арсенал телесных практик. Мы видим то, к чему подогнаны эволюционной гонкой, видим из нашего биологического прошлого. Но технологии укоренены в будущем, следовательно, мы вкладываем в создаваемые ими образы прошлую психофизиологическую динамику соб-

ственного тела в тот самый момент, когда они ее скрыто модифицируют для будущего. В Сети и цифре мы можем не встретиться с собственным телом, а это приведет к неконтролируемому росту спекулятивных псевдосущностей – ничего не дающих и много требующих. Таким образом, для понимания потенциала визуальной экологии следует учесть ряд методов, связанных с интерпретацией телесного опыта:

1. Метод топологической рефлексии. Цифровой образ, по-видимому, убирает одно из фундаментальных взаимодействий Вселенной – гравитационное. Мы не можем сопротивляться притяжению цифрового образа, пока не воссоздадим его для осмысления на концептуальном уровне, пока не воссоздадим контекст и не свяжем рост цифровой суггестии с возможностями среды.

2. Метод соматической эпистемологии. Тело – кладбище знаков, оно носит на себе меты процессов, из которых уже культурно и технически исключено, но они продолжают работать, составляют культурный архив тела, а новые технологии часто отвечают не практическим намерениям, а актуализации архивированного опыта, вдруг становящейся важной в новой среде.

3. Метод эмпирического конструктивизма; продуцирования эволюционных условий цифровых объектов, принципа их конструктивирования из информационных данных в мире алгоритмов и глитчей с учетом особенностей человеческого опыта.

Проблема критериев

Обратим внимание на следующий факт: теология не превратилась в ретроградную безопасную область знания после кантовской или ницшеанской критики, но стала одним из источников интеллектуальной и социально-политической перестройки общества в новое время [5]; фактически она имплицитно вошла и в технологию, через дисциплину, отношение к труду, новой организации опыта. Технологические требования заменили теологические (и сегодня от технологий мы ждем то откровения, то спасения, то бессмертия), одновременно с этим теология утратила монополию на истолкование образов, а образ с начала интеллектуальной революции XVI в., все больше уходя из-под власти теологии, снова стал неприрученным, технологически усиленным и вышел на улицы, поразил нововозникшие массы, надолго изменив их жизнь – ввергнув в медиареальность. Технический образ и социальные массы – современники и симбиоты. В XIX в. конвейерное производство, счетно-аналитические машины, умножение печатных фотографических, графических форм обусловили новую субъективность, технологически модифицированное «Я», в котором опыт преломлялся как собственный. В XX в. кино учло опыт оптических медиа и стало инструментом конструирования действительности с учетом возросшего потока образов. Фактически оно готовило человека к новому визуальному опыту и становилось инстанцией вкуса. В XXI в. такие инновации, как компьютерные интерфейсы, передали возникшие в

кино технологии монтажа – ускорение и замедление, увеличение и уменьшение кадра, фильтрации и интеракции – в руки пользователя, вдохновив на возникновение новых техник заботы о себе. Ответственность за экологический баланс медиа также была отдана в руки пользователя, который оставался таким только по названию, в действительности ему надлежало быть конструктором новой реальности и монтажером нового опыта. Интерфейсы как бы позволяли экранировать опыт, разместить его на рабочем столе, и посредством различных программ – осуществить деконструкцию. Однако чем больше предоставляют нам интерфейсы – тем больше они требуют от нас [6. С. 166–193]. Мы должны переключить внимание и мыслить не над цифровыми образами, но вместе с ними. Чтобы обжить цифровой образ, недостаточно разместить его на экране, под защиту интерфейсов. Его необходимо впустить в свое тело и выработать адекватные его проживанию техники тела: поведенческие, ментальные, социальные, инструментальные и т.д. Поскольку технологическая революция требует контрреволюции вторичных продуктов, или неутилитарных техник, одна из ключевых антропотехник здесь – компьютерная игра [7. С. 66–77]. Именно она может стать одной из ключевых платформ для проектирования медиаэкологических технических образов и цифровых оболочек. Отнесемся к играм всерьез и рассмотрим решаемые ими экологические проблемы цифрового образа.

1. Цифровой образ квазитактилен, он претендует задеть, но сам не поддается касанию, мы обречены скользить по стеклу экрана, и чем меньше мы касаемся образа, тем больше сами открыты для затронутости им. По аналогии с концептами «образ-движение» и «образ-время» Ж. Делеза, используемыми для аналитики опыта кино, А. Ленкевич вводит концепт «образ-прикосновение», который открывает за оптическим ресурсом особый – гаптический, рудиментарный для современного человека, но могущий быть актуализированным через технологии управления и контроля цифровых образов [8. С. 141–165]. Жизненный мир в этических, но и этических координатах лежит между затронутостью и ответным касанием [9. Р. 330–335], поэтому гаптика игровых контроллеров фактически возвращает потерянное измерение для коллективного взаимодействия в цифры. Через адекватное цифровой среде и психофизиологии человека энергоемкое и стрессоустойчивое использование тактильности мы способны наметить этику цифрового дизайна, как ранее ставили вопросы об этике промышленного дизайна [10. 75–79].

2. Если цифровые технологии изменяют всю социальную среду [11. С. 14–38], то игры изменяют использование инструментов, превращая их из средств производства (а значит, и из средств дисциплины, принуждения, необходимости) в средства понимания (а значит, произвола), а потому изменяют отношение к цифровому образу, позволяют сообществам консолидироваться, восстанавливают в правах опыт на уровне эмоционального сопричастия общему деланию

и видения конечной цели, а потому выступают средством исследования антропологического капитала, высвобожденного новой технологической эпохой, чем может пользоваться или злоупотреблять (при упущении экологического аспекта работы с образом) медиаобразование [12. С. 83–86].

3. Поскольку в настоящий момент цифровой образ при отсутствии должных практик его освоения либо погряз в интерпретациях, либо становится объектом наивного верования, игры, выявляя сильные и слабые стороны тех или иных возрастов, т.е. используя сам возраст как капитал [13. Р. 7–27], позволяют сохранять баланс между многозадачностью, адаптивностью, действием и обратной связью. Тем самым, цифровые образы можно приручать в коллективном взаимодействии, используя ресурсы всех поколений, как когда-то архаические образы снов и галлюцинаций приручались одновременно в загадках и мифах (спекулятивный ресурс прошлых поколений), а также в хороводах, состязаниях, играх (практика молодости и доступных ей сил).

4. Попутно решится важная экологическая проблема старения населения Земли (увеличение среднего возраста). Мы стареем из-за образов, которые видели. Они наделяют нас избыточным опытом: мы видели все пороки и все катастрофы, как и все радости и удачи, но насколько это видение совпадает с полноценным присутствием в событии [14. С. 20–33]? Библейские патриархи умирали старыми и пресыщенными жизнью – мы же, с одной стороны, вечно неопытны, а с другой – уже все видели. Когнитивный капитализм технологически ориентирован на перегрузку внимания и производство прибавленных эмоций [15. С. 563–568]. Визуальная экология цифровой среды может противодействовать этой тенденции. Совместить опыт и знания разных поколений в игровом взаимодействии – это борьба с пресыщенностью жизнью, ради баланса прошлых знаний и нового опыта.

5. Компьютерные игры, участвуя в развитии искусственного интеллекта [16. Р. 203–218], модифицируют и естественный интеллект под понимание искусственных условий [17. С. 162–178]. Поскольку мы взаимодействуем с цифровой средой не только, чтобы сделать нечто, но и для того, чтобы пережить эмоцию от сделанного, а эмоции зачастую обуславливают поведение и привязаны к образам продуктом цифрового воображения, то игры учат работать с эмоциями, высвобожденными новыми технологиями. Через научение контролю эмоций, усиленных аттрактивностью технического образа, увеличивается пластичность социального тела, что, конечно, отражается и на экономических процессах, которые во многом основаны на доверии, солидарности, поиске консенсуса.

Для восприятия новых образов нам нужны техники работы с телом и сознанием, адекватные новой технологической среде, – примером этому служат компьютерные игры и те практики, которые переходят из них в неигровые контексты.

Визуальная экология не есть экология исключительно иконического ресурса, напротив, она говорит

о гармонии акустического, тактильного и интерактивного для создания благоприятной визуальной среды. Следовательно, визуальная экология ставит проблему ответственности за контекст образов, за осмысленность организации пространства и последствия используемых технологий для имажинативного благополучия – коль скоро воображение не только наш друг, но и враг. Она требует решимости в приручении образа: борьбы, репрессии произвола и запрета (например, как запрет наружной рекламы в Сан-Паулу). Она претендует избавить техническую интеракцию с образами от эксплуатации касания и, сместив внимание, сосредоточится на задетости. Если человек стремится обрести новую «кожу» в электронных медиа, она должна быть не только его за-

щитой от опыта, но и проводником в непосредственный опыт. Парадоксально, но перманентный поток цифровых образов увеличивает вместе с разнообразием и скуку уже виденного. Скука – это верный признак отсутствия боли, нашего принципа гравитации, неощущение ее ведет к утрате воли вынести повседневность. Визуальная экология должна учесть и значение негативного в вызванной технологиями ситуации принудительной эйфории: на смену скорости, адаптивности, интерактивности и т.д. (все это скорее технические, чем человеческие критерии) в проектировании и тиражировании цифровых образов должны прийти вопросы о том, как они модифицируют воображение человека, как обживают его тело и в какие миры вводят.

Список источников

1. Николаева Ж.В. Черта идентичности: становление города // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 1 (21). С. 144–159.
2. Беллоу С. Герцог. М.: Панорама, 1992.
3. Манко Дж. Как заселялась Европа. От первых людей до викингов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 441 с.
4. Лейбниц Г.Ф. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3.
5. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. СПб. Издательство Института Гайдара, 2018.
6. Очеретяный К.А. От бихевиориального дизайна к благоговению перед жизнью: политики заботы для цифровой среды // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 2. С. 166–193.
7. Очеретяный К. А. Компьютерные игры: формы цифрового опыта // *Вопросы философии*. 2019. № 11. С. 66–77.
8. Ленкевич А.С. «Ты в своем теле?!». Исследование биополитического дизайна интерфейсов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 2. С. 141–165.
9. Boothroyd D. Touch, time and technics: Levinas and the ethics of haptic communications // *Theory, Culture and Society*. 2009. № 26 (2–3). P. 330–335.
10. Флюссер В. Существует ли этика промышленного дизайна? // О положении вещей. Малая философия дизайна. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 75–79.
11. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–38.
12. Савчук В.В. Медиаобразование – эпифеномен цифровизации // *Вопросы философии*. 2020. № 5. С. 83–86.
13. Iversen S. Play and Productivity: The Constitution of Ageing Adults in Research on Digital Games // *Games and Culture*. 2014. № 11 (1-2). P. 7–27.
14. Ленкевич А.С. На пути к медиаэстезису: производство присутствия в компьютерных играх // *Международный журнал исследований культуры*. 2019. № 1 (34). С. 20–33.
15. Kolesnikova D.A. The economy of attention in the age of mental capitalism // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и Конфликтология*. 2019. № 35 (4). С. 563–568.
16. Fizek S. Automation of Play: Theorizing Self-playing Games and Post-human Ludic Agents // *Journal of Gaming & Virtual Worlds*. 2018. № 10 (3). P. 203–218.
17. Латыпова А.Р. Между метафорой и глитчем: цифровая эволюция медиа // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 2. С. 162–178.

References

1. Nikolaeva, Zh.V. (2021) The Identity Feature: The Emergence of the City. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 6:1 (21). pp. 144–159. (In Russian).
2. Bellow, C. (1992) *Gertsog* [Duke]. Moscow: Panorama. (In Russian).
3. Manco, J. (2019) *Ancestral Journeys: The Peopling of Europe From the First Venturers to the Vikings*. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russian).
4. Leibniz, G.W. (1984) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
5. Agamben, G. (2018) *The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russian).
6. Ocheretyanyy, K.A. (2021) From Behavioral Design to Reverence for Life: Care Policies for the Digital Environment. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3 (2). pp. 166–193. (In Russian).
7. Ocheretyanyy, K.A. (2019) Computer Games: Forms of Digital Experience. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 66–77. (In Russian). doi: 10.31857/S004287440007354-4
8. Lenkevich, A.S. (2021) “Are You in Your Body?!”. The Study of Biopolitical Interface Design. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3 (2). pp. 141–165. (In Russian).
9. Boothroyd, D. (2009) Touch, time and technics: Levinas and the ethics of haptic communications. *Theory, Culture and Society*. 26 (2–3). pp. 330–335.
10. Flyusser, V. (2016) Sushchestvuet li etika promyshlennogo dizayna? [Is there an ethics of industrial design?]. In: Kurennoy, V. (ed.) *O polozhenii veshchey. Malaya filosofiya dizayna* [On the state of affairs. Small design philosophy]. Moscow: Ad Marginem Press. pp. 75–79.
11. Trufanova, E.O. (2021) Private and public in the digital space: Blurring of the lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3 (1). pp. 14–38. (In Russian).
12. Savchuk, V.V. (2020) Media Education – Epifenomen of Digitalization. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 83–86. (In Russian). doi: 10.21146/0042-8744-2020-5-83-86
13. Iversen, S. (2014) Play and Productivity: The Constitution of Ageing Adults in Research on Digital Games. *Games and Culture*. 11 (1-2). pp. 7–27.

14. Lenkevich, A.S. (2019) On the Way to Media Esthesis: Production of Presence in Computer Games. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1 (34). pp. 20–33. (In Russian).
15. Kolesnikova, D.A. (2019) The economy of attention in the age of mental capitalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya*. 35 (4). pp. 563–568. (In Russian).
16. Fizek, S. (2018) Automation of Play: Theorizing Self-playing Games and Post-human Ludic Agents. *Journal of Gaming & Virtual Worlds*. 10 (3). pp. 203–218.
17. Latypova, A.R. (2020) Between Mutation and Glitch: Digital Evolution of Media. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57 (2). pp. 162–178. (In Russian). doi: 10.5840/EPS202057228

Информация об авторах:

Очеретяный К.А. – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kocheretyany@gmail.com

Савчук В.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: savcuk.valeri@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.A. Ocheretyany, Cand. Sci. (Philosophy), senior lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kocheretyany@gmail.com

V.V. Savchuk, Dr. Sci. (Philosophy), professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: savcuk.valeri@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2022;
одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 26.04.2022;
approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/482/11

Хроника государственных объединений на территории России в период Революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.)

Василий Павлович Зиновьев^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет

² Тюменский государственный университет
^{1, 2}vpz@tsu.ru

Аннотация. Приведена хроника создания государственных образований в России в период Революции 1917 г. и Гражданской войны. Автор включил в хронику 150 государственных образований, в том числе 63 советских, 55 антисоветских (белогвардейских и буржуазно-националистических), 18 марионеточных режима интервентов, 7 крестьянских и партизанских республик, 4 демократических режима и 3 феодальных государства. Хроника открыта для уточнения и дополнений.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, государственные образования

Источник финансирования: работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Благодарности: автор благодарен профессору Томского государственного университета Н.С. Ларькову за ценные поправки и уточнения

Для цитирования: Зиновьев В.П. Хроника государственных объединений на территории России в период Революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 104–112. doi: 10.17223/15617793/482/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/11

A chronicle of state associations on the territory of Russia during the Revolution and the Civil War (1917–1922)

Vasily P. Zinoviev^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
^{1, 2}vpz@tsu.ru

Abstract. The article analyzes the collapsing of the Russian Empire and the formation of the Union of Soviet Socialist Republics. The process is presented as a chronicle of the creation and liquidation of state formations from 28 February 1917 to 30 December 1922 on the territory of the country, including Poland, Finland and the territories of Turkey and Austria, where Russian troops were stationed. The chronicle records the formation of 150 different authorities that claimed to be all-Russian or regional power, organized by Russian political forces or interventionist troops. The chronicle is based on information from encyclopedias and reference books. Statistics on the creation of organizations show that state construction was most intensive in 1917 (24 new formations were created), 1918 (60), and 1919 (22). During this three-year period, Anti-Bolshevik forces were more active than others and formed 50 governments, interventionists formed 17 governments, the Soviet authorities established 31 states. Some governments claimed the all-Russian status -- the Omsk government of Alexander Kolchak, the Special Meeting of Anton Denikin, the Government of the South of Russia of Pyotr Wrangel. The governments of the RSFSR, Ukraine, Belarus, Lithuania, Finland, Poland, Latvia, Estonia, Georgia, Azerbaijan, Armenia, Khiva and Bukhara had nationwide claims. Most of the governments were regional and opportunistic, formed by local political and military circles, which were supported by the Whites, the Reds, or the interventionists. In 1920–1922, anti-Soviet forces were able to organize 4 governments, the interventionists 1, the construction of Soviet state structures was confidently underway = 32 states of different levels and 3 democratic state structures were created in the Far East under the control of the Bolsheviks. The result of state construction on 30 December 1922 recorded 7 sovereign states (USSR, Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, the Tannu-Tuva People's Republic) and two governments without territory – the Belarusian People's Republic

and the Karelian United government in Vyborg. The Soviet Union was a unique, extremely complex state entity: it included 4 union republics – the RSFSR, the Transcaucasian Socialist Federative Soviet Republic, the Ukrainian SSR, the Belarusian SSR. The Transcaucasian SFSR consisted of the Azerbaijani SSR, the Armenian SSR and the union of the Georgian SSR and the Abkhaz SSR. In addition, formally, the Soviet Union did not include two People's Soviet republics – Bukhara and Khorezm, with which the RSFSR had union treaties. The USSR included 2 labor communes, 8 autonomous republics and 12 autonomous regions. The basis of Soviet state-building was the principle of national self-determination. The Soviet experience of assembling a single state is now in demand again due to the growth of nationalism on the territory of the former USSR and the desire of Russia's geopolitical opponents to use it to destroy the country and seize its resources.

Keywords: Revolution of 1917, Civil War, state formations

Financial support: The work was carried out with the support of a grant from the Government of the Russian Federation, Project No. 075-15-2021-611: Man in the Changing Space of the Urals and Siberia.

Acknowledgements: The author is grateful to N.S. Larkov, professor of Tomsk State University, for valuable corrections and clarifications.

For citation: Zinoviev, V.P. (2022) A chronicle of state associations on the territory of Russia during the Revolution and the Civil War (1917–1922). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 104–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/11

К 100-летию юбилею Союза Советских Социалистических Республик актуализировалась общественная дискуссия о форме государственного строительства социалистического государства на месте распавшейся империи Романовых. На фоне борьбы за консолидацию постсоветского пространства ожесточенной критике подвергается ленинская стратегия построения союза равноправных государств. Многими современными публицистами, юристами, историками в этой связи подвергается критике право наций на самоопределение, включенное в советские конституции, якобы разрушительно воздействовавшее на территориальную целостность СССР. Полагаю, что это конъюнктурное явление, вызванное конкретной ситуацией и конкретной государственной политикой России. Само по себе право ничего не может разрушить, для его реализации нужны заинтересованные акторы, глубокие причины, содействующие факторы.

Распады таких мощных держав, как Российская империя и Советский Союз, имели всемирный резонанс, анализировать причины и последствия этих глобальных катастроф очень важно, но в данный момент больший интерес для государственной политики Российской Федерации должен иметь опыт собирания страны во время и после Гражданской войны. Обширное пространство Урала и Сибири пережило вместе со всей страной период Гражданской войны, время распада на ряд государственных образований, претендовавших на региональную или общероссийскую власть либо представлявших интересы марионеточных режимов. Сложность задачи собирания страны можно понять, только получив представление о количестве и разнообразии государственных образований на территории распавшейся империи. Целью настоящей статьи, собственно, и является попытка реализовать эту возможность – составить хронику и статистику создания государств и правительств на бывшем имперском пространстве с 1 марта 1917 г. до образования 30 декабря 1922 г. единого государства – СССР.

Основой для составления хроники стали справочные издания – Большая российская энциклопедия (электронный вариант), Большая советская энциклопедия (электронный вариант), Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия [1]. В редких случаях факты взяты из других источников и исследовательской литературы [2–4].

В хронику включены факты создания государственных образований советского типа, антисоветские (антибольшевистские) правительства, организованные белогвардейцами и буржуазными националистами, марионеточные властные образования, сформированные интервентами, демократические режимы, образованные социалистическими партиями, крестьянские и партизанские «республики», феодальные государства, дожившие до революции, – Российская империя, Хивинское ханство и Бухарский эмират. Всего в хронику вошли факты образования 150 различных властных форм – правительств, представительных организаций, диктатур.

В статью о факте образования государственного органа власти включена информация о его названии, даты функционирования, центр (столица), политическая ориентация, источник информации. Основные показатели хроники сведены в таблицу.

Организации распределены по годам образования и по политической ориентации, поскольку появление государств являлось следствием гражданского конфликта. Последняя квалификация достаточно условна, так как состав правительств и их политическое направление менялись. Антисоветскими были как марионеточные власти, организованные интервентами, так и буржуазно-националистические образования.

Статистика создания организаций показывает, что государственное строительство шло наиболее интенсивно в 1917 г. – создано 24 новообразования, в 1918 г. – 60, в 1919 г. – 22. При этом активнее других действовали антибольшевистские силы, сформировавшие за три года 50 правительств, и интервенты – 17 правительств. Советские власти образовали за 3 года 31 государство.

Государственные образования на территории России в 1917–1922 гг.*

Годы	Советские	Антивоветские	Марионеточные	Крестьянские	Демократические	Феодалные	Всего
1917	5	14	2	3	–	3	27
1918	19	29	9	2	1	–	60
1919	7	7	6	2	–	–	22
1920	12	3	1	–	3	–	19
1921	10	1	–	–	–	–	11
1922	10	1	–	–	–	–	11
Итого	63	55	18	7	4	3	150

*Составлено по хронике государственных образований в России.

Некоторые правительства претендовали на общероссийский статус – Омское правительство А.В. Колчака, Особое совещание А.И. Деникина, Правительство Юга России П.П. Врангеля. Общенациональные претензии были у правительств РСФСР, Украины, Белоруссии, Литвы, Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджана, Армении, Хивы и Бухары. Большинство же правительств были региональными и конъюнктурными. Политические силы образовывали органы региональной власти порой на месяцы и даже недели. Первые слабые советские органы власти, как правило, устранялись националистами, антибольшевистскими силами, интервентами на окраинах России сравнительно легко, затем шел обратный процесс возвращения советской власти уже на более прочной основе. Политическая окраска властей не ограничивалась белыми и красными. Образовывались партизанские республики, чаще всего поддерживавшие советскую власть – Степно-Баджейская и Тасеевская в Енисейской губернии, Рудобельская в Белоруссии, Баштанская в Херсонской губернии, Забулачная в Казанской губернии, Военно-народный совет в Семиреченской области, Комитет освобождения Черноморской губернии. Кстати, самая крупная партизанская «держава» – Нестора Махно – в список не попала из-за отсутствия какой-либо оформленной власти.

В 1920–1922 гг. антивоветские силы смогли организовать 4 правительства, интервенты – 1. В это же время уверенно шло строительство советских государственных структур: создано 32 государства разных уровней и 3 демократических госструктуры на Дальнем Востоке под контролем большевиков.

Итог государственного строительства на 30 декабря 1922 г. зафиксировал 7 суверенных государств (СССР, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Танну-Туvinская народная республика) и два правительства без территории – Белорусская Народная Республика и Карельское объединенное правительство в Выборге. Советский Союз был уникальным, исключительно сложным государственным образованием: он включал 4 союзных республики – РСФСР, ЗСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР. Закавказская федерация состояла из Азербайджанской ССР, Армянской ССР и союза Грузинской ССР и Абхазской ССР. Кроме того, формально в Советский Союз не входили две народные советские республики – Бухарская и Хорезмская, с которыми РСФСР имела союзные договоры.

Национальное многообразие отразилось в формировании автономных государственных образований. Сохранились две трудовые коммуны – немцев Поволжья и Карельская в составе РСФСР. Сформировалось 7 автономных советских социалистических республик в составе РСФСР – Башкирская, Татарская, Киргизская, Горская, Дагестанская, Крымская, Туркестанская и в составе Грузинской ССР Аджарская, 11 автономных областей в составе РСФСР – Чувашская, Калмыцкая, Марийская, Вотская, Бурят-Монгольская, Монголо-Бурятская, Карачаево-Черкесская, Якутская, Кабардино-Балкарская, Ойратская, Чеченская, в составе Грузинской ССР Южно-Осетинская.

Всего в СССР формально вошли 30 государственных образований из 150 функционировавших в 1917–1922 гг. Очевидно, что союзный договор 1922 г. зафиксировал промежуточный итог советского государственного строительства, которое шло все годы существования СССР. В основу государственного строительства был положен принцип национального самоопределения. Сейчас он критикуется как разрушительный для общего государства. Но могло ли быть иначе в то время и может ли принцип самоопределения наций игнорироваться сейчас? Полагаю, что на оба вопроса правильный ответ – нет, не может. Поддержав принцип самоопределения народов, большевики получили в союзники национальные демократические силы, что помогло им победить в Гражданской войне сторонников единой и неделимой России – участников Белого движения, интервентов и национальные буржуазно-феодалные круги. Энергия национализма была направлена на созидание – развитие экономики и культуры национальных окраин России. Гибкая национальная и региональная политика позволила сохранить пространство Урала, Сибири и Дальнего Востока как залог будущего развития России.

Политика поддержки национальных культур не стала серьезным барьером на пути формирования единого советского народа на основе единой идеологии, славянской культуры и русского языка пока существовала единая цель и единые задачи для всех народов СССР. Была построена вторая индустриальная держава мира, одержана победа в Великой Отечественной войне. Догматизм и бездарность партийной элиты 1950–1980-х гг. привели к утрате коммунистической идеологии и интернационализма в идеологии, а затем и в политике КПСС.

Это стало причиной возрождения национализма и распада СССР. Однако Россия сохранила главное – пространство и ресурсы. Именно они являются целью

ангlosаксов и Евросоюза в современном конфликте на Украине. Украинские националисты являются лишь передовым отрядом и расходным материалом евронацистов и империалистов США в борьбе за ре-

сурсы Евразии, без которых невозможна мировая гегемония. Россия, как и сто лет назад, вновь стоит перед задачей собирания и сохранения своей исторической территории.

Хроника

1. Хивинское ханство. 1512 г. – апрель 1920 г. Столица – Хива. **Феодалное** (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 634. Далее – Энциклопедия).
2. Российская империя. 1721 – 1(14) сентября 1917 г. столица – Санкт-Петербург (с 1914 г. – Петроград), Москва – 1728–1632 гг. **Феодалная** (БРЭ. Российская империя. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3515457?).
3. Бухарский эмират. 1756 г. – 2 сентября 1920 г. Столица – Бухара. **Феодалный** (Энциклопедия. С. 82–83).
4. Петроградский совет рабочих депутатов (с 1(14) марта – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов – Петросовет). 28 февраля (13 марта) – 16(29) июня 1917 г. Резиденция – Таврический дворец в Петрограде. **Советский** (БРЭ. Петросовет. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3136898?).
5. Временное правительство. 1(14) марта – 17(30) ноября 1917 г. **Буржуазное** (БРЭ. Временное правительство. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2333601?).
6. Центральная Рада. 4 марта 1917 г. – 29 апреля 1918 г. 9(22) января 1918 г. провозглашена независимость Украинской народной республики (УНР). Центр – Киев. **Буржуазно-националистическая** (БРЭ. Украина. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4217406?>).
7. Всероссийский центральный исполнительный комитет. 16(29) июня 1917 г. – 10(23) января 1918 г. Центр – Петроград. **Советский** (БРЭ. ВЦИК. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2334710?).
8. Литовская республика. Июнь 1917 г. – 21 июля 1940 г. Столица – Каунас. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 333–334).
9. Тариба Литовская. 18–22 сентября 1917 г. – май 1920 г. **Марионеточная. Германия.** С ноября 1919 г. – **буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 577).
10. Российская советская республика (с января 1918 г. – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). 27 октября 1917 г. – 25 декабря 1991 г. Столица – Петроград (с 12 марта 1918 г. – Москва). **Советская** (Энциклопедия. С. 508–509).
11. Бакинская коммуна. 2(13) ноября 1917 г. – 31 июля 1918 г. Центр – Баку. **Советская** (Энциклопедия. С. 26–27).
12. Степно-Баджейская партизанская республика. Енисейская губерния. Март 1919 г. – 14 июня 1919 г. Центр – с. Степной Баджей. **Советская** (Энциклопедия. С. 568).
13. Закавказский комиссариат. 15 ноября 1917 г. – 26 марта 1918 г. Центр – Тифлис. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 212).
14. Кокандская автономия. 26 ноября (9 декабря) 1917 г. – 6–9 февраля 1918 г. Центр – Коканд. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 263).
15. Финляндия. Сенат. 26 ноября 1917 г. – 27 января: 4 мая – 9 октября 1918 г. Центр – Гельсингфорс, **Марионеточное (Германия)** (БРЭ. Финляндия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4713984?>).
16. Урало-Волжские штаты. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. – 21 апреля 1918 г. Центр – Уфа. **Буржуазно-националистические** (Энциклопедия. С. 615).
17. Республика союза народов Северного Кавказа (Горская республика). Ноябрь 1917 г. – 5 марта 1918 г. Центр – Владикавказ. **Антисоветская** (Энциклопедия. С. 154).
18. Кубанское краевое правительство. Ноябрь 1917 г. – 2–3 мая 1920 г. Центры – Екатеринодар, Ст. Мечетинская. **Казацкое** (Энциклопедия. С. 310–311).
19. Временное Терско-Дагестанское правительство (Терско-Дагестанское правительство) 1(14) декабря 1917 – март 1918 г. Центр – Владикавказ. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 583–584).
20. Молдавская народная республика (Республика Бессарабия). 2 (15) декабря 1917 г. – 1 декабря 1918 г. Столица – Кишинев. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 354).
21. Украинская социалистическая советская республика. 12(25) декабря 1917 г. – 24 августа 1991 г. Столицы – Харьков, Киев. **Советская** (БРЭ. Украина. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4217406?>).
22. Сибирская областная дума. Декабрь 1917 г. – 10 ноября 1918 г. Резиденция – Томск. **Антисоветская** (Энциклопедия. С. 538).
23. Алашская автономия. 5(18) декабря 1917 г. – начало 1920 г. Центр – Семипалатинск. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия, С. 30).
24. Донской гражданский союз. Декабрь 1917 г. – февраль 1918 г. Центр – Новочеркасск. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 200).
25. Крымско-татарское национальное правительство. Декабрь 1917 – 22 марта 1918 г. Центр – Бахчисарай. **Буржуазно-национальное** (Энциклопедия. С. 308–309).

26. Рудобельская партизанская республика (Белоруссия). Декабрь 1917 г. – июль 1920 г. Резиденция д. Рудобелка. **Советская** (Энциклопедия. С. 515–516).
27. Ставропольская советская республика. 1 января – 17 июля 1918 г. Центр – Ставрополь. **Советская** (Энциклопедия. С. 566).
28. Учредительное собрание. 5–6 января 1918 г. Распущено декретом ВЦИК, Комитет членов Учредительного собрания в июне собран в Самаре. **Буржуазно-демократические** (Энциклопедия. С. 623–624).
29. Одесская советская республика. 17(30) января – 13 марта 1918 г. Центр – Одесса. **Советская** (Энциклопедия. С. 409).
30. Первое Временное Сибирское правительство. 27 января (9 февраля) – октябрь 1918 г. С 29 июня 1918 г. – Временное правительство автономной Сибири. Центры – Томск, Харбин, Владивосток. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 122).
31. Финская социалистическая рабочая республика. 27 января – 16 мая 1918 г. Столица – Гельсингфорс. **Советская** (Энциклопедия. С. 552).
32. Донецко-Криворожская советская республика. Январь – март 1918 г. Столица – Харьков. **Советская** (Энциклопедия. С. 196).
33. Эстонская республика. 18 февраля 1918 г. – 1940 г. Столица – Таллин. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 674).
34. Казанская советская рабоче-крестьянская республика. Конец февраля – май 1918 г. Центр – Казань. **Советская** (БРЭ. Татарстан. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5783081>).
35. Временный революционный совет Башкортостана. Февраль–март 1918 г. Центр – Уфа. **Советский** (Энциклопедия. С. 58).
36. Балтийское герцогство. 8 марта 1918 г. – середина ноября 1918 г. Центр – Митава. **Марионеточное (Германия)** (Энциклопедия. С. 52–53).
37. Белорусская народная республика. 9 марта – конец декабря 1918 г.; 12 декабря 1919 г. – октябрь 1925 г. Столица – Минск. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 61, 63).
38. Уральское войсковое правительство. 29 марта 1918 г. – 23 марта 1919 г. Центр – Уральск. **Буржуазное** (Энциклопедия. С. 617).
39. Забулацкая республика. Казанская губерния. Март 1918 г. Националистическая (Энциклопедия. С. 615).
40. Донская советская республика. Март – сентябрь 1918 г. Центры – Ростов на Дону, Царицын, ст. Великокняжеская. **Советская** (Энциклопедия. С. 198–199).
41. Черноморская советская республика. Март – 28–30 мая 1918 г. Центр – Новороссийск. **Советская** (Энциклопедия. С. 651).
42. Таврическая советская социалистическая республика (Советская социалистическая республика Таврида). Март 1918 г. – 30 апреля 1919 г. Центр – Симферополь. **Советская** (Энциклопедия. С. 575).
43. Терская советская республика. Март 1918 – февраль 1919. Центр – Владикавказ. **Советская** (Энциклопедия. С. 583).
44. Закавказская демократическая федеративная республика. 9 (22) апреля – 28 мая 1918 г. Столица – Тифлис. **Буржуазно-демократическая** (Энциклопедия. С. 212).
45. Амурская трудовая социалистическая республика. 10 апреля – 17 сентября 1918 г. Центр – Благовещенск. **Советская** (Энциклопедия. С. 32).
46. Меджлис Батумской области. 14 апреля 1918 г. – 21 января 1919 г. Центр – Батум. **Марионеточный (Турция)** (Энциклопедия. С. 56–57).
47. Украинская держава гетмана П.П. Скоропадского. 29 апреля – декабрь 1918 г. Центр – Киев. **Марионеточная (Германия)** (БРЭ. Украина. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4217406?>).
48. Туркестанская советская федеративная республика. 30 апреля 1918 г. – 27 октября 1924 г. С 20 апреля 1921 г. Автономная Туркестанская Советская Социалистическая республика. Столица – Ташкент. **Советская** (Энциклопедия. С. 30, 602–603).
49. Кубанская советская республика. Апрель – 30 мая 1918 г. Центр – Екатеринодар. **Советская** (Энциклопедия. С. 310).
50. Западносибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. 26 мая – 30 июня 1918 г. Резиденция – Новониколаевск, Омск. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 214).
51. Грузинская республика. 26 мая 1918 г. – 21 февраля 1921 г. Столица – Тифлис. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 158–159).
52. Республика Армении. 28 мая 1918 г. – 29 ноября 1920 г. Столица – Эривань. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 42–43).
53. Азербайджанская республика. Столица Гянджа. 28 мая 1918 г. – 28 апреля 1920 г. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 25–26).
54. Кубано-Черноморская советская республика. 30 мая – 7 июля 1918 г. Центр – Екатеринодар. **Советская** (Энциклопедия. С. 310).

55. Республика горцев Северного Кавказа. Май 1918 г (Тифлис) – май 1919 г. Центры – Петровск–Порт (Махачкала), Темир-Хан-Шура (Буйнакс). **Марионеточная (Германо-турецко-английская)** (Энциклопедия. С. 154–155).
56. Временное Забайкальское правительство Г.М. Семенова. Май 1918 г. – ноябрь 1920 г. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 534).
57. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). 8 июня – 23 сентября 1918 г. Резиденция – Самара. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 267). Закаспийское временное правительство. 11–12 июня 1918 г. – 19 января 1919 г. – Центр – Асхабад. **Марионеточное** (Великобритания) (Энциклопедия. С. 213).
58. Временное народное правительство Терского края. 18 июня – 23 ноября 1918 г. Центр – Моздок. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 67).
59. Второе Временное Сибирское правительство. 30 июня – 3 ноября 1918 г. Центр – Омск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 122).
60. Крымское краевое правительство. 25 июня – 15 ноября 1918 г. Центр – Симферополь. **Марионеточное (Германия)** (Энциклопедия. С. 308).
61. Деловой кабинет – правительство генерала Д.Л. Хорвата. 9 июля– 31 октября. 1918 г. Центр – Харбин (до августа), Владивосток. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 181).
62. Деловой кабинет – правительство генерала Д.Л. Хорвата. 9 июля– 31 октября. 1918 г. Центр – Владивосток. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 181).
63. Северо-Кавказская советская республика. Июль 1918 г. – 11 января 1919 г. Центры – Екатеринодар, Пятигорск. **Советская** (Энциклопедия. С. 529).
64. Диктатура Центрокаспия – контрреволюционное правительство. 1 августа – 14 сентября 1918 г. Центр – Баку. **Марионеточное (Великобритания)**. (Энциклопедия. С. 191, 420).
65. Верховное управление Северной области. 2 августа – 28 сентября 1918 г. Центр – Архангельск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 90–91).
66. Уральское временное правительство 13 августа – 10 ноября 1918 г. Центр – Екатеринбург. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 617).
67. Башкирское правительство. Середина августа 1918 г. – март 1919 г. Центр – Уфа. **Буржуазно-националистическое** (Энциклопедия. С. 58).
68. Особое совещание – правительство России А.И. Деникина. 31 августа 1918 г. – 30 декабря 1920 г. Центр – Екатеринодар, Ростов на Дону, Новороссийск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 183–185).
69. Доно-Кавказский союз. Конец августа 1918 г. – 8 января 1919 г. Столица – Новочеркасск. **Антисоветский** (Энциклопедия. С. 197).
70. Временное правительство Северной области. 28 сентября 1918 г. – 7 марта 1920 г. Центр Архангельск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 122).
71. Финляндское королевство. 9 октября 1918 – июль 1919 г. Столица – Хельсинки. **Буржуазно-националистическое** (БСЭ. Финляндия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4713984?>).
72. Уфимская директория (Временное всероссийское правительство). 23 сентября – 18 ноября 1918 г. Центры – Уфа, Омск. **Антисоветская** (Энциклопедия. С. 621–622).
73. Трудовая коммуна немцев Поволжья. Октябрь 1918 – декабрь 1923 г. Центры – Саратов, Баронск (Маркс), Покровск (Энгельс). **Советская** (Энциклопедия. С. 599).
74. Западно-Украинская народная республика. 1 ноября 1918 г. – июль 1919 г. Центр – Львов. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 215).
75. Польская республика (Вторая Речь Посполитая). 11 ноября 1918 г. – 5 июля 1945 г. Столица – Варшава. **Буржуазно-националистическая** (БРЭ. Польша. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5748797?>).
76. Украинская Директория С. Петлюры (Украинская народная республика). 14 ноября 1918 г. – 20 ноября 1920 г. **Буржуазно-националистическая**. Центр – Киев (Энциклопедия. С. 608).
77. Крымское краевое правительство. 15 ноября 1918 г. – апрель 1919 г. Центр – Симферополь. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 308).
78. Эстляндская трудовая коммуна. 15 ноября 1918 – 5 июня 1919 г. Центры – Нарва, Выру, Псков, Луга. **Советская** (Энциклопедия. С. 673–674).
79. Латвийская республика. 18 ноября 1918 г. – 21 июля 1940 г. столица – Рига. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 317).
80. Правительство Верховного правителя России А.В. Колчака (Омское правительство) 18 ноября 1918 г. – 4 янв. 1920 г. Центры – Омск, Иркутск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 413).
81. Аразская тюркское правительство. 18 ноября 1918 г. – декабрь 1919 г. Столица – Ыгдыр. **Марионеточная (Турция)** (Энциклопедия. С. 40).
82. Юго-Западная демократическая республика (Карсская республика). 30 ноября 1918 г. – 19 апреля 1919 г. Центр – Карс. **Марионеточная (Турция)** (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карсская_область).
83. Военно-народный совет (Временное правительство), Пишпекский уезд Семиреченской области 6–28 декабря 1918 г. Центр – с. Сосновка. **Крестьянский** (Энциклопедия. С. 60).

84. Муганская краевая управа. Декабрь 1918 г. – 18 мая 1919 г. Центр – Ленкорань. **Буржуазно-демократическая** (Энциклопедия. С. 359).
85. Латвийская ССР. декабрь 1918 г. – январь 1920 г. Столицы – Рига, Резекне. Советская (Энциклопедия. С. 317).
86. Литовская ССР. Декабрь 1918 – февраль 1919 гг. Столица – Вильнюс. **Советская** (Энциклопедия. С. 335).
87. Тасеевская партизанская республика. Енисейская губерния. 28 декабря 1918 г. – январь 1920 г. Центр – Село Тасеево. **Советская** (Энциклопедия. С. 577).
88. Белорусская Советская Социалистическая Республика. 1 января – 27 февраля 1919 г.; 11 июля 1920 г. – н.в. С 9 сентября 1991 г. – Республика Беларусь. Столица – Минск. **Советская** (Энциклопедия. С. 63).
89. Совет по управлению Батумской области. 21 января – 28 апреля 1919 г. Центр – Батум. **Марионеточный (Великобритания)** (Энциклопедия. С. 56–57).
90. Аракская республика. Январь – конец июня 1919 г. Столица – Нахичевань. **Марионеточная (Великобритания)** (Энциклопедия. С. 40).
91. Башкирская Советская Республика. Центр – с. Темясово. 21 февраля – 23 марта 1919 г. **Советская** (Энциклопедия. С. 58).
92. Литовско-Белорусская социалистическая советская республика. 27 февраля – август 1919 г. Столица – Вильно. **Советская** (Энциклопедия. С. 63, 335).
93. Комитет освобождения Черноморской губернии. 14 марта 1919 – 6 апреля 1920 г. **Крестьянский**. Центр – Сочи (Энциклопедия. С. 266).
94. Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика. 23 марта 1919 – н.в. С 25 февраля 1992 г. Республика Башкортостан. Столица – Стерлитамак, с 14 июня 1922 г – Уфа. **Советская** (Энциклопедия. С. 58).
95. Крымская советская социалистическая республика. апрель – 26 июня 1919 г. Столица – Симферополь. **Советская** (Энциклопедия. С. 307).
96. Политическое совещание. 24 мая – 11 августа 1919 г. Резиденция – Хельсинки, Таллин, **Марионеточное (Антанта)** (Энциклопедия. С. 464).
97. Олонецкое правительство. Май 1919 г – 10 декабря 1920 г. Резиденция – д. Погранкондуши. **Марионеточное (Белофинны)** (Энциклопедия. С. 412).
98. Бессарабская советская социалистическая республика. Май – сентябрь 1919 г. Центр – Тирасполь. С 5 мая 1919 г. – Одесса. **Советская** (Энциклопедия. С. 66).
99. Муганская советская республика. 18 Мая – 25 июля 1919 г. Центр – Ленкорань. **Советская** (Энциклопедия. С. 359–360).
100. Временное правительство Архангельской Карелии (Временное правительство Беломорской Карелии). 21 июля 1919 г. – 10 декабря 1920 г. Центр – Ухта, с мая 1920 г. – д. Вакнаволоок. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 122).
101. Западнорусское правительство генерала В.В. Бискупского. Июль–сентябрь 1919 г. Резиденция – Берлин. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 214).
102. Финляндия (республика). Июль 1919 г. – н.в. Столица – Хельсинки. **Буржуазно-националистическая (БСЭ. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4713984?>)**.
103. Северо-Западное правительство (Правительство Русской Северо-Западной области. 11 августа – декабрь 1919 г. Резиденция – Таллин. **Марионеточное (Антанта)** (Энциклопедия. С. 527).
104. Меджлис Аджарии. 13 сентября 1919 г. – 20 июля 1920 г. Центр – Батум. **Буржуазно-националистическая** (Энциклопедия. С. 57).
105. Баштанская партизанская республика, Николаевский уезд Херсонской губернии. Центр – с. Баштанка. 16 сентября – 12 ноября 1919 г. **Крестьянская** (Энциклопедия. С. 58).
106. Северо-Кавказское эмирство. Сентябрь 1919 – март 1920 г. Центр – аул Ведено. **Буржуазно-националистическое** (Энциклопедия. С. 530).
107. Временное Ферганское правительство. 22 октября 1919 г. – март 1920 г. Центр – с. Иркештам (Эркеч-там) Ошского уезда. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 123).
108. Комитет обороны и продовольствия. 18 ноября 1919 г. – 29 апреля 1920 г. Резиденция – Одесса. **Оккупационный (Франция)** (Энциклопедия. С. 266).
109. Правительство при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России. 30 декабря 1919 г. – март 1920 г. Центр – Новороссийск. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 420).
110. Временный совет Сибирского народного управления («Политцентр»). 5–21 января 1920 г. Резиденция – Иркутск. **Демократический** (Энциклопедия. С. 464).
111. Приморская областная земская управа. Январь – 11 декабря 1920 г. Центр – Владивосток. **Буржуазно-демократическая** (Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. 2006. № 1. С. 44–54).
112. Хорезмская народная советская республика. Февраль 1920 – октябрь 1923 г. Столица – Хива. **Советская** (Энциклопедия. С. 635–636).
113. Дальневосточная республика. Март 1920 – 15 мая 1922 г. Столица Верхнеудинск, с октября 1920 г. – Чита. **Буржуазно-демократическая** (Энциклопедия. С. 163–165).

114. Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. 28 апреля 1920 г. – 31 августа 1991 г. Столица – Баку. **Советская** (Энциклопедия. С. 26–27).
115. Правительство Юга России П.Н. Врангеля. 11 апреля – ноябрь 1920 г. Резиденция – Севастополь. **Антисоветское** (Энциклопедия. С. 470).
116. Татарская АССР. 27 мая 1920 г.; с 7 февраля 1992 г. Республика Татарстан. Столица – Казань. **Советская** (БСЭ. Татарстан. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5783081>).
117. Чувашская автономная область. 24 июня 1920 г. – 1925 г. Столица – Чебоксары. **Советская** (Энциклопедия. С. 659).
118. Нахичеванская ССР. 28 июля 1920 г. – февраль 1923 г. Столица – Нахичевань. **Советская** (Энциклопедия. С. 387).
119. Галицийская социалистическая советская республика. Июль–сентябрь 1920 г. Столица – Тернополь. **Советская** (Энциклопедия. С. 139).
120. Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика. 26 августа 1920 г. – июнь 1925 г. Столицы – Оренбург, Ак-Мечеть. С 1925 г. – Казакская автономная социалистическая советская республика. **Советская** (Энциклопедия. С. 258).
121. Бухарская народная советская республика. 8 октября 1920 г. С 1924 г. Бухарская советская социалистическая республика. Столица – Бухара. **Советская** (Энциклопедия. С. 81–82).
122. Срединная Литва. 9 октября 1920 г. – 24 марта 1921 г. Центр – Вильно. **Марионеточная (Польша)** (Энциклопедия. С. 566).
123. Калмыцкая автономная область. 4 ноября 1920 г., с 1935 г. – Калмыцкая АССР. Центр – пос. Челгир. **Советская** (Энциклопедия. С. 250).
124. Марийская автономная область. 4 ноября 1920 г. – 1936 г. Столица – Краснококшайск (Йошкар-Ола). **Советская** (Энциклопедия. С. 342).
125. Армянская Социалистическая Советская Республика. 29 ноября 1920 г. – 23 августа 1990 г. Столица – Ереван. **Советская** (Энциклопедия. С. 43).
126. Вотская автономная область. Ноябрь 1920 г. – 1934 г. С 1932 г. – Удмуртская автономная область. С 1934 г. – Удмуртская ССР. Столица – Глазов, с 1921 г. – Ижевск. **Советская** (Энциклопедия. С. 120–121).
127. Республика Нагорной Армении (Автономная Сюникская республика). 25 декабря 1920 г. – 13 июля 1921 г. Резиденция – Татев. **Антисоветская** (Энциклопедия. С. 501).
128. Карельское объединенное правительство. Декабрь 1920 г. – 1923 г. Центр – Выборг. **Буржуазно-националистическое** (Энциклопедия. С. 252).
129. Горская АССР. 20 января 1921 – 7 июня 1924 г. Столица – Владикавказ. **Советская** (Энциклопедия. С. 154).
130. Дагестанская АССР. Январь 1921 г. – настоящее время. С 1991 г. – Республика Дагестан. Столица – Махачкала. **Советская** (Энциклопедия. С. 162).
131. Грузинская ССР. 18 февраля 1921 г. – 9 апреля 1991 г. Столица Тбилиси. **Советская** (Энциклопедия. С. 159).
132. Абхазская Социалистическая Советская Республика. Столица – Сухум. 4 марта 1921 г. – настоящее время. С 16 декабря 1921 г. – в составе союза с Грузинской ССР. В 1990 г. независимая республика Абхазская советская социалистическая республика, с 1992 г. – Абхазия. **Советская** (Энциклопедия. С. 17).
133. Приамурское временное правительство. 26 марта – 8 августа 1921 г. Центр – Владивосток. **Антисоветское** (Корнилов С. Меркуловский переворот: гражданская война во Владивостоке – от интервентов до Штирлица. URL: <https://primamedia.ru/news/1098288/>).
134. Бурят-Монгольская автономная область. 24 апреля 1921 г. – 30 мая 1923 г. Центр – Чита. **Советская** (БРЭ. Бурятия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5619751?>).
135. Карельская трудовая коммуна. Июнь 1921 г., с 25 июля 1923 г. Карельская АССР. Столица – Петрозаводск. **Советская** (Энциклопедия. С. 252).
136. Аджарская Автономная Социалистическая Советская Республика. Столица – Батум. 16 июля 1921 г. – 1991 г. В составе Грузинской ССР. С 1936 г. Аджарская Автономная Советская Социалистическая Республика. С 1991 г. Аджарская Автономная Республика. **Советская** (Энциклопедия. С. 25).
137. Народная республика Танну-Тува. 14 авг. 1921 г. 1926 г. – Тувинская Народная Республика. Столица – Хем-Белдыр (с 1926 г. – Кызыл). **Советская** (Энциклопедия. С. 600).
138. Кабардинская автономная область. 1 сентября 1921 г. – 16 января 1922 г. Центр – Нальчик (БРЭ. Карачаево-Черкесия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5647985?>).
139. Крымская АССР. Октябрь 1921 г. – 1945 г. Столица – Симферополь. **Советская** (Энциклопедия. С. 307).
140. Монголо-Бурятская автономная область. 1 сентября 1922 г. – 30 мая 1923 г. Центр – Иркутск. **Советская** (БРЭ. Бурятия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5619751?>).
141. Карачаево-Черкесская автономная область. 12 января 1922 г. – настоящее время. С 1992 г. – Карачаево-Черкесия. Центр – Черкесск. **Советская** (БРЭ. Карачаево-Черкесия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5663869?>).
142. Кабардино-Балкарская автономная область. 16 января 1922 г. – настоящее время. С 1992 г. – Кабардино-Балкарская республика. Центр – Нальчик. **Советская** (БРЭ. Кабардино-Балкария. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5647985?>).

143. Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ). 12 марта – 13 декабря 1922 г. Центр – Тбилиси. **Советский** (URL: https://gufo.me/dict.bse/Закавказская_федерация?).
144. Южно-Осетинская автономная область. 20 апреля 1922 г. – 1 сентября 1991 г. Столица – Цхинвал. **Советская** (БРЭ. Южная Осетия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4931241?>).
145. Якутская АССР. 27 апреля 1922 г. Столица – Якутск. **Советская** (БРЭ. Якутия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5753444?>).
146. Ойратская автономная область. 1 июня 1922. – 3 июля 1991 г. Центр – Улала, с 1932 г. – Ойрот-Тура, с. 1948 г. – Горно-Алтайск. **Советская** (БРЭ. Алтай. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5595462?>).
147. Черкесская (Адыгейская) автономная область. 27 июля 1922 г. – настоящее время. С. 1992 г. – Республика Адыгея. Центр – Краснодар, с 1936 г. – Майкоп. **Советская** (БРЭ. Адыгея. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5595151?>).
148. Правительство Приамурского земского края (Дитерикс М.К.). 8 августа – 20 октября 1922 г. Центр – Владивосток. **Антисоветское** (Генерал Дитерихс: последний защитник Империи. URL: <https://kaminec.livejournal.com/47231.html?ysclid=l32oxmlqag>).
149. Чеченская автономная область. 30 ноября 1922 г. – 15 января 1934 г. Центр – Грозный. **Советская** (БРЭ. Чеченская Республика. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5453415?>).
150. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР). 13 декабря 1922 г. – 5 декабря 1936 г. Центр – Тбилиси. **Советская** (БРЭ. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика. URL: https://dev.bigenc.ru/domestic_history/text/1985949?).

Список источников

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1983.
2. Корнилов С. Меркуловский переворот: гражданская война во Владивостоке – от интервентов до Штирлица. URL: <https://primamedia.ru/news/1098288/?> (дата обращения: 11.05.2022).
3. Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь–декабрь 1920 г.) // Ойкумена. 2006. № 1. С. 44–54.
4. Карсская область // Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карсская_область (дата обращения: 17.05.2022).

References

1. Khromov, S.S. (ed.) (1983) *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya* [Civil War and military intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Kornilov, S. (2022) *Merkulovskiy perevorot: grazhdanskaya voyna vo Vladivostoke – ot interventov do Shtirlitsa* [Merkulovsky coup: Civil War in Vladivostok – From the Interventionists to Stierlitz]. [Online] Available from: <https://primamedia.ru/news/1098288/?> (Accessed: 11.05.2022).
3. Trigub, G.Ya. (2006) *Deyatel'nost' Primorskoj oblastnoy zemskoy uprav v kachestve vremennogo pravitel'stva (yanvar'–dekabr' 1920 g.)* [Activities of the Primorsky Regional Zemstvo Administration as a Provisional Government (January–December 1920)]. *Oyukumena*. 1. pp. 44–54.
4. Wikipedia. (2022) *Karsskaya oblast'* [Kars Oblast]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C (Accessed: 17.05.2022).

Информация об авторе:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022;
одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 30.08.2022;
approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 94(510):94(575.1)
doi: 10.17223/15617793/482/12

Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана

Чуанья Цзюй¹, Сергей Миронович Юн²

¹Институт международных исследований Университета имени Сунь Ятсена, Чжухай, Китай,
juchy3@mail.sysu.edu.cn / 450076784@qq.com

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sergey.yun@mail.tsu.ru

Аннотация. Рассматриваются современные приоритеты политики интернационализации высшего образования КНР (привлечение зарубежных образовательных ресурсов для обучения в Китае, открытие филиалов китайских вузов за рубежом, содействие мобильности преподавателей и студентов). Анализируется состояние сотрудничества Узбекистана и Китая в сфере высшего образования при президенте Узбекистана И.А. Каримове (до 2016 г.). Раскрываются направления и результаты развития сотрудничества Узбекистана и Китая в сфере высшего образования с 2016 г. в контексте политики интернационализации высшего образования Узбекистана при президенте Ш.М. Мирзиёеве.

Ключевые слова: Китай, Узбекистан, высшее образование, филиал вуза, мобильность студентов

Для цитирования: Чуанья Цзюй, Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 113–124. doi: 10.17223/15617793/482/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/12

The policy of the higher education internationalization in China and the development of educational cooperation between China and Uzbekistan

Ju Chuanya¹, Sergey M. Yun²

¹ Sun Yat-sen University, Zhuhai, People's Republic of China, juchy3@mail.sysu.edu.cn / 450076784@qq.com

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sergey.yun@mail.tsu.ru

Abstract. The objective of the research is to determine the role of China in ensuring the priorities of higher education internationalization in Uzbekistan at the present stage of reforms carried out under President Shavkat Mirziyoyev since 2016. While preparing the paper, the authors used legislation and materials from official websites of Uzbek and Chinese state bodies, universities and other organizations, statistics from international organizations, and materials from news agencies. The paper discusses the current policy priorities of the internationalization of higher education in China; analyzes the state of higher education cooperation between Uzbekistan and China under the President of Uzbekistan Islam Karimov (until 2016); studies the directions and results of the development of cooperation between Uzbekistan and China in higher education since 2016 under President Mirziyoyev. The research reached the following conclusions. Current priorities of China's internationalization of higher education include: (1) involving foreign educational resources in teaching in China; (2) opening branches of Chinese universities abroad; (3) promoting the mobility of teachers and students. The second and third priorities are relevant to Tashkent, which since 2016 has been pursuing a policy of a "total" internationalization of higher education in Uzbekistan. Regarding the opening of branches of Chinese universities, the Ministry of Education of the PRC recommends choosing countries with large market demand, a high degree of openness and quality of higher education. The need to provide education for children of overseas offices of Chinese organizations and for Chinese people living abroad is also considered to be of importance. Mobility includes both sending researchers and students to study abroad and attracting talented foreign researchers and students to study and work in China. Uzbekistan, as a close neighbor of China in Central Asia, a participant in the Belt and Road Initiative, and a developing country, is subject to various mobility support programs funded by China. Until 2016, the main areas of cooperation between China and Uzbekistan in higher education were the study of Uzbek students in Chinese universities and the study of the Chinese language in Uzbekistan. Since 2016, despite the policy of openness of the new authorities of Uzbekistan and the sharp growth of economic ties between Tashkent and Beijing, higher education cooperation between the countries has received little development. This is evidenced by the absence of branches of Chinese universities in Uzbekistan, as well as extremely limited number of joint programs between Chinese and Uzbek universities, of mobility to China at the expense of the Uzbek El-Yurt Umidi Foundation, and of Chinese students studying in Uzbekistan.

Keywords: China, Uzbekistan, higher education, university branch, student mobility

For citation: Chuanya, Ju & Yun, S.M. (2022) The policy of the higher education internationalization in China and the development of educational cooperation between China and Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 113–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/12

Введение

Современный Узбекистан представляет собой интересный кейс проведения с 2016 г. глубокой реформы в сфере высшего образования. Долгосрочная цель властей Узбекистана – переход от модели государственной, элитарной, сверхцентрализованной в отношении управления, недофинансируемой, сфокусированной на преподавании в ущерб науке системы высшего образования к системе с заметным частным сектором, всеобщей по охвату молодежи, с определенной самостоятельностью вузов при сохранении жесткой управленческой вертикали, уровнем науки, соответствующим современным технологическим требованиям и запросам формируемой экспортоориентированной национальной экономики. Критически важное место в реформе высшего образования Узбекистана заняли вопросы его интернационализации для достижения сразу нескольких целей: повышения качества высшего образования, его массовизации, продвижения качественного высшего образования в областные центры страны, повышения политического веса и престижа Узбекистана в Центральной Азии. Динамика интернационализации узбекского высшего образования приобрела беспрецедентный для постсоветского пространства «тотальный» характер [1].

Одним из приоритетов политики интернационализации высшего образования Узбекистана стало открытие в стране филиалов зарубежных вузов. На июнь 2022 г. в Узбекистане действовали 30 филиалов зарубежных университетов, тогда как в 2016 г. – только 7. Стратегия развития высшего образования Узбекистана предполагает, что к 2030 г. количество филиалов должно возрасти до 45. Большой эффект призвано дать широкое внедрение в Узбекистане совместных образовательных программ с зарубежными вузами. В 2017 г. каждому высшему образовательному учреждению Узбекистана было предписано установить «партнерские отношения с ведущими профильными зарубежными научно-образовательными учреждениями» [2]. За прошедшие годы узбекские вузы, как ташкентские, так и региональные, запустили множество совместных образовательных программ с зарубежными университетами. Другие приоритеты политики интернационализации высшего образования включают в том числе: повышение квалификации сотрудников вузов Узбекистана за рубежом (за счет средств государственного Фонда «Элюрт умиди»), привлечение иностранных студентов в вузы Узбекистана, вхождение вузов Узбекистана в глобальные университетские рейтинги.

Развитие сотрудничества Ташкента с Пекином в сфере высшего образования с учетом его опыта и успехов в трансформации китайской вузовской системы, объема имеющихся ресурсов для международного сотрудничества, ставки на углубление кооперации со странами, лежащими вдоль «Пояса и пути»,

имеет основания стать заметным треком в интернационализации университетов Узбекистана. Этому также должны способствовать особенности «образовательной дипломатии» КНР. Современные приоритеты Китая в области интернационализации высшего образования страны включают:

- 1) внедрение зарубежных образовательных ресурсов на территории Китая;
- 2) открытие филиалов китайских вузов за рубежом;
- 3) содействие мобильности преподавателей и студентов [3].

Внедрение зарубежных образовательных ресурсов на территории Китая

Для привлечения ведущих зарубежных вузов в Китай правительством был пакет нормативных документов, включающий «Меры по управлению и оценке совместных китайско-зарубежных заведений» и «Положение Китайской Народной Республики о совместном управлении образованием в образовательных учреждениях» [4]. Также Китай инициировал две платформы (информационная платформа для надзора за китайско-иностранными совместными программами в сфере образования и рабочая платформа по заверению полученных дипломов) и два механизма (механизм для оценки качества совместных программ и «механизм правоприменения и наказания») для дальнейшей стандартизации управления совместными программами в области высшего образования.

В вышеуказанных законах закреплена следующая модель совместного образования:

1. Юридический статус. Законодательство КНР не позволяет открыть полностью зарубежный филиал и допускает только совместную образовательную деятельность китайских и зарубежных вузов. Она возможна в трех форматах: индивидуальный новый вуз, совместные институты под руководством вузов, совместная программа вузов. Что касается управления, совместное учреждение со статусом юридического лица должно создать совет директоров, а совместное заведение без статуса правосубъектности должно формировать совместный комитет по управлению. Количество граждан Китая – членов совета директоров или совместного комитета по управлению должно быть не менее половины, принятие важных решений должно получить поддержку 2/3 членов.

В настоящее время в Китае функционируют 9 университетов первого типа (независимый вуз, являющийся отдельным юридическим лицом) [5]. Они располагаются в самых экономически развитых регионах Китая с учётом возможностей набора студентов и высокой стоимости обучения. В целом в КНР действуют 2 332 совместных образовательных учреждения и программ на всех уровнях с участием Китая и иностранных учреждений, которые были одобрены

Министерством образования, в том числе 1 230 совместных учреждений и программ, которые ориентированы на получение степени бакалавра и выше.

2. Варианты инвестиций. Обе стороны могут пользоваться финансовыми средствами, физическими объектами, земельными ресурсами, интеллектуальной собственностью и другими средствами в качестве способа инвестиции. Следует подчеркнуть, что доля прав на интеллектуальную собственность со стороны иностранного партнера не должна превышать 1/3, за исключением той ситуации, когда иностранная сторона была приглашена административными органами Госсовета, трудовыми администрациями, правительствами на уровнях провинций, автономных районов, городов прямого подчинения КНР.

3. Обучение. Этот пункт связан с двумя аспектами: учебниками и преподавателями. По закону, Китай поощряет внедрение предметов и учебников, которые являются необходимыми составляющими в процессе обучения и занимают передовые места на международном уровне. Однако курсы и учебные материалы должны быть представлены органам по проверке заблаговременно, чтобы получить соответствующее разрешение. У выбранных иностранных преподавателей должен быть опыт по обучению студентов более 2 лет. В то же время нельзя привлекать зарубежных преподавателей на 100%, так как процесс образования зиждется на путунхуа и китайских иероглифах, а иностранный язык выступает лишь языком обучения.

4. Условия набора студентов. Они зависят от формата сотрудничества. Только у независимых вузов есть возможность самостоятельно набирать кандидатов, при этом необходимо это письменно согласовать с Министерством образования КНР, так как их будущие студенты также включены в план приёма в высшие учебные заведения. Стоимость обучения должна быть определена в соответствии со стандартами правительства Китая, нельзя увеличивать сумму и расширять перечень стоимости обучения без разрешения. Стоимость обучения в большинстве китайско-иностраннх учебных заведений и программ составляет 20–40 тыс. юаней в год, но в некоторых совместных вузах и институтах оплата за обучение превышает 150 тыс. юаней в год. Рейтинг партнёров двух сторон, программы двойного диплома и популярность специальности являются ключевыми элементами, определяющими стоимость обучения.

5. Выдача диплома, которая зависит от модели обучения. Рассмотрим в качестве примера бакалаврскую программу, у которой срок обучения составляет 4 года. В рамках данного примера существует три возможные модели обучения: 2+2, 3+1, 4+0. Только в первом случае студент на третьем и четвертом курсах должен учиться в университете иностранных партнёров и выполнять их требования, после чего он может получить два равнозначных диплома – китайский и признаваемый иностранный диплом в стране партнёра, а в остальных двух случаях студент может получить только китайский диплом, соответствующий нормативным актам Китая, и сертификат от университета иностранных партнёров.

В июне 2020 г. в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции Министерство образования и другие восемь министерств и ведомств опубликовали «Рекомендации по ускорению и расширению открытости образования для внешнего мира в новую эпоху», в которых предлагается ослабить ограничения, налагаемые на режим китайско-иностранного сотрудничества в области управления совместными программами [6]. Во-первых, для укрепления сотрудничества с вузами и академическими институтами мирового уровня правительство КНР готово предоставить определённые права в области международных связей китайским вузам, которые были включены в список «Ведущих университетов и университетов мирового класса» (в сентябре 2017 г. «Проект 985» и «Проект 211» по поддержке академического лидерства вузов КНР были объединены и трансформированы в новый, цель которого – создание вузов мирового класса к концу 2050 г.).

Во-вторых, запланировано создание новых экспериментальных образовательных пространств для привлечения лучших зарубежных ресурсов: демонстрационной зоны международного образования в районе Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао, новой модели открытости образования в Сюньаньском новом районе (новом районе государственного уровня), международного образовательного инновационного центра на острове Хайнане.

В-третьих, Китай будет готовить обновлённую версию программы образовательного сотрудничества под эгидой «Пояса и пути», в рамках которой планируется расширить перечень предоставляемых продуктов международного образования, активизировать обмен опытом и практикой обучения, оказывать помощь международному сообществу, особенно большинству развивающихся стран. В целом принятые меры означают, что в настоящее время в рамках совместных программ с зарубежными вузами происходит переход от количества к качеству.

Открытие филиалов китайских вузов за рубежом

Китай имеет опыт открытия филиалов вузов за рубежом с 1970-х гг. На 2014 г. было открыто только три филиала. 9 декабря 2015 г. на 19-м заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ были приняты «Рекомендации об открытии образования внешнему миру в новый период» [7] (полный текст данного документа был опубликован 29 апреля 2016 г.). В данном документе подчёркивается важность открытости образования и определяются в том числе следующие подходы к ее обеспечению:

1) укреплять возможности центров обслуживания международных связей и служить основным стратегиям, таким как инициатива «Пояса и пути»;

2) учитывать уровень образования и потребности различных регионов мира, ориентироваться на местные особенности и адаптироваться к местным условиям.

На официальном сайте Министерства образования КНР в разделе «Вопросы–ответы» 31 декабря 2018 г. был опубликован официальный ответ о том, что «открытие зарубежных международных учреждений является основной практикой и тенденцией в мире. В данной ситуации наше ведомство проводит исследования с соответствующими ведомствами, чтобы чётко определить правовые нормы и требования к открытию филиалов в странах различного типа. На этой основе предлагается содействовать пилотному открытию филиалов в странах с наиболее острыми потребностями для накопления опыта и его дальнейшего продвижения» [8].

В феврале 2019 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали документ под названием «Модернизация образования в Китае до 2035 года», предложив десять основных стратегических задач для будущего образования, включая создание зарубежных международных филиалов с китайской спецификой. В своих приоритетах работы на 2021 г. Министерство образования КНР запланировало разработку «Плана работы по содействию строительству зарубежных филиалов китайских университетов» (первый проект был подготовлен в 2019 г.) и оказание содействия пилотному

строительству зарубежных китайских международных учреждений [3].

В сентябре 2019 г. Министерство образования КНР выпустило «Руководство по управлению высшими учебными филиалами за рубежом» [9]. В нем разъясняются критерии для создания филиалов китайских вузов: рекомендуется выбирать страны с большим рыночным спросом, высокой степенью открытости и качества высшего образования. Соответственно, китайским вузам прежде всего могло быть интересно открытие филиалов в США, европейских и других западных странах (возможно быстро повысить международный рейтинг и гарантировать набор студентов), в России (в партнёрстве с вузами с сильными научными и инженерными школами) (табл. 1). Также имеет значение вопрос обучения детей зарубежных представителей китайских организаций и китайцев, живущих за границей. 14 октября 2019 г. в разделе «Вопрос–ответ» Министерства образования КНР было подтверждено то, что по указанию Председателя КНР Си Цзиньпина ускорение строительства зарубежных международных учреждений с китайской спецификой поможет решить данный вопрос, обеспечит молодым китайцам возможность изучать китайский язык и историю (табл. 2) [10].

Таблица 1

Топ-10 стран-партнёров в рамках китайско-инострannого сотрудничества в области высшего образования (включены данные об обучении китайско-иностранным альянсом в Китае и за рубежом, подсчитано на основе данных официальных сайтов ведомств КНР)

№	Название страны	Совместный институт	Совместная программа	Всего
1	США	36	258	294
2	Англия	35	204	239
3	Австралия	11	111	122
4	Россия	12	79	91
5	Южная Корея	1	68	69
6	Канада	7	59	66
7	Франция	23	40	63
8	Германия	9	48	57
9	Италия	1	19	20
	Новая Зеландия	2	18	20
10	Япония	2	13	15

В отношении моделей зарубежных филиалов Министерство образования Китая указывает три возможных формата:

1) модель существующего института Конфуция, который постепенно превращается в китайский международный филиал;

2) «повторное формирование», т.е. создание ки-

тайских филиалов на базе существующих учебных заведений путём поглощения уже зарегистрированных учреждений в других странах;

3) поощрение отечественных учебных заведений к самостоятельной организации очных китайских филиалов в странах, соответствующих критериям Министерства.

Таблица 2

Самые крупные проекты создания филиалов китайских вузов за рубежом

Год создания	Филиал	Китайский вуз – учредитель	Особенности филиала
2011	Лаоско-Сучжоуский университет (Lao Soochow University)	Университет Сучжоу	1. Первый зарубежный университет, одобренный правительством Китая. 2. Очное обучение на бакалавриате и магистратуре. 3. Программы двойного диплома
2014	Кампус Университета Тунцзи во Флоренции	Университет Тунцзи	1. Первый зарубежный кампус китайского вуза в Италии. 2. В основном летние курсы и краткосрочное обучение
2016	Сямыньский университет–Малайзия (Xiamen University Malaysia)	Сямыньский университет	1. Первый зарубежный филиал известного китайского вуза. 2. Выдача диплома Сямыньского университета, который признается правительствами двух стран. 3. В полной собственности Сямыньского университета

Год создания	Филиал	Китайский вуз – учредитель	Особенности филиала
2017	Кампус Бизнес-школы Пекинского университета HSBC Business School в Англии	Пекинский университет	1. Первый зарубежный кампус в форме коммерческого предприятия, у которого независимая деятельность и управление; называется «вежа в истории китайского высшего образования». 2. Очное обучение в магистратуре по модели 1+1 (первый год обучения в Англии, второй – в Китае)
2021	Кампус Университета Фудань в Венгрии	Университет Фудань	1. Кампус находится в стадии основного строительства. 2. Правительство Венгрии выделило землю, необходимую для строительства кампуса в Будапеште

Содействие мобильности преподавателей и студентов

В том, что касается мобильности, актуальными считаются два направления: во-первых, отправка учёных и студентов для обучения за границей; во-вторых, с помощью стипендий привлечение талантливых иностранных учёных и студентов на учебу и работу в Китай. Совет стипендиальных программ Китая (CSC China), основанный ещё в 1996 г. при Министерстве образования Китая, выдает гранты китайским студентам и учёным на обучение за рубежом и иностранным студентам и учёным на обучение в вузах Китая. В сентябре 2010 г. был подготовлен «План обучения в Китае», согласно которому правительство КНР было намерено привлечь 500 тыс. иностранных учащихся к 2020 г. и стать крупнейшей страной назначения для обучения за границей в Азии. Эта цель была достигнута уже в 2017 г.

21 июля 2020 г. Министерство образования КНР опубликовало сообщение о «Мерах по назначению и управлению иностранными преподавателями» (проект вынесен на обсуждение). Кроме того, в 2021 г. был издан «План работы по взаимодействию в области образования в рамках «Пояса и пути» (2021–2025 гг.)» в контексте укрепления сотрудничества с вузами ключевых стран данной инициативы, в том числе Узбекистана. Также был организован Международным форум «Творчество и наследие Шелкового пути», предприняты меры по формированию механизма обмена талантами, открыты онлайн-занятия по китайскому языку и центры тестирования уровня китайского языка. Планируется разработать документ под названием «Меры по управлению деятельностью по трудоустройству среди иностранных студентов и оказанию помощи студентам в высших учебных заведениях», Эти направления образовательной политики нацелены на то, чтобы все больше и больше иностранных преподавателей, научных сотрудников и студентов отдавали предпочтение Китаю.

Узбекистан как близкий сосед в Центральной Азии и участник инициативы «Один пояс и один путь» на уровне обмена учёными подпадает под следующие виды стипендий:

1. Учёные, заинтересованные в поездке в Узбекистан, имеют выбор. Благодаря развитию регионоведения в Китае с 2021 г. Совет стипендиальных программ Китая открыл национальную и региональную программы для поддержки научных талантов [11]. С 2018 г. был открыт спонсируемый государством проект для выдающихся учёных, приглашённых учёных и научных сотрудников постдокторантуры. Это сделано

с целью содействия развитию обменов учёными из стран, участвующих в инициативе «Один пояс и один путь». Кандидат на грант должен являться сотрудником китайского вуза или научного института. Он может подавать свою заявку как частное лицо или от организации, местом работы должен быть известный исследовательский центр или университет в стране-партнере. Правительство Китая берёт на себя транспортные расходы, а также расходы на проживание и научные исследования.

2. Иностранные молодые учёные (младше 45 лет) могут рассчитывать на поддержку в рамках стипендиальной программы Великой Китайской стены, по которой выделяется грант китайского правительства для учёных из развивающихся стран [12]. Также действуют стипендии на обучение китайскому языку для профсоюзных кадров из стран, участвующих в инициативе «Один пояс и один путь» [13]. Заявители должны владеть китайским языком и быть готовыми учиться в течение года. Разница между двумя программами заключается в том, что, выбрав первую категорию, необходимо подать заявку в представительство ЮНЕСКО принимающей страны, а выбрав вторую, заявку нужно подавать напрямую на веб-сайте Совета стипендиальных программ Китая, от заявителя требуется определённый опыт работы в Китае, а университетом, который можно выбрать для обучения, выступает Пекинский университет языка и культуры.

В настоящее время Китай является самым крупным поставщиком иностранных студентов в мире. При этом с 2013 по 2019 г. все больше китайских студентов делали свой выбор в пользу обучения за рубежом. В 2018 г. число китайских студентов, обучающихся за рубежом, составило 662 тыс. чел., что на 8,9% больше по сравнению с 2017 г. Среди них 30 200 чел. получили государственную стипендию, обучение 35 600 чел. было профинансировано организациями, в которых они работали, а 596 300 студентов проходили обучение за свой счет. К 2019 г. численность студентов Китая, обучающихся за рубежом, превысила 700 тыс. человек. Несмотря на то, что пандемия оказала колоссальное влияние на страну в 2020 г. и 90 % китайских студентов, согласно данным анализа компании iiMedia [14], стали придерживаться мнения, что в Китае безопаснее, лишь 20,7% из них решили отменить свои планы учиться за рубежом.

Было много и тех, кто решил отложить учебу за рубежом или же сменить страну обучения. Именно поэтому большой спрос на обучение за границей всё ещё существует. Причина формирования этой тенденции заключается не только в жесткой конкуренции в сфере

трудоустройства. Она также неразрывно связана с активной политикой правительства КНР. В 2021 г. Китай продолжил оптимизировать структуру работы по обучению за рубежом и реформировать систему поддержки обучения за границей. Кроме того, в последние годы Китай активно ведет переговоры с правительствами

стран, где учится большое число китайских студентов, для того чтобы добиться упрощения визовых процедур.

По данным «Отчёта о состоянии обучения китайских граждан за рубежом в 2021 г.» [15], китайские абитуриенты уделяют внимание следующим показателям при выборе вузов (рис. 1):

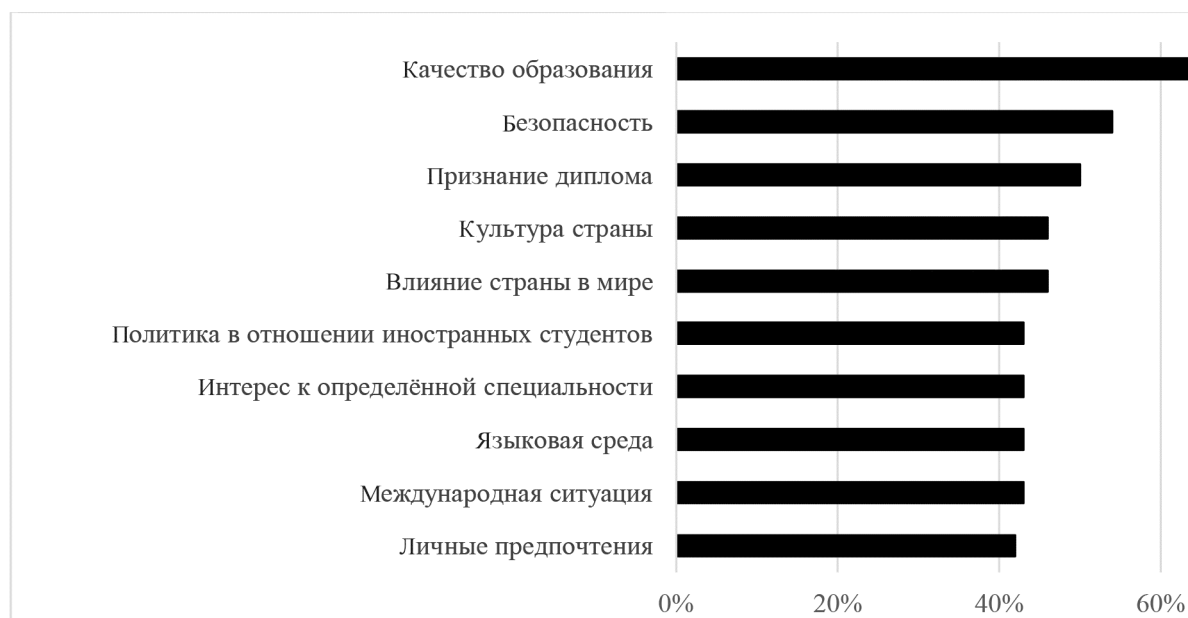

Рис. 1. Десять главных критериев, влияющих на выбор китайским абитуриентом зарубежного вуза для обучения

Для привлечения иностранных студентов Китай реализует стипендиальные программы на разных уровнях, таких как правительство, про-

винция, вуз и т.д. (рис. 2, данные собраны на основе информации с официальных сайтов организаций).

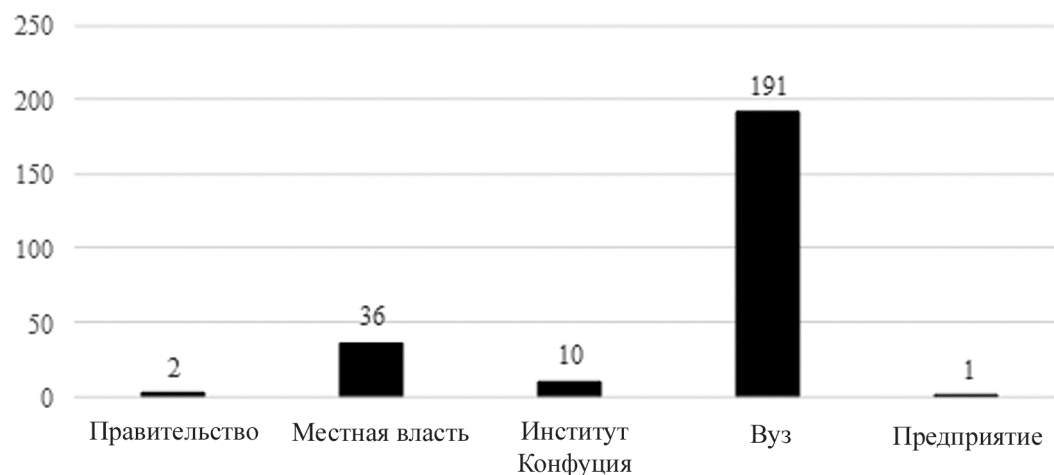

Рис. 2. Статистические данные о количестве стипендиальных программ на всех уровнях в Китае

К концу июля 2019 г. всего 6 500 учащихся из Узбекистана проходили обучение в Китае. За период 1999–2017 гг. общее число иностранных студентов из стран Центральной Азии, прошедших обучение в Китае, выросло с 96 до 167 тыс. чел., среднегодовой темп роста составлял 33,2%. Это сделало Центральную Азию самым динамичным регионом по сравнению с другими. Согласно прогнозам китайских исследователей Цзун Сяохуа и Ли Тинсун [16], в 2025 г.

число учащихся из стран Центральной Азии, ежегодно обучающихся в Китае, достигнет 39 100 чел., из которых доля магистрантов и аспирантов составит 31,5%. Центральная Азия стала плацдармом для продвижения «Пояса и пути» на запад. Также, с точки зрения Правительства Китая, требуется большое количество международных талантов, чтобы достичь пяти основных целей инициативы «Пояса и пути», включая «сближение народов» [17].

Состояние сотрудничества Узбекистана и Китая в сфере высшего образования до 2016 г.

Правовая база для сотрудничества формировалась постепенно. 6 марта 1993 г. Китай и Узбекистан подписали соглашение о взаимном признании дипломов о высшем образовании и учёных степеней [18]. 8 ноября 1999 г. Министерство высшего и среднего профессионального образования Узбекистана и Министерство образования КНР подписали соглашение «О сотрудничестве в области образования», по которому Узбекистан ежегодно направляет 40 студентов, докторантов и молодых преподавателей учиться в китайские вузы. 26 февраля 2004 г. министры образования Китая и Узбекистана совместно подписали «Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования Китайской Народной Республики и Министерством высшего и среднего специального образования республики Узбекистан» и определили, что будет реализовываться обмен студентами между двумя странами.

Являясь связующим звеном для обмена культурным компонентом между двумя странами, Институты Конфуция играют немаловажную роль в развитии сотрудничества между двумя сторонами. 7 мая 2005 г. Ланчжоуский университет и Ташкентский государственный университет востоковедения совместно со-

здали первый Институт Конфуция в Центральной Азии. 27 ноября 2014 г. при Самаркандском государственном институте иностранных языков был открыт второй Институт Конфуция в Узбекистане, его китайским партнёром стал Шанхайский университет иностранных языков. Правительство Китая оказывало поддержку созданным Институтам Конфуция по трем направлениям: преподаватели, учебные пособия и стипендии. По данным Института Конфуция в Ташкенте, Китай ежегодно направлял 1 директора, 1–2 преподавателей с 2005 по 2013 г., а количество преподавателей, направленных в 2014, 2015 и 2016 гг., составило 3, 5 и 4 соответственно [19]. Кроме того, китайские Ханьбани или посольства за рубежом регулярно передавали учебные материалы учреждениям, предлагающим курсы китайского языка в Узбекистане. Чтобы поддержать иностранных студентов, желающих пройти обучение в Китае, китайское правительство учредило стипендии «Китайский мост», стипендии Института Конфуция, новые стипендии по Китаеведению, международные стипендии для учителей китайского языка и др.

С развитием образования на китайском языке некоторые организации Узбекистана также начали создавать исследовательские центры для содействия изучению китайской культуры, языка, образования и др. (табл. 3).

Таблица 3

Список научно-исследовательских центров в организациях Узбекистана, специализирующихся на изучении Китая

Название центра	Организация Узбекистана	Китайская партнерская организация	Дата создания
Китайский национальный культурный центр	Узбекский государственный университет мировых языков	—	31.01.2013 г.
Китайский павильон	Университет мировой экономики и дипломатии	Академия общественных и социальных наук КНР	18.12.2013 г.
Китайско-узбекский исследовательский центр образования и науки	Ташкентский государственный экономический университет	Синьцзянский аграрный университет	22.04.2016 г.
Научно-исследовательский центр в горнодобывающей промышленности	Госкомгеологии Узбекистана	Сианьский институт геологии	05.02.2021 г. (в процессе)
Научно-исследовательский центр «Узбекистан–Китай»	Ташкентский государственный университет востоковедения	Центральный университет национальностей КНР	24.01.2022 г.

Согласно данным «Краткой статистики иностранных студентов, приезжающих в Китай», опубликованной Департаментом международного обмена и сотрудничества при Министерстве образования Китая, количество студентов, ежегодно приезжавших из Узбекистана в Китай в 2003–2008 гг., не

превышало 500 чел. [20]. Однако с 2013 г. количество студентов стало резко расти (табл. 4). Доступное по сравнению с Европой обучение, возможность получения стипендий и качественное образование являются важными факторами привлечения узбекских студентов.

Таблица 4

Количество студентов из Узбекистана, обучавшихся в Китае в 2013–2018 гг. [21]

Год	Студенты образовательных программ с выдачей диплома о высшем образовании	Студенты других образовательных программ (без выдачи диплома о высшем образовании)	Общее количество студентов	Студенты из Узбекистана, обучавшиеся по программам межвузовского обмена
2013	549	1 256	1 805	37
2014	905	1 287	2 192	31
2015	1 197	1 253	2 450	32
2016	1 669	1 460	3 129	31
2017	2 551	1 620	4 171	30
2018	3 838	2 485	6 323	22

Другие направления сотрудничества Узбекистана и Китая не получили развития. В частности, среди открытых в Узбекистане к 2016 г. семи филиалов зарубежных вузов ни один не представлял КНР.

Развитие сотрудничества Узбекистана и Китая в сфере высшего образования с 2016 г.

Как и в случае с характером развития внешних связей в целом, современное руководство Узбекистана проводит многовекторную политику интернационализации высшего образования, стараясь привлечь лучшие зарубежные ресурсы. В настоящее время Россия, безусловно, доминирует в качестве зарубежного партнера узбекских вузов по открытым филиалам и совместным образовательным программам. 15 из 30 действующих в Узбекистане филиалов зарубежных вузов созданы российскими университетами. В соответствии с доступными за 2020 г. данными по 42 ву-

зам Узбекистана, около половины мест по совместным программам бакалавриата с зарубежными вузами было выделено под российско-узбекские проекты. Лидером среди партнеров по совместным программам также являются вузы Белоруссии [22]. Среди ведущих стран Азии бурный рост демонстрирует узбекско-корейское образовательное сотрудничество, также растет интерес к Узбекистану со стороны японских и индийских вузов.

Что касается Китая и Узбекистана, то два дополнительных фактора должны были способствовать диверсификации форм и росту двустороннего сотрудничества в области высшего образования. Во-первых, за последние годы Китай укрепил свою роль ведущего торгового, инвестиционного партнера и кредитора для экономики Узбекистана. Во-вторых, в китайских университетах значительно выросло количество исследовательских центров, специализирующихся на изучении Узбекистана (табл. 5).

Таблица 5

Список научно-исследовательских институтов в китайских университетах, специализирующихся на изучении Узбекистана

Название организации	Название университета	Год создания
Исследовательский центр Шанхайской организации сотрудничества	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (Китайская академия общественных наук)	2002
Российский центр исследований Центральной Азии	Университет Фудань	2005
Центральноазиатский исследовательский центр	Шанхайский университет иностранных языков	2010
Центр геополитических исследований в Центральной Азии	Синьцзянский университет	2011
Узбекский Центр научных и образовательных обменов	Шанхайский университет	2013
Исследовательский центр Узбекистана	Шансиский педагогический университет	2017
Исследовательский центр Узбекистана	Северный университет Миньцзу	2017
Институт исследования Центральной Азии	Ланчжоуский университет	2017
Центральноазиатский научно-образовательный центр	Университет Китайской академии наук	2018
Центральноазиатский исследовательский центр	Синьцзянский сельскохозяйственный университет	2020
Китайско-Центральноазиатская совместная лаборатория человека и окружающей среды «Один пояс, один путь»	Северо-Западный университет	2021

12 мая 2017 г. между Китаем и Узбекистаном было подписано совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всестороннего стратегического партнерства, которое включает в себя продолжение расширения сотрудничества в области образования, развитие обмена между научными учреждениями и совместное управление деятельностью Институтов Конфуция в Узбекистане. Однако в настоящее время сфера сотрудничества в области высшего образования между Ташкентом и Пекином пока остается слабо проработанной с учетом приоритетов интернационализации для Узбекистана. До сих пор вопрос открытия филиалов китайских вузов не получил практического воплощения. В новостных лентах имеется лишь информация о переговорах об открытии филиалов – Нанкинского политехнического института (февраль 2019 г.), Сычуанского университета (июль 2020 г.), Университета традиционной китайской медицины Цзянси (август 2021 г.). В целом можно сделать вывод, что пока Узбекистан не является приоритетом для открытия филиалов китайских вузов. Это объясняется как причинами со стороны Китая (начальный этап политики открытия зарубежных филиалов вузов Китая, отсутствие четких концепций и стандартов в процессе открытия филиалов, ставка на крупные рынки и ведущие системы образования), так и со стороны

Узбекистана (сравнительно невысокий уровень и масштаб развития экономики и социальной сферы, слабое знание китайского языка населением).

Учреждение совместных образовательных программ между вузами Узбекистана и Китая – редкое явление. По данным 2020 г. по 42 вузам Узбекистана, только пять вузов (Андижанский институт машиностроения, Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самаркандский государственный университет, Ташкентский государственный технический университет и Ургенчский государственный университет) планировали осуществить набор на совместные программы с китайскими университетами. По данным 2021 г. по 27 государственным вузам и трем филиалам (данные были обобщены и размещены в телеграм-канале Министерства высшего и среднего профессионального образования Узбекистана), только один вуз из всего списка, Самаркандский государственный университет, планировал осуществлять набор с китайскими вузом-партнером, Шаньсийским педагогическим университетом, на совместную программу бакалавриата по истории. В данных по Самаркандскому государственному институту иностранных языков и Ургенчскому государственному университету информация о программах с китайскими вузами отсутствует. К сожалению, данные по совместным

программам Андижанского института машиностроения и Ташкентского государственного технического университета отсутствуют в материале министерства полностью.

Статистика государственного Фонда «Эл-юрт умиди» по направлению граждан Узбекистана на обучение в зарубежные страны также показывает слабые позиции Китая. По данным за 2018–2020 гг., всего было выделено 985 стипендий на краткосрочное обучение и обучение в магистратуре и аспирантуре, из них только 36 – для обучения в вузах Китая, страновые лидеры – Россия (461 стипендия), Великобритания (129), Южная Корея (83), Германия (48), Беларусь (47). Данные по другим азиатским странам следующие: Малайзия – 22 стипендии, Япония – 6, Индия – 2 [23].

Заметное развитие в Узбекистане с 2016 г. получила инфраструктура изучения Китая и китайского языка. Бурный рост в Узбекистане переживает сектор частного дошкольного и школьного обучения как по основным программам, так и программам дополнительного образования, включая курсы китайского языка. Постепенно расширяется обучение китайскому языку и в государственном секторе. Например, по имеющимся данным, если в 2008 г. при официальном содействии КНР и участии китайских преподавателей в Узбекистане курсы китайского языка предлагали в трех вузах [24], то к марту 2022 г. это было уже шесть университетов. Среди них ведущую роль играет Ташкентский государственный университет востоковедения, в котором в 2014 г. был открыт факультет китайоведения. На 2021/22 учебный год в вузе были сформированы 72 учебные группы по таким направлениям, как филология, литература, источниковедение, журналистика, история, философия, экономика и политика Китая. В 2021 г. Ташкентский государственный университет востоковедения подписал соглашение с Ляонинским педагогическим университетом о запуске с 2022/23 учебного года программы двойных дипломов по китайской филологии [25].

Однако в течение этого периода между Китаем и Узбекистаном не было создано ни одного нового Института Конфуция. Одной из важных причин этого является изменение характера Институтов Конфуция. В июне 2020 г. был официально учрежден Китайский международный фонд китайского образования в качестве головного органа и оператора бренда Института Конфуция, при этом вопросы открытия и функционирования Институтов Конфуция были переданы с уровня межправительственного – на уровень договоренностей между университетами. 21 марта 2019 г. Северо-западный Университет и Термезский государственный университет подписали соглашение о межвузовском сотрудничестве и Соглашение о совместном строительстве Института Конфуция. Пока данная работа так и не была начата.

По данным Института Конфуция в Ташкенте на 2020/21 учебный год, количество слушателей составляло более 250 чел., а с момента учреждения Института обучение прошли больше 3 тыс. слушателей [26]. В 2016 г. при поддержке штаб-квартиры Институтов

Конфуция в Ташкентском национальном университете востоковедения был создан лингфонный кабинет для проведения экзамена, подтверждающего уровень знания китайского языка (HSK, HSKK), в 2017, 2018 и 2019 гг. 326, 352 и 463 человека соответственно приняло участие в экзаменах HSK и HSKK.

Рекрутеры и образовательные выставки играют роль в процессе привлечения учащихся из Узбекистана в китайские университеты. China Campus Network (CCN) – это университетский консорциум, который состоит из 28 ведущих китайских вузов. Данная организация стремится привлечь иностранных студентов к китайскому высшему образованию. С 2017 г. региональный партнер этого консорциума в Узбекистане начал свою деятельность в Ташкенте. 8 октября 2019 г. в Ташкенте состоялась выставка «Высшее образование в Китае» под эгидой Совета стипендиальных программ Китая. На ней были представлены более 30 известных вузов Китая.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, безусловно, сказалась на динамике обучающихся граждан Узбекистана в китайских вузах, однако точные, официальные данные за 2020 и 2021 гг. отсутствуют в открытом доступе. Что касается привлечения иностранных студентов в вузы Узбекистана, их число растет ежегодно с момента начала реформы высшего образования, но все еще составляет сравнительно небольшую величину – 5 140 чел. на начало 2021/22 учебного года [27]. Известно, что основная масса – студенты из стран СНГ. Детальная статистика по странам не доступна в открытом доступе. По последним данным Института статистики ЮНЕСКО в отношении географии обучения студентов из Китая за рубежом, только 32 чел. учились в вузах Узбекистана [28].

Заключение

Два из трех приоритетов современной политики Китая в области интернационализации высшего образования имеют значение для правительства Узбекистана: открытие филиалов китайских вузов за рубежом и содействие мобильности студентов и преподавателей. В силу таких факторов, как низкий уровень изучения китайского языка в Узбекистане, проблемы качества узбекского образования, отсутствие интереса к Узбекистану со стороны ведущих вузов Китая, сотрудничество между странами в области высшего образования, несмотря на политику открытости со стороны Узбекистана, получило слабое развитие. Об этом свидетельствуют отсутствие филиалов китайских вузов в Узбекистане, крайне ограниченные данные по количеству совместных программ вузов двух стран, мобильности в Китай за счет средств Фонда «Эл-юрт умиди», количества обучающихся в Узбекистане студентов из Китая. Безусловно, пандемия новой коронавирусной инфекции также сыграла свою негативную роль, как и в случае сотрудничества с Китаем других стран.

Расширение изучения китайского языка в Узбекистане, создание и работа соответственно в Китае –

центров изучения Узбекистана, а в Узбекистане – центров изучения Китая, ставка КНР на укрепление связей со странами вдоль «Пояса и пути» и дальнейшее наращивание экономических связей Пекина и Ташкента, развитие политики содействия экспансии китайских университетов за рубеж позволяют спро-

гнозировать углубление сотрудничества Китая и Узбекистана в области высшего образования в средне- и долгосрочной перспективе. Китаю и Узбекистану еще предстоит решить задачу приведения образовательного сотрудничества в соответствие с достигнутым высоким уровнем экономического взаимодействия.

Список источников

1. Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. 2021. № 10. С. 157–168. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3040/1729> (дата обращения: 06.08.2022).
2. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 от 20.04.2017 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования». URL: <http://www.lex.uz/docs/3171587> (дата обращения: 06.08.2022).
3. 教育部2021年工作要点. Приоритеты работы Министерства образования в 2021 году. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_164/202102/t20210203_512419.html (дата обращения: 27.11.2021).
4. 中华人民共和国中外合作办学条例. Положение Китайской Народной Республики о совместном управлении образованием в образовательных учреждениях. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyxzfg/202204/t20220422_620494.html (дата обращения: 27.11.2021).
5. 中外合作办学独立法人机构名单. Список независимых университетов с юридическим статусом. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/361501229> (дата обращения: 05.04.2022).
6. 加快和扩大新时代教育对外开放. Рекомендации по ускорению и расширению открытости образования для внешнего мира в новую эпоху. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (дата обращения: 05.04.2022).
7. 关于做好新时期教育对外开放工作的若干意见. Рекомендации об открытии образования внешнему миру в новый период. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm (дата обращения: 20.10.2021).
8. 关于政协十三届全国委员会第一次会议第3664号（教育类331号）提案答复的函. Ответ на предложение № 3664 (№ 331 для сферы образования) Первой сессии 13-го Национального комитета Политической консультативной конференции КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201901/t20190131_368709.html (дата обращения: 05.04.2022).
9. 高等学校境外办学指南. Руководство по управлению высшими учебными филиалами за рубежом. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201909/t20190927_401294.html (дата обращения: 13.10.2021).
10. 关于政协十三届全国委员会第一次会议第3629号（教育类393号）提案答复的函. Ответ на предложение № 3429 (№ 393 для сферы образования) Второй сессии 13-го Национального комитета Политической консультативной конференции КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201912/t20191206_411148.html (дата обращения: 05.04.2022).
11. 国别与区域研究人才支持计划. Национальная и региональная программы для поддержки научных талантов. URL: <https://www.csc.edu.cn/chuguo/s/1980> (дата обращения: 11.02.2022).
12. 中国政府奖学金招生简章. Свод правил по набору студентов на основе гранта Китайского правительства. URL: https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_122933.html (дата обращения: 08.02.2022).
13. “一带一路”沿线国家工会干部汉语研修奖学金申请指南. Стипендии на изучение китайского языка для профсоюзных кадров из стран, участвующих в инициативе «Один пояс и один путь». URL: https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_380290.html (дата обращения: 14.02.2022).
14. 2020年中国留学发展现状及趋势总结. Краткое описание состояния развития и тенденций обучения за рубежом в Китае в 2020 году. URL: <https://www.iimedia.cn/c1020/74107.html> (дата обращения: 14.05.2022).
15. 2021年度全国留学发展报告. Отчёт о состоянии обучения китайских граждан за рубежом в 2021 году. URL: <https://new.qq.com/omn/20211125/20211125A03FV100.html> (дата обращения: 03.05.2022).
16. 宗慈李亭松. “一带一路”沿线国家来华留学生分布演变与趋势预测. 高教探索, 2020(04):91-99. Цзун Сяохуа, Ли Тинсун. Эволюция и прогноз тенденций распределения иностранных студентов из стран «Пояса и пути» в Китае // Исследование высшего образования. 2020. № 4. С. 91–99. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GJTA202004015.htm> (дата обращения: 03.03.2022).
17. 民心相通. Сближение народов. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2017-04/19/content_40649974.htm (дата обращения: 04.08.2022).
18. 相互承认学历学位协议汇编 // «教育涉外服务与管理丛书» 编委会. 北京: 高等教育出版社, 2009 // Сборник соглашений о взаимном признании академических квалификаций и степеней // «Серия услуг и менеджмента, связанных с образованием за рубежом». Пекин: Издательство высшего образования, 2009. URL: <http://www.tushu007.com/ISBN-9787040267600.html> (дата обращения: 04.03.2022).
19. 马健民 “一带一路”背景下中国与乌兹别克斯坦汉语教育合作交流研究. 北方民族大学学报. 2021 (4). 160-167. Ма Цзяньминь. Исследование сотрудничества и мобильности в области образования на китайском языке между Китаем и Узбекистаном в контексте «Пояса и пути» // Журнал Северного университета Минзу. 2021. № 4. С. 160–167. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XBDR202104021.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
20. 教育部国际交流与合作司. Департамент международного обмена и сотрудничества Министерства образования КНР. URL: <http://moe.gov.cn/s78/A20> (дата обращения: 21.05.2022).
21. 教育部国际合作与交流司, 编. 来华留学生简况统计 (2013年至2018年). 内部资料. Департамент международного обмена и сотрудничества Министерства образования КНР. Данные о количестве иностранных студентов в Китае (2013–2018). Без г. и м.
22. Юн С. Вузы Белоруссии – главный конкурент российских вузов в Узбекистане? // Центр евразийских исследований ТГУ, 2020. URL: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-vuzy-belorussii-glavnyi-konkurent-rossiiskikh-vuzov-v-uzbekistane/> (дата обращения: 06.08.2022).
23. Фонд «Эл-юрт умиди». Международная география стипендиатов фонда. <https://eyuf.uz/uploads/ibEqgoorYQ.jpg> (дата обращения: 06.08.2022).
24. 李雅梅. 乌兹别克斯坦共和国的汉语教学现状与思考. 国际汉语教学动态与研究. 2008(2). 13-18. Ли Ямэй. Текущая ситуация и перспективы преподавания китайского языка в Республике Узбекистан // Динамика и исследование международного преподавания китайского языка. 2008. № 2. С. 13–18. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GHJY200802004.htm> (дата обращения: 06.06.2022).
25. Рихсиева Г. Сотрудничество Узбекистана и Китая в сфере высшего образования и науки. 21.07.2022. URL: <https://www.kp.kz/daily/27421/4621059/> (дата обращения: 06.08.2022).
26. Информация о деятельности Узбекско-китайского Института имени Конфуция при Ташкентском государственном университете востоковедения. URL: <https://tsuos.uz/ru/konfutsiy-nomidagi-ozbek-xitoy-instituti/> (дата обращения: 06.08.2022).

27. Объявлено количество иностранных студентов, обучающихся в Узбекистане. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/05/30/obyavleno-kolichestvo-inostrannykh-studentov-obuchayushchixsya-v-uzbekistane#:~:text=Информацию%20о%20количестве%20иностранных%20студентов%2C%20учащихся%20в%20Узбекистане%20представил%20Госкомстат.&text=По%20данным%20комитета%2C%20на%20начало,человек> (дата обращения: 12.06.2022).
28. UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 06.08.2022).

References

1. Troitskiy, E.F. & Yun, S.M. (2021) Uzbekistan: New Milestones of Higher Education Internationalization. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 10. pp. 157–168. [Online] Available from: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3040/1729> (Accessed: 06.08.2022). (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168
2. Lex.uz. (2017) Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-2909 of April 20, 2017 “On measures for the further development of the higher education system”. [Online] Available from: <http://www.lex.uz/docs/3171587> (Accessed: 06.08.2022). (In Russian).
3. Moe.gov.cn. (2021) Priorities for the work of the Ministry of Education in 2021. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_164/202102/t20210203_512419.html (Accessed: 27.11.2021). (In Chinese).
4. Moe.gov.cn. (2022) Regulations of the People’s Republic of China on the joint management of education in educational institutions. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyxzfg/202204/t20220422_620494.html (Accessed: 27.11.2021). (In Chinese).
5. Zhuanlan.zhihu.com. (2022) List of independent universities with legal status. [Online] Available from: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/361501229> (Accessed: 05.04.2022). (In Chinese).
6. Moe.gov.cn. (2020) Recommendations for accelerating and expanding the openness of education to the outside world in a new era. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (Accessed: 05.04.2022). (In Chinese).
7. Gov.cn. (2016) Recommendations on the opening of education to the outside world in the new period. [Online] Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm (Accessed: 20.10.2021). (In Chinese).
8. Moe.gov.cn. (2019) Response to Proposal No. 3664 (No. 331 for Education) of the First Session of the 13th National Committee of the PRC Political Consultative Conference. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201901/t20190131_368709.html (Accessed: 05.04.2022). (In Chinese).
9. Moe.gov.cn. (2021) Guidelines for the management of higher educational branches abroad. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201909/t20190927_401294.html (Accessed: 13.10.2021). (In Chinese).
10. Moe.gov.cn. (2019) Response to Proposal No. 3429 (No. 393 for Education) of the Second Session of the 13th National Committee of the PRC Political Consultative Conference. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201912/t20191206_411148.html (Accessed: 05.04.2022). (In Chinese).
11. Csc.edu.cn. (2022) National and regional programs to support scientific talents. [Online] Available from: <https://www.csc.edu.cn/chuguo/s/1980> (Accessed: 11.02.2022). (In Chinese).
12. Campuschina.org. (2020) A set of rules for the recruitment of students based on a grant from the Chinese government. [Online] Available from: https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_122933.html (Accessed: 08.02.2022). (In Chinese).
13. Campuschina.org. (2022) Chinese language scholarships for trade union cadres from countries participating in the Belt and Road Initiative. [Online] Available from: https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_380290.html (Accessed: 14.02.2022). (In Chinese).
14. Iimedia.cn. (2020) Brief description of the development status and trends of study abroad in China in 2020. [Online] Available from: <https://www.iimedia.cn/c1020/74107.html> (Accessed: 14.05.2022). (In Chinese).
15. Qq.com. (2021) Report on the status of Chinese citizens studying abroad in 2021. [Online] Available from: <https://new.qq.com/omn/20211125/20211125A03FV100.html> (Accessed: 03.05.2022). (In Chinese).
16. Zong Xiaohua & Li Tingsun. (2020) Evolution and Forecast of Trends in the Distribution of Foreign Students from Belt and Road Countries in China. *Study of Higher Education*. 4. pp. 91–99. [Online] Available from: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GJTA202004015.htm> (Accessed: 03.03.2022). (In Chinese).
17. Keywords to Understand China. (2017) Rapprochement of peoples. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2017-04/19/content_40649974.htm (Accessed: 04.08.2022). (In Chinese).
18. Anon. (2009) Collection of agreements on mutual recognition of academic qualifications and degrees. In: *Series of services and management related to education abroad*. Beijing: Higher Education Press. [Online] Available from: <http://www.tushu007.com/ISBN-9787040267600.html> (Accessed: 04.03.2022). (In Chinese).
19. Ma Jianmin. (2021) A study of cooperation and mobility in education in Chinese between China and Uzbekistan in the context of the Belt and Road Initiative. *Journal of Northern Minzu University*. 4. pp. 160–167. [Online] Available from: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XBDR202104021.htm> (Accessed: 12.05.2022). (In Chinese).
20. Department of International Exchange and Cooperation of the Ministry of Education of the People’s Republic of China. [Online] Available from: <http://moe.gov.cn/s78/A20> (Accessed: 21.05.2022). (In Chinese).
21. Anon. (n.d.) Department of International Exchange and Cooperation of the Ministry of Education of the People’s Republic of China. Data on the number of international students in China (2013–2018). (In Chinese).
22. Yun, S. (2020) Vuzy Belorussii – glavnyy konkurent rossiyskikh vuzov v Uzbekistane? [Belarusian universities – the main competitor of Russian universities in Uzbekistan?]. [Online] Available from: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-vuzy-belorussii-glavnyi-konkurent-rossiyskikh-vuzov-v-uzbekistane/> (Accessed: 06.08.2022).
23. Fond “El-yurt umidi” [El-Yurt Umidi Foundation]. (2022) Mezhdunarodnaya geografiya stipendiatov fonda [International geography of the Foundation Fellows]. <https://eyuf.uz/uploads/ibEqgopYQ.jpg> (Accessed: 06.08.2022).
24. Li Yamey. (2008) Tekushchaya situatsiya i perspektivy prepodavaniya kitayskogo yazyka v Respublike Uzbekistan [The current situation and prospects for teaching Chinese in the Republic of Uzbekistan]. *Dinamika i issledovanie mezhdunarodnogo prepodavaniya kitayskogo yazyka*. 2. pp. 13–18. [Online] Available from: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-GHJY200802004.htm> (Accessed: 06.06.2022). (In Chinese).
25. Rikhsieva, G. (2022) Sotrudnichestvo Uzbekistana i Kitaya v sfere vysshego obrazovaniya i nauki [Cooperation between Uzbekistan and China in the field of higher education and science]. 21 July 2022. [Online] Available from: <https://www.kp.kz/daily/27421/4621059/> (Accessed: 06.08.2022).
26. Tsuos.uz. (2022) Informatsiya o deyatelnosti Uzbeksko-kitayskogo Instituta imeni Konfutsiya pri Tashkentskom gosudarstvennom universitete vostokovedeniya [Information about the activities of the Uzbek-Chinese Confucius Institute at the Tashkent State University of Oriental Studies]. [Online] Available from: <https://tsuos.uz/ru/konfutsiy-nomidagi-ozbek-xitoy-institut/> (Accessed: 06.08.2022).
27. Kun.uz. (2022) Ob “yavleno kolichestvo inostrannykh studentov, obuchayushchikhsya v Uzbekistane” [The number of foreign students studying in Uzbekistan has been announced]. [Online] Available from: <https://kun.uz/ru/news/2022/05/30/obyavleno-kolichestvo-inostrannykh-studentov-obuchayushchixsya-v-uzbekistane#:~:text=Информацию%20о%20количестве%20иностранных%20студентов%2C%20учащихся%20в%20Узбекистане%20представил%20Госкомстат.&text=По%20данным%20комитета%2C%20на%20начало,человек> (Accessed: 12.06.2022).
28. UNESCO Institute for Statistics. (2022) Global Flow of Tertiary-Level Students. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (Accessed: 06.08.2022).

Информация об авторах:

Цзюй Чуанья – канд. филол. наук, научный сотрудник и постдокторант факультета русского языка Института международных исследований Университета имени Сунь Ятсена (Чжухай, Китай). E-mail: juchy3@mail.sysu.edu.cn / 450076784@qq.com

Юн Сергей Миронович – канд. ист. наук, зав. кафедрой мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ju Chuanya, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Sun Yat-sen University (Zhuhai, People's Republic of China). E-mail: juchy3@mail.sysu.edu.cn / 450076784@qq.com

S.M. Yun, Cand. Sci. (History), head of the Department of World Politics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 08.08.2022;
approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/15617793/482/13

Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов

Алексей Константинович Кириллов¹

¹*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, alkir.nsk@gmail.com*

Аннотация. Ответ на вопрос о роли податных инспекторов в работе фискальной системы России начала XX в. автор пытается найти при помощи материалов о спорах вокруг размеров налоговых платежей западно-сибирских предпринимателей. Сопоставляя источники о рассмотрении жалоб во 2-м Томском раскладочном присутствии при двух податных инспекторах, автор приходит к выводу о том, что стиль их работы существенно разнился с точки зрения, во-первых, готовности инспектора к восприятию доводов плательщиков и, во-вторых, прозрачности принимаемых решений.

Ключевые слова: история налогов, подоходный налог, промысловый налог, податное присутствие, Россия начала XX в.

Благодарности: приношу благодарность сотрудникам Государственного архива Томской области и лично Анастасии Геннадьевне Караваевой, без поддержки которой выполнение этой работы было бы невозможно.

Для цитирования: Кириллов А.К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 125–134. doi: 10.17223/15617793/482/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/13

The working style of the business tax distribution office and the tax inspector's personality in Tomsk Governorate in the early 20th century: The factor of an official in the epoch of income taxes formation

Alexey K. Kirillov¹

¹*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation alkir.nsk@gmail.com*

Abstract. Business tax distribution offices in Russia in the early 20th century were a part of the system of relations between the state and the taxpayer, relevant to the era of income taxation formation in the Western world. Working in the interests of filling up the state budget, the offices consisted mainly of representatives of merchants paying the tax. One of the unexplored issues in the work of the Russian tax offices is the dependence of their practices on the personality of the tax inspector chairing the meetings. Rare material for the study of this issue is provided by the archival fund of the 2nd Tomsk Business Tax Distribution Office. The author's sources include complete annual collections of minutes of the office meetings held under two different tax inspectors. The progress and results of considering the merchants' complaints as presented by the minutes reveal significant differences in the working style of the two inspectors. Under inspector D. Fedorchenko, the office would delve into the state of affairs of each petitioner as deeply as possible and explain reasons for its decision in details. The number of rejections exceeded the number of satisfied applications, the inspector guarded vigilantly the interests of the treasury. Still, decisions in favor of the payers were made not only on the basis of legally indisputable documents, but also on the basis of taxpayers' "unfounded" (according to the instructions) explanations. The office sought to determine as accurately as possible the taxable base for each payer, so as to avoid understating and overstating the amount. Under inspector K. Gruzinov, in most cases, refusal decisions were made on formal grounds, without an attempt to consider the case in substance. And even if merchants presented legally weighty arguments (bookkeeping records), they were in most cases rejected on formal grounds. However, from time to time, K. Gruzinov made concessions to taxpayers that he could well avoid without breaking the law. The facts presented in the article allow a conclusion that the style of work of the two inspectors differed significantly concerning their readiness to accept other people's arguments and the transparency of their decisions. Fedorchenko's methods favored the interests of his duties, meanwhile Gruzinov's style better ensured the personal interest of the inspector, since it did not require selfless overtime work. The system of the business tax

was tolerant to the inspector's taking the way of least resistance, which favored the predominance of Gruzinov's methods throughout the country. Under such conditions, not relying on the conscientiousness of officials, but limiting the rights of tax offices in favor of taxpayers' rights could be the only protection against arbitrariness. Limitation of this kind came true when the 1916 income tax law was being created.

Keywords: tax history, income tax, business tax, tax office, late imperial Russia.

Acknowledgements: I express my gratitude to the staff of the State Archive of Tomsk Oblast, and personally to Anastasia G. Karavaeva: without her support this work would not have been possible.

For citation: Kirillov, A.K. (2022) The working style of the business tax distribution office and the tax inspector's personality in Tomsk Governorate in the early 20th century: The factor of an official in the epoch of income taxes formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 125–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/13

Раскладочные присутствия – потешные полки новой налоговой системы, медленно возникавшей в результате долгой податной реформы капиталистической России. Еще не решаясь ввести налог под названием «подходный», реформаторы экспериментировали с подходным принципом в других налогах. Прежде чем перенести на новые налоги основную тяжесть податного бремени, надо было убедиться в дееспособности технологии определения дохода.

Подходный налог – это нечто большее, чем просто финансовая подробность. Это крупное завоевание общественного прогресса XIX в., стоившее немало сломанных копий. Весь «длинный XIX век» связан с привыканием человечества к мысли о том, что бюджет должен опираться не на тех, кого больше, а на тех, кто богаче. В Англии подходный налог, уже введенный было в годину таких дорогостоящих Наполеоновских войн, пришлось отменять, и показательно сжигать собранные казначейством данные о плательщиках; лишь после четвертьвекового перерыва этот налог появился вновь [1, 2]. В США потребовалось не просто повторное введение подходного налога, но ещё и принятие специальной поправки к конституции перед этим. Американцы все-таки успели ввести подходный налог до начала Первой мировой войны (1913). России (1916) и Франции (1917) потребовался дополнительный стимул в виде чрезвычайных военных расходов.

Сама по себе драматичная история борьбы западного мира за подходный налог была изложена по горячим следам. Деятельный сторонник этого налога, американский экономист и публицист Эдвин Зелигман, сопоставляя устройство этого налога в США и странах Западной Европы, приходил к заключению, что американцы «могут гордиться тем, чего удалось достичь» [3. Р. 703.]. Для него то была история борьбы за справедливость. Выдавливать деньги на государственные расходы надо не из тех, кто пойдёт последнюю коровушку продавать для уплаты недоимки, а из тех, у кого денег много – так понимали дело многие современники. Такое представление о налоговой справедливости прочно закрепилось в мире в первой половине XX в., только в последней четверти столетия борцы за свободное развитие предпринимательства взяли частичный реванш [4].

Через сто лет после Зелигмана к истории появления подходных налогов в США обратился чикагский профессор Аджай Меротра. Формулируя фокус своего исследования, он отчасти повторяет идею Зелигма-

на, но задаёт более широкие рамки: переход к прогрессивным прямым налогам в США, по словам Меротра, означал «появление новой системы податного устройства государства, которая вдохновлялась стремлением не только собрать побольше налогов, но учесть более широкие соображения общественного свойства: об экономической справедливости, гражданском сознании, дееспособности госаппарата, о силе общества» [5]. Как видим, наряду со справедливостью здесь возникают государственный аппарат и гражданское сознание. Связанная с этим постановка проблемы требует дополнительного пояснения.

Стокгольмский профессор Ян Глет, изучавший налоговые перемены в Испании, Голландии и Швеции в XVI–XVII вв., увязывал их со складыванием нового типа государства – фискально-военного. «Появление такого государства как нового типа общественного устройства изменило отношения между государством и обществом» – полагал он [6. Р. 2]. Уточняя это положение, испанский профессор Бартоломе Юн-Касалилья так описывает содержание этого перехода: «основой для сбора налогов стали не сообщества, а отдельные лица» [7. Р. 12]. Завершение этого процесса Юн-Касалилья относит к эпохе Наполеоновских войн, а с учётом распространения новой системы по всей Европе продлевает срок до начала XX в., тем самым возвращая нас из Средневековья к уже знакомой нам эпохе. Гонконгский историк Венкай Хе расширяет этот подход географически: аналогичные европейским явления он обнаруживает и в Японии второй половины XIX в. (хотя и не находит их в своём родном Китае, перед налоговой политикой которого стояли те же задачи, что и в Европе) [8. Р. 18].

Итак, переход от налогов типа подушной подати к подходным налогам требовал гораздо более близкого знакомства государства с делами своих подданных. До тех пор государство могло себе позволить не знать доходов подданных, так как и крестьянская община, и мещанское общество отвечали круговой порукой, а купцов достаточно было облагать по формальным признакам (и взимать одинаковые суммы с членов одной гильдии, игнорируя разницу в их доходах). Теперь же, чтобы взимать подходный налог в правильном размере, государство должно было глубоко сунуть свой нос в дела отдельного человека. Как замечает гейдельбергский профессор Эккарт Шреммер, это привело к складыванию в XX в. интервенционистского государства [9. Р. 452].

Именно эта сторона дела вызывала сильное беспокойство современников на Западе. И даже небогатые плательщики выступали за снижение налогов с богатых, так как воспринимали враждебно само государственное вторжение в жизнь человека ради поиска облагаемых доходов [10. Р. 15]. Именно эта сторона дела оказывается на первом плане в монографии нью-йоркского профессора Янни Коцониса, которая основана полностью на российском материале от Великих реформ до нэпа [10].

Его наблюдения за усилением государственного вмешательства в финансовую жизнь людей лишены критического подтекста: все происходящее он воспринимает как неотъемлемую черту превращения человека в гражданина. Необходимость пустить недреманное око государства в свои финансовые секреты – это для Коцониса лишь оборот медали, на лицевой стороне которой – гражданские права и свободы.

Можно назвать это парадоксом: борясь за вроде бы более демократичную тенденцию (брать с богатых и с бедных не поровну, с богатых больше), государство в то же время усиливает проникновение в частную (для начала – экономическую) жизнь отдельного плательщика. В послесловии к своей монографии, подытожившей его податные исследования, Коцонис рассуждает о роли налогов и роли гражданственности в Советском Союзе. Действительно, подоходный налог, за который боролись либералы в царское время, с точки зрения усиления контроля за отдельным человеком стал еще одной ступенькой на лесенке, ведущей к сталинской модели государственно-общественного взаимодействия.

Предыдущей ступенькой на этой лесенке и были раскладочные присутствия. Они имели задачей определять прибыль предприятий, не ведущих правильной бухгалтерии. От этого зависело распределение определённой суммы между плательщиками, а после реформы 1898 г. – ещё и размер поступлений от процентного «сбора с излишка прибыли». Кажется парадоксальным, что орудием казны, заинтересованной в увеличении сборов, стали органы, состоящие по большей части из плательщиков – людей, заинтересованных в том, чтобы платить меньше. Тем не менее привлечение общества к наполнению государственного бюджета не было исключительно российской практикой. И английские, и прусские присутствия, и присутствия некоторых американских штатов состояли из представителей налогоплательщиков, а представлявший интересы государства податный инспектор (даже при участии акцизного чиновника) оказывался в меньшинстве. В Англии число податных чиновников (*surveyors*) в 1860-е гг. не достигало и 400, тогда как число местных представителей (*local commissioners*) с их помощниками (*officers*) превышало 50 тыс. Это были не чиновники, а местные выборные, выполнявшие общественное поручение.

Именно они и занимались оценкой подаваемых деклараций, имея право исправлять заявленную сумму дохода на свое усмотрение заочно или по итогам

собеседования с плательщиком. В двух статьях Маргарет Лэмб [11, 12], где приведены результаты её диссертации [13], показано, что в середине 1850-х гг. правительственный контроль над налоговыми декларациями опирался на субъективное усмотрение должностных лиц, существенно не ограниченное «объективными» правилами расчета. Лишь к концу века «правильная дисциплина Нового времени» возобладала над произволом. Одновременно снижалась и роль местных представителей, в начале XX в. основную роль стали играть чиновники.

Работа раскладочных присутствий в России в последнее десятилетие обратила на себя внимание исследователей. Этот сюжет затрагивался в публикациях Марискиных [14, 15] (в контексте предпринимательских налогов) и А.М. Новоторцевой [16] (в контексте микроистории). Е.С. Кравцова недавно привлекла внимание товарищей по цеху экономической истории к необходимости более глубокого изучения российских податных присутствий всех видов [17]. Ю.И. Петров, соприкоснувшийся с работой раскладочных присутствий на смоленских материалах, пришёл к мысли об умелом привлечении податными инспекторами общественных представителей и, как следствие, успешном их взаимодействии в деле раскладки налога [18. С. 190]. В том же ключе упоминает раскладочные присутствия Янни Коцонис. Инспектор и члены присутствия, согласно Коцонису, отлично уживались, подтверждением чего служит цифра: в 1912 г. мнения инспекторов и членов присутствия по вопросу о назначении суммы дополнительного раскладочного сбора разошлись лишь в одном случае из тысячи. Другая возможная линия противостояния в связи с работой раскладочных присутствий – это противостояние между присутствием в целом (инспектор плюс выборные члены) и плательщиком. Борьба по этой линии регистрировалась чаще: от 3% обжалованной суммы раскладочного сбора в 1889–1891 гг. до 5% в 1912 г. Но и этот показатель, сравнивая его с прусскими цифрами 1892–1897 гг. (13%), Коцонис называет низким [10. Р. 133–136]. Он справедливо уязвляет незначительность обжалований с тем, что для убедительного оспаривания предписанной цифры предпринимателю требовалось предоставить свои бухгалтерские записи, составленные по официальным правилам – явление среди мелких торговцев и промышленников крайне редкое.

Тем не менее жалобы (официально именуемые «возражениями») подавались, и по каждой из них участковое присутствие составляло «мотивированное заключение» для общего присутствия казённой палаты (которое и принимало решение). Сопоставляя «мотивированные заключения», составленные при разных податных инспекторах, мы можем увидеть личный почерк каждого из них как руководителя присутствия.

Журналы заседаний по рассмотрению возражений на раскладку (в которые и записывались «мотивированные заключения») – документ массовый: ежегодно, на протяжении десятилетий в России составлялись тысячи и десятки тысяч подобных документов. Тем не менее подборка, использованная для данной статьи,

раритетна. Она включает три полных годовых набора журналов (вместе с исходными возражениями), что уже редкость: как правило, подобные материалы не сохранились. Каждый набор составляет (вместе с перепиской между казённой палатой и инспектором) отдельное архивное дело в фонде Томской казённой палаты. Все решения созданы 2-м Томским раскладочным присутствием с разницей лишь в восемь лет, причём под руководством двух разных податных инспекторов. Правда, за эти годы казённая палата успела провести новую нарезку податных участков, территория 2-го томского участка изменилась: авторы возражений 1907 г. живут в разных поселениях южной части Томского уезда, все возражения 1913 и 1915 гг. поданы предпринимателями города Томска. Но есть и сходство: и в 1907, и в 1913–1915 гг. среди «клиентов» этого присутствия преобладали городские торговцы.

Один из сюжетов, освещаемых этими документами (дело Г.И. Фуксмана), рассматривался в монографии, подводившей предварительные итоги изучения податной системы пореформенной России [19. С. 121–129]. Но дело Фуксмана имело особую подкладку (желание чиновников наказать неугодного купца); теперь же обратимся к рутине податных присутствий, не отмеченной печатью предвзятости.

Начнём с материалов 1907 г. В этом году работой присутствия руководил Д.С. Федорченко, очевидно, по молодости оставшийся ещё в статусе помощника податного инспектора. Известно, что в мае–июне 1907 г. ему пришлось принимать участок у своего предшественника [20. Л. 322–323], но и в 1903, и в 1905 гг. ему уже доводилось руководить раскладками, он же (судя по открывающему дело протоколу) с самого начала вёл и раскладочную кампанию 1907 г.

Ещё в 1902 г. податной ревизор Дмитрий Львович Киреевский, давая оценку работе всей податной инспекции Томской губернии, особенно хвалил именно постановку работы по промысловому налогу: «дело надзора за производством торговли и промыслов в Томской губернии надлежит признать поставленным в пределах возможного правильно» [21. Л. 323 об. – 324]. Он же, впрочем, упрекал инспектора 2-го Томского участка в недостаточно внимательном отношении к новониколаевской торговле. Молодой посёлок Новониколаевский (с 1903 г. – город), расположенный на юге Томского уезда, быстро рос именно как торговый центр.

Из отношения Д.С. Федорченко в казённую палату [20. Л. 15–17] известно, что присутствие под его руководством в 1907 г. рассмотрело 53 возражения на раскладку. Это на порядок больше, чем во времена Д.Л. Киреевского, и сам инспектор оценивал количество жалоб как большое. Связан ли рост числа жалоб на раскладку с недавней революцией, заронившей в души российских граждан страсть к борьбе за свои права, или с ростом новониколаевской торговли, но инспектор подошёл к возражениям ответственно. По каждому предприятию дано предельно подробное обоснование принятого решения. Д.С. Федорченко опирался при этом не только на свои данные, но и на

знания членов присутствия. Даже после двукратной неявки выборных членов присутствия он не воспользовался правом провести заседание без них и всё-таки дождался выборных. Вынужденный отвечать на претензии Казённой палаты о произошедшей из-за этого задержке, инспектор не без раздражения предложил начальникам убедиться «путем расследования», что во время раскладочной кампании он «посвящал делам целые дни, не выходя из квартиры по несколько недель сряду и положительно не отходя от письменного стола» [20. Л. 322 об. – 323].

Забываясь об интересах казны, Д.С. Федорченко довольно строго отнёсся к возражениям плательщиков. Только в 6 случаях из 53 налог был снижен. Ещё 15 возражений, поступивших после положенного срока, вообще были оставлены без рассмотрения [20. Л. 18–18 об.]. Типичный пример строгости инспектора даёт разбор жалобы крестьянина Ишимской волости деревни Медведчиковой Никифора Фатеевича Алькова. Ему вменили доход в 700 руб., тогда как он заявлял 120 руб. валовой прибыли, из которой к тому же вычитал крестьянские и земские налоги, а заодно жаловался на малый доход от развозной торговли по уезду и возмущался, что Антон Кербин в с. Ишимском имеет большую торговлю и лучше всех торгует, а платит только 7 рублей налога [20. Л. 28]. В журнале раскладочного присутствия по рассмотрению этого возражения читаем, что Альков – один из крупнейших торговцев своей волости, ведёт «большую меновую торговлю» (если торговец разрешал покупателям рассчитываться не деньгами, а продуктами собственного производства, это считалось обстоятельством, увеличивающим его оборот и прибыль). В 1906 г. «продал одного только воску, собранного путем мены на товар, свыше 200 руб.» (сумма подчёркнута двойной чертой) [20. Л. 29 об.]. Поэтому присутствие не находит цифру в 7 000 руб. оборота и 700 руб. прибыли завышенной, налог в 10,6 руб. сохраняется.

Иной раз инспектор действует даже, по-видимому, на грани фола. Новониколаевский торговец Михаил Николаевич Верхов жаловался, что ему вменено прибыли 4 000 руб. Между тем, по его словам, в марте 1907 г. присутствие сообщало, что ему вменили 7 000 руб. оборота (а прибыли, значит, на порядок меньше). Настаивая на последней цифре, он приглашал чиновников проверить счета и торговые записи, делаемые для себя [20. Л. 71–71 об.]. В ответ присутствие сообщило, что «по общему мнению» товарищей Верхов по мануфактурному ряду на новониколаевском базаре, «Верхов торгует удачнее всех, исключая находящихся здесь же двух магазинов Жернаковых. Товар покупает из первых рук в Москве и Нижнем и привозит его в течение года несколько раз, что указывает на быстрое обращение капитала. Во всякое время можно найти в его лавке тысяч на 20 всякого товара, главным образом, мануфактурного» [20. Л. 72 об.]. Вот почему вменённый ему оборот в 40 тыс. руб. (и соответственно, прибыль 4 тыс. руб.) следует считать обоснованными. Притом заявление Верхов о 7 тыс. руб., вменённых ему изначально, в объяснениях присутствия проигнорировано совершенно. Если

бы это заявление было ложным, присутствие, конечно, с удовольствием бы на это указало. Раз такого указания нет, надо думать, что действительно, речь идёт об ошибке инспектора, исправленной за счёт членов присутствия уже после рассылки извещений. Конечно, это было похоже на отказ от собственного слова, но инспектора это не смутило.

Разбирая возражения плательщиков, инспектор выказывал отличные историкомедведческие навыки. Вот – Иван Иванович Вахромеев, владелец мелочной лавки¹ в селе Тутальском (вменённая прибыль 900 руб., налог 48,6 руб.). Лавка, по объяснению хозяина, «находится в селении, в котором насчитывается до 50-ти дворов, в селении этом есть еще другая лавка, имеющая большее преимущество пред моей как производящая торговлю мануфактурными товарами; кроме того селение Тутальское находится в 5 верстах от торгового (с базаром и торговыми лавками) села Поломошного» [20. Л. 67–67 об.]. В отличие от многих, жалобщик не поленился запастись специальным документом: «При генеральной поверке Тутальским волостным старшиною в присутствии сведущих лиц установлено, что лавка моя имеет валового оборота в год 700 руб.» [20. Л. 67 об.]. О чём и выдана здесь же приложенная справка на бланке Тутальского волостного правления, за подписью старшины и писаря, с фиолетовой печатью. Инспектор парировал: «Хотя к возражению Вахромеева приложено удостоверение Тутальского волостного правления, написанное одною и той же рукой и подтверждающее заявление жалобщика, однако удостоверение это, по мнению присутствия, устанавливает не столько справедливость возражения, сколько приятельские отношения, существующие между должностными лицами волостного правления и находящимся напротив, через дорогу, торговым предприятием Вахромеева» [20. Л. 69 об.]. В дополнение к этому наблюдению инспектор привёл обстоятельное объяснение, опирающееся на личное знакомство с торговлей в с. Тутальском, это полностью опровергло доводы Вахромеева.

Вообще, Д.С. Федорченко без умиления относился к торговцам. Свою уверенность в том, что все они пытаются обмануть податной надзор, он между прочим сформулировал в одном из решений: «В тех торговых предприятиях г. Новониколаевска и других мест Томского уезда, где Председателю присутствия удавалось, благодаря оплошности владельцев, просматривать при поверке торговли ежедневную запись выручки, всегда оказывалось, что словесное заявление торговца бывает обыкновенно раз в десять ниже действительной выручки» [20. Л. 98 об.].

Инспектора Федорченко, таким образом, нельзя назвать мягкотелым. С другой стороны, неоднократно он идёт навстречу плательщикам в таких случаях, когда легко мог бы настоять на первоначальной цифре. Иногда он при этом указывает даже такие основания для понижения, которых не называл сам проситель.

Показательна в этом отношении история Иноземцева. Иван Иванович Иноземцев определял свой годовой оборот в 3 000 руб., ему вменили 12 тыс.

(и 1 200 руб. прибыли), как и в предыдущем году [20. Л. 100]. Из доводов в возражении – только оценка ежедневной выручки в текущем (1907) году. Поскольку налог назначался за предыдущий год, у присутствия были все основания жалобу отклонить. Тем не менее присутствие учло, что И.И. Иноземцеву пришлось отвлекаться от своего дела из-за Русско-японской войны. «По общему удостоверению торговых депутатов Тайги и торгующих в ней», за время флотской службы Иноземцева «торговля в этой лавке по причине неумелого ведения ее женой просителя сильно пала и со времени возвращения владельца не успела еще дойти до прежнего состояния» [20. Л. 120 об.]. Из-за этого «вновь появившегося обстоятельства, неизвестного во время первоначальной раскладки», присутствие понизило вменённый торговцу оборот и, соответственно, прибыль в два с половиной раза.

Ещё более удивительна история новониколаевского владельца мелочной торговли Боуколовского. Дворянин Альфонс Игнатьевич Боуколовский торговал по свидетельству 3-го разряда. Ему вменили 800 руб. прибыли, он же настаивал на прибыли в 180 руб. (при обороте в 1800 р.). Торговля, – жаловался он в возражении, – плохая; торговцев в Ново-Николаевске больше, чем покупателей. Денег на содержание 8 детей не хватает, поэтому в дополнение к торговле «пользуюсь небольшим заработком по моей профессии и специальности как отставной медицинский военный фельдшер», а жена подрабатывает шитьём одежды и белья. Жаловался дворянин-торговец и на то, что лишился сбережений из-за призыва сначала на подавление Боксёрского восстания, а потом и на Русско-японскую войну. Но ничего из этого инспектора не впечатлило.

Оставив без внимания доводы плательщика, председатель присутствия обратил внимание на мимолётное упоминание о том, что торговля открыта с 1 января 1907 г.: значит, торговля первогодняя, и взыскивать с А.И. Боуколовского налог за 1906 год нельзя? На эту тему было сомнение: Боуколовский торговал из того помещения, где раньше торговал Гурский. «Внешняя физиономия лавки осталась та же, что была и раньше» – значит, есть основание думать, что податель возражения перекупил дело у своего предшественника, а не начинал с нуля в том же помещении. Председатель провёл специальный опрос, при котором «несколько опрошенных торговцев высказали предположение, что Боуколовский приобрел торговлю Гурского со всеми находящимися товарами и обстановкой» (и значит, предприятие как таковое первогодным не было, налогу подлежало), «другие же подтвердили заявление Боуколовского, говоря, что дело Гурского до перехода торгового помещения к Боуколовскому было ликвидировано и последний завел его вновь» [20. Л. 54 об.]. «Чтобы избежать возможной ошибки», предприятие решили освободить как первоеднее. Инспектор Федорченко трактовал сомнения в пользу плательщика!

Готовность Д.С. Федорченко учитывать не только юридически значимые доводы плательщиков, но любые основания для сомнений, ярко проявляется в его

нередких упреках торговцам, не предоставившим в подтверждение своей жалобы торговых записей. Типичный пример дает разбор жалобы новониколаевского торговца 2-го разряда Козьмы Петровича Артюшкина. Он настаивал на том, что у него не только нет прибыли за минувший год, но даже получился убыток. Присутствие упрекнуло его в непредоставлении каких бы то ни было доказательств, «между тем как таковые доказательства в виде, хотя бы, ежедневной записи выручки и поступлений товара у него несомненно имеются, так как он ведет довольно крупную торговлю, покупает товары в Москве и Нижнем и рассчитывается частью векселями» [20. Л. 39 об.]. Эта претензия повторяется в адрес многих солидных магазинов и грамотных коммерсантов. Что важно: это не упрек в непредоставлении правильных бухгалтерских книг, ведущихся «счетоводом» (бухгалтером). Если предприятие предоставляло правильные бухгалтерские книги, то вопрос о вменённой прибыли вообще не вставал: облагалась действительная. Но инспектор, идя навстречу торговцам, готов был учитывать любые записи, способные помочь установить действительность.

Из предыдущих цитат уже видно, что для этого он использовал не только сведения, предоставленные плательщиками. Инспектор активно общался с иными торговцами (включая членов присутствия) и собирал косвенные данные. Результаты этих исследований учитывались не только в спорных случаях, но уже и при первичной раскладке, о чём можно судить по специальным оговоркам в тех решениях, когда плательщику вменялась меньшая сумма, чем следовало бы по формальным признакам. Один из таких примеров – обложение Андриана Прокопьевича Злоказова, владельца кожевенного заведения в Колывани. Из журнала: «Присутствию, в особенности же членам его от г. Колывани, хорошо известна торговая деятельность жалобщика. <...> Раньше Злоказов был самым сильным кожевенным торговцем г. Колывани. В настоящее же время он имеет такого конкурента в лице Рухлядева, который в торговле занял его место. Это обстоятельство присутствием принято в расчет, благодаря чему оборот и прибыли по принадлежащему ему предприятию сравнительно с прошлым годом понижены» (оборот – с 10 до 7 тыс., прибыль – с 1 500 до 1 050 руб.) [20. Л. 94 об.]. Такого рода примеры дополняют облик Федорченко как глубокого знатока подопечных торговцев, дотошно вникающего в их дела с целью правильно обложить их налогом. Девизом Федорченко была не строгость, а справедливость.

Настала пора обратиться к действиям Константина Алексеевича Грузинова. Уже упоминавшийся Д.Л. Киреевский в 1902 г. аттестовал 26-летнего К.А. Грузинова (служившего тогда в Кузнецком уезде) как «совсем еще молодого человека», который «не отличается умением ладить с людьми», но зато усерден в исполнении обязанностей. В частности, в заслугу Грузинову ревизор ставил рост поступлений промыслового налога, ещё точнее – процентного сбора «с излишка прибыли», последним актом определения которого как раз и было рассмотрение возражений

плательщиков. Особенно подчеркнул ревизор то, что возражения плательщиков на раскладку «рассмотрены очень подробно» (правда, тогда, в Кузнецке, их было всего четыре) [21. Л. 370–371 об.]. Это описание не во всём похоже на действия К.А. Грузинова во главе 2-го Томского раскладочного присутствия, где мы застаём его в 1913 г. Помимо 1913 г., сохранились журналы за 1915 г.; в обоих случаях обсуждался налог на доходы предыдущего года. Две эти годовые коллেকции схожи и по составу возражений (наряду с мелкими торговцами, много крупных), и по методам работы инспектора.

По итогам кампании 1913 г. по участку К.А. Грузинова было удовлетворено, хотя бы отчасти, 5 из 29 возражений, в 1915 г. – 3 из 24. Сопоставляя с упоминавшимися цифрами инспектора Федорченко, мы видим, что доля удовлетворённых возражений у Грузинова не ниже. Однако бросается в глаза существенное отличие стиля работы инспектора – отличие к невыгоде плательщиков.

Прежде всего, не во всех случаях удовлетворение возражения Грузиновым можно считать проявлением свободной воли инспектора. Единственное, зато важное исключение даёт случай владельца бондарной мастерской Ивана Кузьмича Самохина [22. Л. 179–183]. Его собственноручно написанное обстоятельное (шесть страниц!) возражение удивляет контрастом между нетвёрдым знанием грамматики (что вполне ожидаемо для владельца мелкой мастерской с десятком рабочих) и прекрасной осведомлённостью в юридических тонкостях. Самохин не только знает в подробностях довольно пространное Положение о промысловом налоге (вместе с приложениями), но также цитирует инструкцию о применении этого положения, ссылается на циркуляр Министерства финансов и на постановление Сената. И главное – он чувствует себя совершенно свободно в своей риторике, с истинно адвокатской обстоятельностью закрывает противнику все возможности контратаки как по существу дела, так и по форме. Отсылая инспектора к официальным нормативам, он показывает, что вменённая ему прибыль превосходит высший предел, возможный с учётом действующего законодательства. Инспектор вынужден был признать правоту заявителя и снизить вменённую прибыль с изначальных 2 тыс. руб. если не до 600 руб., которые заявил плательщик, то всё-таки до 1 200 руб., которые Самохин же указал как высшую цифру, возможную по закону для его предприятия. Случай И.К. Самохина демонстрирует нам то ли недостаточное знание К.А. Грузиновым нормативов, то ли недостаточную внимательность при их использовании, что уже отличает его от Д.С. Федорченко.

Существенная черта работы К.А. Грузинова по рассмотрению возражений – то, что нормой для него является отклонение возражений по формальным основаниям. Приведу несколько примеров, разных по оттенкам, но одинаковых по сути.

Анна Антиповна Савченко, владелица мелочной торговли, пыталась снизить вменённую ей прибыль с 300 до 50 руб. В обоснование своего возражения се-

товала на высокую арендную плату, указывала на малый остаток товара в лавке. Присутствие возразило, что «оборот по данным присутствия не менее 3 000 рублей», прибыль 300 руб. рассчитана «по нормальному проценту» (т.е. по нормативу, утверждённому казённой палатой), и «неправильность определения этой прибыли просительница не доказывает, тем более что оборот ею указан также в 3 000 рублей, как принято и Присутствием» [23. Л. 79 об.]. Таким образом, инспектор отказался обсуждать вопрос по существу и свел все дело к напоминанию о нормативе. Между тем неопровержимо доказать «неправильность определения этой прибыли» заявительница могла бы только правильными бухгалтерскими книгами, но ведь процедура подачи возражений для тех и придумана, кто книг не имеет. По существу, инспектор не рассмотрел это возражение, а просто отмахнулся от него.

«Оставлено без последствий» оказалось и возражение Харитины Ильиничны Кутухтиной, также ведшей мелочную торговлю. В обоснование отказа инспектор писал, что Кутухтина не оспаривает вменённой ей прибыли, «а лишь несогласна с окладом налога» [23. Л. 65 об.] и просит вернуть его на прошлогодний уровень. Но ведь ясно, что владельца лавки просила не изменить ради нее одной законодательно установленную шкалу налога, а изменить размер вменённой ей прибыли. Именно такое понимание подтверждается и ее собственными словами о том, что «торговля в настоящем году не увеличилась, а наоборот, уменьшилась» (потому что некоторые товары у оптовиков исчезли из продажи) [23. Л. 61 об.]. Возражение, таким образом, содержало вполне относящуюся к делу аргументацию – но инспектор прицепился к не вполне точному выражению полуграмотной нарымской мещанки и проигнорировал обсуждение по существу дела.

Владелец сундучного производства Александр Васильевич Рогожкин в своём возражении дал обстоятельный расчёт своей прибыли, исходя из количества произведённого, продажной цены, себестоимости материалов. Все это оказалось напрасным: «Так как в заявлении своем по статье 123 Положения Рогожкин категорически высказал отказ от проверки его заявления в порядке ст. 127 Положения, то по силе ст. 137 Положения он лишён права подавать возражение, и посему возражение его оставлено без последствий» [23. Л. 75]. 127-я статья говорит о проверке декларации за счёт личного осмотра заведения инспектором и просмотра внутренней документации. Действительно, за отказ от такой проверки статья 137 лишала права подавать возражения. И тем не менее Д.С. Федорченко ни разу не прибегал к этому доводу, и вообще не упирал на результаты личного осмотра как главный довод при решении споров, зато всегда находил иные доводы для обоснования своего мнения. К.А. Грузинов же опять перевёл дело в формальную плоскость.

Характерен и ответ на заявление владелицы мелочной лавки Надежды Антоновны Ковешниковой, которая ссылалась на своих «соседей по торговле»,

получивших извещения на гораздо меньшие суммы, чем она. Инспектор в своём заключении записал, что просительница «предложила привести свидетелей» (чем явно исказил и её формулировку, и её мысль), но «согласно закону свидетельские показания в данном случае не имеют места», а нужны именно торговые книги [22. Л. 83 об.].

О том, что К.А. Грузинов имел в виду полноценные бухгалтерские книги, а не просто записи, о которых постоянно напоминал своим подопечным Д.С. Федорченко, можно судить по истории другой владелицы мелочной торговли – Ксении Семеновны Зюлиной. При своем возражении она представила записную книжку с подневной записью выручки. Инспектор в ответ обратил внимание на то, что в изначальном своём заявлении о доходах Зюлина «не предлагала предъявить представленный ею сейчас черновой дневник (писанный карандашом), а просто умолчала на пункт 12-й, чем лишила себя права на подачу возражения. Почему присутствие постановило не входя в рассмотрение дневника, по внешнему виду мало заслуживающего доверия, оставить возражение без последствий» [22. Л. 48 об.]. Тезис о том, что не заполненный 12-й пункт декларации лишает права подавать возражения – это огрубление, переходящее границу неправильности: еще одно лыку в уже известную нам строку. Но главное – приведенная цитата содержит отказ К.А. Грузинова от использования черновых записей как таковых, что контрастирует с методами Д.С. Федорченко.

Таким образом, практика инспектора Грузинова в отношении вспомогательных записей прямо противоречила практике инспектора Федорченко. Говоря шире, норма для К.А. Грузинова – отклонение возражений по сугубо формальному основанию: из-за отсутствия настоящих торговых книг. Но и подача настоящих бухгалтерских книг не избавляла плательщиков от неприятностей. Среди возражений, с которыми работал Д.С. Федорченко, не было ни одного подкрепленного книгами. Напротив, среди возражений, разбиравшихся К.А. Грузиновым, целый ряд – споры вокруг бухгалтерии. Причины этого – отчасти объективные, не зависящие от инспекторов: крупные купцы губернского центра, конечно, более склонны были к ведению солидной отчетности, чем базарные торговцы свежее испеченного города. К тому же именно начало XX в. – время, когда бухгалтерский стандарт быстро внедрялся в жизнь предпринимателей, шестилетний разрыв между деятельностью Федорченко и Грузинова мог в этом отношении сыграть роль. Но есть основания подумать и над ролью личного фактора.

Первой причиной отклонения предъявленных плательщиками книг служила неполнота представленной подборки. Именно на этой основе были отклонены в 1913 г. книги «Портланд-Цемент»: фирма представила только три книги – главная, продажная и журнал; но не были представлены мемориал, инвентарь, товарная и ресконтро, поэтому присутствие «признало их неприемлемыми» даже для определения оборота [22. Л. 114]. Львиная доля случаев отклонения книг

даже не доходила до рассмотрения возражений, мы знаем о них из журналов заседаний по раскладке (это первый этап работы, за которым следовали рассылка уведомлений и подача возражений). В заседании 22 мая 1915 г. из девяти рассмотренных комплектов книг семь были отклонены вовсе, остальные два («Вогау и К», «Плотников с С-ми») признаны годными только для определения оборота, прибыль же рассчитана «из нормального процента» [23. Л. 23 об.]. В частности, торговый дом «Голованов и С-я» подал целых семь книг, но среди них не было ни товарной, ни ресконтро, ни мемориала. Т-во «Бр. Макаровы» со своими тремя книгами не представило: журнала, мемориала, ресконтро, а из представленных книг товарная и кассовая оказались «не подсчитаны, то есть не закончены».

Другая причина отклонения книг – наличие тесной связи с предприятиями, по которым книги не представлены. Так, в 1915 г. присутствие, а за ним и палата отвергли правильные книги сахарного склада торгового дома «И.Г. Харитоненко с С-м» на том лишь основании, что сахар контора покупает не на рынке, а берет с собственных заводов в Харьковской губернии (т.е. покупная цена, а значит, и расход фирмы могут быть завышены, прибыль – занижена) [23. Л. 105–113 об.]. То же произошло с писчебумажным складом известного производителя бумаги И.Е. Ятеса: было указано, что бумагу лавка получает с собственных заводов, а значит, цена ненастоящая [23. Л. 127–134 об.]. Таким же образом пострадала фирма «В. Вытнов с с-м Петром», которая «ведет общее счетоводство по всем своим предприятиям в главной конторе по Миллионной ул., а между тем она не представила книг по этой конторе, а только несколько отдельных книг по своим магазинам и пряничной фабрике за период менее года, и притом не за минувший год, а за предшествовавший ему» [Л. 20–21 об.].

В последнем случае в качестве дополнительного обстоятельства указан период, освещаемый книгами. Это обстоятельство играло самостоятельную роль. Так, все 25 книг И.Г. Тихонова были отклонены, поскольку «обнимают период менее года» [23. Л. 20–21 об.]. Под эту же гребёнку был пострижен торговый дом «М.Ф. Сапожников и А.Ф. Голицына», книги которого «не содержали данных за последний истекший год». Владельцы предприятия не сдались без борьбы. Они указали инспектору на то, что он неправильно трактует закон: на самом деле, были представлены книги за последний завершённый операционный год, который у этого торгового дома не совпадал с календарным; в возражении за подписью Сапожникова цитируется и специальное постановление Сената от 1910 г., прямо разрешающее такое несовпадение [23. Л. 81–81 об., 86–86 об.]. Инспектор всё-таки не уступил и вновь отклонил их книги на том основании, что год закрыт не полностью (а лишь с 22 апреля 1913 г. по 12 апреля 1914 г.), причём кассовая книга не имеет итоговой заверки [23. Л. 81–86]. Цена вопроса в этом случае была на редкость высока: по мерке присутствия получилась прибыль 36 000 руб., а по книгам торгового дома выходил убыток 80 рублей.

Возражение Сапожникова интересно еще одним: торговый дом среди прочего упоминал, что раньше его книги принимались. Таковую же жалобу встречаем по предприятию И.И. Смирнова [23. Л. 87–94]: протестуя против отклонения его книг, он в возражении указал, что в прошлые годы книги составлялись точно так же, «и раскладочное присутствие против этого ничего не имело». Это замечание вызвало особый запрос от управляющего казённой палатой, но инспектор в ответ заявил, что в прошлые годы книги на самом деле не принимались. Просто прибыль, исчисленная присутствием, случайно совпадала с прибылью, показанной в книгах; а теперь – не совпала. (Казённую палату такое объяснение вполне устроило).

Борьба, развернутая инспектором Грузиновым в связи с бухгалтерскими книгами, может быть оценена и как борьба любой ценой за повышение доходов (в ущерб плательщикам, невзирая на справедливость), но и как попытка навести должный порядок в той отрасли, где его не хватает. В пользу последней трактовки есть некоторые факты. Известно, что в 1915 г. были признаны годными для определения не только оборота, но и прибыли торговые книги фирмы «Гартог и Станг», тогда как двумя годами ранее им выдвигался упрек в неполноте представленной подборки [23. Л. 21 об.; 22. Л. 161–174]. Значит, после того как фирма подстроилась под требования инспектора, претензии к ней были сняты.

Более того, даже в 1913 г., отметив неполноту набора книг фирмы «Гартог и Станг», инспектор все-таки просмотрел их и, с учетом увиденного, понизил процент нормальной прибыльности для предприятия. Такое же решение было принято по фирме «А. Толкачев и В. Попов». Этот торговый дом тоже представил лишь некоторые книги, и ему тоже понизили процент нормальной прибыльности, поскольку выяснилось, что фирма торгует в основном малоходовым товаром [22. Л. 184–187а].

Похожий случай известен и для возражений, не обеспеченных в бухгалтерском отношении. Правда, возражение Григория Андреевича Воробьева (розничная торговля керосином) в 1915 г. было отклонено на основании «имеющихся у присутствия несомненных сведений» (каких – не уточняется). Но при этом инспектор подчеркнул, что присутствие учло невыгодные особенности его торговли и провело по разряду «разных товаров» («нормальная прибыль» – 8 %), а не мелочной торговли (10%).

В последних трех случаях инспектор делал уступки, не вынужденные законом, которых мог и не делать, если бы видел своей задачей увеличение доходов казны любой ценой. Значит, можно думать, что и К.А. Грузинов был не чужд представлений о справедливости. И все же есть существенные различия между стилем работы двух инспекторов. Это, во-первых, степень готовности инспектора к восприятию чужих доводов. Самое яркое проявление этого – отказ К.А. Грузинова обращать внимание на те самые черновые записи, которые Д.С. Федорченко так настоятельно требовал представлять. Второе различие – это меньшая прозрачность решений: мы можем догадываться, что инспектор взвешивал

вал доводы за и против плательщика, но какие именно, и почему перевесили одни, а не другие – он, как правило, не объясняет. Можно полагать, что эти две мысли описывают грани одного явления: К.А. Грузинов не хотел вникать и не вникал в существо дела так глубоко, как Д.С. Федорченко, у него просто не было столь же подробных доводов в свою пользу, а все сомнения решались не в пользу плательщика.

Таким образом, несомненно доказанным можно считать, что подход к принятию решений раскладочными присутствиями при инспекторах Федорченко и Грузинове существенно разнился. Ясно, что эта разница была прямо связана с личной выгодой инспектора: те подробные обоснования, которые приводил Д.С. Федорченко, были более трудоёмки, чем краткие отписки К.А. Грузинова. Не случайно первый из них работал с утра до ночи и все-таки принужден был терпеть упреки начальства по поводу задержек с подачей документов. Возможно, играло роль и грузиновское «неумение ладить с людьми», а именно это умение обеспечивало Федорченко получение конфиденциальных сведений от торговцев об их собственных товарищах.

Уяснение названного субъективного различия важно постольку, поскольку позволяет увидеть коридор возможностей, созданный для податных инспекторов существовавшим законодательством. Более дружественную (к плательщикам) или более суровую

траекторию движения по этому коридору каждый был волен выбирать сам.

Но, может быть, еще важнее те объективные ограничения (зависевшие уже не столько от закона как такового, сколько от прозы жизни), которые побуждали инспектора пройти по той стенке этого коридора, которая означала траекторию наименьшего сопротивления. Наверное, законодатели ждали от чиновников работы обстоятельной, доскональной, самоотверженной. Но независимо от лучших побуждений, имевшихся у отдельных (или даже многих) сотрудников инспекции (хотя бы в начале их службы), деятельность раскладочных присутствий свелась к минимальному уровню, требуемому законом. Система в целом толкала инспектора к тому, чтобы без фантазий работать против плательщика.

Вот почему при введении в 1916 г. долгожданного подоходного налога законодатель придаст особое внимание соблюдению прав плательщиков – и вскоре появится принцип взимания подоходного налога прямо у источника, что позволит снять проблему проверки деклараций для большинства населения. Таким образом, борьба за прогрессивное налогообложение в России во второй половины XIX в. привела к тому, что усилился контроль государства над личностью гражданина, и в связи с этим была осознана задача обеспечения прав плательщиков против произвола чиновников.

Примечание

¹Мелочная лавка, мелочная торговля – официальные понятия для лавок, торгующих товарами первой необходимости (как продовольственными, так и промышленными).

Список источников

1. Dauntton M. Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 438 p.
2. Dauntton M. Just Taxes: The Politics of Taxation in Britain, 1914–1979. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 406 p.
3. Edwin R.A. Seligman. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad. New York : The Mac-Millan company, 1914. (2nd edition). 743 p.
4. Kenneth Scheve and David Stasavage. Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe. New York : Princeton university press, Russell sage foundation, 2016. 266 p.
5. Ajay K. Mehrotra. Making the Modern American Fiscal State. Law, Politics, and the Rise of Progressive Taxation, 1877–1929. New York : Cambridge University Press, 2013. 429 p. (аннотация к книге).
6. Jan Glete. War and State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660. London ; New York, 2002. 277 p.
7. The rise of fiscal states: a global history 1500–1914 / Edited by Bartolome Yun-Casalilla and Patrick K. O'Brien. Cambridge university press, 2012. 453 p.
8. Wenkai He. Paths toward the modern fiscal state. England, Japan and China. Harvard university press. Cambridge ; Massachusetts ; London ; England, 2013. 313 p.
9. Eckart Schremmer. Taxation and public finance: Britain, France, and Germany // The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Volume 8: The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies / Edited by Peter Mathias, Sidney Pollard. Cambridge : Cambridge university press, 1989. P. 315–494.
10. Yanni Kotsonis. States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto press, 2014. 483 p.
11. Margaret Lamb. Defining "Profits" for British Income Tax Purposes: a Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897 // The Accounting Historians Journal. 2002. Vol. 29, № 1. P. 105–172.
12. Margaret Lamb. "Horrid appealing": accounting for taxable profits in mid-nineteenth century England // Accounting, Organizations and Society. 2001. № 26. P. 271–298.
13. Margaret Lamb. "Tax practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits". Unpublished PhD thesis. 1997.
14. Марискин С.О. Промысловый налог в России во второй половине XIX – первой четверти XX века: по материалам Среднего Поволжья // Экономическая история. 2014. № 1 (24). С. 45–49.
15. Марискин О.И., Марискин С.О. Земские сборы с торгово-промышленного предпринимательства России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 22–26.
16. Новоторцева А.М. Профессиональная деятельность податных инспекторов Тверской губернии в конце XIX в.: микроисторический взгляд // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 25–40.

17. Кравцова Е.С. Специфика деятельности податных присутствий в Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всерос. научн. Конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 217–222.
18. Петров Ю.И. История становления податной инспекции в Западных губерниях России в конце XIX столетия. М. : ЛЕНАНД, 2015. 224 с.
19. Кириллов А.К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Параллель, 2017. 178 с.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Д. 461.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 20. Д. 263.
22. ГАТО. Ф. Ф-196. Д. 549.
23. ГАТО. Ф. Ф-196. Д. 548.

References

1. Dauntton, M. (2001) *Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Dauntton, M. (2002) *Just Taxes: The Politics of Taxation in Britain, 1914–1979*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Edwin, R.A. (1914) *Seligman. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad*. 2nd edition. New York: The MacMillan Company,
4. Scheve, K. & Stasavage, D. (2016) *Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe*. New York: Princeton University Press; Russell Sage Foundation.
5. Ajay, K. (2013) *Mehrotra. Making the Modern American Fiscal State. Law, Politics, and the Rise of Progressive Taxation, 1877–1929*. New York: Cambridge University Press.
6. Jan Glete. (2002) *War and State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660*. Routledge.
7. Yun-Casalilla, B. & O'Brien, P.K. (eds) (2012) *The rise of fiscal states: a global history 1500–1914*. Cambridge University Press.
8. Wenkai, He. (2013) *Paths toward the modern fiscal state. England, Japan and China*. Harvard University Press.
9. Eckart Schremmer. (1989) Taxation and public finance: Britain, France, and Germany. In: Mathias, P. & Pollard, S. (eds) *The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Volume 8: The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 315–494.
10. Yanni Kotsonis. (2014) *States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.
11. Margaret Lamb. (2002) Defining “Profits” for British Income Tax Purposes: a Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897. *The Accounting Historians Journal*. 29 (1). pp. 105–172.
12. Margaret Lamb. (2001) “Horrid appealing”: accounting for taxable profits in mid-nineteenth century England. *Accounting, Organizations and Society*. 26. pp. 271–298.
13. Margaret Lamb. (1997) *Tax practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits*. Unpublished PhD thesis.
14. Mariskin, S.O. (2014) Promyslovyy nalog v Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX veka: po materialam Srednego Povolzh'ya [Trade tax in Russia in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries: based on materials from the Middle Volga region]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 1 (24). pp. 45–49.
15. Mariskin, O.I. & Mariskin, S.O. (2013) Zemskie sbory s torгово-promyshlennogo predprinimatel'stva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Zemstvo dues from commercial and industrial entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Middle Volga region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 1 (20). pp. 22–26.
16. Novotortseva, A.M. (2018) Professional Activity of Tax Inspectors of Tver Province at the End of 19th Century: Micro-Historical View. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 4. pp. 25–40. (In Russian).
17. Kravtsova, E.S. (2019) [The specifics of the activities of taxable presences in the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Historical challenges and economic development of Russia]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: Al'faPrint. pp. 217–222. (In Russian).
18. Petrov, Yu.I. (2015) *Istoriya stanovleniya podatnoy inspeksii v Zapadnykh guberniyakh Rossii v kontse XIX stoletiya* [The history of the formation of the tax inspectorate in the Western provinces of Russia at the end of the 19th century]. Moscow: LENAND.
19. Kirillov, A.K. (2017) *Ot podushnoy podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [From Poll Tax to Income Tax: Tax Reforms in Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F.-196. File 461.
21. Russian State Historical Archive. Fund 573. List 20. File 263.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. File 549.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. File 548.

Информация об авторе:

Кириллов А.К. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.K. Kirillov, Cand. Sci. (History), senior researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: email: alkir.nsk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022;
одобрена после рецензирования 09.05.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 21.04.2022;
approved after reviewing 09.05.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 656.2(571.1)(091)
doi: 10.17223/15617793/482/14

Трансполярная магистраль в освоении северо-западной части Западной Сибири (к 75-летию с начала строительства)

Галина Юрьевна Колева¹

¹ Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, gukoleva@gmail.com

На основании новых выявленных документов рассматривается влияние Трансполярной магистрали, в разные периоды времени имевшей различные названия, среди них наиболее распространено «Чум–Салехард–Игарка», на хозяйственное освоение районов Севера Тюменской области. Доказывается значительная роль проектно-изыскательских экспедиций в геологическом изучении территории как базы для последующих открытий месторождений углеводородного сырья. Выдвигается причина прекращения строительства магистрали.

Ключевые слова: железная дорога, строительство, Ямало-Ненецкий округ, Тюменская область, освоение, геология, бугры пучения

Для цитирования: Колева Г.Ю. Трансполярная магистраль в освоении северо-западной части Западной Сибири (к 75-летию с начала строительства) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 135–148. doi: 10.17223/15617793/482/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/14

The Transpolar Railway in the development of the north-western part of Western Siberia (to the 75th anniversary of the beginning of construction)

Galina Yu. Koleva¹

¹ Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation, gukoleva@gmail.com

Abstract. The article is based on the materials identified in seven collections of archives of Tyumen Oblast, the use of a number of published documents, the memoirs of the prospector Aleksandr Pobozhiy. The aim of the work is to show the extremely important significance of the Transpolar Railway in various areas of territory development. In connection with this aim, the main research attention is focused on the influence of the railway, which had different names in different periods of time (Vorkuta–Salekhard, Polar Railway, Chum–Salekhard–Igarka), on the economic development of the region. The influence was manifested both during the construction period and after its completion. The author used historical genetic and historical comparative research methods. The historical genetic method was used for the analysis of the causes of the phenomena that developed during the construction period, including the reasons for the termination of the railway's construction. The historical comparative method was used for the general analysis of the processes that developed in the north of Tyumen Oblast. These processes were considered in the context of the territory's economic development. The phenomena in the Arctic zones of the region in the conditions of modern and previous stages of development were compared. The author's main conclusions are the following. The Transpolar Railway entailed a large-scale scientific study of the vast territory of Yamalo-Nenets National Okrug, caused the development of railway, aviation, sea, river transport and transport communications with the center of the country; influenced the growth of the population and its qualitative characteristics. The built telephone and telegraph line provided stable communication with different regions of the country. Regarding the reasons for the termination of the construction of the road, the author came to the conclusion that they were related to the geological features of the section connecting the right and left wings of the railway – the Nadym–Pur–Taz interfluvium. The features of this site led to the need for construction conservation. Due to the peculiar political processes in the country (the consequences of Stalin's death, Beria's execution, the liquidation of the GULAG system), the construction was transferred from the conservation stage to the completion stage. The launched study of the features of the territory of the Nadym–Pur–Taz interfluvium prepared the main result of the design and survey work on the railway, which consisted in the transition to its geological study. The author also came to the conclusion that, without making it public, the road was used in the geological, gas, transport, urban development of the territory of Yamalo-Nenets Okrug.

Keywords: railway, construction, Yamalo-Nenets Okrug, Tyumen Oblast, development, geology, heave mounds

For citation: Koleva, G.Yu. (2022) The Transpolar Railway in the development of the north-western part of Western Siberia (to the 75th anniversary of the beginning of construction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 135–148. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/14

Введение. С началом эксплуатации месторождений Крайнего Севера в Тюменской области был продолжен процесс освоения территории, до этого связанный с сооружением в 1947–1953 гг. Транспольной (Заполярной) магистрали. Влияние этой стройки на развитие северо-западной части Западной Сибири, как в период непосредственного проведения работ, так и после их окончания, не получило должного изучения. Особого внимания достойна проблема роли магистрали в геологическом и нефтегазовом освоении территории.

Первоначально остановимся на понятии «освоение». Принадлежность рассматриваемой проблемы к Арктической территории заставляет обратиться к фундаментальной работе «История открытия и освоения Северного морского пути» [1]. В ней раскрыта картина освоения Российской Арктики на огромном историческом промежутке. При отсутствии в издании определения понятия «освоение» обращаем внимание на развивающиеся процессы: «расширение географических представлений об Арктике», «снаряжение и проведение экспедиций», «рост знаний о природе и ресурсах Арктики», «прогнозирование процессов развития территории», «установление регулярных транспортных связей», «создание транспортных и экономических структур», усиливающийся народно-хозяйственный интерес при возрастающей включенности государства, ликвидации транспортной оторванности территорий [2. С. 5, 8, 11–12, 21–38, 227–244; 3. С. 28, 61, 125, 130–132].

Данные подходы соответствуют нашей точке зрения на освоенческую практику, в которой выделяем разные фазы. На первой фазе – узнавание территории, ее изучение через экспедиционную и изыскательскую деятельность, картографирование исследуемого пространства, дополняемое на следующей фазе проектированием готовящейся хозяйственной деятельности, на третьей фазе – создание ее устойчивых моделей. Каждая фаза освоения сопровождается увеличением прибывающего населения, расширением географии заселяемой территории и созданием новых населенных пунктов, разветвлением транспортных коммуникаций и усложнением их форм, ростом числа организационно-экономических структур. Главнейшим фактором в освоении Арктических зон выступает государственный интерес [6. С. 4–12; 7. С. 199–201; 8. С. 35–37].

В историографии истории строительства Транспольной магистрали, названия которой в разные промежутки времени менялись, можно выделить часто поднимаемые исследовательские блоки. Прежде всего это мотивация строительства, отраженная в исследованиях В.А. Ламина [9], В.Ю. Пленкина [10], В.А. Калинина и В.Н. Гриценко [11–16]. Авторство В.Н. Гриценко по этой проблеме прослеживается в книге «История Ямала» [17]. Не прошли мимо данного явления К.И. Зубков и В.П. Карпов [18. С. 103,

157–161]. Причины строительства дороги анализировались журналистами: российским – Р.С. Гольдбергом [19], швейцарским – Э. Хёсли [20]. Подходы в публикациях во многом сходны и переходят из одной в другую: внешнеполитический, военно-стратегический факторы и в меньшей степени – освоенческий. Подробно принятию решения о начале строительства, ход строительства дороги исследованы А.С. Пимановым [21], В.Н. Гриценко, В.А. Калининым [11. С. 17–33]. Так, А.С. Пиманов [21], В.Н. Гриценко [11, 14], как и Р.С. Гольдберг [19], значительное внимание уделили «лагерной проблематике», связанной со строительством дороги [19]. Проблема влияния строительства железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» на развитие региона в научной литературе выглядит более скромно. В книге «История Ямала» она представлена в виде перечня явлений [17. С. 325]. В работах В.Н. Гриценко [11. С. 179–190; 14; 17. С. 325–327] внимание уделено возникновению городов и поселений на основе железнодорожных станций Транспольной магистрали. В книге Р.С. Гольдберга данная проблема представлена отдельными замечаниями, наблюдениями [19. С. 4–5, 8]. К.И. Зубков и В.П. Карпов [18. С. 170] отметили «включение Ямального Севера в общую железнодорожную сеть страны», «возникновение на трассе более 200 больших и малых жилых поселков» [18. С. 171]. А.С. Пиманов указывал [21. С. 102–112] на «пользу для того времени, когда строительство производилось» и «выгоды от него, если бы оно было завершено», Последнее автор связал с восстановлением и достройкой отдельных участков дороги в 1970-е гг. [21. С. 111].

Источниковая база данной проблемы отличается наличием в обращении документов, не имевших архивного хранения, и кем-то от кого-то получаемых. Среди них «папочка» Н.И. Питиримова из сейфа первого секретаря Ямало-Ненецкого окружкома партии Первушина (Первый секретарь окружкома партии с 1986 по 1989 г. В.П. Первушин. – *Прим. авт.*). В ней «Отчеты по финансово-хозяйственной деятельности строительства № 501», «Годовые отчеты Обского управления ИТЛ и строительства № 501» [19. С. 156–260] за 1949–1951 гг. Документы А.Д. Жигина – главного инженера, затем руководителя строительства № 501 – приводятся в публикациях Л.Ф. Липатовой [22, 23]. Архивная база поставленной проблемы скудна. В фондах 1571, 1572 «Политотдела Обского ИТЛ и строительства № 501» в ГАСПИТО [24] преобладают протоколы первичных партийных организаций структурных подразделений «Строительства № 501» с отражением бытовых вопросов, состояния техники, недостатка строительных материалов и т.д. [24]. Такого же рода характер документов фонда «Северной проектной изыскательской экспедиции Главсевморпути Ямального района» ГАСПИТО [25], представленный 6 документами в виде протоколов

партийных собраний. В фонде Тюменского обкома партии, на территории ведения которого проходило 2/3 дороги, сведения по Трансполярной магистрали нами не найдены [26. Оп. 1]. Некоторые фрагменты информации встречаются в фонде 135 «Салехардского окружка партии» ГАСПИТО [27]. Отдельные явления нашли отражение в документах фондов ГАТО по истории геологического и газового освоения территории [28, 29]. Судьба отсутствующих документов истории строившейся железной дороги может только предполагаться: уничтожение, растаскивание разными папками, попадавшими в разные руки, или по-прежнему сохранение грифа секретности.

Из всех причин начала строительства железной дороги мы выделяем освоенческий аспект, учитывая, что в процессе освоения территорий Европейского и Сибирского Севера уже в XIX в. активно ставились задачи развития путей сообщения. В 1880-е гг. появились проекты: чердынского купца И. Сулова с предложением строительства дороги через Полярный Урал, А.Д. Голохвастова – по соединению Обь-Иртышского водного бассейна с предлагаемой к строительству Обской железной дорогой, выходящей в район Хайпудырской губы на юго-востоке Печорского моря [3. С. 152, 162, 164–165]. Идеи строительства железной дороги на Арктическом Севере связывались с развитием промышленности и торговли, вывозом из Сибири хлеба, масла, льна, освоением «таежных пространств Тобольской и Томской губерний», переселениями в Сибирь, расширением научных и геологических исследований [3. С. 130–132, 142–144]. В 1915 г. Междуведомственное совещание при Министерстве путей сообщения обсуждало проблему Южно-Сибирской и Северо-Сибирской железной дорог. Популярность сохраняла в самом конце XIX в. и начале XX в. идея Полярно-Уральской железной дороги, поддержанная несколькими министерствами [3. С. 131, 661]. Постоянно поднимался вопрос строительства железной дороги для соединения того или иного морского порта с центром страны. Первоначально планы подобного рода относились к Европейскому Северу, а после постройки Мурманской железной дороги и Мурманского и Кемского портов идея стала связываться с восточными территориями. В 1919 г. Тобольская городская дума обсуждала возможное строительство порта в Северном Ледовитом океане, соединяемого с железной дорогой в низовьях Оби. В годы Первой мировой появилась идея сооружения порта в устье Енисея [3. С. 661]. В 1930-е гг. практика создания железнодорожных линий в рамках Европейского Севера, начатая еще в конце XIX – начале XX в. сооружением дорог «Вологда–Архангельск» (1893 г.), «Пермь–Вятка–Котлас» (1899 г.), была продолжена постройкой магистрали «Котлас–Ухта–Воркута» (1933–1945 гг.), оказавшей быстрое влияние на активизацию процессов освоения Печорского края [5. С. 33]. Задача строительства Заполярной, Трансполярной магистрали на этом фоне выступала логическим продолжением реализации идей железнодорожного строительства в сухопутных Арктических зонах государства.

Предистория строительства дороги (1943–1944 гг.): Подступ к началу широкого железнодорожного строительства в СССР можно связывать с созданием в 1940 г. Главного управления лагерей железнодорожного строительства – ГУЛЖДС НКВД СССР [11. С. 19]. В планы железнодорожного строительства вошел и Ямало-Ненецкий национальный округ (ЯННО) с намечаемой трассой «Воркута–Салехард», что как раз совпадало с завершением сооружения линии «Котлас–Воркута», которую по всему решено было продолжить в восточном направлении. Проектно-изыскательские работы были возложены на Уральскую экспедицию Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД под руководством Н.Д. Михеева [11. С. 20, 21]. В районе г. Салехарда планировались пионерные объекты: пристань для перевалки грузов, переправа, мост. Их места закладки согласовывались с местным руководством. Летом 1944 г. на будущей трассе, в Надымском и Пуровском районах, проводились изыскания Норильской комплексной экспедицией Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД. Они включали аэросъемочные, геодезические, геологоразведочные работы. Одной из точек базирования экспедиции был Уренгой.

Трансформация идеи: идея строительства порта в устье Оби и железной дороги к нему (1944–1949 гг.). К 1946 г. оформилась идея строительства морского порта в устье Оби. По мнению А.С. Пиманова, инициатива в 1944 г. была выдвинута Арктическим научно-исследовательским институтом (НИИГА) [21. С. 5], поддержана И.В. Сталиным на декабрьском 1946 г. совещании при главе правительства [11. С. 22–23]. 4 февраля 1947 г. появилось Постановление Совета министров СССР № 228-104 сс «О производстве проектно-изыскательских работ по выбору места для строительства порта, судоремонтного завода в районе Обской губы и железной дороги от Северо-Печорской дороги до порта» [30. Д. 1. Л. 234–239]. Работы возлагались на МВД СССР и управление Главсморпути при Совете министров СССР. Районом предполагаемого размещения объектов должна была стать территория от устья реки Оби до мыса Каменный. Железная дорога планировалась от Воркуты «до порта», место расположения которого предстояло определить в ходе проектно-изыскательских работ.

Первым шагом в организации работ становилось направление в район Обской губы «Северной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР и ГУСМП», с включением в нее работников Министерства вооруженных сил СССР, морского и речного флотов. Руководителем экспедиции назначался зам. начальника строительства № 500 МВД СССР П.К. Татаринцев. Экспедиции ставились задачи «выбора мест, годных для строительства порта, судоремонтного завода в районе Обской губы и жилого поселка при нем», а также определения «направления и обследования вариантов трассы железной дороги от существующей Северо-Печорской магистрали до р. Обь и далее до возможных мест размещения порта». Изыскательские

работы нужно было завершить в августе 1947 г. [30. Д. 1. Л. 234 об.]. Далее последовал совместный приказ министра внутренних дел С.Н. Круглова и начальника ГУСМП А.А. Афанасьева от 17 февраля 1947 г. «Об организации Северной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР и ГУСМП для производства проектно-изыскательских работ в районе Обской губы». Приказом от 28 апреля 1947 г. министра МВД С.Н. Круглова в системе ГУЛЖДС создавалось Северное управление лагерей железнодорожного строительства (СУЛЖДС) с базированием в пос. Абезь Коми АССР (Управление действовало до 12 ноября 1949 г.) [21. С. 7]. Этим же приказом были созданы Строительства № 501 (строительство дороги Чум - м. Каменный) и № 502 (строительство порта) [21. С. 7–9]. Начальником Северного управления ГУЛЖДС и строительства № 501 МВД СССР назначен В.А. Барабанов. Стройку на местном уровне первоначально стал курировать Коми обком ВКП(б), на государственном уровне – заместитель председателя правительства Л.П. Берия.

«Северная проектно-изыскательская экспедиция МВД СССР и Главсевморпути (ГСМП)» [26. Д. 1. Л. 1], на которую были возложены проектно-изыскательские работы на трассе, включала гидрографические, топогеодезические, поисковые, инженерно-геологические партии, стройучастки, радиоцентр, механическую группу [26. Д. 1. Л. 16]. Сотрудниками экспедиции были геодезисты, геофизики, гидрологи, геологи – в статусе старших инженеров и просто инженеров, а также картографы, топографы, старший и сменные буровые мастера. Партии экспедиции работали на мысах Каменном, Сетном и в Новом порту, на «Устьевой площадке, реках Собь, Се-Яга, правом берегу Обской губы» [25. Д. 3. Л. 4; 25. Д. 4. Л. 2, 7]. Организационно-хозяйственная база первоначально располагалась в Новом Порту, вторым центром был м. Каменный. Радиобюллетени из ГУСМП поступали в Новый порт, затем пересылались на м. Каменный. В октябре 1947 г. все части экспедиции были переведены на м. Каменный [25. Д. 4. Л. 17]. Состав Северной экспедиции рассчитывался на 500 человек [25. Д. 1. Л. 17]. Число проживавших на м. Каменном осенью 1947 г. увеличилось за счет оставшегося на зимовку экипажа судна «Лама», а также экспедиции Гидрографического управления, которая вела работы на правом берегу Обской губы. Были проблемы с питанием, спецодеждой, постельными принадлежностями, качеством пищи, отсутствием газет, небрежным проведением погрузочно-разгрузочных работ, в ходе которых разрушалось присланное, отсутствием гаражей и т.д. [25. Д. 4. Л. 7–12]. Кадровый состав экспедиции имел широкую географию исхода: «переселенцы из Воркуты», «в годы войны, находившиеся в оккупационной зоне», рабочие из Архангельска [25. Д. 4. Л. 12], а также с учетом персонала - Филиппов из Анадыря Чукотского района, Ф.А. Куренков «с Балтийского флота», К.В. Почестник «с Японской войны» [25. Д. 3. Л. 1, 3] и т.д.

Выбор места расположения морского порта.

Для порта было намечено пять вариантов. Три пункта относились к западному побережью Обской губы – мыс Сетной, Новый порт, мыс Каменный; два – к восточному – мыс Круглый и мыс Парусный [11. С. 26–27]. Выбор склонился в пользу мыса Каменного. Порт после постройки должен был перейти в ведение Главсевморпути [21. С. 7]. Начальная цель деятельности строительства железной дороги от ст. Чум до морского порта у м. Каменного протяженностью 500 км и сооружение порта на основе привлечения принудительного труда. Основным исполнителем работ должно было быть Строительство № 501, созданное на основе Севжелдорлага, возводившего дорогу на Воркуту, и Обского управления строительства.

Исправительно-трудовые лагеря. Подчинение стройки министерству НКВД, МВД СССР делало очевидным факт ориентации решения кадровой проблемы за счет осужденных, находившихся в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). Контингент стал переводиться из разных мест в районы строительства, значительная часть перевозилась к местам стройки морским, речным транспортом. На севере Тюменской области стали создаваться ИТЛ – **Обский** (28 апреля 1947 г. – 29 сентября 1948 г., с последующим переформированием) находился в Салехарде, подчинялся СУЛЖДС; **Байдарский** (создан 6 мая 1948 г.) – располагался в Новом порту, **Заполярлаг** (10 сентября 1947 г. – 6 мая 1948 г. – с последующим переформированием) – на м. Каменный, вначале подчинялся ГУЛЖДС, затем СУЛЖДС [31]. В 1949 г. из Северного управления выделили «Обский ИТЛ и строительство № 501». Затем на их основе были созданы «Обский ИТЛ и строительство № 501» и «Енисейский ИТЛ и строительство № 503» [31].

Работы на трассе начались 15 мая 1947 г. На стройке было создано пять отделений [11. С. 33]. С 6 мая 1948 г. развернулось строительство западного участка от станции Чум до **Байдарского ИТЛ** [13]. В его задачи входило строительство перевалочной базы Морского флота СССР в районе Салехарда, пересылочного пункта на 5 000 чел., а также участка дороги «станция Чум–Новый порт». Байдарский ИТЛ также подчинялся СУЛЖДС. Строительство порта и судоремонтного завода возлагалось на «Заполярный ИТЛ и строительство № 503» [31]. Его непосредственная задача состояла в сооружении морского порта и судоремонтного завода на мысе Каменном [31]. Лагерь делился на зоны, в их числе было 85 колонн, 6 подкомандировок, 8 лагерных пунктов. Расстояние между объектами – 8–10 км. Через эти расстояния стали строиться бараки для заключенных и вольнонаемных. Бараки образовывали поселенческий пункт. В колонне могло быть от 300 до 1 000 чел. Статьи, по которым были осуждены прибывшие на стройку, разнообразны. Были иностранные военнопленные: немцы, японцы, испанцы, чехи, поляки, финны [14. С. 113]; «осужденные за сотрудничество с немцами; власовцы, бандеровцы; оставшиеся от прежних времен с 58-й ст.;

«высланные из Эстонии кулаки... литовцы» [19. С. 268–269]. (В 1990-е гг. лагерный контингент возводился чуть не в ранг «святых мучеников». В то же время использование историко-сравнительного метода исследования, сопоставление с днем сегодняшним, с появляющимися перед нами пленными персонажами из националистических батальонов современного военного конфликта позволяет представить, от каких «не совсем людей» иногда нужно отдалить граждан страны. – *Прим. авт.*).

Результаты работ в 1947–1949 гг. и вклад этого периода в процесс освоения территории:

1. Проводились широкого географического охвата изыскательские, геологические, гидрологические, картографические работы, что в полной мере соответствовало освоительской практике.

2. Шли процессы увеличения временного населения, заселения мало освоенных в предшествующих период территорий: Нового Порты, мыса Каменного, возникали в зоне действия ИТЛ многочисленные поселенческие пункты.

3. Работы по железнодорожному строительству вышли на территорию Тюменской области в период сооружения начального 118 км участка дороги «Чум-Собь». 31 из 118 км этого участка прошли по территории Приуральского района ЯННО. 5 декабря 1947 г. на этом участке трассы было введено рабочее движение [11. С. 32].

4. Следующим участком дороги стала 196-километровая ветка «Чум-Лабытнанги», 109 км ее проложены были по территории ЯННО. Работы завершили в начале декабря 1948 г. 5 декабря 1948 г. в пос. Лабытнанги на левом берегу Оби пришел первый железнодорожный состав [21. С. 12]. Лабытнанги становились важным железнодорожным узлом, на станцию стали прибывать многотонные грузы.

5. В августе 1949 г. был введен в эксплуатацию железнодорожный вокзал в Салехарде. Трасса дошла до Салехарда, куда прибыл первый паровоз от мыса Корчаги. Движение поездов до Салехарда приобретало регулярный характер. По железной дороге в Салехард стали прибывать различные специалисты для экспедиций, строительства, члены комиссий.

6. Выбранное место для строительства порта у м. Каменного в Обской губе оказалось сложным по гидрологическим условиям. Решение по окончательному принятию варианта строительства порта откладывалось. В этих условиях от Лабытнанг, на северо-запад в направлении Харпа, стали строить ветку протяженностью 68 км, место ее завершения стало называться станция «Обская».

Решение о ликвидации строительства на полуострове Ямал. 29 января 1949 г. последовало правительственное постановление № 348-135 сс о ликвидации строительства на полуострове Ямал и о перенесении местоположения морского порта и других объектов Главсевморпути в Игарку [13; 21. С. 13]. Утверждено и новое направление железнодорожной магистрали от ст. Чум Печорской железной дороги до

г. Игарка [27. Д. 515. Л. 26–28]. Начинался новый этап строительства магистрали.

Новый этап строительства дороги (1949–1953 гг.). Приказом от 5 февраля 1949 г. министра МВД С.Н. Круглова СУЛЖДС было разукрупнено, «в его составе» образованы «Управление ИТЛ и строительство № 501» и «Управление ИТЛ и строительство № 503». Конечной точкой дороги должен был стать пос. Ермаково на левом берегу Енисея. Игарский порт наметили на правом берегу Енисея. Общая протяженность дороги должна была составить 1263 км, 3/4 ее протяженности приходилось на территорию ЯННО. Дорога должна была проходить через Салехард, а далее – вблизи основных районных центров – Надым, Пур, Таз. У дороги появилось название «Чум-Салехард-Игарка». Она делилась на западное и восточное крыло. **Западное крыло:** участок «Чум – Салехард – р. Пур», длиной 900 км. Его должно было сооружать «501-е Строительство» (базировка в Салехарде и Лабытнангах в ЯННО). **Восточное крыло** – «Пур-Таз-Ермаково-Игарка» возлагалось на «Строительство № 503» (базировка в пос. Ермаково Красноярского края) [21. С. 13, 14, 16]. Строительства должны были двигаться навстречу друг другу и соединиться на р. Пур. «501-ю» стройку курировал Тюменский обком партии, а «503-ю» – Красноярский крайком. Претерпела преобразования Северная проектно-изыскательская экспедиция, которой дали название «Объединенная Северная экспедиция». Руководителем остался П.К. Татаринцев. В ее составе были созданы три экспедиции: Обская (участок: Салехард – р. Надым – 360 км), Надымская (участок: р. Надым – р. Таз – 500 км), Енисейская. Самым трудным участком работы экспедиции стал Надымский. Надымскую экспедицию возглавил А.А. Побожий. Местом ее базирования был Уренгой.

Результаты работы на западном участке трассы и вклад в хозяйственное освоение северо-западной части Западной Сибири (1949–1953 гг.):

1. **Развитие железнодорожной сети.** Дорога начинаясь от станции Чум за Северным Полярным кругом, на участке «Елецкий – Харп» пересекала Полярный Урал, тянулась через Салехард, Пангоды к Надыму, а далее должна была двинуться через Уренгой к Ермакову и Игарке. Из трех участков работ два участка – Обский (Салехард-Надым – 350 км) и Надымский (р. Надым – р. Таз – 500 км) – относились к северу Тюменской области, с базовыми пунктами Полуй, Надым, Пангоды, Уренгой [33]. На железнодорожной линии строились станции. На трех станциях – Салехард, Надым, Пур – на территории ЯННО создавались депо. Открыть сквозное движение поездов по трассе планировалось в 1952 г., а сроки сдачи дороги в постоянную эксплуатацию был намечен 1955 г.

1.1. В 1950 г. полностью было завершено строительство участка «Чум-Салехард». До Лабытнанг начали курсировать прямые вагоны «Москва-Лабытнанги», прикреплявшиеся к котласскому или воркутинскому составам [22]. Станция Лабытнанги

становилась важным узлом, через который поступали грузы (до 150 тыс. т), вывозилась местная продукция.

1.2. В августе 1952 г. было открыто рабочее движение поездов от Салехарда до Надыма. «Стал ходить прямой вагон «Москва–Надым» [23]. Через р. Надым построили деревянный мост протяженностью 560 м, создавший возможность строителям выйти в начале 1953 г. к реке Большая Хетта, и далее идти к р. Пур. Большой частью по долине р. Ево-Яхи подготовлено 150 км земляного полотна. Всего на трассе было уложено 848 км пути. Было готово 58% дороги.

2. В рамках проектно-изыскательских работ и дополнивших их геологических исследований началось «изучение природных богатств северных районов страны». В ЯННО увеличилось количество действующих внешних геологоразведочных организаций: «...1949 г. работы на Приполярном и Полярном Урале велись Полярно-Уральской экспедицией АН СССР, насчитывающей 12 партий, с общим числом в 60 человек. Работали – Обская экспедиция Уральского геологического управления Мингеологии; геофизическая группа Уральского геофизического треста, геологические партии Воркутинского угольного комбината МВД СССР» [27. Д. 515. Л. 21]. В процессе научно-исследовательских и изыскательских работ Академией наук были получены «весьма реальные данные о богатых залежах железной руды, молибдена, бокситов, слюды» [27. Д. 515. Л. 26 об.], были выявлены бурые угли, редкие металлы, марганец, флюорит, хромиты, благородные металлы. Руководство окружного комитета партии инициировало обращениями в ЦК ВКП(б), И.В. Сталину проведение более широких и интенсивных геологических исследований и ставило вопрос о промышленном освоении выявленных полезных ископаемых [27. Д. 515. Л. 22].

3. В Салехарде: население города за три года (1947–1950 гг.) увеличилось в 2 раза; отмечался рост числа интеллигенции – учителей, врачей, агрономов, инженеров; ИТР только в Управлении строительства насчитывалось 500 человек; в Салехарде располагалось на 1950 г. 10 различных экспедиций; началось широкое строительство – строились библиотека, Дом политического просвещения, больница, школа, жилые дома, магазины, лагерное управление. Важной частью жизни города стал ввод железнодорожного вокзала в августе 1949 г. Началось сооружение здания театра. Имелся стадион [23; 27. Д. 515. Л. 29].

4. Менялся психологический настрой руководителей области и округа, появилась смелость инициировать предложения по дальнейшему развитию округа и его центра. Первый секретарь Тюменского обкома партии И.И. Афонов, первый секретарь Ямало-Ненецкого окружного комитета партии А.Я. Малиновский обращались:

– в ЦК ВКП(б) к В.Т. Прохватулову «Об основных перспективных факторах развития г. Салехарда, новых районных центров в Ямало-Ненецком округе и размещения управления железной дороги» [27. Д. 515. Л. 5 об.];

– в ЦК партии к Г.М. Маленкову по реконструкции г. Салехарда, изучению перспектив развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства округа, строительству железной дороги от ст. Полуночной близ Серова до г. Салехарда, с продлением дороги на полуостров Ямал; размещению Управления строящейся железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» в Салехарде [27. Д. 515. Л. 26 об.];

– к Председателю Совета министров СССР И.В. Сталину по вопросу геологической неизученности округа [27. Д. 515. Л. 21–25];

– с вопросами о необходимости в городе электростанции, так как «имеющиеся мощности малы по объему»; «строительстве сухопутного и водного аэропортов, пристани и речного вокзала, системы водоснабжения и канализации, благоустроенных дорог». Ставился вопрос о генеральном плане застройки города [27. Д. 515. Л. 5 об.]. Все объекты видели в каменном исполнении. Предлагалось увеличить жилищное строительство в городе с доведением площади до 6 м² на одного проживающего [27. Д. 515. Л. 6–10]. Предлагалось перенести административные центры Надымского, Пуровского, Красноселькупского районов в будущие железнодорожные поселки [27. Д. 515. Л. 12]. В письме от 15 декабря 1950 г. к секретарю ЦК партии ВКП(б) Г.М. Маленкову А.Я. Малиновский высказывал просьбу о восстановлении Драматического театра в городе, направления в город труппы актеров в 10–15 человек [27. Д. 515. Л. 29 об.].

5. Транспортное освоение территории округа в период строительства железнодорожной магистрали «Салехард–Игарка» дополнялось развитием морского и водного транспорта, которым доставляли пассажиры и грузы для строящейся дороги, как и расширением грузопотоков, обновлением флота, строительством причалов, пристаней. В целях доставки грузов активно использовался Северный морской путь, осваивались заливы Карского моря – Обская и Тазовская губы, реки Пур и Таз, впадающие в Тазовскую губу. В 1950 г. суда должны были доставить для железнодорожной линии «Салехард–Игарка» 4 тыс. рабочих, 18 тыс. т грузов, в том числе 4 паровоза, 80 вагонов, а также экскаваторы, автомашины, грузовики, 10 тыс. т продовольственных и промышленных товаров [30. Д. 1. Л. 263]. Перевозка грузов осуществлялась только для строителей № 501, 503. Развитие морских и речных перевозок сопровождалось выделением транспортных средств: барж и паузков. Для увеличения объема перевозок и развития судоходства по рекам Пур и Таз на 1950 г. выделялись три металлических баржи по 250 т с перебазировкой из Архангельска, 20 паузков – по 100 т, 2 паузка – по 250 т. В местах доставки грузов строились причалы и пристани. Изучалась ледовая обстановка в проливах Карского моря, которая была сложной, суда нередко попадали в ледовый плен и вынуждены были оставаться на зимовку во льдах. Нередки были случаи гибели судов во время штормов. Для Минречфлота в Салехарде намечалось строительство трех деревянных домов и здания радиостанции, в Лабытнангах и Салехарде планировалось расширение причалов для одновременной

погрузки трех судов [30. Д. 1. Л. 264 об., 265], в пос. Тазовском – сооружение пристани II разряда с диспетчерским участком. Предусматривалось преобразование Тюменского эксплуатационного участка в районное управление Нижне-Иртышского речного пароходства.

6. Получила развитие и авиация: для Тюменской области выделялись самолеты ЛИ-2, АН-2, ПО-2, планировалось, а местами началось, строительство аэродромов в Салехарде, Надыме, Уренгое [26. Д. 2730. Л. 2], а аэродром в Тазовском зам. начальника ГУ ГВФ генерал-лейтенант авиации С.М. Белецкий [26. Д. 2730. Л. 3] рекомендовал строить за счет местного бюджета.

7. Строительство и ввод участков дороги привели к развитию хозяйственных связей с соседним, западным северным районом. Распоряжение Совета министров СССР от 26 августа 1950 г. № 13401-рс за подписью зам. председателя Н.А. Булганина касалось поставок древесины Воркутинскому угольному бассейну. Пунктами перевалки древесины становились Салехард и Лабытнанги. В этих местах стали создаваться лесоперевалочные базы. На строящейся железнодорожной станции Лабытнанги производилась «выкатка древесины» из воды с последующим ее размещением в Лабытнангах. Для древесины строились временные сооружения. Здесь же проводилась сборка стандартных домов. В Салехарде на участке Тау-Пугол распоряжением Совета министров СССР от 30 июня 1949 г. № 9863 намечено строительство лесоперевалочной базы на 500 тыс. м³ перевалки древесины. Уполномоченный Госплана СССР С. Абезгаузен 1 марта 1949 г. в «Краткой экономической справке по Тюменской области» подчеркивал, что «благодаря железнодорожной магистрали для промышленности севера будут доставляться энергетические ресурсы Воркутинского каменноугольного бассейна, появляются возможности круглогодичного транспортирования промышленной продукции через Воркуту-Котлас в Европейские районы». Для комплексного и полного использования древесины» предлагалось «создание мощных лесопильных деревообрабатывающих и химических комбинатов [26. Д. 1542. Л. 24].

8. Строилась по всей протяженности железной дороги телефонно-телеграфная линия «Салехард-Игарка».

Прекращение строительства: от консервации строительства к ликвидации. Начальник Надымской экспедиции А.А. Побожий писал, что «начиная с 1951 г. ситуация на строительстве дороги “Чум-Салехард-Игарка” стала меняться, снизились темпы строительства». Стал сокращаться объем капиталовложений. «Строительство дороги замирало с каждым днем» [34. С. 180]. Все чаще стали появляться сигналы об авариях с мостами, деформациями полотна трассы, крепить которое было нечем [34. С. 179]. Почему происходили аварии и деформации полотна, ответ однозначен – свою силу все более стала проявлять вечная мерзлота. Под влиянием этих обстоятельств менялись настроения, росло разочарование.

После смерти И.В. Сталина Л.П. Берия письмом от 21 марта 1953 г. обратился в Президиум Совета министров СССР «Об изменении строительной программы на 1953 г.», предложив пересмотреть ранее принятые постановления правительства о строительстве ряда объектов, «осуществление которых в ближайшие годы не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства», а также потому, что стройки «требуют расхода значительного количества металла, строительных и технических материалов, оборудования и рабочей силы» [35].

В предлагаемом перечне объектов железная дорога «Салехард-Игарка» заняла 6-ю позицию. На ее сооружении из общей сметной стоимости в 7 200 млн руб. было освоено 3 724 млн руб. Соответствующим министерствам предлагалось «разработать и представить в Совет министров СССР мероприятия по прекращению или ликвидации строек» [35]. 25 мая 1953 г. постановлением Совета министров СССР № 1345-536 сс строительство № 501 было передано Министерству путей сообщения СССР. Постановлением Совета министров № 148 от 10 ноября 1953 г. строительство железной дороги «Салехард-Игарка» было поставлено на консервацию [12. С. 21]. В 1954 г. Министерство путей сообщения СССР добилося решения о ликвидации всех подразделений строительства, кроме участка «Чум-Лабытнанги», принятого в 1955 г. в постоянную эксплуатацию. «Проложенную телефонную линию «Салехард-Игарка» приняло в эксплуатацию Минсвязи», – писал А.С. Пиманов [21. С. 21]. Начался ликвидационный период, а затем разрушение дороги и построенных объектов.

Причины прекращения строительства, переходящие в проблему масштабного геологического изучения территории:

1. Вопрос о причинах прекращения строительства в нашем понимании осложнялся одним обстоятельством: дорога, строившаяся с запада и востока, была остановлена строительством тогда, когда она вышла в конце 1951 г. в зону Надым-Пур-Тазовского междуречья. В этих пределах в 1943 г. при проведении проектно-изыскательских работ по трассе «Воркута-Салехард» партия под руководством В.Н. Сакса экспедиции Горно-геологического управления ГУСМП определила наличие предпосылок нефти в низовьях Таза, рек Мессо, Нижне-Обской, Надым. Бассейн Пура сочли требующим дальнейшего исследования» [36. С. 62, 63], так как были обнаружены «крупные выступы древних кристаллических комплексов», что стало называться «Пуровский хребет» [37. С. 131];

2. Не будем забывать, что с конца 1940-х гг., когда и разворачивались работы по строительству Транспольярной магистрали, в южной части области, в Тюмени создавались первые структуры, закладывавшие основы геологии Тюменской области [38. С. 42–55]. Союзное правительство предусматривало увеличение поисковых и разведочных работ на нефть и газ в восточных районах СССР. Главный геофизический трест СССР начал перебазирование нефтяных экспедиций и партий Украинского, Центрального и Запад-

ного геофизических трестов в восточные районы СССР. В Тюмень направлялись Белорусская и Молдавские экспедиции.

3. В эти же годы поисковые работы активно велись и на территории ЯННО. В Салехарде на 1950 г. базировалось 10 различных экспедиций. В 1949 г. при помощи авиации была проведена аэрофотосъемка местности, составлялись карты, которых до этого не существовало. Территория Пуровского района была покрыта мелкомасштабной геологической съемкой [36. С. 133]. Работы на территории Пуровского района проводились экспедицией № 7 ВСЕГЕИ (Всесоюзного геологического института) и геологами НИИГА – Института геологии Арктики [39].

4. Проектно-изыскательские работы с 1949 г. на участке между реками Надым–Таз были возложены на Надымскую экспедицию, начальника А.А. Побожия. В ее составе было шесть партий, местом базировки экспедиции стал Уренгой [34. С. 122, 138]. Местность проведения работ А.А. Побожий описывал, как «равнину, усеянную болотами, с бугристой тундрой», и то, что трассу старались прокладывать, где «местность не изрыта буграми пучения» [34. С. 146, 148]. Считаем, что именно эти «бугры пучения», упоминаемые в воспоминаниях руководителя Надымской экспедиции А.А. Побожия, можно рассматривать в качестве главной причины направления в 1952 г. специальной экспедиции Горно-геологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР. «Бугры пучения» изыскателям трасс в северных широтах страны были известны, они стали изучаться в 1920–1930-е гг. [40, 41], известны были и взрывы бугров пучения [42], и их опасность в хозяйственной деятельности. Современная наука связывает возникновение бугров пучения с растеплением вечноммерзлых пород в северных широтах. Однако, как показала ситуация на полуострове Ямал, в процессах образования бугров активно участвует газ, поднимающийся из более нижних слоев, по другой версии, имеет место разрушение газогидратов [43]. Ледовое или водное пространство может замещаться газом. Бугры пучения, достигшие значительных размеров, могут взрываться. На полуострове Ямал это явилось причинами появления с 2012 г. «воронок газового выброса». А дорога «Чум–Салехард–Игарка» попала в зону «бугров пучения».

5. Масштабные геологические исследования в зоне Надым-Пур-Тазовского междуречья. Несомненно, что наличие в изобилии этих природных явлений в Надым-Пур-Тазовском междуречье и пока не полная известность их последствий для хозяйственной деятельности, потребовали дополнительных исследований. Эти исследования было предложено провести Горно-геологическому институту Западно-Сибирского филиала (ЗСФ) АН СССР, который в 1952 г. на территорию ЯННО направил Северную геологическую экспедицию, в составе трех отрядов руководителей В.А. Николаева, В.В. Вдовина, Б.В. Мизерова. При этом, что крайне важно, Северная геологическая экспедиция была создана для выполнения правительственного поручения, данного Горно-

геологическому институту ЗСФ АН СССР [45], какого именно поручения, информации нет. Можно только учесть, что в своих воспоминаниях А.А. Побожий писал, что руководитель Объединенной Северной проектно-изыскательской экспедиции П.К. Татаринцев в Уренгое часто бывал, в Москву регулярно вызывался [34. С. 172] и, надо полагать, о проблемах прокладки трассы в зоне Надым-Пуровского междуречья в вышестоящие инстанции несомненно докладывал.

География действий отрядов экспедиции Горно-геологического института – территории Пуровского, Надымского, Тазовского, Красноселькупского районов. Экспедиция, если судить по географии действовавших отрядов, была направлена для исследований Надым-Пур-Тазовского междуречья. План экспедиции был выработан 2 июня 1951 г. на научно-техническом совещании НИИ геологии Арктики и подчинялся задаче изучения перспектив нефтеносности Советской Арктики, при согласовании с общим планом организаций Мингеологии СССР [36. С. 80]. Ни больше, ни меньше по распоряжению правительства. В отчете В.А. Николаева о результатах летних полевых работ 1952 г. говорилось, что геологические исследования Северной экспедиции в летний период 1952 г. охватили районы бассейнов рек Пур, Ныда, Надым, Казым, Обь и правобережья Обской губы. Отряд Б.В. Мизерова выполнил маршрут по р. Обь от г. Салехарда до устья р. Казым через заболоченный водораздел в бассейн р. Надым и охватил своими исследованиями его долину и некоторые главнейшие его притоки почти до пункта впадения в Обскую губу. Второй отряд (руководитель В.В. Вдовин) провел геологические исследования по правобережью р. Обь и Обской губы от г. Салехарда до устья Тазовской губы (мыс Круглый) и выполнил тематические геологические работы в бассейне р. Ныда. Отряд, возглавляемый В.А. Николаевым, основные исследования сосредоточил в бассейне р. Пур и в бассейне нижнего течения р. Таз [36. С. 79]. Вдовин включил сверхплановый маршрут Салехард–Ныда (500 км), пройденный за две недели. Было отмечено, что «у фактории Вануйто найден газифицирующий источник, из него отобраны пробы газа и воды». Участок от Салехарда до Ныды назван «наиболее интересным» [36. С. 90–91]. По итогам экспедиции были сделаны выводы о выделении «на обширной территории севера Западно-Сибирской низменности двух значительных впадин, разединенных между собой системой положительных структур северо-западного простирания» [36. С. 90–91]. Было рекомендовано осуществить «производство комплексных геофизических исследований вдоль строящейся железной дороги “Салехард–Игарка”, по долинам рек Таза, Пура и Надыма», организовать постановку колонкового и роторного бурения как базы для правильной интерпретации геофизических данных». Высказывалась рекомендация бурения глубоких скважин по линии поселков Салемал, Ныда, Новый Порт, факторий Самбург и Тибейсале [36. С. 93]. Таким образом, следует полагать, что правительственное поручение заключалось для Северной экс-

педиции в отработке части маршрута Трансполярной магистрали в зоне Надым-Пур-Тазовского междуречья, с изобилием «бугров пучения» [44], и нарастающей активностью вечной мерзлоты в отношении построенных или строившихся объектов. В 1953 г. строительство дороги было поставлено на консервацию. После расстрела Берия началась ликвидация строительства.

Но 1952–1953 гг. в ЯННО уже работала Северо-Восточная экспедиция треста «Арктикразведка» Главного управления Главсевморпути при Совете министров СССР. Участники Новосибирской экспедиции стали подробно заниматься изучением тектонического районирования севера Западной Сибири и конкретизировать направления поисковых работ на нефть и газ [45]. Была составлена уточненная геологическая карта, большое внимание уделялось Надымскому району, районам рек Пурпе, Пур. В 1956 г. была составлена геологическая карта Пуровского района. Работа проведена в Западно-Сибирском геологическом управлении А.А. Земцовым и С.Б. Шацким. В Надым-Пур-Тазовском междуречье и развернулись с конца 1950-х гг. активные работы Тюменского геологического управления, а последовавшие открытия свидетельствовали о том, что уж очень удачно выбирались места для поискового бурения: в 1962 г. открыто Тазовское газовое месторождение (две аварии при открытии), 27 декабря 1964 г. последовало открытие Новопортовского месторождения, 11 февраля 1965 г. – Пурпейского, 16 октября 1965 г. – Заполярного газового месторождения, относившегося к северной части Тазовского района Пур-Тазовской нефтегазоносной области [46. С. 11–16, 19–25, 27–33, 38]. В 1966 г. в 120 км от Заполярного месторождения было выявлено Уренгойское нефтегазоконденсатное месторождение, которое на момент открытия стало первым в мире по запасам, на данный момент занимает третье место [47. С. 176]. Оно относилось к Пуровскому району ЯННО, находилось в центральной части Надым-Пурской нефтегазоносной провинции, «место для скважины Р-2 было выбрано на территории бывшего лагеря 501 стройки ГУЛАГа» [47 С. 219].

Таким образом, считаем, что работы Новосибирской Северной геологической экспедиции проводились по заданию правительства в связи с выходом строительства дороги на соединяющее два участка трассы Надым-Пур-Тазовское междуречье. Фактором, повлиявшим на особое обследование этого участка, стали те самые «бугры пучения», которые в изобилии присутствовали на участке проектно-изыскательских работ Надымской экспедиции, относившейся к Объединенной Северной проектно-изыскательской экспедиции. В связи с чем и было принято решение о направлении специальной экспедиции по исследованию нефтегазоносности.

Сделанные выводы, по нашему мнению, стали главным фактором консервации строительства. Исследования в этой зоне стали расширяться, а получаемые результаты, судя по всему, вызвали опасения и привели к прекращению работ на трассе железной дороги, но при этом заложили совершенно новое

направление в освоении территории северо-западной части Западной Сибири. В пользу нашей версии говорит то обстоятельство, что в настоящее время Россия располагает самыми богатыми в мире ресурсами газа, 84% которых расположено в восточных районах, 2/3 запасов относится к ЯНАО, основная их часть сосредоточена в Надым-Пур-Тазовском районе. Государственным балансом запасов полезных ископаемых (газы горючие) на 01.01.2020 г. в Ямало-Ненецком автономном округе учтено 151 месторождение (17 газовых, 42 газоконденсатных, 1 нефтегазовое, 82 нефтегазоконденсатных и 9 газонефтяных) [48]. Строящаяся дорога и изыскательские работы на ней сыграли в геологическом освоении территории важнейшую роль. Она стала той стержневой артерией, по которой затем пошли геологи, то ли располагая картами, оставшимися от предыдущих экспедиций, то ли просто выбирая освоенные участки земли, в которой и расположились в изобилии углеводородные ресурсы. К сожалению, материалов по геологии ЯННО 1950-х гг. в ГАТО нет. Объясняем это закрытостью территории для публичности явлений под воздействием имевшего места строительства.

Сохраняющийся интерес к дороге после прекращения строительства отразила «Справка МВД СССР о районе Салехард – Игарка и бывшем строительстве железной дороге на этой территории от 5 апреля 1956 г.» [49]. В справке отмечалось, что:

1. «На первом участке этой линии от станции Чум (Печорской ж.д.) до станции Лабитнанги (левый берег реки Оби) рабочее движение поездов открыто в декабре 1948 года;

2. Из 1132 км до Ермаково было уложено железнодорожного пути 573 км, т.е. примерно 50 % всего протяжения;

3. По всей трассе до г. Игарка построена столбовая линия связи, которая (на 1956 г. – *Прим. авт.*) находилась в эксплуатации;

4. «На обоих концах линии построен большой комплекс гражданских зданий – жилых и производственных. Осталось построить 559 км дороги». Делался вывод о необходимости продолжения работ по этой дороге, прежде всего на участках «Салехард – Надым», восстановлении переправы на Оби, строительстве участка «Ермаково–Туруханск», с завершением в конце семилетки [49].

Комиссия Ленинградского государственного проектно-изыскательского института с 9 по 16 сентября 1957 г. вновь проводила натурный осмотр железнодорожной линии от г. Салехарда до Надыма на протяжении 370 км. Передвижение комиссии осуществлялось по этой дороге на автодрезине. Комиссия зафиксировала, что «трасса уже находилась в непригодном для эксплуатации состоянии с учетом сильных разрушений», особо пострадал участок от 224 км по 348 км трассы (Полуйский сор – Полуй), где произошла деформация земляного полотна и искусственных сооружений». В качестве причины указывалось на процессы, связанные с вечной мерзлотой, которая «выталкивала и перекручивала деревянные сваи мостов, влияла на разрушение станционных строений»

[11. С. 214]. Отмечалась, что «водоотводные трубы и канавы забились грунтом и топляком», «талые воды размывали сооружения», «бараки растаскивались: рамы, двери, печи, доски полов, перегородки». В то же время комиссия определила, что «в полной сохранности здания и помещения колонны станции Полуй». Однако никаких действий после работы комиссии Ленгипротранса не последовало, но с начала 1960-х гг. интерес к дороге вновь был усилен. Обращения и письма по восстановлению дороги писали А. Жигин – последний начальник «Строительства № 501», П. Татаринцев – руководитель Северной экспедиции. Поддержал идею восстановления дороги директор института «Гипроспецгаз» С. Тихановский [11. С. 218].

Несомненно, полезной в продвижении по труднодоступным местам оказалась дорога геологам. В условиях расширения геологоразведочных работ на территории Крайнего Севера со второй половины 1950-х гг. постоянно присутствует информация о расположении экспедиций, партий в местах Новый порт, мыс Каменный, вблизи поселков или в поселках Трансполярной магистрали. Дрезини позволяли двигаться в необходимых направлениях, используя железнодорожное полотно.

Значительный интерес к Трансполярной магистрали проявил Мингазпром СССР. Подступая к реализации стратегии формирования газовой отрасли в пределах ЯННО, Мингазпром СССР и Тюменгазпром создали Дирекцию строящихся газопроводов и обустройства промыслов в пос. Лабытнанги, который имел регулярную железнодорожную связь с центром страны и открывал возможность для доставки грузов на север Тюменской области железнодорожным транспортом. Найденные в фонде 2 101 документ по подготовке к вводу в разработку месторождения Медвежье говорят о том, что трасса дороги газовиков очень интересовала. Изучая местность, решая в 1969 г. вопрос подготовки обустройства месторождения, особенно тщательно фиксировали разъезды, участки дороги. Их стали использовать при подготовке к выходу на Медвежье. Специальная комиссия Тюменгазпрома во главе с главным геологом Л.Л. Косухиным в 1969 г. проводила «рекогносцировку на местности», на месте осматривала район будущих работ, указывала на близость объектов, планируемых на месторождении, до железной дороги. Аэродром у пос. Ныда круглогодичного действия, оставшийся от предыдущего периода хозяйственной деятельности, принимавший самолеты АН-2 и вертолеты, сочли возможным для расширения, чтобы принимать самолеты АН-10 и ЛИ-2 [30. Д. 177. Л. 69–71]. Комиссия фиксировала оставшиеся вагон-домики, отмечала «отсутствие железнодорожного моста через реку Надым» и то, что «на восток уложено 45 км рельс, а также 18 км трассы “пробито” до реки Правая Хетта». Определено, что от скважины № 19 Медвежьего месторождения до железной дороги расстояние – 50 км, до Ивлевого Песка – 95 км. Такое же расстояние было от Медвежьего до 107-го участка [30. Д. 132. Л. 72–73]. Мингазпром еще «в 1967 г. Ленгипротрансу выдал задание

на разработку проекта по восстановлению железной дороги “Лабытнанги–Надым”», «в 1969 г. проводилось обследование участка», но «влияние оказывал и длительное время существовавший проект сооружения Нижне-Обской ГЭС» [11. С. 218, 221, 222]. В 1971–1972 гг. трест «Севергазстрой» восстановил только участок в 52 км «Надым–Хетта». В книге Р.С. Гольдберга отмечалось, что строители железнодорожной линии «Тюмень – Новый Уренгой – Ямбург», строившейся в рамках дальнейшего развития газовой отрасли Тюменской области, во второй половине 1980-х гг. шли по трассе Трансполярной магистрали, сталкиваясь с объектами предыдущей хозяйственной деятельности [19. С. 4, 5].

Важным наследством дороги стала сданная в эксплуатацию телефонная и телеграфная линия «Салехард–Игарка», переданная Минсвязи СССР. По телефонной линии стала обеспечиваться связь с Москвой и рядом других городов страны. До начала 1990-х гг. железная дорога использовалась связистами для обслуживания линии связи «Салехард–Надым», пока линия связи не была упразднена.

Станции, поселения на трассе дороги использовались в период нефтегазового освоения в качестве базы градостроительного, поселенческого освоения территории. В.Н. Гриценко подробно изучал, как и на основе чего строился город Надым, опрашивал местных жителей, которые помнили, что в поселке в момент строительства железной дороги была школа на 200 чел. [14. С. 110], линейно-технический участок, 20 барakov, были 2- и 4-квартирные дома, длительное время оставалась платформа перрона, метеостанция, склад, магазин, вокзал станции «Надым», деревянное здание почты, общежитие, контора с деревянными колоннами [14. С. 151, 152]. В.Н. Гриценко утверждает, что на станции Надым в период существования дороги принимали и отправляли грузовые и пассажирские поезда со сменой паровозов, проводилась смена бригад грузовых составов, формировались и расформировывались сборные поезда, проводилась отцепка вагонов от поездов [14. С. 150, 151]. Подтверждением застроенности поселка при станции явился найденный Технический документ железнодорожной линии «Чум–Салехард–Игарка» с описанием станции «Надым» [14. С. 140, 141]. Недалеко от поселка Надым находился 107-й участок железной дороги, до него ездили на дрезине. На 107-м участке наиболее долго сохранялся двухэтажный дом, который принадлежал Ленинградскому мерзлотоведческому институту, проводившему работы в период строительства магистрали [14. С. 153]. В.Н. Гриценко утверждает, что здания и дома строились из сухой лиственницы – ценного строительного материала. С прекращением строительства дороги «дома разбирались и в разобранном виде вывозились баржами» [14. С. 154], а «ввиду чрезвычайной секретности стройки», в документах местных партийных и советских органов о сооружениях, поселках практически ничего не упоминалось, но то, что объекты, пригодные для использования, остались, свидетельствует документ 1950-х г. «О рассмотрении в Тюменском облисполко-

ме вопроса «Об использовании помещений бывших колоний 501 и 503строек по линии железной дороги для организации подсобных хозяйств, отделений совхозов, организации заготпунктов грибов, ягод, леса и т.д.» [14. С. 116].

На разъезде «Ивлевский» до 1990 г. жили «телефонисты», активно использовались в освоении территории станции Ярудей, Полуй [14. С. 109, 110]. Обустроенностью на трассе отличались разъезды и станции: Салехард, Сор, Заячий, Горнополуйский, Полуй, Дятел, Глухаринный, Ярудей, Ныда, Ягельный, Пур, Ночной, Невидимка, Таз, Ивлевский, Ягодный, Надым, Веселый, Коневский, Пангоды и многие другие. На каждом разъезде, каждой станции строились жилые дома, бараки. Авторы книги «История Ямала» также считают, что «вдоль трассы была создана сеть поселков, которые использовались геологами, связистами, метеорологами». В связи с 501-й стройкой в Салехарде началось обширное строительство, «после прекращения строительства весь жилой фонд был передан городу» [17. С. 336]. Нельзя не согласиться с утверждением авторов книги «История Ямала», что дорога повлияла на «формирование настроений «больших ожиданий». В то же время она стала «самым крупным и значимым событием в жизни ЯННО в конце 1940-х – начале 1950-х гг.» [17. С. 336].

В развитии железнодорожного строительства, осуществляемого в период активного нефтегазового освоения, были использованы участки прежней дороги. «Линия железной дороги «Надым–Новый Уренгой–Коротчаево» была построена по трассе Транспольярной магистрали. Участок от Пура (ныне ст. Коротчаево) до Надыма был восстановлен... по облегчённым нормам в 1970-х годах», – утверждают авторы статьи «Транспольярная магистраль» [33], в 1971–1972 гг. трест «Севергазстрой» для обеспечения доставки своих грузов восстановил и частично построил участок законсервированной железной дороги длиной 52 км от правого берега реки Надым до ст. Хетта. На участке Пангоды–Новый Уренгой (бывшая Ягельная), с момента его восстановления в 1970-х гг., существует грузопассажирское движение [33]. В 1983 г. началась временная эксплуатация участка «Надым–Коротчаево», а в 1986 г. – временная эксплуатация участка «Уренгой–Ямбург». Какие-то объекты строительства железной дороги использоваться начинали сразу, другие – через определенное

время. Станция Обская, недалеко от Лабытнанг, практически лишившаяся жителей после завершения работ на стройке дороги, с середины 1980-х гг. стала отправной точкой строительства железной дороги «Обская–Бованенково», поселок при станции стал быстро расти [50]. Дорога должна была пройти на север полуострова Ямал, к газовым месторождениям Бованенково и Харасавэйское, которые планировали ввести в эксплуатацию во второй половине 1980-х гг. Протяженность трассы предполагалась в 600 км [51]. Строительство от станции Обская началось в 1986 г., велось в последующем со значительными разрывами во времени. Первый период – 1986–1995 гг. – привел к сооружению 224 км дороги, открытию движения грузовых и пассажирских поездов до станции Паюта. С 1995 по 2003 г. работы не проводились, возобновились в 2003 г. Протяженность трассы была доведена до 267 км. Строительство вновь было прекращено, возобновлено в 2005 г., 12 января 2010 г. открыто рабочее движение по трассе «Обская–Бованенково», 15 февраля 2011 г. дорога дошла до станции «Карская» [52]. Сейчас она является действующей, имеет статус частной и является самой северной железной дорогой в мире. Потребность в сквозной железнодорожной магистрали для ЯНАО сохранилась. Планируемой с 2003 г. дороге дано название «Северный широтный ход», но ее строительство постоянно откладывается [52]. Имелись намерения начать строительство дороги в 2022 г. [53]. Но едва современная ситуация позволит это сделать в ближайшей перспективе. Так что ожидания на появление на территории ЯНАО железной дороги «Северный широтный ход» сохраняются.

Таким образом, Транспольярная магистраль соответствовала задачам хозяйственного освоения районов Крайнего Севера Тюменской области, она во многом содействовала освоению территории ЯННО как в период ее строительства (1947–1953 гг.), так и после него. Исследовательские работы на территории трассы при ее проектировании способствовали определению базовых точек последующего развертывания геологоразведочных работ на территории Крайнего Севера. Дорога была использована газовиками в создании основ подступа к освоению газовых месторождений, а также в градостроительном обустройстве территории. Она стала основой развития железной дорожной сети для ускорения разработки месторождений Крайнего Севера.

Список источников

1. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. / под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. М. ; Л. : Морской транспорт ; Гидрометеорологическое изд-во, 1956–1969.
2. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 1. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века / под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. М. : Морской транспорт, 1956. 592 с.
3. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 2. Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма / под ред. Я.Я. Гаккеля, М.Б. Черненко. Л. : Морской транспорт, 1962. 766 с.
4. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 3. Белов М.И. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / под ред. Я.Я. Гаккеля, М.Б. Черненко. Л. : Морской транспорт, 1959. 510 с.
5. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 4. Белов М.И. Хозяйственное освоение Советского Севера. 1933–1945 гг. Ленинград : Гидрометеорологическое изд-во, 1969. 612 с.
6. Колева Г.Ю. Основные этапы освоения арктических территорий северо-западной части Западной Сибири // Научный вестник ЯНАО. Салехард. 2019. № 4 (105). С. 4–12.
7. Колева Г.Ю. Освоенческая практика, ее обусловленность и результативность // Нефть и газ: технологии и инновации : материалы нац. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. / отв. ред Н.В. Шумерова. 2020. С. 199–201.

8. Колева Г.Ю. Освоение, обусловленность, стандарты освоенческой практики // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации : сб. тез. Всерос. науч. конф., посвящённой 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Департамент культуры ХМАО-Югры, БУ ХМАО-Югры «Музей геологии, нефти и газа», Региональное отд-е Рус. геогр. общества в ХМАО-Югре. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. С. 35–37.
9. Ламин В.А. Исторический опыт разработки проблем формирования железнодорожной сети на севере Сибири и Дальнего Востока (70-е гг. XIX – 50-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / АН СССР. Сиб. отд-е. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1987. 38 с.
10. Пленкин В.Ю. Исторический опыт разработки и реализации проектов транспортного освоения Российского Севера: рубеж XIX–XX вв. – рубеж 1930–1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 28 с.
11. Гриценко В.Н., Калинин В.А. 501/503. История «мертвой дороги». Екатеринбург : Баско, 2010. 210 с.
12. Арктический проект Сталина. URL: <https://coollib.com/b/565982-vyacheslav-kalinin-arkticheskiy-proekt-stalina/> (дата обращения: 28.04.2022).
13. Брошенная дорога (Стройка 501/503). URL: http://www.rzd-expo.ru/history/salekhard_igarka_quot_abandoned_road_quot/ (дата обращения: 26.04.2022).
14. Гриценко В.Н. История Ямалского Севера в очерках и документах : в 2 т. Т. 2 / В.Н. Гриценко. Омск : Книжное изд-во, 2004. 336 с.
15. Загадки «Мертвой дороги» // Нефтянка. URL: <http://neftianka.ru/zagadki-mertvoj-dorogi/> (дата обращения: 26.04.2022).
16. Мертвая дорога. Стройка № 501, 503. URL: <http://www.tourism.ru/docs/desc/19/57/47/> (дата обращения: 26.04.2022).
17. История Ямала : в 2 т. / под общ. ред. В.В. Алексеева. Т. 2, кн. 1. Ямал Современный. У истоков модернизации. Глава 2 «Новый этап транспортного развития: железная дорога “Чум–Салехард–Игарка”». Екатеринбург : Баско, 2020. 367 с.
18. Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики (Советский опыт в контексте современной стратегии (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М. : РОССПЭН, 2019. 367 с.
19. Гольдберг Р.С. 501-я (Книга расстрелянных, том четвертый). Тюмень : Тюменский курьер, 2010. 288 с.
20. Хёсли Э. Сибирская эпопея. М. : Паулсен, 2021. 800 с.
21. Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» (1947–1955 гг.). Тюмень : ТОГИРРО, 1998. 114 с.
22. Липатова Л.Ф. Мертвая дорога «Чум–Салехард–Игарка». URL: <https://stalkers.info/myortvaya-doroga-chum-salekhard-igarka/> (дата обращения: 10.07.2022).
23. Липатова Л.Ф. Дороги и судьбы. Т. 1. URL: https://kartaslov.ru/книги/Людмила_Фёдоровна_Липатова_Дороги_и_судьбы_1_том/1 (дата обращения: 10.07.2022).
24. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1572. Оп. 1.
25. ГАСПИТО. Ф. 1560. Оп. 1.
26. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1.
27. ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1.
28. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1903. Оп. 1.
29. ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1.
30. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2.
31. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М.Б. Смирнов; науч. ред. Н. Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М. : Звенья, 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvdgulag/index.htm> (дата обращения: 29.04.2022).
32. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. (Сектор учета кадров).
33. Трансполярная магистраль. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансполярная_магистраль (дата обращения: 23.07.2021).
34. Побожий А.А. Мертвая дорога (из записок инженера-изыскателя) // Новый мир. 1964. № 8. С. 89–182.
35. Письмо Л.П. Берия в Президиум Совета Министров СССР об изменении строительной программы 1953 г. 21 марта 1953 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170794-pismo-l-p-beriya-v-prezidium-soveta-ministrov-sssr-ob-izmenenii-stroitelnoy-programmy-1953-goda-21-marta-1953-goda#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 15.07.2022).
36. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965 гг. : в 3 т. Т. 1. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1973. 479 с.
37. Пуровский район – 75 / ред.-сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Тюмень : Тюменский дом печати, 2007. 368 с.
38. 70 лет Тюменской геологии: служба Отечеству : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А.М. Брехунцова, В.Н. Битюкова. Тюмень : Сибирский научно-аналитический центр, 2018. 384 с.
39. НИИГА. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ВНИИОкеангеология> (дата обращения: 22.07.2022).
40. Петров В.Г. Наледи на Амуро-Якутской магистрали. Л. : Изд-во АН СССР и НИИ НКПС СССР, 1930. 177 с.
41. Сумгин М.И. Краткий курс дорожной геофизики. М. : ОГИЗ – Трансиздат, 1931. 119 с.
42. Крицук Л.Н. Подземные льды Западной Сибири. URL: <http://www.evgengusev.narod.ru/kritsuk/2.html> (дата обращения: 03.08.2022).
43. Титовский А.Л., Сеницкий А.И., Пушкарев В.А., Барышников А.В. Комплексные исследования ямалских кратеров, новые факты // Актуальные проблемы нефти и газа. Труды Межд. конференции «Дегазация земли: геологи и экология – 2018». Вып. 4 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnye-issledovaniya-yamalskih-kraterov-novye-fakty/viewer> (дата обращения: 03.08.2022).
44. Пинго, или Бугры пучения. URL: https://elementy.ru/kartinka_dnya/393/Pingo_ili_bugry_pucheniya (дата обращения: 02.08.2022).
45. Конторович А.Э., Каширцев В.А., Конторович В.А. Трудный путь к нефтегазовым месторождения Сибири. URL: https://www.igm.nsc.ru/images/history/book/20_igig_total_223-244.pdf (дата обращения: 10.07.2022).
46. Открытые горизонты (1962–1980) / сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во, 2002. 680 с.
47. История газовой отрасли России. 1946–1991 гг. / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. Кн. 2. 536 с.
48. Состояние и перспективы использования минерально-сырьевой базы Ямало-Ненецкого автономного округа на 15 марта 2021 г. Справка подготовлена ФГБУ «ВСЕГЕИ» в рамках выполнения Государственного задания Федерального Агентства по недропользованию от 14 января 2021 г. № 049-00016-21-00. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beec2eb711.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).
49. Справка МВД СССР о районе Салехард – Игарка и бывшем строительстве железной дороги на этой территории. 5 апреля 1956 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 479. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170665-spravka-mvd-sssr-o-rayone-salekhard-igarka-i-byvshem-stroitelstve-zheleznoy-dorogi-na-etoy-territorii-5-aprelya-1956-g/> (дата обращения: 03.08.2022).
50. История станции Обская. URL: <https://stengazeta.net/?p=10001675> (дата обращения: 03.05.2022).
51. Самая северная железнодорожная линия «Обская–Бованенково». URL: <https://lgt.ru/projects/zhd-linii-obshchego-polzovaniya/novaya-zheleznodorozhnaya-liniya-obskaya-bovanenkovo> (дата обращения: 03.05.2022).
52. Железнодорожная линия «Обская–Бованенково–Карская». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Железнодорожная_линия_Обская_–_Бованенково_–_Карская (дата обращения: 03.05.2022).
53. Северный широтный ход. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Северный_широтный_ход (дата обращения: 03.05.2022).

References

1. Gakkel, Ya.Ya., Okladnikov, A.P. & Chernenko, M.B. (eds) (1956–1969) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 vols]. Moscow; Leningrad: Morskoy transport; Gidrometeorologicheskoe izd-vo.

2. Gakkel, Ya.Ya., Okladnikov, A.P. & Chernenko, M.B. (eds) (1956) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Morskoy transport.
3. Gakkel, Ya.Ya. & Chernenko, M.B. (eds) (1962) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Morskoy transport.
4. Gakkel, Ya.Ya. & Chernenko, M.B. (eds) (1959) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 3. Leningrad: Morskoy transport.
5. Gakkel, Ya.Ya. & Chernenko, M.B. (eds) (1959) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 4. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izd-vo.
6. Koleva, G.Yu. (2019) The Main Stages of Development of the Arctic Zones of the Northwestern Part of Western Siberia. *Nauchnyy vestnik Ya-NAO*. 4 (105). pp. 4–12. (In Russian).
7. Koleva, G.Yu. (2020) [Reclamation practice, its conditionality and effectiveness]. *Neft' i gaz: tekhnologii i innovatsii*. [Oil and gas: technologies and innovations]. Conference Proceedings. In 3 vols. Vol. 3. pp. 199–201. (In Russian).
8. Koleva, G.Yu. (2020) [Development, conditionality, standards of development practice]. *Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdistitsiplinarnye issledovaniya, opyt sokhraneniya, strategii renovatsii* [Industrial heritage of Russia: interdisciplinary research, conservation experience, renovation strategies]. Abstracts of the Conference dedicated to the 175th anniversary of the Russian Geographical Society and the 90th anniversary of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format. pp. 35–37. (In Russian).
9. Lamin, V.A. (1987) *Istoricheskiy opyt razrabotki problem formirovaniya zheleznodorozhnoy seti na severe Sibiri i Dal'nego Vostoka (70-e gg. XIX – 50-e gg. XX vv.)* [Historical experience in developing the problems of forming a railway network in the north of Siberia and the Far East (1870s–1950s)]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
10. Plenkin, V.Yu. (2001) *Istoricheskiy opyt razrabotki i realizatsii proektov transportnogo osvoeniya Rossiyskogo Severa: rubezh XIX–XX vv. – rubezh 1930–1940-kh gg.* [Historical experience in developing the problems of forming a railway network in the north of Siberia and the Far East (1870s–1950s)]. Abstract of History Cand. Diss. Yekaterinburg.
11. Gritsenko, V.N. & Kalinin, V.A. (2010) 501/503. *Istoriya "mertvoy dorogi"* [501/503. The history of the "dead road"]. Yekaterinburg: Basko.
12. *Arkticheskiy proekt Stalina* [Stalin's Arctic project]. [Online] Available from: <https://coollib.com/b/565982-vyacheslav-kalinin-arkticheskiy-proekt-stalina/> (Accessed: 28.04.2022).
13. *Broshennaya doroga (Stroyka 501/503)* [Abandoned road (Construction 501/503)]. [Online] Available from: http://www.rzd-expo.ru/history/salekhard_igarka_quot_abandoned_road_quot_/ (Accessed: 26.04.2022).
14. Gritsenko, V.N. (2004) *Istoriya Yamal'skogo Severa v ocherkakh i dokumentakh: v 2 t.* [History of the Yamal North in essays and documents: in 2 vols]. Vol. 2. Omsk: Knizhnoe izd-vo.
15. Neft'anka. (2020) *Zagadki "Mertvoy dorogi"* [Misteries of the "Dead Road"]. [Online] Available from: <http://neftianka.ru/zagadki-mertvoj-dorogi/> (Accessed: 26.04.2022).
16. *Mertvaya doroga. Stroyka № 501, 503* [Dead road. Construction No. 501, 503]. [Online] Available from: <http://www.tourism.ru/docs/desc/19/57/47/> (Accessed: 26.04.2022).
17. Alekdeev, V.V. (ed.) (2020) *Istoriya Yamala: v 2 t.* [History of Yamal: in 2 volumes]. Vol. 2 (1); Chapter 2. Yekaterinburg: Basko.
18. Zubkov, K.I. & Karpov, V.P. (2019) *Razvitie rossiyskoy Arktiki (Sovetskiy opyt v kontekste sovremennoy strategii (na materialakh Kraynego Severa Urala i Zapadnoy Sibiri))* [Development of the Russian Arctic (Soviet experience in the context of modern strategy (on the materials of the Far North of the Urals and Western Siberia))]. Moscow: ROSSPEN.
19. Gol'dberg, R.S. (2010) 501-ya (Kniga rastrelyannykh, tom chetvertyy) [501 (Book of the executed, volume four)]. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
20. Khesli, E. (2021) *Sibirskaya epopeya* [Siberian epic]. Moscow: Paulsen.
21. Pimanov, A.S. (1998) *Istoriya stroitel'stva zheleznoy dorogi "Chum–Salekhard–Igarka" (1947–1955 gg.)* [The history of the construction of the railway Chum–Salekhard–Igarka (1947–1955)]. Tyumen: TOG(In Russian).O.
22. Lipatova, L.F. (2017) *Mertvaya doroga "Chum–Salekhard–Igarka"* [The dead road Chum–Salekhard–Igarka]. [Online] Available from: <https://stalkers.info/myortvaya-doroga-chum-salekhard-igarka/> (Accessed: 10.07.2022).
23. Lipatova, L.F. (2017) *Dorogi i sud'by* [Roads and destiny]. Vol. 1. [Online] Available from: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B8/%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0_%D0%9B%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%94%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8_%D0%B8_%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D1%8B_I_%D1%82%D0%BE%D0%BC/ (Accessed: 10.07.2022).
24. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1572. List 1.
25. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1560. List 1.
26. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 1.
27. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 135. List 1.
28. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1903. List 1.
29. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 2101. List 1.
30. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 2.
31. Okhotin, N.G. & Roginskiy, A.B. (eds) (1998) *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR. 1923–1960* [The system of labor camps in the USSR. 1923–1960]. Moscow: Zven'ya. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/history/nkv/d/gulag/index.htm> (Accessed: 29.04.2022).
32. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 4.
33. *Transpolyarnaya magistral'* [Transpolar highway]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Transpolyarnaya_magistral' (Accessed: 23.07.2021).
34. Pobozhiy, A.A. (1964) *Mertvaya doroga (iz zapisok inzhenera-izyskatel'ya)* [Dead Road (from the notes of a survey engineer)]. *Novyy mir*. 8. pp. 89–182.
35. Beria, L.P. (1953) *Pis'mo L.P. Beriya v Prezidium Soveta Ministrov SSSR ob izmenenii stroitel'noy programmy 1953 g. 21 marta 1953 g.* [Letter from L.P. Beria to the Presidium of the Council of Ministers of the USSR on changing the construction program of 1953. March 21, 1953]. [Online] Available from: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170794-pismo-l-p-beriya-v-prezidium-soveta-ministrov-sssr-ob-izmenenii-stroitel'noy-programmy-1953-goda-21-marta-1953-goda#mode/inspect/page/2/zoom/4> (Accessed: 15.07.2022).
36. Smorodinskoy, D.A. (ed.) (1973) *Neft' i gaz Tyumeni v dokumentakh. 1901–1965 gg.: v 3 t.* [Oil and gas of Tyumen in documents. 1901–1965: in 3 volumes]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo.
37. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (eds) (2007) *Purovskiy rayon – 75* [Purovsky district – 75]. Tyumen: Tyumenskiy dom pechati.
38. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (eds) (2018) *70 let Tyumenskoy geologii: sluzha Otechestvu: v 2 t.* [70 years of Tyumen geology: serving the Fatherland: in 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Sibirskiy nauchno-analiticheskiy tsentr.
39. Wikipedia. (2022) *NIIGA*. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%9D%D0%98%D0%98%D0%9E%D0%BA%D0%B5%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (Accessed: 22.07.2022).
40. Petrov, V.G. (1930) *Naledi na Amuro-Yakutskoy magistrali* [Ice on the Amur-Yakutsk highway]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR i NII NKPS SSSR.
41. Sumgin, M.I. (1931) *Kratkiy kurs dorozhnoy geofiziki* [A brief course in road geophysics]. Moscow: OGIZ – Transizdat.
42. Kritsuk, L.N. (2010) *Podzemnye l'dy Zapadnoy Sibiri* [Underground ice of Western Siberia]. [Online] Available from: <http://www.evgenyusev.narod.ru/kritsuk/2.html> (Accessed: 03.08.2022).

43. Titovskiy, A.L. et al. (2018) The New Facts in Complex Studies of Yamal Craters. *Aktual'nye problemy nefti i gaza*. 4 (23). (In Russian).
44. Cherbunina, M. (2017) *Pingo, ili Bugry pucheniya* [Pingo, or Heaving mounds]. [Online] Available from: https://elementy.ru/kartinka_dnya/393/Pingo_ili_bugry_pucheniya (Accessed: 02.08.2022).
45. Kontorovich, A.E., Kashirtsev, V.A. & Kontorovich, V.A. (n.d.) *Trudnyy put' k neftegazovym mestorozhdeniyam Sibiri* [A difficult way to the oil and gas fields of Siberia]. [Online] Available from: https://www.igm.nsc.ru/images/history/book/20_igig_total_223-244.pdf (Accessed: 10.07.2022).
46. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (eds) (2002) *Otkrytye gorizonty (1962–1980)* [Open horizons (1962–1980)]. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo.
47. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1946–1991 gg.* [History of the Russian gas industry. 1946–1991]. Book 2. Moscow: Granitsa.
48. VSEGEI. (2021) *Status and prospects for the use of the mineral resource base of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug as of March 15, 2021*. [Online] Available from: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beccc2eb711.pdf> (Accessed: 16.02.2022). (In Russian).
49. State Archive of the Russian Federation. Fund 9401. List 2. File 479. *Information from the Ministry of Internal Affairs of the USSR about the Salekhard–Igarka region and the former construction of the railway in this area. April 5, 1956*. [Online] Available from: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170665-spravka-mvd-sssr-o-rayone-salehard-igarka-i-byvshem-stroitelstve-zheleznoy-dorogi-na-etoy-territorii-5-aprelya-1956-g/> (Accessed: 03.08.2022).
50. Gur'yanova, I. (2006) *Istoriya stantsii Obskaya* [History of the Obskaya station]. [Online] Available from: <https://stengazeta.net/?p=10001675> (Accessed: 03.05.2022).
51. Igt.ru. (2022) *Samaya severnaya zheleznodorozhnaya liniya “Obskaya–Bovanenkovo”* [The northernmost railway line Obskaya–Bovanenkovo]. [Online] Available from: <https://igt.ru/projects/zhd-linii-obschego-polzovaniya/novaya-zheleznodorozhnaya-liniya-obskaya-bovanenkovo> (Accessed: 03.05.2022).
52. Wikipedia. (2022) *Zheleznodorozhnaya liniya “Obskaya–Bovanenkovo–Karskaya”* [Railway line Obskaya–Bovanenkovo–Karskaya]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zheleznodorozhnaya_liniya_Obskaya_–_Bovanenkovo_–_Karskaya (Accessed: 03.05.2022).
53. Wikipedia. (2022) *Severnnyy shirotnyy khod* [Northern latitudinal course]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Severnnyy_shirotnyy_khod (Accessed: 03.05.2022).

Информация об авторе:

Колева Г.Ю. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: gukoleva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.Yu. Koleva, Dr. Sci. (History), professor, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 31.08.2022;
approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 94 (574) «1930/1940»
doi: 10.17223/15617793/482/15

Практики государственного управления в изобразительном искусстве 1930-х гг. (на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко)

Евгения Юрьевна Рахматулина¹

¹ Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник,
Усть-Каменогорск, Казахстан, kalina200778@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности государственного управления в сфере профессионального изобразительного искусства 1930-х гг. на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко (Алма-Ата). Посредством анализа институциональных, нормативно-документальных, коммуникативных и культурных элементов процесса управления автор приходит к выводу о двойственности его содержания. Модернизационный в своей основе процесс государственного управления эпохи сталинизма сопровождался жесткими командно-административными методами.

Ключевые слова: изобразительное искусство, система управления, Казахская ССР, Всесоюзный комитет по делам искусств, Управление по делам искусств, Казахская национальная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко

Для цитирования: Рахматулина Е.Ю. Практики государственного управления в изобразительном искусстве 1930-х гг. (на примере Казахской национальной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 149–156. doi: 10.17223/15617793/482/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/15

Public administration practices in the visual arts of the 1930s (on the example of the Taras Shevchenko Kazakh National Art Gallery)

Evgenia Yu. Rahmatulina¹

¹ East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, kalina200778@mail.ru

Abstract. The present work aims to identify the features of public administration, their real practices in the field of visual arts on the example of the Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko in the second half of the 1930s and to make adjustments to the existing historiographical gap. As a source base, office documents deposited in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK) in Fund 1792, Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko, and Fund 1736, Organizing Committee of the Union of Soviet Artists of the Kazakh SSR, were mainly used. Orders, resolutions, instructions, information letters dated 1937–1939, emanating from the Department of Arts Affairs under the SNK of the Kazakh SSR and the All-Union Committee for Arts Affairs under the SNK of the USSR were analyzed. Archival sources made it possible to identify the range of issues supervised by the departments, to determine the degree of integration of the cultural institution into the all-Union museum system, to highlight the situation regarding the replenishment of museum funds and the personnel issue. The methodological basis was the theory of modernization. A systematic approach was used to implement the research objectives. The study shows that, due to the historically prevailing conditions, professional visual arts did not receive a proper development on the territory of the Central Asian ethnoregion. The peripheral position of art, which persisted for quite a long time after the revolution, began to change by the mid-1930s with the coming to power of L.I. Mirzoyan (1897–1939), the first secretary of the Kazakraikom of the CPSU (b). During this period, the process of the all-Union restructuring of the management system in the field of culture coincided with the formation of the republican artistic infrastructure. The Kazakh National Art Gallery in Alma-Ata was made the profile center responsible for the presentation and popularization of visual arts in the republic. In general, public administration in the field of visual arts was implemented in line with the development of the state program of assistance to national suburbs through the formation and development of regional art infrastructure, accelerated growth of the museum art fund, with a parallel strengthening of integration into the all-Union socio-cultural space. At the same time, the analysis of the main elements of management testifies to their belonging to the administrative and command management system, with the inherent cumbersome-ness of the bureaucratic apparatus, adherence to the principles of personnel appointments, and not electability, the presence of power centralization, which left minimal opportunities for the manifestation of initiative on the ground.

Keywords: fine arts, management practices, Kazakh SSR, All-Union Committee for the Arts, Department for the Arts, T.G. Shevchenko Kazakh National Art Gallery

For citation: Rahmatulina, E.Yu. (2022) Public administration practices in the visual arts of the 1930s (on the example of the Taras Shevchenko Kazakh National Art Gallery). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 149–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/15

В современной российской исторической литературе достаточно многоаспектно представлены процессы общего культурного развития СССР эпохи сталинизма, его институциональные, управленческие, культурологические особенности. О стойком исследовательском интересе свидетельствует обилие публикаций, появившихся за последнее время. Тематика раскрывается как в монографиях, разработанных на обширном историческом материале в трудах И.Н. Голомштока [1], Е.С. Громова [2], В.С. Манина [3], Г.А. Янковской [4], так и в многочисленных специализированных статьях историков, философов и историков искусства. Ученые стремятся выйти за жесткие рамки однозначных оценок советского прошлого, найти точки соприкосновения и объективно представить содержание художественного процесса. В тоже время анализ работ казахстанских историков показывает серьезный недостаток исследований, характеризующих развитие культурного процесса на региональном уровне. Об этом говорит сравнительно небольшое число трудов обобщающего характера и выбор исследовательских приоритетов, нацеленных преимущественно на изучение проблем идеологии культурной политики СССР, репрессий в отношении деятелей науки и культуры, а также проблем советской культурной ассимиляции. Данный императив прослеживается в трудах ученых республики, посвященных культурным процессам периода, в частности в работах А.М. Турлыбековой [5], А.К. Жумадила [6]. Ясно, что при данном подходе вне предметного исследовательского поля остаются различные аспекты культурной политики советского государства в центральноазиатском регионе, в их числе проблемы становления художественной инфраструктуры, механизмов ее управления, взаимоотношений между властными центрами, а также различные сюжеты социальной истории, что в значительной мере мешает установлению объективной картины процессов, имевших место в республике. Между тем значение – середины и второй половины 1930-х гг. для развития социокультурного пространства Казахстана колоссально, поскольку в этот период были заложены основы республиканской художественной инфраструктуры, ее организации и методов управления, определены векторы развития профессионального творческого социума. Публикация ставит целью внести коррективы в имеющийся историографический пробел, выявить особенности государственного управления в сфере изобразительного искусства и их практической реализации на примере Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко второй половины 1930-х гг.

Статья подготовлена на основе широкого круга источников. Привлечены также делопроизводствен-

ные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Для исследования большую значимость приобрели Ф. 1792 «Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко» и Ф. 1736 «Оргкомитета Союза советских художников Казахской ССР», где представлены основные законодательные и нормативно-правовые документы, в том числе исходящие из Всесоюзного комитета по делам искусств СССР и Управления по делам искусств при СНК КазССР. Большей частью – это приказы, постановления, инструкции, информационные письма, датируемые 1937–1939 гг. Архивные источники позволили выявить круг вопросов, курируемых ведомствами, определить степень интеграции учреждения культуры в общесоюзную музейную систему, осветить ситуацию по кадровому вопросу, выявить значение и особенности формирования сети художественных советов в области изобразительного искусства. В совокупности делопроизводственные источники позволили провести комплексный анализ практики управления учреждением культуры исследуемого региона и оценить ее специфику.

Методологической основой выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать практику государственного управления Казахской национальной художественной галереей как один из путей преобразования Советским государством социально-культурного пространства Казахстана. Для реализации задач исследования применялся системный подход, нацеленный на изучение практик государственного управления посредством анализа основных управленческих элементов (подсистем): институциональной, нормативно-документальной, коммуникативной и культурной, также автором были применены историко-генетический, историко-сравнительный методы.

Известно, что в 1930-е гг. в Советском Союзе проходили сложные процессы институализации, заложившие основы системы управления в области культуры и искусства. Центральным органом, осуществлявшим руководство всеми видами искусств, с января 1936 г. вместо Наркомпроса Постановление Правительства СССР определило Всесоюзный Комитет по делам искусств (далее – ВКИ, Всесоюзный комитет) [7]. В Казахской ССР функции руководства возлагались на Управление по делам искусств (далее – Управление), действовавшее при СНК Казахской ССР. К январю 1937 г. в республиканскую систему Управления по делам искусств входили учреждения, предприятия и учебные заведения, в том числе 24 театра, две музыкальные школы, Казахская государственная филармония, цирк, трест «Казкино», музыкальное драматическое училище, а также Казах-

ская национальная художественная галерея, образованная в 1935 г. В ведении Управления также находилась работа республиканских творческих организаций – Союза художников и Союза архитекторов, кооператива художников в Алма-Ате [8. Л. 1]. Таким образом, во второй половине 1930-х гг. процесс общесоюзной перестройки системы управления в сфере культуры совпал с формированием республиканской художественной инфраструктуры. Формирование новой системы управления в области искусства осуществлялось быстрыми темпами при подключении региональных и центральных органов власти. Профильным центром, ответственным за презентацию и популяризацию изобразительного искусства в республике, назначалась Казахская национальная художественная галерея в г. Алма-Ате.

Образование нового центра искусства вызвало к жизни большой круг вопросов к уровню развития художественной инфраструктуры региона. Пример европейской части России показывает, что здесь уже с XVIII в. и далее на протяжении XIX в. были сформированы и успешно действовали различные художественные институты, включавшие Императорскую академию художеств, художественные и промышленные училища, музеи искусств, были налажены творческие, хозяйственные связи между объектами деятельности, имел место институт патронажа. После революции данные институты были либо упразднены, либо трансформированы в соответствии с новыми руководящими принципами, однако остались музейные коллекции, профильная инфраструктура и сформированный слой творческой интеллигенции. Напротив, на территории центральноазиатского этнорегиона, ввиду слабого включения его населения в социокультурное и экономическое пространство России имперского периода, наблюдалось заметное отставание в области профессионального изобразительного искусства, отсутствовал опыт деятельности такого рода институтов и их государственного управления. Периферийное положение местного изобразительного искусства, довольно долго сохранявшееся и после революции, стало меняться с середины 1930-х гг., с назначением Л.И. Мирзояна (1897–1939) первым секретарем Казкрайкома ВКП (б) и Т.К. Жургенева (1898–1938) на должность наркома просвещения КазАССР. Вместе с тем период институализации художественной галереи выявил объективную неподготовленность внутренних условий. Во-первых, в республике имел место серьезный кадровый дефицит профильных специалистов: художников, искусствоведов, научных сотрудников, например, в Алма-Ате в середине 1930-х гг. на учете Оргбюро Союза художников насчитывалось лишь 12 живописцев, штат галереи не был укомплектован полностью и первоначально состоял из 13 человек [9. С. 253]. Во-вторых, в столице отсутствовала необходимая материально-техническая база под выставочную галерею. Известно, что в первые годы существования галерея занимала приспособленное помещение городского дома культуры. в связи с чем не исполнялись полноценные музейные функции. 5 декабря 1937 г. с открытия Все-

казахстанской выставки живописи, графики, скульптуры, посвященной 20-летию Октябрьской революции, началась выставочная работа галереи [9. С. 252].

Помимо нехватки специалистов среднего звена, выявился недостаток в грамотных управленцах, отвечавших определенным стандартам руководителя. При назначении кандидата на пост директора властям требовалось принимать во внимание не только профессиональные и личные качества претендентов, но и напряженную внутривластную обстановку периода, сопровождавшуюся кадровыми «чистками» в номенклатурных кругах. Учитывая сложность задачи, отметим, что проблема не была решена весь довоенный период, в музее проявилась затяжная кадровая «чехарда». Эта же ситуация наблюдалась в другой творческой организации – Оргкомитете Союза художников республики, где за короткий годовой период 1937–1938 гг. сменилось 9 председателей Оргкомитета [10]. Что касается художественной галереи, то занимавший первые два года пост директора галереи М.М. Джанкин (1893–1938) в сентябре 1937 г. был уволен, подвергнут аресту [11]. На его место был назначен известный алма-атинский архитектор М.Б. Левинсон (?), пробывший в должности директора всего месяц до 1 ноября 1937 г. Далее в конце 1937 – начале 1938 г. пост первого руководителя галереи на короткое время занимали различные музейные специалисты, в том числе из числа старших научных сотрудников. Должность временно исполняющего директора в январе–феврале 1938 г. получил выдающийся украинский историк искусства Ф.Л. Эрнст (1891–1942). В 1933 г. ученый был репрессирован и находился в лагере, где руководил Музеем строительства канала «Москва–Волга» в городе Дмитрове. Несмотря на факт политической неблагонадежности, кандидатура Ф.Л. Эрнста для работы в Алма-Ате была поддержана и рекомендована директором Третьяковской галереи и начальником отдела изобразительного искусства при СНК СССР З.А. Эдельсоном (1896–1937). С 1 августа 1937 г. Ф. Л. Эрнст был принят в штат с окладом 600 рублей [8. Л. 21]. Работал научным сотрудником и врио директора, позднее переехал в Уфу. С 1938 по 1941 г. галереей руководил профессиональный художник-живописец, член ВКП(б) Ф.И. Болкоев (1886–1965), за плечами которого к моменту назначения имелись живописные произведения монументального характера и опыт руководства Оргкомитетом Союза художников КазССР.

В целом, проблема республиканских управленческих кадров требовала ее форсированного решения на государственном уровне. Задачи, бывшие актуальными в 1920-е гг., были решены за счет массового привлечения управленцев из числа коренного населения в рамках так называемого процесса «коренизации». При этом уровень назначенных руководителей, государственных и партийных работников был крайне неоднородный. Как отмечает исследователь Д. Аманжолова, имелись «рекруты» из народа как с минимальным опытом практической работы, недостаточным образованием, с низкой управленческой культурой [12. С. 71], так и одаренные практики. Во второй половине

1930-х гг. сформировался уже более высокий уровень руководства, ответственности и практической подготовки. К числу таких управленцев новой формации, безусловно, относился Т.К. Жургенев. В тоже время пример художественной галереи показал несколько иную картину: после отставки директора М. Джанкина власти решали кадровый вопрос не в русле реализации политики «коренизации», привлекая местных управленцев, а отдавали предпочтение профессионалам из некоренного населения.

Анализ структуры и функционала в системе «художественная галерея – объект» и «Всесоюзный комитет по делам искусств, республиканское Управление – субъекты управления» свидетельствует о ее подчиненности принципам властной вертикали. Самый широкий круг организационных и музейно-практических вопросов был непосредственно подотчетен Всесоюзному комитету по делам искусств и его курирующему подразделению в лице Управления учреждений изобразительных искусств, состоящему из профильных секторов (музейного, планово-финансового секторов, распределительной, государственной закупочной комиссии, государственной комиссии по закупкам произведений изобразительного искусства с выставок и др.) [13. С. 150]. Всесоюзный комитет, имевший права объединенного наркомата и союзно-республиканского органа, фактически выступал доминирующим управленческим центром в области искусства республики [13. С. 146]. В Москву стекалась вся отчетно-плановая документация, отсюда исходили основные управленческие импульсы. Директивные документы, поступающие из центра, выражались в форме приказов, постановлений, инструкций и циркуляров различного характера. Положение о Всесоюзном комитете от 25 сентября 1939 г. закрепляло за ним организацию художественных выставок, конкурсов, олимпиад, смотров по различным областям искусства, осуществление государственного контроля над произведениями живописи и скульптуры, регулирование цен на входные билеты, учет и распределение кадров и т.д. [14. С. 5–6]. Применительно к художественной сфере в ведении республиканского Управления по делам искусств (далее Управление) находился более суженный спектр деятельности: организация выставок, конкурсов, приобретение новых произведений для пополнения государственного художественного фонда [15. Л. 305]. Параллельно с основными задачами Управление занималось решением частных вопросов (например, согласование отпуска первого руководителя, курирование работы Художественного совета и др.). В сферу компетенции Управления была заложена также подготовка отчетной документации по основным направлениям деятельности, предназначенной для направления в плановый отдел Комитета по делам искусств при СНК (ВКИ). В ежемесячных отчетах, исходящих из республики, освещалась информация по вопросам самодеятельного и профессионального искусства, работа музеев и выставок и др. В 1937 г. на особом контроле ВКИ было проведение работ по подготовке к 20-летию Октябрьской революции, выполнение специальных заданий от Всесоюзного комитета, а также работа по кадрам.

В рамках действующей структуры директор галереи обладал еще меньшей возможностью для проявления инициативы, по существу, выступая в качестве образцового исполнителя циркуляров, поступающих из вышестоящих организаций. В тоже время кадровый хаотизм, нарастающий массив требований руководства к должности директора, поддерживаемых профильным ведомством, выступали факторами косвенного управления. В сложившихся условиях руководителю галереи требовалось обладать серьезным опытом и навыками тонкого дипломата, чтобы укрепить свое положение во властной вертикали и наладить связи на горизонтальном уровне. Поскольку должностные обязанности нацеливали его на формирование устойчивых коммуникаций в художественной среде, профессиональной средой общения директора выступали художники, руководители профильных организаций, в том числе творческих союзов, художественных кооперативов, Казиздата, представителей центральных учреждений: Изогиз, Всекохудожник и др. Значительную часть рабочего времени занимали беседы, встречи, совещания, а также многочисленные согласования с Управлением. Дополнительную нагрузку в рабочий процесс привносил фактор властной соподчиненности, так как документы, поступавшие в галерею из республиканского Управления, зачастую могли противоречить директивам Всесоюзного комитета. Критическая доля таких противоречий в общем документообороте побудила Комитет по делам искусств принять меры и издать приказ № 82 от 19 февраля 1941 г. «Об усилении контроля за деятельностью местных управлений», поэтому копии всех приказов руководителей направлялись в день их издания в Комитет по делам искусств [16. С. 110]. В целом, несмотря на предельную регламентацию и разделение функционала в системе союзного управления, проявлялись недоработки различного характера, обнаруживались «слепые зоны» ответственности между властными центрами, что в итоге снижало эффективность управления на местах.

Отдельно необходимо отметить общее положение, сложившееся в отрасли музейного строительства изучаемого периода. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были приняты основополагающие законодательные акты в виде постановлений ВЦИК «О музейном строительстве в РСФСР» 1928 г. и «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» 1934 г. Документы подчеркивали значение музеев для страны, показывали меры и задачи для улучшения их положения. Постановление 1934 г. нацеливало также на упорядочивание организационной структуры музея с целью улучшения его финансовых, интеллектуальных, человеческих ресурсов [17. С. 228]. Отметим, что постановление 1934 г. не утратило юридической силы для художественной галереи им. Т.Г. Шевченко в год своего образования, так как вплоть до 1936 г. республика еще входила в состав РСФСР на правах автономии.

Знаковое событие для музейных работников страны произошло в декабре 1930 г., когда в Москве состоялся Первый Всероссийский музейный съезд, на котором присутствовало 325 делегатов, в том числе

музейные директора, сотрудники академических вузов и крупные государственные деятели. Основным содержанием работы съезда стали вопросы нового социалистического строительства и активного участия музеев в политико-просветительской работе, ведения учетной документации, также обсуждались общеметодологические проблемы построения экспозиций, планирование работы и др. Как отмечают специалисты, принятые решения съезда «соответствовали своему времени и позиции, сформулированной в приветствии съезду наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова (1884–1938), призывавшего отказаться от «музеев-кунсткамер», поставить музеи на службу социалистическому строительству и превратить в инструмент культурной революции» [18. С. 82]. Решения съезда включали ряд аспектов, в том числе установку марксистского подхода ко всей работе, меры по усилению массово-идеологической работы, ведение планирования в рамках 5-летних планов и были обязательны для исполнения. Экспозиция художественного музея, по решению съезда, должна быть построена на основе диалектического материализма, художественный материал должен быть истолкован в марксистско-ленинском классовом освещении [19. С. 127]. Данные императивы музейной деятельности были приняты к исполнению всем музейным сообществом Советского Союза и нашли свое полное отражение в работе художественной галереи Алма-Аты.

Во второй половине 1930-х гг. в республиканских учреждениях художественного профиля начала складываться новая институция – Художественный совет (далее – Худсовет). Как один из эффективных официальных инструментов контроля в системе управления за творческим процессом Худсовет был принят на вооружение еще в годы раннего СССР, в эпоху Наркомпроса, когда его функции были реализованы в академических театрах, филармониях и других организациях культуры. Постепенно новый институт стал закрепляться на местах, в периферийных учреждениях. 30 декабря 1937 г. в Казахской национальной художественной галерее был основан музейный Худсовет. Основной его целью стало проведение экспертизы и оценки предметов искусства, необходимых для качественного пополнения фондов. Худсовет вводился на постоянной основе как научно-консультативный орган при директоре. Состав совета определился из 9 человек, включал директора, научных сотрудников галереи, а также привлеченных со стороны представителей творческих союзов (художников, писателей и архитекторов), чиновника из управления по делам искусств и двух профессиональных алма-атинских художников. Позднее, 21 ноября 1938 г., на базе другой организации – Оргбюро Союза художников республики был организован свой Худсовет. Целью создания являлось «осуществление решений правительства и партии в деле развития социалистического реализма в изобразительном искусстве и осуществления задач по борьбе за лучшие художественные произведения», на членов совета была возложена обязанность «всячески бороться с проникновением в среду художников чуждых изобразительному искусству течений

недоступных широким массам, как с вредительским наследством прошлого...» [20. Л. 454]. Фактически Худсовет при Оргбюро осуществлял контроль за работами всех художников Алма-Аты, имел право забраковывать любую художественную продукцию как массового ширпотреба, так и творческую. Спрос на проведение экспертизы был достаточно высоким, при этом одни и те же сотрудники могли быть членами как Худсовета галереи, так и Оргбюро. В процессе выявилось дублирование и параллелизм в работе двух Худсоветов, что признавалось самими современниками [20. Л. 384]. По оценке историка Г.А. Янковской, такое негативное явление, как функциональный параллелизм, асимметрия властных полномочий, в целом были присущи многим профессиональным институциям советских художников 1930-х гг. [4. С. 65]. Завершающий этап формирования сети художественных советов республики пришелся на апрель 1940 г., когда был организован Худсовет как особый совещательный орган при начальнике управления по делам искусств, состоящий из трех секций: а) театра и драматургии, б) музыки, в) изобразительного искусства. В секцию по изобразительному искусству были приглашены видные художники республики А. Кастеев (1904–1973), А.И. Ненашев (1903–1967), В.М. Колоденко (1907–1980), А.И. Бортников (1909–1980) [21. Л. 8].

Изучение архивных материалов показало, что важными направлениями управленческой практики изучаемого периода выступали регламентация и контроль, прежде всего, за деятельностью, связанной с областью учета и хранения музейных коллекций. Пристальное внимание государственного органа к данной области, постоянное расширение круга директивных документов было обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, в середине и второй половине 1930-х происходит процесс включения национальной художественной галереи в общегосударственную сеть СССР и начало формирования ее энциклопедической коллекции. Процесс осуществлялся через перераспределение, фактически изъятие части фондов так называемого запаса «Б», состоящего из дублетных и копийных работ. «Донорами» произведений искусства выступали центральные художественные музеи страны (кроме Эрмитажа) – Государственный русский музей, Государственная Третьяковская галерея и др. В результате чего, по сведениям экспертов, только в июне 1935 г. из Государственной Третьяковской галереи поступило в алма-атинскую галерею 87 произведений русской живописи и графики XVIII–XIX вв. Среди них работы признанных мастеров живописи: Д.Г. Левицкого (1735–1822), В.Л. Боровиковского (1757–1825), В.А. Тропинина (1776–1857), С.Ф. Щедрина (1791–1830) и других корифеев. На следующий год музей Восточных культур прислал в Алма-Ату 302 предмета народного творчества стран Востока, Государственный музей им. А.С. Пушкина также передал в 1936 г. 98 произведений живописи и графики художников фламандской, немецкой, французской, итальянской школ [22. С. 116]. В 1938 г. в библиотеку галереи поступили из Музея изобразительных искусств

ств им. А.С. Пушкина 44 экземпляра книг, преимущественно литература на немецком языке, по искусству, по фарфору, истории искусства, 29 книг по вопросам искусства из Третьяковской галереи, 11 книг из Музея западной живописи, 26 книг из Третьяковской галереи [23. Л. 7 об.]. К 1941 г. общий фонд галереи достиг 1851 ед. [9. С. 253]. Отметим, что акции по перераспределению фондов в указанный период носили широкий, системный характер, в общую распределительную систему были включены помимо музеев союзных республик и провинциальные российские музеи. Одна из наиболее масштабных акций прошла в 1937 г. и была приурочена к празднованию 20-летия Октябрьской революции [8. Л. 2]. Ясно, что такие перераспределения не учитывали интересов центральных музеев и были для них крайне болезненны.

Во-вторых, на Всесоюзном уровне долго не были проработаны нормативные документы по контролю над музейными собраниями. Специальный документ – «Инструкции по учету, инвентаризации и хранению музейных материалов» был разработан Институтом музейно-краеведческой работы довольно поздно, лишь в 1938 г., предназначался для музейных коллекций РСФСР.

В-третьих, поддерживающим регламентацию фактором являлась заметная слабость республиканского методического центра и нормативно-правовой базы по музейной работе, вследствие чего широкое распространение получает кураторство и методическая работа ВКИ. Музейным сектором ВКИ для работы организаций высылались апробированные инструкции, правила, рекомендации, а также шаблоны договоров, внутренних актов и др. Например, основные правила консервации картин, на основе которых действовали сотрудники алма-атинской галереи в довоенный период, были разработаны научными сотрудниками реставрационного отдела Государственной Третьяковской галереи. Правила включали подробные рекомендации специалистов по температурным, влажностным условиям хранения картин, их транспортировки на большие расстояния и развески [8. Л. 4].

На контроле музейного сектора находилась также реставрация произведений искусства. Для недопущения порчи предметов искусства вводились инструкции, категорически запрещавшие при отсутствии высококвалифицированных специалистов проводить реставрацию особо значимых произведений. К исполнению привлекались лишь специалисты ведущих музеев, для чего централизованно составлялись годовые планы работы, утверждаемые музейным сектором в масштабах всего Советского Союза. Реставрацию менее ценных художественных произведений разрешалось проводить при наличии специалистов и под личную ответственность руководителя музея [8. Л. 10]. Всесоюзный комитет регламентировал и обмен музейными экспонатами. По приказу Комитета по делам искусств № 88 от 11 марта 1937 г. каждый отдельный случай нуждался в персональном контроле руководящих органов, а обмен экспонатами между музеями системы ВКИ мог быть произведен только при личном разрешении руководителя Управления

учреждений изобразительных искусств [8. Л. 19–20]. Если случай обмена касался иностранного музея, то требовалось личное разрешение председателя Всесоюзного комитета. В тоже время, несмотря на многочисленные регламентации и инструкции, в работе ряда региональных музеев страны имелись факты их нарушений. В этом отношении обращает на себя внимание циркуляр Комитета по делам искусств от 23 мая 1938 г., категорически запрещающий передачу экспонатов из музеев по распоряжениям местных руководителей управлений по делам искусств для развески в кабинетах, для украшения кинотеатров, домов культуры и т.д. [8. Л. 10]. Принятый документ способствовал делу сохранения музейных экспонатов и сокращению фактов управленческого волонтаризма на местах.

Безусловно, комплекс практических взаимоотношений в управленческой системе не ограничивался лишь контролем основ музейной деятельности, использование ресурсов бюрократического аппарата, этой «мега-машины», позволяло проводить культурные проекты в рамках всего СССР, впечатляющие по своим масштабам и затратам ресурсов. В ряду значительных мероприятий по изобразительному искусству выделим выставочный проект. В целях расширения работы по пропаганде изобразительного искусства центральными художественными музеями страны Всесоюзный комитет по делам искусств издал приказ № 188 от 8 мая 1937 г. об обеспечении передвижных выставок из фондов центральных музеев в различные уголки СССР: Донбасс, Кузбасс, Урало-Сибирский регион и республики советской Центральной Азии. Пункт 4 приказа обязывал Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина комплектовать выставку по западноевропейскому искусству и обеспечить ее продвижение по республикам Центральной Азии [8. Л. 8]. В связи с чем Алма-Ата с 5 января по 6 февраля 1938 г. приняла выставочную эстафету, организованную ВКИ и музеем им. А.С. Пушкина к 20-летию Октябрьской революции. В экспозиции было представлено 60 живописных полотен, 63 гравюры, 26 репродукций [24. Л. 9]. В Алма-Ате произведения искусства принимал врио директора Казахской национальной художественной галереи Ф.Л. Эрнст. Встреча с подлинниками западноевропейского искусства стала событием огромного культурно-политического значения для Казахстана. Выставка воспринималась местным населением как нечто особенное, получила много восторженных откликов, экспозицию посмотрели более 9 тысяч человек, было проведено более 120 организованных экскурсий и консультаций. Экскурсии проводились бесплатно. В художественной галерее Алма-Аты побывали самые широкие группы населения: рабочие, артисты оперы и балета, допризывники, работники горного и медицинского вузов, команды Красной Армии [24. Л. 2]. Маршрут передвижной выставки пролегал по городам Москва–Ташкент–Алма-Ата–Фрунзе. 15 февраля выставка должна была открыться в Ашхабаде. В организационном плане продвижение выставки по региону стало возможным благодаря прямому «ручному» управле-

нию Всесоюзного комитета, поскольку до 1940 г. в Советском Союзе не существовало дирекции художественных выставок и панорам с профильным отделом передвижных выставок.

Таким образом, государственное управление в изобразительном искусстве 1930-х гг. являлось важной составляющей общей культурной политики СССР. По своим основополагающим принципам оно реализовывалось в русле государственной программы помощи национальным окраинам через становление и развитие региональной художественной инфраструктуры, форсированный рост музейного художественного фонда, с параллельным усилением интеграции в общесоюзное социокультурное пространство. Данные аспекты управления отраслью профессионального изобразительного искусства Казахской ССР отмечаются историками и искусствоведами как, безусловно, позитивные явления. В среде творческой элиты республики 1930-х гг. позитивные управленческие процессы, вызывавшие надежды на «подъем национальной культуры, возрождение духовного здоровья, сил и

таланта», в персональном плане были связаны с именем первого секретаря Казкрайкома ВКП(б) Л.М. Мирзояна [25. С. 274]. Модернизационные в основе своей процессы были осуществлены в короткие сроки с привлечением как региональных, так и центральных властей, обеспечивавших выделение необходимых ресурсов и их нормативно-правовое сопровождение.

В то же время анализ основных элементов и механизмов управленческой системы визуальных искусств периода сталинизма свидетельствует об их принадлежности административно-командной системе управления, с присущими для нее громоздкостью бюрократического аппарата, приверженностью принципам кадровых назначений, а не выборности, наличием властной централизации, оставлявшей минимум возможности для проявления инициативы на местах. Негативную лепту внесли и кадровые чистки 1930-х гг., коснувшиеся как партийных функционеров, так и управленцев профильных художественных организаций.

Список источников

1. Голмшток И.Н. Тоталитарное искусство. М. : Галарт, 1994. 296 с.
2. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М. : Эксмо, 2003. 544 с.
3. Манин В.С. Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов. СПб. : Аврора, 2008. 384 с.
4. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь : Перм. гос. ун-т., 2007. 312 с.
5. Турлыбекова А.М. Искусство Казахстана в 20–80-е гг. XX века: истоки и тенденции развития. Павлодар : Инновационный вуз, 2014. 180 с.
6. Жумадилов А.К. Культурные процессы в Казахстане в 20–30-е годы XX века : учеб. пособие. Алматы : Казахский университет, 2019. 188 с.
7. Постановление ЦИК и СНК СССР. Об образовании Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР от 17 января 1936 г. // Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/43496> (дата обращения: 02.07.2022).
8. Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1792. Оп. 1. Д. 17.
9. Сарлыбаева Г.Н. Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны // История. Память. Люди : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 27 сентября 2018 г. Алматы, 2019. С. 252–259.
10. Союз художников Республики Казахстан // Зал славы Казахстана. URL: <http://zs.808.kz/?p=4478> (дата обращения: 04.08.2022).
11. Джанкин Мухамедьяр Муртазиневич (1893–1938) // Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 04.07.2022).
12. Аманжолова Д.А. Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е гг. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. С. 63–73.
13. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 312 с.
14. Положение о Комитете по делам искусств при СНК СССР // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. М. ; Л. : Искусство, 1941. С. 5–12.
15. ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 5. Д. 113.
16. О систематическом наблюдении за деятельностью местных учреждений искусств. Приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР № 82 от 19 февраля 1941 г. // Справочник руководящих материалов Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР. М. ; Л. : Искусство, 1941. С. 110.
17. Кроуфорд М.Д. Законодательные акты советского государства как источник изучения музейного менеджмента // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 226–233.
18. Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен (отв. ред.), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М. : Изд-во «ВК», 2003. 614 с.
19. Принципы экспозиции в художественных музеях // Труды Первого Всероссийского музейного съезда / под ред. И.К. Луппола. М. ; Л. : Наркомпрос РСФСР, 1931. С. 126–130.
20. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 14.
21. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 40.
22. Школьная И.А. К истории формирования музейного фонда (Основные формы комплектования коллекции ГМИИ РК им. А. Кастеева и источники поступлений по архивным документам отдела фондов 1935–2009) // Труды ГМИ РК им. А. Кастеева : сб. науч. ст. Алматы, 2011. Т. 1. С. 115–132.
23. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 33.
24. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 28.
25. Брусиловский Е.Г. О роли Мирзояна в развитии культуры Казахстана // Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Алматы : Казахстан, 2001. С. 272–276.

References

1. Golmshtok, I.N. (1994) *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Moscow: Galart.
2. Gromov, E.S. (2003) *Stalin: vlast' i iskusstvo* [Stalin: power and art]. Moscow: Eksmo.
3. Manin, V.S. (2008) *Iskusstvo i vlast': bor'ba techeniy v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917–1941 godov* [Art and power: the struggle of currents in the Soviet fine arts of 1917–1941]. St. Petersburg: Avrora.
4. Yankovskaya, G.A. (2007) *Iskusstvo, den'gi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma* [Art, Money and Politics: An Artist in the Years of Late Stalinism]. Perm: Perm State University.

5. Turlybekova, A.M. (2014) *Iskusstvo Kazakhstana v 20–80-e gg. XX veka: istoki i tendentsii razvitiya* [Art of Kazakhstan in the 1920s–1980s: origins and development trends]. Pavlodar: Innovative University of Eurasia.
6. Zhumadil, A.K. (2019) *Kul'turnye protsessy v Kazakhstane v 20–30-e gody XX veka: ucheb. posobie* [Cultural processes in Kazakhstan in the 1920–1930s: a textbook]. Almaty: Kazak universiteti.
7. Istoricheskie materialy [Historical Materials]. (2022) *Postanovlenie TsIK i SNK SSSR. Ob obrazovanii Vsesoyuznogo Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR ot 17 yanvarya 1936 g.* [Decree of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR. On the formation of the All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR of January 17, 1936]. [Online] Available from: <https://istmat.org/node/43496> (Accessed: 02.07.2022).
8. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 17.
9. Sarlybaeva, G.N. (2019) [Are the Muses silent when the cannons speak? The first museum of arts in Kazakhstan during the Great Patriotic War]. *Istoriya. Pamyat'. Lyudi* [History. Memory. People]. Conference Proceedings. Almaty. pp. 252–259. (In Russian).
10. Zal slavy Kazakhstana [Hall of Fame of Kazakhstan]. (2022) *Soyuz khudozhnikov Respubliki Kazakhstan* [Union of Artists of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://zs.808.kz/?p=4478> (Accessed: 04.08.2022).
11. Otkrytyy spisok [Open List]. (2022) *Dzhankin Mukhamed'yar Murtazinovich (1893–1938)* [Mukhamedyar Murtazinovich Dzhankin (1893–1938)]. [Online] Available from: <https://ru.openlist.wiki/> (Accessed: 04.07.2022).
12. Amanzholova, D.A. (2016) Problemy formirovaniya sovetsoy etnobyurokratii v 1920-e gg. [Problems of the formation of the Soviet ethno-bureaucracy in the 1920s]. In: *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh trudov* [Asian Russia: people and structures of the empire]. Collected Articles. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN. pp. 63–73.
13. Aymermakher, K. (ed.) (2004) *Instituty upravleniya kul'turoy v period stanovleniya. 1917–1930-e gg. Partiynoye rukovodstvo; gosudarstvennyye organy upravleniya: Skhemy* [Institutions of cultural management in the period of formation. 1917–1930s Party leadership; government authorities: Schemes]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
14. Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. (1941) Polozhenie o Komitete po delam iskusstv pri SNK SSSR [Regulations on the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. In: *Spravochnik rukovodyashchikh materialov Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR* [Directory of Guidelines for the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. pp. 5–12.
15. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 30. List 5. File 113.
16. Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. (1941) O sistematicheskoy nablyudenii za deyatelnost'yu mestnykh uchrezhdeniy iskusstv. Prikaz Komiteta po delam iskusstv pri SNK SSSR № 82 ot 19 fevralya 1941 g. [On the systematic monitoring of the activities of local art institutions. Order of the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR No. 82 of February 19, 1941]. In: *Spravochnik rukovodyashchikh materialov Komiteta po delam iskusstv pri SNK Soyuzu SSR* [Directory of Guidelines for the Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. p. 110.
17. Krouford, M.D. (2018) Legislative Acts of the Soviet State as a Source of Study of Museum Management. *Vestnik Tomskogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 29. pp. 226–233. (In Russian).
18. Kaulen, M.E. (ed.) (2003) *Muzeynoye delo Rossii* [Museum business in Russia]. Moscow: Izd-vo "VK".
19. Luppola, I.K. (ed.) (1931) Printsipy ekspozitsii v khudozhestvennykh muzeyakh [Principles of exposition in art museums]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo muzeynogo s'ezda* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress]. Moscow; Leningrad: Narkompros RSFSR. pp. 126–130.
20. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1736. List 1. File 14.
21. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 40.
22. Shkol'naya, I.A. (2011) K istorii formirovaniya muzeynogo fonda (Osnovnye formy komplektovaniya kollektsii GMI RK im. A. Kasteeva i istochniki postupleniy po arkhivnym dokumentam otdela fondov 1935–2009) [On the history of the formation of the museum fund (The main forms of acquisition of the collection of the Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan and sources of income from archival documents of the department of funds, 1935–2009)]. In: *Trudy GMI RK im. A. Kasteeva: sb. nauch. st.* [Proceedings of the Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan]. Vol. 1. Almaty: Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan. pp. 115–132.
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 33.
24. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 28.
25. Brusilovskiy, E.G. (2001) O roli Mirzoyana v razvitiy kul'tury Kazakhstana [On the role of Mirzoyan in the development of the culture of Kazakhstan]. In: *Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938)* [Levon Mirzoyan in Kazakhstan. Collection of documents and materials (1933–1938)]. Almaty: Kazakstan. pp. 272–276.

Информация об авторе:

Рахматулина Е.Ю. – канд. ист. наук, зам. директора Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: kalina200778@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Rahmatulina, Cand. Sci. (History), deputy director, East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: kalina200778@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/482/16

Кубинская революция в свете ключевых вопросов теории революции

Эдуард Эдуардович Шульц¹

¹Московский государственный областной университет, Москва, Россия, nuapl@yandex.ru

Аннотация. Кубинская революция рассматривается сквозь призму ключевых вопросов теории революции. Утверждается, что для Кубинской революции характерны не только удачные технологии – организации и управления социальным протестом, использования радикальных массовых форм социального протеста в политической борьбе, которые стали популярными во второй половине XX – начале XXI в., но и определенные закономерности, типичные для явления революций. Алгоритм Кубинской революции, как и ее социальная база, имеет сходства с другими революциями, особенно в так называемых странах третьего мира или «революциях восточного типа» по С. Хантингтону.

Ключевые слова: Кубинская революция, теория революции, социология революции, причины революции, социальная база революции, идеология революции

Благодарности: приношу благодарность сотрудникам Государственного архива Томской области и лично Анастасии Геннадьевне Караваевой, без поддержки которой выполнение этой работы было бы невозможно.

Для цитирования: Шульц Э.Э. Кубинская революция в свете ключевых вопросов теории революции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 157–162. doi: 10.17223/15617793/482/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/16

The Cuban Revolution in light of the key questions of revolution theory

Eduard E. Shults¹

¹ Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation, nuapl@yandex.ru

Abstract. The article examines the Cuban Revolution through the lens of the key issues of revolution theory. Questions of the causes of revolutions, their classification, stages, social base and ideology are still the subject of serious scientific discussions; therefore, the analysis of historical examples does not lose its relevance. The Cuban Revolution is of particular interest in the study of patterns of revolutions because it represents, at first glance, an unusual example among a number of previous revolutions and many that followed. The author insists that the Cuban Revolution is characterized not only by successful technologies of organizing and managing social protest and using radical mass forms of social protest in political struggle, which became popular in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century, but also by certain patterns characteristic of the phenomenon of revolutions. The algorithm of the Cuban Revolution and its social base finds similarities with other revolutions, especially the so-called “Third World revolutions” or “Eastern-type revolutions”. The author notes that, on the question of the causes of the revolution, researchers are grouped into two “camps”: (1) the reasons were economic underdevelopment and the poverty of Cubans, (2) other reasons because Cuba was an economically developed state for Latin America with a standard of living that was relatively high for the region. In addition, the key question is whether the factors chosen by researchers are the causes of the revolution or only the causes of the spillover of radical mass forms of social protest (trigger). Moreover, the author considers that the reasons given do not explain satisfactorily the reasons for the rise of social protest and its growth into radical and mass forms. At the same time, the solution of the agrarian issue included in the program of the Cuban Revolution unites it with many other revolutions, both before and after it.

Keywords: Cuban Revolution, theory of revolution, sociology of revolution, reasons for revolution, social base of revolution, ideology of revolution

For citation: Shults, E.E. (2022) The Cuban Revolution in light of the key questions of revolution theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 157–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/16

Ключевые вопросы теории революции – это проблемы причин революции, классификации революций, стадий и этапов явления, социальной базы и идеологии – проблемы, которые до сих пор являются предметом серьезных научных дискуссий [1. С. 24–88], поэтому анализ исторических примеров сквозь призму этих вопросов не теряет своей актуальности. Пример Кубинской революции представляет особый интерес в связи с необычностью ее в сравнении с предыдущими революциями и прослеживаемыми общими чертами ряда последующих революций, а также с событиями 2-й половины XX – начала XXI в., которые получили в англоязычных работах название «явлений, похожих на революции» (*revolution like event*), так как внешне напоминают это явление, но отличается от него определенными характерными чертами.

Начнем с алгоритма революционных действий – последовательности основных событий.

Протестное движение на Кубе началось как реакция на государственный переворот 10 марта 1952 г., в результате которого к власти пришел Фульхенсио Батиста, а в стране была установлена военная диктатура. Активный протест возник главным образом в молодежной среде: выражали протест студенты и молодые специалисты, в среде которых стали возникать революционные кружки. Одна из таких групп во главе с Фиделем Кастро Рус организовала 26 июля 1953 г. атаку на военную казарму Монкада с целью захватить склад оружия и поднять народ на восстание против диктатуры. Часть инсургентов погибли при атаке, оставшиеся в живых получили различные сроки заключения. Под давлением общественности Кастро и его сторонники были выпущены из тюрьмы уже через два года и летом 1955 г. перебрались в Мексику, где образовали новую революционную организацию – «Движение 26 июля» – и стали готовить вооруженную высадку на острове. Однако поход яхты «Гранма» (25 ноября – 2 декабря 1956 г.) и восстание в провинции Орьенте завершились неудачей, и Фидель Кастро, его младший брат Рауль, Эрнесто Че Гевара и Камило Сьенфуэгос с двумя десятками повстанцев ушли в горы Сьерра-Маэстра, начав партизанскую войну. В 1956–1957 гг. по стране прокатывается волна протестных выступлений – от забастовок рабочих в Сантьяго и студенческих выступлений в Гаване до восстания гарнизона военно-морской базы в Сьенфуэгосе. Популярность повстанцев Кастро, их численность постепенно растут, и в начале 1958 г. из головного отряда выделяются новые партизанские отряды для действий в других районах страны. Кастро получает поддержку всех оппозиционных партий, которые долгое время сторонились «Движения 26 июля». В течение всего 1958 г. повстанцы наносят правительственным войскам одно поражение за другим. 1 января 1959 г. капитулировал гарнизон Сантьяго и пал город Санта-Клара, а 2 января повстанцы заняли Гавану (Батиста бежал из страны в ночь на 1 января 1959 г.) [2; 3. С. 66; 4. С. 86–154; 5. С. 136–139; 6. С. 137–138; 7. Р. 81–98; 8. Р. 69–90].

Обращает на себя внимание, что в вопросе причин революции исследователи чаще всего называют те,

ликвидация которых была взята повстанцами на свои знамена: социальная несправедливость и бедственное положение народа [2. С. 23–25; 9. С. 169; 10. С. 45, 50]. Противоположный фланг поиска причин реализован в попытках представить Кубу процветающим государством с высоким уровнем жизни населения для Латинской Америки, демократическими законами и конституцией [11. Р. 22–25]. Исходя из подхода «процветающего государства» причина поддержки революции Кастро кроется в иррациональности поведения и психологическом давлении [11. Р. 25]. Среди стран Латинской Америки Куба, действительно, отличалась высоким уровнем развития и модернизации, занимала четвертое место в Латинской Америке по ВВП на душу населения, входила в первую четверть стран по уровню грамотности и держала третье место по количеству врачей и больничных коек на душу населения [12. Р. 2]. Куба в 1950-х гг. действительно представляла одно из четырех или пяти наиболее развитых государств Латинской Америки и самую развитую тропическую страну в мире [13. Р. 18], однако уровень экономики стран, с которыми производятся эти сравнения, был катастрофически низким, и вдобавок все экономические успехи Кубы концентрировались в одной отрасли – сахарной, а сама страна находилась в полуколониальной зависимости от США. Кроме того, прожиточный минимум на Кубе был крайне низок, поэтому сложно отказать в справедливости замечаниям, что это стало причиной того, что население приветствовало революцию [14. Р. 5–6].

Следует отметить, что сторонники обоих подходов не акцентируют внимания на том, являются ли выбранные факторы причинами революции или причинами выплеска радикальных массовых форм социального протеста (катализатором, триггером): что может объяснить, почему протест возник и принял такие формы именно в этот период, а не раньше или позже, почему в обществе появился запрос на определенные перемены и т.д., но может абсолютно не иметь отношения к причинам революции как явления. Более того, в сущности, эти выдвигаемые причины не объясняют удовлетворительно и причин роста социального протеста, накопления критической массы протестных настроений, выплеска протеста в радикальные и массовые формы. Во-первых, с приходом Батисты к власти кардинально ситуация в стране не изменилась с экономической точки зрения. Во-вторых, режим власти Батисты не представлял собой что-то из ряда вон выходящего. И характерно, что повстанцы долгое время были достаточно малочисленны и не имели поддержки в обществе: потребовались время и определенные усилия, чтобы получить перевес на свою сторону.

Если обратиться к программным заявлениям «группы Кастро-Че Гевары», то легко вычлениаются три комплекса: 1) политический и экономический суверенитет, 2) земельный вопрос и 3) социальный блок.

Идея «политического суверенитета и экономической независимости» [10. С. 79] использовалась в Русской и Китайской революциях, наиболее ярко – во

всех национально-освободительных революциях. На Кубе этот вопрос, очевидно, волновал молодую интеллигенцию, возможно, имел поддержку в массах населения, но не настолько, чтоб сдвинуть массы на открытый протест и вооруженную борьбу.

Че Гевара признавался, что у организаторов и руководителей антиправительственной борьбы не было заготовленной программы: «основные действующие лица нашей Революции, – по его словам, – не имели последовательной и стройной концепции...» [6. С. 134], эти принципы стали разрабатывать не в период подготовки в Мексике и десанта «Гранма», а уже в ходе партизанской войны [10. С. 46]. Поддержку крестьян, основной массы населения Кубы, инсургенты стали получать после «Манифеста об основах аграрной реформы» (12 июля 1957 г.), провозглашенного Кастро. Че Гевара в связи с этим отмечал, что «постепенно крестьянство меняло своё отношение»; «поворот выразился в притоке в наши партизанские отряды “пальмовых сомбреро”, и таким образом наша армия горожан стала превращаться в крестьянскую армию» [10. С. 45]. Че Гевара назвал обещание аграрной реформы *магическими словами*, «которые поднимали угнетённые массы Кубы на борьбу за землю» [10. С. 45]. Более того, команданте Че признавал, что аграрная реформа была «навязана» крестьянами революции [10. С. 49]. (Сходные черты обнаруживаются в Русской революции и «декрете о Земле», который большевики во многом вынуждено сделали своей программой и первым законодательным актом своего правительства [15. С. 157, 239]. Вообще, аграрный вопрос был одним из главных экономических вопросов большинства революций: так было и в Великой французской революции [16. С. 309–310], и в революциях Латинской Америки [17. С. 352, 355; 18. Р. 3, 6], и в целом ряде других [1. 199–201].)

Таким образом, собрав наиболее значимые программные лозунги, инсургенты смогли получить широкую социальную поддержку и победить. Более того, не только победить, но и удержать власть, и получать большую социальную поддержку на протяжении уже более полувека, почти половина которых – в тяжелейших условиях экономической блокады. Причина тому, на наш взгляд, лежит в том, что Кастро удалось решить главные программные пункты революции: политическая и экономическая независимость от США, уничтожение латифундизма и передача земли крестьянам, улучшение материального положения населения (в сравнении с дореволюционным).

Кастро считал социальной базой Кубинской революции «рабочий класс, крестьянство, студенчество, революционные слои мелкой буржуазии и представителей интеллигенции...» [19. С. 113]. «Я думаю, – говорил Че Гевара, – что среди повстанцев было шестьдесят процентов крестьян, десять процентов рабочих и десять процентов представителей буржуазии. Правда, рабочие очень помогли нам забастовочной борьбой. Но все-таки основа революции – крестьяне» [4. С. 158–159]. Эти десять процентов рабочих и десять процентов буржуазии – это представители города: рабочие в широком понимании трудового го-

родского населения, студенты и интеллигенция. Ядром революционных групп выступили студенчество и молодая интеллигенция страны. Среди партизанских лидеров и движения сопротивления в целом были сверхпредставлены свободные профессии – врачи, адвокаты, архитекторы и инженеры, а также студенты, учителя и профессора университета, молодые офицеры [20. Р. 24–25].

Как отмечала американская историография периода Кубинской революции, эта революция не была революцией рабочих и крестьян, это была революция «сыновей и дочерей среднего класса во имя рабочих и крестьян» [22. С. 361]. Однако крестьяне, как наибольшая социальная группа в обществе, в конце концов стали доминирующей группой и в партизанском движении.

Следует отметить высокий процент молодежи во всех социальных группах Кубинской революции. Интересными представляются наблюдения Хорхе Ибарры, что основной конфликт на Кубе заключался в «конфликте поколений», который нельзя укладывать в рамки классового конфликта [21. Р. 153–154]. Рост безработной молодежи на Кубе, по мнению автора, обеспечил этот конфликт поколений. Так, количество безработных молодых людей выросло, по подсчетам Х. Ибарры, с цифры чуть меньше семи тысяч человек в 1907 г. до более 82 тысяч, что составляло 2,9% и 14% соответственно от всей молодежи [21. Р. 154–155].

Здесь мы снова обнаруживаем сходные черты Кубинской революции с целым рядом других революций. Революции, в которых, подобно кубинской, основную роль сыграло крестьянство (и часто – партизанская борьба), произошли во многих странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, и ранее кубинской – Мексиканская революция 1910–1917 гг. и Китайская 1946–49 гг.

В марксистской теории революции такие революции получили наименование народно-демократических и национально-освободительных революций, которые направлены на уничтожение иностранного господства, завоевание национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнёта [23; 24]. Одна из самых распространенных классификаций революций в современных исследованиях – это разделение на революции в развитых странах и революции в отсталых странах [25. Р. 16; 26. Р. 137–138]. Или близкое к этому подходу деление: 1) революции «Запада» и «Востока» [27. С. 271–278], 2) революции третьего мира и все остальные [28. Р. 18–24.]. Как отмечал С. Хантингтон, «восточным» революциям, или революциям в отсталых странах, характерна особенность распространения от окраин к центру, в отличие от «западных» [27. С. 271]. Им же присущ партизанский характер, а не городских восстаний.

Необходимо учитывать, что партизанская война к моменту Кубинской революции привела к победе революции в Китае. Серьезный опыт партизанской войны дала Ирландская национально-освободительная революция (1919–1923 гг.).

Че Гевара считал, что крупные города, которые стали основой европейских революций, в условиях

экономической отсталости неспособны выполнить такую же роль в странах Латинской Америки. «Наличие партизанского очага в горах в странах с крупными городами будет устойчиво подпитывать огонь начинающейся революции» [9. С. 173]. Кубинская революция, по словам Че Гевара, стала результатом партизанской войны [29. С. 178]: «в последнее время к ней прибегали в нескольких народно-освободительных войнах, в которых авангард народа избрал путь иррегулярной вооруженной борьбы с противником, обладающим военным превосходством. Так было в Азии, Африке и Латинской Америке в ходе завоевания власти в борьбе против феодальной, неокOLONиальной или колониальной эксплуатации» [30. С. 330].

Кастро с самого начала революционной деятельности утверждал, что возлагает «надежды не на группы конспираторов-полуночников или запутавшихся студентов, а на народ» [3. С. 70]. Повстанческая армия должна была выполнить функцию катализатора протестного движения и вооруженной борьбы [6. С. 139; 19. С. 91].

«Кубинскую революцию сделали люди, которые верили, что они смогут изменить общество и их мир. Скидывая старый, несправедливый социальный порядок, бросая вызов колониальному правлению, они могут делать историю, вместо того, чтобы быть ее пассивными жертвами» [31. Р. 9]. Это стало первым залогом успеха движения. Вторым – личностные свойства руководителей революции, которые оказались отличными пропагандистами и командирами. Личностный фактор сыграл большую роль в Кубинской революции. Исследователи, вообще, отмечают высочайшую роль человеческого фактора в латиноамериканских революциях [32. Р. 50; 33. Р. 2].

Кубинская революция стала демонстрацией того, как активное меньшинство может свергнуть режим. Казармы Монкада 26 июля 1953 г. атаковали 165 че-

ловек. 2 декабря 1956 г. на яхте «Гранма» на Кубу прибыли 82 бойца во главе с Кастро, а после поражения от правительственных войск их осталось 20 человек, которые и стали ядром будущего партизанского движения. В мае–июле 1958 г. отряд Кастро, который разгромил в Сьерра-Маэстре генеральное наступление правительственных войск, насчитывал 300 человек. Отряды Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса, которые в конце августа спустились с гор и пересекли с боями провинцию Камагуэй, насчитывали 200 человек [4. С. 86, 117, 129, 135; 5. С. 136–138; 8. Р. 77, 85]. «Небольшая группа молодых революционеров-идеалистов сбросила военный диктаторский режим при помощи решительности, храбрости и удачи» [28. Р. 57].

Принципы и подходы кубинских революционеров дали новый толчок революционным движениям в Латинской Америке. Во-первых, партизанская борьба как средство достижения социально-экономических перемен по примеру Кубы вспыхивала в эти годы в Гватемале, Никарагуа и Гондурасе. Во-вторых, четко прослеживается молодежный, студенческий состав участников сопротивления. Принцип небольшой активной группы и очагов партизанской войны как основного метода борьбы с властью и связанная с таким подходом возможность экспорта революции захватили умы революционеров и политиков.

При этом следует учитывать, что Кубинская революция – не просто удачные технологии организации и управления социальным протестом и использования радикальных массовых форм социального протеста в политической борьбе, но революция, которая имеет ключевые сходные черты (т.е. закономерности в роде явления) с множеством других революций как до, так и после Кубинской – так называемых классических и третьего мира. Все указанные черты Кубинской революции делают ее исторический пример весьма важным в теоретизировании в области революциологии.

Список источников

1. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
2. Кастро Ф. История меня оправдает. Речь на судебном процессе по делу участников нападения на казарму Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. 16 октября 1953 года. // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг.: пер. с исп. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 6–61.
3. Кастро Ф. Письма из тюрьмы на острове Пинос // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг.: пер. с исп. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 61–81.
4. Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1973. 400 с.
5. Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М.: Высшая школа, 1995. 414 с.
6. Че Гевара Э. Заметки к изучению идеологии Кубинской революции // Статьи, выступления, письма: пер. с исп. М.: Культурная революция, 2006. С. 134–143.
7. Garcia-Perez G.M. Insurrection and Revolution: Armed Struggle in Cuba, 1952–1959. Lynne Rienner Publishers, 1998. 137 p.
8. Harris R.L. Che Guevara: a biography. California: ABC-CLIO, 2011. 237 p.
9. Че Гевара Э. Куба – историческое исключение или авангард борьбы с колониализмом? // Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 161–177.
10. Че Гевара Э. Социальная программа Повстанческой Армии // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006. С. 43–54.
11. Solares A.J. Cuba: The Disaster of Castro's Revolution. Miami: Xlibris Corporation, 2010. 28 p.
12. Wright T.C. Latin America in the Era of the Cuban Revolution. Greenwood Publishing Group, 2001. 235 p.
13. Foran J. Theorizing the Cuban Revolution // Latin American Perspectives. 2009. Issue 165. Vol. 36, № 2. P. 16–30.
14. Baran P. A Reflections on the Cuban Revolution. N.Y.: Monthly Review Press, 1961. 52 p.
15. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
16. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории: пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 353 с.
17. Ковалев Е.В. Аграрные реформы в странах Латинской Америки. М.: Наука, 1973. 359 с.
18. Blasier C. Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba // Revolution: Critical Concepts in Political Science / Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000. P. 3–34.

19. Кастро Ф. Я абсолютно верю в марксизм. Лекция, прочитанная в Народном университете на тему о Единой партии социалистической революции. 1 декабря 1961 года // Избранные произведения. 1952–1986 гг.: пер. с исп. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 84–154.
20. Wickham-Crowley T.P. *Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes Since 1956*. Princeton University Press, 1992. 424 p.
21. Ibarra J. *Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958*. Lynne Rienner Publishers, 1998. 231 p.
22. Американская историография внешней политики США 1945–1970. М.: Наука, 1972. 405 с.
23. Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.
24. Shults E.E. On Classification of Revolutions: An Attempt at a New Approach // *Social Evolution & History*. 2019. № 2 (Vol. 18). P. 244–259.
25. Laue T., von. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900–1930*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964. 242 p.
26. Tucker R. *The Marxian Revolutionary Idea*. N.Y.: Norton, 1970. 240 p.
27. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах: пер. с англ. М.: Прогресс, 2004. 408 с.
28. Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 395 p.
29. Че Гевара Э. Против бюрократизма // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006. С. 178–185.
30. Че Гевара Э. Партизанская война как метод // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006. С. 330–348.
31. Chomsky A. *A History of the Cuban Revolution*. Singapore: John Wiley & Sons, 2010. 224 p.
32. Dix R.H. *Why Revolutions Succeed and Fail // Revolution: Critical Concepts in Political Science / Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000. P. 35–56.*
33. Selbin E. *Modern Latin American revolutions*. 2nd ed. Westview Press, 1999. 236 p.

References

1. Shul'ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The theory of revolution: revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
2. Castro, F. (1986) *Izbrannyye proizvedeniya. 1952–1986 gg.* [Selected Works. 1952–1986]. Translated from Spanish. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 6–61.
3. Castro, F. (1986) *Izbrannyye proizvedeniya. 1952–1986 gg.* [Selected Works. 1952–1986]. Translated from Spanish. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 61–81.
4. Lavretskiy, I.R. (1973) *Ernesto Che Guevara* [Ernesto “Che” Guevara]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Stroganov, A.I. (1995) *Noveyshaya istoriya stran Latinskoy Ameriki* [A Recent History of Latin America]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Che Guevara, E. (2006) *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Translated from Spanish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 134–143.
7. Garcia-Perez, G.M. (1998) *Insurrection and Revolution: Armed Struggle in Cuba, 1952–1959*. Lynne Rienner Publishers.
8. Harris, R.L. (2011) *Che Guevara: a biography*. California: ABC-CLIO.
9. Che Guevara, E. (2006) *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Translated from Spanish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 161–177.
10. Che Guevara, E. (2006) *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Translated from Spanish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 43–54.
11. Solares, A.J. (2010) *Cuba: The Disaster of Castro's Revolution*. Miami: Xlibris Corporation.
12. Wright, T.C. (2001) *Latin America in the Era of the Cuban Revolution*. Greenwood Publishing Group.
13. Foran, J. (2009) Theorizing the Cuban Revolution. *Latin American Perspectives*. 36 (165):2. pp. 16–30.
14. Baran, P. (1961) *A Reflections on the Cuban Revolution*. N.Y.: Monthly Review Press.
15. Shul'ts, E.E. (2019) *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The Great Russian Revolution (1905–1922): Causes. Effects. Technologies. Events and people]. Moscow: LENAND.
16. Blok, M. (1957) *Kharakternye cherty frantsuzskoy agrarnoy istorii* [Characteristic features of French agrarian history]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
17. Kovalev, E.V. (1973) *Agrarnyye reformy v stranakh Latinskoy Ameriki* [Agrarian reforms in Latin America]. Moscow: Nauka.
18. Blasier, C. (2000) Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba. O'Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 3–34.
19. Castro, F. (1986) *Izbrannyye proizvedeniya. 1952–1986 gg.* [Selected Works. 1952–1986]. Translated from Spanish. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 84–154.
20. Wickham-Crowley, T.P. (1992) *Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes Since 1956*. Princeton University Press.
21. Ibarra, J. (1998) *Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958*. Lynne Rienner Publishers.
22. Sevost'yanov, G.N. (ed.) (1972) *Amerikanskaya istoriografiya vneshney politiki SShA 1945–1970* [American historiography of US foreign policy 1945–1970]. Moscow: Nauka.
23. Shul'ts, E.E. (2014) Tipologiya revolyutsiy: istoriya sozdaniya i sovremennoe sostoyanie [Typology of revolutions: history of creation and current state]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 1. pp. 65–83.
24. Shults, E.E. (2019) On Classification of Revolutions: An Attempt at a New Approach. *Social Evolution & History*. 18 (2). pp. 244–259.
25. von Laue, T. (1964) *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900–1930*. London: Weidenfeld & Nicolson.
26. Tucker, R. (1970) *The Marxian Revolutionary Idea*. N.Y.: Norton.
27. Huntington, S.P. (2004) *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress. (In Russian).
28. Foran, J. (2005) *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Che Guevara, E. (2006) *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Translated from Spanish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 178–185.
30. Che Guevara, E. (2006) *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, speeches, letters]. Translated from Spanish. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 330–348.
31. Chomsky, A. (2010) *A History of the Cuban Revolution*. Singapore: John Wiley & Sons.
32. Dix, R.H. (2000) Why Revolutions Succeed and Fail. In: O'Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 35–56.
33. Selbin, E. (1999) *Modern Latin American revolutions*. 2nd ed. Westview Press.

Информация об авторе:

Шульц Э. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета (Москва, Россия). E-mail: nuap1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Shults, Cand. Sci. (History), associate professor, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuap1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2020;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 15.01.2020;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/482/17

Трансформация образовательного процесса в иноязычной цифровой среде

Ирина Евгеньевна Абрамова¹, Елена Петровна Шишмолина²

^{1, 2}*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

¹*lapucherabr@gmail.com*

²*elena.shishmolina@yandex.ru*

Аннотация. Описан практический опыт формирования универсальных компетенций в обучающей иноязычной цифровой среде, а также проанализированы происходящие при этом трансформации учебного процесса, ролей и функций его участников. Методами исследования послужили формализованное анкетирование открытого и закрытого типов, экспертное оценивание и статистические методы анализа. Представленная модель обучения вносит вклад в поиск новых методик обучения иностранным языкам в цифровой среде и помогает социализации студентов в будущей профессии.

Ключевые слова: цифровая компетенция, цифровая обучающая среда, командное взаимодействие, трансформация ролей студентов и преподавателей

Для цитирования: Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Трансформация образовательного процесса в иноязычной цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 163–171. doi: 10.17223/15617793/482/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/17

Transformation of education in a foreign language digital environment

Irina E. Abramova¹, Elena P. Shishmolina²

^{1, 2}*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation*

¹*lapucherabr@gmail.com*

²*elena.shishmolina@yandex.ru*

Abstract. The article describes the practical implementation of an experimental model for shaping professional and universal competences of non-linguistic students of humanities in a digital environment of a regional university. It analyzes the ongoing transformation of the educational process, roles and functions of students and teachers. The urgency of the research is determined by the need to find new effective pedagogical technologies for forming competences, which are in demand in knowledge economy. Theoretical and methodological analysis, empirical observations prove that there is a need for a paradigm shift of the educational process in Russian universities, including the development of student collaborations potential in the digital educational environment. The described five-year study involved 46 students of Petrozavodsk State University. Formalized open- and closed-ended questionnaires, as well as observation, expert assessment and statistics methods were used. A model of teaching foreign languages in a digital environment based on teamwork and self-organization is presented. It includes three modules. The first module involves the creation of a competitive foreign-language environment that encourages the development of leadership qualities and self-presentation skills through participation in digital competitions, festivals and language olympiads. The second module is aimed at forming teamwork skills, developing dialogic communicative skills, expanding the communication space for a more natural language socialization of students in professional and socio-cultural discourse. The third module allows organizing group work between students, as well as between students and teachers. The technology of creating a professionally oriented website in English by master's and bachelor's students is described. The results confirm that learning in such a model contributes to the transformation of the roles and functions of teachers and students, leading to a change in their interaction. This, in turn, not only stimulates the development of students' soft skills (such as communicative and digital skills, teamwork, leadership, systemic and critical thinking), but also creates conditions for the implementation of their initiative, creativity and new ideas. The authors conclude that the proposed model contributes to the development of a new method of teaching a foreign language in the digital environment and helps students to socialize in their future profession.

Keywords: digital competence, digital learning environment, team interaction, transformation of roles of students and teachers

For citation: Abramova, I.E. & Shishmolina, E.P. (2022) Transformation of education in a foreign language digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 163–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/17

Введение

Переход к цифровой экономике и экономике знаний существенно повлиял не только на набор ключевых компетенций специалистов, но и на сам подход к подготовке кадров, способных успешно реализовываться в нестабильном, непредсказуемом мире и адаптироваться к работе в условиях многозадачности, конкуренции и интенсивного информационного потока. Работодатели делают ставки на усиление кадрового потенциала, интегрируя компетенции XXI в. с цифровой грамотностью и такими концептуальными навыками, как гибкость, самостоятельность, готовность постоянно обучаться [1]. Подобные компетенции востребованы, так как «технологические и социально-экономические вызовы современности» не позволяют точно охарактеризовать будущее рабочее место выпускника [2]; спрогнозировать, какие компетенции будут необходимы на практике. Помимо этого, необходимость модернизации системы российского высшего образования обусловлена следующими причинами.

1. Изменения во всех сферах жизни привели к пересмотру роли высшего образования, сформировав запрос не только на нестандартные методики подготовки специалистов, но и на постепенное вытеснение традиционных университетов с дорогостоящей инфраструктурой и многоступенчатой подготовкой на мобильные учебные центры, связанные с будущим местом работы выпускника^{1,2}.

2. Успешность экономики знаний напрямую зависит от развития информационных технологий и адаптации высшей школы к ним. Однако начавшаяся цифровизация образования высветила наличие в российских вузах ряда системных проблем: отсутствие стандартов регламентации этого процесса, технологий контроля и оценивания, снижение качества образования и роли преподавателя [3].

3. Несмотря на успешное продвижение вузов РФ в ряде престижных мировых рейтингов, согласно ежегодному рейтингу Всемирного банка, в 2020 г. Россия занимала лишь 45-е место по индексу знаний и 55-место по темпам развития исследовательской и инновационной сфер³.

Практические шаги по институциональной трансформации российских вузов предпринимаются в рамках государственной программы «Приоритет 2030», где одним из приоритетов названо создание условий «для формирования цифровых компетенций и навыков использования цифровых технологий у обучающихся»⁴. Ставятся задачи обновления содержания обучения, а также смены парадигмы образования, распространенной в России, когда «отсутствуют критически необходимые для работы в условиях экономики знаний компетенции» и ощущается «недостаточная способность к созданию нового, поиску новых решений и идей»⁵.

Цель статьи – проанализировать особенности формирования профессиональных и универсальных компетенций студентов-нелингвистов в условиях обучения в иноязычной цифровой среде, а также сопутствующие изменения образовательного процесса, ролей и функции преподавателей и студентов.

Теоретические положения и концепция исследования

Международные исследования доказали необходимость цифровизации в корпоративной социально ответственной коммуникации [4], в том числе в диалоговом типе общения на виртуальных платформах [5], развития массовой цифровой грамотности [6]. Согласно результатам, полученным специалистами Великобритании и Нидерландов, резкое изменение коммуникационного ландшафта вынудило компании изменить способ взаимодействия со своими партнерами и клиентами, переводя их в социальные сети [7]. Ряд стран разрабатывает национальные программы цифровизации экономики одновременно с модернизацией высшего образования и повышением роли ИКТ, в том числе и для языковой подготовки. Так, свою эффективность при обучении иностранным языкам доказали «облачные» технологии [8], применение программы критического мышления, основанной на WebQuest [9], проекты по созданию мультимедийных пособий будущими учителями иностранных языков [10].

Отечественные ученые разработали технологии ведения группового видеоблога на неродном языке для будущих журналистов [11], апробированы программы сетевого профессионального взаимодействия преподавателей и студентов [12]. Однако, несмотря на внедрение онлайн-курсов в ведущих вузах РФ, разработку виртуальных образовательных сред и приложений [13], остаются и нерешенные проблемы: недостаточно проработаны соответствующие педагогические технологии, слабо организована продуктивная самостоятельная работа обучающихся и коммуникация с ними [14].

Кроме цифровой грамотности современные выпускники должны владеть коммуникативными навыками и умениями работать в команде [15], что обеспечивает решение сложных бизнес-задач [16]. Использование технологий межгруппового взаимодействия способствует развитию инициативности, креативности и стрессоустойчивости студентов [17], самоэффективности, мотивации к совместному обучению, новаторства и лидерства [18]. Авторы австралийско-канадского исследования выявили, что обучение управлению групповой деятельностью, приемам регулирования спорных ситуаций уменьшает число конфликтов, повышает социальную активность и удовлетворенность результатами обучения [19]. Важность взаимодействия в коллективе, правильный выбор коммуникативных тактик отмечают и российские исследователи [20], рассматривая ра-

боту в команде как способ развития личностных и профессиональных компетенций [21]. Опыт организации коллабораций апробирован в модели проектно-ориентированного обучения на основе принципов дизайн-мышления [22], а также в групповой проектной деятельности по созданию рекламных видеороликов [23].

Тем не менее, используя парную и групповую формы работы, в том числе на занятиях по иностранному языку, преподаватели часто ставят перед обучающимися узкие учебные цели, не имеющие значимости за рамками аудитории, или не используют возможности цифрового обучения, предпочитая традиционный формат. Упражнения для организации работы в группе (мозговой штурм, тематическая карта, «пила» и др.) нацелены на решение задач конкретного занятия [24], а взаимодействие носит формальный характер, поскольку в условиях ограниченного времени наибольшую активность проявляют только сильные студенты.

Следует подчеркнуть, что изменение функций университетов, которые становятся центрами инноваций, стирая барьеры между аудиториями и внешним миром [25], привело к тому, что преподаватели перестают быть единственными носителями «сакрального знания». Они в большей степени осуществляют навигацию процесса формирования новых знаний и умений, стимулируя учебный процесс, в котором ключевая роль отводится самим обучающимся [26]. Современный преподаватель дополнительно берет на себя роли партнёра, эксперта, аналитика, консультанта,

психолога, критика, рецензента, администратора и модератора [27]. Несмотря на такое разнообразие новых обязанностей, российские преподаватели фиксируют обесценивание педагогической профессии при работе в цифровой среде, отмечают снижение профессиональной мотивации [28] и неготовность к переменам в образовании, что, вероятно, обусловлено недостаточной сформированностью «мягких навыков» и навыков работы в цифровой среде [14].

Модель обучения иностранным языкам в цифровой среде на основе командного взаимодействия и самоорганизации

Как показал проведенный анализ литературы, в российских вузах не полно исследованы как вопросы системной организации эффективного массового обучения в цифровой среде, так и проблемы виртуальной кооперации педагогов и обучающихся. В определенной степени устранить эти сложности позволяет альтернативная модель профессионально ориентированного использования иностранного языка в цифровой среде в рамках смешанного обучения и командного взаимодействия студентов не только разных курсов одного направления подготовки, но и разных направлений в рамках одного вуза и за его пределами. На рис. 1 представлена система обучения иностранным языкам в цифровой среде на основе кооперации на горизонтальном (студент–студент) и вертикальном (преподаватель–студент) уровнях, применяемая в ПетрГУ.

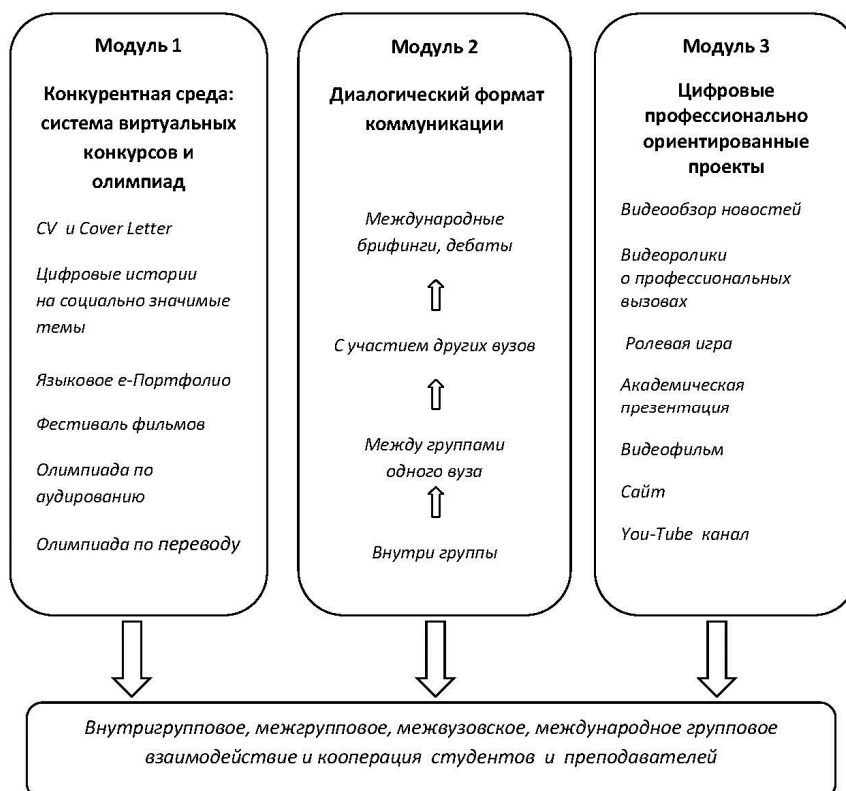

Рис. 1. Модель обучения иностранным языкам в цифровой среде на основе командного взаимодействия и самоорганизации

Модель включает три модуля. **Модуль 1** нацелен на создание конкурентной среды, стимулирующей развитие лидерских качеств и навыков самопрезентации через участие в виртуальных внутривузовских и межевзовских конкурсах, фестивалях и олимпиадах. **Модуль 2** направлен на формирование навыков командной работы, развитие диалогических коммуникативных умений, а также на расширение круга общения для более естественной языковой социализации студентов в профессиональной и социокультурной сферах. Реализация мероприятий **Модуля 3** обеспечивается правильно организованной групповой работой на всех уровнях комму-

никации между студентами и преподавателями, что было апробировано в ПетрГУ в группах специальностей «Политология», «Психология», «Международные отношения», «Социология», «Туризм», создавших профессионально ориентированные YouTube-каналы на английском языке.

Одной из технологий обучения, используемых в **Модуле 3**, является технология создания магистрантами и бакалаврами направления подготовки цифрового продукта – профессионально ориентированного англоязычного сайта. На рис. 2 представлена схема организации сотрудничества между участниками проекта и этапы работы над ним.

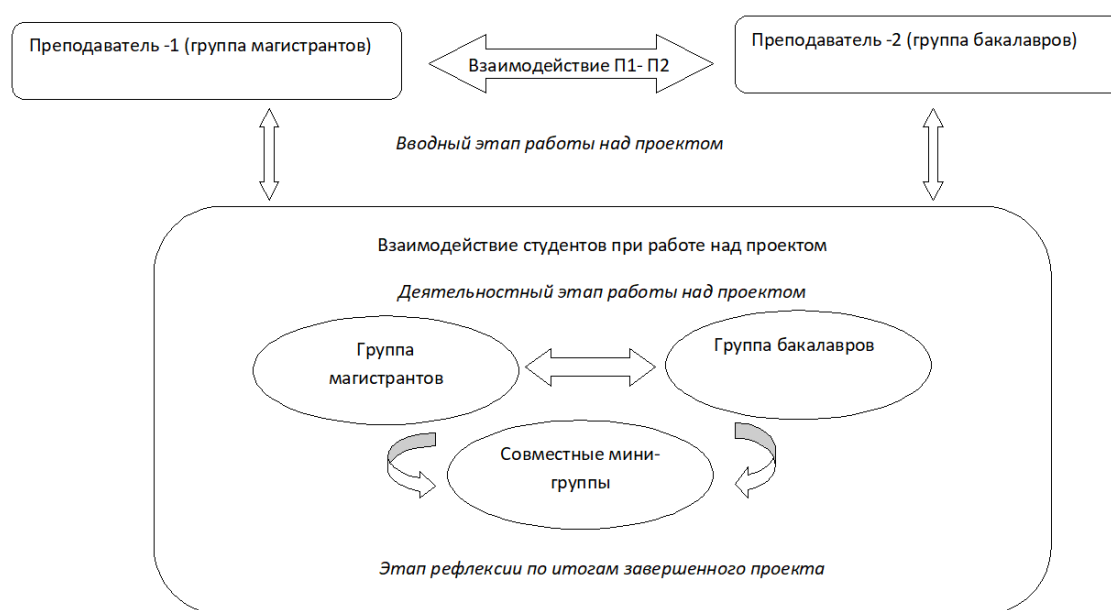

Рис. 2. Взаимодействие участников на разных этапах работы над виртуальным проектом

Применение данной технологии предполагает комплексное обучение всем видам речевой деятельности, в том числе и во время совместных онлайн-занятий в формате дискуссий и дебатов, а также во внеаудиторной коммуникации обучающихся посредством социальных сетей. Показательно, что трансформация учебного процесса стимулировала развитие не только вертикальных, но и горизонтальных уровней кооперации. Под руководством магистрантов были сформированы смешанные мини-группы из 4–5 бакалавров, каждая из которых разрабатывала свою профессионально ориентированную тему для сайта, что позволило студентам как анализировать и обмениваться информацией на английском языке, преобразуя её в новые знания и цифровые продукты, так и договариваться, аргументировать, отстаивать свою точку зрения и идеи. Результатом стало создание совместного сайта, посвященного проблемам социальной работы в мире и в Карелии⁶.

Материалы и методы

Апробация модели проводилась в течение пяти лет. Методом сбора данных послужило формализованное анкетирование открытого и закрытого типов для оценки

динамики развития анализируемых компетенций и выполняемых участниками в процессе обучения функций и ролей. Для оценки универсальных и профессиональных компетенций применялась методология самооценки как часть критериального оценивания, широко используемого в мировой педагогике [29]. Экспертное оценивание трех независимых специалистов (в том числе из англоговорящей страны) фиксировало динамику развития коммуникативной компетенции студентов. Достоверность степени различий между итоговыми результатами экспериментальной и контрольных групп проверялась с помощью критерия Стьюдента.

В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 46 (N = 46) участников, из них 23 (N = 23) бакалавра и 23 (N = 23) магистранта направления «Социальная работа». Контрольная группа (КГ) из 46 (N = 46) бакалавров и магистрантов направления «Социология» обучалась иностранному языку теми же преподавателями, но в традиционном формате. Распределение учебных часов было аналогичным: по 98 аудиторных часов и 118 часов самостоятельной работы у бакалавров и, соответственно, по 53 и 91 часу у магистрантов. Уровни владения английским языком определялись стандартизированным тестированием EF Education

First⁷, согласно которому до эксперимента знание английского языка у бакалавров варьировалось от А1 до А2, у магистрантов – от В1 до В2.

Результаты исследования

Эффективность обучения для формирования иноязычной коммуникативной компетенции определялась тремя независимыми экспертами в ЭГ и КГ до и после эксперимента. Оценивание осуществлялось по пятибалльной шкале, после чего вычислялся средний балл совокупной оценки коммуникативной компетенции каждого студента в начале и после обучения, а

также средний арифметический балл всей группы по всем видам речевой деятельности. Полученные данные представлены в табл. 1.

Согласно данным табл. 1, эксперты подтвердили не только положительную динамику развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов ЭГ, но и тот факт, что уровни сформированности разных аспектов оказались существенно более высокими по сравнению с КГ. Проверка достоверности степени различия между итоговыми результатами ЭГ и КГ с помощью критерия Стьюдента (при уровне значимости $\alpha = 0,05$) подтвердила их статистическую значимость.

Таблица 1

Экспертное оценивание динамики развития коммуникативной компетенции бакалавров и магистрантов экспериментальной и контрольной групп

Этап контроля	Группа	Аудирование	Чтение	Письмо	Говорение
Средний балл группы до эксперимента	ЭГ (маг)	3,17	4,17	3,17	3,33
	КГ (маг)	3,02	3,89	3,02	3,4
	ЭГ (бак)	2,95	3,39	2,96	3,08
	КГ (бак)	2,86	3,17	2,85	2,95
Средний балл группы после эксперимента	ЭГ (маг)	4,17	4,52	4,47	4,48
	КГ (маг)	3,39	4,04	3,52	3,91
	ЭГ (бак)	3,95	4,21	3,56	3,86
	КГ (бак)	3,04	3,35	2,96	3,04
Значение t-критерия Стьюдента, р (Бак)		2,53 p = 0,015139	2,23 p = 0,031174	2,78 p = 0,008105	2,02 p = 0,049363
Значение t-критерия Стьюдента, р (Маг)		2,98 p = 0,004766	2,32 p = 0,025158	2,49 p = 0,016611	2,52 p = 0,015565

С целью выявления результативности формирования общепрофессиональных и универсальных компетенций было проведено анкетирование студентов ЭГ и КГ, в ходе которого им предлагалось оценить степень развития своих компетенций в

баллах (от 1 до 5) после завершения обучения. Сопоставление итоговых результатов проводилось с использованием среднего арифметического значения баллов, полученных в каждой из групп, и отражено в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения показателей самооценки студентами ЭГ и КГ компетенций и значимость различий после эксперимента

Компетенция	Группа	Средний балл		Значение p
		КГ	ЭГ	
Цифровые компетенции: взаимодействие посредством цифровых технологий, соблюдение этикета, авторских прав и лицензий, создание цифрового контента, устранение технических проблем	Бакалавры	3,96	4,48	0,006347
	Магистранты	4,13	4,61	0,002261
Командная работа, взаимодействие и лидерство. Способность руководить работой команды, вырабатывать командную стратегию	Бакалавры	3,48	4,30	0,000273
	Магистранты	3,57	4,43	0,000330
Разработка и реализация проектов. Способность управлять проектом	Бакалавры	3,26	3,83	0,046895
	Магистранты	3,39	4,11	0,007198
Системное и критическое мышление. Способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций	Бакалавры	3,04	3,78	0,012425
	Магистранты	4,043	4,57	0,022392

Согласно табл. 2, бакалавры и магистранты ЭГ и КГ продемонстрировали положительную динамику в развитии целевых компетенций, однако между ними зафиксированы достоверные различия на уровне значимости 0,05. Результаты студентов ЭГ оказались достоверно выше при оценивании ими уровня развития компонентов цифровой компетенции ($t_{\text{бак}} = 2,8$; $t_{\text{маг}} = 3,4$), уровня организации командной работы и взаимодействия ($t_{\text{бак}} = 3,79$; $t_{\text{маг}} = 3,74$), навыков реализации проектов ($t_{\text{бак}} = 2,02$; $t_{\text{маг}} = 2,75$), системного и критического мышления ($t_{\text{бак}} = 2,5$; $t_{\text{маг}} = 2,32$).

Для определения, насколько студенты ЭГ оказались чувствительны к изменению выполняемых ими функций и ролей при обучении в цифровой среде, им было предложено выбрать из готового списка подходящие варианты ответов, что отражено на рис. 3.

Согласно рис. 3, бакалавры и магистранты считают себя, в первую очередь, исследователями (86,8 и 91,14% соответственно) и аналитиками (60,76 и 72,72%), что, вероятно, обусловлено исследовательским характером заданий, выполняемых студентами в ходе экспериментального обучения иностранному языку.

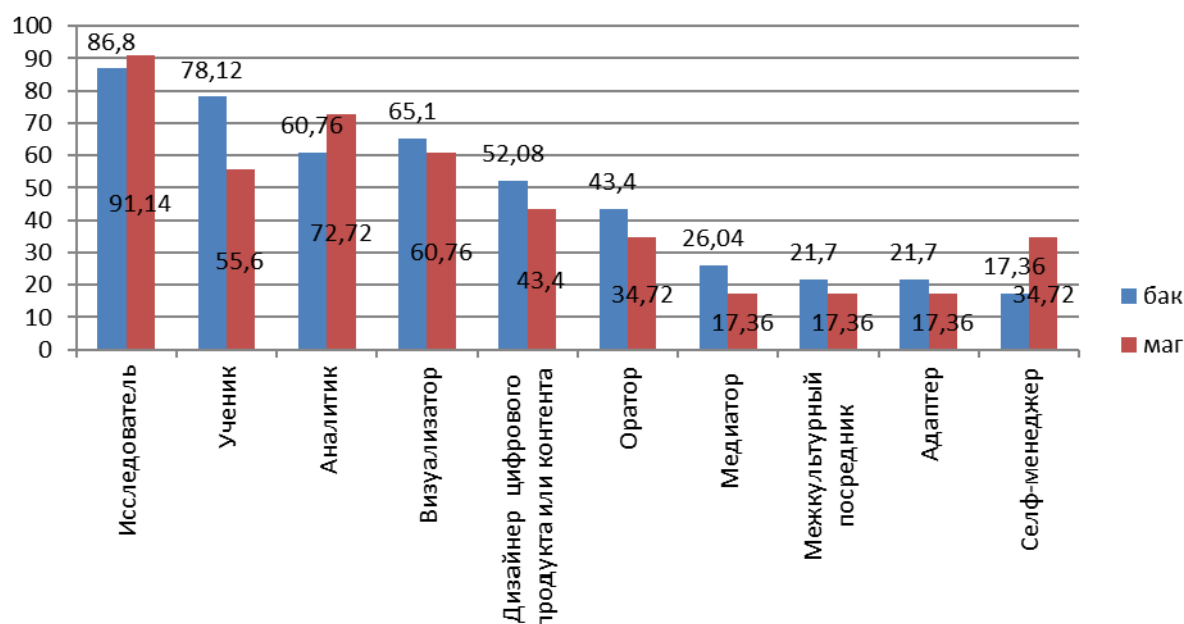

Рис. 3. Распределение ответов студентов на вопрос «Какие из нижеперечисленных ролей/функций вы выполняли при обучении в предложенном формате?»

Большое количество респондентов видят себя в роли ученика (78,12 и 55,6%), визуализатора (65,1 и 60,76%), оратора (43,4 и 34,72%), а также дизайнера цифрового контента (52,08 и 43,4%). В меньшей степени студенты ощутили себя медиаторами, межкультурными посредниками, адаптерами, селф-менеджерами (см. рис. 3).

Особенности субъективного восприятия обучающимися ролей и функций, выполняемых преподавателями, участвовавшими в эксперименте, определялись их выбором соответствующих вариантов из предложенного списка, что отражено на рис. 4.

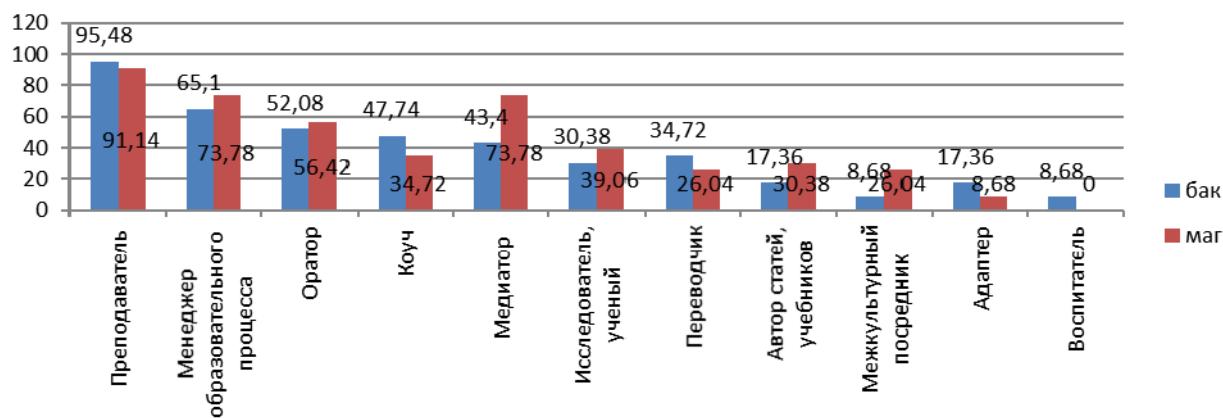

Рис. 4. Распределение ответов студентов на вопрос «Какие роли/функции выполнял преподаватель при обучении языкам в предложенном формате?»

Согласно рис. 4, самым частотным ответом стал вариант «Преподаватель – носитель уникальных знаний и компетенций»: 95,48% бакалавров и 91,14% магистрантов. Кроме того, студенты увидели в преподавателе менеджера образовательного процесса (65,1 и 73,78% соответственно); оратора (52,08 и 56,42%); коуча (47,74 и 34,72%); медиатора, налаживающего взаимодействие между студентами (43,4 и 73,78%). В меньшей степени студенты ответили преподавателям,

участвовавшим в эксперименте, роли исследователя/ученого (39,06 и 30,38% соответственно) и переводчика (34,72 и 26,04%). В группу редко встречающихся функций попали автор статей, учебников, межкультурный посредник, адаптер и воспитатель.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Необходимость обеспечения качественного иноязычного обучения студентов-нелингвистов в

цифровой среде обусловила изменения учебного процесса через моделирование профессионально ориентированного дискурса в рамках смешанного обучения и командного взаимодействия студентов разных курсов одной специальности, а также сотрудничества педагогов и студентов. Было зафиксировано статистически значимое повышение иноязычной коммуникативной компетенции у бакалавров и совершенствование навыков общения у магистрантов.

2. У студентов улучшились цифровые компетенции, позволившие им взаимодействовать посредством цифровых технологий в процессе создания совместного цифрового контента; повысился уровень компетенции командной работы; компетенции разработки и реализации проектов; развития навыков системного и критического мышления.

3. Участники эксперимента отметили изменение своих основных ролей и функций при обучении в виртуальной языковой среде, ощутив себя, прежде всего, исследователями и аналитиками.

4. По мнению большинства студентов, преподаватель остается центральной фигурой учебного процесса, носителем уникальных знаний. Одновременно они зафиксировали усиление функции преподавателя как менеджера, но не в полной мере осознали воспитательное воздействие со стороны педагогов.

Заключение

Данное исследование проводилось в русле национальной дискуссии о необходимости обновления парадигмы высшего образования, отвечающего запросам экономики знаний и цифровой экономики. Интерес к данной теме стимулировал разработку новых подходов к смешанному обучению и обучению через виртуальную коммуникацию. Однако зафиксирован-

ные во время дистанционного обучения в условиях пандемии такие проблемы, как изменение ментальных моделей профессиональной деятельности преподавателей, недостаточный уровень развития их цифровых компетенций, неготовность к реализации студентоцентрированного обучения [14], диктуют необходимость совершенствования методики технологий обучения, нахождения новых смыслов в профессиональном сотрудничестве педагогов и студентов. Одной из попыток решить данные проблемы является моделирование виртуальной иноязычной обучающей среды, стимулирующей профессионально ориентированную кооперацию на горизонтальном и вертикальном уровнях и помогающей преодолевать коммуникативные и психологические барьеры, избегая «менеджеризма» в образовании и феномена «кажущейся простоты контроля в рамках цифровизации» [28].

Новая программа стратегического академического лидерства, разработанная Минобрнауки РФ и нацеленная на формирование консорциумов научных и образовательных организаций на основе принципов интеграции и кооперации, состязательности и конкуренции, призвана решить также одну из ключевых проблем – нехватки лидеров, способных брать ответственность за работу коллективов⁸. Вероятно, представленная парадигма обучения иностранным языкам, сочетающая синхронное и асинхронное виртуальное обучение в конкурентной среде, делегирование части функций менеджмента образовательного процесса самим студентам, повышение личной ответственности обучающихся за конечный результат своей деятельности, создает условия для профессиональной социализации студентов, реализации их творческого потенциала, инициативности и лидерских качеств, необходимых для поиска нестандартных ответов на вызовы времени.

Примечания

¹ Kaku M. Physics of the Future: How Science Will Shape Human Destiny and Our Daily Lives by the Year 2100. Anchor, 2012.

² The peak of higher education – a new world for the university of the future. URL: https://www.ey.com/en_au/government-public-sector/the-peak-of-higher-education (дата обращения: 29.09.2021).

³ Global Knowledge Index. URL: <https://knoema.ru/infographics/aomssce/global-knowledge-index> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Программа «Приоритет-2030» // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ Social work around the World. URL: <https://swrk-client.herokuapp.com/feed> (дата обращения: 29.09.2021).

⁷ Test your Languages (Education First). URL: <https://www.ef.edu/test/us/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁸ Фальков представил программу стратегического академического лидерства // РИА Новости. 05.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200605/1572512145.html> (дата обращения: 04.10.2021).

Список источников

1. Van Laar E., et al. The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review // Computers in human behavior. 2017. Vol. 72. P. 577–588. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.010
2. Константинова Д.С., Кудяева М.М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 11. С. 1055–1072. doi: 10.18334/et.7.11.111073
3. Markova T. Educators' and students' perceptions of online distance education before and amid COVID-19: Key concerns and challenges // SHS Web of Conferences. 2021. doi: 10.1051/shsconf/20219901018
4. Verk N., Golob U., Podnar K. A dynamic review of the emergence of corporate social responsibility communication // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 168, № 3. P. 491–515. doi: 10.1007/s10551-019-04232-6
5. Korschun D., Du S. How virtual Corporate Social Responsibility dialogs generate value: a framework and propositions // Journal of Business Research. 2013. Vol. 66, № 9. P. 1494–1504. doi: 10.1016/j.jbusres.2012.09.011
6. Radovanović D., Hogan B., Lalić D. Overcoming digital divides in higher education: Digital literacy beyond Facebook // New Media & Society. 2015. Vol. 17 (10). P. 1733–1749. doi: 10.1177/1461444815588323

7. Bialkova S., TePaske S. Campaign participation, spreading electronic word of mouth, purchase: how to optimise corporate social responsibility, CSR, effectiveness via social media? // *European Journal of Management and Business Economics*. 2021. Vol. 30, № 1. P. 108–126. doi: 10.1108/EJMBE-08-2020-0244
8. Ajanovic E. Modern ICT solutions to be taught in tourism and hospitality education: Evaluation and implications // *The Eurasia Proceedings of Educational and Social Sciences*. 2014. Vol. 1. P. 173–177.
9. Liang W., Fung D. Development and evaluation of a Web Quest-based teaching programme: Students' use of exploratory talk to exercise critical thinking // *International Journal of Educational Research*. 2020. Vol. 104. P. 101652. doi: 10.1016/j.ijer.2020.101652
10. Smagulova G.Zh., Sarzhanova G.B., Tleuzhanova G.K., Stanciu N. The development of future foreign language teachers' digital competences in creating multimedia tutorials // *The Education and Science Journal*. 2021. Vol. 23 (6). P. 216–245. doi: 10.17853/1994-5639-2021-6-216-245
11. Петрова М.В. Видеооблоггинг как инновационная форма проектно-ориентированного обучения иностранному языку студентов-журналистов // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 3. С. 140–159. doi: 10.17853/1994-5639-2018-3-140-159
12. Дмитриева Е.А. Из опыта обучения сетевому взаимодействию педагогов и студентов педагогического вуза // *Образование и наука*. 2015. № 6 (125). С. 77–88.
13. Пригожина К.Б., Тростина К.В. Виртуальная образовательная среда как средство повышения конкурентоспособности образовательных программ вуза // *Образование и наука*. 2017. Т. 19, № 5. С. 166–188. doi: 10.17853/1994-5639-2017-5-166-188
14. Батракова И.С., Глубокова Е.Н., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 8–9. С. 9–19. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19
15. Fernando Y., Wulansari P. Perceived understanding of supply chain integration, communication and teamwork competency in the global manufacturing companies // *European Journal of Management and Business Economics*. 2020. doi: 10.1108/EJMBE-06-2020-0157. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/EJMBE-06-2020-0157/full/pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
16. Prajogo D., Sohal A. Supply chain professionals: A study of competencies, use of technologies, and future challenges // *International Journal of Operations & Production Management*. 2013. Vol. 33, № 11/12. P. 1532–1554. doi: 10.1108/IJOPM-08-2010-0228
17. McIntosh E.A. Working in partnership: The role of Peer Assisted Study Sessions in engaging the Citizen Scholar // *Active Learning in Higher Education*. 2019. Vol. 20 (3). P. 233–248. doi: 10.1177/1469787417735608
18. García-Almeida D.J., Cabrera-Nuez M.T. The influence of knowledge recipients' proactivity on knowledge construction in cooperative learning experiences // *Active Learning in Higher Education*. 2020. Vol. 21 (1). P. 79–92. doi: 10.1177/1469787418754569
19. Scott-Ladd B., Chan C.C.A. Using action research to teach students to manage team learning and improve teamwork satisfaction // *Active Learning in Higher Education*. 2008. Vol. 9 (3). P. 231–248. doi: 10.1177/1469787408095848
20. Александар Н.О., Кнежевич М. Командная работа в современном классе // *Поволжский педагогический вестник*. 2018. Т. 6, № 4 (21). С. 59–67.
21. Третьякова Е.Е., Масалева И.О., Шутеева Т.В., Логачева Е.А. Обучение в малых группах – способ формирования профессиональных компетенций // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2019. № 6 (21). С. 42–46.
22. Хамидулин В.С. Модернизация модели проектно-ориентированного обучения в вузе // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 1. С. 135–149. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149
23. Трищенко Д.А. Опыт проектного обучения: попытка объективного анализа достижений и проблем // *Образование и наука*. 2018. Т. 22, № 4. С. 132–152. doi: 10.17853/1994-5639-2018-4-132-152
24. Суйская В.С., Харламова М.В. Организация социально-ролевого взаимодействия студентов для совершенствования их коммуникативной компетенции // *Высшее образование в России*. 2014. № 12. С. 144–148.
25. Щербинин А.И. От «живых лабораторий» к «живому городу»: социальное пространство и миссия университета в эпоху умных городов // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 1 (23). С. 208–220. doi: 10.23951/2312-7899-2020-1-208-220
26. Болгова В.В., Гаранин М.А., Краснова Е.А., Христофорова Л.В. Образование после пандемии: падение или подготовка к прыжку? // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 7. С. 9–30. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30
27. Абрамова И.Е., Макарова Е.Н. Трансформация роли преподавателя иностранных языков в региональном вузе: сравнительный анализ субъективного самочувствия педагогов // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 2 (44). С. 415–429. doi: 10.32744/PSE.2020.2.33
28. Вольчик В.В., Масловова Е.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // *TerraEconomicus*. 2019. Vol. 17, № 2. С. 146–162. doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162
29. Birjandi P., HadidiTamjid N. The role of self-, peer and teacher assessment in promoting Iranian EFL learners' writing performance // *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2012. № 37. P. 513–533. doi: 10.1080/02602938.2010.549204

References

1. Van Laar, E. et al. (2017) The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review. *Computers in Human Behavior*. 72. pp. 577–588. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.010
2. Konstantinova, D.S. & Kudaeva, M.M. (2020) Digital competencies as a basis for the transformation of professional education. *Ekonomika Truda*. 7 (11). – pp. 1055-1072. doi: 10.18334/et.7.11.111073.
3. Markova, T. (2021) Educators' and students' perceptions of online distance education before and amid COVID-19: Key concerns and challenges. *SHS Web of Conferences*. doi: 10.1051/shsconf/20219901018
4. Verk, N., Golob, U. & Podnar, K. (2021) A dynamic review of the emergence of corporate social responsibility communication. *Journal of Business Ethics*. 168 (3). pp. 491–515. doi: 10.1007/s10551-019-04232-6
5. Korschun, D. & Du, S. (2013) How virtual Corporate Social Responsibility dialogs generate value: a framework and propositions. *Journal of Business Research*. 66 (9). pp. 1494–1504. doi: 10.1016/j.jbusres.2012.09.011
6. Radovanović, D., Hogan, B. & Lalić, D. (2015) Overcoming digital divides in higher education: Digital literacy beyond Facebook. *New Media & Society*. 17 (10). pp. 1733–1749. doi: 10.1177/1461444815588323
7. Bialkova, S. & TePaske, S. (2021) Campaign participation, spreading electronic word of mouth, purchase: how to optimise corporate social responsibility, CSR, effectiveness via social media? *European Journal of Management and Business Economics*. 30 (1). pp. 108–126. doi: 10.1108/EJMBE-08-2020-0244
8. Ajanovic, E. (2014) Modern ICT solutions to be taught in tourism and hospitality education: Evaluation and implications. *The Eurasia Proceedings of Educational and Social Sciences*. 1. pp. 173–177.
9. Liang, W. & Fung, D. (2020) Development and evaluation of a Web Quest-based teaching programme: Students' use of exploratory talk to exercise critical thinking. *International Journal of Educational Research*. 104. p. 101652. doi: 10.1016/j.ijer.2020.101652
10. Smagulova, G.Zh., Sarzhanova, G.B., Tleuzhanova, G.K. & Stanciu, N. (2021) The development of future foreign language teachers' digital competences in creating multimedia tutorials. *The Education and Science Journal*. 23 (6). pp. 216–245. doi: 10.17853/1994-5639-2021-6-216-245
11. Petrova, M.V. (2018) Video blogging as an innovative form of the project activity in foreign language teaching to journalism students. *The Education and Science Journal*. 6 (125). pp. 77–88. (In Russian).
12. Dmitrieva, E.A. (2015) Concerning the networking interaction experience of teachers and students of pedagogical university *The Education and Science Journal*. 3 (20). pp. 140–159. (In Russian).

13. Prigozhina, K.B. & Trostina, K.V. (2017) Distance learning technology as a tool for competitive growth of educational programmes in universities. *The Education and Science Journal*. 19 (5). pp. 166–188. doi: 10.17853/1994-5639-2017-5-166-188
14. Batrakova, I.S., Glubokova, E.N., Pisareva, S.A. & Tryapitsyna, A.P. (2021) Changes in University Teacher's Pedagogical Activity in the Context of Digitalization of Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 8-9. pp. 9-19. doi:10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19 (In Russ., abstract in Eng.)
15. Fernando, Y. & Wulansari, P. (2020) Perceived understanding of supply chain integration, communication and teamwork competency in the global manufacturing companies. *European Journal of Management and Business Economics*. [Online]. Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/EJMBE-06-2020-0157/full/pdfDOI> 10.1108/EJMBE-06-2020-0157 (Accessed: 29.09.2021).
16. Prajogo, D. & Sohal, A. (2013) Supply chain professionals: A study of competencies, use of technologies, and future challenges. *International Journal of Operations & Production Management*, 33 (11/12). pp. 1532–1554. doi: 10.1108/IJOPM-08-2010-0228
17. McIntosh, E.A. (2019) Working in partnership: The role of Peer Assisted Study Sessions in engaging the Citizen Scholar. *Active Learning in Higher Education*. 20 (3). pp. 233–248. doi:10.1177/1469787417735608
18. García-Almeida, D.J. & Cabrera-Nuez, M.T. (2020) The influence of knowledge recipients' proactivity on knowledge construction in cooperative learning experiences. *Active Learning in Higher Education*. 21 (1). pp. 79–92. doi:10.1177/1469787418754569
19. Scott-Ladd, B. & Chan, C.C.A. (2008) Using action research to teach students to manage team learning and improve teamwork satisfaction. *Active Learning in Higher Education*. 9(3). pp. 231–248. doi:10.1177/1469787408095848
20. Alexandar, N.O. & Knezhevich, M. (2018) Teamwork in the modern classroom. *Povolzhskij Pedagogicheskij Vestnik – Volga Pedagogical Bulletin*. 6:4 (21). pp. 59–67.
21. Tretyakova, E.E., Masaleva, I.O., Shuteeva, T.V. & Logacheva, E.A. (2019) Training in small groups as a way of forming professional competencies. *Kollekciya gumanitarnykh issledovanij Electronic scientific journal*. 6 (21). pp. 42–46
22. Khamidulin, V.S. (2020) Development of a Model of Project-Based Learning. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 29 (1). pp. 135–149. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149
23. Trishchenko, D.A. (2018) Experience of project-based learning: An attempt at objective analysis of results and problems. *The Education and Science Journal*. 4 (22). pp.132–152. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2018-4-132–152.
24. Suiskaya, V.S. & Kharlamova, M.V. (2014) Rules of organization social role interaction of students to improve their intercultural communicative competence. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 12. pp. 144–148. (In Russian).
25. Shcherbinin, A. (2020) From “living laboratories” to “living city”: social space and university mission in the era of smart cities. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1 (23). pp. 208–220. (In Russian).
26. Bolgova, V.V., Garanin, M.A., Krasnova, E.A. & Khristoforova, L.V. (2021) Post-Pandemic Education: Falling or Preparing for a Jump? *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 30 (7). pp. 9–30, (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30
27. Abramova, I.E. & Makarova, E.N. (2020) Transformation of the foreign language teacher's role in regional university: comparative analysis of teachers' subjective well-being. *Perspektivy nauki I obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 44 (2). pp. 415–429. (In Russian). doi: 10.32744/pse.2020.2.33
28. Volchik, V.V. & Maslyukova, E.V. (2019) Reforms, Tacit Knowledge and Institutional Traps in Education and Science. *Terra Economicus*. 17 (2). pp. 146–162. doi: 10.23683 / 2073- 6606-2019-17-2-146-162. (In Russian).
29. Birjandi, P. & HadidiTamjidi, N. (2012) The role of self-, peer and teacher assessment in promoting Iranian EFL learners' writing performance. *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 37. pp. 513–533. doi: 10.1080/02602938.2010.549204

Информация об авторах:

Абрамова И.Е. – д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: lapucherabr@gmail.com

Шишмолина Е.П. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.E. Abramova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages for Humanities, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: lapucherabr@gmail.com

E.P. Shishmolina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022;
одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 13.03.2022;
approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 37.013
doi: 10.17223/15617793/482/18

Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях

Анатолий Карпович Быков¹, Татьяна Сергеевна Борисова²,
Юлия Борисовна Берлянд³

^{2, 3}Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Москва, Россия

¹akbikov@mail.ru

²borisova@institutdetstva.ru

³berlyand@institutdetstva.ru

Аннотация. По результатам исследования педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей классифицированы на внутренние (условия образовательного пространства образовательной организации и личностного развития детей) и внешние (социальное окружение образовательной организации, социум в целом). Представлено обоснование и характеристика педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей, их взаимосвязь с рабочими программами воспитания в образовательных организациях.

Ключевые слова: воспитание, образовательная организация, дети, ценности, ценностные ориентации, формирование ценностных ориентаций, педагогические условия, социальные институты воспитания

Источник финансирования: Результаты, изложенные в статье, получены в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по проекту «Формирование ценностных ориентаций детей посредством реализации программ воспитания в образовательных организациях» 122041800028-8. Номер для публикаций IMLY-2023-0001.

Для цитирования: Быков А.К., Борисова Т.С., Берлянд Ю.Б. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/482/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/18

Pedagogical conditions for the formation of value orientations in children when implementing upbringing programs in educational institutions

Anatoly K. Bykov¹, Tatyana S. Borisova², Yuliya B. Berlyand³

^{2, 3} Institute for the Study of Childhood, Family and Education
of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

¹akbikov@mail.ru

²borisova@institutdetstva.ru

³berlyand@institutdetstva.ru

Abstract. The article describes a theoretical study of the pedagogical conditions for the formation of children's value orientations. The study included the analysis of concepts, methodological approaches, general and specific patterns of the process of raising children in relation to the subject of study, and a brief description of pedagogical conditions. The study used the data of a monitoring of modern youth's value orientations conducted in 2022 by the Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education in eight federal districts of the Russian Federation. The pedagogical conditions for the formation of children's value orientations are interpreted as regard to the factors of the internal (educational organization, personal development) and external (sociocultural environment, society as a whole) environments that objectively influence the formation of children's positive or negative value orientations, as well as the creation of opportunities (resources and ways to improve efficiency) that ensure the appropriation and implementation of socially significant values in children's minds, feelings and behavior. The internal conditions in educational organizations include: actualization of the personal position of children, their personal experience, initiatives in the education; purposeful systemic orientation of the content of implemented educational programs and methodological support of educational activities to the formation of value orientations of chil-

dren; creation and functioning in an educational organization; formation of the way of the education as a stable system of sociopedagogical interactions, taking into account the peculiarities of sociocultural conditions, the contingent of children, their families and the sociocultural environment; the influence of teachers, their pedagogical culture on children's value orientations. An educational organization can become a key social institution in the formation of children's value orientations in the implementation of these internal conditions for increasing the efficiency of the process under study. External pedagogical conditions for the formation of children's value orientations include: the impact on the formation of children's value orientations of other social institutions of education, primarily the family; legal regulation of educational activities for the formation of value orientations of children; the impact of digitalization, digital transformation of education on the forming of children's value orientations; the impact of geopolitical and internal Russian sociopolitical processes. The identified external and internal pedagogical conditions should be taken into account in the design of pedagogical models for the formation of the value orientations of children studying in different educational organizations.

Keywords: upbringing, educational organization, children, values, value orientations, formation of value orientations, pedagogical conditions, social institutions of education

Financial support: The results presented in the article were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation under the project "Formation of the value orientations of children through the implementation of education programs in educational institutions" 122041800028-8. Publication number IMLY-2023-0001.

For citation: Bykov, A.K., Borisova, T.S. & Berlyand, Yu.B. (2022) Pedagogical conditions for the formation of value orientations in children when implementing upbringing programs in educational institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/18

Введение

В последнее время вопрос формирования ценностных ориентаций детей приобрел особую актуальность в связи с происходящими трансформациями духовно-нравственных ценностей в российском обществе, активной динамикой изменений общественного сознания и совершенствованием программно-методического обеспечения реализации программ воспитания в образовательных организациях. Существенно влияют на исследуемый процесс геополитические изменения, цифровизация, культурная и информационная открытость. Значительные трансформации претерпевает и учебно-воспитательный процесс в образовательных организациях, ценностная направленность которого концентрируется на традиционных российских духовно-нравственных и историко-культурных ценностях.

Исходя из теоретической и практической актуальности проблемы, одной из задач данной статьи выступает теоретическое обоснование и краткая характеристика педагогических условий как комплекса учитываемых факторов, создаваемых ресурсов, выбираемых и реализуемых путей повышения эффективности современной состояния ценностно-ориентированной социализации и воспитания подрастающего поколения. Второй задачей является ответ на вопрос: при каких педагогических условиях образовательные организации смогут эффективно формировать ценностные ориентации детей и тем самым де-факто будут являться ключевым социальным институтом воспитания? Вопрос актуальный, так как в оценке места и роли социальных институтов воспитания в формировании ценностных ориентаций детей существуют разные подходы.

Ведущая роль образовательных организаций в этом процессе в условиях многофакторности его протекания не представляется уже аксиоматичным утверждением [1. С. 580–581].

Интерпретация понятий: ценности, ценностные ориентации, формирование ценностных ориентаций

Сущностная социальная характеристика ценностей в концентрированном виде представлена в соответствующем определении Российского энциклопедического словаря: ценность определяется как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. Различают материальные, социально-политические и духовные ценности; положительные или отрицательные ценности [2. С. 1744]. С позиций психологического подхода Д.А. Леонтьева, ценности фиксируются в разных ипостасях: а) как идеалы, т.е. как обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, возникающие в общественном сознании; б) как предметное воплощение идеалов в социально значимой деятельности личности и продуктах деятельности; в) как мотивы («модели должного»), способствующие переводу ценностных идеалов, присутствующих в общественном сознании, в структуру ценностных ориентаций личности [3. С. 374].

Ценностные ориентации являются результатом присвоения ребенком тех или иных ценностей. В рамках исследования формирования ценностных ориентаций важны их сущностные характеристики, отраженные в научной литературе: ценностные ориентации выступают стержневой, базисной характеристикой личности, социальным свойством личности; результатом внутреннего и внешнего взаимодействия в процессе развития личности, субъективным отражением объективного мира в сознании конкретного индивида [4. С. 112]; ценностные ориентации отличаются осознанностью, устойчивостью, положительной

эмоциональной окрашенностью, разной степенью побудительности [5. С. 55]; ценностные ориентации в своей структуре содержат компоненты: когнитивный – элемент знания, эмотивный – эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки, поведенческий – связан с реализацией ценностных ориентаций в поведении личности [6. С. 92].

Формирование ценностных ориентаций с психологической точки зрения представляет собой присвоение детьми ценностных ориентаций в форме движения по спирали через три последовательные фазы (присвоение ценностей, преобразование личности, самопроектирование) [7. С. 195] и ценностные механизмы: «поиск – оценка – выбор – проекция» [7. С. 196]. С научно-педагогической точки зрения формирование ценностных ориентаций детей – это целостный процесс освоения и реализации в сознании, чувствах и поведении ребенка ценностей, охватывающий все этапы развития личности в онтогенезе (и прежде всего детей дошкольного и младшего школьного, подросткового и юношеского возраста) при активном взаимодействии всех субъектов воспитательной деятельности, системном использовании воспитательного потенциала личности, семьи, общества и государства, всего социального окружения ребенка. В своем структурном построении процесс формирования ценностных ориентаций имеет целевой, субъектно-объектный, содержательный, технологический и результативный компоненты, распадается на ряд периодов, совпадающих с этапами развития личности в онтогенезе.

Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей как научное понятие

В Философском энциклопедическом словаре понятие «условие» трактуется как «то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления... Чаше всего условие рассматриваются как нечто внешнее для явления, в отличие от более широкого понятия причины, включающего как внешние, так и внутренние факторы» [8. С. 707–708]. В психологии исследуемое понятие, как правило, представлено в контексте психического развития и раскрывается через совокупность внутренних и внешних причин, определяющих психологическое развитие человека, ускоряющих или замедляющих его, оказывающих влияние на процесс развития, его динамику и конечные результаты [9. С. 270–271]. В педагогике условие рассматривается как совокупность переменных природных, социальных, внешних и внутренних воздействий, влияющих на физическое, нравственное, психическое развитие человека, его поведение, воспитание и обучение, формирование личности [10. С. 36].

В педагогической литературе представлены несколько классификаций педагогических условий: Ю.К. Бабанский по сфере воздействия выделяет две группы усло-

вий функционирования педагогической системы: внешние и внутренние [11. С. 241]; Н.В. Ипполитова и Н.С. Стерхова по характеру воздействия выделяют объективные и субъективные [12. С. 9]; к разновидностям педагогических условий относятся отдельно дифференцируемые организационно-педагогические, психолого-педагогические и дидактические условия.

В современной научно-педагогической литературе раскрытие педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей осуществляется в рамках условно выделенных исследовательских подходов. Первый подход определяется пониманием условий как учет факторов воспитания в целом [13], при этом формирование ценностных ориентаций личности рассматривается как основная цель и сущность воспитания [14. С. 539]. Второй подход связан с рассмотрением педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей как психолого-педагогических [15], когда формирование ценностных ориентаций детей в школе предстает как единство психологического явления и педагогического процесса. Третий подход связан с пониманием педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей в широком контексте имеющихся классификаций: внутренних и внешних, объективных и субъективных, организационно-педагогических, дидактических и др. [16]. *Данные подходы соотносятся со структурой и организацией воспитательного пространства на общесистемном, внутрисистемном и межсистемном уровнях.*

Методологические подходы к разработке педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей в своей комплексности неразрывно связаны с трактовкой формирования ценностных ориентаций детей как социально-педагогического процесса, зависящего в своем функционировании в образовательных организациях от внутренних и внешних условий. Социально-педагогический подход (В.Г. Бочарова, И.С. Кон, И.А. Липский, Л.В. Мардахаев, А.В. Мудрик и др.) к педагогическим условиям детерминирует установку, что образовательная организация – открытая система, на учебно-воспитательный процесс, формирование ценностных ориентаций в школе активно воздействуют помимо школы другие институты воспитания (семья, общественные организации и др.).

Помимо социально-педагогического подхода, педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей находят свое отражение в исследовательских требованиях других подходов: аксиологического, культурологического, системно-деятельностного, личностно-ориентированного, возрастного, среднего и др.

Аксиологический подход (Б.П. Битинас, О.С. Газман, Д.А. Леонтьев, В.А. Сластёнин, Г.И. Чижаклова и др.) определяется тем, что воспитание представляет собой процесс присвоения ребенком ценностей, которые продуцируются в российском обществе и транслируются в системе образования.

Культурологический подход, предполагающий, что воспитание является культурным процессом,

протекающим в культуросообразной образовательной среде (Е.В. Бондаревская, Б.Т. Лихачев, Б.М. Бим-Бад и др.), фиксирует положение о том, что педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей должны фокусироваться на развитии традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в основе которых лежит многовековая российская культура.

Системно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.) – методологическая основа стандартов общего образования нового поколения, предполагает интерпретацию педагогических условий формирования ценностных ориентаций с комплексных позиций системного подхода (системная организация воспитательного процесса в школе и вне ее) и деятельностного подхода (в основе развития ребенка находится его активная социально значимая деятельность).

Личностно-ориентированный подход (Е.В. Бондаревская, В.А. Караковский, В.В. Сериков, В.А. Сластёнин, В.И. Слободчиков, Д.Б. Эльконин и др.) исходит из создания в педагогических условиях формирования ценностных ориентаций детей благоприятных возможностей для развития личности и индивидуальности каждого ребенка.

Возрастной подход (В.В. Давыдов, А.В. Петровский, А.И. Митронов, А.В. Мудрик и др.) предполагает учет возрастных психологических особенностей развития личности детей и образуемых ими общностей в комплексе педагогических условий формирования ценностных ориентаций детей.

Средовой подход (Л.И. Новикова, Ю.С. Мануйлов, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др.) нацеливает на учет и целенаправленное использование возможностей среды как обязательного педагогического условия формирования ценностных ориентаций детей.

В исследовании был осуществлен методологический анализ общих и специфических закономерностей воспитания детей, которые одновременно определяют педагогические условия формирования ценностных ориентаций. Закономерности социального плана определяют детерминированность процесса воспитания социальными и экономическими условиями жизни общества, его идеологией, нормами права и морали. Специфические педагогические закономерности как закономерности педагогического процесса характеризуют внутренние условия его эффективности: зависимость от условий, в которых он протекает (материальных, гигиенических, морально-психологических, эстетических); взаимосвязь процессов обучения, воспитания (в узком смысле) и развития, а также процессов воспитания и самовоспитания, педагогического руководства и самостоятельности детей; зависимость от единства действий всех субъектов воспитания; зависимость от возрастных и других особенностей детей, уровня развития коллектива; зависимость форм, методов и средств воспитания от поставленных задач и содержания воспитания [17. С. 219].

Выявленные и обоснованные по результатам теоретического анализа педагогические условия

формирования ценностных ориентаций в эмпирической части исследования соотносились и коррелировались по своему качественному наполнению с данными мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи, проведенного в 2022 г. ФГБНУ ИДЦВ РАО в 8 федеральных округах РФ (руководитель исследования канд. филос. наук, руководитель аналитического отдела ФГБНУ «ИИДЦВ РАО» А.А. Воинова) [18]. В исследовании приняли участие учащиеся общеобразовательных школ, среднего профессионального образования (возраст до 18 лет) – 78 824 человека; родители детей 14–18 лет – 74 868 человек; педагоги школ (гимназий), техникумов, колледжей – 44 405 человек; молодежь (возраст 19–35 лет) – 11 223 человека.

Осуществленные понятийный, сравнительный, референтный, контент-анализ педагогических условий формирования ценностных ориентаций, анализ их обусловленности общими и специфическими закономерностями воспитания детей, применяемыми методологическими подходами позволяют сделать ряд обобщений:

- педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей могут рассматриваться как учет объективно воздействующих на исследуемый процесс факторов (положительные или отрицательные), а также создание с позиций ресурсов путей повышения эффективности данного процесса;

- педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях с опорой на общесистемный, внутрисистемный и межсистемный уровни организации воспитательного пространства целесообразно классифицировать на внутренние условия (условия образовательного пространства образовательной организации и личностного развития детей) и внешние условия (социокультурное окружение образовательной организации, социум в целом);

- целесообразно внутренние условия исследовать с позиций учета имеющихся ресурсов для определения путей повышения эффективности процесса формирования ценностных ориентаций, а внешние условия – как учет совокупности факторов, разноректорно влияющих на данный процесс.

Опираясь на вышеуказанные установки, педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях интерпретируются нами как учет объективно воздействующих на формирование ценностных ориентаций детей факторов внутренней (образовательной организации, личностного развития детей) и внешней (социокультурное окружение, социум в целом) среды, положительных или отрицательных по своей направленности, а также как создание возможностей (ресурсов и путей повышения эффективности), обеспечивающих присвоение и реализацию в сознании, чувствах и поведении детей социально значимых ценностей.

Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей: классификация и краткая характеристика

Как уже говорилось ранее, к *внутренним условиям формирования ценностных ориентаций* относятся условия образовательного пространства образовательной организации и личностного развития детей; они таковы: актуализация личностной позиции детей, их личного опыта, инициативы в образовательном процессе; целенаправленная системная ориентация содержания реализуемых образовательных программ и методического обеспечения образовательной деятельности на формирование ценностных ориентаций детей; создание и функционирование в образовательной организации воспитывающей и развивающей образовательной среды, образовательно-воспитательных (воспитывающих) общностей; формирование уклада образовательной организации как устойчивой системы социально-педагогических взаимодействий с учетом особенностей социокультурных условий, местоположения образовательной организации, контингента детей, их семей и социокультурного окружения; влияние личности педагогов, их педагогической культуры на формирование ценностных ориентаций детей. Рассмотрим их подробнее:

Актуализация личностной позиции детей, личного опыта, инициативы детей в образовательном процессе. Это важнейшее условие эффективного формирования ценностных ориентаций детей вытекает из самой сути воспитания в системе образования, выраженной в определении понятия «воспитание» – «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся...» [19].

Целенаправленная системная ориентация содержания реализуемых образовательных программ и технологий, программно-методического обеспечения образовательной деятельности на формирование ценностных ориентаций детей. Данное условие предполагает отбор, разработку, реализацию элементов содержания образования по всем предметным областям, во всех видах и формах образовательной деятельности в направлении формирования ценностных ориентаций детей. Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. определена установка на полноценное использование в образовательных программах воспитательного потенциала учебных дисциплин, в том числе гуманитарного, естественно-научного, социально-экономического профилей [20].

Создание и функционирование в образовательной организации воспитывающей и развивающей образовательной среды, образовательно-воспитательных (воспитывающих) общностей. Становление личности ребенка невозможно без развития его субъектности, без создания в образовательной организации воспитывающей и развивающей образовательной среды. Воспитывающая и развивающая образовательная среда запускает и поддерживает процесс воспитания, формирования ценностных ориентаций детей через

осмысленные скоординированные педагогические усилия воспитывающих взрослых, управленческий ресурс, активную деятельность самих детей. Воспитывающая и развивающая образовательная среда выступает не только условием, но и эффективным средством образовательной организации в формировании ценностных ориентаций детей.

Образовательно-воспитательная общность рассматривается как определенная взаимосвязь (совокупность) людей, которая характеризуется доминантой образовательной и воспитательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов; наличием внутренней структуры. Основные образовательно-воспитательные (воспитывающие) общности в школе: детская (сверстников и разновозрастные); детско-взрослая; профессионально-родительская общность работников школы и всех взрослых членов семей; профессиональные общности – сотрудники образовательной организации.

Наиболее эффективным способом реализации ресурсов детской и детско-взрослой общностей может стать система основных школьных дел [21]. Основные школьные дела, в понимании авторов, – это система традиционных школьных дел, способствующих объединению детей и взрослых в со-бытийную общность, формированию ценностных ориентаций детей, объединению воспитательных воздействий на ученический коллектив и личность ребенка, преодолению межвозрастных барьеров, сохранению традиций и передаче социокультурного опыта, развитию таких личностных качеств, как ответственность, инициативность, умение работать в команде, планируемых, организуемых и анализируемых совместно педагогами и детьми.

Формирование уклада образовательной организации как устойчивой системы всех социально-педагогических взаимодействий в образовательном учреждении с учетом особенностей социокультурных условий, местоположения, контингента учащихся. Уклад образовательной организации рассматривается как общественный договор участников образовательных отношений, опирающийся на базовые национальные ценности, поддерживающий традиции региона и школы, задающий культуру поведения сообществ, определяющий предметно-пространственную среду, учитывающий социокультурный контекст [22]. Уклад характеризует целостность, системность, уникальность каждой образовательной организации, отражает, с одной стороны, обыденность, привычность, традиционность для данного учреждения, с другой стороны, ее неповторимость, специфичность [23. С. 55]. Привлечение детей и их родителей (законных представителей), работодателей, представителей учреждений культуры и спорта, общественных и религиозных организаций к проектированию и обсуждению уклада образовательной организации может стать существенным ресурсом ценностно ориентированного воспитания.

Повышение влияния личности педагога, его педагогической культуры на формирование ценностных ориентаций детей. Как указывал К.Д. Ушинский,

личность педагога играет огромную роль в воспитательном процессе: «Влияние личности воспитателя составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями. Много значит дух заведения, но этот дух живет не в стенах, не на бумаге, но в характере большинства воспитателей и отсюда переходит в характер воспитанников» [24. С. 28–29]. Именно с личностным влиянием педагога, его педагогической культурой связано большинство механизмов, позволяющих передавать ценности от одного человека к другому, от ребенка к ребенку. Через осознание и принятие предъявленной учителем ценности дети приходят к реализации ценностных ориентаций в поведении, деятельности, коммуникации.

В педагогической культуре, в эффективности их воспитательной деятельности педагогов, как показывают данные исследования, проведенного ФГБНУ «ИИДЦВ РАО» в 2022 г., важное место занимает желание самих педагогов заниматься воспитательной работой (59%) и их умение устанавливать устойчивые взаимоотношения между образовательной организацией и семьей (53%). Эти аспекты выходят на первый план в организации ценностно ориентированного образования в школе.

Внешние педагогические условия формирования ценностных ориентаций предполагают учет воздействующих на исследуемый процесс факторов социального окружения образовательной организации, социума в целом. Внешние педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей включают: воздействие на формирование ценностных ориентаций детей других социальных институтов воспитания, прежде всего семьи; правовое регулирование образовательной деятельности по формированию ценностных ориентаций детей; влияние цифровизации, цифровой трансформации образования на формирование ценностных ориентаций детей; геополитические и внутренние российские социально-политические процессы, оказывающие воздействие на ценностные ориентации детей, их формирование.

Охарактеризуем данные педагогические условия.

Воздействие на формирование ценностных ориентаций детей других социальных институтов воспитания, прежде всего семьи. Анализ воздействия социальных институтов воспитания на формирование ценностных ориентаций детей свидетельствует, что оно доминантно сосредоточено на системе образования и семье, влияние других институтов носит несистемный характер, однако не учитывать его нельзя.

Влияние семьи, родителей на формирование ценностных ориентаций детей осуществляется в рамках консолидации усилий с образовательными организациями. Мониторинг ценностных ориентаций детей и молодежи, проведенный ФГБНУ «ИИДЦВ РАО» в 2022 г., показал, что в вопросе решающей роли в формировании ценностей детей родители и педагоги единодушно отдали первое место семье – 97 и 95% соответственно. Есть различия в родительской и педагогической позиции: учителя в большей степени, нежели родители, ви-

дят свою приоритетную роль в формировании ценностной ориентации воспитанников (70% – педагоги, 51% – родители). По убеждению 99% опрошенных родителей, семья должна заниматься воспитанием ребенка, при этом значительная часть (38%) готова разделить свою ответственность за воспитание детей с образовательной организацией – в сравнении с 2021 г. эта доля выросла на 6%.

Вместе с тем данные этого же исследования говорят об отсутствии единой воспитательной линии семья – школа. Как указали в опросе педагоги, нежелание родителей принимать участие в образовательном процессе как в 2021 г., так и в 2022 г. является главной проблемой в организации воспитательной работы с детьми.

Формирование ценностных ориентаций некоторой части подрастающего поколения происходит под влиянием:

- общественных детских и молодежных организаций социально значимой направленности (военно-патриотические клубы, всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», поисковые отряды, волонтерство и др.). В 2020 г. в РФ доля детей в возрасте 15–17 лет, осуществляющих членство в каких-либо организациях, составила 3,4%, по данным Росстата [20]. Движение «Юнармия» уже объединило более 1 миллиона детей и подростков по всей стране, региональные штабы Движения представлены в каждом из 85 регионов России [25].

При этом о недостаточно используемых возможностях детских общественных объединений в формировании ценностных ориентаций свидетельствуют данные исследования, проведенного в 2022 г. ФГБНУ «ИИДЦВ РАО»: как указали сами учащиеся, только 5% из них (от общей численности) состоят в какой-либо общественной организации. Самыми популярными организациями, со слов учащихся, с их слов, являются сообщество «Большая перемена» (15%), Российское движение школьников (14%) и патриотическое движение «Юнармия» (11%): по сравнению с 2021 г. в 2022 г. процент детей, задействованных в сообществе «Большая перемена», вырос почти вдвое (15 против 8%);

- религиозных организаций. По данным сайта «Образование и православие», 6 588 воскресных школ на 03.02.2017 действует в РПЦ на территории РФ [26];

- организаций криминальной и террористической направленности. Исходя из аналитико-статистических данных МВД, отмечается, что несовершеннолетние все чаще исполняют активные криминальные роли в групповых преступлениях (избирают насильственные способы совершения преступления, оказывают физическое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов). Растет дерзость, циничность совершаемых ими преступлений [27].

Правовое регулирование образовательной деятельности по формированию ценностных ориентаций детей. В настоящее время в России правовое регулирование воспитания, формирования ценностных ориентаций определяет ряд документов [20, 28, 29],

при этом целостный характер оно имеет только в системе образования [21, 30]. Государство в правовом поле создало благоприятные предпосылки для целенаправленного формирования позитивных ценностных ориентаций в образовательных организациях. Однако, поскольку сама организация процесса возложена непосредственно на образовательные организации как самостоятельные субъекты образовательной деятельности, эффективность их усилий значительно отличается друг от друга. Практика показывает, что правовое регулирование на уровне образовательных организаций становится эффективным при условии дополнения его программно-методическим обеспечением, вариативным содержанием.

Влияние цифровизации, цифровой трансформации образования на ценностные ориентации детей. Проблема цифровизации жизни подрастающего поколения вызвала немыслимый ранее вопрос: кто и что воздействует на формирование ценностных ориентаций детей больше – изучение учебных дисциплин в учебное время или некритическое восприятие электронного контента школьниками в интернете во внеучебное время, образовательная организация или интернет?

По мнению педагогов, по результатам их опроса в исследовании ФГБНУ «ИИД СВ РАО» в 2022 г., ключевой сложностью в воспитании детей выступает зависимость ребенка от интернета – такую позицию обозначили 71% респондентов. 48% учителей указали на серьезную увлеченность детей компьютерными играми. Родители и педагоги отмечают на воздействие социальных сетей на ребенка, при этом педагоги оценивают это влияние выше, чем родители (37 и 16%). Улица, блогеры и неформальные объединения подростков не воспринимаются ни родителями ни педагогами в качестве значимых факторов формирования ценностной картины мира молодежи – эти составляющие оцениваются респондентами не выше 10%.

Значимое влияние виртуальной среды на социализацию и воспитание детей подтверждают и другие исследования. Как показал проведенный «Лабораторией Касперского» опрос в России в 2021 г. среди родителей и их детей школьного и дошкольного возраста (500 детей), 53% детей проводят в электронных устройствах от одного до четырех часов в день; больше четверти (26%) тратят на них всё свободное время. Чаще всего Интернет нужен детям для игр (в 76% случаев), просмотра видео (в 70% случаев), общения с друзьями (в 67% случаев) и подготовки к урокам (в 53% случаев). Самым востребованным устройством у подростков остаётся смартфон. Без него не могут обойтись 80% опрошенных школьников; в начальной школе смартфон есть у 93% детей [31].

Риски цифровизации для детей и молодежи заключаются в дегуманизации образовательных, а далее – и иных социальных отношений, снижении способности к творчеству, росте прагматизма и индивидуализма на основе ценностей личного комфорта и эгоистичного потребления, нивелирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Важно, чтобы электронная информационно-образовательная среда в образовательных организациях не только создавала условия для качественного обучения детей, но и своим контентом влияла предметно на их ценностную сферу, представляла альтернативу потребительским ценностям, пропагандируемым в интернете.

Геополитические и внутренние российские социально-политические процессы, оказывающие воздействие на ценностные ориентации детей и их формирование. Геополитические изменения, происходящие на фоне специальной военной операции на Украине, трансформируются в объективную необходимость сплочения российского народа, в том числе подрастающего поколения, на единых ценностных основаниях, к которым в первую очередь относятся российские традиционные духовно-нравственные и историко-культурные ценности.

Пристального внимания заслуживает проблема разоблачения навязываемого российским детям и подросткам мифа о превосходстве западного мира, его ценностей и образа жизни, попыток дискредитации ценностных основ российской ментальности. Показательны в этом плане данные исследования, проведенного в 2022 г. ФГБНУ «ИИД СВ РАО» по вопросу, что думают дети и молодежь об эмиграции. С одной стороны, 68% учащихся считают себя патриотами (57% – в 2021 г.; 76% – в 2020 г.), но с другой стороны, 52% учащихся готовы при возможности уехать за границу (60% – в 2021 г.; 46% – в 2020 г.). 53% учащихся хотели бы уехать путешествовать в другие страны, но после всё же вернуться в Россию. О полной эмиграции заявляют 11% опрошенных.

Геополитические и внутренние российские социально-политические процессы детерминируют актуализацию целенаправленной работы с подрастающим поколением по формированию у них социально значимых ценностей, в первую очередь патриотизма и гражданственности, стремления служить своей Родине, отказа от ценностного вакуума, потребительского ценностного контента в молодежной среде, повышения роли образовательных организаций в этом вопросе.

Заключение

Педагогические условия формирования ценностных ориентаций детей в процессе реализации программ воспитания в образовательных организациях интерпретируются нами как учет объективно воздействующих на формирование ценностных ориентаций детей факторов внутренней (образовательной организации, личностного развития детей) и внешней (социокультурное окружение, социум в целом) среды, положительных или отрицательных по своей направленности, а также как создание возможностей (ресурсов и путей повышения эффективности), обеспечивающих присвоение и реализацию в сознании, чувствах и поведении детей социально значимых ценностей. Учет факторов, определяющих внешние педагогические условия (геополитические изменения, внутренние россий-

ские социально-политические процессы, цифровизация и др.) позволяет выявить разноректорный характер, позитивную и негативную направленность, которые должны учитываться при проектировании и реализации государственной политики в области воспитания, формирования ценностных ориентаций детей, программирования воспитательной деятельности в образовательных организациях. Внутренние условия формирования ценностных ориентаций (актуализация личностной позиции детей, создание и функционирование в образовательной организации воспитывающей и развивающей образовательной среды и др.) позволяют определить потенциал, ресурс и практические пути

повышения эффективности исследуемого процесса, когда образовательная организация де-факто может стать ключевым социальным институтом воспитания в исследуемом вопросе. Выявленные внешние и внутренние педагогические условия формирования ценностных ориентаций могут быть значимы для проектирования модели формирования ценностных ориентаций детей в системе образования, в программировании воспитательной деятельности в образовательных организациях разного уровня, типа, вида, в которых обучаются дети, с учётом их возраста, содержания осваиваемых ими основных и дополнительных образовательных программ.

Список источников

1. Брызгалова Е.В., Станченко С.В. Воспитание как образовательный результат: ценностно-ориентированный подход к оцениванию в системе общего образования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25, № 4. С. 574–588. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588
2. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. Кн. 2: Н–Я. 2015.
3. Леонтьев Д.А. Внутренний мир личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2009. С. 372–377.
4. Кузнецова Е.Г. К вопросу формирования ценностных ориентаций подростков // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). С. 198–204.
5. Андреева Г.М. Общение и межличностные отношения // Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2011. 384 с.
6. Горькая Ж.В. Психология ценностей. Самара : Самар. ун-т, 2014. 91 с.
7. Кирьякова А.В. Личность в мире ценностей // Вестник РУДН. 2002. № 1. С. 187–200.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
9. Немов Р.С. Психология: словарь-справочник : в 2 ч. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. Ч. 2. 352 с.
10. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М. : Высшая школа, 2004. 512 с.
11. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды / сост. М.Ю. Бабанский ; авт. вступ. ст. Г.Н. Филонов, Г.А. Победоносцев, А.М. Моисеев; авт. коммент. А.М. Моисеев. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
12. Ипполитова Н.В., Стерхова Н.С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8–14.
13. Дармодехин С.В. Действующая модель воспитания подрастающего поколения не соответствует требованиям актуальным требованиям общественного развития // Мир психологии. 2019. № 4 (100). С. 250–263.
14. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М. : АСТ ; Прайм-Еврознак, 2008. 321 с.
15. Федосова И.В. Психолого-педагогические основы формирования ценностных ориентаций в детском возрасте // Наука и мир. 2014. № 9 (13). С. 127–130.
16. Спербер О.И. Педагогические условия формирования нравственных ценностных ориентаций детей старшего дошкольного возраста в процессе художественно-эстетического развития : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2018. 20 с.
17. Педагогика / под ред. Ю.К. Бабанского. М. : Просвещение, 1983. 608 с.
18. Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». URL: https://институтвоспитания.рф/upload/iblock/519/z5k8zsj7bowq7hqpoxh0s5du9dk3vsc/Институт_воспитания_ценностные_ориентиры_молодежи_2022_количественные.pdf (дата обращения: 17.06.2022).
19. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.06.2022).
20. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. Официальная публикация // Российская газета. 08.06.2015. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 17.06.2022).
21. Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций: Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 23 июня 2022 г. № 3/22 (ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО») // Министерство просвещения Российской Федерации. Реестр примерных основных общеобразовательных программ. URL: <https://fgosreestr.ru/poor/65> (дата обращения: 30.06.2022).
22. Вачкова С.Н. Уклад школы как педагогическая категория и феномен действительности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 5. С. 54–59.
23. Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы // Собрание сочинений : в 11 т. М., 1948. Т. 2. С. 28–29.
24. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 17.06.2022).
25. О движении «ЮНАРМИЯ». URL: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/> (дата обращения: 17.06.2022).
26. Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/v-shkola/16907-v-srednem-eparhiyah-rabotaet-po-36-voskresnyh-shkol.html> (дата обращения: 20.06.2022).
27. Подрастающая преступность. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4027565?from=doc_vrez (дата обращения: 17.06.2022).
28. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 17.06.2022).
29. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.06.2022).
30. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 17.06.2022).
31. Каждый четвёртый ребёнок в России проводит в гаджетах всё свободное время – исследование. URL: <https://d-russia.ru/kazhdyy-chetvortyj-rebjonok-v-rossii-provodit-v-gadzhetah-vsjo-svobodnoe-vremja-issledovanie.html> (дата обращения: 17.06.2022).

References

1. Bryzgalina, E.V. & Stanchenko, S.V. (2021) Upbringing as an Educational Result: A Value-Based Approach to Assessment in the General Education System. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 25 (4). pp. 574–588. (In Russian). doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588
2. Prokhorov, A.M. (ed.) (2001) *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'*: v 2 kn. [Russian encyclopedic dictionary: in 2 books]. Book 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
3. Leont'ev, D.A. (2009) Vnutrenniy mir lichnosti [The inner world of a person]. In: *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Psychology of a person in the works of domestic psychologists]. St. Petersburg: Piter. pp. 372–377.
4. Kuznetsova, E.G. (2011) K voprosu formirovaniya tsennostnykh orientatsiy podrostkov [On the formation of value orientations of adolescents]. *Vestnik OGU*. 2 (121). pp. 198–204.
5. Andreeva, G.M. (2011) Obshchenie i mezhluchnostnye otnosheniya [Communication and interpersonal relations]. In: *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press.
6. Gor'kaya, Zh.V. (2014) *Psikhologiya tsennostey* [Psychology of values]. Samara: Samara State University.
7. Kir'yakova, A.V. (2002) Lichnost' v mire tsennostey [A person in the world of values]. *Vestnik RUDN*. 1. pp. 187–200.
8. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
9. Nemov, R.S. (2003) *Psikhologiya: slovar'-spravochnik*: v 2 ch. [Psychology: a reference dictionary: in 2 parts]. Part 2. Moscow: VLADOS-PRESS.
10. Polonskiy, V.M. (2004) *Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike* [Dictionary of education and pedagogy]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Babanskiy, Yu.K. (1989) *Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow: Pedagogika.
12. Ippolitova, N.V. & Sterkhova, N.S. (2012) Analiz ponyatiya "pedagogicheskie usloviya": sushchnost', klassifikatsiya [Analysis of the concept "pedagogical conditions": essence, classification]. *General and Professional Education*. 1. pp. 8–14.
13. Darmodekhin, S.V. (2019) The Current Model of Education of the Younger Generation Does Not Meet Current Requirements Social Development. *Mir psikhologii*. 4 (100). pp. 250–263. (In Russian).
14. Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (eds) (2008) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Large psychological dictionary]. Moscow: AST; Praym-Evroznak.
15. Fedosova, I.V. (2014) Psikhologo-pedagogicheskie osnovy formirovaniya tsennostnykh orientatsiy v detskom vozraste [Psychological and pedagogical foundations for the formation of value orientations in childhood]. *Nauka i mir*. 9 (13). pp. 127–130.
16. Sperber, O.I. (2018) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya нравstvennykh tsennostnykh orientatsiy detey starshego doshkol'nogo vozrasta v protsesse khudozhestvenno-esteticheskogo razvitiya* [Pedagogical conditions for the formation of moral value orientations of children of senior preschool age in the process of artistic and aesthetic development]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Maykop.
17. Babanskiy, Yu.K. (ed.) (1983) *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education. (2022) *Analiticheskiy otchet "Itogi monitoringa tsennostnykh orientatsiy sovremennoy molodezhi 2022"* [Analytical report "Results of monitoring the value orientations of today's youth in 2022"]. [Online] Available from: <https://xn--80adrabb4aegksdjbfk0u.xn--p1ai/upload/iblock/db4/umllv3pw3v9qcdxcizgjdmaac7r7as14/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%202022%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%20.pdf> (Accessed: 17.06.2022).
19. Russian Federation. (2012) *Federal Law of December 29, 2012, No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 17.06.2022). (In Russian).
20. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Strategy for the development of upbringing in the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015, No. 996-r. Official publication. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (Accessed: 17.06.2022). (In Russian).
21. Ministry of Education of the Russian Federation. Register of exemplary basic general educational programs. (2022) *A Model Working Program of Education for General Educational Organizations: Approved by the Decision of the Federal Educational and Methodological Association for General Education, Protocol of June 23, 2022, No. 3/22 (Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education)*. [Online] Available from: <https://fgosrestr.ru/poop/65> (Accessed: 30.06.2022). (In Russian).
22. Vachkova, S.N. (2013) School lifestyle as a pedagogical category and a phenomenon of reality. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 5. pp. 54–59. (In Russian).
23. Ushinskiy, K.D. (1948) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols]. Vol. 2. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 28–29.
24. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (Accessed: 17.06.2022).
25. *O dvizhenii "YuNARMiya"* [About the movement "YuNARMiya"]. [Online] Available from: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/> (Accessed: 17.06.2022).
26. *Obrazovanie i pravoslaviye* [Education and Orthodoxy]. [Online] Available from: <http://www.orthedu.ru/v-shkola/16907-v-srednem-eparhiyah-rabotaet-po-36-voskresnyh-shkol.html> (Accessed: 20.06.2022).
27. Kommersant. (2019) *Podrastayushchaya prestupnost'* [The growing crime]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/4027565?from=doc_vrez (Accessed: 17.06.2022).
28. Russian Federation. (2022) *The Constitution of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.constitution.ru> (Accessed: 17.06.2022). (In Russian).
29. President of the Russian Federation. (2021) *National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2022, No. 400*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (Accessed: 17.06.2022). (In Russian).
30. Russian Federation. (2020) *Federal Law of July 31, 2020, No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the Upbringing of Students*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (Accessed: 17.06.2022). (In Russian).
31. D.RUSSIA.RU. (2021) *Kazhdyi chetvertiy rebenok v Rossii provodit v gadzhetakh vse svobodnoe vremya – issledovanie* [Every fourth child in Russia spends all their free time on gadgets – research]. [Online] Available from: <https://d-russia.ru/kazhdyy-chetvortyy-rebjonok-v-rossii-provodit-v-gadzhetah-vsjo-svobodnoe-vremja-issledovanie.html> (Accessed: 17.06.2022).

Информация об авторах:

Быков А.К. – д-р пед. наук, профессор (Москва, Россия). E-mail: akbikov@mail.ru

Борисова Т.С. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Москва, Россия). E-mail: borisova@institutdetstva.ru

Берлянд Ю.Б. – старший научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Москва, Россия). E-mail: berlyand@institutdetstva.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.K. Bykov, Dr. Sci. (Pedagogics), Professor (Moscow, Russian Federation). E-mail: akbikov@mail.ru

T.S. Borisova, Cand. Sci. (Pedagogics), leading research fellow, Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: borisova@institutdetstva.ru

Yu.B. Berlyand, senior research fellow, Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: berlyand@institutdetstva.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 22.08.2022;
approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/482/19

Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей как средство развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата

Елена Петровна Глумова¹, Юрий Юрьевич Панченко²

^{1, 2}Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹el.glumova2010@yandex.ru

²panyurij@gmail.com

Аннотация. Теоретически обосновывается справедливость рассмотрения письменной диалогической речи как одной из целей овладения иностранным (английским) языком студентами бакалавриата. В соответствии с этим приводится разработанный авторами перечень умений иноязычной письменной диалогической речи, в рамках которого особо выделены группы прагматических и дискурсивных умений. В качестве средства развития умений иноязычной письменной диалогической речи предлагается коммуникативно-коннективная интеграция в образовательный процесс социальных сетей. Описывается механизм подобной интеграции, и рассматривается ее реализация на примере конкретных сетевых технологий.

Ключевые слова: письменная речь, диалогическая речь, компьютерно-опосредованное общение, виртуальная переписка, электронная коммуникация, социальные сети, проектная деятельность

Для цитирования: Глумова Е.П., Панченко Ю.Ю. Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей как средство развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 182–191. doi: 10.17223/15617793/482/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/19

Communicative and connective integration of social networking sites as a tool for development of undergraduate students' written conversational skills in a foreign language

Elena P. Glumova¹, Yuri Yu. Panchenko²

^{1, 2}Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹el.glumova2010@yandex.ru

²licey-istra@mail.ru

Abstract. Currently, virtual communication on SNS is becoming an integral part of students' everyday and professional communication. Such communication mainly takes place in written form and, having a number of linguistic and discursive features, is an independent form of the functioning of a foreign language - foreign language written dialogic speech. The aim of this study is to consider the possibility of communicative and connective integration of social networks into the teaching of a foreign language for the development of undergraduate students' written conversational skills in a foreign language (in the case of English). We have formulated two main groups of skills that make up the speech component of foreign language communicative competence in the written dialogic speech: pragmatic and discursive skills. *Pragmatic skills* are associated with the need to convey pragmatic information: intonation and the emotional background of the message in the absence of direct eye contact between the interlocutors. *Discursive skills* are associated with the need to build a dialogue in such a way that, in the absence of direct eye contact, the interlocutor can unambiguously interpret the received message and continue communication. To develop effective technologies for the development of the listed groups of speech skills, we made an attempt to comprehend the implementation of a communicative approach to the introduction of social networks in the educational process, taking into account the principles of the connective paradigm of digital pedagogy. A *communicative* approach to the integration of social networks is implemented in the case of creating a series of network events in a social network. *Connectivism*, on the other hand, implies such an organization of a network event that provokes a conversation between students in the comments under the published content in a foreign language. As an example of a technology that takes into account the communicative-connective approach to the integration of social networks in the teaching of a foreign language, we have proposed the technology of network communicative project activities, and also formulated a

mechanism for its implementation in the VKontakte social network. This technology assumes the obligatory presence of two stages: constructive and communicative, corresponding to the principles of the communicative-connective approach. At the *constructive* stage, students are invited to publish foreign-language content on a social network in accordance with a specific communicative task, due to which a series of network events is created in the social network. At the *communicative* stage, students comment on each other's publications, engaging in written dialogic communication in a foreign language. As a result of the network communication of students as part of the work on the project task, a volume of correspondence in a foreign language is created in the social network, which can be analyzed in accordance with the criteria for the measurement of the level of the written conversational skills in a foreign language.

Keywords: written speech, dialogic speech, computer-mediated communication, virtual correspondence, electronic communication, social networks, project activities

For citation: Glumova, E.P. & Panchenko, Yu.Yu. (2022) Communicative and connective integration of social networking sites as a tool for development of undergraduate students' written conversational skills in a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 182–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/19

Введение

В современную эпоху развития глобальных коммуникаций, опосредованных информационными технологиями, возникают и широко распространяются такие новые формы общения, как переписка в социальных сетях, мессенджерах. В условиях возникновения подобных новых форм общения компетентный специалист в области иностранного языка должен быть способен поддерживать коммуникацию на иностранном языке в виртуальном пространстве интернета. Более того, речь идет больше не только об обмене электронными письмами личного либо делового характера на иностранном языке, но, прежде всего, о создании целого корпуса письменных текстов в самом интернет-пространстве: записи в блогах, на форумах, комментарии и электронная переписка в социальных сетях, общение в мессенджерах.

Обучающийся, будучи включенным в электронную коммуникацию в виртуальном пространстве интернета, вынужден принимать участие в межкультурном диалоге, выступая в качестве представителя родной культуры и таким образом осуществляя иноязычное общение с носителями языка. Участие в электронном межкультурном диалоге может быть как активным, так и пассивным. Пассивное участие сводится к восприятию и иноязычного интернет-контента, например, при чтении публикаций на иностранном языке в иноязычных профилях в социальных сетях, при чтении серии комментариев под открытыми публикациями, при просмотре иноязычных видеороликов, размещенных в социальных сетях (например, Instagram или TikTok). При активном участии обучающийся создает сам контент, вступая в переписку или размещая запись в блоге на иностранном языке. Видно, что общение, обуславливающее электронный межкультурный диалог, в подавляющем большинстве случаев происходит в письменной форме.

Как убедительно показала R.S. Sullivan [1], нередко случаи нарушения успешного межкультурного диалога при письменном диалогическом общении в виртуальном пространстве представителей различных культур. Зачастую обучающиеся просто переносят стратегии и тактики устной диалогической речи на письменное диалогическое общение, что в отсутствие непосредственного зрительного контакта с коммуникантом приводит к значительной потере информации

и к соответствующей неправильной интерпретацией коммуникативного намерения пишущего. Кроме того, во многих случаях обучающиеся также переносят элементы виртуального дискурса, свойственные родному языку, в общение на иностранном, что не всегда соответствует нормам иноязычной лингвокультуры.

Именно эти обстоятельства позволяют говорить о необходимости специального развития у обучающихся компетенций в письменном диалогическом общении на иностранном языке. Необходимо способствовать положительному переносу умений в письменной диалогической речи, выработанных в процессе повседневного общения на родном языке, и предотвращать случаи интерференции.

Мы разделяем позицию тех лингвистов, которые говорят о письменной коммуникации в виртуальном пространстве как об особой форме речи, обладающей свойствами как устного общения, так и письменного. С одной стороны, подобная переписка, протекая в письменной (печатной) форме, является разновидностью письменной речи. С другой стороны, она по самой своей природе и сфере функционирования неразрывно связана с устной речью. Во-первых, с лингвистической точки зрения ее язык приближен к разговорному языку, а во-вторых, социологические исследования показывают, что респондентами общение в социальных сетях или мессенджерах воспринимается преимущественно как устный разговор, что заставляет их выбирать стратегии общения, свойственные устной коммуникации [2]. Можно говорить о расширении поля функционирования разговорного языка, рассматривавшегося ранее как форма устной речи, на пространство письменной коммуникации [3, 4]. Но поскольку устная коммуникация может проходить в монологической и диалогической формах, мы считаем возможным и актуальным выделять эти же формы в письменной коммуникации: так, например, запись в блоге может рассматриваться как пример письменной монологической речи, в то время как виртуальная переписка – пример письменной диалогической речи.

Письменная диалогическая речь, понимаемая как обмен репликами между коммуникантами в письменной форме, получает наибольшее выражение в виртуальной среде и, как следствие, обладает рядом языковых и речевых особенностей, присущих виртуальному пространству как пространству коммуникации.

К языковым особенностям относятся различные языковые явления, обусловленные спецификой виртуального дискурса: переосмысление орфографических и пунктуационных ошибок, использование сетевого жаргона и стилистически маркированных слов, широкое употребление различного рода морфологических и синтаксических явлений, характерных для разговорного языка.

Речевые особенности письменной диалогической речи связаны прежде всего с принятыми в виртуальном пространстве речевыми стратегиями, со способами передачи в нем невербальной информации, а также с особенностями организации коммуникации, вызванными особенностями самой виртуальной платформы (в различных жанрах).

Вследствие отсутствия непосредственного личного контакта с собеседником в письменной диалогической коммуникации особое значение приобретают письменные средства выражения эмоций – *компенсаторной виртуальной эмоциональности* (в терминологии Т.Н. Колокольцевой [5]). К таким особенностям можно отнести использование визуальных средств (смайликов, эмодзи и стикеров) для передачи эмоций и интонационной окраски сообщения и снятия за счет этого неоднозначности интерпретации высказывания. Кроме визуальных средств для выражения эмоций в письменной диалогической речи активно используются разнообразные междометия устной разговорной речи различной степени эмоциональности, междометия виртуального дискурса, а также восклицательные предложения.

Наличие подобного репертуара средств (особенно визуальных) не означает полного решения проблемы потери смысла. Как отмечает Т. Ong [6], во-первых, не для всех оттенков значения и коннотаций, которые говорящий мог бы передать с помощью той или иной интонации, существуют соответствующие визуальные средства, а во-вторых, один и тот же эмодзи может быть интерпретирован по-разному различными собеседниками. Поэтому в письменном высказывании неизбежно возникает потеря доли информации, что очень важно четко осознавать и при необходимости прибегать к средствам уточнения у собеседника того, что он имел в виду под той или иной репликой. Именно поэтому важное значение приобретает правильная формулировка высказывания или переформулирование уже отправленного, но неверно понятного сообщения. Отсутствие непосредственного контакта с собеседником вынуждает коммуникантов прибегать к таким формулировкам высказываний, которые были бы адекватно восприняты собеседником и провоцировали бы его на ожидаемую ответную реакцию.

Кроме того, необходимо постоянно показывать собеседнику готовность продолжать коммуникацию и способствовать эвристичному – информационно насыщенному и адресному – общению. Здесь это еще более важно, чем в устном диалоге, так как в устном живом общении при взгляде на собеседника обычно автоматически понятно, ожидать от него ответа на реплику или нет, однако при письменном общении, поскольку увидеть собеседника возможности не представляется,

необходимо постоянно показывать ему готовность продолжить общение и заинтересованность в нем.

Таким образом, письменная диалогическая речь, стоящая на пересечении традиционных устной диалогической и письменной форм коммуникации, имеет свойства, как общие с ними обеими, так и отличающиеся от них. Наличие подобной особой системы свойств позволяет говорить о ее особом статусе, не сводимом исключительно к механическому совмещению устной диалогической и письменной речи, тем самым обуславливая необходимость включения ее в процесс обучения иностранному языку.

Цель исследования – рассмотреть возможности коммуникативно-коннективной интеграции социальных сетей в процесс преподавания иностранного языка для развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата.

Авторы поставили следующие задачи:

- сформулировать группы умений, составляющих речевой компонент иноязычной коммуникативной компетенции в письменной диалогической речи студентов бакалавриата;
- обосновать эффективность коммуникативно-коннективной интеграции социальных сетей в образовательный процесс для развития выделенных умений;
- сформулировать алгоритм организации проектной деятельности в социальных сетях для развития умений иноязычной письменной диалогической речи с учетом коммуникативно-коннективного подхода.

Исследование проведено с применением теоретических методов: изучение филологических, педагогических и методических работ отечественных и зарубежных исследователей, анализ и обобщение.

Группы умений письменной диалогической речи: прагматические и дискурсивные умения

Поскольку письменное диалогическое общение, как было отмечено, протекает в подавляющем большинстве случаев в электронном пространстве интернета, в рамках компетентностного подхода его следует рассматривать в контексте формирования компетенции в иноязычной электронной коммуникации. Исследователями (И.Н. Розина [7, 8], В.Н. Spitzberg [9], U. Bunz [10]) предлагались различные модели компетенции в сфере собственно электронной коммуникации. Однако их модели касались в первую очередь электронной коммуникации на родном языке. Кроме того, в этих моделях электронная коммуникация понимается крайне широко и больше соответствует компьютерно-опосредованной коммуникации. Н.А. Кочетурова [11] предлагает модель «компетенции в сфере иноязычной электронной коммуникации», рассматривая ее как область пересечения коммуникативных компетенций, общих компетенций и компетенций в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-компетенций).

В лингводидактических целях нам все же представляется более целесообразным расширить понятие иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) на поле письменной диалогической речи. В.В. Сафонова

рассматривает ИКК как «определенный уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками, умениями, позволяющий обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение в зависимости от функциональных факторов одноязычного или двуязычного общения, создающий основу для коммуникативного билингвального развития» [12. С. 97].

Речевая компетенция, будучи одним из компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, связывается ею с умениями осуществлять собственно речевую деятельность, проявляющимися в осознании и владении обучающимися правилами речевого поведения, в способности «порождать и варьировать иноязычную речь и коммуникативно корректно интерпретировать содержание аутентичной речи на иностранном языке» [12. С. 97]. В случае письменного диалогического общения речевая компетенция студентов проявляется в овладении ими особенностями порождения и понимания иноязычного диалогического высказывания в письменной форме с учетом отсутствия непосредственного зрительного контакта с собеседником и связанных с этим необходимостью дополнительного письменного выражения прагматической информации и интенсивным поддержанием развития диалогического высказывания.

Методически осмыслив перечисленные группы особенностей письменной диалогической речи, мы сформулировали следующие умения, составляющие структуру речевого компонента иноязычной коммуникативной компетенции в письменной диалогической речи:

- У1. Умение передать прагматическую информацию сообщения виртуальными средствами (текстуральными и визуальными), принятыми в стране изучаемого иностранного языка;
- У2. Умение интерпретировать прагматическую информацию иноязычного сообщения собеседника, приняв во внимание содержащиеся в нем прагматические виртуальные средства;
- У3. Умение избегать коммуникативных тупиков с помощью продуктивных сообщений на иностранном языке;
- У4. Умение кларифицировать содержание и эмоциональный фон сообщения собеседника при ведении переписки на иностранном языке;
- У5. Умение предвосхитить (антиципировать) реакцию собеседника на сообщение и в соответствии с этим выстраивать собственное высказывание на иностранном языке;
- У6. Умение учесть регистр виртуального общения при построении собственного высказывания на иностранном языке.

Умения У1 и У2 могут быть отнесены, на наш взгляд, к группе *прагматических умений* – связанных с выражением и пониманием прагматической информации, переданной виртуальными средствами с учетом отсутствия зрительного контакта собеседников друг с другом. Студентов следует обучить оперированию средствами *компенсаторной виртуальной эмоциональности*, бытующими в иноязычной лингво-

культуре. К таковым, в случае английской лингвокультуры, можно отнести следующие:

- смайлы и эмодзи, принятые в англоязычных странах;
- междометия виртуального дискурса (например, аббревиатуры LOL, ROFL, WTF и ономотопея Ahahah);
- междометия устной разговорной речи (*Wow! Oh god!*);
- использование рамочной конструкции из двух астерисков для эксплицитного пояснения эмоции (например, *Gasps* «вздыхает»);
- удвоение букв для эмоционального выделения (*That's niiiceeee!!*);
- использование многоточия для передачи иронической, саркастической интонации, а также для выражения недовольства (*I am really glad...*);
- использование восклицательного знака вместо точки для выражения заинтересованности в коммуникации (*That's wonderful! What a horrible thing to do!*);
- использование нескольких восклицательных знаков для эмфатического выделения высказывания (*I think so!!!*);
- использование астериска и тильды для передачи иронии (**You would prefer~*);
- использование тройной запятой для передачи шутки (*I will definitely buy it,,,*);
- использование заглавных букв для передачи сильной эмоции (*those people DON'T AGREE*).

Умения У3-У6 связаны с организацией и построением иноязычного письменного диалогического высказывания и потому могут быть охарактеризованы как *дискурсивные умения*.

Отсутствие непосредственного зрительного контакта с собеседником приводит к необходимости формулирования реплик диалогического высказывания таким образом, чтобы максимально уменьшить возможность неправильной интерпретации сообщения собеседником. И в частности, к необходимости показывать собеседнику готовность продолжить общение и заинтересованность в нем. Для этой цели важно научить обучающихся использованию разнообразных *коммуникативных триггеров* – тактик стимулирования собеседника к продолжению коммуникации. Коммуникативными триггерами в письменной диалогической коммуникации могут быть прямые вопросы собеседнику, а также информационно и эмоционально насыщенные сообщения.

Умелое использование коммуникативных триггеров позволяет избежать *коммуникативных тупиков* – оборванных переписок, закончившихся вопросом, оставшимся без ответа, либо репликой закрытого типа – не несущей какой-либо информации, за которую собеседник мог бы зацепиться, чтобы дальше развить тему (например, «*Okay*», «*I see*»). Обратим внимание, что подобные коммуникативные тупики (особенно первого типа) крайне редки в устной диалогической коммуникации, но достаточно частотны в письменном диалоге, где могут рассматриваться как пример неуспешной коммуникации, по крайней мере, одним

собеседником. Еще более негативное впечатление от общения остается при завершении подобной реплики точкой.

На наш взгляд, можно выделить следующие коммуникативные триггеры:

- вопросительные предложения;
- реплики, содержащие средства компенсаторной виртуальной эмоциональности и направленные на собеседника (эмотивные адресные реплики);
- информационно насыщенные предложения (и реплики).

Разница между эмотивными адресными и неадресными репликами заключается в том, что первые выражают эмоции таким образом, что собеседник вынужден прокомментировать их либо задать в свою очередь вопрос по их поводу, в то время как неадресные эмотивные реплики служат исключительно для смягчения категоричности высказывания и снятия неоднозначности. Например, эмотивной адресной репликой будет «Окау оО», где удивленный смайл в сочетании с утвердительным наречием Окау вызывает желание задать вопрос, в чем причина такого контраста. Эмотивной неадресной репликой же будет «Окау :)», в которой отсутствует стимул для ответного высказывания. Это пример завершающей реплики, где средство компенсаторной виртуальной эмоциональности «:)» вместе с наречием Окау служит для передачи позитивного согласия с предыдущей репликой собеседника.

Наличие коммуникативных триггеров превращает сообщение в *продуктивное* – иными словами, способствующее развитию диалогического общения. Чем более продуктивными являются сообщения собеседников, тем более насыщенной будет коммуникация. Так, например, на сообщение-стимул *I went to London last month* («Я в прошлом месяце съездил в Лондон») сообщение-реакция *Really? How did you like it?* («Неужели? Как это вам понравилось?») будет продуктивным, в то время как одиночное сообщение-реакция *Really?* («Неужели?») в большинстве случаев таковым не является, поскольку не стимулирует продолжение общения. Однако при добавлении невербального коммуникативного триггера в виде удивленного (*Really?oO*) либо восхищенного смайлика (*Really? *_**) сообщение сразу становится продуктивным, поскольку передает собеседнику дополнительную информацию (в данном случае о том, что факт посещения Лондона удивил или восхитил коммуниканта) и, таким образом, дает ему возможность продолжить общение.

В соответствии с использованным коммуникативным триггером продуктивные сообщения можно подразделить на *адресные* (содержащие прямой вопрос собеседнику либо направленные на собеседника средство компенсаторной виртуальной эмоциональности) и *информативные* (содержащие достаточное количество информации для вызова ответной реакции собеседника). Необходимо специально обучать студентов способам увеличения продуктивности (адресности и информативности) сообщений, показывая им разнообразные приемы использования коммуникативных триггеров, и

мотивируя их избегать коммуникативных тупиков при письменном диалогическом общении (У3).

Умение У4 связано с необходимостью в процессе переписки уточнения и разъяснения (*кларификации*) речевой интенции собеседника, а также уточнения и разъяснения прагматической информации сообщения. Обучающиеся должны уметь переспросить собеседника (*Did you mean that...?*, *Am I right that...?*, *What do you mean by...?*) и в случае антиципации возможного непонимания собеседником отправленного ему сообщения помочь ему, эксплицитно разъяснив свое коммуникативное намерение (*I mean that...*, *I wanted to say that...*).

Успешность письменного диалогического общения во многом обусловлена также уровнем развития умения предвосхитить реакцию собеседника на отправленное сообщение и сформулировать его наиболее удачным образом в соответствии с предполагаемой реакцией (У5). Антиципируемая реакция приводит к необходимости выбора подходящих средств компенсаторной виртуальной эмоциональности и определения степени продуктивности отправляемого сообщения.

Особо следует упомянуть умение У6, связанное с адекватностью высказывания регистру виртуального общения. Важность данного умения обусловлена функционированием в виртуальном общении особого виртуального дискурса, овладение основными элементами которого необходимо для успешности виртуальной переписки. Дело в том, что полное отсутствие элементов виртуального дискурса в сообщении может быть воспринято собеседником негативно. Хрестоматийным стал пример негативного отношения к точке в конце предложения в виртуальной коммуникации. Таким образом, обучающийся должен уметь варьировать стиль диалогического высказывания в зависимости от собеседника, увеличивая количество элементов виртуального дискурса в своем сообщении, либо ограничивая их.

Проанализировав ряд работ, посвященных языковым особенностям виртуального дискурса английского языка [1, 13], мы считаем необходимым включить в содержание обучения письменной диалогической речи следующие языковые единицы:

лексические единицы:

- сокращения (например, w/o вместо without);
- аббревиатуры (например, omg вместо Oh my god);
- особые виртуальные наречия (например, ahahah для обозначения смеха);
- устойчивые эрративы (например, girlz вместо girls);

грамматические единицы:

- стяжения различного рода (*wanna* вместо want to, *gonna* вместо going to);
- эллипсис личного местоимения в функции подлежащего в предложении (*never saw it* вместо I never saw it);
- избегание перфектных глагольных форм (*never saw it* вместо I have never seen it, *I'm studying it* for 3 months вместо I have been studying it for 3 months);

орфографические единицы:

– особые устойчивые орфографические замены букв и буквосочетаний (например, u вместо uou, 4 вместо fog);

пунктуационные единицы:

– избегание точки в конце утвердительного предложения;

– использование вопросительного знака в утвердительном предложении для выражения неуверенности (uptalk);

– опущение пунктуационных знаков для передачи естественного потока речи в относительно коротких сообщениях.

Следует обращать внимание студентов на уместность выбора тех или иных единиц виртуального дискурса при общении с тем или иным собеседником. Письменная коммуникация, протекающая в виртуальном пространстве, в большинстве случаев соответствует неформальным регистрам общения, где допускается пренебрежение нормативными правилами оформления высказывания. Однако ряд явлений, считающихся ошибочными с точки зрения правил литературного языка, признаются допустимыми и в некоторых случаях даже общепринятыми с точки зрения письменной разговорной речи. На наш взгляд, обучающиеся должны уметь четко понимать, в каком регистре должна проходить переписка с тем или иным собеседником и выбирать соответствующий «уровень разговорности» письменной речи. Так, например, в деловом регистре общения следует приближать коммуникацию к нормам литературного языка, однако с учетом возможных общепринятых языковых особенностей письменной разговорной речи. В дружеской же беседе, по нашему мнению, допустимо большее использование специфически виртуальных языковых средств, а также интернет-сленга. Например, реплики *What are you doing?*, *what are you doing?*, *what are you doing??*, *what are u doin'* уместны в переписках с различными собеседниками (перечислены в порядке уменьшения степени формальности общения).

Справедливо утверждать, что чем большее число элементов виртуального дискурса присутствует в диалоге, тем более неформальным воспринимается общение. Поэтому необходимо четко осознавать степень формальности каждой письменной коммуникации в сетевом пространстве, в связи с чем следует организовывать специальные упражнения, в рамках которых студенты бы вступали в письменное диалогическое общение на английском языке в различных регистрах.

Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей: принципы и пример реализации

Поскольку письменное диалогическое общение преимущественно реализуется в социальных сетях, технологии развития выделенных нами письменно-речевых диалогических умений должны базироваться на интеграции в образовательный процесс социальных сетей и организации в них иноязычного письменного диалогического общения.

Анализ методической литературы показал, что пока еще лингводидактический потенциал социальных сетей остается до конца не изученным. По нашим наблюдениям, чаще всего отмечается использование социальных сетей как средства доступа к созданному кем-то аутентичному контенту либо как платформа для создания блога. Хотя следует отметить, что некоторые авторы [14–16] приводят примеры и иных заданий, предполагающих возникновение разнообразной коммуникативной активности обучающихся в социальной сети. При этом, однако, диалогическое общение как цель разработки заданий в социальной сети, в целом, методистами не ставится.

На наш взгляд, для развития умений иноязычной письменной диалогической речи студентов интеграция социальных сетей обучения иностранному языку должна происходить с учетом коммуникативного и коннективного подходов.

С точки зрения коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам социальную сеть следует рассматривать в первую очередь как платформу, внутри которой происходит коммуникативная деятельность обучающихся иностранному языку. Одним из ключевых понятий коммуникативного подхода является понятие ситуации общения, определяющейся как «совокупность речевых и неречевых условий», в которых протекает устное и письменное общение. Приложение коммуникативного подхода к общению в социальной сети предполагает, таким образом, создание серии виртуальных (сетевых) ситуаций общения, целью которых является стимулирование речевого поведения студентов.

Коммуникативное использование социальных сетей для формирования письменно-речевых умений, по нашему наблюдению, в большинстве случаев сводится к ведению в той или иной форме блога в социальной сети. Однако сам по себе блог не предполагает целенаправленную работу по организации диалогической речи. В связи с этим для учета диалогического компонента письменного общения мы предлагаем дополнить коммуникативный подход к интеграции социальных сетей коннективной составляющей.

В настоящее время в цифровой педагогике получает распространение так называемый *коннективный подход* [17]. Согласно коннективизму знания рассматриваются как существующие в отдельных узлах, и целью обучения, соответственно, признается установление связей между такими отдельными узлами. Социальная сеть с точки зрения коннективизма предполагает формирование «группы взаимосвязанных людей, которые способны усиливать и поддерживать потоки знания». Коннективная интеграция социальных сетей в обучение иностранным языкам, следуя этой логике, рассматривает каждого пользователя как потенциального коммуникативного агента, готового в любой момент вступить в диалогическое общение с другим пользователем. Виртуальные ситуации общения, создаваемые преподавателем в социальной сети, должны учитывать такое позиционирование пользователя и способствовать внутрисетевой интеракции различных пользователей друг с другом.

В качестве примера учета положений коннективизма при интеграции социальных сетей в обучение иностранным языкам можно привести задания, способствующие возникновению переписки в комментариях на иностранном языке с обсуждением некоторой заранее установленной проблемы. Переписка может быть вызвана целенаправленным размещением в профиле контента либо дискурсивным построением текста, включающего задание прямого вопроса подписчикам в случае написания блога.

Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей в обучение иностранным языкам базируется, таким образом, на положениях коммуникативного и коннективного подходов и рассматривает коммуникативную деятельность обучающихся как виртуальное внутрисетевое диалогическое общение на иностранном языке обучающихся в рамках целенаправленно организованных виртуальных сетевых ситуаций общения. Поскольку такое общение в подавляющем большинстве случаев проходит в письменной форме, коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей создает благоприятные условия для развития умений иноязычной письменной диалогической речи обучающихся.

Одной из технологий, наиболее подходящих для коммуникативно-коннективной интеграции, является, на наш взгляд, технология проектной деятельности. Как известно, тенденции развития современного общества требуют расширения проектной деятельности на новые сферы жизнедеятельности обучающихся, создания новых методов ее организации с помощью новых информационных технологий. По замечанию Е.М. Шульгиной, «в последнее время реализацию метода проектов все чаще связывают с использованием информационно-коммуникационных технологий» [18. С. 4].

Информационные технологии, вследствие собственного разнообразия, предоставляют колоссальные возможности для диверсификации проектной деятельности, позволяют создавать новые типы проектов, отвечающие самым различным задачам. В целях развития умений иноязычной письменной диалогической речи обучающихся с помощью проектной деятельности представляется особенно перспективным использование информационных технологий, по своей сути направленных на организацию коммуникации и социального взаимодействия, – социальных сетей.

Мы предлагаем выделять в рамках проектной деятельности особый подвид – сетевую коммуникативную проектную деятельность, предполагающую создание в социальной сети в соответствии с проектным заданием некоторого контента и организации виртуальной коммуникации в процессе его создания. Таким образом, иноязычная коммуникация в сетевом коммуникативном проекте (СКП), получающая реализацию в форме именно письменной диалогической речи, выступает одной из главных целей проектной работы, а одним из критериев результативности электронного коммуникативного проекта становится успешность коммуникативной деятельности участников проекта.

Для организации СКП оправданным представляется использование мобильных приложений социальных сетей. Мы разделяем мнение А.П. Авраменко и С.В. Титовой о том, что семантические коммуникативные сервисы и мобильные приложения выводят проектную деятельность на новый виток развития, что достигается с помощью общения в семантических социальных сетях – социальных сервисах, предполагающих накопление знаний пользователями, обладающими возможностью не просто создавать, но и структурировать цифровую информацию [16].

Для эффективного развития умений иноязычной письменной диалогической речи представляется целесообразным организовывать сетевой коммуникативный проект в соответствии с четырехступенчатым алгоритмом:

1) на *предварительном* этапе совместно с обучающимися обсуждается тематика проекта. Имея возможность выбора между различными вариантами, обучающиеся могут осознанно и заинтересованно подойти к формулированию проектного задания. В процессе аудиторного обсуждения формулируются проблема, проектное задание, определяются этапы работы и формируются мини-группы (в случае группового) проекта;

2) на *конструктивном* этапе в соответствии со сформулированным проектным заданием в социальной сети создаются собственные иноязычные профили обучающихся, которые затем наполняются релевантной для выполнения проектного задания информацией;

3) третий – *коммуникативный* – этап проекта предполагает коммуникацию внутри социальной сети на изучаемом иностранном языке по результатам проектного задания в соответствии с коммуникативной задачей;

4) на *заключительном* этапе проекта подводятся его итоги. В силу специфики электронного коммуникативного проекта подведение итогов может быть осуществлено виртуально различными онлайн-средствами. Возможна и традиционная аудиторная групповая презентация результатов проекта с последующим обсуждением.

Принципиально важным является наличие в алгоритме конструктивного и коммуникативного этапов. По результатам работы на конструктивном этапе в социальной сети в соответствии с проектным заданием создается определенный контент, который выступает отправным пунктом для организации иноязычного общения на коммуникативном этапе. Это позволяет спланировать целенаправленную работу по организации и управлению иноязычной перепиской участников друг с другом. Необходимо оговориться, что наличие отдельного коммуникативного этапа не означает отсутствия коммуникации в рамках конструктивного этапа проекта. В зависимости от проектного задания конструктивный этап проекта может быть успешно реализован только с помощью коммуникации участников проекта между собой (в случае групповых проектов, например).

В большинстве случаев (даже в проектах на ино-

странном языке) на этапе выполнения проектного задания, связанного с формированием в качестве результата некоторого продукта, коммуникация внутри группы участников происходит на их родном языке, поскольку так оказывается проще и быстрее выполнить проектное задание. В результате иностранный язык оказывается представленным исключительно на этапе создания готового продукта и затем на этапе его презентации. Такое обстоятельство фактически приводит к исключению из проектной работы возможности развития у участников диалогической речи на изучаемом иностранном языке. Наличие коммуникативного этапа в проекте позволяет избежать этого, поскольку, по сути, приводит к возникновению в рамках проекта *диалогического общения, протекающего в письменной форме*.

Для успешного решения проектного задания сетевой коммуникативный проект предполагает обязательное решение определенных коммуникативных задач в процессе работы, за счет чего получает реализацию коммуникативный подход. Сетевая же природа проекта, вызывающая обязательное интерактивное взаимодействие пользователей друг с другом внутри социальной сети, обуславливает реализацию коннективного подхода. Таким образом, можно говорить, что сетевой коммуникативный проект – яркий пример коммуникативно-коннективной технологии.

Рассмотрим некоторые способы организации конструктивного и коммуникативного этапов сетевого коммуникативного проекта в социальной сети «ВКонтакте». На конструктивном этапе во «ВКонтакте» обучающиеся размещают публикации на иностранном языке в соответствии с определенным коммуникативным заданием. Конструктивный этап может быть организован в специально созданном сообществе, куда будут подписаны все участники проекта. В этом сообществе будет размещаться контент на конструктивном этапе. Кроме того, контент может быть размещен и в личных профилях участников проекта, однако в таком случае для удобного взаимодействия пользователей друг с другом следует предложить каждому из них подписаться на уведомления друг друга. В таком случае каждая вновь размещенная публикация автоматически появится в новостной ленте всех участников проекта. По завершении конструктивного этапа в профилях пользователей либо в специальном сообществе создана серия публикаций, каждая из которых становится базой для организации письменного диалогического общения.

На коммуникативном этапе обучающиеся комментируют публикации, размещенные друг другом на конструктивном этапе. Преподавателю необходимо продумать, каким образом стимулировать переписки обучающихся друг с другом. Коммуникативная задача для комментирования может быть предложена им самим (например, выразить свое отношение к публикациям других участников, узнать дополнительную информацию и т.п.), а может быть включена в саму публикацию. Во втором случае обучающиеся формулируют текст публикации дискурсивно – сопровождая его вопросом к пользователям.

Преподаватель читает в комментариях к публикациям переписки обучающихся друг с другом и в случае необходимости модерирует. Особенно это касается тех переписок, в которых возникают коммуникативные тупики различного рода либо в которых обучающиеся отклонились от темы обсуждения.

По завершении коммуникативного этапа следует провести рефлексию по поводу письменного диалогического общения обучающихся друг с другом, обратив внимание на следующие моменты:

- на количество количество и уместность использованных ими средств компенсаторной виртуальной эмоциональности;

- степень продуктивности отправленных ими сообщений;

- длины получившихся переписок.

Для целенаправленного развития умений иноязычной письменной диалогической речи целесообразной предполагается непрерывная интеграция сетевых коммуникативных проектов в образовательный процесс. Мы предлагаем два возможных способа такой интеграции. Первый способ предполагает организацию в конце каждого модуля (либо темы/подтемы) СКП, связанного с тематикой текущей аудиторной работы. В данном случае каждый СКП будет предполагать использование вновь пройденного студентами учебного материала, однако не предполагается тематической связи отдельных СКП друг с другом. Речь, скорее, идет о серии единократных проектов, отвечающих тематическому плану курса. Второй способ связан с организацией *циклических* СКП, которые по самой своей сути предполагают последовательность связанных друг с другом проектов. Ярким примером циклического СКП является виртуальный «Цифровой парламент», каждый этап которого представляет собой дискуссионную сессию работы условного парламента в социальной сети.

Оба способа приводят к тому, что целенаправленная работа по развитию умений иноязычной письменной диалогической речи студентов органично интегрируется в учебный процесс. Причем в силу обозначенной специфики организации СКП в сети «ВКонтакте» эта интеграция носит ярко выраженный коммуникативно-коннективный характер.

Заключение

В статье предпринята попытка обосновать правомерность рассмотрения письменной диалогической речи как одного из объектов овладения при обучении иностранному языку. По результатам анализа ряда лингвистических исследований выделены языковые и речевые особенности письменной диалогической речи на английском языке, что дало возможность сформулировать две основные группы речевых умений: прагматических и дискурсивных.

Прагматические умения связаны с овладением обучающимися виртуальными средствами передачи прагматической информации в условиях отсутствия непосредственного зрительного контакта собеседников друг с другом. Ключевое значение здесь приобре-

тает формирование у студентов навыков использования визуальных и текстовых средств компенсаторной виртуальной эмоции.

Дискурсивные умения определяются необходимостью выстраивания письменного диалогического высказывания в условиях отсутствия непосредственного зрительного контакта собеседников друг с другом. Нами выделены умения, связанные с повышением продуктивности отправления сообщений, кларификацией сообщений собеседника, а также с антиципацией реакции собеседника на отправляемое сообщение. Кроме того, важную роль играет овладение студентами основными элементами виртуального дискурса, что позволяет им варьировать регистр общения в виртуальной переписке.

Для развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи нами предложена технология сетевой коммуникативной проектной деятельности, базирующаяся на коммуникативном и коннективном под-

ходах. Коммуникативный подход проявляется в создании внутри социальной сети цепочки ситуаций общения, в рамках которых обучающиеся вынуждены решать определенные коммуникативные задачи. Коннективный подход проявляется в такой форме организации работы в социальной сети, которая необходимо приводит к вступлению обучающихся в иноязычное письменное диалогическое общение друг с другом. Нами также приведен пример реализации сетевого коммуникативного проекта в социальной сети «ВКонтакте».

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в экспериментальной проверке эффективности предложенной нами технологии сетевой коммуникативной проектной деятельности для развития умений иноязычной письменной диалогической речи, а также в разработке иных технологий развития соответствующих умений на основе коммуникативно-коннективной интеграции социальных сетей в образовательный процесс.

Список источников

1. Sullivan R.S. Comparing the interpretation of text message punctuation by native and non-native English speakers. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Teaching of English as a Second Language in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana-Champaign, 2019. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/104889/SHAW-THESIS-2019.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
2. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii> (дата обращения: 02.02.2021).
3. Кронгауз М.А. «Лыдыбр» от блогера. Или как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка. URL: <https://rusmir.media/2009/06/01/internet>
4. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004.
5. Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Флинта, 2016. 328 с.
6. Ong T. Samsung is finally updating its terrible emoji // The Verge. 2018. URL: <https://www.theverge.com/2018/2/12/17004488/samsung-experience-9-emojiandroid-oreo-update>
7. Розина И.Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса // Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 2 / под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБПИ, 2004. С. 217–226.
8. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация. Теория и практика. М.: Логос, 2005. 460 с.
9. Spitzberg V.H. Preliminary development of a model and measure of computer-mediated communication (CMC) competence // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. № 11 (2). Art 12. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol11/issue2/spitzberg.html>
10. Bunz U. Using scantron versus an audience response system for survey research: Does methodology matter when measuring computer-mediated communication competence? // Computers in Human Behavior. 2005. № 21. P. 343–359. URL: http://comm2.fsu.edu/faculty/comm/bunz/CHB_21_2.pdf
11. Кочегурова Н.А. Компетенция в сфере иноязычной электронной коммуникации // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам: материалы 2-го междунар. семинара, Омск, 5–6 июня 2007 г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 5–15.
12. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: ИСТОКИ, 1996. 239 с.
13. Frissell N.A. Text as speech: a new analytical framework for computer mediated communication. Seattle Pacific University. Digital Commons SPU. Spring June 7th, 2019.
14. Онорин Д.Е. Обучение иностранному языку взрослых с использованием социальной сети на основе формирования учебной самостоятельности: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2018.
15. Титова С.В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. М.: Икар, 2014. 240 с.
16. Титова С.В., Авраменко А.П. Мобильное обучение иностранным языкам. М.: Икар, 2004.
17. Сименс Дж. Коннективизм: теория обучения для цифровой эпохи // Интерактивное образование. 2018. С. 50–55.
18. Шульгина Е.М. Методика формирования коммуникативной компетенции студентов посредством технологии веб-квест: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2013. 22 с.

References

1. Sullivan, R.S. (2019) *Comparing the interpretation of text message punctuation by native and non-native English speakers*. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Teaching of English as a Second Language in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana-Champaign, [Online] Available from: <https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/104889/SHAW-THESIS-2019.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
2. Lutovinova, O.V. (2008) Internet kak novaya “ustno-pis'mennaya” sistema kommunikatsii [The Internet as a new “oral-written” communication system]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 71. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii> (Accessed: 02.02.2021).
3. Krongauz, M.A. (2009) “Lydybr” ot blogera. Ili kak internet-yazyk delaet pis'mennuyu rech' formoy sushchestvovaniya razgovornogo yazyka [“Lydybr” from a blogger. Or how the Internet language makes written speech a form of the spoken language's existence]. [Online] Available from: <https://rusmir.media/2009/06/01/internet>
4. Vinogradova, T.Yu. (2004) *Spetsifika obshcheniya v internete. Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokulturologicheskiy aspekt* [The specifics of communication on the Internet. Russian and Comparative Philology: A linguoculturological Aspect]. Kazan: Kazan Federal University.

5. Kolokol'tseva, T.N. & Lutovinova, O.V. (2016) *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow: Flinta.
6. Ong, T. (2018) Samsung is finally updating its terrible emoji. *The Verge*. [Online] Available from: <https://www.theverge.com/2018/2/12/17004488/samsung-experience-9-emojiandroid-oreo-update>
7. Rozina, I.N. (2004) Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya v praktike obrazovaniya i biznesa [Computer-mediated communication in the practice of education and business]. In: *Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya*. *Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy asotsiatsii* [Communication Theory & Applied Communication. Bulletin of the Russian Communication Association]. Vol. 2. Rostov-on-Don: IUBIP. pp. 217–226.
8. Rozina, I.N. (2005) *Pedagogicheskaya komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya. Teoriya i praktika* [Pedagogical computer-mediated communication. Theory and practice]. Moscow: Logos.
9. Spitzberg, B.H. (2006) Preliminary development of a model and measure of computer-mediated communication (CMC) competence. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 11 (2). Art 12. [Online] Available from: <http://jcmc.indiana.edu/vol11/issue2/spitzberg.html>
10. Bunz, U. (2005) Using scantron versus an audience response system for survey research: Does methodology matter when measuring computer-mediated communication competence?. *Computers in Human Behavior*. 21. pp. 343–359. [Online] Available from: http://comm2.fsu.edu/faculty/comm/bunz/CHB_21_2.pdf
11. Kocheturova, N.A. (2007) [Competency in the field of foreign language electronic communication]. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obuchenii inostrannym yazykam* [Information and communication technologies in teaching foreign languages]. Proceedings of the 2nd International Seminar, Omsk. 5–6 June 2007. Omsk: Omsk State University. pp. 5–15. (In Russian).
12. Safonova, V.V. (1996) *Izuchenie yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsiy* [The study of languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations]. Voronezh: ISTOKI.
13. Frissell, N.A. (2019) *Text as speech: a new analytical framework for computer mediated communication*. Seattle Pacific University. Digital Commons SPU. Spring. June 7th, 2019.
14. Onorin, D.E. (2018) *Obuchenie inostrannomu yazyku vzroslykh s ispol'zovaniem sotsial'noy seti na osnove formirovaniya uchebnoy samostoyatel'nosti* [Teaching a foreign language to adults using a social network based on the formation of educational independence]. Pedagogics Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
15. Titova, S.V. (2014) *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v gumanitarnom obrazovanii: teoriya i praktika* [Information and communication technologies in humanitarian education: theory and practice]. Moscow: Ikar.
16. Titova, S.V. & Avramenko, A.P. (2004) *Mobil'noe obuchenie inostrannym yazykam* [Mobile learning of foreign languages]. Moscow: Ikar.
17. Siemens, G. (2018) Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. *Interaktivnoe obrazovanie*. pp. 50–55. (In Russian).
18. Shul'gina, E.M. (2013) *Metodika formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii studentov posredstvom tekhnologii veb-kvest* [Methodology for the formation of students' communicative competence through web quest technology]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Tambov.

Информация об авторах:

Глумова Е.П. — канд. пед. наук, начальник научно-исследовательской лаборатории инновационной лингводидактики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

Панченко Ю.Ю. — старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: panyurij@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Glumova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Laboratory of Innovative Foreign Language Teaching, associate professor. Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

Yu.Yu. Panchenko, senior lecturer at the Department of Foreign Languages, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: panyurij@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 15.05.2022;
approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 373
doi: 10.17223/15617793/482/20

Инновационная технология комбинационного вида как технология педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося

Вера Михайловна Жураковская^{1, 4}, Анастасия Викторовна Фахрутдинова^{2, 5},
Ольга Анатольевна Оличева^{3, 6}

¹Академия социального управления, Москва, Россия
²Казанский федеральный университет, Казань, Россия
³Лицей г. Истра, Россия
⁴gvera66@mail.ru
⁵avfach@mail.ru
⁶licey-istra@mail.ru

Аннотация. Раскрывается проблема технологического обеспечения процесса развития индивидуальности обучающихся в общеобразовательном учреждении. Разработана модель педагогической технологии комбинационного вида, относящейся к технологии педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося. Предложены теоретические положения, связанные с разработкой структурных компонентов модели технологии комбинационного вида.

Ключевые слова: технология комбинационного вида, развитие индивидуальности обучающегося, модель педагогической технологии

Для цитирования: Жураковская В.М., Фахрутдинова А.В., Оличева О.А. Инновационная технология комбинационного вида как технология педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 192–205. doi: 10.17223/15617793/482/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/20

Innovative technology of a combination type as a technology of pedagogical support for the student's individuality development

Vera M. Zhurakovskaya^{1, 4}, Anastasia V. Fakhrutdinova^{2, 5}, Olga A. Olicheva^{3, 6}

¹Academy of Social Management, Moscow, Russian Federation
²Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
³Istra Lyceum, Moscow, Russian Federation
⁴gvera66@mail.ru
⁵avfach@mail.ru
⁶licey-istra@mail.ru

Abstract. The results of the study include methods of psychological and pedagogical support developed and introduced into the educational practice of schools. These methods determine the development of the student's individuality, including pedagogical technology of a combination type. The research novelty is the developed technological model of pedagogical support for the development of the student's individuality, based on the technology of a combination type. The pedagogical technology of a combination type is a system of technologies, teaching methods as an inseparable unity, integrity, united by a common plan, idea, algorithm. By combination pedagogical technology we mean a technology developed on the basis of a new or well-known scientific concept and representing an integral system of technologies, teaching methods, known and modernized, the algorithm of interaction that is focused on the implementation of the planned results. The theoretical significance of the research is theoretical provisions related to the development of structural components of the model of pedagogical technology of a combination type: conceptual, substantive, procedural, analytical, reflective. The practical significance of the research results is the development of a specific technology – a game pedagogical technology of a combination type for training multi-level students, Federal Assembly of the Country of Entrepreneurs, which determines the pedagogical support for the development of the student's individuality. The analysis of the results of experimental work on the implementation of pedagogical support of the educational process, represented by the technology of pedagogical support for the development of the student's individuality (pedagogical technology of a combination type), showed a positive dynamics of the formation of

the experience of the student's individuality manifestation. This allowed the authors of the article to consider the developed technologies of pedagogical support for the development of the student's individuality effective.

Keywords: technology of a combination type, development of student's individuality, pedagogical technology model

For citation: Zhurakovskaya, V.M., Fakhrutdinova, A.V. & Olicheva, O.A. (2022) Innovative technology of a combination type as a technology of pedagogical support for the student's individuality development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 192–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/20

Введение в проблему

Гуманистическая ориентация образования является передовой педагогической мыслью и относится к мировой тенденции развития образования. К приоритетным задачам, обозначенным в международных нормативных актах ЮНЕСКО, относят в том числе воспитание человека в контексте культурных традиций, межэтнической, культурной толерантности и др. Сущность гуманизации выражается в поддержке *развития индивидуальности* человека, уважении достоинства его личности, обеспечении условий, определяющих свободный, осознанный выбор самореализации, самосовершенствования.

Становление субъектности обучающегося, выраженной в осознанном, свободном выборе учения, «самостроительства», раскрытой в положениях концепций личностно ориентированного образования, нашло отражение в приоритетных изменениях образовательной политики. *Развитие личности в её индивидуальности* является одной из важных целей современного образования. Однако, по мнению ученых, недостаточно исследована проблема управления обучающимся собственным самосовершенствованием, *развитием своей индивидуальности*, иными словами, проблема раскрытия психолого-педагогического механизма самореализации обучающегося требует дальнейшего исследования (Е.Б. Бондаревская, С.В. Кульневич) [1]. Современные исследователи (Н.Н. Абакумова [2], В.В. Беличенко [3], А.С. Войтов [4], О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк [5], А.Ю. Калугин [6], Е.Н. Митрофанова [7], А.В. Фахрутдинова и соавт. [8], S.I. Belentsov et al. [9]) также обращают внимание на недостаточную представленность теоретических позиций исследователей, раскрывающих механизмы *развития индивидуальности обучающегося*.

Таким образом, решение проблемы психолого-педагогической поддержки *развития индивидуальности обучающегося*, выраженной в раскрытии механизма самореализации обучающегося, определяющего свободный, осознанный выбор обучающимися процессов самореализации, самосовершенствования, в использовании технологий педагогической поддержки развития их индивидуальности, отвечает приоритетным направлениям образовательной политики, развития педагогической теории и практики.

Отечественные ученые и исследователи связывают развитие индивидуальности обучающегося с реализацией следующей деятельности: решение обучающимися учебных заданий, работа в группах посредством сотрудничества, распределение подростков в группы

с позиции ведущего полушария, типа восприятия информационного потока («кинестетический», «аудиальный», «визуальный») [10]; организация деятельности детских образовательных объединений в дополнительном образовании школьников, включающем досуговую деятельность обучающихся (общественно полезная, театральная, творческая деятельность и др.), обеспечивающую проявление подростком своей самости, уникальности, субъектной позиции, самовыражения в кругу подростков [11]; проектирование развивающей образовательной среды, обеспечивающей предоставление возможности обучающимся включиться в разные виды деятельности с целью самопознания своей индивидуальности, в том числе в проектно-исследовательской деятельности, организации ученических психологических лабораторий как формы обучения школьников самопознанию и др. [12]; организация модели комплексной формы индивидуально ориентированного воспитания детей, включающей алгоритм комплексной формы, ключевых дел обучающихся во внеурочной деятельности: «Азбука важных вопросов-открытий моего Я», «Стройгород наших Я», Полет-экспедиция «Открой себя в небывалое» [13]; организация деятельности, обеспечивающей перевод внешней мотивации деятельности во внутреннюю, развитие интеллектуальных способностей, развитие эмоционально-волевой регуляции деятельности школьников, сферы саморегуляции, предметно-практической и экзистенциальной сферы [5, 14, 15].

Зарубежные исследователи проблему развития индивидуальности обучающихся решают через следующие направления деятельности: проектирование модели мотивационного процесса академической успеваемости обучающихся; поддержка автономии учащихся со стороны родителей, учителей и администрации, которая положительно влияет на восприятие учащимися школьных компетенций, их самоопределение [16]; формирование лидерства, дружеской помощи обучающимся, создание условий для свободы деятельности обучающихся, их ответственности [17]; создание условий для полного раскрытия потенциала обучающегося; использование повествовательного подхода как способа развития внутренней силы учащихся, чтобы они могли внести свою жизнь в классную комнату, возможность взаимодействия с формальной учебной программой и развития своей инклюзивной индивидуальности [18]; создание условий для самосовершенствования, развития обучающегося путем освобождения его таланта, уникального для каждого человека, а также освобождение энергии для творческого установления значимых связей с другими, как преодоление дихотомии «малень-

кое я» и «большое я», иными словами – достижение «большого я» – уникальности человека [19]; терпеливое внимание к индивидуальности учащихся, совместная практика ценностей сочувственного понимания, справедливости и интеллектуального смирения, обеспечивающие противостояние опасностям глобальной среды образования [20]; развитие социальности обучающихся как развитие социальных отношений и взаимодействий, обеспечивающих развитие личности в ее индивидуальности; формирование у обучающихся умений понимать себя и других, проявлять рациональную и моральную активность, социальную и психологическую идентичность, понимать смысл своей жизни [21, 22].

Таким образом, ученые и исследователи связывают развитие индивидуальности обучающегося с реализацией его творческих способностей в учебной и внеурочной деятельности, выражающейся в раскрытии потенциала обучающегося, развитии его мотивационной сферы через поддержку автономии учащихся со стороны учителей, родителей и администрации, создание условий для его самосовершенствования, становления его социальности.

Постановка задачи

Нас интересовала разработка теоретических позиций, связанных с моделированием педагогической технологии комбинационного вида (далее ПТКВ), ориентированной на педагогическую поддержку развития индивидуальности школьника.

Поставленные задачи: 1) раскрыть теоретические позиции, положенные в основу моделирования ПТКВ; 2) на основе модели разработать конкретную ПТКВ, ориентированную на психолого-педагогическую поддержку развития индивидуальности обучающегося.

Вопросы исследования: к вопросам исследования относим теорию проектирования систем. Исходим из следующего: 1) под «педагогической технологией» понимают упорядоченную совокупность педагогических, методических и других предписаний, определяющих отбор методов, форм, средств обучения (под «упорядоченной совокупностью» подразумевают систему); 2) системное качество, как отмечают ученые, является определяющим признаком педагогической технологии; 3) моделирование является одним из этапов проектирования систем.

Цель исследования: разработка педагогического обеспечения организации образовательного процесса, обуславливающего педагогическую поддержку развития индивидуальности обучающегося.

Методы исследования: теоретические методы (освоение, анализ, обобщение научных публикаций, теоретических материалов, интернет-ресурсов и др.); методы диагностики (тестовые задания и др.); методы математикой статистики.

Нами разработаны теоретические позиции моделирования ПТКВ, рассматриваемой как «сплав», система, целостность технологий, методов обучения, представленных алгоритмом, интегрированных посредством идеи объединения. Под педагогической

технологией комбинационного вида подразумеваем технологию, представленную алгоритмом взаимодействия методов, технологий обучения, моделирование которой базируется на научной концепции, определяющей достижение поставленной цели технологии.

В основу моделирования ПТКВ положены психолого-педагогический механизм развития индивидуальности учащегося, концепция педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося [23].

Рассмотрим теоретические позиции моделирования ПТКВ, являющейся технологией педагогической поддержки развития индивидуальности учащегося.

Модель педагогической технологии комбинационного вида представлена следующими компонентами:

I компонент модели – концептуальный, включающий выявление тенденций, формулирование проблемы, определение цели технологии, ведущих идей концепции, на которых осуществляется моделирование технологии, определение научных подходов реализации технологии, закономерностей и соответствующих им принципов ее реализации, функций технологии, критериев эффективности разрабатываемой технологии.

II компонент модели – содержательный, включающий:

а) определение содержания образования, на котором реализуется технология;

б) определение критериев подбора методов, педагогических технологий для их интеграции в алгоритм реализации ПТКВ:

– критерий целеполагания, который подразумевает, что каждая отбираемая технология, каждый метод по своему целеполаганию согласуются с целевой направленностью формирования какого-либо из компонентов опыта проявления индивидуальности обучающегося (табл. 1);

– критерий альтернативности: подразумевает предоставление обучающемуся в образовательном процессе возможности осуществления осознанного, свободного альтернативного выбора деятельности, в котором проявляется индивидуальность обучающегося;

– критерий творчества требует, чтобы отбираемые технологии, методы способствовали развитию творческих, креативных способностей школьников;

– критерий диалогичности выражается в возможности организации паритетного диалога субъектов образования на основе признания уникальности каждого из его участников в рамках отбираемых технологий для их включения в ПТКВ;

– критерий поддержки индивидуального развития обучающегося предполагает организацию образовательного процесса, предусматривающего свободный выбор обучающимися типа и формы представления учебного материала, темпа продвижения по нему, способов, средств для самообразования и др. (табл. 2);

– критерий целесообразности подбора видов деятельности, входящих в ПТКВ, возрастным способностям, особенностям учащихся.

Таблица 1

Способ подбора педагогических технологий в ПТКВ по критерию целеполагания

Параметр	Компоненты опыта проявления индивидуальности обучающегося				
	Ментальный опыт	Опыт развития критического мышления	Опыт саморазвития	Духовно-нравственный опыт	Коммуникативный опыт
Отбираемые методы, педагогические технологии, на основе которых возможно формирование какого-либо из компонентов опыта проявления индивидуальности обучающегося	Например, технология разноуровневого обучения, проектная технология и др.	Например, технология развития критического мышления, проблемные кейсы и др.	Например, проектная технология, технология Book Treiler, технология портфолио и др.	Например, деловые игры; проблемные кейсы и др.	Например, работа в команде над проектом и др.

Примечание. Чтобы заполнить табл. 1, нужно знать достаточное количество педагогических технологий, которые нужно распределить так в этой таблице, чтобы они способствовали формированию одного или нескольких компонентов опыта проявления индивидуальности обучающегося.

Вначале следует осуществлять отбор технологий в состав, структуру ПТКВ в соответствии с критерием целеполагания (см. табл. 1); затем отобранные технологии подвергаются следующему отбору в соответствии с критериями альтернативности, творчества, диалогичности, поддержки индивидуального развития обучающегося (табл. 2).

Таблица 2

Способ отбора педагогических технологий для включения их в состав ПТКВ в соответствии с критериями альтернативности, творчества, диалогичности, поддержки индивидуального развития обучающегося

Педагогические технологии и методы	Критерии отбора методов, технологий для включения их в состав ПТКВ			
	альтернативного выбора	креативности	диалогового взаимодействия	поддержки проявлений индивидуальности
Диалоговые технологии		+	+	
Игровые технологии	+	+	+	
Метод исследовательской деятельности	+	+		+
Проектная технология	+	+		+
Рейтинговая технология				+
Технология уровневой дифференциации	+	+		+
Приемы формирования понятийного мышления		+		
Приемы развития критического мышления		+		

Таким образом, обобщая вышеизложенное, отметим, что подбор методов, технологий для их интеграции в состав, структуру ПТКВ был произведен следующим образом:

1) на основе концепции педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося, подразумевающей, что развитие индивидуальности обучающегося предполагает обогащение опыта проявления индивидуальности обучающегося, представленного компонентным составом: опыт критического мышления, коммуникативный опыт, опыт саморазвития, опыт духовно-нравственный, ментальный опыт (см. табл. 1); *(исходя из этого был выделен критерий целеполагания)* (В.М. Жураковская) [24];

2) на основе предписаний, относящихся к технологиям педагогической поддержки развития индивидуальности учащегося: организация образовательного процесса, предусматривающего свободный выбор обучающимися типа и формы представления учебного материала, темпа продвижения по нему (критерий поддержки проявлений индивидуальности); возможности организации паритетного диалога субъектов образования на основе призна-

ния уникальности каждого из его участников (*критерий диалогового взаимодействия*); среди отбираемых технологий для включения их в структуру ПТКВ, следует выбирать такие, которые обуславливали бы развитие творческих, креативных способностей школьников (*критерий креативности*) (Е.В. Бондаревская) [1];

3) на основе психолого-педагогического механизма развития индивидуальности обучающегося, включающего осознанный, свободный выбор деятельности (исходя из этого был определен критерий альтернативного выбора) (В.М. Жураковская) [24].

Психолого-педагогический механизм развития индивидуальности учащегося основан на управлении свободного, добровольного, осознанного выбора деятельности обучающимся из двух/нескольких противоположных деятельности, реализации, развития креативных, творческих способностей учащегося в этой деятельности (механизм перевода внешней мотивации деятельности во внутреннюю).

Психолого-педагогический механизм развития индивидуальности учащегося включает следующие действия педагога:

– педагог организует осознанный, свободный (добровольный) выбор деятельности обучающимися из двух/нескольких противоположных видов деятельности через целеполагание выбираемой деятельности на основе рефлексии с использованием техник коучинга (коучинговый подход) как понимание того, зачем? для чего?/кого?, почему? следует осуществлять выбор этой деятельности (предполагается в том числе проведение коуч-сессии);

– педагог применяет приемы, методы регуляции волевых действий, определяющие способность учеников сопротивляться факторам, сдерживающим выбор, реализацию деятельности (инертность, лень, бездействие, нежелание, безделье, апатичность и др.);

– педагог организует критическое отношение обучающихся к себе, как понимание того, какие качества индивидуальности обучающийся может проявить, развить в выбираемой деятельности (ученики заполняют карту-концепцию «Я–индивидуальность», включающую образы «Я–реальная индивидуальность», «Я–идеальная индивидуальность»);

– педагог осуществляет психолого-педагогическую поддержку обучающихся при выполнении выбранной ими деятельности;

– педагог организует рефлексии деятельности, определяющую саморегуляцию деятельности обучающимися (самодисциплину, самоконтроль), как способность обучающихся регулировать формы и содержание их активности, деятельности, общения; саморегуляция обуславливает возможность обучающихся управлять своей самореализацией в выбранной деятельности, выражающейся в развитии их творческих, креативных способностей;

– педагог организует рефлексии, осмысление обучающимися осуществленной самореализации как понимание ее значимости, ценности, необходимости для них осознанного, свободного выбора самореализации в деятельности, включения в их систему ценностей опыта самостоятельного принятия решений и др. [24, 25].

Исходя из того, что деятельность человека полимотивирована, приведем примеры осознанного, свободного выбора деятельности обучающимся из двух/нескольких противоположных деятельностей. Например, учитель во внеурочной деятельности в ходе рефлексии создает для учащихся ситуацию осознанного, добровольного выбора между деятельностью, предпринимаемой в интересах общественности, социума, и деятельностью, инициируемой только собственными, личными потребностями обучающегося. Деятельность, вызванная потребностями социума, общественности, определяет выбор обучающимся проявления активной гражданской, социальной позиции, гуманизма, приверженности поступкам, поведению в контексте этических, моральных требований и др. К примеру, ученик совершает добровольный, осознанный выбор между участием в волонтерской акции (помощь пенсионерам, детям с ОВЗ / реализация экологического десанта / посадка деревьев на пришкольном участке / помощь отстающим обучающимся / работа вожатым в летнем лагере отдыха / проведение Дней культуры народов России и др.) и деятельно-

стью, инициируемой собственными потребностями (встреча с подругами / игра в теннис / общение в социальных сетях и др.).

К примеру, в урочной деятельности учитель в ходе рефлексии создает ситуацию осознанного, свободного выбора между выполнением проектной деятельностью, характеризующейся аргументированностью, теоретической и практической новизной, самостоятельностью исследования, отличающейся высоким уровнем сложности, определяющей вероятность проявления своей индивидуальности, и деятельностью на низком уровне самостоятельности, сложности, актуальности, определяемой участием, помощью педагога, постоянным вовлечением обучающегося в деятельность и др. Например, программа самообразования учащегося на год может быть разработана по минимуму, то есть может включать одну проектную или исследовательскую работу (в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом общего образования). В то же время ученик может выполнить эту программу самообразования *по максимуму*, т.е. реализовать более чем одну проектную работу; выбор определяется внутренней мотивацией обучающегося.

Наконец, после отбора технологий (см. табл. 1, 2) осуществляется *разработка идеи соединения этих отобранных технологий* в состав, структуру ПКВ.

III компонент модели – процессуально-творческий: подразумевается творческая работа по созданию «игровой оболочки» (игры, игрового замысла, комбинации) – идеи интеграции отобранных методов, технологий в структуру ПТВК (табл. 1, 2). Например, рассмотрим моделирование «игровой оболочки» для игровой педагогической технологии комбинационного вида «Международное культурное сотрудничество» (для обучающихся 7-х классов). Предполагается, что обучающиеся 7-х классов являются жителями стран («Уникальности»/«Умники и умницы»/«Самобытности»/«Дружелюбия» и др.). Между «странами» нужно установить сотрудничество. Выбранные обучающимися в каждой «стране» «Президент» и кабинеты «министров» (образования, по социальным проблемам, спорта, культуры, здравоохранения, экологии и др.) будут управлять сотрудничеством между «странами». Успешность обучающихся, их достижения, победы, выраженные в рейтингах (баллах) во внеурочной, урочной деятельности, позволят им быть избранными в органы «власти» с целью развития «страны», решения ее проблем.

Например, «международное» сотрудничество в образовании между «странами» может быть представлено совместной работой по таким направлениям: 1) борьба с функциональной неграмотностью жителей разных «стран», выраженная в оказании поддержки, помощи неуспевающим учащимся на «международном» уровне; в проведении «международных» мастер-классов для неуспевающих обучающихся; 2) «международное» сотрудничество по развитию творческих элит сотрудничающих стран: совместная разработка, публикация/размещение на сайте «международных» сборников творческих задач, критических эссе, статей, разработан-

ных обучающимися; 3) «международный» обмен в области научной мысли: организация «международных» конференций, круглых столов, симпозиумов, конкурсов исследований, проектных работ и др. Включение обучающихся в эти виды деятельности осуществляется на основе *осознанного, добровольного, свободного выбора*. Заработанные обучающимися баллы за выполненные работы в классе (разноуровневые задания, квесты и др.) позволяют им получить статусные роли («президента», «министров стран» и др.), принимать решения по проблемам своей «страны», тем самым ее развивая. В соот-

ветствии с игровым замыслом для урочной и внеурочной деятельности подбираются определённые педагогические технологии. Таким образом, на основе критериев отбора методов, технологий (см. табл. 1, 2) для их включения в структуру ПТКВ, на основе замысла «игровой оболочки» между отобранными методами, технологиями устанавливаются взаимосвязи, основанные на положениях психолого-педагогического механизма развития индивидуальности обучающегося: приемах мотивации деятельности, приемах регуляции волевых действий (табл. 3; рис. 1).

Таблица 3

**Причинно-следственная связь между отобранными методами, технологиями, входящими в структуру ПТКВ
«Международное культурное сотрудничество»**

Технология «А»	Причинно-следственная связь между технологиями (если есть событие «А», то из него следует событие «Б»)	Технология «Б»	В основе связи технологий лежит прием мотивации деятельности	В основе связи технологий лежит прием регуляции волевых действий
Технология разноуровневого обучения учащихся (урочная деятельность)	Если при успешном решении разноуровневых заданий обучающийся заработает высокий рейтинг (баллы), то это позволит ему занять статусную роль в деловой игре (во внеурочной деятельности)	Игровая технология: деловая игра (внеурочная деятельность)	Игровая технология	Изменения роли и позиции ученика в коллективе [26]
Технология «Б»	Причинно-следственная связь между технологиями (если есть событие «Б», то из него следует событие «С»)	Технология «С»	В основе связи технологий прием мотивации деятельности	В основе связи технологий прием регуляции волевыми действиями
Игровая технология: деловая игра (внеурочная деятельность)	Если обучающийся в результате реализации деловых игр будет принимать участие в продуктивной деятельности в социуме, то у него появится возможность занять статусную роль в Итоговой деловой игре (стать «президентом», «министром» страны)	Игровая технология: деловая игра «Выборы в президенты страны Дружелюбия, назначение министров» (внеурочная деятельность)	Игровая технология	Соединение планируемого к реализации действия с другим, новым, значимым для человека мотивом (проверки себя на «прочность») [26]
Технология «А»	Причинно-следственная связь между технологиями (если есть событие «А», то из него следует событие «С»)	Технология «С»	В основе связи технологий прием мотивации деятельности	В основе связи технологий прием регуляции волевыми действиями
Технология разноуровневого обучения учащихся (урочная деятельность)	Если обучающийся при выполнении разноуровневых заданий заработает высокий рейтинг (баллы), то это позволит ему занять статусную роль в Итоговой деловой игре (во внеурочной деятельности)	Игровая технология: Итоговая деловая игра «Выборы в президенты страны Дружелюбия, назначение министров страны Дружелюбия» (внеурочная деятельность)	Игровая технология	Соединение планируемого к реализации действия с другим, новым, значимым для человека мотивом (проверки себя на «прочность») [26]

Идея интеграции методов, технологий в игровую замысел, «оболочку» в рамках структуры ПТКВ отражена на рис. 1.

Разработка игровой «оболочки» в ПТКВ зависит от творчества исследователя, его технологической,

методической компетентности, поэтому таких технологий может быть разработано множество. Построение структуры ПТКВ, разработка этапов ее реализации зависят от *идеи состава* технологий в ПТКВ.

Рис. 1. Идеи интеграции отобранных методов, технологий в игровую «оболочку» в рамках структуры ПТКВ «Международное культурное сотрудничество»

Методические рекомендации к идеям интеграции методов, технологий в структуру ПТКВ:

а) технологии, методы, входящие в состав ПТКВ, следует реализовывать как в урочной деятельности, так и во внеурочной (деятельность, выражающая активную, жизненную, социальную позицию, определяющую помощь другим людям, обществу и др.);

б) в основе взаимосвязи выбранных технологий, методов для их вхождения в структуру ПТКВ (пункт а) должны лежать причинно-следственные связи (если есть событие «А», то из него следует событие «Б»), обусловленные приемами мотивации деятельности обучающихся, которые использует учитель, приемами регуляции их волевых действий [19], (табл. 3);

в) в основе идеи интеграции технологий, методов могут быть положены успех в реализации деятельности учения на уроке, успешность во внеурочной продуктивной деятельности; в итоге успешность ученика, выраженная в его рейтинговой оценке, позволит ему реализоваться в приоритетной для него деятельности, которую можно добиться, «заслужить», поскольку

желающих учеников, стремящихся выполнить эту деятельность, достаточно;

г) идеи интеграции технологий, методов в структуру ПТКВ в основном облекаются в игровые ситуации, формы, «оболочки».

Анализируя рис. 1, табл. 3, можно заключить, что педагогические технологии, методы, отобранные для включения их в состав ПТКВ, представляют собой систему технологий, «сплав», целостность, представленную структурой, связями. Идея соединения технологий побуждает ученика в конечном итоге (в итоговой деловой игре, проводимой в конце полугодия) занять статусную роль, значимую, приоритетную для него, которую он будет выполнять в последующем полугодии. Осознанный, добровольный, свободный выбор деятельности обучающимся основывается на использовании учителем приемов мотивации деятельности, рефлексивных сессий, разработанных с позиции коучингового подхода, обуславливающих перевод внешней мотивации деятельности обучающегося во внутреннюю. Освоение учеником техник коучинга, лежащих в

основе рефлексивных сессий, позволит ему самому управлять своей мотивацией деятельности.

IV компонент модели – аналитический: выявление диагностических инструментов, необходимых для определения эффективности педагогической технологии.

V компонент модели – рефлексивный: анализ недостатков, условий реализации технологии, ее достоинств, сравнительный анализ начального и итогового состояний, оценивание результатов, прогноз развития технологии, ее усовершенствования, внесение изменений в технологию, осмысление трансляции опыта реализации технологии, разработка новых мо-

делей технологии комбинационного вида и т.д.

На основе теоретических позиций, лежащих в основе моделирования ПТКВ, нами разработаны и апробированы конкретные технологии в образовательном процессе. Приведем пример технологии комбинационного вида «Игровая педагогическая технология разноуровневого обучения учащихся “Федеральное собрание страны Предпринимателей”».

Исходя из требуемого объема статьи, осуществим описание только некоторых компонентов модели технологии: содержательного и процессуального компонентов (рис. 2).

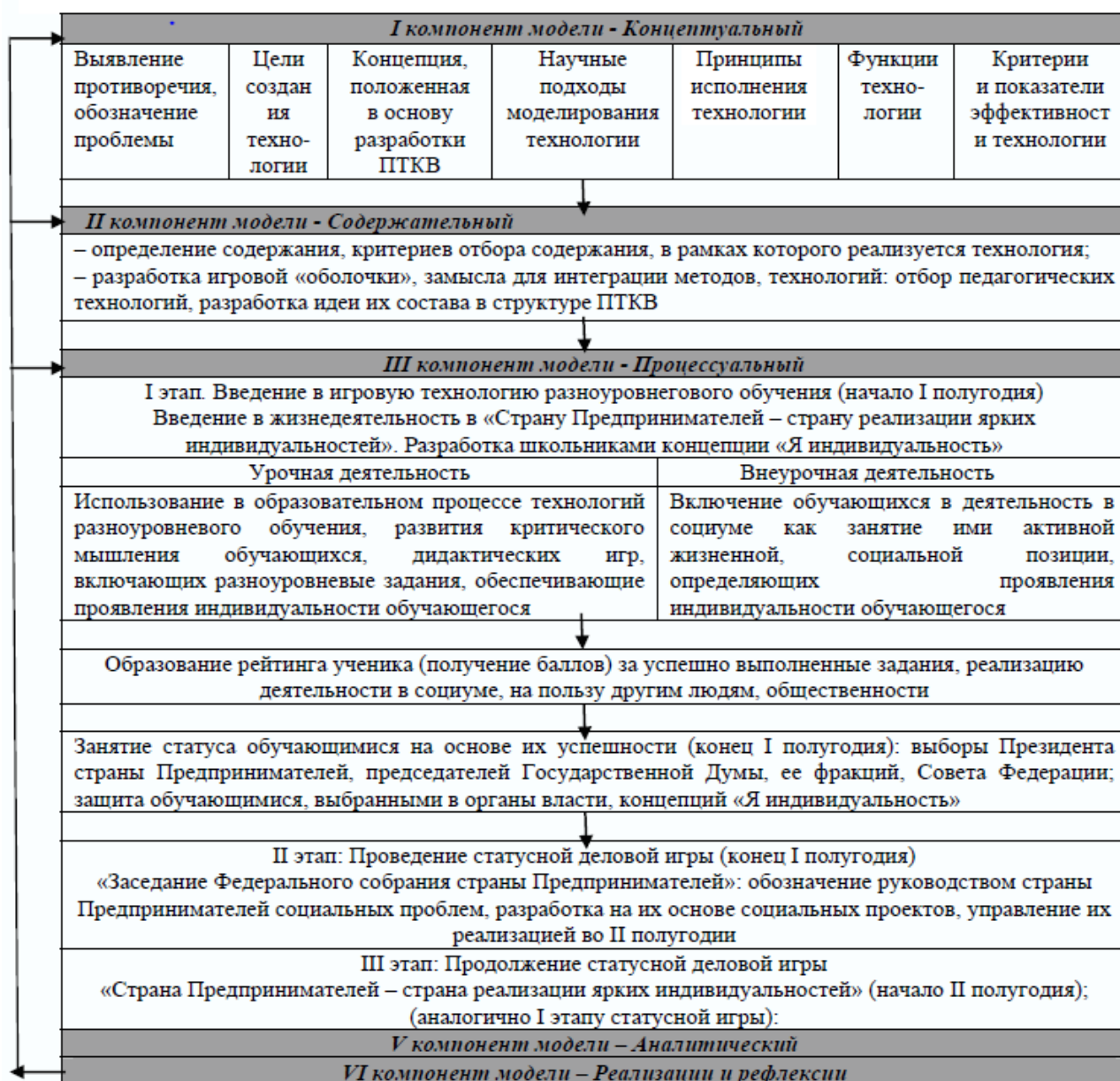

Рис. 2. Модель ПТКВ «Страна “Предпринимателей” – страна реализации ярких индивидуальностей»

II компонент модели – содержательный. Реализация игровой технологии разноуровневого обучения учащихся осуществлялась на содержании предметов естественно-математического и гуманитарного циклов.

Опыт реализации педагогических технологий в педагогической практике позволил выделить методы, технологии, которые вошли в состав технологии комбинационного вида «Страна “Предпринимателей” – страна

реализации ярких индивидуальностей». Отбор технологий осуществлялся на основе критерия целеполагания, сущность которого заключалась в том, что цели отбираемых методов, технологий должны способствовать формированию одного или нескольких компонентов опыта проявления индивидуальности обучающегося (ментальный опыт, опыт развития критического мышления, саморазвития, коммуникативный, духовно-нравственный опыт). Были отобраны следующие технологии: приемы развития понятийного мышления, способствующие формированию ментального опыта (компонент опыта проявления индивидуальности уча-

щегося); диалоговые технологии, определяющие формирование коммуникативного опыта (компонент опыта проявления индивидуальности учащегося); приемы развития критического мышления, обуславливающие формирование критического мышления учащихся (компонент опыта проявления индивидуальности учащегося) и т.д. Отобранные педагогические технологии, методы затем были отмечены в табл. 4. Далее все выявленные технологии, методы подверглись последующему отбору на основе критериев, которым должны отвечать технологии педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося [1] (табл. 4).

Таблица 4

Отбор технологий на основе критериев, которым должны отвечать технологии педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося

Методы и технологии, отбираемые в состав ПТКВ	Критерии отбора методов, технологий			
	альтернативного выбора	креативности	диалогового взаимодействия	содействия проявлению индивидуальности обучающегося
Диалоговые технологии: дискуссии, дебаты, коуч-сессии и др.		+	+	+
Игровые упражнения, деловые игры, квесты и др.	+	+	+	
Технологии проблемного обучения: технология педагогических, творческих мастерских и др.		+	+	
Технология рейтинговой оценки знаний				+
Технология разноуровневого обучения	+	+		+
Приемы развития понятийного мышления		+	+	
Приемы, технология критического мышления		+	+	

После отбора технологий последовала деятельность по разработке идеи их интеграции в систему при помощи игровой «оболочки». Таким образом, получилась технология комбинационного вида – игровая технология

разноуровневого обучения «Страна “Предпринимателей” – страна реализации ярких индивидуальностей» (рис. 3).

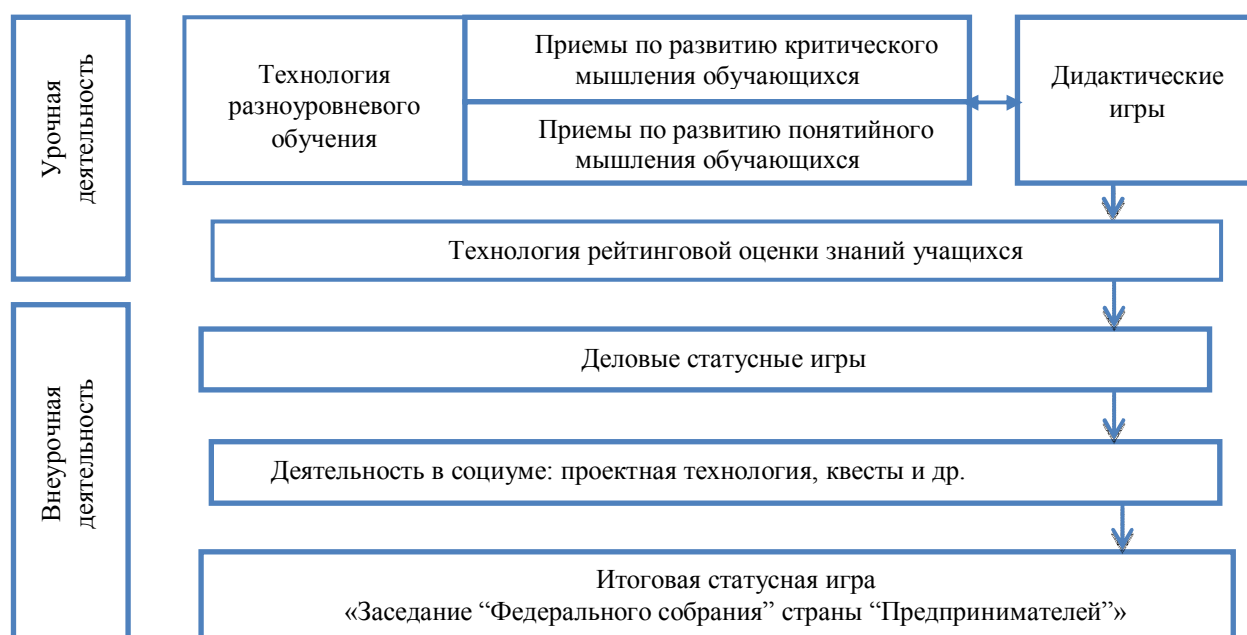

Рис. 3. Взаимосвязанность технологий, входящих в структуру ПТКВ «Страна “Предпринимателей” – страна реализации ярких индивидуальностей»

Процессуальный компонент модели.

I этап. Введение в статусную деловую игру «“Федеральное собрание” страны “Предпринимателей”» (начало I полугодия). Педагог обращается к ученикам 9-го класса с предложением реализовать образовательный процесс в рамках игровой технологии разноразовного обучения – «Страна “Предпринимателей”» – страна реализации ярких индивидуально-стей». Ученики берут на себя роли жителей страны «Предпринимателей», которые выбирают представителей власти на основе выработанных школьниками и педагогами следующих критериев: успешность в урочной деятельности, выражающаяся в высоком рейтинге обучающихся в ходе/результате выполнения разноразовных заданий, дидактических игр (разработанных в рамках технологии развития критического мышления обучающихся), а также успешность обучающихся во внеурочной деятельности, определяемая высоким рейтингом как результатом реализации в социуме деятельности на пользу общества (волонтерское движение, реализация социальных проектов, проведение Дней культуры народов России и др.). Следует отметить, что выбор обучающимися заданий более высокого уровня сложности, проведение ими глубоких исследовательских работ, их участие во внеурочной деятельности осуществляются на основе осознанного, свободного, добровольного выбора этих видов деятельности. Этот выбор, основанный на проведении с обучающимися рефлексии с позиции техник коучинга, определяет проявления их индивидуальности, а реализация этого выбора на практике способствует развитию индивидуальности обучающегося. Образовавшийся высокий рейтинг учеников позволяет им занять следующие статусные роли: «Президента» страны «Предпринимателей», председателей «Государственной Думы», ее «фракций», «Совета Федерации». Кроме этого, обучающиеся получают «премии» в разных номинациях: «Почетные жители страны “Предпринимателей”», «Лучший критик года», «Лучший аналитик года» и другие в соответствии с их рейтингом в разных видах деятельности.

II этап. Представители «власти» избираются в конце каждого полугодия в рамках статусной деловой игры «Заседание “Федерального Собрания” страны “Предпринимателей”», на которой решают проблемы страны «Предпринимателей», определяющие ее развитие. В частности, в образовательной практике решалась проблема устранения цифрового неравенства в стране Предпринимателей, положенная в основу социального проекта, выполняемого обучающимися 9-го класса. В рамках социального проекта обучающиеся совместно с учителем организовали деятельность компьютерного клуба «Cifra» для работы с детьми информационно небогатыми, социально неблагополучными. В клубе «Cifra» под руководством учителя старшеклассники добровольно проводили занятия по овладению детьми начальной школы компьютерной грамотностью,

формированию навыков работы на компьютере.

III этап. Во втором полугодии обучающиеся включаются в такие же виды деятельности в учебной и внеурочной деятельности; управление социальными проектами осуществляют «Президент» и «Правительство» страны «Предпринимателей». В конце второго полугодия вновь осуществляются выборы в управленческие структуры страны «Предпринимателей» в соответствии с успешностью обучающихся, проведение деловой статусной игры, в рамках которой решаются проблемы жителей страны «Предпринимателей», осуществляется выбор и реализация обучающимися социального проекта.

Результаты

В педагогическом эксперименте, связанном с реализацией в образовательном процессе технологии комбинационного вида «Страна “Предпринимателей”» – страна реализации ярких индивидуально-стей», определяющей развитие индивидуальности обучающегося, принимали участие 908 учеников основной общей и средней общей ступеней образования Кемеровской и Московской областей. Реализация технологии осуществлялась в условиях обычного образовательного процесса в экспериментальных группах (122 обучающихся), результаты педагогического эксперимента сравнивались с показателями контрольных групп (119 обучающихся). Экспериментальные и контрольные группы представляли собой сплошную выборку из однородной среды школьников (одинаковый учебный план, примерная общеобразовательная программа, одна и та же возрастная ступень (12–15 лет)).

В ходе реализации ПТКВ «Страна “Предпринимателей”» – страна реализации ярких индивидуально-стей» на предметах гуманитарного и естественно-математического циклов осуществлялся мониторинг опыта проявления индивидуальности обучающегося. Показателями результативности формирования опыта проявления индивидуальности учащегося явились показатели сформированности его структурных компонентов, отраженных в табл. 5.

К критериям оценки сформированности опыта проявления индивидуальности обучающегося отнесены ментальность, коммуникативность, саморазвитие, нравственность, критичность. Каждый из структурных компонентов опыта проявления индивидуальности учащихся был приведен к четырем уровням: высокому, выше среднего, среднему и низкому. На основе структурных компонентов опыта проявления индивидуальности учащихся (опыта критического мышления, духовно-нравственного опыта, коммуникативного опыта, опыта саморазвития, ментального опыта) были обозначены количественные и качественные показатели сформированности опыта проявления индивидуальности школьников, представленные по тем же четырем уровням.

Таблица 5

Критерии и показатели оценки сформированности опыта проявления индивидуальности обучающегося

Критерий оценки	Показатели результативности	Диагностические методы
Ментальность	Способность учащихся к понятийному отражению (высшая стадия интеллектуального развития); <i>способность производить синтез различных позиций, реализовывать контроль за интеллектуальными действиями и др.</i>	Задачи, методики, определяющие сформированность когнитивного, метакогнитивного опыта [27]
Нравственность	Умения анализировать в этических оценках действительность, выбирать и реализовывать нравственную позицию и др.	Диагностика ценностных ориентаций личности [28], личностного роста обучающихся [29]
Коммуникативность	Способность ориентироваться в новых ситуациях общения, устанавливать конструктивное общение, принимать разные точки зрения на проблему, принимать решения	Опросник КОСКОМ 2 [30]
Саморазвитие	Способность проявлять ответственность, гражданственность, следовать программе саморазвития, самосовершенствования и др.	Диагностики учебной мотивации обучающихся [31], осуществления потребностей в саморазвитии [32], личностного роста [29] (шкалы 2; 13)
Критичность	Способность доказывать позицию логично, аргументированно, уметь выводить умозаключения, давать оценку позициям, выводам и др.	Тест на логическое мышление [33], диагностики рефлексивности обучающегося [34, 35]
Критичность, ментальность, нравственность, саморазвитие	Интегративное задание, обеспечивающее сформированность опыта проявления индивидуальности школьника [23]	

Определение эффективности реализации в образовательном процессе педагогических технологий, определяющих педагогическую поддержку развития индивидуальности обучающихся, осуществлялось посредством методов диагностики: тестирование, анкетирование, наблюдение, интервьюирование, математика статистика и др. Диагностику осуществляли учителя, работающие с обучающимися. Анализ результатов производили авторы настоящей статьи – руководители инновационных площадок. Сравнение групп обучающихся (контрольных и экспериментальных) по показателям характеристик опыта проявления их индивидуальности осуществлялось на основе F-критерий Фишера. Распределение учащихся по контрольным и экспериментальным группам происходило на основе случайного распределения (принцип рандомизации Фишера) при соблюдении его «непрозрачности». Создание равных объективных условий происходило посредством выравнивания состава

школьников (пол, осознанное отношение к учению, возраст, уровень сформированности опыта проявления индивидуальности обучающихся, отношение в учебной деятельности, интересы, наклонности, умение учиться, содержание и объем изучаемого, продолжительность деятельности, реализуемой по одному и тому же плану, одной и той же примерной общеобразовательной программе и др.), социальной среды, приоритетными ценностями которой являются творчество, самосозидание, нравственные ценности и др. Создание равных субъективных условий происходило посредством подбора опытных педагогов, способных к реализации педагогических технологий в образовательном процессе во всех группах учеников (контрольных и экспериментальных).

На контролирующем этапе педагогического эксперимента были определены показатели сформированности опыта проявления индивидуальности обучающихся (табл. 6).

Таблица 6

Оценка сформированности опыта проявления индивидуальности учащихся Кемеровской области (г. Междуреченск, г. Осинники, г. Новокузнецк) на контролирующем этапе педагогического эксперимента

Группы	«Есть эффект»: задача решена			«Нет эффекта»: задача не решена			Суммы
	Количество обучающихся	доля, %		Количество обучающихся	доля, %		
Высокий уровень							
Экспериментальная группа 1	30	24,59	A	92	75,41	Б	122
Контрольная группа 2	15	12,6	B	104	87,4	Г	119
Уровень выше среднего							
Экспериментальная группа 1	41	33,6	A	81	66,4	Б	122
Контрольная группа 2	24	20,16	B	95	79,84	Г	119
Средний уровень							
Экспериментальная группа 1	23	18,85	A	99	81,15	Б	122
Контрольная группа 2	36	30,25	B	83	69,75	Г	119
Низкий уровень							
Экспериментальная группа 1	28	22,95	A	94	77,05	Б	122
Контрольная группа 2	44	36,97	B	75	63,03	Г	119

Примечание. Результаты определения достоверности изменений, произошедших в учениках, отмечены в табл. 7.

Оценка достоверных различий в сформированности опыта проявления индивидуальности учащихся Кемеровской области (г. Междуреченск, г. Осинники, г. Новокузнецк) на контролирующем этапе педагогического эксперимента

Показатель опыта проявления индивидуальности учащихся	$\Phi_{\text{эм}}^*$	$\Phi_{\text{эм}}^* > \Phi_{\text{крит}}^* ; \Phi_{\text{эм}}^* > 2,31 (p \leq 0,01)$	n2	n1
Высокий уровень	2,40	Есть различия, $p \leq 0,01$	119	122
Уровень выше среднего	2,38	Есть различия, $p \leq 0,01$	119	122
Средний уровень	2,07	Нет различия, $\Phi_{\text{эм}}^* < \Phi_{\text{крит}}^*$. Зона неопределенности	119	122
Низкий уровень	2,39	Есть различия, $p \leq 0,01$	119	122

Анализ диагностики сформированности опыта проявления индивидуальности обучающихся показал, что более высокие результаты выявлены у обучающихся экспериментальных групп (24,5%) по сравнению с учащимися контрольных групп (12,6%). Как в экспериментальных, так и в контрольных группах повысился уровень сформированности умений учащихся порождать объективно новые идеи, выдвигать новые основания для принятия решений, работать в группе, устанавливать рабочие отношения. Выросли умения учащихся проявлять межкультурную толерантность, уважительное отношение к личности, ее культуре; выросло стремление учащихся совершенствовать личностные качества, формировать новые, занимать активную социальную, жизненную позицию, осуществлять самоконтроль и др. Умения проблематизировать ситуацию, критически сомневаться в традиционных подходах, критически относиться к своим поступкам, позициям, самому себе выросли у обучающихся экспериментальных групп (30,3%) и контрольных групп (17,6%) по уровню выше среднего (опыта развития критического мышления).

Анализ результатов реализации в образовательном процессе школы технологий педагогической поддержки развития индивидуальности обучающегося (технологий комбинационного вида) в опытно-

экспериментальной работе показал положительную динамику сформированности опыта проявления индивидуальности обучающегося, являющегося показателем уровня развития его индивидуальности.

Заключение

Таким образом, научной новизной исследования является разработанная модель ПТКВ, определяющая педагогическую поддержку развития индивидуальности учащегося. Теоретической значимостью исследования являются теоретические положения, связанные с разработкой структурных компонентов модели ПТКВ: концептуальный, содержательный, процессуальный, аналитический, рефлексии. Практическая значимость исследования выражается в моделировании конкретной технологии – игровой ПТКВ разноуровневого обучения обучающихся «Страна “Предпринимателей” – страна реализации ярких индивидуальностей», определяющей педагогическую поддержку развития индивидуальности обучающегося. В дальнейшем исследовании нуждаются вопросы, связанные с совершенствованием психолого-педагогического механизма перевода внешней мотивации деятельности обучающегося во внутреннюю.

Список источников

- Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания : учеб. пособие. Ростов-н/Д : Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с.
- Абакумова Н.Н. Реализация компетентностного подхода в практике дистанционного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 158–161.
- Беличенко В.В. Организационно-педагогические ресурсы образовательных стандартов для развития индивидуальности студентов вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. 25 с.
- Войтов А.С. Развитие интегральной индивидуальности младших школьников с низким уровнем учебной мотивации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2014. 24 с.
- Гребенюк О.С., Гребенюк Т.Б. Педагогика индивидуальности : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2019. 410 с.
- Кулугин А.Ю. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.
- Митрофанова Е.Н. Активность индивидуальности как ресурс жизнестойкости: на примере студенчества : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2019. 23 с.
- Belentsov S.I., Fahrutdinova A.V., Grevtseva G.Y. Free education: Fundamentals of humanistic pedagogics (on the example of activity of the German public figures of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman) // European Journal of Contemporary Education. 2019. Vol. 8, Is. 1. P. 201–207.
- Belentsov S.I., Fahrutdinova A.V., Okulich-Kazarin V. Education of civic consciousness in George Kershenshteyner's creativity // European Journal of Contemporary Education. 2017. Vol. 6, Is. 1. P. 5–13.
- Шибалева С.Н. Педагогическая поддержка развития индивидуальности младших подростков в процессе учебного сотрудничества : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 27 с.
- Нефедова Н.А. Детское объединение в системе дополнительного образования школы как средство развития индивидуальности подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 18 с.
- Гончарова И.И. Формирование представлений о своей индивидуальности у младших подростков в учебно-воспитательном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2014. 24 с.
- Баранова Е.И. Моделирование комплексных форм воспитания индивидуальности детей : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2012. 23 с.
- Khairutdinov R.R., Korchagin E.A., Safin R.S., Fakhutdinova A.V., Nikishina S.R. The content of educational programs in technical universities: Quality of applying the modern professional standards // International Journal of Instruction. 2019. Vol. 12, Is. 1. P. 357–360.

15. Vinnikova M.N., Fakhruddinova A.V., Dulmukhametova G.F. Modern use of the pedagogical technology team-teaching in the training of teacher candidates // *Quid-investigacion ciencia y tecnologia*. 2017. Is. 28. P. 767–772.
16. Guay F., Vallerand R.J. Social context, student's motivation, and academic achievement: Toward a process model // *Social Psychology of Education*. 1996. Vol. 1. P. 211–233. doi: 10.1007/BF02339891
17. Kokkinos C.M., Charalambous K., Davazoglou A. Primary school teacher interpersonal behavior through the lens of students' Eysenckian personality traits // *Social Psychology of Education*. 2010. Vol. 13. P. 331–349. doi: 10.1007/s11218-009-9111-5
18. Zhang H. Cultivating an inclusive individuality: Critical reflections on the idea of quality education in contemporary China // *Frontiers of Education in China*. 2010. Vol. 5. P. 222–237. doi: 10.1007/s11516-010-0015-0
19. Zhang H. Individuality beyond the Dichotomy of "Small Self and Big Self" in Contemporary Chinese Education: Lessons from Hu Shi and Liang Shuming // *Frontiers of Education in China*. 2013. Vol. 8. P. 540–558. doi: 10.1007/BF03396990
20. Benitez E. Teaching Across the Eye: Insecurity, Individuality, and Intellectual Values in Global Higher Education Practice // Mason C., Rawlings-Sanaei F. (eds) *Academic Migration, Discipline Knowledge and Pedagogical Practice*. Springer, Singapore, 2014. doi: 10.1007/978-981-4451-88-8_8
21. Martin J. Psychologism, Individualism and the Limiting of the Social Context in Educational Psychology // Corcoran T. (ed.) *Psychology in Education. Bold Visions in Educational Research*. SensePublishers, Rotterdam, 2014. doi: 10.1007/978-94-6209-566-3_11
22. Сю С., Абакумова Н.Н. Вхождение и продвижение университетов в мировых рейтингах: российский и китайский опыт // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 181–185.
23. Жураковская В.М. Проектирование педагогических технологий становления индивидуальности обучающегося : в 2 ч. М. : Перспектива, 2014. Ч. 2. 288 с.
24. Жураковская В.М. Становление индивидуальности старшеклассника в образовательном процессе : в 2 ч. М. : Перспектива, 2014. Ч. 1. 192 с.
25. Жураковская В.М., Мухаметзянова Ф.Ш. Психолого-педагогический механизм развития индивидуальности обучающегося подросткового и юношеского возраста // *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 2, Т. 2. С. 223–228.
26. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. 208 с.
27. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004. 384 с.
28. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентации личности // *Методы психологической диагностики*. М. : Изд-во ИП РАН, 1994. Вып. 2. С. 56.
29. Степанов П.В., Григорьев Д.В., Кулешова И.В. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе / под ред. Л.Н. Селивановой, В.М. Лизинского. М. : АПК и ПРО, 2005. 83 с.
30. Кунцына В.Н. Опросник КОСКОМ 2. URL: <http://azps.ru/tests/5/koskom.html>
31. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационных факторов на развитие умственных способностей. Улан-Удэ, 2004. 198 с.
32. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб.-метод. пособие. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 339 с.
33. Веселовская Е.В. Педагогическая диагностика логического мышления учащихся : дис. ... канд. пед. наук. Вологда, 2002. 178 с.
34. Ильина Е.В. Рефлексивное управление обучением учащихся общеобразовательной школы : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 1998. 198 с.
35. Абакумова Н.Н., Богомаз С.А. Мониторинг образовательных результатов в вузе: проблема содержания психолого-педагогической диагностики // *Психология обучения*. 2015. № 3. С. 62–68.

References

1. Bondarevskaya, E.V. & Kul'nevich, S.V. (1999) *Pedagogika: lichnost' v gumanisticheskikh teoriyakh i sistemakh vospitaniya: ucheb. posobie* [Pedagogy: a person in humanistic theories and education systems: textbook]. Rostov-on-Don: Tvorcheskiy tsentr "Uchitel".
2. Abakumova, N.N. (2005) Implementation of the competence-based approach in the practice of distance learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 286. pp. 158–161. (In Russian).
3. Belichenko, V.V. (2014) *Organizatsionno-pedagogicheskie resursy obrazovatel'nykh standartov dlya razvitiya individual'nosti studentov vuzov* [Organizational and pedagogical resources of educational standards for the development of the individuality of university students]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Voytov, A.S. (2014) *Razvitiye integral'noy individual'nosti mladshikh shkol'nikov s nizkim urovnem uchebnoy motivatsii* [Development of the integral individuality of younger schoolchildren with a low level of educational motivation]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Pyatigorsk.
5. Grebenyuk, O.S. & Grebenyuk, T.B. (2019) *Pedagogika individual'nosti: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury* [Pedagogy of individuality: textbook and workshop for undergraduate and graduate students]. Moscow: Yurayt.
6. Kulugin, A.Yu. (2015) *Tsennostnaya napravlenost' lichnosti kak vyrazhenie smysloobrazuyushchey aktivnosti: struktura, dinamika i funktsii v strukture integral'noy individual'nosti* [Value orientation of a person as an expression of sense-forming activity: Structure, dynamics and functions in the structure of an integral individuality]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Yekaterinburg.
7. Mitrofanova, E.N. (2019) *Aktivnost' individual'nosti kak resurs zhiznestoykosti: na primere studenchestva* [Activities of individuality as a resource of resilience: on the example of students]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Yekaterinburg.
8. Belentsov, S.I., Fakhruddinova, A.V. & Grevtseva, G.Y. (2019) Free education: Fundamentals of humanistic pedagogics (on the example of activity of the German public figures of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman). *European Journal of Contemporary Education*. 8 (1). pp. 201–207.
9. Belentsov, S.I., Fakhruddinova, A.V. & Okulich-Kazarin, V. (2017) Education of civic consciousness in George Kershenshteyner's creativity. *European Journal of Contemporary Education*. 6 (1). pp. 5–13.
10. Shibaeva, S.N. (2013) *Pedagogicheskaya podderzhka razvitiya individual'nosti mladshikh podrostkov v protsesse uchebnogo sotrudnichestva* [Pedagogical support for the development of the individuality of younger adolescents in the process of educational cooperation]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
11. Nefedova, N.A. (2006) *Detское ob'edinenie v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya shkoly kak sredstvo razvitiya individual'nosti podrostkov* [Children's association in the system of additional education of the school as a means of developing the individuality of adolescents]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
12. Goncharova, I.I. (2014) *Formirovaniye predstavleniy o svoey individual'nosti u mladshikh podrostkov v uchebno-vospitatel'nom protsesse* [Formation of ideas about their individuality in the educational process]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Kaliningrad.
13. Baranova, E.I. (2012) *Modelirovaniye kompleksnykh form vospitaniya individual'nosti detey* [Modeling of complex forms of cultivating children's individuality]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Veliky Novgorod.
14. Khairutdinov, R.R. et al. (2019) The content of educational programs in technical universities: Quality of applying the modern professional standards. *International Journal of Instruction*. 12 (1). pp. 357–360.
15. Vinnikova, M.N., Fakhruddinova, A.V. & Dulmukhametova, G.F. (2017) Modern use of the pedagogical technology team-teaching in the training of teacher candidates. *Quid-investigacion ciencia y tecnologia*. 28. pp. 767–772.

16. Guay, F. & Vallerand, R.J. (1996) Social context, student's motivation, and academic achievement: Toward a process model. *Social Psychology of Education*. 1. pp. 211–233. doi: 10.1007/BF02339891
17. Kokkinos, C.M., Charalambous, K. & Davazoglou, A. (2010) Primary school teacher interpersonal behavior through the lens of students' Eysenckian personality traits. *Social Psychology of Education*. 13. pp. 331–349. doi: 10.1007/s11218-009-9111-5
18. Zhang, H. (2010) Cultivating an inclusive individuality: Critical reflections on the idea of quality education in contemporary China. *Frontiers of Education in China*. 5. pp. 222–237. doi: 10.1007/s11516-010-0015-0
19. Zhang, H. (2013) Individuality beyond the Dichotomy of "Small Self and Big Self" in Contemporary Chinese Education: Lessons from Hu Shi and Liang Shuming. *Frontiers of Education in China*. 8. pp. 540–558. doi: 10.1007/BF03396990
20. Benitez, E. (2014) Teaching Across the Eye: Insecurity, Individuality, and Intellectual Values in Global Higher Education Practice. In: Mason, C. & Rawlings-Sanaei, F. (eds) *Academic Migration, Discipline Knowledge and Pedagogical Practice*. Singapore: Springer. doi: 10.1007/978-981-4451-88-8_8
21. Martin, J. (2014) Psychologism, Individualism and the Limiting of the Social Context in Educational Psychology. In: Corcoran, T. (ed.) *Psychology in Education. Bold Visions in Educational Research*. Rotterdam: SensePublishers. doi: 10.1007/978-94-6209-566-3_11
22. Syu, S. & Abakumova, N.N. (2020) Entry and promotion of universities in the world rankings: The Russian and Chinese experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 181–185. doi: 10.17223/15617793/452/22
23. Zhurakovskaya, V.M. (2014) *Proektirovanie pedagogicheskikh tekhnologiy stanovleniya individual'nosti obuchayushchegosya: v 2 ch.* [Designing pedagogical technologies for the formation of the individuality of the student: in 2 parts]. Part 2. Moscow: Perspektiva.
24. Zhurakovskaya, V.M. (2014) *Proektirovanie pedagogicheskikh tekhnologiy stanovleniya individual'nosti obuchayushchegosya: v 2 ch.* [Designing pedagogical technologies for the formation of the individuality of the student: in 2 parts]. Part 1. Moscow: Perspektiva.
25. Zhurakovskaya, V.M. & Mukhametzyanova, F.Sh. (2016) The Psycho-Pedagogical Mechanism of the Development of Individuality of Teenage Students. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2 (2). pp. 223–228. (In Russian).
26. Ivannikov, V.A. (2006) *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii: ucheb. posobie* [Psychological mechanisms of volitional regulation: textbook]. St. Petersburg: Piter.
27. Kholodnaya, M.A. (2004) *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
28. Bubnova, S.S. (1994) Metodika diagnostiki individual'noy struktury tsennostnykh orientatsii lichnosti [Methods of diagnosing the individual structure of the value orientations of the person]. In: *Metody psikhologicheskoy diagnostiki* [Methods of psychological diagnostics]. Vol. 2. Moscow: IP RAS. p. 56.
29. Stepanov, P.V., Grigor'ev, D.V. & Kuleshova, I.V. (2005) *Diagnostika i monitoring protsessov vospitaniya v shkole* [Diagnosing and monitoring of the process of education at school]. Moscow: APK i PRO.
30. Kunitsyna, V.N. (n.d.) *Oprosnik KOSKOM 2* [KOSKOM 2 Questionnaire]. [Online] Available from: <http://azps.ru/tests/5/koskom.html>
31. Badmaeva, N.Ts. (2004) *Vliyaniye motivatsionnykh faktorov na razvitiye umstvennykh sposobnostey* [Influence of motivational factors on the development of mental abilities]. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management.
32. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp: ucheb.-metod. posobie* [Sociopsychological diagnostics of the development of a person and small groups: textbook]. Moscow: Izd-vo Instituta psikhoterapii.
33. Veselovskaya, E.V. (2002) *Pedagogicheskaya diagnostika logicheskogo myshleniya uchashchikhsya* [Pedagogical diagnostics of students' logical thinking]. Pedagogics Cand. Diss. Vologda.
34. Il'ina, E.V. (1998) *Refleksivnoe upravleniye obucheniem uchashchikhsya obshcheobrazovatel'noy shkoly* [Reflexive management of the education of students in a general school]. Pedagogics Cand. Diss. Barnaul.
35. Abakumova, N.N. & Bogomaz, S.A. (2015) Monitoring obrazovatel'nykh rezul'tatov v vuze: problema soderzhaniya psikhologo-pedagogicheskoy diagnostiki [Monitoring of educational outcomes at the university: the problem of the content of psychological and pedagogical diagnostics]. *Psikhologiya obucheniya*. 3. pp. 62–68.

Информация об авторах:

Жураковская В.М. – д-р пед. наук, доцент кафедры управления Академии социального управления (Москва, Россия). E-mail: gvera66@mail.ru

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Оличева О.А. – канд. ист. наук, директор Лицея г. Истра (Истра, Россия). E-mail: licey-istra@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.M. Zhurakovskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), professor of the Department of Management, Academy of Social Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: gvera66@mail.ru

A.V. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), associate professor of the Department of Foreign Languages, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

O.A. Olicheva, Cand. Sci. (History), director of the Istra Lyceum (Moscow, Russian Federation). E-mail: licey-istra@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 21.03.2022;
approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/482/21

Формирование патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов в современном вузе

Алиса Евгеньевна Савинова¹, Роза Моисеевна Шерайзина², Андрей Сергеевич Шустров³

^{1, 2, 3}Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

¹savinovaaliosa@list.ru

²roza.sherayzina@novsu.ru

³savinovaaliosa@list.ru

Аннотация. Раскрывается сущность понятия «патриотически направленная профессиональная позиция будущих педагогов». Авторы предлагают теоретическое обоснование процесса формирования патриотически направленной профессиональной позиции студентов в период обучения в вузе. Научная новизна исследования заключается в конструировании концептуально-методологической базы данного процесса.

Ключевые слова: будущий педагог, профессиональная позиция, патриотическая направленность, формирование патриотически направленной профессиональной позиции, концепция, современный вуз

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 22-28-01317 «Возможности и риски интернационализации регионального университета в реальном и виртуальном образовательном пространстве».

Для цитирования: Савинова А.Е., Шерайзина Р.М., Шустров А.С. Формирование патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов в современном вузе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 206–213. doi: 10.17223/15617793/482/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/21

The formation of a professional and patriotic position of future teachers in a modern university

Alisa E. Savinova¹, Roza M. Sheraizina², Andrey S. Shustrov³

^{1, 2, 3}Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

¹savinovaaliosa@list.ru

²roza.sherayzina@novsu.ru

³savinovaaliosa@list.ru

Abstract. The article reveals the essence of the concept “patriotic professional position of future teachers”. The authors propose a theoretical justification for the forming of a patriotic professional position of students during their studies at the university. The research novelty lies in the design of the conceptual and methodological basis of this process. The application of the proposed conceptual foundations in educational practice allows us to logically and effectively organize educational activities to form a stable professional position for each student, the desire to devote his life to noble pedagogical work for the benefit of the Fatherland and the Russian people.

Keywords: future teacher, professional position, patriotic orientation, formation of patriotic professional position, conception, modern university

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01317.

For citation: Savinova, A.E., Sheraizina, R.M. & Shustrov, A.S. (2022) The formation of a professional and patriotic position of future teachers in a modern university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 206–213. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/21

Введение

Произошедшие в нашей стране политические и социально-экономические трансформации выдвинули учителя, как личность и как профессию, в первый ряд

сторонников демократических преобразований, активных участников воспитания каждого ученика как новой личности, которой близки и понятны демократические ценности Российского государства, которыми он руко-

водствуется в своей жизнедеятельности и готов их защищать и отстаивать.

Открывшиеся новые возможности, предоставляемые государством и социумом, позволят всем педагогам в полной мере реализовывать требования гуманистической педагогики, личностно ориентированного, деятельностного и компетентностного подходов, обучать и воспитывать каждого ученика школы как активного и деятельного члена общества, гражданина-патриота, надежного защитника России.

К глубокому сожалению, в современных условиях профессия учителя существенно теряет свою привлекательность и престижность. Причинами этого стали: низкая оплата труда учителя (всего в нескольких регионах труд учителя оплачивается вполне приемлемо); колоссальная загруженность как непосредственной работой, так и нововведениями, порой надуманными и малоэффективными; привлечением учителей к выполнению не свойственных им функций; чрезмерная требовательность администраций школ (выражается в необходимости постоянно составлять различные отчеты, нести ответственность за учащихся и др.); усложнение процесса коммуникации с детьми и их родителями и др.

Как показывают результаты социологических исследований, за последние годы наблюдается катастрофическая тенденция нарастания дефицита педагогических кадров не только в сельской местности, но и в городах. Ежегодно школу покидают 95–98% принятых на работу молодых сотрудников (в основном по собственному желанию). Сегодня в российских школах (в среднем) остро ощущается нехватка учителей начальных классов – 24%, учителей-предметников – 28% [1–3].

В настоящее время многие выпускники педагогических учебных заведений, а также молодые учителя предпочитают сменить сферу деятельности. Сегодня можно встретить бывшего учителя в качестве торгового работника, водителя частного такси, сотрудника государственного или частного учреждения, охранника разнообразных фирм или индивидуального предпринимателя, где доходы существенно выше и морально-нравственная атмосфера значительно благоприятнее.

Цель статьи – обосновать основные концептуальные положения формирования патриотически направленной профессиональной позиции студентов в период обучения в педагогическом университете.

Материалы и методы

В данной статье использованы научные труды отечественных ученых [1–15], а также результаты опроса студентов – будущих педагогов выпускного курса Севастопольского государственного университета и Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Методы исследования: теоретический анализ, контент-анализ, опрос, обобщение, конкретизация.

Результаты и обсуждение

Программы обучения в вузах построены таким образом, чтобы дать студентам фундаментальные знания, надежные навыки деятельности и умения опираться на научные достижения, богатый мировой и отечественный опыт, осуществлять подготовку будущих педагогических кадров, как компетентных и конкурентоспособных специалистов, понимающих сущность, предназначение избранной профессии, обладать способностями качественно и высоко результативно решать профессиональные задачи по обучению и воспитанию подрастающих поколений. Пройдя полный курс обучения в вузе в течение 4–5 лет, каждый выпускник получает: а) профессию и специальность педагога (комплекс компетенций, гарантирующих работу в сфере образования); б) преимущество при трудоустройстве в образовательные организации; в) перспективу карьерного роста на основе собственных профессиональных успехов и достижений; г) практическую возможность развития и совершенствования своих знаний, приобретение собственного опыта.

Следовательно, каждый выпускник достаточно качественно подготовлен как профессионал и может результативно осуществлять педагогическую деятельность, получать определенное материальное вознаграждение и моральное удовлетворение за свой труд, результативность которого становится движущей силой профессиональной карьеры.

Вместе с тем проведенный опрос среди студентов – будущих педагогов Севастопольского государственного университета показал, что около 75% респондентов еще окончательно не определились, будут ли они работать в школе; 42% признались, что поступили в педагогический вуз только потому, что не смогли поступить на бюджетные места в другие вузы. Изучение вопроса о результатах трудоустройства выпускников показало, что 35% из них предпочли иную деятельность, не связанную с работой в образовательных организациях. И лишь у немногих опрошенных выпускников профессия учителя связана с патриотическими чувствами и желанием служить Отечеству в рамках своей профессиональной деятельности. Таким образом, патриотическая направленность профессиональной позиции не в полной мере осознается большинством опрошенных студентов.

В этой связи возникает вопрос о способах формирования такой позиции. Одним из таких способов является, как ни странно, межкультурная коммуникация. Общение с представителями других национальностей, изучение особенностей других культур, включая педагогическую и учебную культуры, помогает сформировать поликультурные личностные качества и формирует различные «надкультурные» компетенции, позволяющие не только лучше понимать культуру других стран, но и собственную педагогическую культуру через призму международного измерения. Так, например, многие студенты, прошедшие практику в зарубежных странах, отмечают изменение отношения к собственной стране и её культуре.

Опрос, посвящённый влиянию межкультурного опыта на самовосприятие и восприятие своей родной культуры и формирование патриотически направленной педагогической позиции, проводился в 2021 г. в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого среди студентов выпускных курсов, участвовавших в программах обмена различной длительности – от одной недели до двух лет. Следует отметить, что длительность пребывания за рубежом не коррелировала напрямую с оказанием воздействия на мировоззренческие позиции молодого человека – даже студенты, посетившие недельные курсы, отметили изменение глубины восприятия и понимания собственной культуры, своего места в профессиональном педагогическом сообществе. Как показал опрос, в процессе межкультурной коммуникации у большинства студентов (76%) разрушились идеализированные средствами массовой информации преимущества образовательных систем стран Запада и высветились положительные аспекты подготовки педагогов в России. Таким образом, результаты опроса позволяют нам сделать вывод о том, что опыт межкультурного взаимодействия может также оказать значимое влияние на формирование патриотически направленной профессиональной позиции.

Можем резюмировать, что актуальность рассматриваемой темы обусловлена рядом факторов, которые условно объединены в две группы: внешние и внутренние. К первой группе факторов относятся обострение политической обстановки в мире, идеологическое противостояние со странами Запада, что требует активизации воспитательно-патриотической работы с учащейся молодежью. Ко второй группе факторов можно отнести внутренние трансформации, происходящие в стране, которые охватили все сферы жизнедеятельности, в том числе и образование. Под влиянием внешних и внутренних факторов возрастает общественная потребность в патриотически направленной профессионально-педагогической деятельности, в готовности выпускников педагогических вузов работать в системе образования на благо Отечества и многонационального российского народа.

Вместе с тем установлено, что в ходе учёбы не в полной мере уделяется должное внимание таким серьёзным вопросам, как формирование гордости за свое профессиональное будущее и приобретаемую специальность, за принадлежность к корпусу профессиональных педагогов как творцов, конструкторов, воспитателей будущих поколений россиян, которые выведут Россию на лидирующую позицию в мире. В воспитательной работе со студентами слабо просматривается умение привить любовь к будущей профессии, становление желания быть педагогом, посвятить себя этой профессии, оставаться в профессии в течение всей своей жизни. Трудовой подвиг таких великих педагогов, как: А.С. Макаренко, Ш.А. Амонашвили, В.А. Сухомлинский и других, не пропагандируется систематически и настойчиво, что не позволяет выработать у студентов должный идеал, пример и эталон поведения и деятельности.

«Сердце отдаю детям...» – разве может быть ещё что-то лучше в качестве эпиграфа и лейтмотива профессиональной подготовки будущих учителей российской школы? Именно таков был основополагающий принцип жизни и профессиональной деятельности великого отечественного педагога В.А. Сухомлинского.

Более детальное рассмотрение проблемы дефицита педагогических кадров, наблюдение, обобщение мнений, проведённые индивидуальные беседы с молодыми учителями и выпускниками, избравшими иные виды деятельности (коммерцию, воинскую службу, сферу услуг и др.), позволили сделать вывод, что наряду с другими причинами, решаемыми на государственном уровне, явно просматривается отсутствие у выпускников и молодых педагогов корпоративного патриотизма, несформированность патриотически направленной профессиональной позиции.

Отдельные аспекты процесса формирования профессиональной позиции будущих педагогов раскрыты в научных трудах В.П. Бедерхановой [4], А.В. Гуторовой [5], Л.Г. Пушкиной [6], Р.М. Шерайзиной и М.В. Евдокимовой [7] и других ученых, по мнению которых она рассматривается как интегративная характеристика личности будущего и действующего педагога, приоритетная цель обучения, профессиональной подготовки студентов и является ядром профессиональной культуры выпускника.

Непеременным компонентом профессиональной позиции специалиста является патриотический компонент, предусматривающий патриотизм личности и корпоративный патриотизм. Так, З.Я. Капустина придерживается мнения, что одним из основных векторов формирования профессиональной позиции личности является ее гражданско-патриотическое воспитание, в основе которого есть любовь, верность и преданность Отечеству, стремление результатами профессиональной деятельности подтвердить эти качества [8. С. 48]. По мнению Е.В. Николаевой [9], сформированная в ходе обучения и воспитания позиция личности отражает линию поведения, направленность личности как социального субъекта в реализации своих ценностных ориентаций, избранных ценностей в качестве эталонов жизни и деятельности. А.Н. Вырщикова и М.Б. Кусмарцев [10], А.Н. Томилин [11] и другие ученые утверждают, что позиция каждого гражданина-патриота отличается желанием и стремлением своими компетенциями, знаниями, навыками и умениями, трудовыми результатами активно содействовать развитию и обороне страны и т.д. Следовательно, формирование патриотически направленной профессиональной позиции (ПНПП) будущих педагогов в современном вузе актуально, возможно, целесообразно и востребовано.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, формирование ПНПП будущих педагогов следует понимать как логически продуманный, спланированный и специально организованный процесс освоения ими профессиональных компетенций, навыков и умений, как основы деятельности, глубинного понимания профессиональной роли, места и функций учителя,

значимости педагогического труда для него как личности, для государства и социума, для подрастающих поколений, формирующее готовность и желание быть педагогом-профессионалом и высоко результативно трудиться в сфере образования на благо Отечества и российского народа в течение всей своей жизни.

На наш взгляд, патриотически направленная профессиональная позиция объединяет *активную позицию личности*, подразумевающую энергичное, конструктивно-творческое участие человека в жизнедеятельности социума, коллектива, группы, *гражданско-патриотическую позицию*, включающую любовь и верность Отечеству, российскому народу, гордость за наше историческое прошлое и настоящее, стремление своими делами и поведением содействовать развитию страны, готовность защищать её интересы и рубежи, и *профессиональную позицию*, отражающую отношение специалиста к своей профессии, готовность и умение трудиться качественно, эффективно и высокорезультативно. Практика профессиональной деятельности показывает, что она может быть более эффективной, если она организована, спланирована и проводится на научной основе при разработке соответствующих концептуальных основ и положений.

В педагогике термин «концепция» понимается как «определенный способ понимания, трактовка группы явлений, ведущий принцип анализа деятельности; система идей с выделением ведущей из них» [12]. Определим для проводимого исследования *концептуальные идеи и положения* процесса формирования ПНПП будущих педагогов, содержащие следующие составляющие: цель, задачи, методологические подходы, принципы, закономерности, направления, механизм реализации, этапы и результат.

В педагогике под термином «цель» понимается «осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека» [13]. Цель формирования патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов – привить истинную и безоговорочную любовь к будущей профессии, гордость за принадлежность к педагогическому сообществу, восприятие своей профессии как уникальной ценности, благородной деятельности, приносящей существенную пользу Отечеству, обществу, народу, подрастающим поколениям.

Декомпозиция данного целеполагания представляет совокупность следующих элементов: выработка профессиональных знаний, умений и навыков; формирование патриотических и профессиональных ценностей, профессиональных компетенций, а также определенного, необходимого типа аналитического и критического мышления и поведения студентов; предоставление всем студентам равных возможностей получения знаний; улучшение патриотической и морально-психологической атмосферы в студенческих группах; повышение качества и результативности успеваемости студентов; получение студентами дополнительных знаний о патриотизме и профессиональной позиции педагога.

Достижение цели будет возможным при решении вытекающих задач:

- систематическое, кропотливое и последовательное разъяснение сущности и ценности профессии педагога, её необходимости для государства, общества и людей;
- изучение истории появления, становления и развития педагогической профессиональной деятельности;
- изучение требований руководящих документов, относящихся к сфере педагогической деятельности, содержащие оценку государством труда педагогов и формулирующие систему требований к их деятельности;
- создание в педагогическом вузе уникальной образовательно-профессиональной среды, позволяющей осмыслить педагогическую реальность, гарантирующую формирование у студентов любви и верности к своей будущей профессии, желания качественно освоить будущую специальность, овладеть комплексом профессиональных компетенций, позволяющих выработать свой стиль деятельности, добросовестно, высокорезультативно выполнять служебные обязанности, быть нужным и востребованным специалистом;

– каждое занятие в педагогическом вузе направить на формирование у студентов гордости за избранную профессию, её престижности в социуме, способствующих повышению интереса учащихся к учебной деятельности, развития желания быть педагогом, заниматься педагогической деятельностью в течение всей своей жизни.

Важным элементом концептуальных основ процесса формирования ПНПП будущих педагогов является выбор совокупности методологических подходов, применение которых позволяет исследователю: на первом этапе определить направление изучения предмета исследования, а также выявить научно-теоретические проблемы; на втором этапе выбрать совокупность принципов каждого подхода служащих в качестве исходной позиции; разработать авторское видение, понимание и интерпретацию педагогических явлений, основные пути и способы разрешения научно-теоретических проблем; на третьем этапе выявить и изучить этапы научного исследования; на четвертом этапе избрать требуемую совокупность приемов и способов; на пятом этапе взять за основу соответствующие концепции, идеи и положения; на шестом этапе получить новые научные знания, новые научные данные об объекте исследования.

Для настоящего исследования был определен комплекс методологических подходов, включающий: личностно развивающий и аксиологический подходы (табл. 1).

Существенным методологическим основанием к проводимому исследованию стал *личностно развивающий подход*, представляющий собой единство *личностного* (рассматривает личность как цель, субъект, результат и стержневой критерий его продуктивности) и *развивающего* (трактует развитие и совершенствование личности как основу, средство и

главное условие) подходов. Колоссальное значение в нашем исследовании имеет *аксиологический подход*, который базируется на аксиологии, учении о ценностях. Подход, будучи методологическим инструмен-

том, отражает сущность гуманистической педагогики, рассматривающей человека, личность как наивысшую ценность социума, цель социального развития.

Таблица 1

Комплекс методологических подходов

Личностно развивающий подход	Аксиологический подход
Определить последовательность формирования ПНПП путем оптимизации содержания учебного материала, учебной информации	Охарактеризовать процесс развития профессиональной подготовки, воспитательно-патриотической деятельности в интересах формирования ПНПП
Продумать и осуществить конкретные меры для развития мышления студентов, учета индивидуальных особенностей, обеспечивающее усвоение знаний, конкретных действий	Рассматривать сформированную патриотически направленную профессиональную позицию как уникальную ценность личности будущего педагога
Ориентировать процесс формирования ПНПП на всестороннее, последовательное и качественное решение всех задач самими студентами, а преподаватель организует данный процесс и помогает учащимся в их образовательной и воспитательной деятельности, применяя педагогическое сопровождение, стимулирование, диагностирование, консультирование, сотрудничество, диалог и т.д.	Сформировать и совершенствовать у учащейся молодежи систему ценностей, включающей патриотические и профессиональные ценности
Обеспечить субъект-субъектное взаимодействие и коммуникации между преподавателем и студентами	Обеспечить субъективное восприятие и осмысление ценности профессии педагога гуманитарной специальности
Создать условия, позволяющие каждому студенту эффективно овладеть базовыми патриотическими и профессиональными ценностями	Проектировать систему профессиональной и методической подготовки в вузе, обеспечивающей приоритетность ценностной сферы личности будущего педагога
Формировать в процессе профессиональной подготовки положительной установки к получаемой специальности и будущей педагогической деятельности	
Привить каждому студенту устойчивую патриотически направленную профессиональную позицию	
Организовать учебно-воспитательный процесс со студентами таким образом, чтобы каждый из них овладел опытом активной, социально-полезной волонтерской и патриотической деятельности	

Анализ теории и практик по исследуемой теме позволил установить *закономерности*, понимаемые как устойчивые повторяющиеся связи между компонентами процесса формирования ПНПП. Это:

- формирование патриотически направленной профессиональной позиции в процессе обучения в вузе приводит к изменениям в самом студенте, если он проявляет аналитическое и критическое мышление как неудовлетворенность способами познавательной и воспитательно-патриотической деятельности;

- становление патриотически направленной профессиональной позиции студентов находится в прямой зависимости от результатов их собственных самостоятельных действий;

- личностно-профессиональное развитие в процессе обучения в вузе способствует становлению патриотически направленной профессиональной позиции, если носит характер самосовершенствования и самореализации;

- мотивация к формированию патриотически направленной профессиональной позиции – это важнейший фактор становления студентов как профессионалов, их профессиональной зрелости, готовности заниматься педагогической профессиональной деятельностью на благо современной России и российского социума.

Деятельность по формированию патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов основывается на определенных *принципах* (табл. 2).

Таблица 2

Принципы формирования патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов

Принцип	Содержание
Научности	Включает соответствие современному уровню развития науки, применение актуальной и современной информации, позволяющие сформировать у учащихся прочные научные знания и компетенции
Системности	Требуется формировать у учащейся молодежи целостной системы знаний, навыков, умений и компетенций
Единства теории и практики	Позволяет учащимся уяснить, что опора на теоретические разработки обеспечивает совершенствование практической деятельности, улучшает качество и результативность деятельности
Гуманизма	Признает личность учащегося как ценность, его право на свободу, счастье, защиту и охрану жизни и здоровья, конструирование условий для развития и социализации, самореализации
Профессионализма и компетентности	Предусматривает организацию подобающей современности профессиональной подготовки, постоянного совершенствования уровня профессиональной компетентности
Активности и наступательности	Содержит: настойчивую и разумную инициативу по формированию патриотического мировоззрения учащихся, системы ценностей, ориентированных на отечественные и профессиональные интересы

Патриотической направленности образовательного процесса	Организовать образовательный процесс с учетом патриотизма и его специфики, расширения знаний студентов в сфере отечественной культуры и российских традиций; продумать и образовать систему учебной и внеаудиторной деятельности, дифференцированную в соответствии со степенью включенности учащейся молодежи в воспитательно-патриотическую работу
Принцип	Содержание
Вариативности	Означает предоставление учащимся возможности выбора в учебно-воспитательной деятельности материалов и информации, видов активности, участников общения и совместной работы, способов действия и оценки и т.д.
Синергетичности	Развитие мотивации учащихся к познавательной активности, заинтересованности в систематической учебе, самооткрытию, познанию окружающего мира и целенаправленного поиска собственного пути развития и самовоспитания

Важнейшими направлениями формирования ПНПП являются:

- *гражданско-патриотическое воспитание* (устремлено на формирование у учащейся молодежи ценностных ориентаций, высоконравственных чувств и качеств, эталонов и норм поведения гражданина – патриота Отечества);
- *педагогико-профессиональное воспитание* (формирует личность как профессионала, обладающего профессиональным мировоззрением, профессионально важными качествами, профессиональной позицией);
- *этическое воспитание* (вооружает учащихся представлениями о культуре и её формах, ценностях жизни и профессии, нравственности и нравственных отношениях, морали);
- *развитие студенческого волонтерского движения* (вовлекает учащуюся молодежь в активную патриотическую, общественно полезную массово-волонтерскую деятельность).

Механизм реализации сущностных идей и положений формирования ПНПП предусматривает [15]:

- ориентирование профессорско-преподавательского состава на формирование ПНПП студентов и повышение их профессионального мастерства в данной сфере деятельности;
- направленность каждого занятия по специальным дисциплинам в педагогическом вузе на формирование ПНПП, развитие конструктивно-творческого потенциала студентов;
- приобщение студентов к исследовательской деятельности (участие в разработке государственно-бюджетных тем, производимых кафедрами вуза; выполнение рефератов и курсовых работ; получение и отработка специальных исследовательских заданий на период прохождения учебной и преддипломной практики). Позволяет получить новые знания, умения и навыки работы в творческом коллективе, а также приобрести ценный опыт деятельности, сотрудничества и коммуникации;
- разработку, утверждение и реализацию специальной целевой программы;
- создание в ходе учебных занятий рабочих ситуаций, близких к реальным, поиск выхода из которых способствует проявлению студентами способности к поиску и быстрому принятию творческо-педагогических решений;
- вовлечение студентов в проектную деятельность, направленную на формирование ПНПП;
- привлечение к проблеме формирования ПНПП органов студенческого самоуправления;

– обмен инновационным опытом формирования ПНПП;

- освещение в СМИ конструктивной деятельности вуза, преподавателей и органов студенческого самоуправления по формированию ПНПП;
- проведение мониторинга по привитию студентам ПНПП;
- рефлексию, установку и интернализацию.

Процесс формирования ПНПП будущих педагогов проходит в течение ряда этапов:

1-й этап – *аналитико-диагностический* (предусматривает выбор диагностического инструментария, проведение первичной диагностики, всесторонний анализ полученных результатов и производство вывода о состоянии и уровне профессиональной позиции студентов);

2-й этап – *деятельностно-формирующий* (охватывает проведение комплекса целенаправленных мероприятий обучения и воспитания студентов, учебной и внеаудиторной деятельности, изучения авторской целевой программы);

3-й этап – *мониторинг* (предназначен для проведения систематического наблюдения за процессом формирования ПНПП студентов с целью установления его соответствия намеченной цели и решаемым задачам);

4-й этап – *рефлексивно-оценочный* (включает анкетирование и тестирование студентов по выбранным методикам, общий анализ результатов и их интерпретирование; выполнение каждым студентом собственного анализа выполненной учебной и воспитательной деятельности, ее оценку, сопоставление достигнутых результатов с намеченными целями).

Реализация концептуальных идей и положений процесса формирования ПНПП будущих педагогов позволит получить необходимый *результат* – качественную подготовку выпускника со сформированной патриотически направленной профессиональной позицией, готового, способного и желающего заниматься педагогической деятельностью по избранной специальности в течение всей своей жизни на благо Отечества и российского многонационального народа.

Заключение

Предложенные концептуальные идеи и положения призваны помочь руководителям и профессорско-преподавательскому составу педагогических вузов в организации учебно-воспитательной деятельности со студентами, проектирования моделей и стратегий фор-

мирования патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогических кадров, способствующей выработки у каждого студента желания, стремления и готовности посвятить себя и свою жизнь педагогическому труду, потребного нашему государству и российскому социуму.

Творческое использование разработанных концептуальных идей и положений позволит преподавательскому составу разнообразить учебно-воспитательную практику, заострить внимание, повысить интерес учащейся молодежи к будущей педагогической деятельности, помочь понять

каждому студенту, что существующие трудности будут устранены, а вложенный труд в обучение и воспитание подрастающих поколений даст свои осязаемые плоды – креативную, патриотичную и трудолюбивую молодежь, которая сохранит ценности, традиции, наследие России, её народов с их культурой и обычаями, сохранит природные богатства, отстоит территориальные приоритеты и продолжит начатые демократические трансформации, выведет страну на лидирующие позиции в мире.

Список источников

1. Педагогический корпус в России: дефицит кадров и тенденция «старения». URL: <https://activityedu.ru/Blogs/analytics/> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Шарукова Н. Каких учителей не хватает в российских школах? URL: <https://pedsovet.org/article/kakih-uchitelej-ne-hvataet-v-rossijskih-skolakh> (дата обращения: 16.05.2022).
3. Дашковская О. Учительская зарплата эпохи перемен: почему не оправдались большие ожидания? URL: <https://vopzeta.ru/articles/2022/1/13/teacher/18983> (дата обращения: 16.05.2022).
4. Бедерханова В.П. Становление личностно-ориентированной позиции педагога. Краснодар : Изд-во КГУ, 2001. 220 с.
5. Готорова А.В. Формирование профессиональной позиции у студентов педагогического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 21 с.
6. Пушкина Л.Г. Формирование профессионально-субъектной позиции будущего специалиста в условиях юридического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 26 с.
7. Шерайзина Р.М., Евдокимова М.В. Развитие педагогической культуры студентов в процессе профессиональной подготовки. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 120 с.
8. Капустина З.Я. Воспитание гражданственности в условиях обновляющейся России // Педагогика. 2002. № 9. С. 45–50.
9. Николаева Е.В. Теоретические аспекты понятия «гражданская позиция» // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы XI Международной научно-практической конференции (25 мая – 2 июня 2015). Тамбов : Общество содействия образованию и просвещению «Бизнес-Наука-Общество», 2015. С. 450–453.
10. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград : Авторское перо, 2006. 182 с.
11. Томилин А.Н. Военно-педагогическая теория и практика формирования и развития профессиональной направленности офицера-воспитателя. Новороссийск : РИО МГА им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2010. 150 с.
12. Русова С.Е. Словарь педагогических терминов. URL: <https://psy.wikireading.ru/> (дата обращения: 19.02.2022).
13. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь : для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М. : И ; Академия, 2000. 176 с.
14. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург : Изд-во ЕГПУ, 2000. 937 с.
15. Шерайзина Р.М., Савинова А.Е. Теоретико-экспериментальное исследование процесса формирования патриотически направленной профессиональной позиции будущих педагогов в современном вузе // Вестник педагогический наук. 2022. № 3. С. 129–132.

References

1. ActivityEdu. (2020) *Pedagogicheskiy korpus v Rossii: defitsit kadrov i tendentsiya "stareniya"* [The teaching corps in Russia: shortage of personnel and the trend of "aging"]. [Online] Available from: <https://activityedu.ru/Blogs/analytics/> (Accessed: 16.05.2022).
2. Sharukova, N. (2021) *Kakikh uchiteley ne khvataet v rossiyskikh shkolakh?* [What teachers are missing in Russian schools?]. [Online] Available from: <https://pedsovet.org/article/kakih-uchitelej-ne-hvataet-v-rossijskih-skolakh> (Accessed: 16.05.2022).
3. Dashkovskaya, O. (2022) *Uchitel'skaya zarplata epokhi peremen: pochemu ne opravdalis' bol'shie ozhidaniya?* [Teacher's salary in the era of change: why did high expectations not come true?]. [Online] Available from: <https://vopzeta.ru/articles/2022/1/13/teacher/18983> (Accessed: 16.05.2022).
4. Bederkhanova, V.P. (2001) *Stanovlenie lichnostno-orientirovannoy pozitsii pedagoga* [The formation of a personality-oriented position of the teacher]. Krasnodar: Krasnodar State University.
5. Gutorova, A.V. (1996) *Formirovanie professional'noy pozitsii u studentov pedagogicheskogo vuza* [Formation of a professional position in students of a pedagogical university]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Volgograd.
6. Pushkina, L.G. (2015) *Formirovanie professional'no-sub'ektnoy pozitsii budushchego spetsialista v usloviyakh yuridicheskogo vuza* [Formation of the professional-subjective position of the future specialist in the conditions of a law school]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
7. Sherayzina, R.M. & Evdokimova, M.V. (2001) *Razvitie pedagogicheskoy kul'tury studentov v protsesse professional'noy podgotovki* [Development of pedagogical culture of students in the process of professional training]. Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.
8. Kapustina, Z.Ya. (2002) *Vospitanie grazhdanstvennosti v usloviyakh obnovyayushcheyssya Rossii* [Cultivation of citizenship in the conditions of the renewing Russia]. *Pedagogika*. 9. pp. 45–50.
9. Nikolaeva, E.V. (2015) [Theoretical aspects of the concept "civic position"]. *Lichnostnoe i professional'noe razvitie budushchego spetsialista* [Personal and professional development of the future specialist]. Proceedings of the XI International Conference (25 May – 2 June 2015). Tambov: Obshchestvo sodeystviya obrazovaniyu i prosveshcheniyu "Biznes-Nauka-Obshchestvo". pp. 450–453. (In Russian).
10. Vyreshnikov, A.N. & Kusmartsev, M.B. (2006) *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Patriotic upbringing of youth in modern Russian society]. Volgograd: Avtorskoe pero.
11. Tomilin, A.N. (2010) *Voennno-pedagogicheskaya teoriya i praktika formirovaniya i razvitiya professional'noy napravlenosti ofitsera-vospitatelya* [Military-pedagogical theory and practice of the formation and development of the professional orientation of the officer-educator]. Novorossiysk: Admiral Ushakov Maritime State Academy.
12. Rusova, S.E. (2022) *Slovar' pedagogicheskikh terminov* [Dictionary of pedagogical terms]. [Online] Available from: <https://psy.wikireading.ru/> (Accessed: 19.02.2022).

13. Kodzhaspirova, G.M. & Kodzhaspirov, A.Yu. (2000) *Pedagogicheskiy slovar'* [Pedagogical Dictionary]. Moscow: I; Akademiya.
14. Bezrukova, V.S. (2000) *Osnovy dukhovnoy kul'tury (entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga)* [Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary of a teacher)]. Yekaterinburg: Izd-vo EGPU.
15. Sherayzina, R.M. & Savinova, A.E. (2022) Theoretical and Experimental Study of Formation of Patriotic Professional Position of Future Teachers in Modern University. *Vestnik pedagogicheskoy nauk*. 3. pp. 129–132. (In Russian).

Информация об авторах:

Савинова А.Е. – соискатель Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: savinovaaliusa@list.ru

Шерайзина Р.М. – д-р пед. наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: roza.sherayzina@novsu.ru

Шустров А.С. – аспирант, инженер-технолог лаборатории цифровой дидактики, ассистент кафедры технологического и художественного образования Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: savinovaaliusa@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Savinova, external postgraduate student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: savinovaaliusa@list.ru

R.M. Sherayzina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Novgorod Yaroslav the Wise State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: roza.sherayzina@novsu.ru

A.S. Shustrov, postgraduate student, technologist of the Laboratory of Digital Didactics, assistant professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: savinovaaliusa@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.*

*The article was submitted 27.08.2022;
approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*

Научная статья
УДК 378.1
doi: 10.17223/15617793/482/22

Удовлетворенность студентов педагогического вуза подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифрового общества

Елена Михайловна Харланова¹, Надежда Валерьевна Сиврикова²,
Светлана Васильевна Рослякова³, Марина Владимировна Циулина⁴

^{1, 2, 3, 4} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ harlanovaem@cspu.ru

² bobronv@cspu.ru

³ roslyakovasv@cspu.ru

⁴ ciulinamv@cspu.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования удовлетворенности студентов подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифровизации. Выявлена структура удовлетворенности и разница в удовлетворенности подготовкой будущих педагогов-предметников и специалистов социальной сферы. Сделан вывод о правомерности структуры разработанной ранее модели проактивной подготовки студентов к воспитательной деятельности и необходимости внесения корректив в ее наполнение с учетом полученных в исследовании данных.

Ключевые слова: взаимодействие, удовлетворенность, воспитательная деятельность, проактивность, подготовка педагогов, подготовка специалистов социальной сферы, информационно-коммуникационные технологии, цифровое общество, цифровизация

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке по итогам конкурса научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов-партнеров ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» и ФГБОУ ВО «МГПУ им. М.Е. Евсевьева», проект «Педагогическое обеспечение проактивной подготовки будущих педагогов и специалистов социальной сферы к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифровизации».

Для цитирования: Харланова Е.М., Сиврикова Н.В., Рослякова С.В., Циулина М.В. Удовлетворенность студентов педагогического вуза подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифрового общества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 214–224. doi: 10.17223/15617793/482/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/22

Pedagogical university students' satisfaction with preparation for interaction in educational activities in a digital society

Elena M. Kharlanova¹, Nadezhda V. Sivrikova², Svetlana V. Roslyakova³, Marina V. Tsiulina⁴

^{1, 2, 3, 4} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ harlanovaem@cspu.ru

² bobronv@cspu.ru

³ roslyakovasv@cspu.ru

⁴ ciulinamv@cspu.ru

Abstract. Current conditions of increasing conflict and uncertainty point out the guidelines for the change of education correlated with the model of “knowledge society” and the goals of sustainable development in a digital society. These guidelines actualize the involvement of all citizens and institutions in the process of lifelong education and upbringing. These two notions as factors of national security require the readiness of future teachers and specialists in the social sphere to build constructive interaction with a wide range of participants in various realms. The transformation of professional training should be carried out considering the attitude to it of students themselves. The article conveys the results of a study of the pedagogical university students' satisfaction with the preparation for educational activities interaction under digitalization conditions. During the survey 446 third- to fifth-year students were interviewed, two groups of students were compared: future teachers (teachers of various subjects), future social sphere specialists (students majoring in social work, psychological and pedagogical education, vocational training, special

(defectological) education, and management). The results of the study provided us with the structure of students' satisfaction with educational activities preparation that includes three factors: personal satisfaction, interactive satisfaction and satisfaction with theoretical and practical training. Overall, students have an average level of satisfaction with training in general, while they are relatively less satisfied with the interactive factor. The outcomes of the study established the following difference: future subject teachers are less satisfied with their preparation for interaction in the educational process than future specialists in the social sphere. The use of information technologies by students in educational activities correlates with the level of satisfaction concerning all three factors. Still, the strongest connection is revealed within interaction satisfaction. The results of the research allow us to empirically confirm the structure of the previously developed model of proactive preparation for educational activities and make relevant adjustments: (1) clarify the composition of subsystems (subject-environment, content, process); (2) update networking (expanding the range and productivity of interaction during the training period); (3) enhance the content of subsystems by including up-to-date information and communication technologies to organize students' training in the context of digitalization.

Keywords: interaction, satisfaction, educational activity, proactivity, teacher training, training of social sphere specialists, information and communication technologies, digital society, digitalization

Financial support: The study was carried out with financial support following the results of a competition of research work in priority areas of activity of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University and the Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev partner universities, Project "Pedagogical support of proactive training of future teachers and specialists in the social sphere for interaction in educational activities in the context of digitalization".

For citation: Kharlanova, E.M., Sivrikova, N.V., Roslyakova, S.V. & Tsiulina, M.V. (2022) Pedagogical university students' satisfaction with preparation for interaction in educational activities in a digital society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 214–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/22

Введение

Развитие образования и воспитания на уровне мирового сообщества с начала XXI в. ориентировано на модель «общества знаний», представленную в докладе ЮНЕСКО [1]. В основе данной модели лежит концепция непрерывного образования, предполагающая участие в нем не только образовательных организаций, но и всех государственных и общественных институтов, всех членов общества, ориентирована на совместное владение знаниями и сотрудничество, характеризуется развитием «сетевых обществ», «обучающихся обществ» [1].

В условиях цифрового общества актуальным для реализации данной концепции является вопрос о взаимодействии разных субъектов процесса воспитания, имеющих свои интересы, цели, транслирующих разные ценности и способы коммуникации в реальной (физической) и цифровой среде. Подчеркивается важность коммуникативных процессов как центральных в психологических антропологических теориях и подходах (Т.В. Кошельская) [2], роль и специфика «воспитывающей коммуникации» педагога (П.В. Степанов) [3]. Определяя компетенции будущего, отечественные исследователи включают в их состав «готовность к сотрудничеству» (Е.Ю. Алексейчева) [4]; «умение взаимодействовать и сотрудничать с людьми» (П. Безручко) [5]. Зарубежные авторы также отмечают важность формирования социально-эмоциональных компетенций будущих педагогов (L.L. Nadar, O. Ergas, B. Alpert, T. Ariav) [6].

Необходимость обеспечения конструктивного взаимодействия субъектов воспитания на разных уровнях (международном, федеральном, региональном, муниципальном, институциональном, локально-групповом) в условиях цифровизации определяет постановку задачи регулирования отношений, их координации. Важ-

ную роль в этом процессе выполняют педагоги и специалисты социальной сферы, реализующие воспитательную деятельность. В связи с этим готовность к взаимодействию рассматривается как одна из важнейших компетенций данных специалистов.

В исследовании, проведенном R.M. Klassen с коллегами [7], в результате опроса респондентов из Англии, Финляндии, Малави и Омана были выделены три кластера некогнитивных компетенций будущих учителей, среди которых названы эмпатия и коммуникация. При этом для финской системы образования обоснована еще важность компетенций «сотрудничества и содействия развитию сообщества», «мультипрофессионализма и командной работы».

Испанские ученые R.S. Ponce, A.S. Sarmiento, A.G. Bertolín в исследовании 2020 г. среди четырех групп компетенций педагогов выделили группу «учиться жить вместе», включая в нее «способность учиться самостоятельно и в сотрудничестве с другими, вести диалог со всеми членами образовательного сообщества, поддерживать отношения, способствующие созданию климата сотрудничества» [8].

D.C. Wesley описывает 11 нетрадиционных ожиданий от учителей будущего, среди которых названы компетенции взаимодействия: создание партнерских отношений с членами школьного сообщества, демонстрация компетентности и интереса к другим, обсуждение педагогических ситуаций с коллегами [9].

Отечественные ученые Э.Ф. Зеер, В.С. Третьякова и В.И. Мирошников выделяют в качестве важных компетенций педагога навыки работы в команде, умение вести переговоры, а также «умение связывать и организовывать представителей различных профессий (горизонтальных команд)» [10. С. 109].

Белгородские ученые Е.И. Ерошенкова, И.С. Шаповалова, Е.А. Карабутова, С.В. Анохина, О.С. Мирошникова, разрабатывая просоциальную компетент-

ностную модель будущего педагога-воспитателя, выделили стимулирующий кластер, включающий интенцию на «других», т.е. социальные компетенции: позитивное лидерство (positive leadership), справедливость (justice), создание и поддержание связей (relationship creation and maintenance), сотрудничество (collaboration), способность работы в команде (team collaboration). Данный кластер определяет взаимодействие субъектов в воспитательном процессе [11].

Анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет убедиться в том, что неизменно в перечне педагогических компетенций выделяются компетенции, обеспечивающие взаимодействие.

Однако в реальной деятельности современного педагога взаимодействие с разными участниками образовательных отношений, социальными партнерами выступает одной из компетенций, вызывающих наибольшие трудности при реализации.

Исследователи из Израиля P. Iranzo-García, M. Samagero-Figueola и другие выявили, что, по мнению учителей и директоров образовательных организаций, из всех функций именно координация является на практике самой неполноценной, хотя и наиболее важной [12].

Н.Ф. Ильина и Н.Ф. Логинова, исследуя компетентность молодых педагогов в сфере воспитания, указывают на невладение современными педагогическими технологиями в профессиональной коммуникации [13].

Анализируя исследования, рассматривающие разные аспекты подготовки будущих педагогов и специалистов социальной сферы к воспитательному взаимодействию, было выделено две группы затруднений: субъективные и объективные.

Субъективные связаны с влиянием личностных характеристик на готовность будущего специалиста к взаимодействию в сфере воспитания. Многочисленные исследования показали взаимосвязь между особенностями личности и особенностями взаимодействия. Так, В.Г. Маралов, В.А. Ситаров выявили связь между уровнем стереотипности/раздражительности и выбором позиции при взаимодействии [14]. V. Gutu, I.A. Boghian установили взаимосвязь характеристик «ответственность» и «сотрудничество» [15]. Это подчеркивает важность целенаправленной работы по личностному развитию будущего воспитателя.

Объективные же затруднения обусловлены изменениями в системе коммуникации, переходом к ее новым формам. Следствием затруднительной коммуникации в цифровом обществе является обострение разрыва между поколениями и внутри поколений, который проявляется в способах, средствах, ресурсах, содержательном наполнении коммуникаций. Это обусловлено разным уровнем доступа к цифровым ресурсам и устройствам, компетентностью и самими запросами людей [16]. Кроме того, информационное поле каждого субъекта сегментировано и вызывает обособление от других. Согласно данным исследования J.M. Twenge, в мире наблюдается рост одиночества подростков (с 10% в 2000 г. до 33% в 2018), ко-

торый автор связывает с особенностями использования ими смартфонов [17].

Цифровизация в образовании не только обостряет проблемы взаимодействия, но и предоставляет новые возможности: например, возможность решения образовательных задач через сетевые сообщества (Е.А. Дмитриева) [18. С. 80], которые обеспечивают конструктивное взаимодействие, социальное участие и обучение (R.M. Puigcercos) [19]. Вместе с тем отмечается, что современные образовательные организации и педагоги не вполне готовы к этому (Т.Н. Леван) [20].

Можно констатировать противоречие между важностью взаимодействия, сотрудничества специалистов, реализующих воспитательные задачи в условиях цифровизации, с широким кругом участников образовательных отношений, социальных партнеров и недостаточной готовностью к нему.

Осознание данного противоречия побуждает к поиску путей совершенствования подготовки специалистов, участвующих в процессе воспитания, к взаимодействию. Однако анализ исследований показывает, что чаще всего в них рассматриваются будущие и практикующие педагоги и внимание исследователей сосредоточено только на взаимодействии педагогов с воспитанниками. Так, R.C. Pianta рассматривает взаимодействие учителя и ученика как «ключевой актив для улучшения обучения и развития учащихся» и предлагает применять методы наблюдения для оценки взаимодействий в целях их исследования и совершенствования [21]. Н.С. Шкитина и соавт. для освоения будущим учителем различных форм взаимодействия с обучающимися предлагают модель формирования эмпатийно-коммуникативной компетентности студентов педагогических вузов [22. С. 106]. D.N. Daum, R. Martinen, D. Banville раскрывают возможности подхода «обучение действием» («Service-learning»), предполагающего получение опыта реализации послешкольных (внеурочных) программ во взаимодействии с воспитанниками для выявления возможных проблем с поведением и улучшения взаимодействия [23].

Перспективным выглядят предложения исследователей, связанные с изменением самого характера взаимодействия студентов в процессе обучения. Для освоения и реализации разных форм сотрудничества в дальнейшей профессиональной деятельности важным является обращение к совместному или кооперативному обучению [15, 24]; особое «устройство образовательной среды» для обеспечения понимания этических границ различных коммуникативных форматов и освоение коммуникативных ролей [25]; создание диалогового пространства образования, в котором «студент отрабатывает варианты реализации позитивного педагогического опыта, межличностного взаимодействия, выбора образовательных практик и технологий, интериоризации ценностей, актуализации информационных ресурсов» [26. С. 47].

Итак, существует много предложений, представленных с позиций разных подходов и раскрывающих различные составляющие подготовки к взаимодействию. На данный момент они носят разрозненный

характер. Поэтому возникает необходимость систематизации и интеграции различных аспектов подготовки к взаимодействию в воспитательной деятельности будущих педагогов и специалистов социальной сферы.

Обобщение разных точек зрения позволяет выделить как минимум три важных аспекта подготовки к взаимодействию в сфере воспитания в условиях цифровизации: личностный (включающий социально-эмоциональные (L.L. Nadar) [6], эмпатийно-коммуникативные компетенции (Н.С. Шкитина, Е.В. Гнатышина и др.) [22] и аксиосферу субъектов (Н.Н. Асташова, С.К. Болдырева, А.П. Сманцер) [26]; содержательно-инструментальный (теоретическая и практическая составляющие) (Л.В. Байбородова, М.В. Груздев, Н.Л. Селиванова и др.) [27, 28]; интерактивный (опыт взаимодействия в образовательной среде вуза в условиях учебной, воспитательной, внеучебной деятельности по реализации воспитательных задач) (М.С. Горбулева, П.В. Степанов и др.) [25, 28].

В ряде исследований подчеркнута необходимость системной подготовки к воспитательной деятельности во взаимосвязи ее составляющих, включая подготовку к взаимодействию [27–29]. Так, нами предложена модель проактивной подготовки к воспитательной деятельности [29], ключевой идеей которой является реализация проектно-конструктивной деятельности во взаимодействии студентов, преподавателей и действующих специалистов по разработке и апробации решений актуальных и прогнозируемых в ближайшем будущем задач воспитательной деятельности.

В то же время учеными отмечено, что результативность изменений и преобразований зависит от их принятия субъектами. Например, в исследовании D. Ittner, G. Hagenauer, T. Hascher выявлено, что готовность директоров школ к изменениям в процессе реформ образовательных программ связана с их эмоциональным отношением к этим реформам [30]. П.В. Степанов, И.В. Степанова отмечают что «никакие инновации не “приживутся”, минуя желание педагога к осуществлению воспитательной деятельности» [31. С. 75]. В рамках подготовки к воспитательной деятельности студент выступает ее субъектом, поэтому важно учитывать его отношение к данной подготовке. Опираясь на стратегию совместного размышления и действия («Participatory Reflection and Action» (PRA) [32]), считаем целесообразным начинать разработку путей совершенствования подготовки к взаимодействию в воспитательной деятельности с изучения удовлетворенности студентов существующей подготовкой, разными ее составляющими.

В этой связи цель исследования, представленного в данной статье, – изучить удовлетворенность студентов педагогического вуза, осваивающих образовательные программы педагогической и непедагогической направленности, подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности в условиях цифровизации.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования выступила конструктивная парадигма, субъектно-средовой

подход. Согласно конструктивной парадигме, каждый участник образовательного процесса непосредственно включен в конструирование себя, окружающей среды в процессе взаимодействия. Поэтому важно учитывать субъективное мнение студентов, их отношение к подготовке как важной детерминанте конструктивной активности личности. Субъектно-средовой подход актуализирует внимание исследователей на изучении и реализации потенциала взаимодействия субъектов и среды в рамках имеющихся ресурсов (организационных, информационных, аксиологических, технологических, материальных), каналов взаимодействия (ориентационный, сенситивный, когнитивный, деятельностный, интерактивный), обеспечивая доступность возможностей для реализации активности. С позиций данного подхода был разработан опросник для оценки удовлетворенности студентов подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности.

Для сбора эмпирических данных использовался массовый онлайн-опрос, в котором приняли участие 446 студентов 3–5-х курсов Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). Выборка делилась на две группы по 223 человека в каждой: 1) будущие педагоги (учителя разных предметов); 2) будущие специалисты социальной сферы (обучающиеся по направлениям «Социальная работа», «Психолого-педагогическое образование», «Профессиональное обучение», «Специальное (дефектологическое) образование», «Менеджмент»).

Для оценки удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности использовались 14 вопросов анкеты, состоящей из трех блоков: 1) удовлетворенность подготовкой к воспитательной деятельности (9 вопросов); 2) отношение к использованию информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности (2 вопроса); 3) биографические данные (3 вопроса). Ответы на вопросы в первых двух блоках анкеты были построены по шкале Лайкерта (от 1 – полностью неудовлетворен – до 5 – полностью удовлетворен). Применение критерия альфа Кронбаха показало, что используемые шкалы/блоки обладают высокой (0,94) надежностью.

Кроме того, выявлялось отношение студентов к применению информационно-коммуникационных технологий в процессе воспитания и к опыту их применения в процессе подготовки к воспитательной деятельности в вузе.

Для обработки результатов исследования использовались методы математического анализа: факторный анализ методом главных компонент и однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты исследования

Результаты опроса подвергались процедуре факторного анализа методом главных компонент с использованием варимакс вращения, которое сошлось за пять итераций.

Было установлено, что отдельные вопросы об удовлетворенности студентов подготовкой к воспитательной деятельности образуют три фактора (табл. 1).

Таблица 1

Факторная структура удовлетворенности студентов педагогического университета подготовкой к воспитательной деятельности (повернутая матрица компонентов)

Фактор	Личностная удовлетворенность	Удовлетворенность взаимодействием	Удовлетворенность теоретической и практической подготовкой
Удовлетворенность возможностью обсуждать в кругу единомышленников проблемы воспитания	0,822		
Удовлетворенность освоением методов саморегуляции	0,753		
Удовлетворенность подготовкой к воспитательной деятельности в целом	0,710		
Удовлетворенность наличием опыта разработки своих инициатив, проектирования, конструирования воспитательной деятельности	0,565	0,583	
Удовлетворенность тем, как решались личные аспекты подготовки к воспитательной деятельности в вузе	0,511	0,564	
Удовлетворенность тем, что в ходе моей подготовки получил опыт сотрудничества с другими организациями		0,788	
Удовлетворенность тем, что за время обучения получил опыт участия в молодежных объединениях		0,843	
Удовлетворенность практической подготовкой к воспитательной деятельности			0,771
Удовлетворенность теоретической подготовкой к воспитательной деятельности			0,814

В первый фактор вошли переменные, относящиеся к удовлетворенности личностными достижениями в области подготовки к воспитательной деятельности, а именно проблемы воспитания в кругу единомышленников, освоение методов саморегуляции, опыт разработки собственных инициатив, решение личностных аспектов (стереотипов, предубеждений и т.д.). Именно с данными переменными связан уровень общей удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности у студентов.

Второй фактор составили переменные, касающиеся удовлетворенности опытом взаимодействия с другими участниками образовательного процесса по вопросам воспитания, как-то: опыт участия в молодеж-

ных объединениях, сотрудничества с другими организациями, разработки собственных инициатив и решением личностных проблем. Последние две переменные практически с одинаковым весом входят как в первый, так и во второй факторы.

В последний фактор вошли переменные, составляющие удовлетворенность содержанием подготовки к воспитательной деятельности в вузе, а именно теоретическая и практическая подготовка.

В ходе исследования было установлено, что у студентов наблюдается средний уровень удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности в вузе (табл. 2).

Таблица 2

Особенности удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности у студентов, обучающихся по разным образовательным программам

Факторы удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности		Личностная удовлетворенность	Удовлетворенность взаимодействием	Удовлетворенность теоретической и практической подготовкой
Критерий равенства дисперсий Ливиния	F	1,73	3,08	0,65
	p	0,19	0,08	0,42
Средние значения по группе (станайны)	Будущие педагоги	5,0	3,2	5,03
	Специалисты социальной сферы	4,98	5,2	5,2
t-критерий для равенства средних	p (двухсторонняя)		0,85	0,03
	95%-й доверительный интервал для разности	Нижняя граница	-0,166	-0,392
		Верхняя граница	-0,201	-0,015
				-0,105

При сравнении удовлетворенности студентов по трем факторам отмечено, что они относительно менее удовлетворены взаимодействием в воспитательном процессе ($X = 4,1$ по шкале станайнов). Наиболее выраженная разница в оценке разных факторов удовлетворенности наблюдается в группе студентов, получающих профессию педагогов-предметников.

Сравнение данных в исследуемых группах показало, что между ними существуют различия в уровне удовлетворенности взаимодействием в рамках подго-

товки к воспитательной деятельности ($p = 0,03$). Причем более удовлетворены данным фактором студенты, которые осваивают профессии социальной сферы (психологи, менеджеры, дефектологи и т.д.), чем будущие педагоги-предметники.

Одним из аспектов исследования стало выявление отношения к применению информационно-коммуникационных технологий в процессе воспитания и к опыту их применения в процессе подготовки к воспитательной деятельности в вузе (табл. 3).

Таблица 3

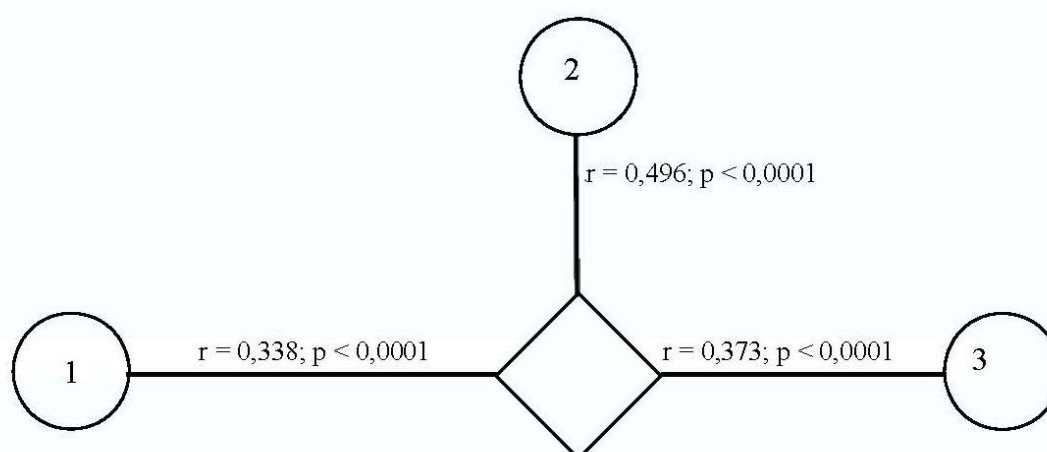
Особенности применения информационно-коммуникационных технологий в процессе подготовки к воспитательной деятельности в вузе

Особенности применения ИКТ		Отношение к ИКТ в воспитании	Опыт применения ИКТ в вузе
Критерий равенства дисперсий Ливиния	F	1,67	8,457
	p	0,197	0,004
Средние значения по группе (баллы)	Будущие педагоги	3,46	3,68
	Специалисты социальной сферы	3,74	3,84
t-критерий для равенства средних	p (двухсторонняя)		0,014
	95%-й доверительный интервал для разности	Нижняя граница	-0,5
		Верхняя граница	-0,06
			0,07

Было выявлено, что студенты относятся нейтрально или скорее положительно к использованию информационно-коммуникационных технологий в процессе воспитания ($X = 3,6$ по шкале Лайкерта), также они оценивают и свой опыт использования данных технологий в процессе подготовки к воспитательной деятельности в вузе ($X = 3,8$ по шкале Лайкерта). В ходе исследования было установлено, что у будущих специалистов социальной сферы отношение к использованию информационно-коммуникативных технологий в процессе воспитания более положительное ($p = 0,014$), чем у будущих педагогов-предметников.

Уверенность студентов в том, что воспитательная деятельность невозможна без использования информационно-коммуникационных технологий, зависит от опыта применения информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности вузе ($D = 0,321$; $p = 0,0001$).

Анализ корреляций между опытом использования информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности в вузе и степенью удовлетворенности подготовкой студентов к воспитательной деятельности показал наличие положительных связей между ними (рис. 1).

Условные обозначения: 1 – личностная удовлетворенность; 2 – удовлетворенность взаимодействием; 3 – удовлетворенность теоретической и практической подготовкой; 4 – опыт применения информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности в вузе; r – коэффициент корреляции Спирмена; p – уровень значимости (двухсторонней)

Рис. 1. Корреляции удовлетворенности подготовкой к воспитательной деятельности и опытом применения информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности

В то же время удалось установить, что использование информационных технологий коррелирует с уровнем выраженности удовлетворенности всеми тремя факторами подготовки к воспитательной деятельности: личностная удовлетворенность ($r = 0,338$; $p = 0,0001$), удовлетворенность взаимодействием ($r = 0,496$; $p = 0,0001$) и удовлетворенность теоретико-практической подготовкой ($r = 0,373$; $p = 0,0001$). Наиболее сильная связь обнаруживается со вторым исследуемым фактором.

Обсуждение

Полученные в исследовании данные позволяют утверждать, что в оценке студентами разных состав-

ляющих подготовки к воспитательной деятельности можно выделить три фактора: личностный, интерактивный (взаимодействие), содержательный (теоретическая и практическая подготовка). Это является эмпирическим подтверждением разработанной нами ранее и представленной в публикациях модели проактивной подготовки студентов к воспитательной деятельности [29]. Данная модель включает три подсистемы: субъектно-средовую, содержательную, процессную. Субъектно-средовая подсистема отражается в личностном факторе удовлетворенности воспитательным процессом. Она связана с раскрытием и удовлетворенностью реализацией личностных аспектов подготовки. Содержательная подсистема сопоставима с фактором, включающим теоретическую и практиче-

скую подготовку. Эта подсистема обеспечивает фундаментальность подготовки к воспитательной деятельности и предполагает удовлетворенность теоретико-инструментальной составляющей. Процессная подсистема отражается в интерактивном факторе (факторе взаимодействия). Она обеспечивает включение студентов в воспитательную деятельность, во взаимодействие с другими субъектами, связана с удовлетворенностью взаимодействием.

Полученные в результате эмпирического исследования данные указывают на необходимость внесения в разработанную ранее модель проактивной подготовки студентов к воспитательной деятельности следующих корректив:

- в субъектно-средовой подсистеме подготовки следует рассматривать в том числе и такие составляющие, как коммуникация в кругу единомышленников (т.е. необходима общность и общение по вопросам воспитательной деятельности), опыт саморегуляции, решения личностных задач (т.е. необходима поддержка самого студента как субъекта воспитательной деятельности), получение опыта конструирования воспитательных дел (т.е. включение в конструктивную практическую воспитательную деятельность);

- в процессной подсистеме нужно обратить внимание не только на алгоритм поэтапного конструктивного взаимодействия (блоки: практико-рефлексивный теоретико-исследовательский, конструирования, апробации, аналитический, трансляционный) [29], но и на обеспечение освоения и расширения социальных связей (нетворкинг) как в кругу сверстников (в том числе в молодежных объединениях), так и в кругу внешних партнеров.

Сравнение ответов двух групп респондентов (будущих педагогов-предметников и будущих специалистов социальной сферы) позволило выявить различия в оценке фактора «удовлетворенность взаимодействием». Они достигаются за счет разницы в уровне удовлетворенности взаимодействием с социальными партнерами и включенностью в молодежные общественные объединения. Для объяснения данных особенностей требуются дальнейшие исследования. Однако данные, полученные современными зарубежными и отечественными авторами, уже позволяют заключить, что обнаруженные различия могут быть обусловлены: 1) установками преподавателей; 2) недостаточностью подготовки в сфере профессиональной коммуникации; 3) ограниченностью круга взаимодействий студентов в решении задач воспитательной деятельности в процессе освоения образовательных программ.

Так, например, в исследовании J.H.E. Assen и соавт. [33] было установлено, что преподаватели социально-образовательных программ оценивают коллективное обучение значительно выше, чем преподаватели управленческих программ. Авторы говорят о том, что полученные ими различия связаны с оценкой значимости взаимодействия в профессиональной деятельности специалистов, которых они готовят. Следовательно, можно предположить, что установки самих преподавателей, реализующих обра-

зовательные программы, оказывают влияние на подготовку к взаимодействию в воспитательной сфере. Если преподаватели считают, что для будущей профессиональной деятельности студентов важно взаимодействие, то они и будут уделять этому больше внимания по сравнению с теми педагогами, которые считают иначе. Однако данное предположение требует дальнейшего эмпирического подтверждения.

Недостаточность подготовки в сфере профессиональной коммуникации будущих педагогов отмечается в исследованиях Н.Ф. Ильиной и Н.Ф. Логиновой [13]. Авторы указывают на наличие в подготовке педагогов дефицита методических знаний, а также знаний и умений в сфере воспитания учащихся, умений применять теоретические знания на практике, затруднений в осуществлении коммуникативной деятельности, проблем в организации внеурочной работы и сотрудничества с семьей учащихся, низкого уровня владения современными педагогическими технологиями в профессиональной коммуникации.

Также учеными отмечено, что у молодых педагогов отсутствует умение строить взаимоотношения с другими участниками образовательного процесса [34]. Ссылаясь на данные утверждения, можно предположить, что сами будущие педагоги осознают наличие подобных недостатков в их подготовке. Это и отражается в более низком уровне удовлетворенности собственной готовностью в области воспитательного взаимодействия.

Отличие в оценке фактора удовлетворенности подготовкой к взаимодействию студентов одного педагогического вуза, обучающихся по разным образовательным программам, косвенно свидетельствует об ограниченности взаимодействия кругом участников данных программ. Однако в будущем они (педагоги и специалисты социальной сферы) как профессионалы в области воспитания призваны взаимодействовать друг с другом. Соглашаясь с позицией Э.Ф. Зеера о том, что современному студенту необходимо освоить «умение связывать и координировать представителей различных профессий (горизонтальных команд)» [10. С. 109], подчеркнем необходимость актуализировать в процессе профессиональной подготовки ресурс сотрудничества студентов, осваивающих разные образовательные программы.

На этой основе обратим внимание на необходимость более технологичной разработки процессуальной подсистемы проактивной подготовки студентов к взаимодействию в воспитательной деятельности, цикл которого включает блоки: практико-рефлексивный (изучение опыта педагогов и анализ собственного опыта воспитательного взаимодействия, выявление актуальных задач воспитания); теоретико-исследовательский (изучение теоретических положений и их применения в решении задач воспитания), конструирования (разработка практического решения в виде алгоритма воспитывающего действия, приема, формы, метода, методики, программы, технологии, базы данных и т.п.), апробации, аналитический, трансляционный. Важно реализовать полный цикл для достижения продуктив-

ности подготовки и во внутреннем (освоение студентами компетенций), и во внешнем плане (решение воспитательных задач в практической педагогической деятельности в вузе или на базе практики). Однако в рамках учебных дисциплин и практической подготовки, как правило, есть возможность для реализации только ряда блоков. Поэтому целесообразно рассмотреть вариант включения в учебный план будущих педагогов на одном из курсов или разработку курсового педагогического проекта, вместо курсовой научно-исследовательской работы, или выполнение курсового исследования на основе проектной методики, что обеспечит реализацию полного цикла воспитательного преобразующего взаимодействия. Созвучные предложения представлены в работе Л.В. Байбородовой, М.В. Груздева, И.Г. Харисова [27. С. 22].

В исследовании также выявлена связь между установкой студентов на необходимость применения информационно-коммуникационных технологий в воспитательной деятельности и опытом их применения. Данное положение актуализирует ряд позиций: во-первых, в условиях, когда меняется норма цифрового, личного, социального взаимодействия (J.M. Twenge) [17], подготовка к взаимодействию в воспитательной деятельности связана с обращением к цифровым ресурсам, технологиям; во-вторых, это обращение к цифровым технологиям должно быть обусловлено связью и взаимодействием между профессиональной образовательной практикой и онлайн-обучением (Т. Köhler, J. Drummer) [35]; в-третьих, само обучение студентов должно быть организовано на основе информационно-коммуникационных технологий, востребованных в воспитательной деятельности. Данные тезисы актуализируют дополнение всех подсистем модели проактивной подготовки студентов к воспитательной деятельности:

– субъектно-средовая – обеспечение цифровой составляющей воспитательной среды (создание цифровой среды, ее дополнение цифровыми ресурсами и технологиями, расширение практики информационного обмена и организации взаимодействия субъектов на этой основе);

– содержательная – освоение теории применения цифровых технологий в воспитании, практики работы в сетевых обучающих сообществах, проведение воспитательных событий с использованием информационно-коммуникационных технологий;

– процессуальная – в ходе подготовки совместная разработка и реализация воспитательных дел на основе гибридного формата общения (онлайн и офлайн); участие в воспитательных сообществах (в том числе цифровых) и их поддержка, расширение социально-воспитывающих связей с опорой на цифровые средства коммуникации.

Заключение

В современных условиях цифрового общества и изменения коммуникативных практик, неопределенно-

сти, конфликтогенности образовательной среды одной из важнейших составляющих профессиональной подготовки будущих педагогов и специалистов социальной сферы выступает подготовка к взаимодействию с широким кругом участников воспитательного процесса (обучающимися, родителями, учителями, административными работниками, специалистами служб сопровождения, социальными партнерами и др.).

Важно понимать, как выстраивать процесс подготовки к взаимодействию. Это возможно, если изучить отношение студентов к нему. Исследование удовлетворенности студентов подготовкой к воспитательной деятельности позволило сделать следующие выводы:

1. В оценке студентами разных составляющих подготовки к взаимодействию в воспитательной деятельности можно выделить три фактора: личностный, интерактивный (взаимодействие), содержательный (теоретическая и практическая подготовка), что представляет трехкомпонентную структуру удовлетворенности (личностная, взаимодействием и подготовкой) ею.

2. Интерактивный (взаимодействия) фактор вызывает относительно меньшую удовлетворенность и различия в оценке респондентами: будущие педагоги-предметники менее удовлетворены своей подготовкой к взаимодействию с участниками образовательного процесса, чем будущие специалисты социальной сферы.

3. Использование студентами информационных технологий в воспитательной деятельности коррелирует с уровнем выраженности удовлетворенности всеми тремя факторами подготовки к воспитательной деятельности; наиболее сильная связь обнаруживается с интерактивным фактором.

На основе полученных в проведенном исследовании данных целесообразно внесение ряда изменений в профессиональную подготовку будущих специалистов к взаимодействию в воспитательной деятельности, выстроенную с опорой на проактивную модель подготовки:

– необходимо обеспечить системный характер подготовки к взаимодействию в воспитательной деятельности на основе взаимосвязи субъектно-средовой, содержательной и процессной подсистем;

– субъектно-средовая подсистема должна целенаправленно формировать воспитательную среду вуза, включая ее цифровую составляющую как пространство: 1) общения всех субъектов по вопросам воспитательной деятельности; 2) общностей, конструирующих и реализующих воспитательную деятельность; 3) практик саморегуляции и решения личностных задач участников воспитательного процесса. Для этого необходимы признание преподавателями роли взаимодействия в профессиональной подготовке (в том числе применения цифровых ресурсов, средств, технологий в реализации воспитательной деятельности) и их активность в его осуществлении;

– содержательная подсистема – обеспечить включение задач по развитию коммуникативных навыков и практик совместной воспитательной работы во все составляющие образовательного процесса (аудитор-

ные и внеаудиторные занятия, практики, воспитательный процесс, самостоятельную работу), их решение с опорой на теорию и практику применения цифровых ресурсов, средств, технологий;

– процессная подсистема – стимулировать реализацию студентами полного цикла конструктивно-проектной воспитательной деятельности (в том числе посредством курсовых педагогических проектов), их взаимодействие с широким кругом участников образовательного процесса и специалистов, расширение социальных связей (нетворкинг), сотрудничество в сфере воспитания на основе тех методов, технологий, цифровых средств и ресурсов, которые востребованы в дальнейшем на практике (в том числе сетевых сообществ).

Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость: на основе субъектно-средового подхода разработана авторская методика изучения удовлетворенности студентов подготовкой к взаимодействию в воспитательной деятельности, выявлена структура данной удовлетворенности, систематизированы направления совершенствования подготовки к взаимодействию в воспитательной деятельности, скорректирована модель проактивной подготовки. Представленные результаты могут использоваться при разработке образовательных программ для будущих педагогов и специалистов социальной сферы, в подборе методов и средств реализации воспитательной деятельности.

Список источников

1. К обществу знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО. 2005. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000141843_rus (дата обращения: 15.04.2022).
2. Кошельская Т.В., Муравьева О.И., Мареева Л.В. Коммуникация как центральный феномен современных антропологических концепций // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 77–88.
3. Степанов П.В. Воспитательная деятельность как система // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1, № 4 (52). С. 67–76.
4. Алексеева Е.Ю. Актуальные подходы к формированию компетентностей будущего // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2020. № 1. С. 44–50.
5. Безручко П., Шатров Ю., Максимова М. Компетенции неясного будущего // Harvard Business Review Россия. 15 марта 2018. URL: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalny-i-lichnostny-rost/p26131> (дата обращения: 02.03.2022).
6. Hadar L.L., Ergas O., Alpert B., Ariav T. Rethinking teacher education in a VUCA world: student teachers' social-emotional competencies during the Covid-19 crisis // European journal of teacher education. 2020. 43 (4). P. 573–586. doi: 10.1080/02619768.2020.1807513
7. Klassen R.M., Durksen T.L., Hashmi W.A., Kim L.E., Longden K., Metsapelto R.L., Poikkeus A.-M., Gyorie J.G. National context and teacher characteristics: Exploring the critical non-cognitive attributes of novice teachers in four countries. Teaching and Teacher Education. 2018. № 72. P. 64–74.
8. Ponce R.S., Sarmiento A.S., Bertolin A.G. Education for citizenship: an educational urgency for the 21st century, Educação & Sociedade. 2020. Vol. 41. Art. 225347. doi: 10.1590/ES.225347
9. Wesley D.C. Eleven ways to be a great teacher. Educational Leadership. 1998. Vol. 55 (5). P. 80–81.
10. Зеер Э.Ф., Третьякова В.С., Мирошниченко В.И. Стратегические ориентиры подготовки педагогических кадров для системы непрерывного профессионального образования // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 6. С. 93–121. doi: 10.17853/1994-5639-2019-6-93-121
11. Ерошенкова Е.И., Шаповалова И.С., Карабутова Е.А., Анохина С.В., Мирошникова О.С. Просоциальная компетентностная модель будущего педагога // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 2. С. 11–47. doi: 10.17853/1994-5639-2022-2-11-47
12. Irazo-García P., Camarero-Figuerola M., Barrios-Arós C., Tierno-García J.-M., & Gilabert-Medina S. What Do Teachers Say about School Leadership Competencies and their Initial Formation? REICE. Ibero-American Journal on Quality, Efficacy, and Change in Education. 2018. № 16 (3). doi: 10.15366/reice2018.16.3.002
13. Ильина Н.Ф., Логинова Н.Ф. Исследование становления психолого-педагогической компетентности молодых педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 202–230. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-202-230
14. Maralov V.G., Sitarov V.A. Person-oriented irritability, social and educational stereotypes as factor of adopting controlling or non-aggressive position by students // International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences. 2018. Т. 7, № 2. С. 74–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32756002> (дата обращения: 08.05.2021).
15. Gutu V., Boghian I.A. Bidimensional psycho-pedagogical model for tolerance education. Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala. 2019. Vol. 11 (4). P. 1–16. doi: 10.18662/rrem/153
16. Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Perebeynos A.E., Chernikova E.G., Gilyazeva N.V., Vasilyeva V.S. Parental reports on digital devices use in infancy and early childhood // Education and Information Technologies. 2020. Т. 25, Vol. 5. P. 3957–3973.
17. Twenge J.M., Haidt J., Blake A.B., McAllister C., Lemon H., Le Roy A. Worldwide increases in adolescent loneliness // Journal of Adolescence. 2021. Vol. 93. P. 257–269. doi: 10.1016/j.adolescence.2021.06.006
18. Дмитриева Е.А. Из опыта обучения сетевому взаимодействию педагогов и студентов педагогического вуза // Образование и наука. 2015. Vol. 6. P. 77–88. doi: 10.17853/1994-5639-2015-6-1
19. Puigcerros R.M., Vargas P.R., Cano C.A. Virtual Communities: emerging dynamics of social participation and learning among youth // Education in the Knowledge Society. 2019. № 20. P. 1–12. doi: 10.14201/eks2019_20_a21
20. Леван Т.Н. Сетевое взаимодействие образовательных организаций по вопросам формирования у обучающихся культуры здоровья: теоретико-методологический аспект профессиональной подготовки педагогических кадров // Образование и наука. 2015. № 9 (128). С. 83–106.
21. Pianta R.C. Teacher-student interactions: measurement, impacts, improvement, and policy // Ricerche di Psicologia. 2019. Vol. 1. P. 69–82. doi: 10.3280/rip2019-001005
22. Шкитина Н.С., Гнатышина Е.В., Касаткина Н.С., Немудрая Е.Ю., Циulina М.В. Педагогические модели формирования эмпатийно-коммуникативной компетентности студентов // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 101–118. doi: 10.32744/pse.2019.3.8
23. Daum D.N., Marttinen R., Banville D. Service-learning experiences for pre-service teachers: cultural competency and behavior management challenges when working with a diverse low-income community // Physical Education and Sport Pedagogy. 2021. Vol. 2. P. 1–13. doi: 10.1080/17408989.2021.1891210
24. León B., Mendo S., Felipe E., Polo M.I., Fajardo F. Team potency and cooperative learning in the university setting // Revista de psicodidáctica. 2017. Т. 22, Vol. 1. P. 9–15. doi: 10.1387/RevPsicodidact.14213
25. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. Образовательная среда педагогического университета: интеграция коммуникативных форматов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 10. С. 137–142. doi: 10.31992/0869-3617-202130-10-137-142

26. Асташова Н.А., Бондырева С.К., Сманцер А.П. Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 7. С. 32–67. doi: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67
27. Байбородова Л.В., Груздев М.В., Харисова И.Г. Подготовка будущих педагогов к воспитательной деятельности // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 2. С. 17–25. doi: 10.24411/1813-145X-2018-20002
28. Селиванова Н.Л., Степанов П.В. Подготовка будущего педагога как воспитателя: теоретическое обеспечение // *Образование и саморазвитие*. 2018. Т. 13, № 2. С. 45–52. doi: 10.26907/esd13.2.07
29. Харланова, Е.М., Рослякова С.В. Проактивная подготовка будущих педагогов и специалистов социальной сферы к воспитательной деятельности // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2021. № 4 (32). С. 123–131.
30. Ittner D., Hagenauer G., Hascher T. Swiss principals' emotions, basic needs satisfaction and readiness for change during curriculum reform // *Journal of Educational Change*. 2019. Vol. 20 (2). P. 165–192. doi: 10.1007/s10833-019-09339-1
31. Степанов П.В., Степанова И.В. Педагог воспитывающий: проблемы профессиональной подготовки и государственной поддержки профессиональной деятельности // *Известия Тульского государственного университета. Педагогика*. 2019. № 2. С. 74–79.
32. Fraser W J. Filling gaps and expanding spaces – voices of student teachers on their developing teacher identity // *South African Journal of Education*. 2018. Vol. 38 (2). Art. 1551. doi: 10.15700/saje.v38n2a1551
33. Assen H.J.E., Meijers F., Otting H., Poell R.F. Explaining discrepancies between teacher beliefs and teacher interventions in a problem-based learning environment: A mixed methods study // *Teaching and Teacher Education*. 2016. Vol. 60. P. 12–23. doi: 10.1016/j.tate.2016.07.022
34. Соколова И.П., Пискунова Е.В., Сергиенко А.Ю. Исследование готовности молодых педагогов к профессиональной деятельности в свете стандартов и требований работодателя // *Человек и образование*. 2015. № 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-gotovnosti-molodyh-pedagogov-k-professionalnoy-deyatelnosti-v-svete-standartov-i-trebovaniy-rabotodatela> (дата обращения: 19.06.2022).
35. Köhler T., Drummer J. Recent Technological challenges in (vocational) education. Vocational Teacher Education in Central Asia // *Technical and Vocational Education and Training*. 2018. Vol. 28. P. 3–14. doi: 10.1007/978-3-319-73093-6_1

References

1. UNESCO World Report. (2005) *K obshchestvam znaniya*. [Towards knowledge societies.]. Paris: UNESCO Publishing. [Online] Available from: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000141843_rus (Accessed: 15.04.2022).
2. Koshelskaya, T.V. et al. (2018) Communication as a central phenomenon of modern anthropological concepts. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 67. pp. 77–88. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/67/6
3. Stepanov, P.V. (2018) Educational activity as a system. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika – Domestic and foreign pedagogy*. pp. 2 (4–52). pp. 67–76. (In Russian).
4. Alekseycheva, E.Yu. (2020) Actual approaches to the formation of competencies of the future. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*. 1. pp. 44–50. (In Russian).
5. Bezruchko, P. et al. (2018) Competences of an unclear future. *Harvard Business Review Russia*. [Online] Available from: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyy-i-lichnostnyy-rost/p26131> (Accessed: 02.03.2022). (In Russian).
6. Hadar, L.L. et al. (2020) Rethinking teacher education in a VUCA world: student teachers' social-emotional competencies during the Covid-19 crisis. *European journal of teacher education*. 43 (4). pp. 573–586. doi: 10.1080/02619768.2020.1807513
7. Klassen, R.M. et al. (2018) National context and teacher characteristics: Exploring the critical non-cognitive attributes of novice teachers in four countries. *Teaching and Teacher Education*. 72. pp. 64–74.
8. Ponce, R.S., Sarmiento, A.S. & Bertolin, A.G. (2020) Education for citizenship: an educational urgency for the 21st century. *Educação & Sociedade*. 41. Art. 225347. doi:10.1590/ES.225347
9. Wesley, D. C. (1998) Eleven ways to be a great teacher. *Educational Leadership*. 55 (5). pp. 80–81.
10. Zeer, E.F., Tretyakova, V.S. & Miroshnichenko, V.I. (2019) Strategic guidelines for the training of pedagogical staff for the system of continuous professional education. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 21 (6). pp. 93–121. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2019-6-93-121
11. Eroshenkova, E.I. et al. (2022) Prosocial competence model of the future teacher. *Obrazovaniye i nauka – Education and science*. 24 (2). pp. 11–47. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2022-2-11-47
12. Iranzo-García, P. et al. (2018) What Do Teachers Say about School Leadership Competencies and Their Initial Formation? REICE. *Ibero-American Journal on Quality, Efficacy and Change in Education*. 16 (3). doi: 10.15366/reice2018.16.3.002
13. Ilyina, N.F. & Loginova, N.F. (2019) Study of the formation of psychological and pedagogical competence of young teachers. *Voprosy obrazovaniya – Educational Issues*. 4. pp. 202–230. (In Russian). doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-202-230
14. Maralov, V.G. & Sitarov, V.A. (2018) Person-oriented irritability, social and educational stereotypes as factor of adopting controlling or non-aggressive position by students. *International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences*. 7 (2). pp. 74–85. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32756002> (Accessed: 08.05.2021). (In Russian).
15. Gutu, V. & Boghian, I.A. (2019) Bidimensional psycho-pedagogical model for tolerance education. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multi-dimensionala*. 11 (4). pp. 1–16. doi: 10.18662/rrem/153
16. Sivrikova, N.V. et al. (2020) Parental reports on digital devices use in infancy and early childhood. *Education and Information Technologies*. 25 (5). pp. 3957–3973. (In Russian).
17. Twenge, J.M. et al. (2021) Worldwide increases in adolescent loneliness. *Journal of Adolescence*. 93. pp. 257–269. doi: 10.1016/j.adolescence.2021.06.006
18. Dmitrieva, E.A. (2015) From the experience of teaching network interaction between teachers and students of a pedagogical university. *Obrazovanie i nauka – Education and science*. 6. pp. 77–88. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2015-6-1
19. Puigcercos, R.M., Vargas, P.R. & Cano, C.A. (2019) Virtual Communities: emerging dynamics of social participation and learning among youth. *Education in the Knowledge Society*. 20. pp. 1–12. doi: 10.14201/eks2019_20_a21
20. Levan, T.N. (2015) Network interaction of educational organizations on the formation of a culture of health among students: the theoretical and methodological aspect of the professional training of teaching staff. *Obrazovanie i nauka – Education and science*. 9 (128). pp. 83–106. (In Russian).
21. Pianta, R.C. (2019) Teacher-student interactions: measurement, impacts, improvement, and policy. *Ricerche di Psicologia*. 1. pp. 69–82. doi: 10.3280/rip2019-001005
22. Shkitina, N.S. et al. (2019) Pedagogical models of the formation of empathic and communicative competence of students. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Prospects of science and education*. 3 (39). pp. 101–118. (In Russian). doi: 10.32744/pse.2019.3.8
23. Daum, D.N., Martinen, R. & Banville D. (2021) Service-learning experiences for pre-service teachers: cultural competency and behavior management challenges when working with a diverse lowincome community. *Physical Education and Sport Pedagogy*. 2. pp. 1–13. doi: 10.1080/17408989.2021.1891210
24. León, B. et al. (2017) Team potency and cooperative learning in the university setting. *Revista de psicodidáctica*. 22 (1). pp. 9–15. doi: 10.1387/RevPsicodidact.14213.

25. Gorbuleva, M.S., Melik-Gaykazyan, I.V. & Pervushina N.A. (2021) Educational Environment of the Pedagogical University: Integration of Communication Formats. *Vysshye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*. 30 (10). pp. 137–142. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-202130-10-137-142
26. Astashova, N.A., Bondyrev, S.K. & Smantser, A.P. (2018) Development of the Axiosphere of the Future Teacher in the Dialogue Space of Modern Education. *Obrazovanie i nauka – Education and science*. 20 (7). pp. 32–67. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67
27. Baiborodova, L.V., Gruzdev, M.V. & Kharisova, I.G. (2018) Training of Future Teachers to Educational Activity. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2. pp. 17–22. (In Russian).
28. Selivanova, N. L. & Stepanov, P. L. (2018) Preparation of a future teacher as a social and moral educator: a theoretical underpinning. *Obrazovaniye i samorazvitiye – Education and Self Development*. 13 (2). pp. 45–52. (In Russian). doi: 10.26907/esd13.2.07
29. Kharlanova, E.M. & Roslyakova S.V. (2021) Proactive training of future teachers and specialists in the social sphere for educational activities. *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya – Innovative development of vocational education*. 4 (32). pp. 123–131. (In Russian).
30. Ittner, D., Hagenauer, G. & Hascher, T. (2019) Swiss principals' emotions, basic needs satisfaction and readiness for change during curriculum reform. *Journal of Educational Change*. 20 (2). pp. 165–192. doi: 10.1007/s10833-019-09339-1
31. Stepanov, P.V. & Stepanova, I.V. (2019) Educational teacher: problems of vocational training and state support of professional activity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika – Proceedings of the Tula State University. Pedagogy*. 2. pp. 74–79. (In Russian).
32. Fraser, W.J. (2018) Filling gaps and expanding spaces – voices of student teachers on their developing teacher identity. *South African Journal of Education*. 38 (2). Art. 1551. doi: 10.15700/saje.v38n2a1551
33. Assen H.J.E. et al. (2016) Explaining discrepancies between teacher beliefs and teacher interventions in a problem-based learning environment: A mixed methods study. *Teaching and Teacher Education*. 60. pp. 12–23. doi: 10.1016/j.tate.2016.07.022
34. Sokolova, I.P., Piskunova, E.V. & Sergienko A.Yu. (2015) A study of the readiness of young teachers for professional activities in the light of the standards and requirements of the employer. *Chelovek i obrazovaniye – Man and Education*. 1 (42). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-gotovnosti-molodyh-pedagogov-k-professionalnoy-deyatelnosti-v-svete-standartov-i-trebovaniy-rabotodatelaya> (Accessed: 06.19.2022). (In Russian).
35. Köhler, T. & Drummer, J. (2018) Recent Technological challenges in (vocational) education. *Vocational Teacher Education in Central Asia. Technical and Vocational Education and Training*. 28, pp. 3–14. doi:10.1007/978-3-319-73093-6_1

Информация об авторах:

Харланова Е.М. – д-р пед. наук, профессор кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: harlanovaem@cspu.ru

Сиврикова Н.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: bobronv@cspu.ru

Рослякова С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: roslyakovasv@cspu.ru

Циулина М.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: ciulinamv@cspu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.M. Kharlanova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: harlanovaem@cspu.ru

N.V. Sivrikova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: bobronv@cspu.ru

S.V. Roslyakova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: roslyakovasv@cspu.ru

M.V. Tsiulina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ciulinamv@cspu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.07.2022;
одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 17.07.2022;
approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Original article
UDC 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/482/23

Language pedagogy perspective for lawyers' intercultural communication

Ludmila V. Yarotskaya¹, Darya V. Aleynikova²

^{1, 2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

¹lyyar@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6539-3085

²festabene@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5397-7999

Abstract. Modern lawyers practising at the international level face various difficulties while communicating with their foreign colleagues. Such obstacles may have different grounds, including discrepancies in the communicators' backgrounds and world views. In order to mitigate these discrepancies, we need to provide an entirely new approach to teaching law students intercultural professional communication at master's level. The present research aims to substantiate the concept of communication-and-action-oriented needs as a culture-specific characteristic of language identity paying greater attention to the idea of lawyer's communication-and-action-oriented needs and identifying the course's effectiveness for teaching future lawyers intercultural professional communication in colliding legal cultures based on the concept mentioned above. The following course was carried out by the authors at the Law Institute of International Law and Justice at Moscow State Linguistic University among thirty-two master's degree students. The authors of the study employed both a descriptive research design and an explanatory research design. Also, an experimental research design was used to find out how successful the course results were. Collecting data included tests. The average scores showed that the students achieved better results after completing the course. The authors applied correlation analysis to assess the correlation between the students' achievements before and after completing the course. The results of the study show that lawyer's communication-and-action-oriented needs could provide a steady basis for modeling original content for teaching young lawyers to communicate with their counterparts from other legal cultures. Having analyzed different approaches to human needs' conceptualization, the authors specify that needs possess a unique descriptive potential that proves to combine both constant and variable features. Lawyer's professional needs are always realized through actual legal practices that are only existent and meaningful in the given cultural, social and legal settings. The conducted research provided the basis for modeling original content for teaching young lawyers and let the authors of the article work out the course for master's degree students. The work results can be helpful at any law school/university in Russia to provide high-quality education for law students in English.

Keywords: lawyer's communication-and-action-oriented needs, intercultural legal framework, non-linguists' foreign language vocational training, educational philosophy, language pedagogy

For citation: Yarotskaya, L.V. & Aleynikova, D.V. (2022) Language pedagogy perspective for lawyers' intercultural communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 225–231. doi: 10.17223/15617793/482/23

Introduction

Needs as a person's inherent quality have always attracted philosophers and researchers worldwide as they explain a lot about a person, their settings, development driving forces, social tools, and cultural catalysts. Life changed, a human being evolved, research paradigms shifted, but the focus on human needs never faded away. Moreover, new facets of the object of research were highlighted, new implications became developed, and new dependencies came to be detected, all of which proved to form the basis for a more systemic research of the analyzed phenomenon.

The current anthropocentric approach adopted in the humanities and social studies has brought about deeper awareness of the key role of human needs in many human-related spheres, their manifestation in individual products, reflection in cultural heritage, language, mentality, patterns of behavior and perception of the self and the world. Therefore, all those human-centered links, relations, and structures involved are bound to carry huge explanatory potential to be tapped through targeted research and duly applied in relevant fields. This study is carried out in the educational philosophy do-

main to contribute primarily to contemporary learner-centered approach in applied linguistics and language pedagogy. The aim of the study is to substantiate the concept of communication-and-action-oriented needs as a culture-specific characteristic of language identity paying greater attention to the idea of lawyer's communication-and-action-oriented needs and identifying the course's effectiveness for teaching future lawyers intercultural communication professional communication in colliding legal cultures based on the concept mentioned above. The study relies on the action-oriented approach to understanding needs, including the relationship between an individual's needs and the culture one is exposed to [1–7]; the action-oriented theory of acquiring social experience [3, 8] and its contemporary perspective – context-based learning [9, 10]; the concepts of legal culture [11, 12], language identity [13, 14], second language identity [15], and professional language identity [16].

Literature review

Contemporary researchers of communication acts, communication processes, and communication behavior no longer rely on the narrow understanding of the notion

of communication and tend to exceed its verbal limits. Communication is now viewed as part of a wider context, a way to satisfy a variety of needs that originate in psychological, social, cultural, and other domains. According to Yuri Karaulov [17], the verbal semantics level of language identity, also qualified as its zero level, confines the user of language to the *lexicon* of such identity, with frequent words, word combinations, and sentences employed as parts of typical collocations. The next, cognitive, level expands to embrace the *thesaurus* of language identity, with culture-specific concepts, recurrent notions, precedent phrases (sayings, proverbs), iconic texts, which reflect the values of the language-and-culture community. Using the units of the level shows a person's cultural belonging, their outlook, a matrix of perceiving the world around [14].

Professional language identity adds a whole new dimension to this level, namely profession-related thesaurus, with terminology fields, concepts, relevant theories, precedent texts, etc., which function as thesaurus units. They show a peculiar combination of both culture-specific and profession-related links and need the two perspectives to be equally engaged for their true perception by an individual. This is especially important for those professional domains that closely intertwine with culture and language, and, subsequently, presuppose double acculturation. Legal sphere is a classic example of this kind: its roots are deep in history, culture, social practices, people's mentality; it is communicative in nature, and language is one of its major tools.

Being aware of the fact contributes a lot to our understanding of communication processes, but, unfortunately, this does not give a practicable key to choosing reliable criteria for selecting the content of teaching intercultural professional communication to non-linguistics (law) students, and doing so in efficient and economical ways. This makes it necessary to look closer at the next, pragmatics level of language identity, which integrates psychological and social aspects, thus making the structure of language identity more or less complete.

It is the units of *pragmaticon* – communication-and-action-oriented needs – that structure the entire system of language identity, outline an individual's thesaurus, and guide the choice of the corresponding lexicon. Therefore, a whole paradigm of social activity and communicative behavior is realized, including an individual's aims, motives, interests, intentionality, and values. Such needs cannot be deduced immediately from the units of the lower levels since this would require taking into account many additional (extralinguistic) facts from an individual's life, their socialization history, system of life priorities, belonging to different referent groups, etc. Thus, knowing the lexicon of an individual one cannot make inferences about their thesaurus; the same as knowing their thesaurus gives little ground for unambiguous conclusions about motives and goals as determiners of communication-and-action-oriented needs; whereas the opposite transition is quite reasonable as it provides steady profiles of such needs with relevant thesaurus and lexicon items [14].

This guiding strategy of selecting the content for developing professional language identity (proceeding from a particular communication-and-action-oriented need and sliding to the corresponding thesaurus and lexicon) proves very promising in teaching students professional intercultural communication but it has not been widely employed in such educational settings so far [17]. For the strategy to be implemented into practice, the underlying notion should undergo the process of due conceptualization and be categorized.

We believe the unique potential of the approach is associated with modeling a second language and culture identity (professional language identity included) in non-authentic language and culture contexts (plus profession simulation in educational settings), where a learner has to rely on language pedagogy tools. In this respect, the concept of communication-and-action-oriented needs shifts to the focus of our attention, which in the first place, presupposes specifying the collective learner – a large group (community) of students majoring in a particular field of study, as a system forming social distinguisher.

Conceptualizing lawyer's communication-and-action-oriented needs

In categorizing communication-and-action-oriented needs, and lawyer's communication-and-action-oriented needs in particular, the first point to clarify is the generic concept – that of *needs*. It has been a topical issue since classical times, and it has been looked at from diverse perspectives. Due to its importance in different periods of human civilization, it fell into the focus of research carried out by philosophers, psychologists, representatives of many other fields of expertise.

Ancient philosophers (Heraclitus, Democritus, Xenophon, Aristotle, Plato, Epicurus) were among the first to consider the phenomenon of human needs and even attempted to classify them. Needs were then seen as a lack of something in personal demand; the driving force of activity aimed at compensating for the deficiency. Therefore, Democritus qualified them as a true source of human activity [18]. Epicurus, who outlined a specific hierarchy of pleasures, linked needs to the idea of pain (thus, e.g., removing the pain of hunger results in genuine pleasure). According to Epicurus, there are three groups of needs to be distinguished: natural and necessary, natural but unnecessary, and, finally, unnatural and unnecessary [19].

Medieval scholars did not disregard the phenomenon of needs either but linked them to divine providence, thus widening the gap between the spiritual and the material worlds (Augustine of Hippo, Thomas Aquinas). The Renaissance times saw the revival of interest in natural human needs and desires. In the Enlightenment period (18th century), an individual was treated as a human being capable of exploring the world and striving for knowledge. In that context, Baron Paul Henri Thiry D'Holbach differentiated between two groups of needs: basic equal needs (for food, clothing, housing, family, etc.) and imaginary needs (for something more refined than the already satisfied basics) [20]. Georg Wilhelm Friedrich Hegel focused on the life and needs of the Spirit, and contrasted moral and immoral aspirations. In his opinion, the needs of the

Spirit may guide and shape the entire civilization development [21].

The 20th century witnessed large scale social experiments and a new social reality, with specific attributes and constructs that were reflected in human needs theories. The Russian philosophers and psychologists of the 1960s–1980s made a considerable contribution in this respect. They both analyzed the nature and characteristics of various human needs and studied action-and-need correlation in human activity [7, 22]. Need was qualified as the driving force of a person's social activity aimed at creating a reality to act and satisfy their growing needs in, with the dialectics of the factors being the mechanism for needs evolving. Engaged in these processes, an acting individual also develops as a personality, which makes such a person an integral part of social dialectics [23]. Andrei Zdravomyslov emphasizes the dual way links of such a system, with needs being at its core [7]. Elaborating on those ideas, Aleksei Myalkin (1983) emphasized that satisfying needs is essentially acquiring the results obtained in the form of objects in the course of activity aimed at satisfying needs [24]. Aleksandr Loshchilin and Elena Tikhomirova confirmed the conclusion saying that real needs are only satisfied in the consumption of such products when there is a product to consume. A need forces an individual to act to transform an object, or result, of activity into a product of their consumption [5].

Aleksei Leontiev connected human needs to the *culture* a person is exposed to [3]. It shapes needs to a great extent and guides their development, thus forming an individual as a personality and a representative of that culture. In this respect, the subsequent conclusion that a need should be characterized through the forms of activity in which it unfolds, not through objects it results in, seems only natural. According to Dmitry Leontiev, a need should be conceived as a sort of *relationship between the actor (the subject) and the world of reality* [4].

The author links needs to *behavior programs* through which an individual operates [25]. He believes that needs have a three-part structure, and distinguishes need-object, need-state, and need-property. Needs are inherent in personality and become motives of human activity when one becomes aware of them. Since needs are satisfied in activity, they both affect a person's capabilities and are affected by them, which shows the dialectics of needs and abilities in personal development [26].

Foreign researchers of the 20th and 21st centuries focus on the socio-economic, socio-psychological, axiological aspects of the problem of needs [27–32]. In the context discussed, we find it interesting to revisit Maslow's hierarchy of needs [6], with self-actualization at the top, as it is comprehensive and shows the evolution of human needs that reflect a *personality in development*. It embraces a wide range of factors, social, cultural, and psychological aspects included, which also testifies to the effect that a need is a multi-facet structure with a variety of systemic links.

Research

The paper analyzes the concept of communication-and-action-oriented needs as a culture-specific characteristic of

language identity, with focus on its derivative – the concept of lawyer's communication-and-action-oriented needs. Once explicated, such needs are expected to provide steady basis for modeling original content for teaching young lawyers to communicate with their counterparts from other legal cultures that tend to collide due to underlying differences.

The following research questions guided the study:

- (1) What is the ground for distinguishing communication-and-action-oriented needs as a culture-specific phenomenon?
- (2) What is the basis for conceptualizing lawyer's communication-and-action-oriented needs?
- (3) What makes lawyer's communication-and-action-oriented needs a culture-specific characteristic worthy of consideration in educational contexts?
- (4) Is the course based on the idea of lawyer's communication-and-action-oriented needs effective?

Research methodology

The research methods included analysis and synthesis of research data obtained by the authors and other investigators of the problems concerned, integrated linguocultural, linguocognitive, and discourse analysis of legal practices (including legal education discourse) to establish lawyer's communication-and-action-oriented needs, with further intercultural comparison and language pedagogy assessment of the investigation results.

The authors of the study employed both a descriptive research design and an explanatory research design. The former relied on the retrospective approach, which resulted in sorting out various philosophy perspectives, focusing on relevant aspects, as well as gathering, analyzing, and presenting data concerning the object of research. The latter design provided a deeper understanding of the existing theories of needs, their explication, and re-evaluation.

Also, an experimental research design was used to find out how successful the course results were. Thirty-two students had been tested before they started the course, and the same students were tested after taking the course. Collecting data included tests. The average scores showed that the students achieved better results after completing the course. We used correlation analysis to assess the correlation between the students' achievements before and after completing the course.

Results and discussion

The analysis of different approaches to the conceptualization of *human needs* leads us to infer those needs are attributive to a person, their activity, its objects, results, and products obtained; the actual social network a person is part of, and their cultural background. If so, needs are sure to possess unique descriptive potential that proves to combine both constant and variable features. As a product of acculturation, a person is likely to have needs typical of the corresponding *cultural community as an entity* and characteristic of that entity. Such objectivized needs can be treated as a constant since changes in culture are relatively slow and, compared to the natural lifespan of a human being, normally take a long period of time. Human needs also have *social links*, among the steadiest of them

being those connected with and developed in professional communities and their institutional cultures (professional concepts, values, profession-related motives of behavior, stereotypes, expected behavior programs, etc.), which makes them a second constant in a person's hierarchy of needs. They are especially important in those professions and spheres that, like law, originate in national cultures and have deep historical roots.

Lawyer's professional needs are always realized through actual legal practices that are only existent and meaningful in the given cultural, social, legal settings and therefore cannot but bare all its basic sociocultural determiners. Thus, obtaining efficient legal techniques conducive to the expected outcome becomes the substance of lawyer's professional needs as long as the techniques provide due results and relevant products to satisfy those needs. Shifting legal contexts demand adequate adaptation of a lawyer's kit, but major tools last and are handed over as they originate in centuries of people's experience. The dialectics is the driving force in shaping the actual legal reality, which still remains anchored to the deep cultural foundation of the society in question. Cultural and sociocultural aspects of those links intertwine to form a matrix of a lawyer's expected responses to arising problem situations to be dealt with professionally. In this context, there is one more point to emphasize to make the tools-and-needs dialectics more explicit, that is the role of language as an objectivized treasury of legal senses.

As we know, language is an inalienable part of culture, which implies that a person's culture-related needs also have meaningful language representations (e.g., terms that shape culture specific frames of reference, including values, norms and patterns of behavior, scenarios, etc.) as part of the corresponding language identity. In law, the role of language is overwhelming. It is language that preserves legal senses and makes them explicit in legal communication techniques. Thus, legal techniques are essentially communication techniques and they cannot be realized otherwise. In this respect, it is only natural that we see investigators' growing interest in legal discourse analysis [33–35] as well as linguo-cultural research [36], which makes it possible to distinguish constants and variables in lawyers' professional communication, interaction, as well as perception of contemporary legal reality and its actors.

The analysis leads us to infer that lawyer's professional needs, along with their cultural and sociocultural determination, necessarily have lingual representation, which opens a variety of opportunities for research and further practical implementation in relevant fields. Before elaborating on the content of such needs, let us define the notion in question. *Lawyer's communication-and-action-oriented needs* can be conceived as a steady relationship between a legal actor (the subject of legal activity) and the legal reality they act in, which is determined by a multitude of professionally relevant factors (cultural, sociocultural, lingual) and provides predictable responses to arising problem situations, where a culture specific repertoire of legal communication techniques is used.

Lawyer's communication-and-action-oriented needs as a culture-specific characteristic worthy of consideration in educational contexts

Despite the considerable research potential and practical outcome that the investigation of lawyer's communication-and-action-oriented needs may have, the problem has not received sufficient attention so far. Investigators tend to tear apart communication and activity, focusing on individual aspects and components, which hinders proper implementation of theoretical constructs in educational settings.

Since we seek language pedagogy solutions in intercultural legal contexts, let us address those works that attempt to look at the problem systemically and with language pedagogy relevance. One of such attempts was made by Nataliia Khomyakova, who studied ways of teaching Russian lawyers intercultural legal communication, and analyzed legal reasoning as a professional instrument of French lawyers [9]. Doing so, she distinguished such legal communication techniques as legal argumentation, provision of legal proof, legal commentary, and legal interpretation.

The above techniques are no doubt important in legal settings and should be studied by law students but, in our opinion, they describe merely the universal kit used by lawyers in a multitude of legal cultures and social settings. Knowing the universal is, of course, a good basis to rely on in intercultural legal communication, but it is of little help in situations of colliding legal cultures, where you need to be aware of potential traps and pitfalls. Such obstacles demand special attention and bearing in mind by interacting parties that proceed from different legal cultures as conflicts result from differences, not similarities. To detect such problematic zones, we addressed the pragmatics of professional legal language identity.

In the course of a special study on the basis of integrated research methods, the following techniques were proved to be indicators of the actual communication-and-action-oriented needs typical of an Anglo-Saxon lawyer:

- legal proof in the pragmatics of playing by the rules,
- legal argumentation on the basis of judicial precedent,
- legal argumentation on the basis of a precedent text,
- legal argumentation proceeding from reasonableness,
- legal argumentation in the rhetoric of highly likely,
- legal interpretation as a method of establishing differences,
- legal commentary as an equivalent of legal writing [17].

Further analyzing and comparing lawyer's communication-and-action-oriented needs in different (in this case, Anglo-Saxon and Russian) legal cultures provide sufficient and actual material to make a model of the target professional legal language identity/identities to be mastered by students in guided learning. Proceeding from such needs (from the pragmatics) it is possible to single out relevant thesaurus and lexicon, thus concentrating on basic legal culture-and-language priorities and saving professors and young lawyers their time and effort in studying intercultural foreign language legal communica-

tion. This strategy made it possible to complement the universal with meaningful legal culture variations, oppositions, lacunae, etc. that are collision-genic.

Implementation

At Stage 1, we determined the initial level of training to understand students' readiness to solve the problems of intercultural professional communication in the context of a collision of legal cultures. Students were asked to independently collect, study, and analyze material on the current situation that has developed since the end of 2016 on the Russian Federation's diplomatic property in the USA and to make an expert forecast on the prospects for its development.

The students were asked to:

- list the techniques of legal proof that are relevant for the case under consideration, frequently applied in the legal cultures of the United States and the Russian Federation and comment on the case of the diplomatic property of the Russian Federation in the United States;
- cite keywords that are relevant for the case and that could act as national and cultural determinants of the professional legal activity;
- define in general terms the specifics of the concepts of property, identifying the critical direction of differences in the respective legal cultures;
- assess the legal prospects for resolving the conflict situation arising with the diplomatic property of the Russian Federation in the United States, proposing a reasoned legal solution.

In the context of the tasks assigned to the students, we assessed such results as unsatisfactory as most students (80%) listed the most common legal proof techniques typical for the legal cultures. Still, the students were not ready to provide substantive comments or a complete comparison (75%). The results were measured out of 100% that corresponded to the overall number of students – 32. Such results demonstrate a lack of the ability to analyze legal practices within the intercultural framework at the expert level.

Stage 2 followed the initial stage and lasted two semesters that included five thematic modules.

The concept of the course is to help students understand that lawyers representing various legal cultures could have some discrepancies that might lead to collisions and to prepare future lawyers for successful intercultural professional communication. The students studied five topics revealing critical concepts of the Anglo-Saxon legal cultures: Legal Education and Legal Profession, Equity and Equality, Fairness and Justice, Reasonableness, Sovereignty. Each module included 4 blocks:

Block 1 – Analyzing and contouring the problem field. The tasks aimed at activating professional thesaurus and establishing perspectives for reviewing the problem field from the standpoint of different legal cultures, a prior understanding of this area. As a lead-in, the students are asked several questions, for instance: Is the concept of equity entrenched in international law? Does equitable mean the same as just and fair? Are these notions different? How do these terms operate in the legal context?

When do we meet these three opposites in our life? Are they frequent?

Block 2 – “Plunging” in the problem field. The tasks related to reading the text on a problematic issue (extracting explicit and implicit further comprehension of the matter). The students are introduced to legal concepts (equity/equality, justice/fairness) and asked to compare them in the framework of different legal cultures.

Block 3 – “Getting in touch with the professional discourse”: “Reinforcement” of the results of the previous stages of work by linguo-cognitive analysis of a foreign language professional legal discourse according to the parameters from Block 2. This block aims to teach students to act professionally, so the chosen tasks simulate situations that lawyers face in their everyday activities [37]. Such situations included drafting contracts, researching and gathering information, analyzing the cases with predicting probable outcomes, interpreting laws and applying them to the cases under discussion etc.

Block 4 – “Researching the potential of communicative opportunities in the problem field.” The students compare to determine conflict zones of communication between representatives of “contacting” legal cultures, predict opportunities for constructive intercultural dialogue in the professional field [38].

At Stage 3, we evaluated the students' results by asking them to write an analytical paper. The students were asked to analyze the case of the poisoning of Sergei and Yulia Skripal from the legal point of view and to assess the legal prospects for resolving the conflict situation. The results showed a significant increase in the students' analytical as well as subject-based skills. 90% of the students specified the key concepts of the case, 95% of the students proposed a reasoned legal solution and listed at least three legal prospects for the issue under consideration.

Conclusions

This article's significance lies in the attempt to specify the importance of the concept of lawyers' communication-and-action-oriented needs for teaching ESP. Considering lawyers' communication-and-action-oriented needs as a starting point for teaching lawyers intercultural professional communication at the tertiary level contributes to the knowledge of professional discursive practices of Anglo-Saxon lawyers. Consequently, it provides a basic toolkit for modern lawyers that is likely to facilitate communication between lawyers who represent various legal cultures.

The concept of lawyer's communication-and-action-oriented needs as a culture-specific characteristic of legal language identity contributes to new educational philosophy that underlies a learner's cognitive processes in mastering the intercultural dimension of their profession. It relies on the method of dialectics as well as interdisciplinary research methodology that integrates psychology, linguistics (cognitive, discourse and linguocultural analyses), major subjects, and language pedagogy perspectives. The approach has been implemented into the educational process of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, and has shown good results.

References

1. Kluckhohn, C. (2017) *Mirror for Man: The Relation of Anthropology to Modern Life* (Routledge Classic Texts in Anthropology). Abingdon-on-Thames: Routledge.
2. Kroeber, A.L. (2020) *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Forgotten Books.
3. Leontiev, A.N. (1981) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche]. 4th ed. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
4. Leontiev, D.A. (1999) *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Psychology Dr. Diss. Moscow. (In Russian).
5. Loshilin, A.N. & Tikhomirova, E.A. (2018) The role of needs and interests in creativity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies*. [Online] Available from: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_808.pdf (Accessed: 10.11.2021). (In Russian).
6. Maslow, A.H. (1943) *A theory of human motivation*. *Psychological Review*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1037/h0054346> (Accessed: 05.05.2021).
7. Zdravomyslov, A.G. (1986) *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values.]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
8. Vygotsky, L.S. (1978) *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
9. Khomyakova, N.P. (2011) *Kontekstnaya model' formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov neyazykovogo vuza (frantsuzskiy yazyk)* [Context model of the formation of foreign language communicative competence of students of a non-linguistic university (French)] Pedagogics Dr. Diss. Moscow. (In Russian).
10. Verbitskiy, A.A. (1991) *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod: Metodicheskoe posobie* [Active learning in higher education: a contextual approach: Methodological guide]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
11. Merry, S. (2012) What is Legal Culture? An Anthropological Perspective. *Journal of Comparative Law*. [Online] Available from: <https://nyuscholars.nyu.edu/en/publications/what-is-legal-culture-an-anthropological-perspective> (Accessed: 23.04.2021).
12. Nelken, D. (2014) Thinking about legal culture. *Asian Journal of Law and Society*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1017/als.2014.15> (Accessed: 15.02.2020).
13. Kamenskaya, O.L. (1990) *Tekst i kommunikatsiya: Ucheb. posobie dlya in-tov i fak-tov inostr. yaz.* [Text and communication: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
14. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language identity]. Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).
15. Khaleeva, I.I. (1989) *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi* [Fundamentals of the theory of teaching understanding of a foreign language speech]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
16. Yarotskaya, L.V. (2016) *Inostranny yazyk i stanovlenie professional'noy lichnosti (neyazykovoy vuz)* [Foreign language and developing a professional identity (non-linguistic university)]. Moscow: TRIUMF. (In Russian).
17. Yarotskaya, L.V., Aleynikova, D.V. & Bondarchuk, G.G. (2020) *Lingvisticheskie i lingvodidakticheskie osnovy obucheniya studentov-yuristov inoyazychnomu professional'nomu obshcheniyu v usloviyakh kollizii pravovykh kul'tur* [Linguistic and Language Pedagogy Foundations of Teaching Law Students Foreign Language Professional Communication in Colliding Legal Cultures]. Moscow: TRIUMF. (In Russian).
18. Barnes, J. (1982) *The Presocratic Philosophers*. New York: Routledge.
19. Kenny, A. (2010) *Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy*. Volume I. Oxford University Press.
20. D'Holbach, P.H.T. (2011) *Éthocratie ou le Gouvernement fondé sur la Morale. Œuvres Philosophiques*. Tome III (ed. by J.-P. Jackson). Paris: Éditions Alive (In French).
21. Hegel, G.W.F. (2018) *The Phenomenology of Spirit*. Translated and edited by Terry Pinkard. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Diligensky, G.G. (1996) *Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya* [Social and political psychology]. Moscow: Novaya Shkola. (In Russian).
23. Nelga, A.V. (1906) *Formirovanie potrebnosti v trude = Formation of the need for labor*. Kyiv: Vishhaya shkola. (In Russian).
24. Myalkin, A.V. (1983) *Sposobnosti i potrebnosti* [Capabilities and needs]. Moscow: Mysl. (In Russian).
25. Dodonov, B.I. (1973) *Potrebnosti, otnosheniya i napravlenosti lichnosti* [Needs, relations and personality orientation]. *Voprosy psixologii*. 1. pp. 18–28.
26. Shchipanov, I.P. (1983) *Sootnoshenie potrebnostey i sposobnostey v formirovanii lichnosti* [Correlation of needs and abilities in personality formation]. Philosophy Cand. Diss. Moscow. (In Russian).
27. Brozhik, V. (1982) *Marksistskaya teoriya otsenki* [Marxist theory of assessment]. Moscow: Progress. (In Russian).
28. Vansteenkiste, M., Ryan, R.M. & Soenens, B. (2020) Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions. *Motiv Emot*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09818-1> (Accessed: 05.01.2022).
29. Doyal, L. & Gough, I. (1984) A theory of human needs. *Critical Social Policy*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1177/026101838400401002> (Accessed: 27.12.2021).
30. Frankl, V.E. (2014) *Man's Search for Meaning*. Boston: Beacon Press.
31. Fromm, E. (2010) *Beyond Freud: From Individual to Social Psychology*. New York: American Mental Health Foundation.
32. Hosle, V. (1991) *Philosophy of the ecological crisis: Moscow lectures*. München: C.H. Beck.
33. Anderson, K. & Holloway, J. (2018) Discourse analysis as theory, method, and epistemology in studies of education policy. *Journal of Education Policy*. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/329912399> (Accessed: 17.10.2021).
34. Cheng, L. & Danesi, M. (2019) Exploring legal discourse: a sociosemiotic (re)construction. *Social Semiotics*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2019.1587841> (Accessed: 28.07.2021).
35. Rogers, R.I. et al. (2016) Critical Discourse Analysis in Education: A Review of the Literature 2004 to 2012. *Review of Educational Research*. 86 (4). pp. 1192–1226.
36. Nurmoldayev, S. et al. (2021) Cognitive analysis of intercultural communication in linguistics. *XLinguae*. [Online] Available from: <http://doi.org/DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.16> (Accessed: 15.06.2021).
37. Aleynikova, D.V. (2021) Teaching lawyer intercultural professional communication during the COVID-19 pandemic. *XLinguae* [Online] Available from: <http://doi.org/DOI: 10.18355/XL.2021.14.01.14> (Accessed: 03.08.2021).
38. Yarotskaya, L.V. & Aleynikova, D.V. (2019) *Vvedenie v mezhkul'turnoe professional'noe obshchenie: uchebnoe posobie po angliyskomu yazyku dlya studentov-yuristov (uroven' obucheniya: magistratura)* [Cross-cultural Professional Communication: Introductory Course for Law Students (English language, Master's degree)]. Moscow. (In Russian).

Информация об авторах:

Яроцкая Л.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой психологии и педагогической антропологии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: lvyar@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6539-3085

Алейникова Д.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: festabene@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5397-7999

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.V. Yarotskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lvyar@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6539-3085

D.V. Aleynikova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: festabene@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5397-7999

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2022;
одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 06.02.2022;
approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 347.9:311.4:159.95
doi: 10.17223/15617793/482/24

Справочные правовые системы: как предопределить будущее, упорядочив прошлое

Владимир Анатольевич Болдырев¹, Константин Геннадьевич Сварчевский²

^{1, 2}Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

¹vabold@mail.ru

²svarchewsky@yandex.ru

Аннотация. Отмечается, что современные справочные правовые системы оказывают большое влияние на практику применения закона органами исполнительной и судебной власти. В условиях большой нагрузки правоприменитель может предпочесть глубокому анализу отдельных обстоятельств дела использование шаблона, предложенного такой системой. Доказывается необходимость выработки взвешенных корпоративных политик формирования баз данных справочных правовых систем, своевременного и обдуманного исключения из них документов, актуальность которых снизилась.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, история в документах, прошлое, судебная практика, когнитивные науки, когнитивная легкость, метаданные, информационные инновации

Для цитирования: Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Справочные правовые системы: как предопределить будущее, упорядочив прошлое // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 232–238. doi: 10.17223/15617793/482/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/24

Legal reference systems: How to determine the future by ordering the past

Vladimir A. Boldyrev¹, Konstantin G. Svarchevsky²

^{1, 2}Russian State University of Justice, Northwestern Branch, St. Petersburg, Russian Federation

¹vabold@mail.ru

²svarchewsky@yandex.ru

Abstract. The work aims to draw the attention of the scientific community to the problem of the influence of reference legal systems created and updated by commercial organizations on law enforcement, and to identify possible ways to solve this problem. The study was conducted using the method of content analysis, comparative and formal-logical methods, the method of forecasting. When studying the number of references in Russian judicial acts to the decisions of the European Court of Human Rights, a significant difference was found depending on the time, region, and judicial instances in which these acts were issued. The comparison led to a conclusion that the selection of official documents for placement in the reference legal system is subordinated to local practices of companies, and practices further influence court rulings issued in various regions and instances. The oblivion of “old” judicial acts, their gradual intentional and well-intended extraction from the data banks of reference legal systems as new practices are formed, inevitably affects the views of lawyers. The cognitive ease that controls human behavior, the ease of searching in databases for the necessary acts using navigation tools make the selection of a range of possible solutions from the reference legal system under heavy load conditions too convenient to turn to more complex algorithms for preparing solutions. The result of finding a solution for a difficult, multifactorial situation, especially if it has not previously been the object of evaluation by this law enforcement officer, is purposefully set by an employee of a commercial organization responsible for placing precedents in the legal reference system, organizing hyperlinks, extracting metadata, providing brief information about the essence of the resolved dispute for search purposes. The authors come to the conclusion that regulatory legal regulation is not able to give a positive result and, most likely, will have a negative effect – to have a negative impact on the commercial attractiveness and relevance of the arrays of information collected and offered to the public. The development of standards for the formation of databases of reference legal systems by extracting metadata from them, establishing hyperlinks without the help and control of the state, could become an element, a link of collective knowledge of reality, which makes it possible to simplify the decision-making process by the law enforcement officer. The formation of databases of reference legal systems based on the cooperation of their developers with the leading universities of the country could contribute to the identification of new, best practices and at the same time limit

the offer of the consequences of judicial errors as a model, in particular, by accompanying documents with additional information (cautionary commentaries).

Keywords: interdisciplinary research, history in documents, past, judicial practice, cognitive sciences, cognitive ease, metadata, information innovations

For citation: Boldyrev, V.A. & Svarchevsky, K.G. (2022) Legal reference systems: How to determine the future by ordering the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 232–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/24

Апелляция к авторитету. Для профессионального сообщества юристов способом коллективного осуждения любой юридической проблемы является изучение подготовленных судебных актов, заимствование сильных аргументов, подходов к организации структуры документа многих других наработок судебной практики.

Апелляция к авторитету (лат. *argumentum ad verecundiam* – аргумент к скромности), предложение считать некоторое утверждение корректным в силу авторитетности источника, прием, распространенный в исторической и правовой науке и применяемый на практике.

А.С. Смбалян справедливо отмечает: «Цитирование и заимствование ранее сделанных выводов представляют собой отнюдь не механическое включение в текст решения соответствующей цитаты либо наименования самого решения. Аргументы, изложенные в мотивировочной части, убеждают в том, что значение данного решения выходит за рамки урегулирования конкретного спора, и именно они придают решению ту ценность, которая побуждает судей учитывать изложенные в них подходы при рассмотрении последующих споров» [1. С. 10–11].

В некотором смысле самостоятельность принятия решения для опытных судей не падает, а снижается: «После пятнадцати лет стажа судьи не готовы опираться на интуицию, свои ощущения и предпочитают тщательно анализировать имеющиеся альтернативы согласно закону и в меньшей степени обращаются к собственному опыту» [2. С. 124].

Исследуя статистику ссылок в российских судебных актах на решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [3], мы столкнулись с проблемой значительного разброса числа таковых по годам, регионам, инстанциям. Для исследования использовали Справочную правовую систему (СПС) «КонсультантПлюс». Наблюдаемый разброс полученных значений натолкнул нас на мысль о том, что сам по себе

отбор судебных актов для помещения в справочную правовую систему подчинен алгоритмам, во многом основывающимся на локальных практиках компании, а практики эти неизбежно в дальнейшем влияют на судебные акты, выносимые в различных регионах и инстанциях.

Судебные акты часто базируются на письменных позициях сторон судопроизводства, и ссылки на позиции ЕСПЧ неизбежно будут встречаться больше в тех судебных актах, которые основаны на «сильных» процессуальных документах, исходящих от сторон, имеющих высокопрофессиональных представителей, ориентирующихся на международно-правовые стандарты. В то же время специалисты компаний, осуществляющих отбор документов для помещения в справочные правовые системы, неизбежно стремятся к отсеиванию судебных актов «слабых» (плохо написанных) и «тривиальных» (касающихся слишком простых или легко решаемых вопросов). Усиление документа ссылками на правовую позицию международного юрисдикционного органа, вероятно, чаще всего осуществляется при подготовке актов сложных, требующих особого внимания, т.е. имеющих большие шансы попасть в банки данных справочных правовых систем ввиду значительного к ним интереса со стороны специалистов.

В различных разделах СПС «КонсультантПлюс», если делать выводы по пятилеткам, суммируя документы за пять лет подряд, происходит изменение доли актов, содержащих упоминание ЕСПЧ, в разы, причем иногда отличается на порядок. Наблюдается такой максимальный и минимальный процент «ЕСПЧ-ориентированных» судебных актов по разделам: «судебная практика» – от 0,2 до 1,16%, «решения высших судов» – от 1,15 до 2,28%, «арбитражные суды округов» – от 0,02 до 0,33%, «областные суды общей юрисдикции» – от 0,07 до 1,42%, «суды Москвы и области» – от 0,03 до 2,7%, «суды Санкт-Петербурга и Ленинградской области» – от 0,27 до 1,65% (таблица).

Таблица

Процент судебных актов, размещенных в СПС «КонсультантПлюс», содержащих упоминание ЕСПЧ (по пятилеткам)

Раздел СПС «КонсультантПлюс»	Период с 01.01.2000 по 31.12.2004	Период с 01.01.2005 по 31.12.2009	Период с 01.01.2010 по 31.12.2014	Период с 01.01.2015 по 31.12.2019
Судебная практика	0,5	0,2	1	1,16
Решения высших судов	2,28	1,95	1,15	1,82
Арбитражные суды округов	0,02	0,09	0,32	0,33
Арбитражные апелляционные суды	0,1	0,21	0,49	0,72
Областные суды общей юрисдикции	0,07	0,44	1,38	1,42
Суды Москвы и области	0,03	0,09	1,99	2,07
Суды Санкт-Петербурга и	0,27	0,3	0,65	1,65

Не излагая здесь конечных выводов проведенного исследования, посвященного изменению числа ссылок на правовые позиции ЕСПЧ, поскольку это выйдет за рамки обозначенной темы настоящей работы, отметим, что круг исследуемых источников по ходу работы был вынуждено ограничен. В поле внимания оказались взяты лишь судебные акты различных коллегий Верховного Суда Российской Федерации. При этом выборка не делалась вовсе – анализировались все судебные акты, находящиеся в базе данных. Подготовительная часть проведенного исследования заставила нас написать настоящую работу, обратив внимание ученых и практиков на неизбежное и при этом серьезное влияние справочных правовых систем на правоприменительную практику.

Потенциал политико-правового манипулирования. Персоналом компаний, формирующих базы данных, включающие официальные документы из недавней истории, принимаются решения, определяющие будущее. Судебные акты, помещенные в широко доступные базы данных, характеризуют события прошлого, однако используя соответствующие сведения в настоящем, юристы дают оценку перспективам разрешения тех или иных ситуаций, а значит, принимают решение на основании полученной информации. Тем самым формирование представлений юриста, в том числе и судьи, о недалеком прошлом влияет на грядущее: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое» (англ. *Who controls the past, controls the future: who controls the present controls the past*) – совершенно точно отмечено Джорджем Оруэллом более полувека назад в известной антиутопии «1984».

А.В. Малько и В.В. Субочев оперируют категорией «политико-правовое манипулирование», под которым предлагается понимать «способ воздействия на общественные отношения политическими и правовыми средствами, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики или стратегии» [4. С. 170]. Авторы называют в числе средств политико-правового воздействия нормативные правовые акты, правореализационные акты (среди которых особое место занимают акты применения) и акты толкования права [4. С. 173].

Граница между манипуляциями и позитивным управляющим воздействием очень тонка. Формирование адекватной обстановке и одновременно позитивной новостной повестки в целях рационального управления общественными процессами с прямой адресацией членов общества к официальной позиции, оглашенной от имени государства судьями, – важнейшее и очень перспективное направление моделирования общественного мнения и формирования законопослушного поведения.

Если правовое просвещение широких масс граждан легко может выродиться в пропаганду, в сознательное манипулирование людьми вопреки их действительным интересам, то формирование професси-

ональных баз данных несет в себе меньший риск создания иного представления о существующем спектре правоприменительных решений. Такой вывод мы делаем с учетом огромного объема необходимых затрат, связанных с фильтрацией официальных правоприменительных документов, не сопоставимых с потенциальным конечным эффектом, принципиально достижимым с учетом реальных способностей человека к планированию процессов.

Следовательно, изъятие актов правоприменения из памяти или невключение их в число реально доступных для использования в качестве аналогов – маловероятная стратегия сознательного манипулирования обществом в любом государстве. Более вероятна та ситуация, когда прогрессивное правоприменительное решение или даже сложившаяся устойчивая практика оказываются ошибочно преданными забвению ввиду необходимости обеспечить единство практики.

Мемориальное законодательство и проблема забвения юридических практик. Сама по себе норма закона в отрыве от людей, его применяющих, несет в себе очень мало смысла. Одно и то же правило в конкретном экономическом, политическом или культурном контексте получает совершенно разное и даже диаметрально отличающееся смысловое наполнение. Память (англ. *memory*) в юриспруденции имеет много аспектов.

Судебные акты, будь то решения по гражданским делам или приговоры по делам уголовным, особенно, когда они выносятся международными трибуналами, являются средством запечатления деяний людей, их этической и формально-юридической оценки современниками не только в памяти живущих поколений, но и в памяти поколений будущих.

Вопросы, связанные с «официальной политикой памяти» и «мемориальным законодательством», находятся на этапе выбора правового оформления правильных решений [5. С. 109].

О.А. Матусевич подходит к проблеме с позиции аксиологической и когнитивной: «Рост интереса к проблеме коллективной памяти наблюдается не только среди ученых, но и в обществе в целом. Прошлое воспринимается как ценность, формируется представление, что память о прошлом нуждается в защите, что привело к созданию мемориального законодательства» [6. С. 116]. Автор смело переключается к историческим, совершенно справедливым, на наш взгляд, параллелям: «Рассматривая мемориальные законы, несложно провести аналогию со средневековыми методами борьбы церкви с научным прогрессом, которые не остановили научные исследования, но от которых пострадали многочисленные ученые» [6. С. 117].

Объем человеческой памяти и внимания крайне ограничен. Маркетологи и политтехнологи пользуются эффективными алгоритмами вытеснения фактов государственной и общественной жизни, смены повестки дня. Если человеку постоянно навязывается та или иная информация, не имеющая для него никакой действительной ценности, рано или поздно нужная

информация просто перестает доходить до адресата или оседает в тех отдаленных уголках памяти, которые в ходе аналитической работы попросту не используется.

Забвение «старых» судебных актов, их постепенное умышленное и обусловленное добрыми намерениями извлечение из банков данных справочных правовых систем, попадание юридической информации в небытие по мере формирования новой практики, неизбежно сказываются на представлениях юристов. Юрист завтрашнего дня не будет помнить «за ненадобностью», а в действительности, за ограниченностью человеческих возможностей, как та или иная категория споров рассматривалась и как соответствующие законы понимались много лет назад. Это будет влечь и влечет уже сегодня ошибки при оценке обстоятельств прошлого, исходя из которых выносятся судебный акт на будущее.

«Государства публикуют архивные материалы, политики выступают с программными заявлениями, ученые раздают интервью, а история как наука, претендующая на беспристрастное исследование фактов, сливается с памятью как явлением субъективным и заведомо предвзятым. Нельзя сказать, что мы имеем дело с совершенно новым явлением – прошлое всегда было основанием настоящего и проектом будущего» [7. С. 68], – пишет А.Ю. Дорский.

Правоприменение прошлого и после изменения закона, на котором оно основано, и после принятия закона совершенно нового – было и остается основанием и проектом правоприменения будущего. Инертность сознания человека – сотен тысяч и миллионов правоприменителей – не изменить одним лишь решением законодателя.

Когнитивная легкость и справочные правовые системы. Судья как и любой юрист обращается к базам данных справочных правовых систем ввиду удобства их использования, особенно когда принятое к рассмотрению дело не является «стандартным». Ни судебные архивы, ни даже базы данных, находящиеся в ведении судебных структур, не дают той степени доступности и релевантности (относимости) нормативного и практического материала, какая необходима для быстрого рассмотрения дела, особенно если учитывать невероятный поток дел, проходящий через каждого судью [8. С. 6].

«В настоящее время на первый план для разработчиков СПС выходят задачи предоставления пользователям всего спектра правовой информации (прежде всего авторской информации и судебной практики), задачи проведения предварительной экспертной обработки информации и создания на ее основе специальных аналитических материалов и инструментов поиска» [9. С. 61], – писала Ю.Е. Ульянова десятилетия назад. Положительно характеризуя разного рода «путеводители», имеющиеся в СПС «Консультант-Плюс», автор отмечала, насколько востребована пользователями такая информация: «Конечно, подобные сведения можно получить и из других источников. Есть книги, справочные пособия, журналы и газеты. Но эта информация не обновляется, а, учитывая ско-

рость, с какой у нас меняются законы и принимаются новые документы, это серьезный недостаток» [9. С. 61]. Не трудно увидеть, что специалистам предлагается самый простой путь: вместо вдумчивого погружения в ситуацию – воспроизведение сработавшей однажды модели поведения.

Изучая судебную практику, можно заметить, что порой разрешение конкретного спора имеет в своей основе не детальный разбор ситуации с учетом всей совокупности юридических фактов и аргументов сторон, а выбор более-менее подходящего «лекала» (разрешенной ситуации, рассмотренного спора, напоминающего по своим отдельным параметрам рассматриваемый) и использование его. Стоит ли удивляться в такой ситуации прямому игнорированию аргументов сторон или совершенно неуместному, выходящему за рамки фабулы дела копипасту (от англ. *copy & paste* – копировать и вставлять).

Преобладание быстрого режима мышления, как предполагается, сопряжено с проявлениями когнитивной простоты [10. С. 113]. Вряд ли кто-то отважится спорить с тем, что высокая нагрузка предопределяет необходимость использования режима быстрого мышления, а значит, и упрощенные схемы познавательной деятельности рано или поздно могут начать доминировать в работе конкретного правоприменителя ввиду усталости.

Как известно, ощущение когнитивной легкости сосуществует с «иллюзиями правды, приятными чувствами и пониженной бдительностью» [11. С. 141]. Простое решение часто субъективно воспринимается как правильное, тем более что оно очень удобно: «Для человека хорошее настроение и когнитивная легкость – эквиваленты оценки среды как безопасной и знакомой» [11. С. 121].

Когнитивная легкость, управляющая поведением человека, простота поиска в базах данных нужных, разрешенных ранее правоприменителями ситуаций при помощи самых различных средств навигации делает подборку релевантных дел из недр справочной правовой системы слишком удобной, чтобы обращаться к более сложным способам поиска подходов к решению. В итоге результат поиска для разрешения непростой, многофакторной ситуации, особенно, если таковая ранее не была объектом оценки со стороны этого правоприменителя, направленно задается сотрудником коммерческой организации, отвечающим за помещение прецедентов с состав справочной правовой системы, за организацию гиперссылок, за экстрагирование метаданных, в том числе приведение краткой информации о сути рассмотренного спора для целей поиска.

Беседы с практиками, изучение подготовленных сторонами процессуальных документов, сравнение содержащихся в них аргументов с итогами рассмотрения гражданских и арбитражных дел позволяют сделать вывод, что правоприменитель иногда сознательно упрощает ситуацию до уровня некой модели спора, подходящей под ранее использованный этим же или другим правоприменителем шаблон разрешения.

«Со стремительным возрастанием объема рассматриваемых дел сам процесс судопроизводства заметно ускорился и приобрел характер конвейера» [12. С. 214], – отмечают М.А. Рахманова и П.В. Шумов, основываясь на данных статистики. «Адаптация судей к возросшим нагрузкам чаще всего осуществляется посредством сокращения времени, отведенного для рассмотрения одного дела» [12. С. 214], – указывают авторы, подходя к описанию методологической основы правоприменения в условиях нехватки времени. Вывод оказывается печальным: судьи все чаще стремятся поскорее завершить начатый процесс рассмотрения дела и вынести решение по заранее отработанному шаблону [12. С. 215]. Шаблон к делу с новой фабулой, непохожей на ранее исследованные, правоприменителю нередко проще подобрать, пользуясь базой данных СПС.

Справедливо отмечается, что «судья в процессе оценки юридически значимых обстоятельств вынужден на определенном этапе действовать не по шаблону, поступая в чем-то подобно ученому экспериментатору, который вынужден искать правильный ответ на поставленный вопрос, основываясь на отрывочных данных и не имея подсказок» [13. С. 59–60].

Необходимость внимательного отношения юриста к формулируемым вопросам, обязательность ответа на них без ухода в сторону осознавались видными правоведом и проводились в практику через образовательный процесс ещё в XIX в. [14. С. 51]. К сожалению, сегодня культура аргументации оказалась утраченной в связи с существованием шаблонных решений, которые с легкостью могут быть найдены в справочной правовой системе.

В итоге процесс разбирательства, принятия решения и его письменного мотивирования в последние годы нередко идет по принципу отсека «неважных» фактов, обстоятельств и условий. В действительности же они являются неудобными, не подходящими под существующее в какой-либо из справочных правовых систем проектное решение. Сказанное в большей мере относится к спорам гражданским, в которых спектр возможных решений очень широк, как и круг применяемых норм, но иногда это же относится и к процессу вынесения приговоров в отношении лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений.

Саморегулирование при ведении баз данных справочных правовых систем. Мы не видим оснований для алармистских настроений по поводу используемых политик формирования баз данных справочных правовых систем, однако уверены, что обсуждение вопросов включения и исключения документов из баз данных наиболее известных систем «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» должно быть предметом обсуждения научной общественности, прежде всего, историков и юристов.

Попытки регулировать данную сферу нормативными правовыми актами, на наш взгляд, не только не

способны дать позитивного результата, но и, скорее всего, будут иметь негативный эффект – оказывать отрицательное влияние на коммерческую привлекательность и актуальность массивов собранной и предлагаемой публике информации, а значит, именно здесь важна наработка практики саморегулирования.

В этом смысле саморегулирование, выработка стандартов формирования баз данных справочных правовых систем путем извлечения из них метаданных, установления гиперссылок – без помощи и контроля со стороны государства, могли бы стать элементом, звеном коллективного познания, дающего возможность упростить процесс принятия решений правоприменителем.

Наконец, о прозрачности юридических решений, доступности их для широкого круга граждан, которой дополнительно обеспечивается формирование правоприменительной практики в русле единообразия с соблюдением объективности, законности и справедливости. Важнейшими задачами, решаемыми государством путем публикации судебных актов в сети Интернет, является придание публичной огласке результатов отправления правосудия, популяризация права и правоприменения, создание дополнительных факторов давления общества на государство и правоприменительные решения.

Транспарентность юридических практик, характерная для открытого общества, многоаспектна и не сводится к обеспечению открытости для изучения судебных и иных правоприменительных актов, включает в себя также и прозрачность процедуры принятия нормативных правовых актов, предполагает ограничение тайны частной жизни и тайны имущественных накоплений, необходимое для выявления коррупционных злоупотреблений, создание основы для правомерной деятельности расследовательских организаций [15. Р. 544].

Многочисленное усиление позитивного эффекта от прозрачности всей системы вынесенных судебных актов в любом государстве, на наш взгляд, может быть обеспечено созданием условий для удобного поиска качественных документов, получивших оценку со стороны научных и практических работников, в качестве образцов для правоприменителя.

Формирование баз данных справочных правовых систем на основе сотрудничества их разработчиков с ведущими университетами страны могло бы способствовать выявлению новых, передовых практик и одновременно ограничить использование последствий судебных ошибок в качестве образца, в частности, путем сопровождения документов дополнительной информацией (предостерегающими комментариями). Считаем это перспективным направлением сотрудничества в сфере информационных технологий, стратегией взаимного обогащения науки и практики, потенциал которой ещё предстоит раскрыть.

Список источников

1. Сибатян А.С. Нормативная ценность правовых позиций международных судов: фактор стабильности или «узурпация» прав суверенов? // Российский юридический журнал. 2019. № 3 (126). С. 9–20.

2. Попова Т.В., Калашникова А.С. Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей // Психология и право. 2018. № 1. С. 119–127. doi: 10.17759/psylaw.2018080109
3. Болдырев В.А. Ссылки на правовые позиции Европейского суда по правам человека в российских судебных актах // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в российском уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию членства России в Совете Европы (Хабаровск, 15–16 октября 2021 г.). Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2021. С. 18–21.
4. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 163–180. doi: 10.17759/psylaw.2021110113
5. Дорская А.А., Бондарев В.Г. Юридические формы переживания истории: практики и пределы: обзор международной научно-практической конференции // Российское правосудие. 2021. № 7. С. 108–111. doi: 10.37399/issn2072-909X.2021.7.108-111
6. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116–118.
7. Дорский А.Ю. Глорификация и чувство вины в государственных коммуникациях: интенции мемориального законодательства // Медиалингвистика. Материалы IV международной научной конференции. 2020. С. 68–71.
8. Беляева И.А., Цариценцева О.П. Особенности профессионального выгорания федеральных судей // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN519.pdf>
9. Ульянова Ю.Е. Современные тенденции в развитии справочных правовых систем // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 1. С. 60–65.
10. Балева М.В. Роль когнитивных стилей в процессе социальной перцепции конкретного и безличного другого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 1. С. 106–117. doi: 10.17072/2078-7898/2020-1-106-117
11. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро: пер. с англ. М. : АСТ, 2021. 653 с.
12. Рахманова М.А., Шумов П.В. Нагрузка на судей и качество правосудия // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 10. С. 213–216. doi: 10.33619/2414-2948/47/27
13. Балановский В.В. Определение понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств дела в современном российском судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 53–62. doi: 10.17223/15617793/469/7
14. Сварчевский К.Г., Филатов Д.О. Мейер: профессор-реформатор российского права // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 10. С. 49–53.
15. Boldyrev V.A., Lisitsa V.N., Khasnutdinov A.I. Analysis of nominal holding of securities and nominee service: legal constructions for the service of capital // Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies. 2018. Vol. 9, № 6. P. 537–548.

References

1. Smbatyan, A.S. (2019) The normative value of international courts' legal reasoning: the factor of stability or the "usurpation" of the sovereign's authority? *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3 (126). pp. 9–20. (In Russian).
2. Popova, T.V., & Kalashnikova, A.S. (2018) Scientific and practical recommendations for the prevention of emotional burnout among judges. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 1. pp. 119–127. (In Russian). doi: 10.17759/psylaw.2018080109
3. Boldyrev, V.A. (2021) [References to the legal positions of the European Court of Human Rights in Russian judicial acts]. *Evropeyskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: problemy realizatsii v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: problems of implementation in Russian criminal proceedings]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 25th anniversary of Russia's membership in the Council of Europe. Khabarovsk. 15–16 October 2021. Khabarovsk: Pacific State University. pp. 18–21. (In Russian).
4. Mal'ko, A.V. & Subochev, V.V. (2021) Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and a scientific category. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 11 (1). pp. 163–180. (In Russian). doi: 10.17759/psylaw.2021110113
5. Dorskaya, A.A. & Bondarev, V.G. (2021) The review of the international scientific and practical conference entitled "Legal Forms of Experiencing History: Practices and Frontiers. *Rossiyskoe pravosudie*. 7. pp. 108–111. (In Russian). doi: 10.37399/issn2072-909X.2021.7.108-111
6. Matusevich, O.A. (2014) Memorial'noe zakonodatel'stvo: genezis i protivorechiya [Memorial legislation: genesis and contradictions]. *Trudy BGTU*. 5:5 (169). pp. 116–118.
7. Dorskiy, A.Yu. (2020) [Glorification and Guilt in State Communications: Intentions of Memorial Legislation]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Proceedings of the IV International Conference. St. Petersburg State University. pp. 68–71. (In Russian).
8. Belyaeva, I.A. & Tsaritsentseva, O.P. (2019) Features of professional burnout of federal judges. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and psychology*. 5. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN519.pdf> (In Russian).
9. Ul'yanova, Yu.E. (2012) Sovremennye tendentsii v razvitiі spravochnykh pravovykh sistem [Modern trends in the development of reference legal systems]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. 1. pp. 60–65.
10. Baleva, M.V. (2020) The role of cognitive styles in social perception of the specified and impersonal Other. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 1. pp. 106–117. doi: 10.17072/2078-7898/2020-1-106-117
11. Kahneman, D. (2021) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russian).
12. Rakhmanova, M.A. & Shumov, P.V. (2019) Workload of Judges and Quality of Due Process of Law. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*. 5 (10). pp. 213–216. (In Russian). doi: 10.33619/2414-2948/47/27
13. Balanovskiy, V.V. (2021) Definition of the concept of judges' assessment of legally significant circumstances of the case in contemporary Russian legal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 469. pp. 53–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/469/7
14. Svarchevskiy, K.G. & Filatov, D.O. (2019) Meyer: A reformer professor of Russian law. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 10. pp. 49–53. (In Russian).
15. Boldyrev, V.A., Lisitsa, V.N. & Khasnutdinov, A.I. (2018) Analysis of nominal holding of securities and nominee service: legal constructions for the service of capital. *Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies*. 9 (6). pp. 537–548.

Информация об авторах:

Болдырев В.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vabold@mail.ru

Сварчевский К.Г. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svarchewsky@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), professor, Russian State University of Justice, Northwestern Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vabold@mail.ru

K.G. Svarchevsky, Cand. Sci. (Law), head of the Civil Law Department, Russian State University of Justice, Northwestern Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svarchewsky@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 14.02.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Научная статья
УДК 343.33
doi: 10.17223/15617793/482/25

Проблемы квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Анна Васильевна Денисова¹

¹*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
av.denisova@hse.ru / anden2012@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные с позиции уголовно-правовой квалификации вопросы о содержании и правовых последствиях действий по реабилитации нацизма. На конкретных примерах судебной практики анализируются проблемы признания их оконченными преступлениями и разграничения со смежными составами преступлений. Сделан вывод, что назрела необходимость разъяснения особенностей реализации ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в правоприменительной практике со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность, символы воинской славы России, осквернение, квалификация преступлений

Для цитирования: Денисова А.В. Проблемы квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 239–243. doi: 10.17223/15617793/482/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/25

Problems of qualifying Nazism rehabilitation (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Anna V. Denisova¹

¹*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
av.denisova@hse.ru; anden2012@yandex.ru*

Abstract. The object of the study is the problems of the application of Article 354.1, Rehabilitation of Nazism, of the Criminal Code of the Russian Federation in domestic legal practice; the focus is on criminal law norms on the rehabilitation of Nazism and related crimes and the practice of their application. The aim of the study is to identify and analyze specific problems of law enforcement officers that arise during the implementation of Article 354.1 in legal practice, to propose solutions to them. In the course of the study, the author analyzed the history of the appearance of this legal norm in Russian criminal law and its subsequent transformations, illustrated the problems of distinguishing between finished and unfinished crimes related to the rehabilitation of Nazism by the example of real criminal cases, and also revealed uncertainty in the legal qualification of criminal acts desecrating military graves, monuments, steles, obelisks, and others memorial structures or objects perpetuating the memory of those killed in the defense of the Fatherland or its interests. In preparing the article, the author used the dialectical method of scientific cognition, which imposes requirements for the study of domestic law enforcement processes in dynamics, and special methods: historical-legal, formal-logical, content analysis, and others. The empirical base of the study is the data obtained as a result of the analysis and generalization of the casual judicial practice in criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation to refuse to accept a citizen's complaint for violation of their constitutional rights by Part One of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, materials of judicial and investigative practice of federal courts and investigative bodies of various regions of Russia. The use of an extensive information base, including theoretical provisions and conclusions contained in the applied research works of Russian scientists, the use of general and special scientific methods of cognition and a representative base of forensic investigative practice determines the necessary degree of reliability of the obtained results. The author concludes that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should clarify the specifics of the implementation of Article 354.1 in law enforcement practice and formulate criteria for distinguishing the corpus delicti from the one contained in Article 243.4, Destruction or Damage to Military Graves, Monuments, Steles, Obelisks, Other Memorial Structures or Objects Perpetuating the Memory of Those Killed in Defense of the Fatherland or Its Interests or Dedicated to the Days of Russian Military Glory, of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminal responsibility, symbols of Russian military glory, desecration, qualification of crimes

For citation: Denisova, A.V. (2022) Problems of qualifying Nazism rehabilitation (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 239–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/25

Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) был дополнен ст. 354.1, устанавливающей ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, совершенные публично. Кроме того, в данной статье также были криминализованы распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично (ч. 1), а также сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно и осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично (ч. 3).

Данные уголовно-правовые нормы стали достаточно востребованными в отечественной юридической практике, несмотря на то что ст. 354.1 УК РФ по своей структуре является весьма сложной. В части первой данной статьи содержится четыре самостоятельных состава преступления, так или иначе связанных с реабилитацией нацизма. Часть вторая предусматривает для вышеуказанных преступных деяний четыре разновидности квалифицирующих признаков (п. «а»–«г»). В части 3 ст. 354.1 УК РФ содержится еще четыре основных состава преступления, связанных с публичным пренебрежительным отношением к защите Отечества и его защитникам. Часть четвертая данной статьи введена в уголовное законодательство Федеральным законом от 05.04.2021 № 59-ФЗ [2] и включает в себя две группы квалифицирующих признаков, связанных с групповым характером совершения преступных деяний, предусмотренных ч. 3, либо с использованием особых средств совершения преступления – средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Такая сложная конструкция статьи уголовного закона в совокупности с отсутствием устоявшегося научно обоснованного понимания объективных и субъективных признаков этих преступных деяний, их квалифицированных видов, а также неоднозначностью трактовки термина «нацизм» применительно к целям уголовного законодательства не могли не повлечь за собой возникновение ряда проблем в процессе квалификации соответствующих посягательств. Отметим, что на данные затруднения правоприменителей уже обращалось внимание в специальной литературе [3–5].

Так, во-первых, выяснилось, что в ст. 354.1 УК РФ в первоначальной редакции не была предусмотрена возможность дифференциации уголовной ответственности в случае совершения данного преступления с

использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Так, И. еще в июне 2010 г. опубликовал в своем интернет-аккаунте в социальной сети LiveJournal «информационный материал» в виде фотографического изображения листовки фашистского командования времен Великой Отечественной войны и комментарии к данному изображению, в которых содержались ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Немецкие оккупанты и нацисты, признанные преступниками на Нюрнбергском процессе, были выставлены более порядочными, чем советский народ, защищавший Родину, отрицались факты и одобрялись преступления, установленные приговором трибунала, была изложена информация о гуманном отношении гитлеровцев к населению СССР на завоеванных территориях. Публикация находилась в свободном доступе для неограниченного круга пользователей 8 лет и была просмотрена более 1 000 раз. В итоге И. был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 354.1 и ч. 1 ст. 354.1 УК РФ к штрафу в 100 тыс. руб. за каждый преступный эпизод; правильность квалификации проверена вышестоящими судами [6].

Несмотря на то что в рассмотренном примере осуществлялось массовое и длительное распространение соответствующей информации, И. был осужден по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, так как используемый им интернет-аккаунт не является средством массовой информации согласно действующему законодательству Российской Федерации. В связи с этим был разработан законопроект № 1050812-7 «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности за реабилитацию нацизма), направленный на устранение выявленного пробела в диспозиции статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» и включающий в качестве квалифицирующего признака совершение данного преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». В результате был принят уже упомянутый выше Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ, существенно реформировавший ст. 354.1 УК РФ.

Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ, представлена следующими общественно опасными действиями: отрицание, одобрение, распространение. На первый взгляд, их понимание однозначно и не должно создавать трудностей для правоприменительной практики. Однако реальные уголовные дела свидетельствуют об обратном. Так, Круглов признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 354.1 УК РФ за покушение на одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, совершенное публично. Его преступные действия заключались в том, что он 4 мая 2020 г.

два раза оформил и направил заявки для публикации в приложении «Бессмертный полк онлайн» фотоизображение Гитлера, сознавая, что тот является нацистским преступником, а содеянное им – преступлениями. Однако заявки были заблокированы, его действия пресечены, и фото не были опубликованы для всеобщего доступа. При решении о квалификации действий как покушение суд первой инстанции исходил из того, что действия по размещению фотографии А. Гитлера на сайте «Бессмертный полк онлайн» Круглов не довел до конца по независящим от него обстоятельствам в связи с блокировкой заявок модераторами. Суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, указал, что реабилитация нацизма относится к группе «информационных преступлений», связанных с передачей некоей информации от одного субъекта к другому, а сам факт размещения осужденным заявки с изображением А. Гитлера на сайте «Бессмертный полк России» не связан с достижением преступного результата, выраженного в доведении его одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, до сведения неограниченного круга лиц (одобрил публично) во время трансляции акции «Бессмертный полк» в сети Интернет.

Обе судебные инстанции проигнорировали тот факт, что состав преступления, за совершение которого осужден Круглов, является формальным, в силу чего считается оконченным с момента совершения действий, составляющих объективную сторону, вне зависимости от последствий. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, под одобрением преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, следует понимать заявление, сообщение неопределенному кругу лиц о признании допустимости и положительными совершенных нацистами международно-правовых преступлений в годы Второй мировой войны, об их оправдании, правильности, заслуживающими поддержки, похвалы и т.п. Как установил суд, Круглов лично приискал графические файлы с изображением А. Гитлера, создал (оформил) для публичной демонстрации в общем доступе неограниченному кругу лиц заявку с фотоизображением А. Гитлера, возглавлявшего в качестве фюрера руководящий состав НСДАП и который приговором Международного военного трибунала признан нацистским преступником, а затем отправил ее в социальную сеть. Размещая и редактируя заявки, Круглов ознакомился с текстом содержащегося на сайте обращения к пользователю и знал, что ему предлагалось рассказать о «своем герое», сопровождал фотоизображение текстом: «Я помню! Я горжусь!» и стремился, чтобы фотоизображение попало на сайт среди ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, тем самым выразил свое одобрение совершенных Гитлером преступлений.

Таким образом, Круглов выполнил все необходимые и зависящие от него действия, составляющие объективную сторону данного состава преступления, завершил их и одобрил преступления, установленные приговором Международного военного трибунала для

суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, совершив их публичным способом, т.е. довел свой умысел до конца, но не достиг конечной цели – демонстрации фотоизображения Гитлера с его одобрительными комментариями во время трансляции «Бессмертный полк онлайн».

Исходя из формальной конструкции данного состава преступления, то, что Круглов уже выразил свое отношение, одобрил преступления нацистов, последующая блокировка оформленных и поданных им заявок, воспрепятствование демонстрации фотоизображений Гитлера для трансляции онлайн не может влиять на квалификацию действий как оконченного состава преступления. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации указал, что нижестоящие инстанции не приняли во внимание, что, согласно показаниям свидетеля Х., Круглов в закрытом чате, доступном для 18 участников, поместил скриншот заявки в виде фото Гитлера со своими одобрительными комментариями, на что участники чата выразили ему свое неодобрение, что также подтверждает публичный характер его действий [7].

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом, о чем косвенно свидетельствует использованная законодателем формулировка «заведомо ложные сведения». В судебной практике уже имела место попытка оспорить конституционность ст. 354¹ УК РФ на том основании, что она противоречит ст. 13 и 29 Конституции Российской Федерации, не отвечает принципам свободы, равенства и справедливости, нарушает требования определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм, поскольку вводит ответственность за выражение ошибочного мнения и неправильную интерпретацию прошлых событий (курсив мой. – А.Д.). Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению данной жалобы, сославшись на ч. 1 и 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации и указав, что наша страна чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, а умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается [8]. Также рядом международных актов и Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» провозглашается недопустимость проявлений фашизма в любой форме. Если гражданин, осуществляя свои права и свободы (включая свободу мысли и слова, свободу творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними), в то же время нарушает права и свободы других лиц и такое нарушение носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к уголовной ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов. При этом значение имеет не только форма выражения своих убеждений, но и способы распространения информации, а также ее содержание.

Что касается преступных деяний, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма»

(распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично), то они, на наш взгляд, имеют генетические связи с деяниями, предусмотренными ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ, а также близки им по характеру и степени общественной опасности, что отражено в сходстве их санкций. Именно этим следует объяснить факт объединения соответствующих составов преступлений в одной статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако и по этой группе преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, возникают трудности в процессе правоприменительной деятельности. Так, Волков А.А. 20 марта 2017 г. разместил в сети Интернет в публичной группе социальной сети во «ВКонтакте» под текстом об открытии Штаба Навального и пресс-конференции, посвященной этому событию, графическое изображение, оскверняющее символы воинской славы России, а именно графическое изображение скульптуры «Родина-Мать зовёт!», оскверненное путем нанесения красителя зеленого цвета на лицевую часть головы скульптуры, а также поверхность ладони вытянутой левой руки скульптуры, создав возможность для просмотра указанного графического изображения, оскверняющего символ воинской славы России, неограниченным кругом лиц. В результате действий Волкова А.А., сопровождавшихся публичным распространением графического изображения, оскверняющего символ воинской славы России — скульптуру «Родина-Мать зовёт!», указанное изображение было просмотрено различными лицами не менее 1 000 раз.

Данные действия квалифицированы органами предварительного следствия по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ как осквернение символов воинской славы России, совершенное публично. Однако с ними не согласился суд, указав, что согласно предъявленному обвинению Волков А.А. осквернил скульптурное сооружение — скульптуру «Родина-Мать зовёт!», входящее в состав объекта культурного наследия федерального значения «Мемориальный комплекс “Героям Сталинградской битвы”» (Волгоградская область, г. Волгоград, Мамаев курган), посвященное борьбе с фашизмом, жертвам фашизма и расположенное на месте захоронения участников борьбы с фашизмом, т.е. совершил деяние, содержащее признаки состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ (в прежней редакции, до принятия Федерального закона от 07 апреля 2020 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Прокуратура не согласилась с позицией судебных органов и подала кассационное представление в вышестоящую инстанцию, указав, что Волков А.А. не осквернял материальный объект, равно как и расположенные в непосредственной близости со скульптурой захоронения участников борьбы с фашизмом.

Ему инкриминировано органами следствия размещение в сети Интернет под текстом об открытии Штаба Навального графического изображения скульптуры «Родина-Мать зовёт!», уже подвергшегося изменению.

В результате Верховный Суд Российской Федерации отменил нижестоящие судебные решения и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство в ином составе суда [9].

Принятие упомянутого выше Федерального закона от 07 апреля 2020 г. № 112-ФЗ [10], дополнившего УК РФ ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России», только усложнило квалификацию соответствующих деяний. В результате однотипные акты стали квалифицироваться как по ст. 354.1 УК РФ, так и по ст. 243.4 УК РФ.

Так, Главным следственным управлением Следственного комитета России по факту осквернения памятника советским воинам в Эстонской Республике возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» и «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ (повреждение расположенного за пределами Российской Федерации мемориального объекта, увековечивающего память погибших при защите Отечества или его интересов в период Великой Отечественной войны, совершенное группой лиц). Само преступное поведение заключалось в том, что злоумышленники, находясь в парке Раади города Тарту Эстонской Республики, путем нанесения краской оскорбительной надписи и нацистской символики в виде свастики повредили памятник советским воинам, увековечивающий память советских солдат, погибших в период Великой Отечественной войны, освобождая Европу от нацизма [11].

Аналогичные действия, совершенные на территории России, например в деревне Никулино Истринского городского округа Московской области, были квалифицированы по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ как осквернение символов воинской славы России. По данным следствия, 17 февраля 2022 г. группа злоумышленников, используя аэрозольную краску, осквернила памятник воинам, павшим в Великой Отечественной войне [12]. Возникает вопрос, что послужило причиной разной квалификации двух похожих эпизодов осквернения памятников? Неужели только признак места совершения преступления? Однако следственными органами Следственного комитета Российской Федерации возбуждаются уголовные дела по п. «б» ст. 243.4 УК РФ и по фактам осквернения памятников защитников Отечества на территории Российской Федерации. Так, в Приморском крае предъявлено обвинение 39-летней местной жительнице в повреждении памятника Рихарду Зорге, т.е. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ст. 243.4 УК РФ. По данным следствия, ранним утром 9 мая 2022 г. обвиняемая, находясь на территории сквера имени Рихарда Зорге, расположенного на участке местности около дома по проспекту 100-летия Владивостока в краевом центре,

с целью причинения ущерба историко-культурному значению памятника Герою Советского Союза Рихарду Зорге, установленного в сквере, нанесла на постамент красящее вещество красного цвета [13].

Представляется, проанализированные материалы уголовных дел свидетельствуют о возникновении ряда слож-

ностей у правоприменителей при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, связанных с реабилитацией нацизма, преодолеть которые, на наш взгляд, возможно только путем разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации особенностей реализации ст. 354.1 УК РФ в правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2333.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15 (часть I). Ст. 2426.
3. Агапов П.В., Шевелева К.В. Ответственность за реабилитацию нацизма: проблемы законодательства и правоприменения // Роль права в обеспечении благополучия человека : сб. докл. XI Московской юридической недели. М.: МГЮА, 2022. С. 16–22.
4. Левандовская М.Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 155–162.
5. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9, № 3. С. 494–503.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. по делу № 31-УД20-15сп-А4 // СПС «Гарант».
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2021 г. по делу № 80-УДП21-3-А4 // СПС «Гарант».
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2020 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ишутова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
9. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2018 г. по делу № 16-УДП18-17 // СПС «Гарант».
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15 (часть I). Ст. 2235.
11. Возбуждено уголовное дело по факту осквернения памятника в Эстонии. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1683442/?to=&from=&type=&dates=>
12. Председатель СК России поставил на контроль расследование обстоятельств осквернения памятника в Московской области. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1663558/>
13. В Приморском крае местной жительнице предъявлено обвинение в повреждении памятника Рихарду Зорге. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1688259/>

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of laws of the Russian Federation]. (2014) 19. Art. 2333.
2. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of laws of the Russian Federation]. (2021) 15 (I). Art. 2426.
3. Agapov, P.V. & Sheveleva, K.V. (2022) [Responsibility for the rehabilitation of Nazism: problems of legislation and law enforcement]. *Rol' prava v obespechenii blagopoluchiya cheloveka* [The role of law in ensuring human well-being]. Proceedings of the XI Moscow Law Week. Moscow: MSLA. pp. 16–22. (In Russian).
4. Levandovskaya, M.G. (2018) The rehabilitation of nazism as a crime. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 12. pp. 155–162. (In Russian).
5. Egorova, N.A. (2015) The rehabilitation of Nazism: Criminal law analysis. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 9 (3). pp. 494–503. (In Russian).
6. Garant. (2020) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2020, in case No. 31-UD20-15sp-A4*. (In Russian).
7. Garant. (2021) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2021, in case No. 80-UDP21-3-A4*. (In Russian).
8. Garant. (2020) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 23, 2020, No. 1884-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Konstantin Aleksandrovich Ishutov about the violation of his constitutional rights by Part One of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation"*. (In Russian).
9. Garant. (2018) *Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 12, 2018 in case No. 16-UDP18-17*. (In Russian).
10. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of laws of the Russian Federation]. (2020) 15 (I). Art. 2235.
11. RF Investigative Committee. (2022) *A criminal case has been opened on the fact of desecration of a monument in Estonia*. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1683442/?to=&from=&type=&dates=> (In Russian).
12. RF Investigative Committee. (2022) *The Chairman of the Investigative Committee of Russia placed under control the investigation into the desecration of a monument in Moscow Oblast*. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1663558/> (In Russian).
13. RF Investigative Committee. (2022) *In Primorsky Krai, a local resident has been charged with damaging a monument to Richard Sorge*. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1688259/> (In Russian).

Информация об авторе:

Денисова А.В. – д-р юрид. наук, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия). E-mail: av.denisova@hse.ru; anden2012@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anna V. Denisova, Dr. Sci. (Law), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: av.denisova@hse.ru; anden2012@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022;
одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022;
approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Научная статья
УДК 159.9, 347.948
doi: 10.17223/15617793/482/26

Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике

Вали Фатехович Енгальчев¹, Елена Витальевна Конева²,
Снежана Владимировна Симонова³, Надежда Николаевна Тарусина⁴

¹Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
^{2, 3, 4}Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

¹valiyen@gmail.com

²ev-kon@yandex.ru

³snezh-simonova@yandex.ru

⁴nant@uniyar.ac.ru

Аннотация. Обозначены основные концептуальные и правовые проблемы гуманитарной экспертизы, современное состояние процедуры гуманитарной экспертизы в отношении различных объектов. Проанализированы возможности совершенствования правовой базы в отношении гуманитарной экспертизы игр, игрушек и игровых сооружений.

Ключевые слова: этическая экспертиза, гуманитарная экспертиза, объекты гуманитарной экспертизы, социальные проекты, информационная продукция, психологическая безопасность, правовая регламентация, юридическая психология, криминалистика

Источник финансирования: Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-ГМ2-2021.

Для цитирования: Енгальчев В.Ф., Конева Е.В., Симонова С.В., Тарусина Н.Н. Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 244–251. doi: 10.17223/15617793/482/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/26

The value of humanitarian expert appraisal in legal psychology and criminalistics

Vali F. Engalychev¹, Elena V. Koneva², Snezhana V. Simonova³, Nadezhda N. Tarusina⁴

¹Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation
^{2, 3, 4}P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

¹valiyen@gmail.com

²ev-kon@yandex.ru

³snezh-simonova@yandex.ru

⁴nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The article considers the conceptual and legal aspects of humanitarian expert appraisal, the current state of its procedure in relation to various objects, the possibilities for improving the legal framework for the humanitarian expert appraisal of games, toys and play facilities. The conceptual, ontological, methodological foundations of humanitarian expert appraisal as a type of social practice have begun to be realized only recently. At present, we can talk about the relative formalization of the methodological aspects of the psychological component of humanitarian expert appraisal; debatable issues and disagreements are still observed. There is no clear-cut procedure for appointing humanitarian expert appraisal, the grounds for its appointment have not been defined, and the practice of taking into account its recommendations has not been formalized. To some extent, this picture is objective, since the objects of humanitarian expert appraisal are also diverse. Nevertheless, some legally determined commonality in conducting humanitarian expert examination is appropriate. The area of humanitarian expert appraisal that concerns the analysis of games and toys seems to be closest to the solution of the indicated problem. Until 2007 the possible negative impact on the child's health and emotional well-being of board, computer and other games, toys, play facilities was controlled through a mandatory socio-psychological and pedagogical examination. The latter was carried out on the basis of a temporary procedure approved by the Ministry of Education, was preliminary in nature and ensured that games and toys were tested for compliance with psychological safety criteria and contribution to the child's development. This procedure was canceled, and the new one is still not accepted. Thus, it should be stated that children in modern Russia are not protected legally from harm that can be caused to their psyche and development. The main conclusion

of the article concerns the need to eliminate the existing gap in Russian legislation regarding the regulation of the procedure for the examination of games, toys and play facilities, as well as determining the subject responsible for the development of such rules. Apparently, such an examination should be voluntary, and it is important to take into account its results in the system of information labeling of computer games. It is advisable to label games not only on the basis of aspects of age recommendations, but also to use content marking that warns of the presence of scenes with certain undesirable content in the game.

Keywords: ethical expert appraisal, humanitarian expert appraisal, objects of humanitarian expert appraisal, social projects, information products, psychological safety, legal regulation

Financial support: The study was carried out within the framework of the Yaroslavl State University Development Program, Project No. P2-GM2-2021.

For citation: Engalychev, V.F., Koneva, E.V., Simonova, S.V. & Tarusina, N.N. (2022) The value of humanitarian expert appraisal in legal psychology and criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 244–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/26

Появление и развитие гуманитарной экспертизы обусловлено технологическими прорывами XX и начала XXI вв., в рамках которых актуализировались проблемы влияния на человека (его мышление, память, воображение, различные умения) технических методик и устройств, собственно цифрового, общекommunikативного, биомедицинского (а затем и медицинского в целом), образовательного, культурологического и иного порядка. Выявились и обострились проблемы взаимодействия человека и машины, пределов передачи ей функций, которые ранее осуществлялись исключительно людьми (хотя и не без помощи простых технических помощников в виде счетов, меловой доски, молотка, пишущей машинки и т.п.), определения границ, за которые те или иные технологии не следует допускать. Фундаментальной предпосылкой для методологии небезуспешного решения означенных проблем является постулат о том, что человек должен оставаться «главным агентом развития» [1. С. 37]. Совершенно очевидно, что экспертная оценка содержания означенного взаимодействия, приближения технологических решений к «красной черте» включает в себя значительную этическую составляющую. Более того, изначально современная гуманитарная экспертиза имела своим истоком именно этическую экспертизу.

Считается, что последняя возникла в процессе запуска биомедицинских исследований и соответствующих практик [2. С. 214; 3. С. 105–123; 4], затем расширила сферу своего охвата на медицину в целом и далее – на все области, в которых человек участвует в качестве субъекта и(или) объекта. Поскольку же антропологическая оценка исследований и конкретных практик (проектов, технологических решений) предполагает не только собственно этический контекст, востребованной оказалась экспертиза несколько иного порядка, что в свою очередь породило субсидиарную проблему дифференциации целей, задач, сущности и оформления результатов двух взаимодействующих между собой видов экспертного анализа. И такой анализ все более и более нуждается в интеграции правовых, криминалистических и психологических знаний, отраженных в системных объектах, предмете и инструментарию юридической психологии [5].

В качестве версии-отличия предполагается, что этическая экспертиза больше касается тестирования действующей ситуации (ситуации «сегодняшнего дня») на соответствие существующей норме, а гуманитарная, являя собою своеобразную «социальную инженерию», связана с практикой опережающего (нелинейного) реагирования, с оценочным прогнозированием вновь возникающих угроз и последствий как результатов развития и внедрения новых технологий [6], а скорее, уточняется в современной доктрине, – «новых социальных моделей», конструируемых участниками гуманитарной экспертизы «для отработки и обживания новых практик, новых форм и правил взаимодействия, новых коммуникаций, для осмысления и понимания ими рисков и последствий внедрения умных технологий» [7. С. 36]. Аналитика может быть сконцентрирована как на относительно конкретных (и даже частных) отношениях и техниках, так и на крупных социально значимых проектах. При этом первые доминируют, так как гуманитарная экспертиза объектов второго типа весьма затруднена или вовсе невозможна из-за противодействия (или безразличия) элит, руководствующихся далеко не всегда государственными и общественными интересами [8. С. 125].

Как показывает экспертная практика, доктринально фиксированное различие этической и гуманитарной экспертиз довольно часто бывает весьма условным: объект их исследования нередко совпадает, а характеристики его таковы, что четкий «водораздел» (содержательный, временной, между сущим и должным) экспертных компетенций недостижим; этическая составляющая пронизывает все процессы вокруг человека и с его участием.

Концептуальные, онтологические, методологические основания гуманитарной экспертизы, как вида общественной практики, начинают осознаваться лишь в последние годы. В особенности это касается необходимости разработки критериев, с помощью которых возможна диагностика результатов оказания на людей определенного психологического воздействия [9], а также инструментов, позволяющих оценить информацию в соответствии с этими критериями.

Гуманитарная экспертиза, если рассматривать ее с позиций осуществляющих ее специалистов, является комплексной, т.е. предполагающей участие представителей разных специальностей: психологов, крими-

налистов, педагогов, политологов, социологов и др. Предметом комплексной гуманитарной экспертизы является «реальное или возможное потенциальное влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные события» [10. С. 8]. В настоящее время можно говорить об относительной оформленности методолого-методических аспектов психологической составляющей гуманитарной экспертизы при наличии, разумеется, дискуссионных вопросов и разногласий.

При этом отсутствует сколько-нибудь отчетливая процедура назначения гуманитарной экспертизы, не определены основания для ее назначения, не оформлена практика учета ее рекомендаций. Все обозначенные аспекты на практике определяются стихийно и отличаются высокой разнородностью. В некоторой степени такая картина объективна, поскольку объекты гуманитарной экспертизы также отличаются разнообразием. К ним относятся, в частности, кинопродукция, игрушки и игры, печатная продукция, социальные проекты, образовательные и воспитательные проекты, международные и национальные проекты. Тем не менее некоторая юридически детерминированная общность в проведении гуманитарного экспертного исследования целесообразна. Предпосылками решения этой задачи может выступать сложившаяся на данный момент организационная и методическая практика проведения гуманитарной экспертизы в отношении различных объектов.

Одним из объектов являются **образовательные проекты**, гуманитарная экспертиза которых характеризуется рядом особенностей по сравнению с другими видами гуманитарной экспертизы. Во-первых, понятие «образовательный проект» включает обширный ряд разнообразных объектов экспертного исследования: от инноваций, вводимых отдельной образовательной организацией (например школой), до масштабных нововведений, касающихся системы образования государства в целом, что, разумеется, важно для организации процедуры экспертизы, а также для ее правового и методического обеспечения. Во-вторых, если экспертиза, например, игр и игрушек всегда ретроспективна: объект экспертизы вначале создается производителем, затем исследуется специалистами, то экспертиза образовательных проектов в основном носит проспективный характер: проект задумывается, подвергается экспертизе, затем внедряется [11]. При этом не исключена и обратная процедура, при которой экспертное исследование проводится в отношении уже действующего проекта [12]. В идеальном варианте в отношении отдельного проекта может быть полезен гуманитарный анализ, осуществленный как проспективно, так и ретроспективно, однако двухэтапная процедура трудозатратна и, соответственно, не всегда возможна с организационной и финансовой точек зрения.

Практика проведения гуманитарной экспертизы образовательных проектов основана на инициативе самих образовательных учреждений, муниципальных

или региональных органов управления образованием или отдельных педагогов с целью повышения статуса своего образовательного или воспитательного продукта. Некоторое правовые ориентиры для данного вида экспертизы предоставляют нормативные документы, на которых основывается образовательный процесс. Однако ни состав комиссий, проводящих экспертизу, ни регламент ее проведения, ни собственно правовой статус заключения экспертного исследования официально ничем не обусловлены. На практике образовательные организации проводят соответствующие процедуры с использованием собственных ресурсов, что делает экспертизу относительно мало затратной, но при этом трудносопоставимой с аналогичными результатами, полученными в других организациях. Д.А. Леонтьев и Г.В. Иванченко [10] отмечают также проблему стандартизации способов измерения показателей, которые подлежат фиксации в ходе проведения экспертизы, и отсутствие единой концепции построения экспертных выводов.

В отличие от экспертизы образовательных проектов, устойчивой традиции экспертного исследования **медиапродукции** в настоящее время не сложилось так же, как не сформировались категории заказчиков и исполнителей гуманитарной экспертизы фильмов, телепрограмм, интернет-контента. Вместе с тем в последнее время активно развивается такое направление, как психологическая экспертиза информационной продукции, которая хотя и не идентична гуманитарной, но имеет с ней общий объект и часть базового психологического инструментария. В перспективе обозначившиеся тенденции и нарабатанный опыт позволят дифференцировать их более определенно.

Если все-таки сосредоточиться на гуманитарной экспертизе, то здесь, во-первых, в некоторых случаях заказчики отсутствуют, а исполнителями становятся специалисты, в частности, психологи, в том числе и на инициативной основе [13, 14]. Во-вторых, при формально неуказанных изначальных заказчиках, негосударственными структурами или общественными организациями нередко проводится исследование одного [15] или нескольких [16] объектов, основания выбора которых в экспертных заключениях или в текстах, фактически выполняющих роль таковых, не указываются. В-третьих, Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436) для данного вида экспертизы задаются ориентиры анализа, чего нельзя сказать о других видах. Несмотря на это, иногда экспертные исследования отличаются выраженным субъективизмом, проводятся в соответствии с личными представлениями авторов и отличаются высоким концептуальным разнообразием. Важным видом таких исследований являются комплексные, выполняемые с одновременным участием психологов и криминалистов, когда наряду с выявлением анонимного автора и(или) исполнителя медиапродукции, особенно размещенной в сети Интернет, анализируется цифровой контент, имеющий признаки нарушающего закон [17].

Таким образом, в отношении разных видов гуманитарной экспертизы можно констатировать разную степень и разный характер определенности условий ее проведения. Вне сферы профессиональной ответственности судебно-следственных органов, экспертиза информационного контента и развлекательной продукции обеспечена законодательной базой, но не имеет стабильных заказчиков и исполнительской структуры. В экспертизе образовательных проектов более или менее определены заказчики и некоторые правовые основания, задаваемые Федеральным законом «Об образовании» и ФГОС, но не обозначена организационная структура, эксперты или специалисты которой должны ее осуществлять. Забегая вперед, отметим, что в психологической экспертизе игр и игрушек отсутствуют устойчивая законодательная база и регулярные заказчики, но существует такая структура, располагающая методологией, инструментарием и опытом, соответствующих исследований.

Определенные законодательные ориентиры для гуманитарной экспертизы могут быть заимствованы из судебной экспертизы [18]. У судебной психологической экспертизы и психологической гуманитарной экспертизы закономерно присутствуют общие черты. Среди функций экспертизы, как исследовательской практики, Т.Г. Новикова [19] выделяет диагностическую и оценочную функции. Обе они присущи как судебной, так и гуманитарной экспертизе. Оба вида экспертизы представляют собой исследование определенной конкретной ситуации, т.е. имеют временную и пространственную локализованность. Вместе с тем у двух рассматриваемых процедур существуют различия. Одно из основных – отсутствие в заключениях судебных экспертиз каких-либо рекомендаций заказчику. Правда, в последние годы в некоторых определениях судов о назначении судебной психологической экспертизы по спорам о праве на воспитание детей запрашиваются рекомендации по отдельным аспектам реализации указанного права. В основном же жанр судебных экспертиз такого раздела заключения не предусматривает.

Гуманитарная экспертиза и, в частности, экспертиза социальных проектов может включать такую цель. С этой особенностью связан отмечаемый Д.А. Леонтьевым и Г.В. Иванченко локус ответственности экспертов, проводящих гуманитарную экспертизу [10]. Ее эффективность связана не столько с качеством самого исследования, сколько с возможностью учета ее выводов ведомствами и органами, для которых, собственно, сделаны эти выводы и которым адресованы рекомендации экспертов. Поэтому содержание заключения гуманитарной экспертизы должно быть ориентировано на ответственных лиц, работающих именно в той отрасли, в которой проводилось экспертное исследование. Соответственно, представляется целесообразным включение в экспертное исследование социальных проектов и внедряемых учебных программ степени готовности реализаторов к осуществлению проектной и инновационной деятельности [11, 20, 21]. Возвращаясь к функциям обоих видов экспертиз, отметим, что судебной экспертизе, в отли-

чие от гуманитарной, несвойственна развивающая функция, которую упоминает Т.А. Меняйлова [4], что, впрочем, также является следствием нерекламительного характера судебной экспертизы.

Отмеченные различия не препятствуют использованию при оформлении результатов гуманитарной экспертизы структуры заключения, предписанной Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» по отношению к судебной экспертизе. В известной степени это позволит избежать разнородности заключений, составленных разными экспертами и специалистами, наличия в этих заключениях элементов случайности и субъективизма. Однако это не отменяет проблемы, связанной с тем, что единообразного понимания предмета, направленности, обязательности и источников финансирования гуманитарной экспертизы к настоящему моменту пока так и не сложилось.

Наиболее близкой к решению представляется нам та область гуманитарной экспертизы, которая касается анализа игр и игрушек. В результатах гуманитарной экспертизы игр и игрушек заинтересованы родители, стремящиеся к соответствию приобретаемых для ребенка товаров задачам его психического развития, а также производители, которые могут повысить покупательский спрос на товары за счет официального подтверждения психологами и педагогами гуманитарного и безопасного для психики ребенка потенциала товаров.

В России специалистами Московского городского центра психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек при МГППУ, а затем отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Центра прикладных психолого-педагогических исследований МГППУ проводятся научные исследования и создаются методические разработки, направленные на выявление развивающих возможностей детских игрушек и игр, роли родителей и педагогов в оптимальном построении и использовании игрового пространства и игрушек, а также на разработку рекомендаций производителям игровой продукции по учету научных данных [22, 23]. Была разработана процедура присвоения игрушкам некоторых производителей знака «Детские психологи рекомендуют». Теоретические и методические основы гуманитарной психологической экспертизы игрушек и игр развиваются и в настоящее время [24, 25], чему способствуют современные достижения психологической науки в изучении детской игры [26]. Изучение влияния на развитие детей и подростков компьютерных игр является в настоящее время мировым трендом [27–31].

Данный вид гуманитарной экспертизы в наибольшей степени практически востребован и методически проработан. Однако, во-первых, это касается главным образом реальных, «материальных» игр и игрушек. Компьютерные, виртуальные игры охвачены соответствующим обеспечением в гораздо меньшей степени. Во-вторых, отношения по контролю безопасности для детского психического здоровья игр и игрушек в современной России не имеют завершенной правовой регламентации.

В период с 2000 по 2022 г. происходили изменения в правовых основах такой экспертизы (от наличия временных правил до полного отсутствия правовой регламентации), в определении ее предмета (от социально-психолого-психологической природы с последующим расширением за счет вопросов санитарной направленности), а восприятие экспертизы как обязательного условия производства и реализации игр и игрушек сменилось на отношение к экспертизе как к добровольной заявительной процедуре. При этом большое количество законодательных инициатив, выдвинутых в России в последние годы и предлагающих модернизировать институт подобной экспертизы, свидетельствует о высокой степени социальной востребованности этой процедуры.

Понимание экспертизы игр и игрушек как самостоятельного вида экспертизы информационной продукции закладывается уже положениями Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ст. 3802). Порядок проведения такой экспертизы закон предписывает определять уполномоченному Правительством РФ органу исполнительной власти: последний, к слову, с 2008 г. и до настоящего времени не назначен, а порядок проведения экспертизы – не определен. Все это блокирует возможность проведения такой (предписанной законом!) процедуры на практике, что крайне негативно оценивается в юридической литературе.

Ученые справедливо подчеркивают, что используемый в ФЗ № 436 (ст. 48) узкий подход к определению информационной продукции не рассчитан на значительную часть игр и игрушек, хотя подобные объекты и отвечают всем признакам информационной продукции. К подобным признакам, в частности, относится информационное содержание такой продукции, ее товарная природа и определенная форма выражения. Кроме того, видео- и компьютерные игры не выделены в ФЗ № 436 как особый вид информационной продукции, что послужило поводом для внесения в Государственную Думу РФ в 2019 г. законопроекта, призванного восполнить предполагаемый пробел. Однако после длительных предметных обсуждений проект закона был отклонен по мотивам возможности отнесения компьютерных игр к такому виду информационной продукции, как программы для ЭВМ [32].

Отмеченная неопределенность на деле оборачивается отсутствием полноценных правовых оснований для распространения на игры и игрушки используемых в ФЗ № 436 правил классификации и экспертизы. Между тем на необходимость таких оснований российского законодателя ориентирует, в том числе, Модельный закон СНГ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [33] (принят Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ), в котором игры определяются в качестве разновидности информационной продукции. Указанный комплекс обстоятельств позволяет делать вывод о недостаточной правовой защищенности детей в современной России от вреда, который может быть причинен их психике и развитию [34].

Напротив, до 2007 г. контроль возможного негативного влияния на здоровье и эмоциональное благополучие ребенка настольных, компьютерных и иных игр, игрушек, игровых сооружений обеспечивался посредством обязательной социально-психолого-педагогической экспертизы. Последняя проводилась на основании утвержденного Министерством образования временного порядка, имела предварительный характер и обеспечивала проверку игр и игрушек на соответствие критериям психологической безопасности и вклад в развитие ребенка. Анализируемый с течением времени порядок был отменен, а новый по-прежнему не принят, как и не был определен субъект, ответственный за разработку такого порядка. Хотя требования к химической, механической, иной эксплуатационной безопасности игрушек все еще в силе, они, тем не менее, не обеспечивают защиту психического здоровья и развития детей. В последние годы с инициативами о разработке регламента экспертизы безуспешно выходят различные органы власти – от Минздрава [35] до Минпромторга России [36], однако такие инициативы не находят поддержки в системе субъектов законодательной инициативы. Психолого-педагогическую экспертизу предлагалось организовать и в статусе самостоятельной, и в качестве этапа процедуры сертификации, проводимой в соответствии с техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности игрушек» (ТР ТС 008/2011).

С учетом изложенного приходим к выводу о необходимости ликвидации существующего в российском законодательстве пробела относительно регламентации процедуры экспертизы игр, игрушек и игровых сооружений, а также определения ответственного за разработку таких правил субъекта. Как видится, подобная экспертиза должна иметь добровольный характер, а ее результаты важно учитывать в системе информационных маркировок компьютерных игр. Последние целесообразно выстраивать не только исходя из аспектов возрастных рекомендаций, но и применять контентную маркировку, предупреждающую о наличии в игре сцен с определенным нежелательным содержанием.

Из анализа доктринальных источников, практики назначения, производства и оценки различных аспектов гуманитарной экспертизы следует, что дифференциация ее на подвиды, методическая и правовая регламентация каждого из них нуждаются в существенной доработке, а возможности, практическая необходимость того или иного подвида остаются недооцененными.

Результаты совместной работы юристов, психологов, педагогов, криминалистов и представителей других специальностей над правовой, содержательной и организационной регламентацией гуманитарной экспертизы могут быть востребованы при наличии некоторых максимально общих предпосылок. Речь прежде всего идет о готовности общества в целом к гуманизации окружающей среды, ее материальной и духовной сфер, а также о создании соответствующей системы управления функционированием этих сфер, без чего любое регулирование становится скорее средством манипуляции сознанием потребителей [37], нежели условием их гармоничного и комфортного развития.

Список источников

- Смирнов С., Яблокова Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // *Философская антропология*. 2019. Т. 5, № 1. С. 26–44.
- Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // *Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке* / под ред. В.А. Лукова. М., 2006. С. 214–237.
- Романовский Г.Б., Тарусина Н.Н., Мохов А.А. и др. Биомедицинское право в России и за рубежом. М.: Проспект, 2015. 368 с.
- Меняйлова Т.А. О необходимости введения гуманитарной экспертизы работы образовательных учреждений. URL: <https://school-c.ru/> (дата обращения: 04.02.2019).
- Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология: курс лекций. Томск: Эль. Контент, 2011. 228 с.
- Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // *Человек*. 1997. № 3. С. 76–85.
- Синюкова Н.А., Смирнов С.А. Этическая и гуманитарная экспертиза: концептуальное различие // *Человек.RU*. 2021. № 16. С. 26–48.
- Воронин А.А. Гуманитарная экспертиза (обзор) // *Философия и культура*. 2012. № 5 (53). С. 118–127.
- Енгальчев В.Ф. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности // *Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов* / под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 378–398.
- Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.: Смысл, 2008. 84 с.
- Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета; Флинта, 2007. 240 с.
- Конева Е.В., Ковалева А.И. Опыт психологического гуманитарного анализа учебной программы // *Актуальные вопросы науки в XXI веке: материалы конф. / отв. ред. Г.Л. Шамотонова*. Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 33–35.
- Обесценивание героя. Психологическая экспертиза «Comedy Woman» // *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/7303/> (дата обращения: 15.07.2022).
- Suomela T. et al. Applying an ethics of care to internet research: Gamergate and digital humanities // *Digital Studies/Le Champ Numérique*. 2019. Т. 9, № 1.
- Комплексное социокультурное исследование медиасреды выступлений Егора Крида. URL: akinina-lingexpert.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekspertiza-po-Egoru-Kridu-1.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
- Детство под угрозой: вредные мультфильмы. URL: <https://whatisgood.ru/tv/cartoons/detstvo-pod-ugrozoy-vrednye-multfilmy/> (дата обращения: 15.07.2022).
- Белодед Д.Р. Деструктивный цифровой контент как среда и условие развития девиантного поведения интернет-пользователей // *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов IV Междунар. симп. психологов*, Рязань, 07–08 апреля 2022 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 75–80.
- Сафуанов Ф.С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // *Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности*. 2006. С. 51–62.
- Новикова Т.Г. Типология экспертизы в образовании // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2009. № 5. С. 37–42.
- Roberts-Gray C., Gingiss P.M., Boerm M. Evaluating school capacity to implement new programs // *Evaluation and Program Planning*. 2007. Vol. 30, № 3. P. 247–257. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0149718907000328> (дата обращения: 18.07.2022).
- Sanders J.R., Sullins C.D. (ed.). *Evaluating School Programs: An Educator's Guide*. Corwin Press, 2005. URL: <https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=BbYhAQAQBAJ&oi=fnd&pg=PR7&dq=introduction+of+new+school+programs> (дата обращения: 18.07.2022).
- Смирнова Е.О., Абдулаева Е.А. и др. Современная игрушка: психолого-педагогические проблемы // *Ребенок в современном обществе: сб. науч. ст. / под ред. Л.Ф. Обуховой, Е.Г. Юдиной*. М.: МГППУ, 2007. С. 291–298.
- Смирнова Е.О., Соколова М.В. Исследование феномена игрушки в современной западной науке // *Психологическая наука и образование*. 2008. № 3. С. 38–47.
- Рябкова И.А., Шеина Е.Г., Смирнова С.Ю. Детская игрушка в современных психологических исследованиях // *Вопросы психологии*. 2021. Т. 67, № 5. С. 147–156.
- Мелкозёрова Е.В. Народные игры и игрушки как средство познавательного и речевого развития дошкольников // *Развитие воспитания в условиях цифровой трансформации образования*. 2022. С. 203–207.
- Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд: в 4 т. Т. II: Системогенез игровой деятельности: методологические и теоретические основы исследования / А.В. Карпов, В.Д. Шадриков, Л.Ю. Субботина и др. М.: Изд. Дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017. 492 с.
- Brockmyer J.H., Fox C.M., Curtiss K.A. et al. The development of the Game Engagement Questionnaire: A measure of engagement in video game-playing // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45, Is. 4. P. 624–634. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103109000444>. (дата обращения 06.04.2019).
- Colzato L.S., Zmigrod S., van den Wildenberg W.P.M. et al. Action video gaming and cognitive control: Playing first person shooter games is associated with improvement in working memory but not action inhibition // *Psychological Research*. 2013. Vol. 77, № 2. P. 234–239. URL: <https://www.researchgate.net/publication/221771239> (дата обращения: 09.04.2019).
- Gentile D.A. The Multiple Dimensions of Video Game Effects // *Child Development Perspectives*. 2011. Vol. 5, Is. 2. P. 75–81. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111> (дата обращения: 17.05.2021).
- Khanmurzina R.R. et al. Computer games influence on everyday social practices of students-gamers // *Contemporary educational technology*. 2020. Vol. 11, № 1. P. 11–19. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/cet/issue/50041/641753> (дата обращения 12.07.2022).
- Olson C.K. Children's motivations for video game play in the context of normal development. // *Review of General Psychology*. 2010. Vol. 14, № 2. P. 180–187. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228623917>. (дата обращения 09.04.2019).
- Законопроект № 711764-7 «О внесении изменений в статьи 2 и 14 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/711764-7> (дата обращения: 01.08.2022).
- Модельный закон СНГ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (принят Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ). URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/257.pdf?ysclid=l6lzhnd9l985353204> (дата обращения: 01.08.2022).
- Полянина А.К. Понятие информационной продукции как ключевой категории системы правового обеспечения информационной безопасности детей // *Lex Russica*. 2015. № 11. С. 77.
- Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу проведения экспертизы возможного риска от применения настольных игр и игрушек для психического здоровья детей» // *Федеральный портал проектов нормативных правовых актов*. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=111068> (дата обращения: 01.08.2022).
- Минпромторг подготовил законопроект об обязательной экспертизе игрушек // *Global Sert Service*. URL: <https://globalsertservice.ru/pressroom/minpromtorg-podgotovil-zakonoproekt-ob-obyazatelnoy-ekspertize-igrushek/> (дата обращения: 01.08.2022).
- Бужин В.Н. Гуманизация социума как императив управления медиaprостранством // *Коммуникология*. 2020. Т. 8, № 2. С. 168–180.

References

- Smirnov, S. & Yablokova, E. (2019) Antropologicheskie granitsy gumanitarnoy ekspertizy [Anthropological boundaries of humanitarian expert appraisal]. *Filosofskaya antropologiya*. 5 (1). pp. 26–44.
- Yudin, B.G. (2006) Ot eticheskoy ekspertizy k ekspertize gumanitarnoy [From ethical to humanitarian expert appraisal]. In: Lukov, V.A. (ed.) *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke* [humanitarian knowledge: development trends in the 21st century]. Moscow: Izd-vo Nats. in-ta biznesa. pp. 214–237.
- Romanovskiy, G.B. et al. (2015) *Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Biomedical law in Russia and abroad]. Moscow: Prospekt.
- Menyaylova, T.A. (2019) O neobkhodimosti vvedeniya gumanitarnoy ekspertizy raboty obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [On the need to introduce humanitarian expert appraisal of educational institutions's work]. [Online] Available from: <https://school-c.ru/> (Accessed: 04.02.2019).
- Akhmedshin, R.L. (2011) *Yuridicheskaya psikhologiya: kurs lektsiy* [Legal psychology: lectures]. Tomsk: El'. Kontent.
- Ashmarin, I.I. & Yudin, B.G. (1997) Osnovy gumanitarnoy ekspertizy [Fundamentals of humanitarian expert appraisal]. *Chelovek*. 3. pp. 76–85.
- Sinyukova, N.A. & Smirnov, S.A. (2021) Eticheskaya i gumanitarnaya ekspertiza: kontseptual'noe razlichie [Ethical and humanitarian expert appraisal: a conceptual difference]. *Chelovek.RU*. 16. pp. 26–48. doi: 10.32691/2410-0935-2021-16-26-48
- Voronin, A.A. (2012) Gumanitarnaya ekspertiza (obzor) [Humanitarian expert appraisal (review)]. *Filosofiya i kul'tura*. 5 (53). pp. 118–127.
- Engalychev, V.F. (2001) Psikhologicheskoe vozdeystvie v pravookhranitel'noy deyatel'nosti [Psychological impact in law enforcement]. In: Stolyarenko, A.M. (ed.) *Priladnaya yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Applied legal psychology: textbook for universities]. Moscow: YuNITI-DANA. pp. 378–398.
- Leont'ev, D.A. & Ivanchenko, G.V. (2008) *Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza: metodologiya i smysl* [Comprehensive humanitarian expert appraisal: methodology and meaning]. Moscow: Smysl.
- Lukov, V.A. (2007) *Sotsial'noe proektirovanie: ucheb. posobie* [Social design: textbook]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta; Flinta.
- Koneva, E.V. & Kovaleva, A.I. (2018) [Experience of psychological humanitarian analysis of the curriculum]. *Aktual'nye voprosy nauki v XXI veke* [Topical issues of science in the 21st century]. Conference Proceedings. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 33–35. (In Russian).
- Slobodchikov, V.I. (2019) Obestseniwanie geroya. Psikhologicheskaya ekspertiza "Comedy Woman" [Devaluation of the hero. Psychological examination of the Comedy Woman show] [Online] Available from: <https://psy.su/feed/7303/> (Accessed: 15.07.2022).
- Suomela, T. et al. (2019) Applying an ethics of care to internet research: Gamergate and digital humanities. *Digital Studies/Le Champ Numérique*. 9 (1).
- National Council on Social Information. (2019) *Kompleksnoe sotsiokul'turnoe issledovanie mediasredy vystupleniy Egora Krida* [A comprehensive socio-cultural study of the media environment of Yegor Kreed's performances]. [Online] Available from: <https://akinina-lingexpert.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekspertiza-po-Egoru-Kridu-1.pdf> (Accessed: 15.07.2022).
- What Is Good. (2022) *Detstvo pod ugrozoy: vrednye mul'tfil'my* [Childhood under threat: harmful cartoons]. [Online] Available from: <https://whatisgood.ru/tv/cartoons/detstvo-pod-ugrozoy-vrednye-multfilmy/> (Accessed: 15.07.2022).
- Beloded, D.R. (2022) [Destructive digital content as an environment and a condition for the development of Internet users' deviant behavior]. *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya* [Psychology of the 21st century: challenges, searches, development vectors]. Conference Proceedings. Ryazan. 07–08 April 2022. Ryazan: FSIN Academy of Law and Management. pp. 75–80. (In Russian).
- Safuanov, F.S. (2006) Gumanitarnaya ekspertologiya: aktual'nye problemy i perspektivy [Humanitarian expertology: current problems and prospects]. In: Ivanchenko, G.V. & Leont'ev, D.A. (eds) *Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti* [Expert appraisal in the modern world: from knowledge to activity]. Moscow: Smysl. pp. 51–62.
- Novikova, T.G. (2009) Tipologiya ekspertizy v obrazovanii [Typology of expert appraisal in education]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment*. 5. pp. 37–42.
- Roberts-Gray, C., Gingiss, P.M. & Boerm, M. (2007) Evaluating school capacity to implement new programs. *Evaluation and Program Planning*. 30 (3). pp. 247–257. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0149718907000328> (Accessed: 18.07.2022).
- Sanders, J.R. & Sullins, C.D. (eds) (2005) *Evaluating School Programs: An Educator's Guide*. Corwin Press, [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=BbYhAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR7&dq=introduction+of+new+school+programs> (Accessed: 18.07.2022).
- Smirnova, E.O. et al. (2007) Sovremennaya igrushka: psikhologo-pedagogicheskie problemy [Modern toy: psychological and pedagogical problems]. In: Obukhova, L.F. & Yudina, E.G. (eds) *Rebenok v sovremennom obshchestve* [Child in modern society]. Moscow: MSPPU. pp. 291–298.
- Smirnova, E.O. & Sokolova, M.V. (2008) Issledovanie fenomena igrushki v sovremennoy zapadnoy nauke [Study of the toy phenomenon in modern Western science]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 3. pp. 38–47.
- Ryabkova, I.A., Sheina, E.G. & Smirnova, S.Yu. (2021) Children's toy in modern psychological studies. *Voprosy psikhologii*. 67 (5). pp. 147–156. (In Russian).
- Melkozerova, E.V. (2022) [Folk games and toys as a means of cognitive and speech development of preschoolers]. *Razvitie vospitaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Development of education in the context of digital transformation of education]. Conference Proceedings. Moscow: Perspektiva. pp. 203–207. (In Russian).
- Karpov, A.V. et al. (2017) *Sistemogenez deyatel'nosti. Igra. Uchenie. Trud: v 4 t.* [System genesis of activity. Game. Teaching. Work: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow: RAE; Yaroslavl: Yaroslavl State University.
- Brockmyer, J.H. et al. (2009) The development of the Game Engagement Questionnaire: A measure of engagement in video game-playing. *Journal of Experimental Social Psychology*. 45 (4). pp. 624–634. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103109000444>. (Accessed 06.04.2019).
- Colzato, L.S. et al. (2013) Action video gaming and cognitive control: Playing first person shooter games is associated with improvement in working memory but not action inhibition. *Psychological Research*. 77 (2). pp. 234–239. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/221771239> (Accessed: 09.04.2019).
- Gentile, D.A. (2011) The Multiple Dimensions of Video Game Effects. *Child Development Perspectives*. 5 (2). pp. 75–81. [Online] Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111> (Accessed: 17.05.2021).
- Khanmurzina, R.R. et al. (2020) Computer games influence on everyday social practices of students-gamers. *Contemporary educational technology*. 11 (1). pp. 11–19. [Online] Available from: <https://dergipark.org.tr/en/pub/cet/issue/50041/641753> (Accessed 12.07.2022).
- Olson, C.K. (2010) Children's motivations for video game play in the context of normal development. *Review of General Psychology*. 14 (2). pp. 180–187. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/228623917>. (Accessed 09.04.2019).
- Sozd.duma.gov.ru. (2022) *Draft Law No. 711764-7 "On Amendments to Articles 2 and 14 of the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development"*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/711764-7> (Accessed: 01.08.2022). (In Russian).

33. IA CIS. (2009) *CIS Model Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development"* (adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). [Online] Available from: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/257.pdf?ysclid=l6lzhnd9l985353204> (Accessed: 01.08.2022). (In Russian).
34. Polyanina, A.K. (2015) *Ponyatie informatsionnoy produktsii kak klyuchevoy kategorii sistemy pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti detey* [The concept of information production as a key category of the system of legal support of information security for children]. *Lex Russica*. 11.
35. Regulation.gov.ru. (2022) *Draft federal law "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the issue of conducting an examination of the possible risk from the use of board games and toys for the mental health of children"*. [Online] Available from: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=111068> (Accessed: 01.08.2022). (In Russian).
36. Global Sert Service. (2022) *The Ministry of Industry and Trade has prepared a draft law on the mandatory examination of toys*. [Online] Available from: <https://globalsertservice.ru/pressroom/minpromtorg-podgotovil-zakonoproekt-ob-obyazatelnoy-ekspertize-igrushek/> (Accessed: 01.08.2022). (In Russian).
37. Buzin, V.N. (2020) *Gumanizatsiya sotsiuma kak imperativ upravleniya mediaprostranstvom* [Humanization of society as an imperative for media space management]. *Kommunikologiya*. 8 (2). pp. 168–180.

Информация об авторах:

Енгальцев В.Ф. — д-р психол. наук, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, профессор кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiyen@gmail.com

Конева Е.В. — д-р психол. наук, зав. кафедрой общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: ev-kon@yandex.ru

Симонова С.В. — канд. юрид. наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: snezh-simonova@yandex.ru

Тарусина Н.Н. — канд. юрид. наук, зав. кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: nant@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics, professor of the Department of General and Social Psychology, Tsiolkovsky Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

E.V. Koneva, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of General Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: ev-kon@yandex.ru

S.V. Simonova, Cand. Sci. (Law), associate professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: snezh-simonova@yandex.ru

N.N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Social and Family Legislation, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: nant@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.09.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.*

*The article was submitted 21.09.2022;
approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*

Научная статья
УДК 342.53
doi: 10.17223/15617793/482/27

Можно ли обеспечить в условиях демократии правление «лучших»?

Людмила Геннадьевна Коновалова¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ предложений различных исследователей по введению юридических рычагов для повышения уровня аристократичности в условиях демократического правления, включая инициативы введения образовательных или имущественных цензов на выборах, квот для интеллектуальных профессий в парламенте, профессионального представительства и т.п. Делается вывод о нецелесообразности подобных новелл, мотивируется мнение об исключительной ценности открытости демократической системы.

Ключевые слова: демократия, парламент, избирательные цензы, народ

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Можно ли обеспечить в условиях демократии правление «лучших»? // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 252–258. doi: 10.17223/15617793/482/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/27

Is it possible to ensure the rule of the “best” in a democracy?

Lyudmila G. Konovalova¹

¹Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the advantages and disadvantages of democracy. Its various types and evaluations are considered. The main question that the author asks is whether democracy ensures the rule of the “best.” Such a formulation of the question is due to the fact that from the moment of its inception to the present, the idea of democracy has been associated with the hope for a “better” state administration, for the “best” representatives of society to come to power. At the same time, democracy is criticized for the lack of aristocracy, professionalism and efficiency of decisions made. An analysis is made of the proposals of various researchers on the introduction of legal levers to increase the level of aristocracy in a democratic government, including initiatives to introduce educational or property qualifications in elections, quotas for intellectual professions in parliament, professional representation, etc. The legal practice of some countries on the use of legal techniques to enhance the elitism of representation in parliaments (electoral colleges, partial appointment of members of the upper houses of parliaments, provision of additional votes in elections to certain categories of citizens) is considered. However, the conclusion is made about the inappropriateness of such novels; the opinion is motivated about the exceptional value of the openness of the democratic system, its ability to provide a potential opportunity for every citizen to participate in political decision-making. The subjectivity of the additional requirements for the elective body proposed for implementation is noted: they conflict with the idea of human dignity, which is the main achievement in the development of world history. It is suggested that socio-professional representation, although it is able to increase the number of channels for interaction between the state and civil society, still carries the danger of excessive pressure from corporations on its members, and can lead to excessive classness in society. Special attention is paid to the modern interpretation of popular sovereignty as a legal phenomenon that manifests itself in the course of a complex discourse, the process of finding a compromise. In this regard, hopes are pinned on minimizing the risks of “not the best” people coming to power democratically and implementing their “not the best” policy on the system of separation of powers, on the “discourse” of these authorities. The idea of foreign authors about the possibility of democracy to “defend”, including from unreasonable restrictions on the electoral right (the concept of “militant democracy”) is supported.

Keywords: democracy, parliament, electoral qualifications, people

For citation: Konovalova, L.G. (2022) Is it possible to ensure the rule of the “best” in a democracy? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 252–258. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/27

С момента своего зарождения и по настоящее время идея демократизма ассоциируется с надеждой на «лучшее» государственное управление, на приход к власти «лучших» представителей общества. Считается, что в

условиях демократического правления больше возможностей для реализации потенциала отдельных личностей в управлении и выше их персональная ответственность за принимаемые решения [1. С. 91]. Например, британ-

ский мыслитель XVII в. Дж. Гаррингтон обосновывал необходимость революции и расширения избирательных прав граждан с целью представления «народной мудрости» в парламенте [2. С. 13–46]. Русский правовед XIX в. Б.Н. Чичерин так характеризовал представительную демократию: «В представительной системе более четко формулируются права большинства и меньшинства. Важно, что общественное мнение становится выражением народной воли, участия народа в делах государства... Система противодействует личным амбициям, а с другой стороны, дает возможность проявления лучших качеств отдельной личности...» [3. С. 65]. В пункте 5 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. подчеркивается, что «к числу элементов справедливости, которые существенно необходимы для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности, и равных неотъемлемых прав всех людей, относится представительная по своему характеру форма правления, при которой исполнительная власть подотчетна избранным законодательным органам или избирателям» [4].

В то же время еще с глубокой древности демократия критиковалась именно за отсутствие аристократичности, профессионализма и за угрозу подчинения государства прихотям и низменным потребностям толпы. Например, один из известных «семи мудрецов Греции» – Бриант из Приены (VI в. до н.э.) применительно к народоправству городов-полисов писал: «Большинство – зло. Худших – везде большинство» [5. С. 29]. Геродот, Перикл, Платон, Аристотель также отрицали демократию по причине несовершенства манеры общения и низкого уровня духовности среди основной массы населения [6. С. 445]. Так, по Платону, демократия – это власть завистливых бедняков, которая неминуемо влечет за собой тиранию [7. С. 45]. Схожим образом Аристотель называл демократией правление большинства неимущих граждан в интересах исключительно данного большинства. Он считал такое правление искажением идеальной формы народовластия – политии [8. С. 56]. Известный русский философ И.А. Ильин упрекал демократию за ее «неизбывную беременность охлократией» и требовал от народа в условиях демократии уверенного и живого чувства государственной ответственности [9. С. 29]. Современный американский публицист Дж. Натан остроумно замечает: «Плохие государственные деятели избираются хорошими гражданами, не участвующими в голосовании» [10. С. 97].

Апеллируя фактами прихода к власти демократическим путем далеко не «лучших» представителей общества, многие современные авторы связывают эффективность демократических институтов с требованиями к народу вообще и к избирателям и избираемым в частности. Р. Инглхарт и К. Вельцель в связи с этим пишут: «Подлинная демократия – не механизм, который достаточно завести, чтобы он работал автоматически. Ее дееспособность зависит от народа» [11. С. 47]. Популярными являются утверждения о том, что демократия требует определенного уровня благосостояния в государстве, политической грамотности и

активности электората, развитого правосознания граждан, наличия гражданского общества [10. С. 96–99; 12. С. 56].

До настоящего времени в юридической литературе наблюдается некоторая ностальгия по аристократическим приемам властвования. Отдельные исследователи даже предлагают создать какие-либо юридические рычаги для повышения уровня аристократичности властных элит, не отступая от основных демократических принципов. Такого рода инициативы связаны с идеями введения образовательных или имущественных цензов на выборах, квот для интеллектуальных профессий в парламенте, предоставлением неравного числа голосов избирателям в зависимости от их социального статуса [3. С. 272; 13. С. 35–65; 14. С. 4; 15. С. 280; 16. С. 21; 17. С. 54–60]. Оригинальным является предложение одного из мэтров отечественного конституционализма М.А. Краснова об установлении на основе квалификационного экзамена регистрации избирателей, порождающей обязанность и привилегию участвовать в выборах [18. С. 13–29].

В качестве постановки вопроса обсуждается приемлемость введения корпоративного представительства в современном парламенте [19. С. 194–206]. Речь идет о замене территориальных избирательных округов социально-профессиональными единицами представительства, т.е. об избрании членов представительных органов на собраниях и конференциях членов различных ассоциаций: бизнес-сообществ, работников различных секторов экономики, профсоюзов, иных социально-экономических и социально-культурных объединений. Предполагается, что такой переход имел бы своим следствием не только коренное изменение единиц представительства, но и окончание эры монополизма политических партий в избирательном процессе. Подобные предложения имеют очевидные достоинства: расширение социальной базы народного представительства, увеличение числа каналов взаимодействия государства и гражданского общества, обогащение механизмов выражения и согласования различных социальных интересов, более осмысленный характер выбора голосующих, так как по месту работы или общественной деятельности люди общаются активнее, чем по месту жительства. Однако социально-профессиональное представительство имеет и несомненные весьма серьезные недостатки. Главные из них – это резкое увеличение возможностей для давления на избирателей и контроля за их волеизъявлением в условиях проведения голосования в коллективе; подавление возможности индивидуального выбора гражданами; высокая вероятность проведения через корпоративное голосование интересов не самих корпораций и их членов, а их руководителей; опасность сращивания бизнеса и власти; технические трудности размежевания населения на корпорации [20. С. 280; 21. С. 69–71].

Конституционно-правовая практика некоторых стран демонстрирует использование юридических приемов для усиления элитарности представительства в парламентах, среди которых можно назвать коллегии выборщиков в США, частичную назначае-

членов верхних палат парламентов в Италии, Индии, Чили, предоставление дополнительных голосов на выборах по бельгийской конституции 1893 г. отцам семейств, имеющим образование или определенный уровень доходов [13. С. 46; 18. С. 22]. Однако в настоящее время подобная практика ограничивается, а избирательное право имеет тенденцию к еще большему расширению за счет снижения возрастного порога, предоставления избирательных прав иностранцам, осужденным и т.д. [22. С. 113–125] Элементы социально-профессионального представительства существовали в недемократических странах: в фашистской Италии 1939 г. парламент был заменен на Национальный совет корпораций, в первые годы советской власти съезды советов нижнего звена формировались на собраниях трудящихся по месту работы. Демократические страны настороженно относятся к корпоративному представительству, используя его лишь при частичном комплектовании верхних палат парламента (Ирландия, Словения и Марокко). Например, в 1969 г. во Франции отрицательный ответ был получен на референдуме по вопросу о возможности переходе к социально-профессиональному принципу представительства [20. С. 282].

Концепция демократии зиждется на основном постулате – признании равноценности каждой личности и свободе [1. С. 379]. Это связано с глобальной идеей человеческого достоинства [23. С. 87]. «Цементом демократического здания является понимание и принятие человека во всем его многообразии, в его слабости и в его величии» [24. С. 11]. Еще А. Эсмен доказывал, что нельзя найти достоверных признаков для выявления тех, которые в социуме являются наиболее достойными, лучшими, мудрыми [25. С. 199]. Мировая история продемонстрировала трагические примеры политических режимов, которые пытались использовать какие-либо критерии элитарности в осуществлении государственной власти на практике, включая фашизм, национализм, абсолютизм.

Очень ярко проблему недоверия к компетентности суверена (народа) и избирателей в своих трудах описывает А. Шайо. Существо этой проблемы автор связывает с практикой использования популистскими демократиями народного волеизъявления для эрозии ограничения власти и конституционных гарантий. По его мнению, кризис доверия к институтам демократии – следствие издержек глобализации, результат невостребованности обществом либеральных идей, господства фальшивых ценностей (национализма и ложного патриотизма), а также ошибочных стратегий конституционного развития (когда во имя демократии подрывается конституционализм). Мыслитель призывает мировое сообщество защищать ценности демократии и конституционализма, не уходя в соблазны «рационализированных» и популистских форм правления [26. С. 132–133].

Подобное стремление защитить базовые ценности демократии повлекло за собой появление целой научной теории, которую обычно называют концепцией «воинствующей демократии». Эта концепция предполагает противодействие разного рода радикальным

движениям, борьбу с экстремизмом и призывами свергнуть демократический строй, возможности некоторого ограничения пассивного и активного избирательного права в целях недопущения прихода к власти разрушающих конституционный строй сил [27. С. 3–10; 28. С. 49; 29. С. 170]. Даже Европейский суд по правам человека признает правомерной «способность демократии защищаться» при всей «терпимости, свойственной демократическому обществу» [22. С. 116].

В современной конституционно-правовой науке определенная ставка на минимизацию рисков прихода к власти демократическим путем «не лучших» людей и осуществления ими «не лучшей» политики делается на систему разделения властей. Поскольку общая воля народа стала восприниматься как дискурс, а демократия как технология, презюмируется, что несовершенство демократического процесса может быть восполнено судебским вмешательством, преимущественно посредством судебного контроля законодательства и политических ветвей власти в целом [30. С. 65; 31. С. 55–72]. Взаимодействие же законодательной власти с исполнительной, наличие аппаратов парламентов позволяет несколько повысить «профессионализм» законотворчества. При этом продолжает восприниматься как исключительная ценность открытость демократической системы, ее способность предоставить потенциальную возможность *каждому* гражданину поучаствовать в принятии политических решений [32. С. 17–28; 33. С. 26; 34. С. 67].

Частично описываемая дискуссия перекликается с административно-правовыми подходами деления представителей органов власти на политических и рядовых или на государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности. Мировая практика свидетельствует о том, что к лицам, замещающим государственные должности (к политическим должностям), в отличие от рядовых госслужащих, не устанавливаются жесткие квалификационные требования и право регулирует их статус только фрагментарно, уступая место политическим процессам. В современных государствах не устанавливаются требования к образованию, опыту работы, аттестации президентов, министров, аудиторов, омбудсменов и других политических должностных лиц, поскольку преобладает представление об определенной условности дипломов об образовании, аттестационных показателей и других параметров в определении талантов, харизмы, образа мышления людей [35. С. 674; 36. С. 10–17; 37. С. 36; 38. С. 153; 39. С. 847]. Аналогично с этим невозможно вписать в жесткие параметры личность избирателя. Страдают определенным снобизмом и явным субъективизмом предложения по установлению требований к избирательному корпусу. Они вступают в противоречие с идеей человеческого достоинства, являющейся главным достижением развития мировой истории.

Очень ярко на запрос профессионализации и аристократизации демократии ответил А де Токвиль: «Демократическая свобода не так совершенна во всех своих начинаниях, как разумный диктатор. Часто она

бросает свои предприятия прежде, чем они начинают приносить результаты, нередко затевает опасные дела. Однако со временем она приносит больше пользы, чем деспотизм. Каждая вещь в отдельности получается у нее хуже, но в целом она делает значительно больше. В демократической республике большие дела вершатся не государственной администрацией, а без нее и помимо нее. Демократия – это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления» [40. С. 192].

Обращает на себя внимание также отсутствие в современных парламентах сословных, профессиональных или расовых палат, как это имело место в истории (Испанские Генеральные кортесы в период сословно-представительной монархии; палаты «белых», «цветных» и индийцев в ЮАР 1984 г.; шесть палат парламента Югославии 1970-х гг.), за исключением незначительных элементов квотирования для некоторых социальных групп. Однако в юридической литературе отмечается определенная актуальность классового деления и для современных обществ, а часто высказывается сетование на то, что в парламентах мало учителей, врачей, рабочих, юристов или представителей других профессий. Л. Дюги в начале XX в. предлагал всю верхнюю палату парламента формировать по профессиональному принципу [41. С. 529–534]. Даже в юридической литературе XXI в. встречаются инициативы введения корпоративной системы народного представительства [19. С. 194]. Почему же современная государственность не предпринимает попыток для формирования палат по профессиональному или классовому (имущественному) принципу в каком-либо обновленном варианте? Может быть такие палаты примирили бы, наконец, интересы бедных и богатых, предпринимателей и наемных работников, чиновников и налогоплательщиков?

Интересна в этом плане позиция американских авторов Дж. Фильда и С. Госнелла, рассматривающих демократию как инструмент для смягчения групповых противоречий. Они утверждают, что, если «люди будут рассматривать себя в первую очередь как банкиры, шахтеры, промышленники, рабочие сталелитейной промышленности, фермеры, и лишь во вторую очередь как граждане, то станет невозможным достижение компромисса между групповыми интересами демократическими средствами, и одна из групп станет силой навязывать другим свою волю» [42. С. 209]. Думается, что такая классовая завуалированность действительно соответствует интересам современного государства. Поэтому у различных социальных групп в условиях демократии остаются более сложные рычаги воздействия на парламент, чем собственная палата, – профсоюзы, выборы, публичные манифестации, участие в деятельности партий и т.п.

В целом достоинствами демократии считаются ее открытость и терпимость к инакомыслию, плюралистичность; принятие политических решений в условиях конкурентной борьбы за голоса избирателей; возможность мирной смены правительств; создание усло-

вий для раскрытия творческого потенциала отдельных личностей; признание равенства и свободы граждан; противодействие бюрократизации государственного управления [40. С. 19; 43. С. 150; 44. С. 55; 45. С. 79]. Нередко демократия ассоциируется с правовой защитой человеческого достоинства, с сопротивлением чиновничьему произволу, с экономическим процветанием и правовым государством [18. С. 18].

Демократия критикуется за то, что не гарантирует принятия справедливых решений; за создание у широких слоев населения иллюзии участия в управлении; за произвольность трактовки воли большинства; за мифичность конструкции правления большинства; за то, что не обеспечивает выбор «достойных» правителей; за популизм и за потенциальную угрозу разрушения демократических ценностей самими же демократическими приемами; за опасность «психологии толпы», подверженной влиянию и способной к разрушению [13. С. 7; 42. С. 215; 46. С. 12–24]. Демократия может вызывать негативные эмоции в связи с имеющейся практикой вмешательства отдельных держав (особенно США) в политику иных стран в целях отстаивания своих экономических интересов под предлогами демократизации их управленческих процедур [47. С. 9].

Недостатки демократических процедур привели к появлению концепций «элитарной демократии», «управляемой демократии», «демократии партий», акцентирующих внимание на демократии как на инструменте для манипулирования общественным мнением со стороны правящих элит. Вместе с тем глубокие исследования демократии, как привило, заканчиваются фразами, созвучными известному изречению У. Черчилля, о том, что лучшей формы управления государством пока не придумали [13. С. 7]. В этой связи уместно процитировать Л.А. Нудненко: «Демократия не гарантирует эффективности, хорошего правительства, высокой организованности, решения социальных, экономических проблем, но расширяет возможности для их решения гуманными способами» [1. С. 58].

В этом плане несколько «осовременил» базовую юридическую конструкцию демократии – конструкцию народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, западный философ Ю. Хабермас, по мысли которого выявление «общей воли» не должно сводиться собственно к процедурам голосования избирателей за представителей, а депутатов – за законопроекты. «Общая воля» должна быть результатом демократического дискурса, последствием широкого демократического взаимодействия между парламентом и обществом и проходить через многие ступени и процедуры демократического обсуждения [30. С. 65–72]. Этот процедурный подход к восприятию народного суверенитета становится очень популярным с учетом современной сложности решаемых государственно-правовых вопросов и необходимости тонкого маневрирования между интересами большинства и меньшинства.

Таким образом, демократизм является одним из системообразующих принципов современной государственности и значимой теоретической конструкцией.

Восприятие отношений народного представительства через использование всеобщих равных выборов направлено на реализацию равенства и свободы всех членов общества, предполагающих предоставление каждому гражданину, вне зависимости от пола, имущественного положения, образования, социального статуса, права принимать участие в управлении делами государства. Эта конструкция имеет глубокую взаимосвязь с идеей неотчуждаемости достоинства личности, хотя и не гарантирует приход к власти «лучших» представителей общества. Демократизм не гарантирует и принятия «лучших» управленческих решений, он лишь

предполагает выработку этих решений в условиях дискурса и гуманизма. Отсутствие в современных парламентах сословных, профессиональных или расовых палат связано с задачей смягчения противоречий между различными социальными группами при принятии публично-значимых решений. Ценность демократических приемов властвования является непреходящей и не уменьшается абстрактностью взаимоотношений между народом и органами власти, практикой популизма, трудностями решения экономических вопросов, глобализацией, появлением новых информационных технологий и мировых вызовов.

Список источников

1. Нудненко Л.А. Теория демократии. М. : Юрист, 2001. 95 с.
2. Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Гаррингтона: Из истории идейно-политической борьбы в годы английской буржуазной революции XVII в. М. : Мысль, 1975. 202 с.
3. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Типография товарищества И.Д. Сытина, 1899. 204 с.
4. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М. : Норма-инфра-М, 1999. С. 654–655.
5. Хоромин Н.Я. Энциклопедия мудрости. М. : Русская книга, 2004. 576 с.
6. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. 416 с.
7. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 149–187.
8. Аристотель. Политика / Под общ. Ред. А.И. Доватура. М. : Юрайт, 2019. 297 с.
9. Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград : Волгоград. техн. ун-т, 1997. 93 с.
10. Вельяминов Г.М. К вопросу о понятиях государства, власти и суверенитета // Государство и право. 2014. № 4. С. 96–99.
11. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
12. Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и конституция // Государство и право. 2014. № 1. С. 56–62.
13. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М. : Норма, 2008. 144 с.
14. Мау В. Демократия должна себя защитить // Известия. 1999. 14 мая. С. 4–5.
15. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М. : РАН, 1992. С. 5–11.
16. Грудцына Л.Ю. Избирательная демократия // Государство и право. 2017. № 8. С. 21–26.
17. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.
18. Краснов М. Избиратель как «должность» // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 13–29.
19. Насыров Р.В. Фрактальность как принцип организации и функционирования системы публичной власти: постановка вопроса // Государство и местное самоуправление: современные вызовы. К 140-летию Барнаульской городской Думы / под ред. А.А. Васильева, И.Н. Васева, Ю.А. Зеленина, К.А. Синкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 194–207.
20. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Высшая школа экономики, 2016. 555 с.
21. Чиркин В.Е. Способы формирования верхних палат современного парламента: достоинства и недостатки // Гражданин и право. 2012. № 7. С. 3–11.
22. Джагарян А. Основания и пределы воинствующей демократии в свете ограничения избираемости лиц с криминальным прошлым // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97). С. 113–125.
23. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов конституции ФРГ. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. 216 с.
24. Шлезингер А.М. Демократия и лидерство // Городское управление. 1996. № 3. С. 3–12.
25. Эсмен А. Общее основание конституционного права / пер. с фр. Н.О. Бер. СПб. : Изд-во О.Н. Попова, 1909. 357 с.
26. Медушевский А. Свобода или подозрительность: как защитить либеральный конституционализм от его противников? Рецензия: Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2017 // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124). С. 124–135.
27. Шайо А. Самозащита конституционного государства // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2004. № 2 (47). С. 14–21.
28. Красинский В.В. лишение избирательного права в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 4 (15). С. 49–52.
29. Шайо А. Злоупотребление основными правами, или Парадоксы преднамеренности // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2(63). С. 162–182.
30. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. 252 с.
31. Шайо А. Высшие суды как представители, или Представительство без представителей // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97). С. 55–73.
32. Арановский К.В., Князев С.Д. Конституция и безопасность // Государство и право. 2018. № 1. С. 17–28.
33. Румянцев А. Минимальная теория демократии: смысл и пределы возможного // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 24–41.
34. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / общ. ред В.С. Автономова. М. : Экономика, 1995. 540 с.
35. Административное право России : курс лекций / под ред. Н.Ю. Хамановой. М. : ТК Велби, 2008. 704 с.
36. Акулов В.И., Соломатина Е.А. Административно-правовое регулирование государственной службы в Германии // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 10–17.
37. Браташова Ю.А. Правовое регулирование этики и служебного поведения государственного гражданского служащего Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 36–39.
38. Севальнев В.В., Цирин А.М. Опыт лучших практик государственной службы Китая и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 153–159.
39. Хабибулина О.В. Правовой режим государственной службы // Lex Russica. 2013. № 8. С. 847–856.
40. Токвиль А. де Демократия в Америке / пер с фр. Г.Д. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 559 с.

41. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Типография тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
42. Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 399 с.
43. Дорошенко А. Качество демократии: проблема контроля над бюрократией // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 150–155.
44. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.
45. Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. New York : M. Dekker, 1991. 453 p.
46. Марченко М.Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5. С. 14–24.
47. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1. С. 5–15.

References

1. Nudnenko, L.A. (2001) *Teoriya demokratii* [The theory of democracy]. Moscow: Yurist.
2. Saprykin, Yu.M. (1975) *Politicheskoe uchenie Garringtona: Iz istorii ideyno-politicheskoy bor'by v gody angliyskoy burzhuanoy revolyutsii XVII v.* [The political doctrine of Harrington: From the history of the ideological and political struggle during the English bourgeois revolution of the 17th century]. Moscow: Mysl'.
3. Chicherin, B.N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [On popular representation]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina.
4. Anon. (1999) Document of the Copenhagen meeting of the conference on the human dimension of the CSCE. In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of documents]. Moscow: Norma-infra-M. pp. 654–655. (In Russian).
5. Khoromin, N.Ya. (2004) *Entsiklopediya mudrosti* [Encyclopedia of Wisdom]. Moscow: Russkaya kniga.
6. Aristotle. (1984) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
7. Plato. (1994) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 149–187.
8. Aristotle. (2019) *Politika* [Politics]. Moscow: Yurayt.
9. Il'in, I.A. (1997) *Nashi zadachi* [Our tasks]. Volgograd: Volgograd Technical University.
10. Vel'yaminov, G.M. (2014) K voprosu o ponyatiyakh gosudarstva, vlasti i suvereniteta [On the concepts of state, power and sovereignty]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 96–99.
11. Inglehart, R. & Welzel, C. (2011) *Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
12. Grudtsyna, L.Yu. (2014) Narod, grazhdanskoe obshchestvo i konstitutsiya [The People, Civil Society and the Constitution]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 56–62.
13. Kerimov, A.D. (2008) *Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii* [The modern state: issues of theory]. Moscow: Norma.
14. Mau, V. (1999) Demokratiya dolzhna sebya zashchitit' [Democracy must protect itself]. *Izvestiya*. 14 May. pp. 4–5.
15. Berdyaev, N.A. (1992) Krizis intellekta i missiya intelligentsii [The Crisis of the Intellect and the Mission of the Intelligentsia]. In: Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (eds) *Intelligentsiya. Vlast'. Narod. Antologiya* [Intelligentsia. Power. People: An Anthology]. Moscow: RAS. pp. 5–11.
16. Grudtsyna, L.Yu. (2017) Electoral democracy. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 21–26. (In Russian).
17. Auzan, A.A. (2007) "Koleya" rossiyskoy modernizatsii [The "track" of Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 54–60.
18. Krasnov, M. (2017) Voter as a "position". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4 (119). pp. 13–29. (In Russian).
19. Nasyrov, R.V. (2018) Fraktal'nost' kak printsip organizatsii i funktsionirovaniya sistemy publichnoy vlasti: postanovka voprosa [Fractality as a principle of organization and functioning of the public authority system: posing the question]. In: Vasev, Yu.A. et al. (eds) *Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie: sovremennye vyzovy. K 140-letiyu Barnaul'skoy gorodskoy Dumy* [State and local self-government: modern challenges. To the 140th anniversary of the Barnaul City Duma]. Barnaul: Altai State University. pp. 194–207.
20. Alebastrova, I.A. (2016) *Printsip sotsial'noy solidarnosti v konstitutsionnom prave* [The principle of social solidarity in constitutional law]. Law Dr. Diss. Moscow: HSE.
21. Chirkin, V.E. (2012) Sposoby formirovaniya verkhnikh palat sovremennogo parlamenta: dostoinstva i nedostatki [Ways of forming the upper houses of the modern parliament: advantages and disadvantages]. *Grazhdanin i pravo*. 7. pp. 3–11.
22. Dzhangaryan, A. (2013) Osnovaniya i predely voinstvuyushchey demokratii v svete ogranicheniya izbiraemosti lits s kriminal'nym proshlym [Foundations and limits of militant democracy in the light of limited electability of persons with a criminal past]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (97). pp. 113–125.
23. Nevinskiy, V.V. (1994) *Nemetskie grazhdane v zerkale osnovopolagayushchikh printsiptov konstitutsii FRG* [German citizens in the mirror of the fundamental principles of the FRG Constitution]. Barnaul: Altai State University.
24. Shlezinger, A.M. (1996) Demokratiya i liderstvo [Democracy and leadership]. *Gorodskoe upravlenie*. 3. pp. 3–12.
25. Esmen, A. (1909) *Obshchee osnovanie konstitutsionnogo prava* [The general basis of constitutional law]. Translated from French by N.O. Ber. St. Petersburg: Izd-vo O.N. Popova.
26. Medushevskiy, A. (2018) Freedom or Suspiciousness: How to Protect Liberal 124 Constitutionalism From Its Enemies a Book Review Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2017. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (124). pp. 124–135. (In Russian).
27. Shayo, A. (2004) Samozashchita konstitutsionnogo gosudarstva [Self-defense of the constitutional state]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeyskoe obozrenie*. 2 (47). pp. 14–21.
28. Krasinskiy, V.V. (2008) lishenie izbiratel'nogo prava v zarubezhnykh stranakh [Deprivation of the right to vote in foreign countries]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 4 (15). pp. 49–52.
29. Shayo, A. (2008) Zloupotrebleniye osnovnymi pravami, ili Paradoksy prednamerennosti [Abuse of fundamental rights, or paradoxes of intentionality]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2(63). pp. 162–182.
30. Habermas, J. (1995) Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lektsii i interv'yuy [Democracy. Intelligence. Moral. Moscow lectures and interviews]. Moscow: KAMI.
31. Shayo, A. (2013) Vysshie sudy kak predstaviteli, ili Predstavitel'stvo bez predstaviteley [Supreme courts as representatives, or Representation without representatives]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (97). pp. 55–73.
32. Aranovskiy, K.V. & Knyazev, S.D. (2018) Constitution and security. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 17–28. (In Russian).
33. Rumyantsev, A. (2014) Minimal'naya teoriya demokratii: smysl i predely vozmozhnogo [Minimal theory of democracy: meaning and limits of the possible]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (100). pp. 24–41.
34. Schumpeter, J. (1995) *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Ekonomika. (In Russian).
35. Khamaneva, N.Yu. (ed.) (2008) *Administrativnoe pravo Rossii: kurs lektsiy* [Administrative law of Russia: lectures]. Moscow: TK Velbi.
36. Akulov, V.I. & Solomatina, E.A. (2010) Administrativno-pravovoe regulirovaniye gosudarstvennoy sluzhby v Germanii [Administrative and legal regulation of public service in Germany]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 10–17.

37. Bratashova, Yu.A. (2014) Pravovoe regulirovanie etiki i sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of ethics and official behavior of a state civil servant of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 5. pp. 36–39.
38. Seval'nev, V.V. & Tsirin, A.M. (2018) Experience of the Best Practices of Public Service of China and Russia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 6. pp. 153–159. (In Russian).
39. Khabibulina, O.V. (2013) Pravovoy rezhim gosudarstvennoy sluzhby [Legal regime of public service]. *Lex Russica*. 8. pp. 847–856.
40. de Tocqueville, A. (2000) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French. Moscow: Ves' Mir.
41. Dyugi, L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. General theory of the state]. Moscow: Tipografiya tov-va I.D. Sytina.
42. Levin, I.D. (1960) *Sovremennaya burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava: kritika osnovnykh napravleniy* [Modern bourgeois science of state law: criticism of the main trends]. Moscow: USSR AS.
43. Doroshenko, A. (2007) Kachestvo demokratii: problema kontrolya nad byurokatiy [The quality of democracy: the problem of control over the bureaucracy]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (60). pp. 150–155.
44. Protasov, V.N. (2017) Irrational Methods of Ruling as a Tool of Self-Preservation and Expansion of Bureaucratically Organized Control Systems. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 55–61. (In Russian).
45. Heady, F. (1991) *Public Administration: A Comparative Perspective*. New York: M. Dekker.
46. Marchenko, M.N. (2014) Demokratiya kak atribut pravovogo gosudarstva i ee iz'yany [Democracy as an attribute of the rule of law and its flaws]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 14–24.
47. Ebzeev, B.S. (2017) Globalizatsiya i stanovlenie transnatsional'nogo konstitutsionalizma [Globalization and the Emergence of Transnational Constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 5–15.

Информация об авторе:

Коновалова Л.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Konovalova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2022;
одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

Научная статья
УДК 342.5
doi: 10.17223/15617793/482/28

Винная монополия в России XVII–XIX вв.: фискальный и (или) социальный интересы

*Ирина Вячеславовна Михеева¹, Наталья Владимировна Пронина²,
Анастасия Сергеевна Логинова³*

^{1, 2, 3}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

¹*imikheeva@hse.ru*

²*n.pronina@ursa-lawyer.ru*

³*aloginova@hse.ru*

Аннотация. Рассматривается винная монополия в России в XVII–XIX вв. Обращается внимание на двойственность целей ее введения. Делается вывод о разграничении понятий регалии и монополии, винной и водочной монополии; о более логичном представлении откупа не как прообраза акцизов, а как самостоятельной формы фискальной монополии. На основе исторического опыта высказывается суждение об отсутствии бесспорной аргументации в пользу введения

Ключевые слова: Россия в XVII–XIX вв., государственная винная монополия, оборот алкоголя, народное пьянство, государственный бюджет

Для цитирования: Михеева И.В., Пронина Н.В., Логинова А.С. Винная монополия в России XVII–XIX вв.: фискальный и (или) социальный интересы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 259–271. doi: 10.17223/15617793/482/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/28

Wine monopoly in Russia in the 17th–19th centuries: Fiscal and/or social interests

Irina V. Mikheeva¹, Natalya V. Pronina², Anastasia S. Loginova³

^{1, 2, 3}HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹*imikheeva@hse.ru*

²*n.pronina@ursa-lawyer.ru*

³*aloginova@hse.ru*

Abstract. The article considers the wine monopoly in Russia in the 17th–19th centuries. A retrospective analysis of the formation of the “drinking” policy in the Russian state for three centuries is presented. The emphasis is placed on the peculiarities of the combination of social and financial interests in the state regulation of the turnover of alcoholic beverages. The research focuses on the legal means of introducing a wine monopoly in Russia. The features of state regulation of alcohol production and turnover are illustrated, depending on whether the government reserved the right to trade in wine and levy fees for alcoholic drinks, that is, introduced a wine monopoly, or transferred this right to private individuals (farming). Attention is drawn to the duality of the objectives of the wine monopoly introduction – to increase the incoming of the treasury (by adding to the tax revenues of trade profits) and to prevent (reduce) alcoholization of the population through the strict regulation of the turnover and improving the quality of alcohol. The theoretical aspects of the wine monopoly content are identified; they are partly related to the terminological confusion existing in the doctrine, when the concepts “wine” and “vodka” monopoly, “monopoly” and “regalia” are incorrectly identified, the concept “farming” (*otkup*, revenue leasing) is incorrectly interpreted. A conclusion is made about the differentiation of the concepts of regalia and monopoly; about a more logical representation of farming not as a prototype of excise taxes, but as an independent form of fiscal monopoly. In the research, traditional methods of scientific cognition are used. The dialectical method of cognition and the principle of historicism allowed considering the main stages of the wine monopoly’s development. The techniques of analysis and synthesis, induction and deduction made it possible to conclude that in the historical periods when fiscal interest prevailed over social there was *farming* trade. When the level of drunkenness became dangerously high, and the state’s income from alcoholic beverages decreased, the authorities established a monopoly, primarily on the retail sale of beverages. Special methods – formal-legal and comparative-historical – formed the basis for identifying restrictions imposed by the state within the framework of monopolization of the production and sale of alcoholic beverages. Methods of observing historical continuity in the development of legal institutions, as well as systematic and historical-retrospective approaches used to consider the instruments of legal regulation of the alcohol industry in the Russian Empire from a historical distance allowed a

conclusion that, in Russia of the 17th–19th centuries, state fiscal interests prevailed, they determined the main directions of the state alcohol policy.

Keywords: Russia in 17th–19th centuries, state wine monopoly, alcohol circulation, national drunkenness, state budget

For citation: Mikheeva, I.V., Pronina, N.V. & Loginova, A.S. (2022) Wine monopoly in Russia in the 17th–19th centuries: Fiscal and/or social interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 259–271. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/28

Введение

Одной из наиболее интересных тем для обсуждения в российской и зарубежной литературе является употребление алкоголя на Руси, его влияние на здоровье людей [1]. В исследованиях о борьбе с алкоголизацией населения, как правило, делается акцент на антиалкогольной кампании 80-х гг. XX в. [2], на современных российских политических инициативах для минимизации вреда алкоголя [3], на борьбе государства с алкоголизмом в советский период и др. Более того, в некоторых публикациях, которые так или иначе затрагивают вопросы ограничения оборота алкоголя, формулируются ошибочные выводы о существовании «водочной» монополии, все алкогольные напитки объединяются под обобщенным названием «водка» [4]. При этом исследований, где анализируется динамика социальных и фискальных интересов на протяжении длительного исторического развития российского государства, практически нет. Более того, существует путаница в понимании сущности винной монополии в России, наблюдается подмена понятий монополия и регалия, откуп и акциз и пр. Это позволяет говорить о том, что история развития алкогольного рынка в России в зарубежных и порой в российских научных исследованиях представлена неполно и неточно. Сама же проблематика требует дальнейшего изучения.

В современной России идет ужесточение требований к обороту алкогольной продукции на фоне включения экономических механизмов пополнения госбюджета (повышение акцизов на спиртосодержащую продукцию и др.) [5]. По сути, речь об усилении контроля за производством, продажей и получением дохода от оборота алкогольными напитками. Это связано не только с тем, чтобы предусмотреть возможное увеличение отчислений в бюджет, но и с нежелательным процессом алкоголизации населения. Обе задачи, казалось бы, очень близки по значимости и «благородности». Между тем история показала, что сбалансированность фискальных и социальных интересов непросто. Сама уникальность продукта и его специфические свойства предполагают в рамках его производства и распространения обязательную защиту интересов общества, физического и нравственного состояния его членов. Акцент на финансово-экономической заинтересованности при отсутствии единства в подходах и устойчивости самого правового регулирования алкогольной сферы может навредить населению [6].

В стремлении пополнить государственный бюджет и при этом сохранить здоровье и благосостояние нации устанавливались ограничения и запреты, свя-

занные с производством, распространением и потреблением алкоголя. Наиболее ярким проявлением «питейной» политики является ужесточение государственного контроля за производством, продажей и получением дохода в виде податей (откупов) или акциза в рамках введения государственной винной монополии, содержание и инструменты реализации которой на разных этапах интерпретировалось по-разному.

1. Государственная винная монополия: о содержании понятия и целях

Винная монополия как «казенная продажа питей» обычно рассматривается в контексте производства и реализации алкогольной продукции (и прежде всего хлебного вина и ректификованного этилового спирта) как исключительное право, которым обладает на это государство.

При отсутствии нормативной фиксации понятия, само сочетание «государственная монополия» применительно к алкогольной отрасли в российском законодательстве присутствует. В начале формирования и развития современной России ей был посвящен ряд нормативных актов 1993 и 1994 гг. Речь шла фактически об изъятии алкогольной продукции из свободного оборота и установлении системы государственного регулирования при сохранении частных прав на осуществление отдельных видов деятельности в алкогольной сфере (производство, оптовую и розничную торговлю). Эта сфера из подзаконного уровня нормативной регламентации переходила на законодательный, при этом термин «государственная монополия» сохранялся, правда, без четкого определения самого понятия [7]. Таким образом, в 1995 г. государственная винная монополия стала объективной реальностью, урегулированной законодательной нормой, и приобрела значение данного исключительно государству права производить и (или) осуществлять оборот спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Несмотря на длительное развитие рассматриваемого правового явления и предопределенную конкретно-историческими условиями содержательную трансформацию, в дореволюционной (до 1917 г.) и современной законодательной практике сохранилось общее понимание винной монополии как «государственной монополии на производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», где «оборот» представляет собой закупку (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и розничную продажу [8].

Между тем традиционно различные подходы к наполнению содержания понятия «винная государственная монополия» вынуждают законодателя в Российской Федерации задуматься о ее более четкой нормативной фиксации. Попытки сформулировать легальное определение винной государственной монополии представлены в ряде законопроектов начала 2000-х гг. Они отличаются лишь вариативностью формулировок без принципиальной корректировки содержания, представленного в действующем до сегодняшнего дня законе. Как правило, государственная монополия в законопроектах предстает в качестве «исключительного права осуществлять государственное регулирование оборота этилового спирта и нефа-сованной спиртосодержащей продукции, права государства, представленного конкретным уполномоченным в этой сфере федеральным органом исполнительной власти» [9]. Интересно, что если законодатель говорит лишь о возможности введения государственной монополии на алкоголь, то политики, общественные деятели и экономисты нередко высказываются о ее необходимости [10]. Думается, современное понимание государственной монополии приближено к ее доктринальному толкованию, существовавшему еще в начале XIX в. Тогда она трактовалась как исключительные промысловые *права* государства, реализуемые для финансовой выгоды казны. Такой подход к содержанию понятия алкогольной монополии и сегодня позволяет не нарушить принцип историзма при обозначении периодов введения винных монополий и при выявлении особенностей каждого из них, помогает нагляднее представить динамику содержания нормативного оформления винной монополии, адекватно оценить ее современную востребованность или невостребованность.

В литературе встречается сочетание «водочная» монополия, что является некорректным и отражает несколько обыденное, даже «обывательское» восприятие [11. С. 56]. Длительное время монополия представляла исключительное право государства осуществлять розничную продажу хлебного вина, и только с 1895 г. за государством было закреплено исключительное право на розничную торговлю спиртом и водкой в казенных лавках [12]. Законодательная база оборота водок начала складываться несколько раньше – во второй половине XVIII столетия, когда изготовление этого алкогольного напитка стало рассматриваться как самостоятельный вид производства. До этого водки выделялись виноторговцами или винокурами посредством разбавления хлебного вина [13]. Соответственно, в правовых актах более раннего периода содержались только отдельные правила продажи водок в питейных заведениях, а также цены и объемы осуществления розничной реализации этого вида алкоголя [14]. Основными же алкогольными напитками, производимыми и употребляемыми в России XVII столетия, были мед, пиво и хлебное вино (в литературных источниках и правовых актах встречаются и другие названия: простое вино, русское вино). Виноградные вина привозились в основном из-за границы и употреблялись, как правило, только небольшим коли-

чеством зажиточных людей. В этой связи термин «водочная» нельзя использовать как обобщающее понятие относительно всех алкогольных напитков, на оборот которых распространялась государственная монополия. *Поэтому в период до второй половины XVIII в. речь должна идти исключительно о винной монополии, не о водочной.*

При этом в разные времена и в разных странах введение монополии касалось то лишь некоторых алкогольных напитков, то алкоголя в целом, охватывало либо производство, либо продажу «питей» (алкоголя), либо одновременно и то и другое. Неодинаковыми могли быть и декларируемые цели винной монополии. В одном случае она вводилась, чтобы сдерживать частную прибыль и повышать доходы государственной казны. В другом – чтобы защитить отечественных производителей и простимулировать экспорт отечественных напитков. Чаще всего обозначалась самая благая цель – сохранить здоровье людей.

Между тем рассматривать винную монополию лишь как средство борьбы с пьянством возможно только в том случае, если бы она не была так зависима от фискальных интересов государства [15. С. 1]. С развитием алкогольной отрасли государство не могло не использовать рост производства и потребления алкоголя в качестве инструмента пополнения казны. Вводились разного рода налоги, моделировались различные системы продажи и производства «питей» [16. С. 35]. Справедливости ради стоит отметить, что винная монополия в России не приносила финансовой выгоды, скорее наоборот, приводила к дефициту казны, подталкивая правительство к поиску смешанных моделей правового регулирования «питейной» сферы.

В юридической и финансовой науке нет единого подхода к пониманию государственной монополии на производство и оборот алкоголя как правового явления. Большой интерес представляет анализ научных подходов к содержанию категории «монополия» на примере казенной винной монополии современных и дореволюционных авторов, проделанный Г.Г. Ячменевым [17. С. 45–50]. Казенная винная монополия рассматривается прежде всего как один из видов фискальной монополии и способ администрирования доходов.

К винной монополии обращались многие исследователи, что, с одной стороны, привнесло существенный вклад в понимание исторической динамики этого неоднозначного по содержанию, целям и результатам явления в контексте «алкогольной политики» российского государства. С другой стороны, обозначило некоторую противоречивость его трактовки. Например, в научной литературе высказывается позиция о винных откупах как своеобразных предшественниках акцизов [18. С. 512]. Между тем, на наш взгляд, в силу природы и назначения – взимание для пополнения государственной казны наибольшего дохода – винные откупа следует рассматривать в качестве одной из самостоятельных форм взимания питейного сбора, а не как прообраз акцизов, т.е. без ассоциативного отождествления с акцизами. По своей экономической природе акциз и откуп совершенно

различны. К тому же откуп – это *механизм*, который использовался для розничной продажи алкогольной продукции, тогда как акциз – *налог*, который взимался с производства алкогольной продукции. При этом монополия *исключала* винный откуп и *не исключала* уплату акциза.

Нередко термин «винная монополия» отождествляется с понятием «винная регалия». Отчасти это обусловлено обращением к исследованиям этой проблематики дореволюционными российскими авторами¹. Хотя и там однозначных подходов не наблюдалось. Отметим, что регалии и монополии в законодательстве разграничиваются не всегда точно. Регалии – это сами *отрасли* промышленности, изъятые из сферы частной деятельности, которые объявлялись исключительной привилегией государства. Причиной (и объяснением) такого изъятия являлась необсуждаемая прерогатива государства сделать конкретное промысловое право полезным для общества. Монополии же – исключительные промысловые *права* государства, которые удалялись из сферы свободной хозяйственной конкуренции, поскольку значительной финансовой выгодой наделялась государственная казна [18. С. 81].

В свою очередь, русский государственный деятель С.Ю. Витте «регалию» рассматривал в двух значениях – широком и узком. Широкий смысл регалии (так называемые *regalia majora*) включал все права верховной государственной власти: издавать законы, осуществлять правосудие, взимать налоги и т.д. Что касается узкого смысла (*regalia minora*), то под «регалией» подразумевался «определенный круг промыслов, исключаемых из сферы частной деятельности и передаваемых в круг исключительной привилегии государства» [18. С. 82]. Данный подход представляется наиболее оптимальным через призму современного развития алкогольной отрасли. Думается, следует оттолкнуться от того, что регалия – это особые исключительные права государства на определенный продукт (в нашем случае на алкогольную продукцию).

Исключительность права выражается в возможности устанавливать особый порядок оборота этого продукта. В этом смысле за основу можно взять ряд оптимальных доктринальных трактовок монополии, откупа и акциза. Монополия – это исключительное право государства осуществлять как весь оборот алкоголя, так и отдельные виды деятельности (в России до 1917 г., например, речь идет в первую очередь о розничной продаже базовых алкогольных продуктов). Откуп – это особая система передачи прав третьим лицам на оборот алкогольной продукции и получение питейного сбора и иногда акциза (подобно тому, как сегодня осуществляется лицензирование). Акциз – это косвенный налог, который взимается и взимался с производителей алкогольной продукции (налоговой базой является количество произведенной продукции).

Стоит отметить еще один важный момент, связанный с терминологическими особенностями доктринальных трактовок винной монополии в России. Дело в том, что некоторые исследователи вопросов оборота алкоголя иногда отождествляют вино и водку, не про-

водя их разграничения при оценке правового регулирования [19. С. 38–40]. Одним из наиболее известных авторов, который в своей книге «История водки» фактически отождествил разные алкогольные продукты, был историк кулинарии В.В. Похлебкин. Его работа о возникновении русской водки, особенностях ее производства, государственно-правовом регулировании водочного дела в части некоторых выводов ошибочно основана на документах и законодательстве о хлебном вине [20. С. 79–98]. Вино было как самостоятельным алкогольным продуктом, реализуемым в питейных заведениях, так и основой для производства других алкогольных напитков, прежде всего водок разных видов. При этом государственные стандарты изготовления и продажи вина и водок были различными. Даже сам термин «винокурение» в производственной терминологии и в законодательных актах означает в первую очередь выделку вина, а не водки.

Итак, думается, что не совсем корректно смешивать регалии и монополии, а также отождествлять винную монополию и так называемую водочную, особенно когда речь идет о периоде до XVIII в. Откупа логично рассматривать не как прообраз акцизов, а как самостоятельную форму взимания питейного сбора. Саму же винную монополию традиционно можно представить в качестве исключительного права государства на осуществление одного из видов деятельности в алкогольной отрасли – производство, оптовая или розничная продажа алкогольной продукции.

2. Практика введения винной монополии в дореволюционной России²

Кабацкая реформа 1651–1652 гг.

Наиболее серьезный опыт введения государственной монополии на торговлю вином и другими алкогольными напитками приходится в России на середину XVII в. Нормативно зафиксирован в принятом в декабре 1651 г. Именном царском указе об ограничении возможности иметь в городах и больших селах только по одному кружечному двору [21. С. 262]. Оптовая торговля алкогольными напитками до середины XVII в., по сути, не выделялась как отдельный вид деятельности в сфере оборота алкоголя (с 1652 г. ею занимались государственные отдаточные дворы, а с 1775 – казенные винные магазины). В то же время наиболее распространенной была розничная торговля, которая могла быть государственной, откупной, осуществлялась и в частных кабаках. Существовавшая до конца 1651 г. *смешанная система* предусматривала присутствие одновременно как государственной, так и откупной торговли. Последняя являлась разновидностью предпринимательства и предполагала, что частные лица (откупщики – один или несколько) заключали договор с государством. По этому договору они выплачивали конкретно установленную сумму, взамен чего получали право взимать питейные сборы в свою пользу. Именно в 1651 г. был принят Именной указ, по которому откупная система отменялась, частные кабаки запрещались, вводилась казенная торговля питием.

Как указывалось в самом же документе, этому способствовал рост народного пьянства, сопровождающийся нравственным упадком и моральным разложением населения страны. Решение ввести целый ряд ограничений в алкогольной отрасли соответствовало и задаче оздоровить нравственные основы развития общества. Предусмотренные указом 1651 г. запреты уже в следующем году специальным именным указом были дополнены еще и закрытием всех частных винокурен, на частное производство хлебного вина налагалось вето [22]. Винное производство разрешалось осуществлять только поставщикам казне (государству) [23.]. Государство в середине XVII в. становится основным заказчиком производства хлебного вина, которое с этого времени сначала поставлялось на оптовые отдаточные дворы и только потом передавалось для продажи частным и государственным виноторговцам. Эта система с небольшими изменениями существовала вплоть до 1863 г. Регулятивные изменения, представленные в указах 1651 и 1652 гг., позволили усилить контроль государства в «питейной» сфере для решения как фискальных, так и социальных задач.

В начале XVII столетия доход казны от винной реглации складывался из нескольких составляющих. Во-первых, в казну шел питейный доход, полученный от розничной продажи алкогольных напитков в казенных и откупных кабаках. Во-вторых, в бюджет поступал сбор с продажи иностранных и русских виноградных вин [24. С. 54]. И если изначально откупа приносили государству желаемый доход, то постепенно поступающие в казну сборы стали уменьшаться. В стремлении получить наибольшую выгоду откупщики применяли любые средства: продавали питье очень низкого качества, создавали на базе кабаков притоны для игры в азартные игры, открыто обманывали и обворовывали «питухов» (покупателей) и государство – все это не могло не привести к финансовым недоборам. К тому же в середине XVII в. внешняя политика России была направлена на восстановление целостности страны после времен смуты, поэтому финансовые ожидания от проводимой внутренней политики были велики. Острая нехватка денежных средств, прежде всего на содержание растущего войска, привела к попыткам активно использовать ресурсы алкогольной отрасли. Это подталкивало к изменению регуляторных «комбинаций» правительства в отношении «питейной» отрасли. Ужесточение государственного контроля и сосредоточение производства и продажи алкогольной продукции в руках государства сменялись ослаблением контрольных полномочий и передачей прав на производство и торговлю алкоголем частным лицам, и затем наоборот.

Введенная в начале 50-х гг. XVII в. государственная винная монополия не принесла желаемых финансовых результатов. Доходы казны уменьшались на фоне постоянно предъявляемого к кабацким служащим требования получать прибыль «с надбавкой против прежних лет». Это спровоцировало введение Именным указом с 1 сентября 1663 г. наряду с казенной все той же откупной торговли алкогольными

напитками [25]. Правда, новые откупщики, которые начали винную торговлю с сентября 1663 г., не отличались от тех, кто ранее держал кабаки «на откупу». Виноторговцы составляли конкуренцию казенной продаже, реализуя алкогольные напитки по более низким ценам. При этом откупщики сами работали себе в убыток. Это приводило к невозможности заплатить откупные долги и к значительному снижению государственных доходов [26].

Винная монополия в России в 1681 г.

Финансовые потери, вызванные растущими откупными недоимками, заставили вновь менять государственный подход к регулированию отрасли и восстанавливать винную монополию на питейную торговлю. Процесс новой монополизации розничной торговли алкоголем начался в январе 1681 г., когда Именным указом «О небытии на откупе кабакам в Подмосковных ближних селах ...» была запрещена откупная торговля в подмосковных селах поблизости от Москвы: в Михайловском, Ростунове, Редькине и др. [27].

Не имея возможности справиться с существующей ситуацией, правительство снова решило запретить откупа и ввести только казенную торговлю питьем с 1681 г. Хотя фактически монополия существовала только на бумаге и повсеместно функционировали кабаки, открываемые частными лицами.

Намерение возобновить винную монополию было подтверждено в принятых указах «О продаже питей» [26] от 18 июля 1681 г. и «Об отдаче в казенное распоряжение во всей России таможен и кружечных дворов...» от 23 июля 1681 г. [28]. Откупщики обязывались с 1 сентября 1681 г. прекратить торговлю, выплатить казне все имеющиеся задолженности, возратить кабацкое имущество и продать правительству имеющиеся у них припасы. Чтобы исключить питейные недоборы, было установлено территориальное правило для покупателей. Питье можно было приобретать только в кабаках, расположенных по их месту жительства. Кроме этого, при различном территориальном уровне цен на вино были определены единые принципы ценообразования [29].

Указы 1681 г. не были реализованы из-за смерти царя Федора Алексеевича (1661–1682 гг.). В то же время политическая тактика в этой сфере была пропитана данными актами – власть закрывала глаза на незаконную винную торговлю откупщиками в случае, если это помогало получать дополнительные финансовые выгоды. Винная монополия просуществовала в России до начала следующего столетия и была отменена в 1705 г., когда вновь появилась необходимость пополнить государственный бюджет напойными деньгами, поскольку монополизация алкогольной отрасли к желаемым результатам не приводила.

Ограничения оборота алкогольных напитков в России в XVIII в.

Возобновление одновременно с казенной торговлей откупной торговли алкогольными напитками с

1705 г. по Именному указу от 12 июня 1705 г. «Об отдаче питейных и других сборов на откуп ...» [30] привело к увеличению питейного дохода. К началу царствования Екатерины II (1762–1796 гг.) продажа питья уже в большей части империи была на откупе, в некоторых городах она находилась в ведении городских магистратов и ратуш, а кое-где производилась прямо от казны. Для улучшения порядка винной торговли и увеличения доходов казны была создана специальная комиссия – Комиссия по соляным и винным сборам под председательством графа В.В. Фермора [31]. Она вела работу до 1768 г. [31], в итоге признав неудовлетворительными продажу на вере и отдачу винных сборов магистратам и ратушам [32]. Было принято решение с 1767 г. по всей империи (кроме Сибири) установить только откупную продажу вина. Результатом стало увеличение питейного дохода [33]. При этом сохранялась уже знакомая проблема – откупные недоимки не сокращались [34].

Злоупотребления и непогашаемые долги винных продавцов привели к тому, что власти, приняв в 1781 г. Устав о вине, уже с 1783 г. снова в попытке усилить контроль за винной отраслью обратились к казенной торговле алкогольными напитками, но с сохранением откупов. Это позволило увеличить финансовую прибыль, правда, ненадолго. Дело в том, что установленная система казенной торговли была сопряжена с введением ряда ограничений для виноторговцев, что привело к снижению питейных сборов. С 1795 г. существующий порядок вновь меняется: откупная продажа питья вводится повсеместно. Новое решение носило в какой-то степени казуальный характер. В 1794 г. купец Кандалинцев предоставил свой проект откупных условий, в соответствии с которыми он уже производил винную торговлю в Тамбовской и Тульской губерниях. Рассмотрев эти условия, правительство Екатерины II решило изменить ранее заключенные договоры, используя предложенную купцом модель [35]. Это произошло несмотря на то, что откупные контракты на 1795–1798 откупные года уже были заключены Казенной палатой в соответствии с Уставом о вине 1781 г. В итоге вновь увеличился питейный сбор.

Преимущество откупной торговли в XVIII в. было обусловлено прежде всего тем, что откупной способ взимания питейного дохода был крайне выгоден государству. Во-первых, административные расходы государства были минимальные, большая их часть возлагалась на частных виноторговцев; во-вторых, несмотря на все недостатки и злоупотребления, в казну бесперебойной поступало более 70% планируемого дохода от алкогольной отрасли. Питейные доходы положительно отличались от других налоговых доходов казны стабильностью поступления от откупщиков независимо ни от каких социальных и политических изменений. Этот фактор в большой степени предопределял необходимость обращения государства к реформированию административно-контрольного регулирования питейной сферы с использованием наряду с инструментами прямого административного воздействия (запреты и ограниче-

ния) также инструментов косвенного воздействия (с привлечением откупщиков как заинтересованных в увеличении прибыли – своей и государства). Использование разнообразных регулятивных инструментов, среди которых поочередное введение или одновременное сочетание государственной и откупной розничной торговли алкогольными напитками (прежде всего, с помощью запретов и ограничений), отражает постоянный поиск оптимальной нормативной модели общественных отношений в «питейной» сфере, двойственность целей и последствий введения государственной винной монополии.

Ограничение оборота алкогольных напитков в России в XIX в.

Острая необходимость изменения системы государственного регулирования оборота алкоголя снова возникла уже в начале XIX столетия. Зависимость властей от «напойных» денег негативно отражалась на социальной ситуации в стране. В 1803 г. в представленном правительству заключении Департамент уделов отмечал, что в нарушение законодательства откупщики повсеместно завели в удельных селениях питейные дома и выставки, отчего крестьяне спиваются и не заботятся «о земледелии, хозяйстве и промыслах», впадая в разорение и бедность [36]. К тому же ежегодный питейный доход казны снижался. Для анализа ситуации в 1805 г. императором Александром I учрежден специальный комитет, основной задачей которого была разработка новых откупных условий с сохранением при этом уровня питейного дохода, который на тот период составлял 25% доходов казны. Выводы комитета существенным образом не повлияли на изменение правил производства и оборота алкоголя, в которые были внесены некоторые ограничения. Так, покупка вина осуществлялась у казны. По желанию откупщика за свой счет он мог прикупить вино у частных или казенных винокурных заводов. Правда, при условии обязательного предъявления для государственного учета договоров в Казенную палату. Разрешалось производство пива, меда, водки и др.; продажа съестного (харчевая продажа) в отдельных помещениях; допускалось и увеличение количества питейных заведений по усмотрению откупщика без уплаты дополнительной откупной.

На начало XIX в. контролировать существующую откупную систему и бороться с корчемством и взяточничеством государство фактически не могло. Государство несло финансовые убытки из-за неисполнения откупщиками своих обязательств, как и ранее [37]. В Указе 1811 г. Казенной палате предписывалось предпринять все меры для взыскания задолженности не только по текущим откупам, но и по откупам начиная с 1776 г., которые до сих пор не были погашены в полном объеме [38]. На экономике страны, в том числе на поступлении питейного дохода, серьезно сказалась война 1812 г. Откупщики не могли исполнить взятые по контрактам обязательства, а казна претерпевала убытки из-за возрастающих недоборов. Виноторговцы Костромской, Пермской и Нижегородской губерний в 1813 г. обратились к правительству с

просьбой отозвать их от откупов в связи с резким снижением питейных продаж [39].

Несмотря на меры, принимаемые правительством с 1815 по 1819 г., ежегодный питейный доход казны существенно поднять не удавалось. В 1814 г. Министерству финансов было поручено разобраться в причинах роста откупных долгов [40]. Для этого в губерниях создавались особые комиссии для исследования причин откупных недоимок [41]. Выводы комиссий в очередной раз подтвердили, что финансовые недоборы обусловлены не только злоупотреблениями откупщиков, но и бездействием органов государственной власти, на которые закон возлагал функции по контролю и надзору за производством и оборотом алкоголя. В период 1815–1818 гг. динамика нормативных конструкций устанавливаемого государством откупного порядка была небольшой. Откупщиками по-прежнему могли быть дворяне и купцы. Они покупали вина самостоятельно у производителей, но на казенные деньги. Сверх установленной пропорции вино могло заготавливаться, но за счет средств откупщика. Им дозволялось производить пиво, мед, водки и др. В качестве дополнительных условий откупной деятельности можно назвать продажу съестного (так называемая харчевая продажа) и возможность закупки и привоза трехпробного вина и спирта. Несмотря на существующую, казалось бы, системность требований к обороту различного питья, правительство фактически не могло контролировать действующую откупную систему и бороться с корчемством и взяточничеством. Влияние откупщиков на администрацию было настолько велико, что делало власти беспомощными перед ними.

Государственная винная монополия на взыскание питейного сбора 1819 г.

По инициативе министра финансов Д.А. Гурьева для изменения финансовой ситуации в стране Уставом о питейном сборе от 2 апреля 1817 г. в Великороссийских губерниях, начиная с 1819 г. по 1827 г. устанавливается особый вид монополии – государственная винная монополия на взыскание питейного сбора. Суть ее заключалась в том, что при сохранении частных прав на производство и продажу алкогольных напитков весь питейный сбор поступал непосредственно в казну, а не отдавался частным лицам на откуп. В состав государственного питейного дохода были включены суммы: «*вырученные за вино, продаваемое из казенных магазинов; акциз с водок, виноградных, фруктовых и из сахарных остатков; акциз с пивоварения; за установленные свидетельства; по выдаче ярлыков; за винные бочки; штрафные за нарушение Устава и Учреждения; выручаемые продажей всякого рода напитков и заведений, а также материалов, частным людям принадлежащих и обращенных в пользу казны*» [42].

Заметим, что в работах некоторых исследователей винной монополии 1819 г., на наш взгляд, ошибочно указывается, что особенностью ее было, прежде всего, установление исключительного права государства на производство и оптовую продажу водки при отдаче

розничной торговли в частные руки. Этой позиции придерживаются такие авторитетные ученые, как В.В. Похлебкин, А.Н. Быкова, Л.В. Артемьева и др. [43. С. 117]. В то же время русский финансист И.С. Блюх, наоборот, указывал, что «с 1819 года казна приняла исключительно на себя как производство, так и продажу питей» [44. С. 87]. Другие исследователи, например О.С. Белокрылова и Д.В. Дыкина, оценивают период с 1819 по 1827 г. как попытку либерализовать алкогольную отрасль, что выразилось в учреждении в Великороссийских губерниях казенных ведерных лавок для розничной продажи [45. С. 34]. Думается, что обозначенные подходы несколько однозначно представляют складывающуюся на тот момент ситуацию в отрасли. Государственная питейная торговля во времена принятия Питейного устава вовсе не исключала частную торговлю алкогольными напитками, а казенные ведерные лавочки действовали в относительно узком сегменте оборота алкоголя – открывались только для продажи на вынос «в дома» вина полугарного и пенного, которое, наряду с другими видами алкогольных напитков, могло быть реализовано и в питейных домах, что подтверждается правовыми актами того периода [46].

Введенные меры несколько изменили ситуацию, правда не в финансовом ключе. С введением новой системы управления питейным сбором потребление спиртных напитков в стране сократилось. Это было позитивным фактором в социальном плане, но не могло не сказаться на государственной прибыли: питейный доход уменьшился. На фоне общего экономического спада недовольство существующим порядком высказывали уже не только винокуры и винные продавцы, но и государственные и общественные деятели. Неустойчивость в постановке задач регулирования отрасли, недостаток контроля на местах, а еще более снижение цен на хлеб, что было свойственно не только России, но и всем европейским странам в то время, вызвали падение государственных доходов [44. С. 80].

Восстановление откупной торговли 1827 г.

В 1825 г. правительство провело полную ревизию и оценку питейных заведений, находящихся не только в городах, но и в уездах. Для исполнения намеченного плана по восстановлению откупов на взыскание питейного сбора был издан ряд указов. На рассмотрение Государственного совета 14 июля 1826 г. был представлен и проект министра финансов Е.Ф. Канкрин. В итоге с 1827 г. «*для «сколь можно с общия пользы Государственных доходов с частными пользами промышленности и наипаче с выгодами земледелия и частного хозяйства*» в Российской империи была восстановлена откупная система. При возобновлении откупов были приняты правила, существовавшие до введения казенной системы управления. С этого времени в результате очередного воссоздания откупной системы питейный доход стал увеличиваться. Правда, увеличивались и откупные недоимки, что подтверждало несовершенство откупной системы. В результате откупные условия снова были изменены и в измененном виде действовали вплоть до 1844 г.

Система акцизно-откупного комиссионерства 1847–1862 гг.

В 1844 г. правительству был представлен проект купца В.А. Кокорева об изменениях откупной системы, дурное устройство которой, по словам автора, вело к тому, что «часть денег остается не выбранною из капитала, обильно вращающегося в народе». Суть предложенной системы сводилась к предложению: «1. продать более разлитых питей и в особенности водок, как продукта более многоценного; 2. заменить всех сидельцев и поверенных такими людьми, которые “трудятся из насущного лишь хлеба”, а доходы их обратить в откуп; 3. вообще “дать делу утонченно-торговый вид и уничтожить соперничество, встречаемое откупами от некоторых торговлей”». Граф Ф.П. Вронченко, будучи в то время министром финансов, также предоставил доклад, в соответствии с которым предлагалось преобразовать откупную торговлю и установить новые правила, предусмотренные системой акцизно-откупного комиссионерства. Новая система, принятая с 1847 г., не улучшила существующую ситуацию [47. С. 124]. Ее результатом стало значительное поднятие откупщиками цен на питье и существенное снижение качества продаваемого вина. Это послужило причиной отказа населения покупать вино у откупщиков, что в свою очередь привело к снижению питейного дохода и росту долгов виноторговцев перед казной.

На фоне такого положения дел в 1852 г. был разработан проект о введении *Положения о продаже казенного вина*, затем высочайше утвержденный [48]. П.Ф. Брок, министр финансов (1852–1858 гг.), указывал на усиление продажи на вынос, проектируя правила такой продажи. Предполагалось допустить ее во всех торговых заведениях для развития домашнего потребления вина. В соответствии с Положением оптовая, на вынос, продажа полугарного вина и двойного спирта, а в уездах, пограничных с привилегированными губерниями, и пьяного вина должна была осуществляться от казны особыми распорядителями. Дробная же продажа этого вина и изделий из него на вынос и распивочно оставалась предметом свободной торговли [48]. Однако Крымская война и острая нехватка денежных средств привели к тому, что питейная реформа была отложена [49. С. 20]. Система, нашедшая отражение в Положении о продаже казенного вина, предполагала переход к чисто акцизной и «более нравственной» конструкции. Она не была реализована ни в первоначальной редакции, ни в редакции 1858 г. С начала Крымской войны откупа были продолжены на два года без торгов, потом на 2 года с торгами, а потом опять на 4 года. В итоге в 1859–1862 гг. опять производились торги с измененными условиями, чтобы в 1863 г. ввести окончательно акцизную систему. Откупщики были в курсе готовящейся реформации, потому максимально постарались не остаться без прибыли (в убытке) и дали казне на 30 млн больше, чем раньше. Это не прошло бесследно и вызвало со стороны населения при поддержке духовенства возникновение обществ трезвости с полномочиями приговаривать к «непитию» и налагать штраф

на нарушителей. Дороговизна и низкое качество вина, к полному удивлению откупщиков и финансового управления, породили распространение движения за трезвость.

К сожалению, из-за того, что акциз был больше суммы, получаемой с заведения, Министерство финансов мирилось с состоянием дел у откупщиков, а государю вопрос представлялся с позитивной стороны. Как следствие, в марте 1858 г. Министерство внутренних дел издало распоряжения, где запрещались формальные приговоры по отношению к частным лицам со штрафами и наказаниями, а сами люди могли выбирать, сохранять ли им трезвость.

Акцизная система 1863–1894 гг. и государственная винная монополия 1895 г.

В конце 50-х гг. XIX в. страна жила в ожидании кардинальных изменений, назревала отмена крепостного права. Откупа все больше представлялись неблагоприятным пережитком старой системы. В этой связи в 1858 г. при Министерстве финансов была создана комиссия, которая подготовила основные предложения по кардинальному преобразованию регулирования алкогольной отрасли. По итогам ее работы с 1 января 1863 г. была введена акцизная система взимания питейного дохода, правовые основы которой были изложены в утвержденном 4 июля 1861 г. Положении о питейном сборе [50]. Реформа 1863 г. рассматривалась современниками как переход русского общества к более совершенным формам фискального государственного управления [51]. Введение акцизной системы позволило существенно увеличить доход от алкогольной отрасли. Однако, растущие финансовые выгоды негативно сказались на состоянии общества и привели к существенной алкоголизации населения страны. Это опять вынудило правительство обратиться к казенной продаже питей как фактору усилению государственного контроля алкогольной отрасли, что и было введено Положением о казенной продаже питей от 6 июня 1894 г. [12]. Заметим, что в период 1895–1902 гг. в руках казны шло постепенное сосредоточение продажи и отчасти очистки (ректификации) вина (спирта), что характеризовало положение дел в алкогольной сфере как винную монополию.

Конец XIX в. стал временем новых изменений в регулировании алкогольной отрасли, когда с 1895 г. в разных губерниях империи постепенно вводится государственная винная монополия. Этим преследовались две основные цели: во-первых, улучшить качество производимого и реализуемого хлебного вина, а во-вторых, изменить число и характер заведений, торгующих алкогольными напитками [52. С. 41]. Винокурение оставалось в руках частных лиц, но открытие новых заводов в районах монополии могло быть осуществлено только с разрешения Министерства финансов по согласованию с министром земледелия и государственных имуществ. Так, винокурение (подобно сахароварению) стало подлежать нормировке. Продажа вина (водки и спирта) должна была производиться из казенных винных лавок и оптовых складов. Также казна могла поручать продажу производимых государством и частными субъектами

алкогольных продуктов частным винным продавцам. Вся торговля производилась только на вынос. Право распивочной торговли было сохранено за трактирными заведениями при уплате особого сбора, которые могли продавать алкогольные напитки только в запечатанной посуде и по установленным правительством ценам.

Существуют различные мнения о результатах введения и действия винной монополии. Одни исследователи склонны полагать, что установление казенной продажи вина положительным образом сказалось на социальной ситуации в стране, достигнув цели — уменьшения пьянства народа. Другие, наоборот, считают, что именно эти меры крайне негативно сказались на обществе. Все же сакраментальный вопрос о пользе и вреде для общества и государства винной монополии — одного из направлений развития питейной политики в России XVII–XIX вв. — однозначного ответа не получил.

Заключение

Итак, порядок передачи и реализации прав на оборот алкоголя был обусловлен экономическими, политическими или социальными целями правительства, важными для государства в тот или иной период. Устанавливаемый режим управления алкогольной отраслью определял места производства и продажи питей; субъектов, наделенных правами в алкогольной сфере; требования к производителям и розничным продавцам и т.д. Основным фискальным интересом для государства в XVII–XIX вв. представлял питейный сбор. Поэтому особенности государственного регулирования производства и оборота алкоголя зависели от того, оставляло ли правительство за собой право на винную торговлю и взыскание питейного сбора, т.е. вводило винную монополию, либо передавало это право частным лицам, отдавая на откуп.

Ретроспективный взгляд на историю развития алкогольной отрасли в России позволяет высказать суждение о том, что не совсем корректно смешивать

регалии и монополии, а также отождествлять винную монополию и так называемую водочную, особенно когда речь идет о периоде до XVIII в. Откупа логично рассматривать не как прообраз акцизов, а как самостоятельную форму взимания питейного сбора. Кроме того, представляется ошибочным выделение такой особенности винной монополии 1819 г., как установление исключительного права государства на производство и оптовую продажу водки при отдаче розничной торговли в частные руки. Представляется, что государственная питейная торговля во времена принятия Питейного устава не исключала частную торговлю алкогольными напитками, в то время как казенные ведерные лавочки действовали в относительно узком сегменте оборота алкоголя — открывались только для продажи на вынос «в дома» вина полугарного и пенного, которое, наряду с другими видами алкогольных напитков, могло быть реализовано и в питейных домах, что подтверждается правовыми актами того периода [46].

Можно заметить, что в основе выбора модели государственного регулирования производства и оборота алкогольных напитков на территории Великороссийских губерний всегда лежали две основные составляющие: получение казенного дохода и борьба с пьянством. В те исторические периоды, когда фискальный интерес доминировал над социальным, существовала откупная торговля. Когда же уровень пьянства становился угрожающе высоким, а питейные прибыли государства снижались, власти устанавливали монополию, прежде всего, на розничную продажу питей. В России XVII–XIX вв. чаще преобладали государственные фискальные интересы. Они и определили основные направления государственной питейной политики. С этой точки зрения, в рамках развития алкогольной отрасли, государство за несколько столетий создало государственную систему регулирования производства и оборота алкоголя, позволяющую бесперебойно получать весьма значительный питейный доход.

Примечания

¹ При использовании термина «дореволюционный» имеется в виду период истории России до 1917 г. Данная статья охватывает временной период XVII–XIX вв., что обусловлено особенностями формирования именно винной алкогольной монополии.

² Имеется в виду Российское государство до 1917 г.

Список источников

1. Mäkinen I.H., Reitan T.C. Continuity and Change in Russian Alcohol Consumption from the Tsars to Transition // *Social History*. 2006. Vol. 31, № 2. P. 160–179. URL: <https://www.jstor.org/stable/4287330> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Nemtsov A. A Contemporary History of Alcohol in Russia. Stockholm, 2011. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:425342/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).
3. Fedun S. How Alcohol Conquered Russia. A history of the country's struggle with alcoholism, and why the government has done so little about it // *The Atlantic*. 25.09.2013. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/how-alcohol-conquered-russia/279965/> (дата обращения: 28.12.2021).
4. Birch D. Russia's history written in vodka // *The Baltimore Sun*. 2002. URL: <https://www.baltimoresun.com/news/bs-xpm-2002-02-23-0202230133-story.html> (дата обращения: 28.12.2021).
5. Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка за 2020 год // Официальный сайт Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка. 2021. URL: <https://fsrar.gov.ru/files/23112> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р «О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г.» // СПС КонсультантПлюс.

7. Указ Президента РФ от 11 июня 1993 № 918 «О восстановлении государственной монополии на производство, хранение, оптовую и розничную продажу алкогольной продукции» (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 22 ноября 1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СПС КонсультантПлюс.
9. Проект Федерального закона № 279547-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // СПС КонсультантПлюс.
10. Спасёт ли госмонополия на алкоголь нацию от пьянства? // Парламентская газета. 2021. URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/07/20/spasyot-li-gosmonopoliya-naalkogol-naciyu-otpyanstva.html>
11. Похлебкин В.В. История водки. М., 2014. С. 56.
12. Высочайше утвержденное Положение «О казенной продаже питей» от 6 июня 1894 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885–1916. Т. 14. (далее – ПСЗ. 3). № 10766. С. 404.
13. Наказ Гостю Кирилу Лобазному «О сборе на Московском отдаточном дворе денежной казны» от 30 августа (1698) // ПСЗ. 1. Т. 3. № 1642. С. 469.
14. «Наказ, данный Всесвятого каменного мосту Голов Гостинной сотни Ивану Вихляеву, для сбора денежной казны у питейной продажи и других мелких пошлин» от 1 сентября 1696 года (1696) // ПСЗ. 1. Т. 3. № 1548. С. 261.
15. Фридман М.И. Винная монополия : в 2 т. СПб., 1916. С. 1.
16. Савостин В.А. Публично-правовые аспекты алкогольной политики российского государства // Бизнес в законе. 2011. С. 35.
17. Ячменев Г.Г. История винной монополии в России (финансово-правовой аспект). 2010. С. 45–50.
18. Витте С.Ю. Конспект лекции о народном и государственном хозяйстве, читанный его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 году. СПб., 1912. С. 82.
19. Апарышев И.А. История государственного регулирования алкогольного рынка в России // История государства и права. 2012. № 19. С. 38–40.
20. Родионов Б.В. Правда и ложь о русской водке. АнтиПохлебкин. М., 2013. С. 79–98.
21. Именной указ «О бытии во всех городах и в Государевых больших селах, по одному кружечному двору» от 30 декабря 1651 года // ПСЗ. 1. Т. 2. № 72. С. 262. С. 262.
22. Именной указ «О недозволенном Боярам и приказным людям содержать в вотчинах и по городам кабаки и кружечные дворы, и о содержании оных дворов только в городах» от 9 сентября 1652 года // ПСЗ. 1. Т. 1. № 82. С. 271.
23. Таможенная книга 1680 г. СПб., 1911. С. 150.
24. Толстой Д.О. О винной регалии в России до времен Петра-Великого // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 23, № 8. С. 54.
25. Именной указ «О содержании кабаков и кружечных дворов во всех городах, также в помещичьих и вотчинниковых селах и слободах на откуп и на вере» от 15 июня 1663 года // ПСЗ. 1. Т. 1. № 340. С. 579.
26. Именной указ с Боярским приговором от 18 июля «О продаже питей» // ПСЗ. 1. Т. 2. № 879. С. 332.
27. Именной указ с Боярским приговором «О небытии на откупе кабакам в Подмосковных ближних селах и о продаже в тех кабаках вина по той же указной цене, по которой оное продается с отдаточного двора в Москве» от 25 января 1681 года // ПСЗ. 1. Т. 2. № 859. С. 295.
28. Грамота Новгородскому Воеводе Боярину Василию Семеновичу Волынскому «Об отдачи в казенное распоряжение во всей России таможен и кружечных дворов в 1 сентября наступающего года, и об отмене откупа по случаю оказавшихся больших недоимок» от 23 июля 1681 года // ПСЗ. 1. Т. 2. № 882. С. 342.
29. Именной указ с Боярским приговором «О продаже вина с кружечных дворов, которые от Москвы во 150 верстах и ближе, указанными ценами, и о непокупке оного нигде кроме кружечных дворов» от 29 декабря 1682 года // ПСЗ. 1. Т. 2. № 977. С. 485.
30. Указ Именной, состоявшийся в Ратуше от 12 июня 1705 года «Об отдаче питейных и других сборов на откуп людям правдивым и усердным и о наблюдении Бурмистрам, чтобы питья продаваемы были из разных питейных домов уравнительными ценами и одинаковыми мерами» // ПСЗ. 1. Т. 4. № 2059. С. 309.
31. Именной указ, объявленный Сенату Генералом, Графом Фермором «Об учреждении Комиссии для рассмотрения о Государственных соляных и винных сборах. С приложением Инструкции Членам оной Комиссии» от 23 марта 1764 года // ПСЗ. 1. Т. 16. № 12105. С. 672.
32. Именной указ, данный сенату «Об упразднении комиссии по соляным и винным сборам» от 20 июня 1768 года // ПСЗ. 1. Т. 18. № 13137. С. 693.
33. Сенатский указ «О вызове желающих принять питейные сборы на откуп, с приложением Высочайше утвержденного по сему предмету доклада» от 3 августа 1766 года // ПСЗ. 1. Т. 17. № 12713. С. 914.
34. Сенатский указ «О взыскании недоимок по питейным сборам» от 5 октября 1776 года // ПСЗ. 1. Т. 20. № 14515. С. 418.
35. Именной, данный Генерал-Прокурору от 22 августа 1794 года «О дозволении дворянам курить вино в их вотчинах» // ПСЗ. 1. Т. 23. № 17245. С. 551.
36. Сенатский указ «О запрещении заводить в удельных имениях питейные дома без согласия Удельного Департамента» от 17 декабря 1803 года // ПСЗ. 1. Т. 27. № 21082. С. 1067.
37. Сенатский указ «О взыскании недоимок по питейным откупам» от 20 апреля 1814 года // ПСЗ. 1. Т. 32. № 25574. С. 776.
38. Сенатский указ «О проступании во взыскании питейных недоимок с откупщиков по указу 1776 года» от 19 мая 1811 года // ПСЗ. 1. Т. 31. № 24640. С. 656.
39. Сенатский указ «О понуждении содержателей винных сборов к платежу откупной суммы» от 20 марта 1813 года // ПСЗ. 1. Т. 32. № 25358. С. 347.
40. Сенатский Указ от 20 апреля 1814 года «О взыскании недоимок по питейным откупам» // ПСЗ. 1. Т. 32. № 25574. С. 777.
41. Мнение Государственного Совета «Об учреждении по Губерниям особых Комиссий для исследования причин недоимки по винным откупам, и о способах поддержания и управления питейных сборов» от 29 апреля 1814 года // ПСЗ. 1. Т. 32. № 25578. С. 779.
42. Устав о питейном сборе и учреждение для управления питейного сбора в 29 Великороссийских губерниях, на основании устава от 2 апреля 1817 года // ПСЗ. 1. Т. 34. № 26764. С. 134.
43. Артемьева Л.В. Социальная и экономическая политика Российского государства в области производства и реализации алкоголя: исторический опыт и варианты развития // Транспортное дело России. 2014. № 6. С. 116–118.
44. Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 3. СПб., 1882. С. 87.
45. Белокрылова О.С., Дыкина Д.В. Принципы формирования государственной политики регулирования алкогольной отрасли: историко-генетический подход // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 3. С. 30–39.
46. Высочайше утвержденное положение «О продаже хлебного вина в дома в 29 Великороссийских Губерниях с 1 Января 1819 года» от 3 августа 1818 года // ПСЗ. 1. Т. 37. № 27444. С. 367–368.
47. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902. С. 124.
48. Высочайше утвержденное «Положение о продаже казенного вина и изделий из оного в Великороссийских губерниях на четырехлетие с 1855 по 1859 г.» от 8 февраля 1854 года // ПСЗ. 2. Т. 29. Ч. 1. № 27912. С. 77.
49. Лебедев В.А. Питейное дело. СПб., 1898. С. 20.
50. Именной указ, данный Сенату от 4 июля 1861 года «Высочайше утвержденное положение о питейном сборе» // ПСЗ. 2. Т. 36. Ч. 2. № 37197. С. 39.

51. Захарова Л.Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж. Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 137.
52. Дембо Г.И. Алкоголизм и борьба с ним. Киев, 1900.

References

1. Mäkinen, I.H. & Reitan, T.C. (2006) Continuity and Change in Russian Alcohol Consumption from the Tsars to Transition. *Social History*. 31 (2). pp. 160–179. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/4287330> (Accessed: 20.12.2021).
2. Nemtsov, A. (2011) *A Contemporary History of Alcohol in Russia*. Stockholm: Soder-torns hogskola. [Online] Available from: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:425342/FULLTEXT01.pdf> (Accessed: 27.12.2021).
3. Fedun, S. (2013) How Alcohol Conquered Russia. A history of the country's struggle with alcoholism, and why the government has done so little about it. *The Atlantic*. 25 September. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/how-alcohol-conquered-russia/279965/> (Accessed: 28.12.2021).
4. Birch, D. (2002) Russia's history written in vodka. *The Baltimore Sun*. [Online] Available from: <https://www.baltimoresun.com/news/bs-xpm-2002-02-23-0202230133-story.html> (Accessed: 28.12.2021).
5. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby po regulirovaniyu alkogol'nogo rynka [Official website of the Federal Service for Alcohol Market Regulation]. (2021) *Final report on the results of the activities of the Federal Service for Alcohol Market Regulation for 2020*. [Online] Available from: <https://fsrar.gov.ru/files/23112> (Accessed: 15.01.2021). (In Russian).
6. Consultant Plus. (2009) *Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009, No. 2128-r "On the Concept for the Implementation of State Policy to Reduce the Abuse of Alcoholic Products and Prevent Alcoholism among the Population of the Russian Federation for the Period until 2020"*. (In Russian).
7. Consultant Plus. (1993) *Decree of the President of the Russian Federation of June 11, 1993, No. 918 "On the restoration of the state monopoly on the production, storage, wholesale and retail sale of alcoholic products"* (void). (In Russian).
8. Consultant Plus. (1995) *Federal Law of November 22, 1995, No. 171-FZ "On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on limiting the consumption (drinking) of alcoholic products"*. (In Russian).
9. Consultant Plus. (n.d.) *Draft Federal Law No. 279547-4 "On Amendments to the Federal Law "On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products"*. (In Russian).
10. *Parlamentnaya gazeta*. (2016) Spaset li gosmonopoliya na alkogol' natsiyu ot p'yanstva? [Will the state monopoly on alcohol save the nation from drunkenness?]. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/social/2016/07/20/spasyot-li-gosmonopoliya-naalkogol-naciyu-otpyanstva.html>
11. Pokhlebin, V.V. (2014) *Istoriya vodki* [History of vodka]. Moscow: Eksmo.
12. Russian Empire. (1885–1916) *Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie "O kazennoy prodazhe pitey" ot 6 iyunya 1894 goda* [The Highly Approved Regulation "On the state sale of drinks" of June 6, 1894]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 14. No. 10766. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. p. 404.
13. Russian Empire. (1830) Instruction to Kiril Lobazny on collecting the cash treasury at the Moscow farming yard, August 30 (1698). In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3. No. 1642. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 469. (In Russian).
14. Russian Empire. (1830) Instruction given to Ivan Vikhlyayev on collecting the cash treasury from the drinking sale and other small duties, September 1, 1696. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3. No. 1548. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. p. 261. (In Russian).
15. Fridman, M.I. (1916) *Vinnaya monopoliya: v 2 t.* [Wine monopoly: in 2 volumes]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Savostin, V.A. (2011) Official aspects of Russian state alcoholic policy. *Biznes v zakone*. (In Russian).
17. Yachmenev, G.G. (2010) *Istoriya vinnoy monopolii v Rossii (finansovo-pravovoy aspekt)* [History of wine monopoly in Russia (financial and legal aspect)]. Moscow: Yurist. pp. 45–50.
18. Vitte, S.Yu. (1912) *Konspekt lektii o narodnom i gosudarstvennom khozyaystve, chitanny ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900–1902 godu* [Abstract of a lecture on the national and state economy, delivered to His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich in 1900–1902]. St. Petersburg: [s.n.].
19. Aparyshev, I.A. (2012) *Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya alkogol'nogo rynka v Rossii* [History of state regulation of the alcohol market in Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 19. pp. 38–40.
20. Rodionov, B.V. (2013) *Pravda i lozh' o russkoy vodke. AntiPokhlebin* [Truth and lies about Russian vodka. AntiPokhlebin]. Moscow: AST. pp. 79–98.
21. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict "On having one tavern in all cities and in the sovereign's large villages", December 30, 1651. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. No. 72. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 262. (In Russian).
22. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict "On the prohibition for Boyars and officials to keep pubs and taverns in estates and towns, and on keeping them only in cities", September 9, 1652. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 1. No. 82. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 271. (In Russian).
23. Anon. (1911) *Tamozhennaya kniga 1680 g.* [Customs book of 1680]. St. Petersburg: [s.n.]. p. 150.
24. Tolstoy, D.O. (1842) O vinnoy regalii v Rossii do vremen Petra-Velikogo [On the wine regalia in Russia before the time of Peter the Great]. *Otechestvennye zapiski*. 23 (8). p. 54.
25. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict "On the maintenance of pubs and taverns in all cities, as well as in landlord and estate villages and settlements, in the form of farming and partnership", June 15, 1663. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 1. No. 340. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 579. (In Russian).
26. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict with the Boyar verdict of July 18 "On the sale of drinks". In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2. No. 879. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 332. (In Russian).
27. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict with the Boyar verdict "On the non-existence of farming of taverns in the suburban villages near Moscow and on the sale of wine in those taverns at the price it is sold from a farming yard in Moscow", January 25, 1681. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2. No. 859. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 295. (In Russian).
28. Russian Empire. (1830) Certificate to the Novgorod Voivod Boyar Vasily Semenovich Volynsky "On the transfer to state disposal of customs and taverns in all of Russia on September 1 of this year, and on the abolition of farming on the occasion of large arrears", July 23, 1681. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2. No. 882. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 342. (In Russian).

29. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict with the Boyar verdict "On the sale of wine from taverns, which are 150 versts and closer from Moscow, at the indicated prices, and on not buying it anywhere except taverns", December 29, 1682. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2. No. 977. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 485. (In Russian).
30. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict issued in the Town Hall on June 12, 1705, "On the return of drinking and other fees to the truthful and zealous people and on mayors' control over equal prices and volumes of drinks sold from different drinking houses". In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4. No. 2059. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 309. (In Russian).
31. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict announced to the Senate by General Count Fermor "On the establishment of a Commission for the consideration of the state salt and wine fees. With the appendix of the Instruction to the Members of the Commission", March 23, 1764. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 16. No. 12105. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 672. (In Russian).
32. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict given to the Senate "On the abolition of the Commission on salt and wine fees", June 20, 1768. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 18. No. 13137. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 693. (In Russian).
33. Russian Empire. (1830) Senate decree "On the call for those wishing to farm drinking fees, with the application of the highly approved report on this subject", August 3, 1766. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 17. No. 12713. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 914. (In Russian).
34. Russian Empire. (1830) Senate decree "On the recovery of arrears on drinking farms", October 5, 1776. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 20. No. 14515. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 418. (In Russian).
35. Russian Empire. (1830) The Imperial Majesty's Edict to the Prosecutor General on August 22, 1794, "On allowing nobles to brew wine in their estates". In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 23. No. 17245. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 551. (In Russian).
36. Russian Empire. (1830) Senate decree "On the prohibition of starting pubs in specific estates without the consent of the Specific Department", December 17, 1803. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 27. No. 21082. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 1067.
37. Russian Empire. (1830) Senate decree "On the recovery of arrears on drinking farms", April 20, 1814. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 32. No. 25574. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 776. (In Russian).
38. Russian Empire. (1830) Senate Decree "On treachery in the recovery of drinking arrears from tax-farmers by decree of 1776", May 19, 1811. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 31. No. 24640. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 656. (In Russian).
39. Russian Empire. (1830) Senate Decree "On compelling the keepers of wine collections to pay the farming sum", March 20, 1813. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 32. No. 25358. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 347. (In Russian).
40. Russian Empire. (1830) Senate Decree of April 20, 1814, "On the recovery of arrears on drinking farms". In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 32. No. 25574. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 777. (In Russian).
41. Russian Empire. (1830) State Council's Opinion "On the Establishment of Special Commissions for the Provinces to Study the Causes of Arrears in Wine Farming; and on Ways to Maintain and Manage drinking fees", April 29, 1814. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 32. No. 25578. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 779. (In Russian).
42. Russian Empire. (1830) The charter on the drinking tax and the institution for managing the drinking tax in 29 Great Russian provinces, on the basis of the charter of April 2, 1817. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 34. No. 26764. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 134.
43. Artem'eva, L.V. (2014) Sotsial'naya i ekonomicheskaya politika Rossiyskogo gosudarstva v oblasti proizvodstva i realizatsii alkogolya: istoricheskiy opyt i varianty razvitiya [Social and economic policy of the Russian state in the field of production and sale of alcohol: historical experience and development options]. *Transportnoe delo Rossii*. 6. pp. 116–118.
44. Bliokh, I.S. (1882) *Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya – statistika* [Finance of Russia in the 19th century. History – statistics]. Vol. 3. St. Petersburg: [s.n.].
45. Belokrylova, O.S. & Dykina, D.V. (2015) Principles of state policy regulation of alcohol branch: Historical-genetic analysis. *Journal of Economic Regulation*. 6 (3). pp. 30–39. (In Russian).
46. Russian Empire. (1830) The highly approved regulation "On the sale of bread wine to houses in 29 Great Russian Provinces from January 1, 1819", August 3, 1818. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 37. No. 27444. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 367–368.
47. Seredonin, S.M. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov* [Historical overview of the activities of the Committee of Ministers]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
48. Russian Empire. (1830–1885) The highly approved "Regulations on the sale of state-owned wine and products from it in the Great Russian provinces for the four years from 1855 to 1859", February 8, 1854. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 29. Part 1. No. 27912. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 77. (In Russian).
49. Lebedev, V.A. (1898) *Piteynoe delo* [Drinking business]. St. Petersburg: [s.n.].
50. Russian Empire. (1830–1885) The Imperial Majesty's Edict given to the Senate on July 4, 1861, "The highly approved regulation on the drinking tax". In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 36. Part 2. No. 37197. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. p. 39. (In Russian).
51. Zakharova, L.G., Eklof, B. & Bushnell, Dzh. (1992) *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874* [Great reforms in Russia. 1856–1874]. Moscow: Moscow State University.
52. Dembo, G.I. (1900) *Alkogolizm i bor'ba s nim* [Alcoholism and the fight against it]. Kyiv: [s.n.].

Информация об авторах:

Михеева И.В. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Нижний Новгород, Россия) E-mail: imikheeva@hse.ru

Пронина Н.В. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Нижний Новгород, Россия) E-mail: n.pronina@ursa-lawyer.ru
Логинова А.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Нижний Новгород, Россия) E-mail: aloginova@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Mikheeva, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: imikheeva@hse.ru

N.V. Pronina, senior lecturer, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: n.pronina@ursa-lawyer.ru

A.S. Loginova, Cand. Sci. (Law), associate professor, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: aloginova@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 05.04.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.09.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 482. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.09.2022 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5337. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.02.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.А. Цыганковой
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru